Вятский государственный гуманитарный университет

ВЕСТНИК ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научно-методический журнал

№ 14

Киров
2006

ББК 74.58 я 5

В 38

Главный редактор

В. С. Данюшенков

Редакционная коллегия:

Е. М. Вечтомов (зам. главного редактора),
В. Т. Юнгблюд (зам. главного редактора),
Е. О. Галицких (отв. секретарь),
А. М. Слободчиков, В. Н. Оношко,
Н. О. Осипова, В. Ф. Юлов,
Е. В. Алалыкина (перевод)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Ленина, 111,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 673-674 (издательство)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Боброва

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

ISBN 5-93825-314-4

© Вятский государственный гуманитарный университет, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Данюшенков В. С. Итоги работы Вятского государственного гуманитарного университета в 2005–2006 учебном году 6

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Вечтомов Е. М. Метафизика или постмодернизм? 14
Юлов В. Ф. О сенсуализме в аксиологии и эпистемологии 24

ИСТОРИЯ

Валеев Н. М. Культурно-цивилизационные и геополитические перспективы евразийства: исторический опыт и новые подходы 32
Машковцев А. А. Организация охраны особо важных объектов и борьба с немецкой агентурой на территории Кировской области в годы Великой Отечественной войны 35
Соловьева И. А. Политические настроения населения Вятской губернии летом – осенью 1918 года 38
Ермаков А. М. Союз немецких девушек и реформа женского образования в нацистской Германии 42
Юнгблюд В. Т. Вклад неправительственных исследовательских организаций США в изучение международных отношений (1933–1941 гг.) 49

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кононов П. И., Чепурных М. В. Административный судебный контроль в системе российского судопроизводства 60
Ившина И. Н. Проблемы асимметрии канадского федерализма 66
Гладких В. И. Экономическая безопасность Российской Федерации: к вопросу о понятии, структуре, угрозах, противодействии 76

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лицарева К. С. Проблема колебаний иерархий и репутаций в современном литературном процессе 85
Федотов О. И. Сонеты из страны стихов (Сонеты в строфическом репертуаре Владимира Набокова) 89
Байкова О. В. Исторические чередования гласных в немецких говорах (идиолектах) Кировской области 104
Кропотова Л. В. Лексикографические аспекты полисемии 107
Кудреватых Л. П. Современные трактовки семантических типов слов в лингвистике 110
Болдова Т. А. Компаративистская имагология 114

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Галицких Е. О. Герменевтический подход к гуманитарному знанию 116
Лебедева О. В. Гражданское образование в историко-педагогическом процессе России 121
Ковров В. В. Психолого-педагогический анализ сущности феномена самореализации человека 127
Низовских Н. А. Психосемантический подход к личностному саморазвитию человека 136
Богдалова И. А., Иванов С. Ю., Окулов С. М. Искусство описания проблемного пространства в информатике 143

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Ашихмина Т. Я., Домрачева Л. И., Кондакова Л. В., Дабах Е. В., Кантор Г. Я., Калинин А. А., Вараксина А. И., Огородникова С. Ю. Эколого-аналитический мониторинг антропогенно-нарушенных почв 153
Калинин С. И. О доказательстве основных теорем дифференциального исчисления функций нескольких переменных методов Каратеодори 170
Кононова Т. Н., Циркин В. И., Тулякова О. В., Четверикова Е. В., Жукова Е. А., Трухина С. И. Изучение связи между содержанием в организме эндогенных модуляторов хемореактивности и уровнем психического и физического развития у первоклассников 173
Пахомов М. М., Пахомова О. М. Эволюция ландшафтов и некоторые черты истории флоры и растительности Вятского края 183

УЧЕНЫЕ – ШКОЛЕ

Коршунова О. В. Тенденции интегративно-дифференцированного характера в образовательной деятельности современной сельской школы 191

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Вечтомова Ю. Е. Провинциальные музеи в конце XIX – начале XX в. и деятельность Трифоновского церковно-археологического музея в Вятке 204
Колеватых Е. А. Арийские реминисценции в топонимии Вятско-Ветлужского региона 212
Чучкалов А. В. Американская дипломатия и закрытие школ пресвитерианской образовательной миссии в Иране (август 1939 – январь 1942 гг.) 222
Гурьянов М. М. Правовое регулирование деятельности земских начальников в Российской империи 233
Фольгерова Ю. Н. Перепланировка жилых помещений 239
Чанг Хунг-Йу. Поэтизмы со значением цвета в лирике В. Брюсова 243

ПЕРСОНАЛИИ

Евгению Степановичу Канину – 80 лет 248
Ирина Иссаковна Подгорная 250
Аркадию Михайловичу Слободчикову – 65 лет 251
Экспертному научному совету ВятГГУ – 10 лет 253

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бажин К. С. Итоги студенческой научной сессии 2005–2006 учебного года 254
Бажин К. С., Шкурихина В. М. Актуальность студенческой научной деятельности: результаты анкетирования 255
Малова Т. В. Преемственность дошкольного и начального образования: реальность и перспективы (по материалам областной научно-практической конференции) 258
Рябов Ю. М. Открытие музея истории ВятГГУ 259

CONTENTS

Danushenkov V. S. Work`s balances of university

Vechtomov E. M. Metaphysic or postmodernism?

Yulov V. F. About Sensualism in Axeology and Epistemology

Valeev N. M. Cultural, civilized and geopolitical perspectives of Eurasia: historical experience and new approaches

Mashkovtsev A. A. Arranging of the security system of the most important strategict objekts and strugle against german secret service on the territory of the Kirov region during the Great Patriotic War

Solovjova I. A. Political attitude of the population of the Vyatka region in summer – autumn 1918 year

Ermakov A. M. Union of german girls and reform of woman's education in Nazi Germany

Yungblud V. T. Investment of nongovernmental organizations of USA in international relations study

Kononov P. I., Chepurnykh M. V. Administrative judicial control in Russian law procedure

Ivshina I. N. Problems of asymmetry Canadian federalism

Gladkikh V. I. The Economic Security of the Russian Federation: on the Problem of Definition, Structure, Threats, Opposition

Litsareva K. S. The Problem of Non-stability of Hierarchies and Reputations in Contemporary Literary Process

Fedotov O. I. The Sonnets from the Land of Poems (The Sonnet in V. Nabokov's Strophic Repertoire)

Baykova O. V. Historical Alternation in the German Speech in the Kirov Region

Kropotova L. V. Lexicographical aspects of polysemy

Koudrevatykh L. P. Modern treatment of words semantic in linguistics

Boldova T. A. Comparation imagology

Galitskich E. O. The hermeneutic approach to human knowledge

Lebedeva O. Civic education in the historic-pedagogycal process of Russia

Kovrov V. V. Psychological and pedagogical analysis of the essence of person's self-realization phenomenon.

Nizovskykh N. A. Psychosemantic approach to person self-development of individual

Bogdalova I. A., Ivanov S. Yu., Okulov S. M. Description's art of problem space in informatic

Ashikhmina T. Ya., Domracheva L. I., Kondakova L. V., Dabakh E. V., Kantor G. Ya., Kalinin A. A., Varaksina A. I., Ogorodnikova S. Yu. Ecologo-analytic monitoring of antropogenic-disturbed soils

Kalinin S. I. About the proofs of the basic theorems of differential calculation several variables functions by Carathéodory method

Kononova T. N., Tsirkin V. I., Tulyakova O. V., Tchetverikova E. V., Zhukova E. A., Trukhina S. I. Investigation of link between maintenance of endogenic modulators of chemoreactivity in organism and level of mental and physical development of first-form pupils

Pakhomov M. M., Pakhomova O. M. Evolution of landscapes and some episodes history of the flora and vegetation Vyatka region

Korshunova O. V. The integrational and differentiational tendencies in the educational activity of modern village school

Vechtomova U. E. Provincial museums at the 19th and beginning of 20th and activity of Trifons church-archaeological museum in Vyatka

Kolevatykh E. A. Aryan reminiscences in toponymy of Vyatka-Vetlugian region

Chuchkalov A. V. The American diplomacy and closing of schools of Presbyterian educational mission in Iran (August, 1939 – January, 1942)

Gurjanov M. M. The legal regulation of zemstvo heads activities in the Russian Empire

Folgerova Yu. N. Change the plan vein premiseses

Hung-Ju Ch. Poetisms with the signification of colour in the lyrics of V. Brusov

Bazhin K. S. Work's balances of student scientific session 2005–2006 y.

Bazhin K. S., Shkurikhina V. M. Actuality of student scientific activity: results of questionnaire design

Malova T. V. Succession of pre-school and primary education: reality and perspectives

Ryabov Yu. M. Museum's of history VSHU opening

В. С. Данюшенков

ИТОГИ РАБОТЫ ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА В 2005–2006 УЧЕБНОМ ГОДУ

В 2005–2006 учебном году, когда российские вузы переживают реформирование системы образования. Это и неудивительно! Ведь образование определяет условия развития общества, залог его экономического процветания и политической стабильности. Поэтому реформирование образования стало частью государственной политики. Об этом говорил и Президент В. В. Путин: «Считаю, что должен быть изменен сам подход к образованию. В эпоху глобализации и новых технологий – это не просто социальная сфера. Это вложение средств в будущее страны, в котором участвуют компании и общественные организации, все граждане без исключения, все заинтересованные в качественном образовании наших детей».

Сегодняшняя система образования значительно отличается от той, которая была 20 лет назад. Новые вызовы времени задают новые пути развития образования. Действительно, глобализация, инновационная экономика, информационное общество, конкурентоспособность требуют реформирования не только системы образования, но и каждого компонента этой системы, например университета.

Университет, как сказал ректор МГУ В. А. Садовничий, есть сложная система, которой присущи свои внутренние законы. Развитие университета представляет собой своего рода автоколебательный процесс. В зависимости от смены приоритетов в образовательных целях меняются содержание образования, методы и формы работы со студентами, их число и состав.

Поэтому, чтобы уберечь университет от резких потрясений, мы с вами определили миссию вуза и стратегию его развития до 2009 года. Это и правильно, ибо «кто не знает, в какую гавань плыть, для того нет попутного ветра», как говорил римский философ Сенека.

Нами были выбраны следующие направления развития:

1. Организация системы постоянного мониторинга текущих и перспективных потребностей рынка в кадрах различной квалификации, в том числе с учетом международных тенденций.

2. Создание многоуровневой системы высшего профессионального образования.

3. Организация системы содействия трудоустройства студентов и выпускников со сформированной готовностью к самоопределению в вопросах подбора работы.

4. Укрепление и модернизация материально-технической базы и инфраструктуры образовательного учреждения путем включения его в глобальную сеть Интернет, оснащение современным оборудованием.

5. Создание системы подготовки и переподготовки кадров для вуза и региона.

6. Интеграция университетской, академической и отраслевой науки как фактора повышения качества образования.

7. Информатизация образования и открытие дистанционного обучения.

8. Усиление самостоятельной работы студентов как фактора повышения качества образования.

9. Расширение международных связей как направление формирования имиджа университета на российском и мировом образовательном пространстве

Естественно, реализация стратегии зависит во многом как от внешних, так и внутренних условий, т. е. от социально-экономических преобразований в стране и регионе, от министерских реформ, от продвижения реформ на местах и в целом по России, от свободы вуза в решении собственных проблем, от законодательной базы и т. п. Сегодня Правительство РФ хочет сократить количество вузов и бюджетные места по многим специальностям. Не зря на VIII съезде ректоров вузов Президент страны В. В. Путин высказал недоумение: «Роль образования растет, а качество – снижается». И сам же дает ответ: «Одной из причин низкого качества образования является низкая эффективность бюджетных расходов – расходов, замечу, немалых: на со-

ДАНЮШЕНКОВ Владимир Степанович – чл.-кор. РАО, доктор педагогических наук, профессор, ректор ВятГГУ
© Данюшенков В. С., 2006

держание вузов только федеральный бюджет тратит порядка 140 миллиардов рублей в год».

Я полностью согласен с Президентом относительно сокращения бюджетных мест. Из года в год мы сотнями выпускаем учителей, а до работы в школе доходят десятки человек. Так тратить государственные деньги нельзя. Проблема существует, о ней знает Правительство области и департамент образования. Насколько я знаю, сегодня отрабатываются различные варианты закрепления молодых специалистов в школе.

Стратегия вуза тесно связана с наукой. Образование становится схоластикой, если оно оторвано от науки. Поэтому в интеграции науки и образования – залог успешного развития университета.

Опять же приведу слова Президента России В. В. Путина: «Развитие вузовской науки и крупных научно-образовательных центров должно стать приоритетной задачей». Если мы действительно хотим остаться **полноценным** университетом, то это направление должно стать главным в стратегии университета. А для этого необходимо выполнять основные принципы построения университета данного типа:

- развитая инновационная структура,
- расширенная подготовка кадров высшей квалификации,
- обширные международные связи,
- интенсивное проведение фундаментально-прикладных НИР,
- различные источники финансирования.

Для реализации данных принципов вузу необходимо постоянно выполнять следующие условия:

- оптимизация структуры университета;
- расширение источников финансирования;
- развитие инфраструктуры взаимодействия университета с внешней средой;
- сохранение академической базы университета;
- формирование корпоративной культуры.

Для достижения вышеперечисленных условий нами в 2005–2006 учебном году решались следующие задачи:

Организационные задачи

В 2005–2006 учебном году в университете осуществлялась подготовка специалистов по 52 образовательным программам ВПО, 8 образовательным программам СПО, 29 программам аспирантуры, 3 программам дополнительного образования.

С ростом новых курсов на специальностях факультетов увеличилось и количество учебных групп. Так, если на 1.09.2003 г. количество учебных групп очной формы обучения составляло 302, на 1.09.2004 г. – 329, то на 1.09.2005 г. – 346. Возросло количество учебных групп и на заочной форме обучения.

Это все вело к расширению штатов преподавателей, неоправданной трате дополнительных финансовых средств, тройной смене занятий, к нестабильности учебного расписания и, как следствие – снижению качества обучения.

Перед руководством университета уже давно стояла задача осовременить учебно-воспитательный процесс и структурные подразделения. Занимаясь укреплением материально-технической базы, увеличением финансов для нужд университета, мы полагали, что учебно-воспитательный процесс в вузе стабилен. Но, как показали результаты рейтингов успеваемости студентов, работы кафедр, отзывы работодателей, мы отстали от современности, резко ухудшилось качество обучения. Студентам, помимо ГОС, дается много лишнего, второстепенного учебного материала, что резко увеличивает их недельную нагрузку до 34 часов при норме 27 часов, лекции читают ассистенты и старшие преподаватели без ученой степени. Преподаватели перестали работать над своим научно-образовательным уровнем, избрание по конкурсу стало формальным.

Руководство университета понимало, что принципиально новые возможности получения информации и ее постоянно растущий объем, новые способы коммуникации не могут не оказать значительного влияния на образование. Сам процесс обучения, роль преподавателя и роль студента начинают существенно меняться.

Если раньше преподаватель делился со студентами своими знаниями и помогал им черпать знания из книг, то сегодня, в условиях существования глобальной информационной сети, быст-

рого развития компьютерных технологий, дистанционного обучения, роль преподавателя становится иной, и акцент в преподавании больше делается на самостоятельную работу студента. Это ставит перед преподавателем новые, более сложные задачи, влияет на скорость самого процесса образования. Если раньше учебный материал по курсу излагался 60 часов, то сегодня этот материал осваивается студентами гораздо быстрее. Освободившиеся часы можно направить на индивидуальную работу со студентами.

Первым шагом оптимизации стала корректировка учебных планов специальностей с целью объединения студенческих групп в потоки для чтения лекций. В результате объединения студенческих групп и курсов для чтения лекций в потоки экономия учебного времени составила 27 159 часов.

Это позволило установить нормы учебной нагрузки ППС в целом по университету из расчета: для доктора наук, профессора – 600–650 часов; для кандидата наук, доцента – 710–760 часов; для старшего преподавателя, ассистента – 800–900 часов.

Второй год Минобрнауки сокращает бюджетные места по очно-заочной форме обучения, особенно по педагогическим и гуманитарным специальностям. Президент В. В. Путин, выступая на VIII съезде ректоров вузов России, сказал очень четко: «Нам нужно подумать об эффективности и восприимчивости системы образования к финансовым вливаниям со стороны государства. Но жалко их просто “палить”, как я уже сказал». А мысль одна – каждый вложенный в образование рубль должен быть рентабелен. А что показывают реалии? Педвузы страны выпускают огромное количество учителей, а приходит работать в школы лишь часть выпуска!

В течение года нами обсуждался вопрос о возможных интеграциях факультетов и специальностей. Проанализировав учебные планы специальностей «математика и информатика» и «физика и информатика», мы пришли к выводу о слиянии двух факультетов и организации физико-математического факультета. Две специальности как два близнеца – все общее и отличаются только специальными дисциплинами по математике и физике. Реорганизуются кафедры. Кафедра математического анализа и методики математики делится следующим образом. Методисты присоединяются к кафедре дидактики физики, которая будет носить название «Кафедра дидактики физики и математики». Другая часть преподавателей уходит на кафедру высшей математики, которая будет выпускающей на математическом отделении физико-математического факультета.

В следующем году также предполагается сокращение бюджетных мест по очной форме обучения по педагогическим специальностям. Мы уже сегодня должны думать о безболезненности данной процедуры, за которой стоят люди.

Хорошо работало в отчетном году УМУ (В. В. Ковров). За этот период было проанализировано, разработано и утверждено 113 рабочих учебных планов специальностей. Подготовлены к экспертизе в Информационно-методическом центре аттестации образовательных учреждений в г. Шахты рабочие учебные планы аттестуемых в июне 2006 года восьми специальностей ВПО. Результатом этой работы стало получение положительного экспертного заключения.

В течение отчётного периода проведена большая работа по подготовке и проведению повторного лицензирования, аттестации и аккредитации ООП филиалов в гг. Ижевске и Вятские Поляны. Аккредитация утверждена Минобрнауки.

Получены лицензии на специальности «специальная психология» и «управление персоналом». Кроме этого, подготовлены документы на новые специализации «физическая реабилитация», «туризм».

С учетом сложностей при лицензировании новых специальностей была разработана программа лицензирования новых специальностей и изданы методические рекомендации «Технология разработки и реализации основных образовательных программ в вузе».

В целях реализации многоуровневой системы высшего профессионального образования (университет имеет лицензии на ведение образовательной деятельности по 12 направлениям бакалавриата)

по направлениям подготовки бакалавров (050700.62 Педагогика, 080500.62 Менеджмент, 080300.62 Коммерция) разработано нормативно-правовое и учебно-методическое обеспечение для организации этих образовательных программ с 2006–2007 учебного года. По проблемам Болонского процесса и специфике подготовки кадров в условиях многоуровневого образования проведены семинары для руководителей структурных подразделений, профессорско-преподавательского состава на темы: «Современные требования к обеспечению качества высшего профессионального образования» (докладчик – Л. А. Новосёлова, учёный секретарь Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию при МГУ); «Нормативно-правовое и учебно-методическое обеспечение подготовки бакалавров» (докладчики – В. В. Ковров, Т. В. Машарова, Т. В. Малова).

Важным достижением для университета является наращивание довузовского потенциала со смещением организационных структур на факультеты. Так, при факультете экономики организован колледж на базе школы № 9 пос. Коминтерн, при факультете лингвистики создана лингвистическая гимназия, а при СГФ открывается колледж туризма.

Впервые при университете открыт Волго-Вятский научно-образовательный центр РАО.

По моему мнению, такие открытия – это перспектива развития университета во взаимосвязи с наукой и системой регионального образования. Как показал съезд ректоров, где В. А. Садовничий подписал от Союза ректоров договор о сотрудничестве с бизнесом и промышленностью, одна из интересных перспектив – создание совместно с ведущими компаниями корпоративного университета, готовящего высококлассных менеджеров и специалистов по новейшим технологиям на базе фундаментального университетского образования. Основная задача такого университета – обучение персонала учредителей его компаний и подготовка для них новых кадров. Нами в течение года подготовлено положение о таком вузе.

Важным итогом года явилось участие университета в национальном проекте по инновационным программам России. Под руководством проректора по УВР Т. В. Машаровой, докторанта О. В. Коршуновой сотрудники УМУ, руководители химического факультета М. А. Зайцев, Т. Н. Кононова, зам. декана факультета физической культуры Ю. С. Мясников подготовили образовательный проект «Экология человека». Проект вошел в 50 лучших проектов России из 197 вузов страны.

Учебно-воспитательная работа

Во все времена уровень и содержание университетского образования определялись как самим университетом, так и запросами личности и интересами общества в целом. В настоящее время, когда молодежь стала прагматична, начинают превалировать краткосрочные запросы учащихся, желающих получить от учебы в университете немедленную отдачу и сразу после университета быть востребованными на рынке труда. Для удовлетворения таких запросов университету следует процесс обучения студентов приблизить к практике и давать выпускникам конкретные умения. В то же время в университете нельзя упрощать процесс получения фундаментальных знаний, являющихся основой для последующего обучения и переподготовки человека на протяжении всей жизни. Поэтому образовательный процесс в университете должен правильно сочетать баланс фундаментального знания и прикладных навыков, научности и конкретных практических умений.

Эта главная, приоритетная задача в учебной работе университета и УМУ, которое контролирует качество рабочих программ, дает свет новым специальностям и специализациям.

Значимым направлением деятельности УМУ за прошедший год явилось создание системы мониторинга качества подготовки специалистов. В рамках этого направления была проделана следующая работа:

1. Проведен рейтинг 55 кафедр по итогам их работы за 2004–2005 учебный год.

2. Сделан анализ соответствия отдельных образовательных программ, аттестующихся в 2006 году, лицензионным, аттестационным и аккредитационным требованиям.

3. Проведены сбор, обработка и анализ статистических данных по основным показателям государственной аккредитации университета и его филиалов, определяющим его статус по типу и виду.

4. Обобщены результаты летней экзаменационной сессии 2004–2005 учебного года, зимней экзаменационной сессии 2005–2006 учебного года и проведен сравнительный анализ с итогами сессий предыдущих лет.

5. Организовано Интернет-тестирование с целью выявления качественных показателей образовательного процесса ВятГГУ (в рамках Федерального Интернет-экзамена тестировалось 2099 студентов 33 специальностей университета по 15 учебным дисциплинам циклов ГСЭ и ЕН).

Это новый прорыв в оценке качества обучения в университете, т. е. мы от качественных показателей переходим к количественным, где четко осознаются все недостатки в организации и осуществлении процесса обучения.

По итогам проведённых проверок было констатировано, что важными проблемами в организации учебного процесса по-прежнему остаются следующие:

– проблема грамотного планирования преподавателями учебного материала, полного выделения в рабочих учебных программах основополагающих дидактических единиц курсов, выбора эффективных технологий учебного процесса и обеспечения дидактической грамотности подачи учебного материала, предоставления достаточного количества заданий для студентов (в том числе и тестовых) на самопроверку и самоконтроль своих знаний;

– проблема полной обеспеченности студентов программно-методическими материалами в процессе изучения дисциплин (программы дисциплин, УМК и методические рекомендации, хрестоматии и пр.);

– проблема организации (руководства) самостоятельной работы студентов со стороны профессорско-преподавательского состава кафедр.

Для преподавателей университета проводились курсы по дидактике высшей школы, курсы по организации воспитательной работы в вузе и деятельности кураторов студенческих групп.

В текущем учебном году успешно реализовывалась деятельность в рамках грантовой программы Интел «Обучение для будущего» (рук. В. В. Ковров). Курсовую подготовку прошли 525 преподавателей и студентов университета. По итогам деятельности университетской Интел-площадки договор о сотрудничестве между ВятГГУ и Институтом развития образовательных технологий (г. Москва) был пролонгирован на 2006–2007 учебный год, по условиям которого должны пройти обучение 800 преподавателей и студентов.

В рамках экспертизы основных образовательных программ в текущем году была проведена комплексная проверка деятельности 5 факультетов (лингвистики, управления, юридического, химического, технологии и дизайна), 8 специальностей ВПО, которые в текущем учебном году проходят процедуру государственной аттестации; кафедры физического воспитания и колледжа ВятГГУ.

Впервые в вузе проведена **ярмарка вакансий**, в которой приняли участие 354 выпускника, представители департамента образования Кировской области, областной и городской службы занятости населения, ведущие кадровые агентства, СМИ, а также представители более 30 предприятий, учреждений и организаций г. Кирова. Проведение ярмарки вакансий выпускников обещает стать традицией, активно должно работать и создаваемое студенческое кадровое агентство.

В течение 2005–2006 учебного года основной задачей в области воспитания была доработка и принятие концепции воспитания студентов ВятГГУ и развитие студенческих инициатив через общественные объединения.

В итоге в университете впервые был выпущен сборник по организации воспитательной работы в вузе (в 3 частях) в современных условиях для практической работы подразделений. Я считаю это серьезным инновационным проектом.

Первой реализацией проекта на практике стало создание Студенческого Совета университета, построенного на концепции студенческого самоуправления, и организация школы студенческого актива. По инициативе школы актива разработано несколько социальных проектов, которые были представлены на гранто-

вый конкурс общественных инициатив в сфере молодежной политики в Кировской области. Два из них победили (СТИЛАЙФ и Экологический десант).

Получил развитие педагогический отряд «Школа вожатых» по подготовке студентов к работе в детских оздоровительных лагерях в летний период.

В университете в 2005–2006 учебном году 16 студентов получают именные стипендии Президента РФ, Правительства РФ, Губернатора Кировской области, Ученого совета университета, Совета ректоров вузов Кировской области, Промстройбанка.

Наши студенты занимают призовые места на всероссийских олимпиадах по психологии, культурологии, социальной работе, информатике, истории (участие в Ломоносовских чтениях в МГУ), конкурсах студенческой рекламы, конкурсе «Хрустальный апельсин» и многих других.

На протяжении последних лет работа по воспитанию студенчества ведется по программе «Библиотека – центр духовного общения и нравственного обогащения студента». В 2005 году оформлено 930 книжных выставок, представляющих 9700 изданий, проведено 97 обзоров литературы, на которых присутствовали 1572 слушателя, проведено 3 литературных вечера (128 слушателей). Особый интерес всегда вызывают просмотры новых книг, полнотекстовые базы данных, путеводители по Интернету.

Университет ежегодно проводит систематическую работу по патриотическому воспитанию граждан России: встречи студентов с ветеранами войны и труда, работа в областном госпитале ветеранов войны и доме престарелых, участие в митингах у памятников 23 февраля и 22 июня.

Воспитание социально активной личности без физического развития немыслимо. Поэтому в университете функционирует более 25 секций, в которых занимаются свыше 700 студентов. Результаты достижений впечатляющие.

Первенство города: осенняя ***легкоатлетическая эстафета*** – I место; среди женских команд – I место; ***лыжные эстафеты*** – среди мужчин – I и II места; среди женщин – I место; ***баскетбол*** – среди женщин – I место; среди мужчин – I место.

Первенство области: ***лыжные гонки*** – I место университета; ***тяжелая атлетика*** – Элеонора Обрезкова, чемпионка Кировской области и Приволжского федерального округа.

Первенство России: ***карате*** – Иван Щепин, призер чемпионата России и участник чемпионата мира; ***кикбоксинг*** – Вячеслав Чухлов, участник чемпионата России.

Чемпионат мира: ***полиатлон*** – Анастасия Маракулина, бронзовый призер чемпионата мира.

Творчество – необходимое условие жизни студентов. При ЦРТИС организованы и действовали в этом году 15 творческих коллективов, практически на каждом факультете есть свои танцевальные коллективы, вокальные ансамбли, команды КВН. Это такие коллективы, как клуб бардовской песни, студенческий театр эстрадных миниатюр (СТЭМ), коллектив брэйк-данса, ансамбль греческого танца, театральный коллектив и другие. За год проведено около 100 мероприятий, которые посетило свыше 40 000 человек. Нельзя не отметить студентов факультета технологии и дизайна, которые в течение ряда лет являются участниками конкурса молодых дизайнеров благотворительного фонда «Русский силуэт». Студенты этого же факультета разработали градообразующий проект «Хлыновские палаты», который экспонировался в г. Ницце (Франция).

Можно констатировать, что молодежь стала иной, изменяясь гораздо сильнее, чем старшее поколение, пытаясь быстрее приспособиться к изменяющемуся миру и не всегда, при большом «информационном шуме», слышит истину. В этих условиях воспитательная миссия университета должна заключаться в том, чтобы помочь студентам не растеряться, не потерять правильных жизненных ориентиров, сохранить нравственность, гражданскую ответственность и патриотизм. А. С. Пушкин говорил: «Одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия».

Научная работа

В числе принципов построения современного университета расширенная подготовка кадров

высшей квалификации; интенсивное проведение НИР; развитая инновационная структура. Что же было сделано за прошедший год?

В отчетном году защитилось 19 кандидатов и 3 доктора наук (по сравнению с прошлым годом произошло значительное уменьшение: 47 и 3 соответственно). На мой взгляд, здесь кроется ряд причин, которые мешают развитию активности в данном направлении.

1. В университете отсутствует целевая долговременная программа подготовки кадров по специальности.

2. Не создается мотивация у молодых преподавателей для получения ученой степени. Действительно, если посмотреть экономический анализ зарплаты преподавателей вуза, получается следующая картина. В структуре фонда оплаты труда во внебюджетной деятельности ППС 55% занимают ассистенты и старшие преподаватели, 33% – кандидаты наук и только 4% доктора наук. Нет социальных мотивов у молодежи?

3. В университете мало действующих научных школ, которые бы как круговорот втягивали молодежь в научную работу.

Проблема молодых ученых неразрывно связана с развитием инновационной деятельности университета. Именно университетская среда, наполняющаяся молодежью, оказывается для этого благоприятной. Сегодня инновационную деятельность называют третьей миссией университета, которая в современных условиях призвана дополнить традиционные для него задачи создания и передачи знаний.

Не менее важным фактором в научной работе вуза является наличие диссертационных советов. Это научная зрелость вуза. Три Совета, а результат разный. Докторский совет (пред. совета – В. С. Данюшенков) – 21 защита (3 докторские и 18 кандидатских), докторский совет (пред. совета – В. Ф. Юлов) – 3 защиты, кандидатский совет (пред. совета – Ю. А. Сауров) – 7 защит.

Отрадно, что в адрес диссертационных советов не направлялись возвращенные дела, хотя в отдельных случаях к работе ученых секретарей диссертационных советов могут быть предъявлены претензии. В то же время недостаточно высоким продолжает оставаться уровень ряда диссертационных исследований и авторефератов. Новые требования ВАК предполагают презентацию авторефератов на сайте университета, а также их научную апробацию в академических изданиях. Это ориентирует на повышение нашей требовательности.

В этом году поданы документы на создание диссертационного совета по филологии по двум специальностям, который успешно прошел все стадии экспертизы ВАК и ждет рассмотрения на заседании Президиума ВАК. В аналогичном состоянии вопрос о включении в перечень ведущих научных журналов ВАК и журнал «Вестник ВятГГУ», материалы по которому также находятся в стадии ожидания решения Президиума ВАК.

Совершенствование материальной базы. Продолжается строительство учебно-спортивного комплекса в Гагаринском парке (пристрой к плавательному бассейну). Возведено 4-этажное здание с переходом к существующему зданию плавательного бассейна, в котором расположились учебные аудитории, спортивный зал 36х12 метров, раздевалки, душевые, административные помещения, легкоатлетический зал с беговой дорожкой (100 м). В третьем квартале 2006 года мы планируем сдать это здание в эксплуатацию общей площадью 3630 м^2 Государственной комиссии. Осенью 2005 года выполнили капитальный ремонт спортивного игрового зала в плавательном бассейне, установили пластиковые окна, сменили пол, отремонтировали отопление.

Продолжается капитальный ремонт учебного корпуса № 1 и общежития № 2 и совершенствуются охрана труда и пожарная безопасность. В истекшем году были выполнены работы по монтажу пожарной сигнализации в общежитии № 4.

Ведется капитальный ремонт здания факультета ТиД (в 2005 году была полностью заменена кровля, проведен ремонт 2-го этажа). Сейчас приступаем к ремонту 1-го этажа.

В настоящее время ведутся проектные работы по подготовке к капитальному ремонту учебного корпуса № 5 (ул. Молодой гвардии, 15).

Социальная поддержка работников университета.

1. В декабре 2005 года преподаватели и сотрудники, проработавшие в университете не менее полугода, получили разовую доплату за счет экономии фонда заработной платы.

Двадцатипроцентную доплату стимулирующего характера получают работники университета с 1-го по 13-й разряды.

Из внебюджетных средств получают доплату:

– работники хозяйственной части;

– лаборанты и административный аппарат;

– профессорский состав;

– имеющие звание «Заслуженный работник высшей школы» и значок «Почетный работник высшей школы»;

– действительные члены и члены-корреспонденты российских академий.

2. Значительно расширил рамки социальной поддержки работников вуза новый Коллективный договор (принят в декабре 2005 года). Например, п. 6.2. дает возможность матерям при рождении ребенка получить единовременное пособие в размере 2000 рублей, дополнен п. 6.5. (о предоставлении социальных отпусков) и другие.

3. Через страховую компанию «Сберинвест» прошли диагностику 663 работника университета.

4. Из средств фонда материального поощрения и социальных выплат материальную помощь на частичную оплату санаторных путевок, платного лечения, дорогостоящих лекарств, на погребение близких родственников получили 89 человек.

5. К празднику «День Матери» женщинам, самостоятельно воспитывающим детей, многодетным семьям и семьям с детьми-инвалидами оказана материальная поддержка от 300 до 400 рублей.

6. Участники войны и труженики тыла военных лет были приглашены в университет на празднование Дня Победы, где им были вручены подарки и оказана материальная поддержка по 200 рублей, организован праздничный обед.

7. Через Благотворительный фонд социальных программ получены одежда, обувь, товары хозяйственно-бытового назначения и распределены низкооплачиваемым работникам на сумму 158 449 руб.

8. Для учебно-тренировочной базы «Ласточка» приобретена мягкая мебель, установлены встроенные шкафы и бильярд, функционирует летний душ.

9. По итогам работы 34 человека отмечены различными наградами.

В заключение хотелось бы сказать о главной миссии университета словами В. О. Ключевского: главное, чтобы «студенты ценили профессоров, профессора понимали студентов; те и другие гордились университетом, тех и других уважало общество».

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Е. М. Вечтомов

МЕТАФИЗИКА ИЛИ ПОСТМОДЕРНИЗМ?

Метафизика представляет собой основополагающее течение философско-методологической мысли, берущее начало у Аристотеля и продолжающее успешно развиваться. Постмодернизм же оценивается нами как модное преходящее мировоззрение, альтернативное и враждебное здравому смыслу, метафизике и науке.

Научный вывод для установления
своей правильности требует принципов,
которым опыт не может сообщить
даже вероятности.
Бертран Рассел

Призрак бродит по Европе –
призрак популизма.
Из популярной газеты

Метафизика

Метафизика (буквально «после физики», «над физикой») определяется как учение о первоначалах бытия, постигаемых умозрительно. Метафизика ориентирована на поиск единства мира – единства сущности, происхождения и оснований Мироздания. По Расселу, цель метафизики есть «попытка охватить мир как целое посредством мышления».

Основоположником метафизики считается Аристотель, называвший ее наукой наук, ядром философии. В своей книге «Метафизика» [1] он так отзывается о метафизике: «Все науки более необходимы, нежели она, но лучше нет ни одной». Согласно Аристотелю, метафизика есть учение о первых причинах всего существующего, это первая мудрость, предметом которой является «сущее вообще», или «сущее как таковое». При этом сущее означает сверхчувственное. Стагирит (так еще называют Аристотеля, поскольку он родился в Стагире, что во Фракии) считает метафизику наукой о бытии, тем самым отождествляет ее с онтологией.

ВЕЧТОМОВ Евгений Михайлович – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой алгебры, геометрии и методики их преподавания ВятГГУ, академик РАЕН
© Вечтомов Е. М., 2006

Как показано в [2], в Средние века метафизика претерпела заметную трансформацию от науки к спекулятивному знанию. Под влиянием богословия метафизика стала пониматься как учение о принципиально ненаблюдаемом бытии и перешла в лоно веры. Иммануил Кант обосновал, что трансформированная метафизика не является наукой. Но даже при таком понимании метафизики нельзя отрицать метафизический способ мышления, его позитивную роль в духовной жизни человека. В начале своего главного труда «Критика чистого разума» [3] Кант указывает, что метафизика существует в двух ипостасях – как природная склонность и как наука. Метафизика в модусе природной склонности означает спекулятивную потребность человеческого разума разрешать вопросы, выходящие за пределы его эмпирического использования.

Новый вариант научной метафизики можно было возводить на основе нового учения о трансцендентальном субъекте. «Воскрешение метафизики» шло разными путями: индуктивная метафизика В. Вундта, философия жизни А. Бергсона, феноменологический подход М. Шелера, критическая онтология Н. Гартмана. Серьезное исследование метафизики осуществил М. Хайдеггер. Краткому изложению его трудов, в которых осмысливается и раскрывается феномен метафизики, посвящена публикация Н. З. Бросовой [4]. По Хайдеггеру, метафизика едина и нерасчленима, имеет множество проявлений, особенно в науке, политике и религии, причем в рамках или на фоне философии. «В феномене метафизики сплетаются воедино мыслительная традиция, жизненный уклад, социально-политическая структура, и такая интегральность не поддается формально-логической дефинитивности». У Хайдеггера история Бытия – это человеческие поиски подлинной бытийной основы (метафизики) с неизбежными заблуждениями. Далее автор пишет: «Современность есть высший этап развития метафизики именно потому, что все ее характерные черты выявились теперь с предельной ясностью... Однако подобная кульминация не означает завершения метафизики». Метафизика ориентирована только на сущее. Ее методом познания и применения выступает последовательное расчленение сущего. «И этот метод действий становится собственной и единственной целью метафизики».

Близкое нам понимание метафизики дал в 1890 г. известный американский философ и психолог У. Джемс [5, эпилог]: «Метафизика – необычайно упорное стремление к ясности и последовательности в мышлении. Отдельные науки руководствуются принципами, крайне неясными и полными противоречий, но несовершенство принципов может быть оставлено ими без внимания для специальных целей. Этим объясняется то презрительное отношение к метафизике, которое так часто можно наблюдать. Для человека, преследующего ограниченные цели, слишком утонченное, не имеющее значения для его цели обсуждение принципов представляется "метафизикой"... Но, без сомнения, проблемы, не имеющие никакого значения с одной точки зрения, могут быть очень важными с другой. Для того, кто задается целью уяснить наивозможно глубже значение мира как целого, проблемы метафизики должны стать важнейшим объектом исследования».

В классической философской традиции метафизика часто отождествлялась с онтологией, то есть учением о бытии как таковом, а также со всей философией. Метафизика включает в себя и основы науки. На наш взгляд, метафизику нужно считать собственной частью философии, а методологию – частью метафизики. Если философия означает мировоззрение, метафизика – умозрение, то методология есть научное воззрение. Стало быть, имеет место соотношение:

философия ⊃ метафизика ⊃ методология.

В работах советских философов было принято с термином «метафизика» связывать метафизический способ познания (как односторонний, плоский, примитивный) в противовес диалектическому методу (как всестороннему и всеохватному, отвечающему развитию и прогрессу). «Метафизика» употреблялась и как ругательное слово, созвучное слову «спекуляция». Хотелось бы реабилитировать метафизику. В нашем понимании метафизика – как целостный охват мира – включает в себя и идею развития, и фундаментальные постулаты диалектики как наиболее общие и универсальные законы Мироздания и его познания человеком.

Как и в любой философии, в метафизике присутствуют элементы веры, определенный угол восприятия реальности, свой мировоззренческий ракурс. Эти вещи не могут принадлежать науке целиком. Они над наукой и вне искусства. Они суть определенные впечатления разума, результаты размышления и рефлексии.

Все универсальные философские системы, созданные великими мыслителями прошлого, являются метафизическими учениями. К их числу относятся пифагореизм и платонизм, учение Аристотеля о форме, атомизм Демокрита, монадология Лейбница, картезианство, философия Канта, механицизм Дидро, диалектика Гегеля, материализм Маркса и т. д. Метафизический характер имеет и модная ныне синергетика.

В статье С. Л. Катречко «Как возможна метафизика?» [6] четко сформулирован предмет метафизики, показан ее многоуровневый характер. Согласно автору статьи, «метафизика исследует предельные (философские) концепты, имеющие *идеальный* статус. В отличие от теоретических конструктов науки они являются не результатом многоступенчатой абстракции, а начальным условием существования объектов другого рода. Тем самым **критерий метафизического** состоит в том, что оно выступает как *трансцендентальное условие* существующего...». Предметом метафизики как области знания служат трансцендентальные концепты-сущности, выходящие за пределы опыта, но делающие такой опыт возможным. Подводя итоги своих размышлений, С. Л. Катречко отмечает, что возможность метафизики как рациональной деятельности вызвана спекулятивным мышлением человека, основанным на познавательных актах анализа и синтеза.

Он выделяет и анализирует четыре модуса метафизики:

1) *общая метафизика* (или аналитическая онтология), изучающая сущее как таковое;

2) *частная метафизика* (мета-физика), обеспечивающая работу с метафизическими целостностями. Она связана с синтетической деятельностью разума, основанной на способности человека к *схватыванию идей*;

3) *натуральная метафизика* исходит из концептуальной деятельности разума в ходе научного познания и проявляется в неустранимом *холизме* науки;

4) *гносеологическая метафизика* есть критика метафизики, анализ самого познавательного процесса и того языка, на котором «изъясняется» познание. Такая критика нужна для рационального самоограничения чрезмерных притязаний спекулятивного мышления.

Работа физика В. Д. Захарова [7] посвящена выяснению и обоснованию важной (а порой решающей) роли метафизики в естественных науках, особенно в физике. Господствующая в физике с XVII по XIX в. ньютоновская научная парадигма держится на следующих четырех «фундаментальных метафизических постулатах: 1) мгновенного дальнодействия, 2) абсолютных пространства и времени, 3) концепции материальной точки, 4) принципа инерции. Ни один из них не только не является экспериментальным фактом, но и не диктуется разумом, т. е. не может быть отнесен к синтетическим априорным принципам Канта».

На примере физических теорий А. Пуанкаре показал, что нельзя построить теорию познания без метафизики. Основополагающие физические понятия силы, массы, энергии носят метафизический характер. «Принцип инерции делает пространство метафизическим понятием, не обнаружимым на опыте». Автор отмечает, что только благодаря метафизике механика Ньютона до сих пор сохраняет познавательное значение.

Далее В. Д. Захаров пишет: «Кризис ньютоновской физической парадигмы на рубеже XIX–XX вв. привел к отказу от ряда метафизических постулатов Ньютона, но не к отказу от метафизики. Вместо прежних метафизических постулатов в физику вошли другие, благодаря чему физика освободилась от феноменологизма, вернув себе прежний (ньютоновский) онтологический характер». Теория тяготения Эйнштейна строилась *от метафизики к физике*, шла не от опыта и не по пути его обобщения. «Общая теория относительности – в равной мере и физическая теория, и метафизическая концепция. Объектом физической теории стала совсем другая реальность – не "природная", но метафизическая», которая в работе В. Д. Захарова удачно названа «невидимой онтологией». Без метафизических допущений и принципов не обошлись ни атомная физика, ни квантовая динамика, ни современная космология. Так, физический вакуум служит основным метафизическим понятием квантовой космологии. Наряду с естественной причинностью понадобилось введение в научный обиход так называемой свободной причинности (Дирак говорил о «свободе воли электрона»).

В конце своей статьи В. Д. Захаров заключает, что сегодня метафизика прекрасно приспособлена для физической апологетики. «Впервые стало возможно определить физику так же, как в Библии определена религия, – а именно как *обличение вещей невидимых*. Впервые стало возможно разрушить роковую перегородку между естественной и свободной причинами, а тем самым уничтожить почву для противопоставления научного и религиозного типов понимания».

Аналогичных взглядов на метафизику придерживается М. Вартофский в работе «Эвристическая модель метафизики в науке» [8], считая, что метафизические понятия имеют такую же ценность, как и научные понятия. Он отмечает, что «в истории науки "метафизические модели" играли важную роль при построении научных теорий и в научных спорах по поводу альтернативных теорий. Достаточно сослаться на понятия *материи, движения, силы, поля, элементарной частицы* и на концептуальные структуры *атомизма, механицизма, прерывности и непрерывности, эволюции и скачка, целого и части, неизменности в изменении, пространства, времени, причинности,* которые первоначально имели "метафизическую" природу и оказали громадное влияние на важнейшие построения науки и на ее теоретические понятия». Тем самым мы еще раз убеждаемся в том, что философские идеи и принципы служат необходимой составной частью научного познания.

Сюда же примыкает работа А. Ю. Грязнова «Абсолютное пространство как идея чистого разума», который относит пространство к метафизическим категориям. Он пишет: «История науки свидетельствует о единстве теоретического (раз речь идет о физической *теории*) разума, который на различных исторических этапах решает разные задачи и, соответственно, получает разные результаты, но *трансцендентально* остается одним и тем же» [9].

Аристотель в трактате «О душе» [10] различает физический, математический и метафизический виды познания. По Аристотелю, физика изучает состояния физических тел (материю сущего), математика изучает абстрактные свойства сущего (неотделимые от тел), а метафизика изучает сущее как таковое (абстрагированное и отделенное от любой телесности). В соответствии с этим можно выделить три типа абстракций:

1) минимальная качественная абстракция физической материи;

2) промежуточная количественная абстракция в математике;

3) максимальная абстракция метафизического сущего как такового. И мы видим, что математика и метафизика изучают *абстрактные формы*, в то время как физика исследует *конкретную материю*.

В [11] утверждается, что отличие математики от метафизики состоит в том, что первая рассматривает отвлеченные, но неотделимые от тел свойства – *абстрактное* в собственном смысле слова, а вторая рассматривает отделенное от всего телесного сущее, т. е. *идеальное*.

Не будем спорить с тем, что понятие идеального является универсалией более высокого логико-категориального уровня по сравнению с понятием абстрактного. Однако математика сама изучает идеальное – идеальные математические объекты, не только абстрагированные от материи, но и максимально отделенные от нее. Тем самым математика и метафизика, во-первых, изучают не просто абстрактные, но идеальные формы. Это роднит математику с метафизикой. Во-вторых, если математика имеет дело только с некоторыми идеальными сущностями (универсалии количества, формы, структуры), то метафизика охватывает «своим взором» вообще все идеальные категории, все сущее. Математика, другие науки и наука в целом сами являются идеальными областями – конкретными объектами

для метафизики. Именно поэтому метафизика по отношению к математике и выступает в качестве философской метанауки.

Отметим также статью Л. Е. Яковлевой [12], посвященную творчеству испанского философа Хавьера Субири. Он считал, что благодаря феноменологии в философии XX в. произошел возврат от психологизма к метафизике. Феноменология Гуссерля вдохновила Субири на поиск «логики реальности», или новой метафизики.

А. А. Ивин, говоря о природе человека, пишет: «Человек является не только биологическим и психологическим, но и *метафизическим существом*: он становится человеком, когда открывает в себе метафизическое, т. е. надприродное, не объяснимое естественными причинами измерение» [13]. Далее он указывает, что, согласно К. Ясперсу, метафизическая сущность человека заключается в следующих проявлениях: в неудовлетворенности своим знанием, духовным миром, социальным положением; в стремлении к безусловному, к Богу, к некоей поддерживающей его трансцендентной силе; в неутомимом стремлении к единому, вечному бытию; в сознании непостижимого воспоминания, когда душа человека как будто жила до его рождения; в понимании бессмертия как необходимости «оставить свой след на земле».

Следует отметить интересный доклад ректора МГУ академика В. А. Садовничего «Знание и мудрость в глобализирующемся мире», сделанный им на пленарном заседании проходившего в мае 2005 г. в Москве IV Российского философского конгресса [14]. Доклад был посвящен актуальной проблеме соотношения рациональности и мудрости. Показано, как философия и наука могут позитивно влиять друг на друга. По Садовничему, научное знание интернационально и принадлежит всеобщей культуре, а мудрость глубоко национальна и относится соответственно к национальным культурам. На вопрос «Что же такое человеческая мудрость?» автор отвечает следующим образом: «В отличие от знания, образованности, информированности мудрость в моем понимании – это способность принимать и усваивать опыт жизни предыдущих поколений. Без этого невозможно развитие науки и культуры, а значит, и цивилизации. Но прошлый опыт мы не должны принимать как догму, как безжизненный абсолют. Его нужно усваивать творчески и критически. Только так и можно развиваться».

В. А. Садовничий предупреждает об идущем в мире пагубном процессе нарастания и легитимизации «опасного знания» и отклонений от естественных норм и ценностей. В XXI в. общество «все в большей степени будет сталкиваться с запретами и ценностями морально-этического характера... именно эти ценности определят дальнейший выбор пути цивилизационного развития. Либо человечество выберет концепцию развития, основанную на всевозрастающем росте потребления, которая до сих пор является доминирующей. Это старая система этических норм и ценностей. Либо люди вступят на путь самоограничения и согласия с природой и жизнью. Заставить сделать такой выбор нельзя будет ни военным могуществом, ни материальным богатством».

Постмодернизм

В сегодняшней культуре остается весьма модным и деятельным *постмодернизм*. Философия постмодернизма – это постнеклассическая философия, отрицающая даже неклассическую традицию и провозглашающая постметафизическое мышление, которое не допускает возможности построения никакой единой научной картины мира. Постмодернизм пришел на смену *модернизму* как явлению и философии, порожденным результатами научно-технической революции XX в. Человек почувствовал себя всесильным, этаким пупом Вселенной. В этом заключается пафос модернизма. Но последовавшие техногенный и экологический вызовы привели к пересмотру идеологии. Так возникли постмодернистские настроения и воззрения: всеобщий нигилизм, крайний индивидуализм, уход от реальности в виртуальные игры, сугубо эгоистические интересы, сиюминутное удовлетворение любых потребностей во что бы то ни стало, саморазрушение. Отрицание абсолютной истины подвигло постмодернистов к выводу о всеобщей плюралистичности, о полной свободе мнений, интерпретаций и свободе их выражения. Постмодернистская действительность, если говорить жестко, напоминает «пир во время чумы».

Применительно к науке, особенно к математике, постмодернистский подход совершенно неправомерен.

И действительно, как пишет в своей монографии [15] З. А. Сокулер, главная функция науки теперь – чисто прагматическая: служить руководством для технологических, экономических, политических и прочих решений. Ей отведена роль ориентира для социальных действий, но не для решения кардинальных проблем человеческого существования и не для восстановления связи индивида с истинным бытием. В обществе постмодерна истина как сверхценность исчезла из научного обихода.

Следование постмодернизму в жизни человечества может привести к гибели цивилизации. На новом витке познания и осознания себя человечество обязано преодолеть постмодернизм.

Рассмотрим публикации о постмодернизме последних лет.

В своей глубокой статье о роли постмодернизма и глобализации в современном мире философ и политолог А. С. Панарин [16] выдвигает гипотезу о том, что *«реальный переворот в рамках современного символического производства связан не с либерализмом, а с постмодернизмом»*. Автор замечает, что «скорость приращения денежной, "знаковой" массы сегодня в 80 раз опережает скорость приращения реальной товарной массы – соответствующая разница указывает на масштабы чисто спекулятивного капитала, захватывающего командные позиции в экономике и обществе». Для современных приватизаторов постмодернизм стал теоретическим и практическим проектом обоснования нового буржуазного освобождения от всяческих социальных обязательств перед обществом и государством, проектом сохранения так быстро и легко приватизированной всенародной собственности.

Ключевое понятие постмодернизма – *деконструкция*. Мир уже целиком развеществлен, проявляется только в тексте культуры. «Все, абсолютно все искажено волюнтаризмом культуры, все объекты мира представляют наслоившиеся друг на друга культурные тексты, в которых выпирает фатальная рассогласованность смыслов и замыслов». А. С. Панарин продолжает: «Интенция деконструктивизма состоит в том, чтобы буквально во всем разглядеть этот самозваный произвол, ибо если ничего первично-подлинного не просматривается, то в культуре все – самозванцы, все узурпаторы. Наше дело – узурпировать в свою очередь». Другим мотивом деконструкции автор считает *дискредитацию целого*. «Все целостное, гармоничное, системное в данной картине мира выступает всего лишь как замаскированный хаос элементов». Если прежняя философия утверждала преимущественный статус добра, красоты, истины и порядка перед злом, безобразным, ложью и беспорядком, то «постмодернизм исходит из прямо противоположной презумпции: если порядок, целостность, гармония изначально оказываются неоправданными конформистскими допущениями, то философии пристало больше прислушиваться к голосам и свидетельствам, за которыми стоит энергия зла, беспорядка, безобразного и т. п.».

Постмодернистский деконструктивизм связан с практикой глобализации, в основе которой лежат реальные мировые интеграционные процессы. Но «глобализованные» ресурсы и энергия изымаются из ведения национальных государств, «деконструируя» национальное. Глобализация идет неравномерно и противоречиво. В России дилемма «демократия-тоталитаризм» трансформируется в дилемму «демократия-глобализм». Мировая финансовая элита, реально наживающаяся на спекулятивном капитале, является лидирующей силой глобализации. И она заинтересована в постмодернизме как своей философско-идеологической надстройке, воюющей с «метафизикой наличия» и оправдывающей ее деконструктивную деятельность.

Постмодернизм и глобализация высвобождают человеческие инстинкты из плена разума и нравственности и дают алиби «телу» в самых низменных его проявлениях.

«Опыт постмодернистской деконструкции, сегодня акцентированный в мироощущении привилегированных групп, как оказывается, прямо касается и непривилегированных. Но если для первых деконструкция оказывается *освобождением* – разумеется, классово-эгоистическим, выступающим как расставание со всеми социальными и национальными обязательствами – то для вторых она означает перспективу *отлучения* – от всех прежних социальных и культурных завоеваний цивилизованности».

Но практика деконструктивизма противоречива. Привилегированная национальная элита при вхождении ее в процессы глобализации или в нарождающееся гражданское общество может сама оказаться непривилегированной. «Верхи, ставшие адептами чувственности, автоматически перемещаются вниз согласно логике культуры, установленной христианством и другими монотеистическими традициями». Кроме того, оружием деконструктивизма могут воспользоваться оппоненты, как это уже осуществляется в критике тупого и воинствующего американского глобализма.

Подводя итоги своей работы, профессор А. С. Панарин заключает: «И для "новых богатых", и для "новых бедных" жить одним днем разрушительно и опасно. Необходимо нарастить символический капитал, в недрах которого созидаются более масштабные синтезы и открываются долгосрочные перспективы. Сориентированные на долгосрочную перспективу люди, даже разделенные высокими социальными барьерами, вынуждены задумываться об искусстве жить вместе. Вот почему для культуры гражданского консенсуса, о которой столько говорят либералы, необходимо преодолеть нынешнюю либеральную аллергию на "большие идеи". Школа "больших идей" – вот школа, которую предстоит пройти новому поколению интеллектуалов в фазе, следующей за нынешней, либерально-постмодернистской».

Автор работы «Экономика постмодерна и отношения собственности» [17] Л. А. Мясникова завершает свою статью словами: «Философия экономики постмодерна с ее изощренной "электронной практикой" технологий присвоения не выступает как антитеза модерна. Их внешнее парадигматическое различие скрывает глубинный вектор – новый опасный стратегический ход гло-

бального капитализма. Путь этот для общества проходит по краю глубокой пропасти».

Д. Деннет в [18] резко отделяет понятие истины от философии постмодернизма, повторяя: «Ученые, считающиеся ответственными за свои слова, не видят пользы в постмодернизме». Преходящие фантазии не составляют истины. «Параллельно с нашими орудиями для сельского хозяйства и транспорта нами создана технология истины – наука. ...Для предотвращения человеческих ошибок созданы системы, не ограничивающиеся только применением физических инструментов. Организация методологических средств тоже находится под влиянием жесткого селективного отбора, подтверждающего их надежность и объективность... Непревзойденную объективность можно обнаружить и в геометрии, и в других областях математики, служащих со времени античности моделью достоверного знания в отличие от знания мира текучести и противоречий».

В заключение своей статьи Деннет отвечает на вопрос: как доминирует наука? Хотя наука не застрахована от глупости, но *методы науки* подвержены дотошному анализу и критике. В результате традиции усовершенствования науки метод становится методологией. А сама «*методология* попадает в сферу внимания *эпистемологии*, исследования самого исследования, и вне сферы научного вопрошания не остается ничего». В поисках истины наука занимает лидирующее положение. «Где вы найдете образцы религиозной ортодоксии, легко отброшенной перед лицом неопровержимой очевидности? В науке же вчерашние ереси снова и снова становятся сегодняшними новыми ортодоксиями. Ни в одной религии и ее истории вы не найдете примера такой модели».

Рассмотрим содержательную работу Д. И. Дубровского «Постмодернистская мода» [19]. Внешне постмодернизм привлекателен и даже респектабелен. Но за камуфляжем метафор скрываются истинные интенции постмодерна: «Сокрушающая критика традиционных ценностей, рационализма, гуманизма, историзма, радикальное неприятие современной социальной самоорганизации, отрицание возможностей отдельной личности быть ответственной за свои решения и действия...». Дискурсы постмодернистов есть механизм властвования и порабощения человека, они иллюзорны и противны истине. Имея широкий доступ к СМИ, постмодернисты умело пропагандируют свои взгляды в качестве доминирующей духовной реальности. Вслед за Западом, где пик популярности постмодернизма уже миновал, в России он быстро набирает силу.

Характерными чертами постмодернистской идеологии являются скептицизм, нигилизм, релятивизм, иррационализм, анархия, абсурд. Психология постмодернизма – успех любой ценой. На телевидении безраздельно властвует его величество Интерес, чуть прикрытый видимостью благообразия.

Автор пишет: «Подмена общественного личным, высокого низменным, правды интересом и т. п. – типичный путь абсурда». И далее: «Информационная атмосфера нагнетается постоянным акцентированием в изображаемом событийном ряду порочного, ужасного, беспросветного, отвратительного. На первом месте и со всеми деталями – катастрофы, убийства, преступления, скандалы, аферы, разносортный негатив». «Борцы за свободу своего слова практически реализуют постмодернистский тезис безразмерной свободы... Такая свобода – путь оргии, хаоса, вакханалии ничтожеств».

Д. И. Дубровский указывает на то, что постмодернизм есть знамение начавшейся информационной эпохи и трансформации культуры, вызванных бурным развитием информационных и коммуникационных технологий. Журналистика проникла во все сферы культуры. Появился «журнализм» как особая форма мышления, определенный способ запечатления, истолкования и имитации любых явлений действительности. «Журнализм» характеризуется своей всеядностью, мобильностью и быстротой реагирования, беспринципностью, поверхностным и предвзятым изображением событий.

Противовесом «журнализму» и постмодернистской моде может служить только научное мышление. Авторитет науки должен поддерживаться не только научным сообществом, интеллигенцией, но и государством.

Однако наблюдается принижение роли науки в культуре и обществе, расцветает иррационализм, размываются границы между наукой, с одной стороны, и паранаукой и псевдонаукой, с другой стороны.

Постмодернистские рассуждения нелогичны, часто содержат порочный круг. Зачастую то, что отвергается явно, протаскивается и используется неявно.

Категориальная структура философии имеет четыре измерения: 1) *онтологическое* (бытийное), 2) *гносеологическое* (познавательное), 3) *аксиологическое* (ценностное, оценочное) и 4) *праксеологическое* (практическое). Они не сводимы друг к другу, но серьезное исследование одной из четырех проблем предполагает некоторое прохождение через остальные измерения. Постмодернистская же философия ограничивается двумя измерениями – праксеологическим в форме прагматизма и аксиологическим в урезанном виде. Поэтому постмодернизм не может быть полнокровной научной философией.

Постмодернизм разрушает Культуру, унижает разум и интеллигентность. «Но что здесь слишком нового?» – задается вопросом автор. «Вся история культуры – сплошное, временами непомерно тяжелое, испытание подлинного творческого духа. А он до сих пор жив! Это внушает оптимизм, твердую веру, что и в нашу переломную эпоху творческий дух сохранит силу и достоинство, создаст преграду нарастающему абсурду, найдет новые пути сохранения целостности и жизнестойкости земной цивилизации, возвышения человечности» [20].

Г. С. Киселев вопрошает [21]: «В чем же может заключаться прогресс истории в эру Постмодерна, в которой мы живем?». Предшествовавшее постмодерну Новое время (эпоха Модерна) возвысило самомнение человека, неограниченные способности его разума и воздействия на мир. Но человек не осознал необходимости самоограничения, свою двумирную природу. Профанный гуманизм (выражение Франкла) центром ценностей сделал реалии самого грешного мира. В результате чего наступил кризис религиозного сознания. Затем появились новые опасности, связанные с глобализацией. И потерявших веру людей поглотил Постмодерн, явившийся, по словам Е. Б. Рашковского, дурным продолжением Модерна, его похмельем.

«Начинающееся» вновь христианство, настоящая религиозность должны поменять ценностные ориентиры человека. «Ложное сознание может быть преодолено только одним способом – одухотворенным мышлением; иными словами, человек обязан осуществлять интеллектуальное усилие согласно моральному закону. Все это возможно лишь творческим преодолением самого мира и выходом за его пределы, т. е. трансценденцией, соединением с Божественным. Только в этом случае человеку не грозит кошмар воплощения в жизнь химер его ложного сознания» [22].

Посмотрим на проявления постмодернизма в науке и образовании. Исследователь постмодерна профессор РГГУ Г. С. Кнабе [23] примерно так описывает защиту одной диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии. Первый оппонент «зачитал» в своем отзыве, что диссертация слабая, но поскольку все диссертационные диспуты приобрели совершенно условный и искусственный характер, то не приходится возражать против присуждения искомой степени. Второй оппонент выявил много недостатков в диссертации, но отметил, что они суть общие недостатки культурологической науки и не должны препятствовать присуждению данной степени. Третий оппонент подчеркивал одаренность диссертанта, которая, согласитесь, важнее отдельных частных особенностей работы. В результате диссертационный Совет отказал в присвоении ученой степени – большинством в 10 голосов против 9. При этом никто из 9 членов Совета, проголосовавших за диссертанта, не имел никакой личной выгоды, но, по-видимому, на истину им было просто наплевать.

Заметна постмодернистская переоценка ценностей у молодежи (не хватает желания и времени на учебу, много невиданных ранее соблазнов) и устранение государства от реальных нужд образования и воспитания (якобы нет средств). Часто мы делаем вид, что учим, они – что учатся, оно – что заинтересовано в образованности своих граждан.

Философ Ф. Т. Михайлов в статье «Образование и власть» [24] анализирует отношение наших чиновников к образованию, замечая, что «образование давно уже не столько **культура**, сколько **структура**». Ученые и преподаватели высшей школы определяются государством как **служащие**. Формализм царит как в системе образования, так и в работе ВАКа. Автор пишет: «И вот уже многие сотни полуграмотных доцентов и профессоров философии, этики, эстетики, культурологии, политологии, современных проблем науки и т. п. пишут статьи, книги (сейчас это просто), выступают на конференциях, в том числе и международных, консультируют диссертации и... образуют послушный научный актив при образовательных государственных управах всех ступеней и уровней. **Так и образуется союз власти и ее ученых**».

Ф. Т. Михайлов указывает также на отношение власти и ее адептов к философскому образованию в стране. Уже 20 лет предпринимаются попытки отменить преподавание философии в вузах. Как известно, отменены аспирантский курс и кандидатский экзамен по философии, который заменен на кандидатский экзамен по истории и философии науки.

В экономике, политике, культуре и образовании правит бал своекорыстный *государственный интерес* бюрократов и олигархов, «увлеченных идолами стихийного рынка и политического *театра*». Необходимо «вернуть *все высшее образование* – философское в первую голову, к статусу **государственно-гражданских** институтов». Экспертами образовательных программ и инициатив должно выступить все образовательное сообщество. И это есть путь к **«государству гражданского общества»**.

В октябре 2005 г. в Государственной Думе РФ прошла конференция по проблемам современного отечественного образования. Проведенное на ней сплошное анкетирование участников конференции, являющихся экспертами по образованию, позволяет уверенно сделать следующие выводы [25]. 1. Политика нашего правительства в области образования неудовлетворительна, а сама си-

стема образования не выполняет своих функций. 2. Модернизация образования вредит народному образованию, в сфере образования наблюдаются регресс и нарастание энтропии. 3. Интересы и законные права родителей учащихся на практике не реализуются.

Статья Н. В. Громыко [26] посвящена анализу роли Интернета и постмодернистских воззрений на современное образование. Выясняется, в какой мере на разрешение существующего острого конфликта между *знанием* и *информацией* влияют Интернет и постмодернизм. Автор приходит к выводу: «Теоретическое мышление возможно и перспективно, если сделать интернет не средством информатизации и "постмодернизации" общества, но средством его, если можно так выразиться, эпистемологизации». Для этого должны быть разработаны новые образовательные компьютерные программы.

В идеале постмодернистский тип личности – «космополит, свободный от догмата любых культурных традиций и норм, прекрасно понимающий всю их условность; это абсолютно искренний по отношению к своим природным инстинктам "шизоид" (термин взят у Ж. Делеза и Ф. Гваттари), ценящий прежде всего потребление, в том числе потребление информации; это интеллектуал, владеющий правилами любой языковой игры и столь же легко освобождающийся от них». Основным процессом в Интернете является языковая игра, заменяющая и отторгающая мышление.

Происходит информатизация и постмодернизация современной школы, влекущая за собой «отказ от ценностей теоретического мышления и целевого проектного мышления». Сознание учащихся необходимо регулярно очищать от мусора и наслоений массовой культуры. «Интернет, выводящий за пределы постмодернистской моды, может выступить средством развития как практико-ориентированной науки, так и практико-ориентированного образования одновременно».

Заметим, что идейные истоки, происхождение, история и эволюция постмодернизма тщательно прослежены и исследованы в обстоятельных трудах И. П. Ильина [27, 28].

Обратимся к работе А. В. Бузгалина с характерным названием «Постмодернизм устарел...» [29]. Автор показывает, что социальной причиной заката постмодернизма является кризис *неолиберализма*, вытекающий из двух качественных изменений мирового сообщества. Это доминирующая роль транснационального корпоративного капитала и выход на мировую арену сверх-государства (протоимперии) США. *«Транснациональные корпорации превратились в силу, сравнимую с силой государства, и, по сути дела, начали освобождаться из-под господства последнего в экономической сфере»*. А США ведет самостоятельную, никем не контролируемую геополитику. При этом на смену неолиберализму может прийти ультраимпериализм с порабощающей идеологией глобализма. С другой стороны, в мире активизируется мощное социальное движение антиглобалистов.

Постмодернистская концепция, отрицающая системный подход, не способна объяснить сегодняшние мировые процессы и дать ответы на реальные вызовы времени. Поэтому она оказывается ненужной ни власти, ни оппозиции.

В заключение статьи автор указывает на вероятность того, «что в недалеком будущем, даже если мы оставим в стороне социально-экономические и общественно-политические столкновения, в идейно-духовной сфере столкнется новая вульгарно-апологетическая глобальная идеология, адекватная эпохе рождающегося ультраимпериализма, с одной стороны, и новая открытая диалогичная методология рождающихся альтернативных социальных движений – с другой. И в этом столкновении нам придется занять ту или иную позицию, ибо здесь, в отличие от "плюралистичного" постмодернистского мира, "воздержавшихся" не будет».

В. А. Кутырев [30] также утверждает, что *деконструкция* есть генеральная линия и классика постмодернизма в философии. Она являет собой первый этап «бури и натиска» нигилистической революции в отношении существующего Гомо сапиенс, его вещно-событийного мира, телесного бытия и словесно-теоретического мышления. Но уже наступает этап реставрации. Многие заговорили о необходимости «возврата к метафизике».

Укажем еще статью М. Е. Соболевой [31], в которой на примере философии трансцендентального прагматизма Карла-Отто Апеля показано, что и в эпоху постмодернизма возможно и даже необходимо развитие серьезных метафизических концепций. Постмодернистами метафизика давно объявлена анахронизмом. Как пишет автор, «концепция Апеля является одной из многочисленных попыток ответить на вопрос о том, существует ли единый фундамент, обосновывающий все бытие и все человеческое знание о нем». Метафизика Апеля, являясь философско-лингвистической теорией, основанной на универсальной языковой практике, показывает объективную значимость человеческого познания.

Завершая рассмотрение постмодернизма, оценивая его в целом крайне отрицательно, нельзя не отметить его живучесть и определенную пользу в качестве альтернативно-оппозиционного философствования. Обратимся к последним страницам работы В. В. Миронова [32]. Здесь отмечается важность анализа постмодернизма как фи-

лософской концепции и современной культурной стилистики. При этом постмодернизм понимается в широком смысле, включая деконструктивизм и постструктурализм. Автор замечает, что постмодернистская критика классически понимаемых рациональности и метафизики не заслуживает серьезного внимания. Он подчеркивает, что «постоянные попытки разрушения философии в силу их нереализуемости не столько вредны, сколько полезны, ибо цементируют само здание философии, вырабатывая в ней иммунитет, заставляя формулировать новые фундаментальные аргументы, оправдывающие необходимость ее существования». В частности, постмодернизм заостряет проблему философской интерпретации текстов. И в этой роли он конструктивен.

В. В. Миронов пишет, что массовая культура и Интернет весьма способствовали раскрутке постмодерна. Она была необходима постмодернизму для «защиты от академической среды, после чего он стал почти неуязвимым, как раскрученная поп-звезда... Клиповое сознание – это умонастроение эпохи, когда человек устал читать толстые тексты – будь то образцы литературы или философии; он объективно не имеет для этого времени, которое заполнено фрагментами новообразованных культурных феноменов, и одновременно стал более свободен в собственном мыслеизъявлении». Автор продолжает: «*Популярность постмодернизма заключается в том, что он оказался на стыке тектонических сдвигов, происходящих в человеческой культуре, и, как это ни парадоксально, может стать тем мостиком, который будет нас связывать со старой традиционной культурой*. Это типичный пример альтернативной концепции, которая вполне адекватна современному состоянию развития культуры, в каком-то смысле является “душой”, самовыражением этого периода ее развития, а значит, вариантом философствования. Постмодерн провоцирует философские размышления, заставляя нас вновь и вновь задумываться о сущности философии и о философствовании, которое необходимо сопряжено с интерпретацией смыслов».

Подведем итоги. Метафизика и постмодернизм стоят на противоположных позициях по следующим основным мировоззренческим вопросам.

1. *Отношение к бытию*. Бытие – главная используемая и исследуемая метафизикой категория. Бытие как таковое имеет умопостигаемые основания, такие, например, как принцип единства мира. Любая бытийность подчинена вполне определенным законам. Постмодерн разрушает бытие, заменяя его потоком сознания, виртуальным или сугубо прагматически направленным, т. е. деструктивным изначально или финально. Объективный характер бытия постмодернистами отрицается, поскольку, по их мнению, бытие произвольно конструируется субъектом.

2. *Отношение к истине*. Целью метафизического познания является поиск истины. Истину можно понимать как сущность бытия. Значит, истина в метафизике вполне определенна. Но возможны различные пути ее познания. Постмодернистская «истина» прячется за абсолютной плюралистичностью мнений, служащей неким всеобщим принципом. Сколько мнений, столько и истин. Но в постмодернизме за неограниченной свободой мнений скрывается корыстный интерес.

3. *Здравый смысл*. Метафизика опирается на здравый смысл и реализм. Постмодернизм есть идеология абсурда. Приведем пример. Россия строит капитализм. И в то же время капитал (деньги Стабфонда) лежит без движения в зарубежных банках, обесцениваясь и работая на Запад. Что это? Если не полный абсурд, то прямое вредительство!

4. *Отношение к человеку*. Метафизика показывает реальное место человека в природе, воздает должное его познавательным способностям и возможностям. Человек силен, но не всемогущ. Свобода человека ограничена естественной необходимостью. Постмодерн же навязывает человеку пагубные поведенческие штампы, атрофирует его волю, подавляет разум. Белое становится черным, черное – белым.

5. *Отношение к обществу*. Метафизическое воззрение на общество в принципе социально, поскольку стремится к объективности в познании и понимании жизни. Постмодернистская идеология ориентирована на подрыв общественного здоровья, превознося успех любой ценой, будь то власть, деньги или слава (лучше все вместе). Поэтому постмодернизм асоциален, опасен для каждого человека, для общества в целом и для государства.

6. *Отношение к культуре*. Постмодернизм проповедует культ поверхностности в противоположность к существующему в человеке и культуре трансцендентному, на признании чего и возможна метафизика. Подлинно высокую культуру постмодернисты заменяют массовой культурой, не требующей творческих свершений.

7. *Отношение к нравственности*. Метафизика понимает нравственность подобно Канту – это «категорический императив», «моральный закон внутри нас», который вместе «со звездным небом над головой» образует стержень человеческого бытия. Тем самым нравственность для человечества носит всеобщий характер, она объективна. Мораль постмодерна заключается в неограниченной личной свободе, в признании главенства либеральных прав индивида – в ущерб обществу и, в конечном счете, самому человеку. На проходившем в Москве в начале апреля 2006 г. X Всемир-

ном русском народном соборе было подчеркнуто, что нравственность едина и неделима для всех. Нравственность базируется на десяти заповедях Христовых. И никакие либеральные лозунги не могут цениться выше этих заповедей.

Отметим, что ведутся ожесточенные научные, философские и культурологические споры о статусе метафизики. Фундаменталисты считают метафизику важной частью философии, способной рационально обосновать возможность и само построение целостной научной картины мира. См. [33]. Жесткие представители социокультурного направления скорее отрицают такую возможность, делая акцент на принципиально субъективном характере знания. Как мы видели выше, постмодернизм есть непримиримая оппозиция метафизике.

Проблемы метафизики и постмодернизма продолжают волновать исследователей. Это подтверждают глубокие публикации [34, 35] в журнале «Вопросы философии», вышедшие в самое последнее время.

Примечания

1. *Аристотель*. Метафизика. Сочинения [Текст]: в 4 т. Т. 1 / Аристотель. М.: Мысль, 1975.

2. *Авалиани, С. Ш.* Трансформация метафизики [Текст] / С. Ш. Авалиани // Вопросы философии. 2005. № 11. С. 48–53.

3. *Кант, И.* Критика чистого разума. Сочинения [Текст]: в 6 т. Т. 3 / И. Кант. М.: Мысль, 1964.

4. *Бросова, Н. З.* Судьба метафизики и судьба человека [Текст] / Н. З. Бросова // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 54–65.

5. *Джемс, У.* Психология [Текст] / У. Джемс. М.: Педагогика, 1991.

6. *Катречко, С. Л.* Как возможна метафизика? [Текст] / С. Л. Катречко // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 83–94.

7. *Захаров, В. Д.* Метафизика в науках о природе [Текст] / В. Д. Захаров // Вопросы философии. 1999. № 3. С. 97–111.

8. Структура и развитие науки [Текст]. М., 1978. С. 63.

9. *Грязнов, А. Ю.* Абсолютное пространство как идея чистого разума [Текст] / А. Ю. Грязнов // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 146.

10. *Аристотель*. О душе. Сочинения [Текст]: в 4 т. Т. 1 / Аристотель. М.: Мысль, 1975.

11. *Катречко, С. Л.* Как возможна метафизика? [Текст] / С. Л. Катречко // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 83–94.

12. *Яковлева, Л. Е.* От феноменологии Гуссерля к метафизическому реализму Х. Субири [Текст] / Л. Е. Яковлева // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 153–156.

13. *Ивин, А. А.* Современная философия науки [Текст] / А. А. Ивин. М.: Высш. шк., 2005. С. 509.

14. *Садовничий, В. А.* Знание и мудрость в глобализирующемся мире [Текст] / В. А. Садовничий // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 3–15.

15. *Сокулер, З. А.* Знание и власть: наука в обществе модерна [Текст] / З. А. Сокулер. СПб.: РХГИ, 2001.

16. *Панарин, А. С.* Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств [Текст] / А. С. Панарин // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 16–36.

17. *Мясникова, Л. А.* Экономика постмодерна и отношения собственности [Текст] / Л. А. Мясникова // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 5–16.

18. *Деннет, Д.* Постмодернизм и истина. Почему нам важно понимать это правильно [Текст] / Д. Деннет // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 93–100.

19. *Дубровский, Д. И.* Постмодернистская мода [Текст] / Д. И. Дубровский // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 42–55.

20. Там же. С. 54–55.

21. *Киселев, Г. С.* Постмодернизм и христианство [Текст] / Г. С. Киселев // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 3–15.

22. Там же. С. 14.

23. *Кнабе, Г. С.* Местоимения постмодерна (обзор некоторых событий, фактов и текстов) [Текст] / Г. С. Кнабе // Сквозь границы: культурологический альманах. Вып. 3. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. С. 111–143.

24. *Михайлов, Ф. Т.* Образование и власть [Текст] / Ф. Т. Михайлов // Вопросы философии. 2003. № 4. С. 31–47.

25. Краткий отчет о социологическом исследовании, посвященном современному состоянию отечественного образования [Текст] // Философские науки. 2006. № 1. С. 153–155.

26. *Громыко, Н. В.* Интернет и постмодернизм – их значение для современного образования [Текст] / Н. В. Громыко // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 175–180.

27. *Ильин, И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм [Текст] / И. П. Ильин. М., 1996.

28. *Ильин, И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа [Текст] / И. П. Ильин. М., 1998.

29. *Бузгалин, А. В.* Постмодернизм устарел... (Закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии») [Текст] / А. В. Бузгалин // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 3–15.

30. *Кутырев, В. А.* Философия иного, или Небытийный смысл трансмодернизма [Текст] / В. А. Кутырев // Вопросы философии. 2005. № 7. С. 21–33; № 12. С. 3–19.

31. *Соболева, М. Е.* Возможна ли метафизика в эпоху постмодерна? К концепции трансцендентального прагматизма Карла-Отто Апеля [Текст] / М. Е. Соболева // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 143–154.

32. *Миронов, В. В.* Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии [Текст] / В. В. Миронов // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 40–43.

33. *Вечтомов, Е. М.* Математика и научная картина мира [Текст] / Е. М. Вечтомов // Сборник статей Всерос. науч.-практ. конф. Т. 2. Москва-Коряжма: Изд-во «Старая Вятка», 2005. С. 91–101.

34. *Селиванов, А. И.* Метафизика в культурологическом измерении [Текст] / А. И. Селиванов // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 49–63.

35. *Кеглер, Г. Г.* Этика после постмодернизма [Текст] / Г. Г. Кеглер // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 111–117.

В. Ф. Юлов

О СЕНСУАЛИЗМЕ В АКСИОЛОГИИ И ЭПИСТЕМОЛОГИИ

В данной статье речь идет о критике широко распространенного представления о том, что чувства способны совершать различные оценки. Позиция автора: все то, что приписывается чувствам, на самом деле совершает интеллект.

Якобы чувственность в её разных формах является основой познавательного оценивания. Такая формула сенсуализма указывает на связь теории познания с аксиологией. Для терминологической ясности и определённости в последующих рассуждениях назовём её «аксиологическим сенсуализмом». Данный феномен присущ отнюдь не редкой группе мыслителей, он выражает типичную позицию зарубежных и, преимущественно, отечественных авторов. При этом оценочная роль чувств трактуется универсально – от познания животных до человеческого искусства и науки. Ключевое место здесь отдаётся эмоции, которая присуща всем формам жизни. Так, по мнению С. Х. Раппопорта, уже животные обладают способностью к оценке в виде эмоции как чувственного отражения [1, с. 37]. Широкую объяснительную схему, включающую и человека, предложил Г. П. Выжлецов. Он полагает, что чувственное переживание или эмоция соотносит потребность субъекта с нужным предметом и в этом отношении реализуется оценка. Такая непосредственность чувства, где нет различий между субъектом и объектом, подготавливает познание с его субъектно-объектной логикой [2, с. 38–40]. В. М. Видгоф пошёл ещё дальше и выделил у человеческой эмоциональности структуру из четырёх аспектов: психологического (личностное переживание); гносеологического (конституирование связи чувственного и рационального начал); аксиологического (производство оценок); коммуникативного (эффективное общение). Все аспекты объединяются на основе чувственности. Примечательны иллюстрации автора в пользу того, что эмоциональная оценка регулирует интеллектуальные процессы. «Противоречие в рассуждениях противно так же, как пустая пивная кружка на столе» (реплика сэра Тоби в «Двенадцатой ночи» У. Шекспира). В своё время известный лингвист, академик Л. В. Щерба признал существование «оценочного чувства» правильности или неправильности речевых высказываний [3, с. 7–91].

Чувства – это явные индикаторы скрытой активности интеллекта. К позиции, которая была изложена, у нас однозначно критическое отношение. Мы полагаем, что чувства сами по себе в принципе не могут произвести какую-либо оценку, ибо оценивание – это функция интеллекта. Но ничто не мешает им выступать в союзе с разумом, соединяя его работу с потребностно-мотивационной сферой и поведенческими реакциями тела. Ясно, что положение чувственности и интеллекта весьма неодинаково: если активность второго скрыта в глубинах ума, то игра эмоций происходит «на поверхности» и она может быть принята за всё содержание процесса оценивания. Такое вуалирование естественно, но при наивной интерпретации оно заводит в ловушку заблуждения.

В самом грубом приближении чувственность делится на сенсорную (впечатления, производимые органами чувств) и аффективную. Хотя чувственная переживаемость их объединяет, она выражается этими двумя областями по-разному. Сенсорные данные (увиденное, услышанное, осязаемое и т. п.) представляют локальную знаковую информацию о внешней и внутренней среде, и в этом плане они «объективны». Аффективная психика «субъективна», её эмоциональные формы – волнение, горе, надежда, радость и т. п. – выражают сугубо внутренние состояния индивида. Эти состояния бытийственны, охватывают весь личностный мир и принципиально нелокальны.

Обе области психики по-разному взаимодействуют с интеллектом. Сенсорные впечатления, порождаемые стимульными раздражениями, способны стать только чувственными знаками. Рациональные значения им может придать только интеллект, что и ведёт к образованию единиц эмпирического познания – ощущений и восприятий. Вот почему сенсорная психика, как правило, «нагружена» когнитивными формами интеллекта. Структурно-функциональное сцепление впечатлений-знаков со знаниями-значениями и даёт всё многообразие эмпирического опыта. Совсем по-другому действует аффективная психика. Она вписывает интеллект в широкий и совокупный контекст человеческой жизнедеятельности [4, с. 203–217]. Уже на рубеже XIX и XX вв. это хорошо показали психологи. Началом любого практического действия выступает потребность-желание, к примеру, голод. Этот физиологический импульс аффективная психика превращает в интерес, который кристаллизируется в процесс внимания, направленный на тот предмет, который способен удовлетворять потребность (пища). Такая мотивация запускает работу интеллекта, который должен обеспечить нахождение нужного предмета. Эмоциональные переживания сопровождают действие, мобили-

ЮЛОВ Владимир Федорович – доктор философских наук, профессор по кафедре философии ВятГГУ
© Юлов В. Ф., 2006

зуя волю на реализацию умственной стратегии и обеспечивая ей должную моторику тела. Когда предмет обнаружен и потреблён, эмоциональное удовлетворение затормаживает все системы, выключая в том числе и интеллект. Итак, аффекты побуждают ум и тело к должной активности, поддерживают её оптимальный уровень и прекращают. Такова единая позиция В. Вундта, Э. Б. Титченера, Т. Рибо и Н. Н. Ланге [5, с. 166–172, 180–184, 317–370, 429].

Нередко в характеристиках позиции того или иного авторитетного философа фигурируют поверхностные клише, учитывающие только терминологическую и тематическую сторону дела. Так, до сих пор имеет хождение весьма грубая оппозиция рационализма – иррационализма. Обычно считается, что если первое фокусирует внимание на роли разума, то второе подчёркивает значимость всего внеразумного. Такая схема обрекает нас на смысловые деформации и ошибки. Иллюстрацией этого может быть оценка философии французского мыслителя А. Бергсона (1859–1941). В самых разных изданиях он однозначно фигурирует в качестве одиозного иррационалиста. По большому счёту это действительно так: разум у Бергсона подчинён инстинкту и интуиции как проявлениям жизненного порыва. Но если начать внимательно осмысливать его образы и понятия, то со многим соглашаешься, ибо оно подтверждается современной наукой и теорией познания.

Бергсона весьма интересовала связь эмоций и ума. Первое он трактовал в качестве аффективного потрясения души, которое способно занимать два положения в отношении разума. Соответственно существует два вида эмоций: 1) субинтеллектуальное переживание лишь следует за представлением и значительной роли не играет (радость по поводу открытия); 2) суперинтеллектуальная эмоция предшествует идее, и она обладает масштабным действием. Такое переживание захватывает все глубины личности, доводя их до высот энтузиазма, делает волю упорной и целеустремлённой и побуждает ум к творчеству. Суперинтеллектуальная эмоция порождает идею и доводит её до реализации в жизнь [6, с. 44–45]. Так действовали гениальные мистики (Плотин, Моисей, Я. Бёме и др.), осуществившие восхождение к Богу в состоянии экстаза. В таком состоянии их личности совпадали с их эмоциями. Бетховен обязан своими музыкальными шедеврами собственным сверхэмоциям, которые были творчески чем-то большим, чем его музыкальный ум [6, с. 272–275].

Размышления Бергсона по поводу «траектории» действия эмоций в целом совпадают с уже обозначенной позицией психологов: начало – сопровождение – завершение интеллектуального процесса. Его главная отличительная черта связана с пониманием начального этапа. Под суперинтеллектуальной эмоцией Бергсон подразумевает не поверхностное возбуждение, а «глубинную чувственность». «...По отношению к последующим чувственным состояниям она уже будет причиной, а не следствием: она чревата представлениями и не сформирована ни одним из них, но извлекает или может извлекать их из своей субстанции путём органического развития» [6, с. 45]. «Творчество – это прежде всего эмоция... Именно она, несмотря на все препятствия, продвигает ум вперёд» [6, с. 46–47]. Вот с таким пониманием сути творчества мы согласиться не можем. По самой своей природе чувственно-эмоциональная психика не способна «органически развиться» в представления и идеи как формы интеллекта. Если содержание первой сводится к субъективным переживаниям, то интеллект наряду с ложными образами может производить объективно-истинные знания. Аффекты аморфно распределяются по всей самости личности, в то время как знания локализуются в определённых местах когнитивного пространства. Эмоциональные состояния диффузно неопределённы и бесструктурны, акты же интеллекта и их продукты как раз являются структурными образованиями. Вот почему нельзя согласиться с Бергсоном в том, что аффективная эмоция может породить некие единицы знания. Переживание способно стать только своеобразным «включателем» работы ума, к этому и сводится её мотивационно-побуждающая функция.

Оценивание как один из видов активности интеллекта. Тема интеллекта исторически традиционна и имеет богатый спектр разных решений. И всё же в этом разнообразии выделяется некое общее смысловое ядро: а) содержание интеллекта рационально, и оно представлено знаниями; б) активность есть способ существования интеллекта – это «ум в действии». Нами предложен уточняющий вариант схемы действия интеллекта: знание-средство => предмет = когнитивный результат. Мы полагаем, что такая триада универсальна и охватывает познание животных, практику, мировоззрение и науку. При этом средство всегда по качеству выше и значимее, чем предмет. В любом акте средством может быть только какое-то знание и здесь можно говорить о методе как универсальной форме средств интеллекта. А вот в качестве предмета способны фигурировать как элементы знания, так и единицы рецепторной чувственности. Ясно, что по качеству вторые ниже первых, но как раз они и образуют исходные и самые простые предметы интеллекта. Это подтверждается огромным массивом фактов.

Американский психолог Г. Гарднер предложил концепцию семи интеллектов: 1) пространственно-визуальный; 2) музыкально-ритмический; 3) телесно-кинестетический; 4) вербальный; 5) логико-математический; 6) внутриличностный; 7) межличностный. Для пяти первых видов явным критерием выступает своеобразие знаков, на которые интеллект направляет свою активность. Так, первый интеллект занимается интерпретацией визуальных «картинок». Исследователи (М. Пен и др.) отмечают, что если принять существование трёх тысяч современных этнических культур, то в некоторых из них на зрительную систему, воспринимающую человека, приходится до 700 тысяч телесных сигналов (из всех сенсорных систем зрение даёт до 80% фактуальной информации). При этом человеческое лицо даёт 250 тысяч различных выражений, руки – 5 тысяч жестов, тело – 1 тысячу поз. Конечно, на таком фоне остальные сенсорные органы значительно проигрывают, но, по данным французского учёного А. Томатиса, до 85% электрической энергии мозга вызывается звуковыми стимулами.

Но здесь следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Хотя внешняя и внутренняя среды обрушивают на любой организм огромное количество стимульных воздействий, в каждый ситуативный момент времени психика актуализирует их весьма ограниченную часть. Её можно оценить через объём кратковременной памяти за период времени до 30 сек, который установлен психологами П. Линдсеем и Д. Норманом в виде соотношения 7 ± 2», т. е. за несколько секунд человек может запомнить от 5 до 9 впечатлений. Данное правило модифицируется на уровне сверхкраткой памяти спецификой сенсорной системы (П. Линдсей и Д. Норман). Так, эхоическая (звуковая) память за период от 0,25 сек до 4 сек способна удержать до 5 знаковых единиц. В то время как иконическая (визуальная) память фиксирует за период от 0,1 сек до 0,5 сек до 12 знаков [7, с. 121–129].

Разная степень кодирования информации здесь налицо, но нам важно, что память закрепляет лишь малую часть впечатлений, которая является следствием предварительного выбора, что возможно только в акте оценивания. Естественно, напрашивается вопрос: «Может ли сама сенсорная чувствительность быть способной производить оценки?». Мы выдвигаем предположение, что она такой возможности не имеет и оцениванием занимается интеллект. Для аргументации можно привести пока только одно соображение. Экспериментальные исследования показывают, что на рецепторных системах тела всегда образуется огромное количество чувственных впечатлений. Стало быть, сама по себе сенсорная психика продуцирует обильный и неограниченный объём единиц. И если за какие-то секунды от 5 до 12 впечатлений становятся ощущениями и восприятиями, то очевидно, что оценка и выбор делаются некоей инстанцией, находящейся вне чувственности. Поскольку здесь фигурирует память, всё сходится на интеллекте.

Оценивание существует только внутри познания. Очень важно определить место процесса оценивания в соотношении с познанием. Здесь возможны различные решения. Одно из них принадлежит Г. П. Выжлецову. По его мнению, «оценка существует совместно с познанием. Нет познания без оценки, и оценки без познания» [2, с. 39]. Казалось бы, в данном случае мы имеем идеальную форму диалектической связи. Но осмысление контекста порождает критическое неприятие. Автор так расшифровывает смысл слова «совместно»: оценка соединяет чувства с логическими суждениями. Сама она как акт включает эмоцию, задающую оценочное отношение и оценочное суждение [2, с. 45–46]. Получается, что оценка занимает промежуточное положение: одной стороной она пребывает в аффективной чувственности, а другой – в логико-вербальном интеллекте. По поводу эмоций мы уже выяснили, что они не способны оценивать. Что касается логических суждений, то здесь возражений нет, они участвуют в оценочных актах. Возникает лишь недоумение в отношении ограничения познания областью вербальных высказываний. Почему автор не учитывает эмпирическое познание, присущее практике, мировоззрению и науке? Неужели многообразие ощущений, восприятий и других эмпирических образов не дотягивает до статуса познания? Если это так, то позиция Г. П. Выжлецова квалифицируется как форма рационализма (логицизм или теоретизм). Ее ущербность очевидна в свете ряда аргументов.

Для истории философии оппозиция сенсуализма/рационализма является классической. Но их трактовка отнюдь не проста. Если признать, что сенсуализм утверждает решающую роль чувственности в познании, а рационализм отдаёт эту роль интеллекту, то эти формулы совсем не выражают сути дела. Общеизвестно, что классическим сенсуалистом был Л. Фейербах (1804–1872). Возьмём типичное для него высказывание: «...только там, где начинается чувственное, кончается всякое сомнение и спор. Тайна непосредственного знания сосредоточена в чувственности» [8, с. 187]. Ясно, что чувственность у философа не сводится к осязательным, зрительным и другим впечатлениям, она содержит «непосредственное знание». Иначе говоря, речь идёт об эмпирическом познании, где сенсорная чувственность сопряжена с относительно простыми рациональными образами реальности. С этой по-

зиции Фейербах критиковал рационализм Гегеля, признавший монополию логического мышления. Так что здесь правильнее говорить об оппозиции эмпиризма и логицизма.

Любое познание, включая эмпирический опыт, сочетает чувства и интеллект. Данный ракурс рассмотрения позволяет по достоинству оценивать наследие философов прошлого. Если сохранить прежний смысл «сенсуализма» как позиции «голой чувственности», то многие великие философы окажутся в позиции весьма наивных мыслителей. Конечно, в древности можно найти намёки мудрой позиции. Так, у Августина есть такое высказывание: «Ибо знак есть вещь, которая воздействует на чувства, помимо вида (species), заставляя приходить на ум нечто иное» [10, с. 66]. Налицо признание единства чувственного знака и умственного значения, не совпадающего с первым, в эмпирическом познании. Но такие прозрения не стали нормой до И. Канта, признавшего всякое познание союзом чувственности и рассудка. Если первое лишь даёт предмет, то второе судит о нём. Вот почему «опыт сам есть вид познания, требующий [участия] рассудка» [9, с. 19]. В этом мнении Кант уже не был одинок, его поддержали французские философы. Так, А. Д. де Траси (1754–1836) полагал, что «чувствовать и рассуждать – вот и все наши интеллектуальные возможности» [10, с. 188]. Как и в случае с Фейербахом, термин «чувствование» имеет двойное значение: а) чувствовать, получая впечатления от органов чувств; б) чувствовать, реализуя возможности интеллекта. По мнению автора, «чувствование» в науке заключается в наблюдении за фактами и выяснении их практических значений. Искусные учёные (И. Ньютон, А. Лавуазье и др.) добиваются значительных успехов на пути опыта. «Рассуждение» есть второй способ научного познания. Здесь уже строится теория посредством логического сравнения основных фактов, обозначенных словесными конструкциями, что позволяет открыть законы [10, с. 172–173].

И всё же идея двойной структуры эмпирического опыта утверждалась отнюдь не просто. В некоторых кругах философов и учёных сохраняло силу многовековой инерции представление о «голой чувственности». Оно имело широкое хождение и в XX в., что дало основание для иронии англичанина Дж. Остина (1911–1960). Он отмечал, что некоторые философы с умным видом говорят и пишут о «чувственном восприятии» как наборе сенсибилий (впечатлений). Но такого содержания для познания явно недостаточно, ибо чувства сами по себе немы и ничего не говорят нам ни истинного, ни ложного [12, с. 156].

Эмпирический опыт не логичен, но рационален, и это обеспечивает нужную оценку. На фоне отождествления восприятий с сенсибилиями возникла другая крайность – вводить в эмпирический опыт логические характеристики. Инициаторами этого направления стали учёные: биологи, физиологи, психологи. Экспериментальные исследования убедительно свидетельствовали в пользу «разумного» поведения организмов и «умного» функционирования их органов. Так, уже немецкий учёный Г. Гельмгольц (1821–1894) выдвинул гипотезу о том, что в акте зрительного восприятия производится «неосознанный вывод». Это явное следствие логицизма, сводящего все формы познания к логическому выводу. Современная теория познания и когнитивная психология признают существование эмпирического знания, отличного от логических структур. Исследователи называют его по-разному: у В. П. Зинченко это «перцептивный эталон», У. Найссер предпочёл «схему», К. Лоренц – «шаблон», Е. Толмен – «когнитивную карту», Д. Норман – «прототип», М. Минский – «фрейм». Но у всех данных форм есть единые черты: 1) знание частно-общего характера; 2) проявление долгосрочной памяти; 3) предвосхищение будущих ситуаций (ожидание); 4) отсутствие осознанности.

Известный этолог К. Лоренц полагал, что жизнедеятельность всех организмов обеспечивается тремя последовательными актами в следующей последовательности: а) обработка чувственных данных; б) оценка результатов; в) интерпретация [13, с. 345]. Если учесть явление «ожидания», то оценка может выходить на первое место. Поскольку речь идёт о своеобразном опережении и упреждении будущего времени, такое действие возможно лишь при условии, если эмпирическое знание структурировано в форме постоянно действующей установки. Это означает, что носитель когниции (животное, человек) в своём сенсорном поле заранее ожидает появления впечатлений определённого рода. Стало быть, некая схема уже произвела воображаемую сортировку, разделив все возможные сенсибилии на две группы: узкое, локальное множество значимых впечатлений и бесконечное количество незначимых стимулов. Такая оценка и соответствующий отбор лежат в основе базисных ощущений и восприятий. Только эта стратегия опережающей готовности позволяет животным успешно адаптироваться к меняющейся среде, а человеку эффективно осуществлять культурную деятельность.

Ещё сравнительно недавно этологов интриговало следующее поведение африканских слонов, живущих в естественных условиях. В период засухи они весьма часто поднимают две ноги – переднюю и заднюю – и долго стоят в такой неудобной позе. Выяснилось, что в подошвах ног слонов находятся высокочувствительные рецеп-

торы, которые способны за сотню километров уловить сейсмическую волну, сопровождающую грозу. Состояние наивысшей чувствительности достигается при опоре на две ноги. В эмпирическом опыте слонов (возможно, и во врождённой программе) закрепилась связь между грозовыми толчками земли и появлением воды. И если слоны испытывают жажду, то их интеллект посредством опыта настраивает чувственность на поиск сейсмических сенсибилий. Его схемы оценивают их как значимые и тем самым формируют весьма определённые ожидания. Целой серией поведенческих актов слоны пытаются воспринять должные колебания почвы, и когда последние появляются, то их оценка происходит мгновенно. Когнитивная схема, накладываясь на впечатление, создаёт рациональное значение: «в данном месте есть вода, нужно идти в определённом направлении». Эффективность такого поведения очевидна.

Если признать «мышление обезьян», то оно основано на интеллектуальной оценке ситуаций затруднения. Пример со слонами вкупе с предварительными предпосылками позволяет сделать один важный вывод. На уровне животных и в относительно простой практике человека для производства оценок от интеллекта не требуется каких-либо особых содержательных структур. Одни и те же единицы эмпирического опыта осуществляют как познавательное оценивание, так и формирование ощущений и восприятий. Речь идёт о дополняющих друг друга функциях. Сначала когнитивная схема реализует оценку – из бесконечного континуума потенциальных впечатлений она выделяет локальные группы значимых сенсибилий (в ситуации засухи для слонов важны знаки сейсмических толчков). Всё это закладывается в установку, и, когда ожидание актуализируется, та же схема придаёт впечатлениям значение (интенсивные сотрясения – это вода), превращая их в познавательные единицы опыта (ощущения и восприятия). Интерпретационная функция завершает то, что сделала оценка, и всё это посредством одной эмпирической когниции. Такая экономность соответствует эволюционным законам.

Первичная избирательность закладывается самим физиологическим устройством сенсорных органов. Такое строение формируется ходом эволюции. Так, лягушка питается движущимися насекомыми (комарами, мухами и т. п.), которых ловит движением языка. Распознание таких объектов обеспечивает зрительная система из четырёх детекторов, фиксирующих: 1) границу между тёмным и светлым участками; 2) движение этой границы; 3) смену освещённости; 4) движение маленького тёмного пятна (Г. Леттвин). У кошки обнаружены детекторы изогнутых линий, углов и направлений, что значительно расширяет репертуар сенсибилий. И всё же функционирование всех органов в конечном счёте определяется работой интеллекта. Хотя сенсорный детектор резко ограничивает поле своего действия, оно всё же сохраняет значительную долю неопределённости. Решающую избирательность вносят эмпирические схемы, производя уточняющую оценку, что и обеспечивает итоговую эффективность. Маленькие, тёмные и движущиеся точки могут быть всем, чем угодно, но лягушки всё же ловят мух и комаров; домашние кошки, как известно, реагируют на любой слабый шорох и движение, но ловят мышей и небольших птиц.

Самое сложное поведение в животном мире демонстрируют обезьяны и, главным образом, шимпанзе. Пионерские исследования в 1910–1920-е гг. провёл немецкий учёный В. Кёлер. Он выявил целую серию интеллектуальных актов, где шимпанзе ставились в ситуации затруднения и успешно разрешали их. Классическим опытом стало использование ящиков для доставания пищи. По нашему мнению, во всех опытах важную роль сыграла познавательная оценка. Прежде чем приступить к каким-то пробам и поискам, шимпанзе предварительно должны были оценить обстановку, в виде того, что требует изменений. И действительно, тот же Султан своим прекращением моторных действий показывал, что он признаёт ненормальной ситуацию, где наличествует пища (банан), но она расположена слишком высоко. Сравнение реальности с должным и породило оценку ситуации как «затруднения», этот акт, безусловно, интеллектуален. Особых информационных усилий потребовал поиск решения, и здесь суть дела свелась к оценке: «какие предметы способны стать нужной подставкой?». Обнаружение у ящиков такой функции средства и стало ядром открытия. Из нейтральных элементов ситуации ящики превратились в значимые орудия («то, что делает банан доступной пищей»).

Последующие исследования поведения шимпанзе подтвердили их высокий интеллектуальный уровень (1930–1940-е гг. – сотрудники И. П. Павлова). Весьма интересные опыты провели Л. А. Фирсов и А. М. Чиженков по изучению совместного поведения шимпанзе и макак-резус. Если Кёлер объяснял действия обезьян формированием в их интеллекте целостного образа ситуации (гештальта), то российские учёные полагают, что правомерно говорить об элементарном мышлении. Его внутренний логический схематизм задан нервной моделью опережающего вывода и «детектором непротиворечивости» – врождёнными структурами организации связей мозга. В силу этого интеллект обезьян способен планировать будущее (ставить цели), находить решения (идеи), представлять информацию в чув-

ственных знаках и осуществлять кооперативную деятельность [14, с. 49–120]. Несмотря на явный крен в сторону логицизма, авторы правомерно пытаются найти общее основание как для человека, так и для животных в виде интеллекта. Некоторая «прививка» эмпиризма усилила бы их позиции.

Может ли интуиция быть чувственной? Существует древняя традиция представлять интуицию чувственной способностью. Начало такого понимания можно найти у Аристотеля, а самое чёткое выражение приписывается французу Б. Паскалю (1623–1669). Многие высказывания мыслителя, казалось бы, подтверждают это мнение. Паскаль ясно заявил, что если говорить про истины, то «ум и сердце суть как бы врата, через которые они входят в душу» [15, с. 450]. Если движущими силами действий разума являются всем известные истины («целое больше своей части» и т. п.), то сердцем движет воля своими желаниями, среди которых выделяется любовь. Вот почему распознать истину сердца может лишь тот, кто горячо её любит. Итак, сердце есть орган чувственной интуиции, а ум – орган рассуждающей и аргументирующей мысли. Соответственно, интуиция «оценивает по подсказке чувств», «ибо в оценке всегда присутствует чувство... проникновение всегда свойственно оценивающему чувству» [16, с. 113].

И всё же позиция Паскаля отнюдь не однозначна, если учесть его другие высказывания. Неопределённость концентрируется в понимании работы сердца. С одной стороны, Паскаль заявляет, что его интуиции сугубо чувственны, но есть другая сторона, которая опровергает первую. Данная двойственность проявляется там, где он сравнивает два разных вида познания: математическое и непосредственное. Если первый чётко раскладывает множество начал на определения и аксиомы, не путаясь в них и выстраивает в логический ряд многочисленные следствия, то второй охватывает познаваемый предмет сразу и целиком единым взглядом. Это не значит, что в непосредственном познании разум отказывается от умозаключений, «но он их делает незаметно, не напрягаясь, без всяких ухищрений; выразить словами сущность этой работы разума не может никто, да и понимание того, что она вообще происходит, доступно лишь немногим» [16, с. 112]. Итак, существует два склада ума: «математический ум» аналитичен, всё раскладывает по полочкам – строит определения, рассуждает и аргументирует; «тонкий ум» (esprit de finesse) или проницательно-зоркий, или непосредственный, или опытный судит о предмете синтетично, способом целостного восприятия. Паскаль признаёт у каждого свои достоинства и недостатки. Математический ум силён своей глубиной, но слишком определённен, тонкий ум широк в охвате предмета единым взглядом, но поверхностен [16, с. 113]. Налицо две формы проявления единого «естественного света». Мы полагаем, что «интуиция сердца» у Паскаля тождественна «тонкому уму». Здесь мы разделяем точку зрения, которую впервые (1925 г.) заявил француз Э. Лефевр и которую поддержал в 1980 г. поляк В. Марцишевский [см. 17, с. 149–150]. Во времена Паскаля в философии господствовала грубая оппозиция «чувство – разум». Для её преодоления французский мыслитель использовал метафору сердца, подразумевая под ней эмпирическое (опытное) познание в виде ощущений и восприятий. Интеллект в них действительно действует тонко, незаметно, молчаливо, весьма отличаясь от демонстративных ходов логического вывода. Идея тождества «интуиции сердца» и «тонкого ума» отнюдь не грешит недостатками рационализма, ведь речь идёт об эмпирическом опыте, где в чувственной «одежде» знаков пульсирует образное знание. Имея опыт физика (гидростатика), Паскаль это понимал. Следует признать, что он одним из первых ввёл различие эмпирического («интуиции сердца», «тонкий ум») и теоретического («понятийно-рассуждающий ум») видов познания.

На идее двойственности умов Паскаль построил модель дополнительности научного открытия и теоретического доказательства. Мыслитель вполне определённо отличал два процесса: открытие истины и её доказательство [15, с. 434]. И здесь он опередил Г. Рейхенбаха с его моделью «контекста открытия» и «контекста обоснования» (1953). Первое как самое сложное доступно интуиции сердца, которая постигает принципы, вторым занимается логический разум, который уже исходит из готовых принципов и выводит из них следствия. Если брать геометрию, то истинные принципы совпадают с аксиомами, а доказанные следствия – с теоремами. «...Мы постигаем истину не только разумом, но и сердцем. Именно сердцем мы познаём первые принципы... Принципы чувствуются, теоремы доказываются, и то и другое с достоверностью, хотя и разными путями» [цит. по: 17, с. 147].

Чувствовать сердцем – значит оценить эмпирические образы в качестве теоретических принципов. Попробуем интерпретировать высказывание Паскаля в контексте некоторой реконструкции становления геометрии Евклида. Её исходными предпосылками были геометрические схемы древневосточной культуры. Египетские, вавилонские и другие математики обобщили богатый опыт практики измерения земельных участков, строений, объёмов зернохранилищ и других объектов. Все эти знания существовали в виде правил и операций конкретно-расчётного харак-

тера («измерь неизвестную сторону данной фигуры и учти известные»). Кроме этого у греков был собственный опыт наглядного доказательства, где одна фигура, вырезанная из папируса, накладывалась на другую. Такую практику Платон подверг критике и предложил идеал рационально-теоретического знания и норму логического доказательства. Архит, Евдокс, Теэтет и другие математики преобразовали эмпирические абстракции в теоретические объекты типа «точка», «прямая», ввели неопределяемые и определяемые термины, сформулировали ключевые аксиомы. Если предметом оценивания и трансформации здесь были эмпирические образы, то средства их переоценки и преобразования имели гносеологический, лингвистический и логический характер. За счёт этой сверхэмпирической операциональности, которую сами математики вряд ли осознавали, частные правила были переоценены в общие понятийные схемы. Для Паскаля же всё это предстало процессом, подобным восприятию – когда геометр смотрит на чертёж и «некое бессознательное чувство нашёптывает ему принципы». При всей наивности такой рефлексии следует признать заслугу Паскаля в установлении эмпирико-опытной природы интуиции («чутьё»).

За «чувством красоты» скрывается ценностный интеллект. В середине XX в. француз Ж. Адамар провёл опрос известных и выдающихся математиков (и физиков-теоретиков) на предмет того, какая способность сыграла решающую роль в их научных открытиях. Обобщающий вывод свёлся к тому, что научное «изобретение – это выбор, этим выбором повелительно руководит чувство научной красоты» [18, с. 33]. Такое заключение мало кого удивило, ибо научные тексты пестрят выражениями «красота метода», «математическая поэма» (У. Гамильтон), «радость художника, открывающего тонкую связь математических понятий» (А. Эйнштейн). По мнению американского физика Ф. Дж. Дайсона, к выводу о кривизне пространства творец теорий относительности пришёл из соображений эстетического характера, составлявших «специфику эйнштейновского воображения» [19, с. 6–7]. Предшествующий анализ заставляет нас с подозрением отнестись к феномену «эстетического чувства» в науке. Здесь также нужен детальный разбор сути дела.

В числе учтенных Адамаром ученых фигурировал знаменитый французский математик (и физик-теоретик) А. Пуанкаре (1854–1912). Его перу принадлежат замечательные книги, которые могут пролить свет на нашу тёмную проблему. Одна из глав у него названа «Математическое творчество», обратимся к ней. Здесь Пуанкаре подтвердил, что «всем истинным математикам знакомо настоящее эстетическое чувство», которое выбирает изящные арифметические и геометрические структуры, алгебраические уравнения и топологические фигуры [20, с. 317]. Но самое замечательное то, как он объясняет действие данного чувства. Пуанкаре вводит различие сознательного «я» и подсознательного «я», наделяя их разными функциями. Цикл математического творчества начинается с сознательной работы ума, который ставит проблему, очерчивая локальную группу когнитивных элементов, лишённых нужной связности. Тот же сознательный интеллект делает стандартные ходы и убеждается в их тщетности. Затем поиск решения опускается в глубины подсознательного «я» или неосознаваемого интеллекта. Его своеобразие состоит в том, что он производит огромное множество разных математических комбинаций и сам делает отбор. Им как раз и занимается «эстетическое чувство» как способность математика к специальному восприятию, которое пропускает в сознание только самые гармонично и симметрично организованные структуры. Ещё раз подчеркнём то, что Пуанкаре под эстетическим чувством подразумевает восприятие, т. е. эмпирически действующий интеллект. Он отмечает, что может показаться странным его обращение к восприятию в области математики, имеющей дело с мышлением. Но речь идёт как раз о восприятии математика, упреждающего работу аналитического ума целостной гармонией в виде зрелища правильно расположенного целого, что вызывает в нас предчувствие математического закона [20, с. 317]. Отфильтрованная комбинация попадает в зону сознательного «я» и вызывает чувство внезапного просветления, что запускает аналитическую работу доказательства. Важно отметить явную перекличку между «интуицией сердца» Паскаля и «эстетическим восприятием» Пуанкаре. Их объединяют такие черты: нелогичность, неосознанность, невербальность, усмотрение скрытой целостности.

Итак, все рассмотренные случаи чувств, якобы обеспечивающих познавательную оценку, оказались несостоятельными. Общий стиль авторов, проводящих линию приписывания чувствам нереальных функций, можно отнести к наивному сенсуализму и дурному психологизму. Первый феномен давно изжит в теории познания и, как сорняк, выживает лишь на обочинах, удалённых от современной эпистемологии. Что касается второго, то он является «внуком» того психологизма, который критиковал ещё Гуссерль. Главная причина его живучести – некритическая экспансия наивной психологии по принципу «всё от чувств». И действительно, человеческая чувственность вездесуща и, самое главное, она всегда на виду (одни чувства легко фиксируют другие чувства). Но

философия и наука, умудренные многовековым опытом, призывают идти глубже и ставить в центр исследования интеллект. Это трудно и сложно, так как «ум» всегда скрыт от чувств, он невидим, но как раз он и является подлинным виновником всякого творчества. Та креативность, включая различные познавательные оценки, что обычно приписывается чувствам и эмоциям, производится интеллектом. И он это делает всегда под их прикрытием, за их спиной. Если эмоции лишь запускают, сопровождают и выключают игры разума, легко отдать им творческую силу самого ума. Если эмпирические (опытные) знания всегда облечены в чувственные знаки и создают особый эффект восприятия – интуицию, куда проще это признать формой чувственности. Но настоящий исследователь не даст обманывать себя иллюзиями. Он будет руководствоваться максимой: «там, где было чувство, должен быть интеллект» (видоизменённое кредо З. Фрейда).

Примечания

1. *Раппопорт, С. Х.* Искусство и эмоции [Текст] / С. Х. Раппопорт. М., 1968.

2. *Выжлецов, Г. П.* Аксиология культуры [Текст] / Г. П. Выжлецов. СПб., 1996.

3. *Видгоф, В. М.* Целостная модель человеческой эмоциональности (опыт философской реконструкции) [Текст] / В. М. Видгоф // Вестник Томского гос. ун-та. 2001. № 6.

4. *Юлов, В. Ф.* Мышление в контексте сознания [Текст] / В. Ф. Юлов. М., 2005.

5. Психология внимания [Текст] : хрестоматия по психологии / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М., 2001.

6. *Бергсон, А.* Два источника морали и религии [Текст] / А. Бергсон. М., 1994.

7. *Норман, Д.* Память и научение [Текст] / Д. Норман. М., 1985.

8. *Фейербах, Л.* Основные положения философии будущего [Текст] / Л. Фейербах. Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1955.

9. *Кант, И.* Критика чистого разума [Текст] / И. Кант. М., 1994.

10. *Августин, Аврелий.* О христианском учении [Текст] / Аврелий Августин // Антология средневековой мысли (теология и философия европейского Средневековья): в 2 т. Т. 1. СПб., 2001.

11. *Траси, де А. Д.* Элементы идеологии [Текст] / А. Д. де Траси // Метафизические исследования. Вып. 11. Язык. СПб., 1999.

12. *Остин, Дж.* Смысл и сенсибилии [Текст] / Дж. Остин. Избранное. М., 1999.

13. *Лоренц, К.* Оборотная сторона зеркала [Текст] / К. Лоренц. М., 1998.

14. *Фирсов, Л. А.* Эволюция интеллекта (присущ ли разум животным?) [Текст] / Л. А. Фирсов, А. М. Чиженков. СПб., 2004.

15. *Паскаль, Б.* О геометрическом уме и об искусстве убеждать [Текст] / Б. Паскаль // Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М., 1994.

16. *Паскаль, Б.* Мысли [Текст] / Б. Паскаль // Ларошфуко Ф. де. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры. М., 1974.

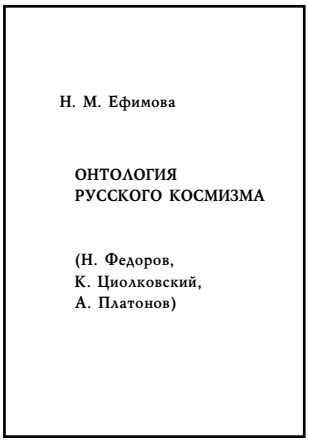
17. *Стрельцова, Г. Я.* Паскаль и европейская культура [Текст] / Г. Я. Стрельцова. М., 1994.

18. *Адамар, Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики [Текст] / Ж. Адамар. М., 1970.

19. *Дайсон, Ф.* Математика и физика [Текст] / Ф. Дайсон // Новые проблемы физики. М., 1965.

20. *Пуанкаре, А.* Наука и метод [Текст] / А. Пуанкаре // Пуанкаре А. О науке. М., 1983.

НОВЫЕ КНИГИ



Ефимова, Н. М. Онтология русского космизма (Н. Фёдоров, К. Циолковский, А. Платонов) [Текст] : монография / Н. М. Ефимова. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – 96 с.

В монографии вскрываются онтологические допущения и предпосылки, определившие характер воззрений Н. Фёдорова, К. Циолковского, А. Платонова на жизнь и смерть, соотношение тела и сознания, общее устройство мира, которые вводятся данными мыслителями при решении проблемы преодоления смерти.

Показывается, что их идеи можно представить как частное выражение тенденции так называемого «объективного понимания и изображения жизни», наметившейся в философии, искусстве и естествознании на рубеже XIX–XX веков.

Монография представляет интерес для тех, кто изучает или преподаёт русскую философию, а также аспирантов и студентов вузов.

ИСТОРИЯ

Н. М. Валеев

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Обращение к изучению евразийского движения особенно важно и необходимо сегодня, когда Россия, уже в который раз, стоит перед выбором, сформулированным в начале XX в. одним из родоначальников и вождей евразийского движения князем Н. С. Трубецким, который по этому поводу сказал: «...или мы должны найти и освоить собственный путь выживания и прогресса, исходя из этногеографического и культурно-исторического своеобразия России, или, оставив все поиски, смириться с неизбежностью всеобщей европеизации».

Евразийство, как известно, возникло как идейное и общественно-политическое течение первой волны русской эмиграции, объединенное концепцией русской культуры как своеобразного феномена, который обладает уникальным соединением западных и восточных черт, а потому одновременно принадлежит Западу и Востоку, в то же время не относясь ни к тому, ни к другому. Как определенный комплекс идей и убеждений евразийство представляло собой течение в историко-философской мысли Русского Зарубежья, впервые заявившего о себе в 1921 г. изданием в Софии сборника «Исход к Востоку». Среди авторов сборника были четыре молодых эмигранта из России: экономист и географ Петр Николаевич Савицкий (1895–1968), филолог Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938), выдающийся философ и богослов Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979) и публицист и музыковед Петр Петрович Сувчинский (1892–1985). Кроме того, в данном движении приняли участие Лев Карсавин, Георгий Вернадский и др. Главная ценность классического евразийства состояла в том, что оно рассматривало русскую культуру не просто как часть европейской, но как самостоятельную цивилизацию, вобравшую в себя опыт не только Запада, но и в равной мере Востока.

ВАЛЕЕВ Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик-секретарь Академии наук Татарстана, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор Елабужского государственного педагогического университета
© Валеев Н. М., 2006

Причем, как считали евразийцы, азиатские истоки для России внутренне ближе западных.

Евразийцы первыми среди русских философов и историков переосмыслили туранский фактор в положительном ключе, распознав в русско-татарских отношениях основу евразийской государственности. Они были уверены в том, что Россия сложилась как самостоятельная цивилизация при сочетании собственно славянского начала с туранским. Наследие монголо-татарского периода было тем важнейшим элементом русской истории, который превратил несколько периферийных раздробленных восточно-славянских княжеств в центр мировой империи. Те сектора Киевской Руси, которые подпали в XIII в. под европейское влияние, постепенно растворились в нем, утратив политическую и культурную самостоятельность. А те земли, которые вошли в состав Орды, позже стали ядром империи. Как утверждал Николай Трубецкой, татары сохранили духовную самобытность Древней Руси, которая воскресла в Московском царстве и вступила в «наследие Чингизхана».

В подтверждение сказанного приведу очень важные сведения по данной проблеме, которые сообщил на конференции Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО в 1991 г. современный глубокий мыслитель П. В. Палиевский (Палиевский П. В. Из выводов XX века. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 456–457). «Истоки евразийства следует искать у Карамзина. Он первый предложил неожиданную идею, что татаро-монгольское иго было не просто катастрофой, но и каким-то положительным началом для Руси. Татары (условное обозначение тех времен) сообщили русским мощную централизованную государственность, которая вывела страну из многих исторических бед; дали связь и крепление огромным пространствам и т. д. Тем самым Карамзин положил начало пониманию близости народов сквозь политические противостояния и приоткрыл общность их исторической судьбы. Однако почти весь XIX век идея эта не находила поддержки, как и многие сходные слишком парадоксальные мысли, например у Пушкина, что «духовенство, пощаженное удивительной сметливостью татар, одно... питало бледные искры византийской образованности» (из статьи 1834 г.) и т. п. Понадобилось новое историческое потрясение, чтобы вернуться к «сближению далековатых идей».

Это и попытались сделать евразийцы.

Но это учение как консолидирующий фактор народов и государств евразийского пространства, в каком виде пытались его распространять идеологи этого учения, вполне естественно, не могло иметь широкого распространения в условиях советской России.

Новый этап в осмыслении идеи евразийства связан с деятельностью и трудами выдающегося ученого XX в. Льва Николаевича Гумилева (1912–1992), который не возражал, когда его называли евразийцем, и в историю он вошел как представитель позднего евразийства и как ученый, давший сильный импульс развитию неоевразийства. Лев Гумилев пришел к евразийству не случайно. Глубокое осознание особого, но не изолированного пути России, попытки выявить всю глубину взаимосвязей исторической концепции, в основе которой – явления этногенеза и пассионарности.

Л. Н. Гумилев был одним из тех ученых, который работал «на стыке» наук и не мыслил своего научного творчества вне междисциплинарности. Всеми своими публикациями он убедительно доказывал необходимость и важность именно такого подхода при осмыслении целого ряда научных проблем как в гуманитарных, так и в естественнонаучных сферах. В ряду прочих наук география и история были, пожалуй, самыми сильными гумилевскими увлечениями. Дополняя друг друга, они помогли Л. Н. Гумилеву выйти на новый уровень понимания взаимоотношений природы и общества, взаимодействия народов и наций, их этнической истории и др.

Конечно, Л. Н. Гумилев отнюдь не был непогрешим, и многие его идеи спорны. Но главная заслуга ученого, на наш взгляд, состоит в том, что в своей исторической концепции он представил Российское государство в роли создателя огромного евразийского суперэтноса, который обеспечивал возможность для каждого этноса вести привычный, обусловленный вмещающим ландшафтом образ жизни. А Россию рассмотрел как часть Евразии, история которой неотделима от этносов, населявших ее в разное время. В этом, пожалуй, принципиальное отличие концепции Л. Н. Гумилева от его предшественников и главный реальный вклад в развитие отечественной истории.

Евразиец по воспитанию и взглядам, Л. Н. Гумилев всегда оставался самим собой. Он не ограничился прошлым, думал о будущем, призывал учиться у истории и предостерегал от бездумных попыток «войти в круг цивилизованных народов», т. е. в чужой суперэтнос. «Надо осознавать, – писал Л. Н. Гумилев, – что ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция».

Известный русский философ и мыслитель Вячеслав Иванов в 1916 г. высказал небесспорные, но интересные соображения о роли России и Англии, двух государств-союзников той поры, в формировании евразийского пространства. «Россия и Англия, суть одновременно державы азиатские... Азия... требует органического культурного роста государств, утверждающихся на её древней священной почве, и духовного их соотношения с её исконными детьми, с её таинственною душой. Стена, которую Европа может противопоставить желтой опасности – Китаю, должна быть живою стеной двуединой белой азиатской державы... Ибо внутренний духовный смысл желтой опасности есть дехристианизация Европы, её обращение к истокам ветхозаветной азиатской веры и мудрости...» (Иванов В. Россия, Англия и Азия // Иванов В. Родное и вселенское. Статьи. 1914–1916. М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917. С. 24–30, 27, 29).

Другой русский провидец, Ф. М. Достоевский, справедливо говорил полтора столетия назад: «В Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того, в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход».

Сегодня евразийская идея вновь овладевает умами российской интеллигенции. Правда, за годы становления новой России она претерпела кардинальные изменения. Нельзя не вспомнить и то, что первые годы постсоветской России, когда основная часть интеллигенции жила иллюзиями быстрого вхождения в западную цивилизацию, идеи евразийства привлекали внимание в основном представителей радикально настроенных правых политических сил, которые сопротивлялись демократическим преобразованиям и при этом постоянно ссылались на целесообразность «незападного» пути развития. Время, действительно, показало, что России предстоит длительный этап поиска своего самостоятельного пути развития. Ситуация осложнялась и тем, что Россия постепенно теряла стратегическое пространство, где раньше она безраздельно доминировала, в то время как Запад принялся активно осваивать постсоветское пространство – Восточную Европу, Кавказ и Центральную Азию, Эти вызовы обусловливали возрождение евразийства, которое должно было объяснить причину отторжения России Западом, дать рецепт решения этой проблемы, помочь с самоидентификацией и единством.

Сегодня термин «евразийство» употребляется все шире, часто без разъяснения сути его понимания. Он уже вошел в политический лексикон, борьба разных политических групп за его использование в благоприятном для себя смысле уже идет. Показательно, что отношение к идеям евразий-

ства «разводит», казалось бы, сложившиеся политические группировки. Противники и друзья евразийства имеются почти в каждой из них.

Одновременно с этим, нельзя не заметить, уже наметились тенденции, которые свидетельствуют о том, что идеи евразийской интеграции в России постепенно пробивают себе дорогу из области философских исканий в мир практической политики и становятся составной частью российской геополитической концепции. Россия стремится самостоятельно интегрироваться в мировое сообщество, перестраивая системные связи. А это, в первую очередь, предполагает определение своего места в многополярном мире и признание того, что она является составной частью евразийского пространства. Создание в 2001 г. «Евро-Азиатского Экономического Содружества», недавнее заявление В. В. Путина в Брунее о том, что «Россия – евроазиатская страна», а также вхождение России в качестве наблюдателя в Организацию Исламская Конференция, безусловно, свидетельствует об этом. Неоднократные попытки создания в России евразийской партии дают основания полагать, что евразийство вполне сможет выйти на уровень государственной идеологии.

Между тем нельзя не признать, что теория евразийства пока еще не получила четкого обоснования и определения, чтобы претендовать на общенациональную российскую идею. Для того, чтобы она приобрела очертания такой концепции, ее надо наполнять реальным содержанием. Очень важно иметь в виду и то, что развитие евразийских идеи вряд ли продуктивно в противопоставлении западной цивилизации. Общенациональная идея должна строиться на основе общечеловеческих ценностей, а не на соблазнах самоизоляции.

На наш взгляд, для России идея евразийства сегодня может иметь вполне позитивный смысл, если он будет истолкован как равноправный союз живущих в стране этносов, в первую очередь славян и тюрков. Для этого существуют исторические причины, а также потребность России развиваться как стабильное многонациональное государство. Великий Пушкин мечтал «о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», и провидческие мечты русского гения, как видим, вполне актуальны и в начале третьего тысячелетия.

В связи с этим нельзя не вспомнить и богатый опыт Татарстана, который создал определенные геополитические и культурно-цивилизационные предпосылки для реализации идеи евразийства. Достаточно сказать, что в Татарстане накоплен во многом уникальный опыт мирного сосуществования двух религий – православия и ислама, двух основных этнических общностей – татар и русских. И это не просто удачный пример реализации в жизнь принципов мирного сосуществования. Это – тот своеобразный социально-философский и идейно-теоретический мост, с помощью которого возможно объединение двух миров, сближение и взаимообогащение двух мировоззрений и культур запада и востока. И это, в конечном счете, наглядный и удачный пример того, какие аспекты евразийской идеологии сегодня возможно применить для решения насущных проблем российского общества. В новых исторических условиях, когда общедемократические ценности постепенно становятся ориентирами развития российской государственности, формирования гражданского общества, требуются качественно иные идейные подходы, способные объединить полиэтническую Россию в новую социокультурную целостность. В связи с этим татарстанский опыт формирования и функционирования толерантного этноконфессионального сообщества создает серьезную теоретическую основу и практический вариант реализации идей евразийства в современных условиях, поскольку идеи унификации, основанные на доминировании в обществе лишь одной культуры или этноса, не только не жизнеспособны, они исторически бесперспективны.

Жизненность и перспективы евразийства в России связаны с формированием и реализацией в жизнь основополагающих принципов федерализма. На наш взгляд, для страны магистральным путем развития является укрепление федерализма, опирающегося на понимание полиэтнического, поликонфессионального характера России. В середине 90-х гг. в политическом лексиконе появился термин «модель Татарстана». Из академической среды он перекочевал на газетные полосы, вызывал споры, подвергался жесткой критике, но одновременно стал примером подражания для многих субъектов. Многие политики стали применять модель Татарстана как способ разрешения конфликтных ситуаций в государствах с полиэтническим составом населения на евроазиатском континенте. Татарстан стал также одним из немногих регионов РФ, где идеи федерализма последовательно проводятся в жизнь.

За годы существования новой России стало ясно, что без осознанной взаимозависимости будущего у нас тоже нет, как нет будущего ни у одного народа, который надеется прожить в самоизоляции, вне мирового контекста, вне регионального контекста, поэтому необходимо налаживать, продумывать, научно обосновывать те самые связи, которые объединяют в единое целое то, что мы называем Евразией. В связи с этим роль и значение идеи евразийства возрастают. Правда, это понятие пока витает в умах интел-

лектуалов, оно еще не стало фактором общественного сознания. От нас с вами зависит, чтобы оно получило распространение и стало оптимальной формой теоретического и идеологического осмысления нашей современной жизни.

В одном из своих интервью «последний евразиец» Лев Гумилев говорил: «Знаю одно и скажу Вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство». С великим ученым можно согласиться с одним лишь условием: идея евразийства, действительно, станет плодотворной, если она во главу угла будет ставить интересы народов и государств, находящихся в огромном евразийском пространстве.

А. А. Машковцев

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ ОСОБО ВАЖНЫХ ОБЪЕКТОВ И БОРЬБА С НЕМЕЦКОЙ АГЕНТУРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье проанализирована деятельность руководства Кировской области в годы Великой Отечественной войны, направленная на защиту стратегически важных объектов региона от возможных ударов немецкой авиации и Абвера. В основу исследования положены архивные материалы, изъятые из фондов Государственного архива социально-политической истории Кировской области.

Первые же дни войны вскрыли массу недостатков в организации советской противовоздушной обороны. Это приводило не только к огромным военным потерям, но и к уничтожению немецкой авиацией многих промышленных объектов, транспорта, узлов связи, а также жилого фонда. Широкое использование фашистами дальней авиации показало уязвимость как прифронтовых городов, так и населенных пунктов, расположенных в глубинных районах страны. Уже 22 июня 1941 г. немецкая авиация нанесла бомбовые удары по Киеву, Смоленску и другим городам, находившимся более чем в 500 км от границы. По мере приближения вермахта к Москве увеличивалась угроза нападения ВВС Германии на районы Поволжья и Урала. В 1942–1943 гг. фашисты неоднократно бомбили соседние с нами области. Так, ударам люфтваффе подвергался Горький, в результате чего пострадал местный автозавод.

Помимо угрозы авианалетов большую тревогу вызывала возможность заброски вражеской агентуры в тыловые районы страны. Немецкая разведка («Абвер») показала свою высокую эффективность еще в начале Второй мировой войны, проводя спецоперации в Польше и странах Западной Европы (Франции, Бельгии и др.). Столь же успешно Абвер действовал в 1941 г. на территории СССР. Он не только поставлял ценные разведданные, но и проводил серьезные диверсии. Примером может служить захват стратегически важного моста через Западную Двину в Даугавпилсе коммандос из спецподразделения «Бранденбург».

Таким образом, уже в 1941 г. перед нашей областью встала реальная угроза нападения немецкой авиации дальнего радиуса действия, а также заброски фашистской агентуры. Поэтому с первых дней войны государственные, военные и партийные органы предпринимают меры по предотвращению этой опасности.

С конца июня 1941 г. во всех районах области стали проводиться мероприятия по организации противовоздушной обороны и усилению охраны особо важных объектов (мостов, телеграфов, водопроводов и пр.). В первую очередь это коснулось железнодорожного моста через Вятку в районе города Котельнича, имевшего общесоюзное значение. Если до 22 июня его охраняло всего несколько человек, то уже в начале июля 1941 г. сюда был переброшен взвод НКВД под руководством старшего лейтенанта Корсакова и политрука Панина численностью 45 бойцов [1]. По обеим сторонам моста солдаты создали целую систему оборонительных сооружений, в которую входили пулеметные гнезда, окопы и различные укрытия. Кроме того, от уреза воды до железнодорожного полотна были устроены заграждения из колючей проволоки.

Столь серьезному увеличению охраны котельничского моста, видимо, способствовал случай, произошедший в самом начале войны. 29 июня 1941 г. дежуривший на мосту красногвардеец заметил прячущегося в прибрежных кустах человека, который осуществлял наблюдение за движением транспорта, делая какие-то пометки на бумаге. Пока солдат докладывал командиру, подозрительный человек успел скрыться, а его поиски в самом городе не увенчались успехом. Учитывая чрезвычайно высокую активность Абвера летом 1941 г., у областных органов госбезопасности были все основания забить тревогу и резко усилить охрану данного объекта.

Повышенное внимание стало уделяться и обеспечению безопасности промышленных предприятий. Так, в июле 1941 г. поставили новый высокий забор вокруг машиностроительного завода имени 1 Мая, а также увеличили количество по-

МАШКОВЦЕВ Андрей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории ВятГГУ
© Машковцев А. А., 2006

стов охраны. То же самое было сделано на заводе «Кировский металлист». Однако при этом возникал и ряд проблем. Из-за нехватки боеприпасов сторожа охраняли объекты с незаряженными винтовками. Кроме того, как отмечал директор завода «Кировский металлист» Веснин, «противопожарное оборудование, в частности огнетушители, купить невозможно... Квалификация пожарной охраны низка, а городское пожарное управление их учебой не занимается» [2].

В 1943 г., после налетов немецкой авиации на Горький, охрану особо важных объектов в Кировской области еще более усилили. Как и прежде, повышенное внимание власти уделяли обороне железнодорожных мостов через Вятку, по которым на фронт шли эшелоны с солдатами и военной техникой. Котельничский мост помимо взвода НКВД стали защищать зенитная батарея, состоящая из четырех 76-мм орудий, а также рота спаренных пулеметов. Охрану Загарского моста через Вятку также осуществляла рота спаренных зенитных пулеметов, а вятскополянский мост кроме аналогичного подразделения оборонял еще и взвод крупнокалиберных зенитных пулеметов [3].

Серьезную систему противовоздушной обороны организовали и в самом областном центре. Постановлением Кировского ГКО № 35 от 8 июня 1943 г. руководителем ПВО города Кирова был назначен начальник Львовского военно-пехотного училища (эвакуированного к нам в 1941 г.) полковник Давыдов, а его заместителем – майор Соколов. Они в кратчайшие сроки смогли создать мощный противовоздушный щит над важнейшими объектами города. К примеру, завод № 38 и станцию Киров-2 обороняли 2 пулемета БС, 2 пулемета ДШК, пушка ШВАК и пр. [4] Серьезная оборона, а также значительная удаленность Кирова от линии фронта вынудили командование ВВС Германии отказаться от планов нанесения бомбовых ударов по нашему городу.

Угроза стратегически важным объектам области исходила не только со стороны люфтваффе, но и от немецкой разведки. Несмотря на захват крупных промышленных районов в Европейской части страны, фашистам не удалось добиться желаемых результатов. В период индустриализации на востоке СССР были построены сотни предприятий-дублеров, которые смогли заменить заводы, захваченные или уничтоженные немцами. С поволжских, уральских и сибирских комбинатов непрерывно шел поток военной техники и боеприпасов, столь необходимых для фронта [5]. В силу этого нацистское руководство поставило перед Абвером задачу организации диверсий в глубоком советском тылу.

Непосредственно подготовкой диверсантов и их заброской на советскую территорию занимался отдел «Цеппелин», входивший в структуру Абвера. Он создал целую систему школ и лагерей, в которых готовили подрывников, радистов, снайперов и др. Так, в конце 1942 г. вблизи Бреслау была открыта школа «Ульм». Её возглавил майор Цинке, а его заместителем стал бывший офицер царской армии М. А. Семенов. В школе учились в основном советские военнопленные, вставшие на путь сотрудничества с фашистами. Помимо них встречались и белые эмигранты из различных стран Европы.

В начале 1944 г. из выпускников школы «Ульм» создали несколько групп, которым предстояло высадиться в тыловых районах СССР. Каждая группа состояла из 7–8 человек, во главе с эмигрантами, пользовавшимися особым доверием немцев. Во всех подразделениях имелся радист и как минимум два подрывника. Группы были прекрасно экипированы и вооружены: помимо стрелкового оружия диверсанты несли с собой большое количество взрывчатки и портативные радиопередатчики.

Одним из самых подготовленных подразделений являлась группа Тарасова, состоявшая из 7 человек. В неё входили как бывшие советские военнопленные, так и белые офицеры. Абвер возлагал на группу Тарасова особые надежды: ей предстояло высадиться в Свердловской области и организовать диверсионную деятельность на Среднем Урале. Ульмовцы должны были взрывать мосты и железнодорожное полотно, уничтожать высоковольтные линии, а по возможности совершать нападения и на оборонные предприятия. Для расширения состава своей группы диверсантам рекомендовалось привлекать на свою сторону прятавшихся в лесах дезертиров и всех недовольных советской властью.

В феврале 1944 г. группу Тарасова перебросили из Бреслау в Ригу. 17 февраля 1944 г. в 16.00 диверсанты на трехмоторном немецком самолете взлетели с рижского аэродрома и направились на восток. Примерно через час самолет приземлился для дозаправки в Пскове. Это был последний крупный русский город, ещё удерживаемый фашистами. В нескольких десятках километрах от него уже находились советские войска.

В 19.00 самолет вылетел из Пскова и вскоре на большой высоте пересек линию фронта.

В течение пяти последующих часов фашисты беспрепятственно летели над нашими тыловыми районами. Однако незадолго до подлета к району десантирования немецкие летчики попали в снежный буран и сбились с курса. В результате произошла роковая для вражеских лазутчиков ошибка: в ночь с 17 на 18 февраля 1944 г. их высадили не в Свердловской области, а в Юрлинском районе Коми-Пермяцкого округа [6].

Десантирование проходило в кромешной тьме, в условиях снегопада и сильного ветра. Вслед-

ствие этого парашютистов разбросало на многие километры по глухим таежным лесам, и они довольно долго не могли найти друг друга. Уже в день высадки группа Тарасова понесла первые потери: диверсант Марков при приземлении зацепился за деревья, запутался в стропах парашюта и погиб от удушья.

Серьезным просчетом в организации десанта было то, что теплые вещи и большую часть продуктов питания выбросили на отдельном грузовом парашюте. Сильным порывом ветра его снесло к западу от места приземления основной части группы. Быстро съев небольшие карманные запасы, диверсанты стали голодать, а некоторые из них к тому же отморозили себе конечности. В итоге трое разведчиков (в том числе и командир группы Тарасов), не выдержав мучений, застрелились.

Трое оставшихся в живых диверсантов продолжили поиски груза, переместившись при этом из Коми-Пермяцкого округа в Бисеровский район Кировской области. В конечном итоге они нашли парашют с продуктами питания и теплыми вещами, что спасло их от неминуемой гибели. Помимо этого лазутчики смогли создать временное жилище (видимо, небольшой сруб), в котором дождались окончания холодов.

В начале июня 1944 г. выжившие члены группы – Н. Стахов, П. Андреев и Н. Грищенко – решили выйти из тайги для совершения запланированных диверсий. К этому их подталкивали руководители школы «Ульм», поддерживавшие связь со своими подопечными при помощи радиостанции. Однако сами диверсанты, пережившие суровую вятскую зиму и потерявшие товарищей, были деморализованы и вряд ли рассчитывали на успех. Вероятно, они уже были готовы к аресту и воспринимали его как меньшее зло в сравнении с мучительной смертью от голода и холода.

Совершенно не зная местность, разведчики стали продвигаться по первой попавшейся лесной тропе и 5 июня 1944 г. вышли к деревне Кай, находившейся в 15 км от райцентра Бисерово. Представившись отставшими от части красноармейцами, диверсанты остановились на ночлег в доме крестьянки Устиньи Кудашевой. Естественно, что появление хорошо вооруженных, но неряшливо одетых и заросших солдат не могло не вызвать подозрения местных жителей. Эти подозрения усилились после того, как незнакомцы стали расспрашивать о месторасположении ближайшего райвоенкомата. Жительницы Кая Мария Кудашева и Зоя Селина немедленно отправились в райцентр и сообщили об этом начальнику Бисеровского отдела НКВД Чуракову.

Подняв на ноги всех своих подчиненных, Чураков вместе с районным прокурором Ожеговым утром 6 июня отправился в Кай. Однако выяснилось, что немецкие агенты уже ушли из деревни. Тогда на всех дорогах выставили милицейские кордоны, один из которых вскоре обнаружил разыскиваемых.

Вечером 6 июня 1944 г. участковый уполномоченный НКВД Григорий Сидоров, дежуривший на мосту через речку Чус, увидел приближающихся к нему трех неизвестных в форме солдат Советской Армии. Военнослужащие были вооружены, поэтому милиционер не рискнул проводить задержание на месте. Узнав, что подозрительные направляются в бисеровский военкомат, но плохо знают дорогу, Г. Сидоров предложил проводить их. Однако вместо военкомата уполномоченный привел диверсантов в местный отдел милиции, где их разоружили. Впрочем, они даже не пытались оказывать сопротивление, хотя имели для этого все возможности. У каждого из пленных изъяли автомат, пистолет «Вальтер», две гранаты и финский нож [7]. Позднее, при осмотре места дислоцирования диверсантов, нашли ящик взрывчатки, боеприпасы, а также рацию.

Дело о ликвидации спецгруппы Абвера в вятской тайге сразу же попало под особый контроль Отдела контрразведки «Смерш» Уральского военного округа. Задержанные диверсанты дали полные признательные показания, не только подробно рассказав о своей деятельности, но и раскрыв работу всей школы «Ульм». Благодаря этому советская контрразведка уничтожила и другие группы, подготовленные инструкторами данного немецкого учебного центра.

Таким образом, усиление охраны особо важных объектов Кировской области в годы войны являлось безусловно необходимой и оправданной мерой. Киров, как и другие административные центры Волго-Камского региона, находился в зоне поражения немецкой дальней авиации. Еще более вероятной была заброска фашистской агентуры с целью совершения диверсий и сбора разведывательной информации. К счастью, за всю войну ни одна немецкая бомба так и не упала на вятские города, так же как и не было совершено ни одной масштабной диверсии. Это случилось не только потому, что проведение подобных акций представляло большую техническую сложность и для люфтваффе, и для Абвера. Главное заключается в том, что руководство области сумело создать эффективную защиту всех значимых объектов, что практически исключало возможность вражеского нападения.

Примечания

1. ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 44. Л. 46.
2. ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 52. Л. 105об.
3. ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 9. Д. 97. Л. 19.
4. Там же. Л. 5.

5. См.: *Володарский, Л. М.* Советский тыл в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Л. М. Володарский // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 14–34; *Кантор, Л.* Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Л. Кантор //Экономические науки. 1985. № 5. С. 15–22; *Капустин, Е.* Экономические факторы победы [Текст] / Е. Капустин // Диалог. 1995. № 4. С. 17–20; и пр.

6. *Бычков, А. В.* Борьба органов госбезопасности с диверсионной деятельностью противника в годы Великой Отечественной войны [Текст] / А. В. Бычков // Война в памяти народной. Кировская область в годы Великой Отечественной войны. Киров, 1995. С. 33.

7. Там же. С. 34.

И. А. Соловьева

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1918 ГОДА

Содержание статьи основано на материалах местных архивов, многие из которых впервые введены в научный оборот. Основные выводы сводятся к тому, что на начальном этапе гражданской войны 1918–1920 гг. уездное и волостное население Вятской губернии не проявляло заметной политической активности, его отношение к Советской власти и правящей партии определялось не идейными установками, а конкретными действиями местных властей, прежде всего в аграрной сфере. В перспективе можно распространить изучение данного вопроса на 1919–1920 гг.

Вплоть до настоящего времени политические настроения населения северо-восточных губерний Европейской России на начальном этапе гражданской войны остаются вопросом малоизученным. Между тем местные архивы располагают немалым количеством интересных источников, способных пролить свет на эту страницу отечественной истории.

27 мая 1918 г. вышло директивное указание НКВД, согласно которому волостные исполкомы Советов обязывались регулярно сообщать в уездные органы власти об отношении населения к Советской власти и социалистическим преобразованиям, к службе в Красной Армии, а также об имевших место контрреволюционных выступлениях. Вся собранная информация поступала затем в губернские и центральные ведомства. Государственный Архив Кировской области (ГАКО) располагает значительным количеством сводок, составленных информационно-инструкторским подотделом Вятского губисполкома в июле – октябре 1918 г., которые служат ценным источником для изучения настроений населения губернии.

Сводный «Обзор социально-политической жизни Вятской губернии с 1 июля по 1 сентября 1918 года» содержит вывод о том, что «особо важных событий в политической жизни губернии не произошло», однако дает далеко не однозначную информацию о политических симпатиях населения уездов и волостей [1, л. 60]. Вряд ли можно отнести к «незначительным случаям», как это делают авторы сводки, открытое выступление против большевистской власти рабочих Ижевского и Воткинского заводов «в связи с мобилизацией сил заводского пролетариата». В целом ряде волостей разных уездов (Глазовского, Слободского, Орловского, Котельничского) отмечается недовольство Советской властью «на почве проведения в жизнь земельной реформы и реквизиции хлеба у состоятельных классов» или «на почве недостатка продуктов первой необходимости» [1, л. 62]. Из-за реквизиции хлеба, в частности, был до полусмерти избит председатель Ежевского волостного исполкома Глазовского уезда Сабреков. Жителями Балезинской волости Глазовского уезда был «упразднен уже выбранный Военный Комиссариат, разрешена свобода торговли, вынесено решение упразднить все деревенские Комитеты, и затем сложен чрезвычайный налог с тех лиц, с которых он ещё не был взыскан, а тем, кто налог уже уплатил, решено возвратить...» [1, л. 60]. Все инциденты подобного рода расцениваются в «Обзоре...» как единичные незначительные случаи, возникающие иногда недоразумения, которые разрешаются с помощью разъяснительной работы либо подавляются вооруженной силой, во всяком случае – быстро устраняются местными силами.

По-видимому, составители «Обзора...» не хотели рисовать слишком тревожную картину положения дел в губернии – отсюда и специфика формулировок. Однако анализ текущих сводок информационно-инструкторского подотдела Вятского губисполкома за тот же период позволяет говорить о том, что население губернии действительно не проявляло бурной реакции на происходящие события. Чаще всего сводки сообщают, что настроение населения, за небольшими исключениями, спокойное; из волостей постоянно поступала информация о принятии волостными собраниями резолюций в поддержку Советской власти. Типичны были следующие заявления: «Мы, граждане Юкаменской волости [Глазовского уезда], собравшись на волостное собрание, заявляем, что все с оружием в руках готовы выступить против всякого контрреволюционного выступления, от кого бы это ни происходило, и будем вести самую широкую агитацию в несознательных массах, чтобы шли на защиту Советской власти, мы знаем, что Советская власть

СОЛОВЬЕВА Ирина Абрамовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре истории и краеведения ВятГГУ
© Соловьева И. А., 2006

это есть единственная власть рабочих и бедняков крестьян и потому в стране должна быть только одна власть – власть Советов» [1, л. 55]. Под контрреволюционерами чаще всего понимались кулаки, но в одной из резолюций волостного собрания упоминаются «предатели правые эсеры и меньшевики» [1, л. 56].

Однако говорить о том, что проблемы межпартийной борьбы как таковой в более или менее значительной степени коснулись летом – осенью 1918 г. населения волостей, вряд ли возможно. В архивах сохранилось очень немного документов, освещающих этот вопрос, но они, безусловно, заслуживают внимания. Есть сообщение, например, о том, что жители Карсовайской и Люмской волостей Глазовского уезда отказались создавать Комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией на том основании, что эти комиссии «избираются местными Советами из лиц, состоящих членами партии коммунистов-большевиков и левых эс-эров, а таковых у нас нет, и мы считаем себя беспартийными...» [1, л. 24].

Сведения об имевших место в июле – августе 1918 г. проявлениях недовольства крестьян аграрной политикой Советской власти текущими информационными сводками подтверждаются. В г. Орлове, например, местные власти в ответ на подобные выступления даже применили «массовый террор», в ходе которого было расстреляно 19 человек, стали брать заложников и организовали «концентрационный лагерь для дармоедов» [1, л. 65]. Яранский уездный съезд принял решение в применении самых решительных мер, вплоть до террора, для борьбы с контрреволюцией.

Тем не менее создается впечатление, что в целом местные власти не были серьезно обеспокоены имевшими место политическими инцидентами. Кажется, что крестьянские недовольства воспринимались ими если и не как нечто должное, то уж по крайней мере как нечто обыденное, чему не следует придавать большого значения. А общее настроение крестьянства губернии, по-видимому, верно охарактеризовал исполком Юкаменской волости Глазовского уезда: «Кто бы ни правил страной, лишь бы был порядок, да товары на рынке» [1, л. 62].

Информационные сводки за сентябрь 1918 г. также свидетельствуют о значительном спокойствии населения. Тон сообщений в целом оптимистичный. В ряде уездов «продовольственный кризис со снятием ржи свежего урожая несколько уладился, хотя до сего времени в некоторых волостях продовольственное положение было критическое, и при реквизиции хлеба нередко встречались сопротивления» [1, л. 66]. Из Глазовского и Орловского уездов поступили сообщения о том, что отношение к Советской власти за последнее время заметно улучшилось, во многом преодолено былое недоверие к большевикам. Информаторы называют следующие причины изменения к лучшему отношений крестьянства к большевистской власти: 1) снижение остроты продовольственного кризиса в результате сбора нового урожая; 2) агитационная работа в деревнях; 3) успешные военные действия Красной Армии.

На этом достаточно спокойном фоне резким диссонансом звучат сообщения о том, что органы Советской власти продолжают применять репрессии и террор. Так, например, по постановлению Областного Совета Чрезвычайной Комиссии в ночь с 12 на 13 сентября было расстреляно 10 «зачинщиков кулацкого восстания» в Афанасьевской волости, расстреляли также 29 человек, «замеченных в контрреволюционных действиях» в Орлове. Слободская ЧК распорядилась расстрелять в сентябре 7 заложников, высланных в Вятку, «в ответ на убийство тов. Урицкого и покушение на жизнь тов. Ленина» [1, л. 68]. Следует отметить, что никаких сведений о жертвах антибольшевистских выступлений в информационных сводках этого периода нет.

В нашем распоряжении имеется также документ, характеризующий политические настроения рабочих заводов Северо-Вятского горного округа. Это доклад, авторы которого, к сожалению, неизвестны, «О политическом состоянии и положении Советской власти в Северо-Вятском национализированном Горном Округе, в состав которого входят заводы: Омутнинский, Песковский, Кирс, Пудем, Белохолуницкий, Климовский и Чернохолуницкий», направленный в губисполком 1 октября 1918 г. Из доклада явствует, что о какой бы то ни было политической активности основной массы рабочих говорить не приходится. Официально заявили о себе лишь организации Коммунистической партии, которые «слишком малочисленны, политически плохо развиты, а следовательно, влияние их на ход политической жизни настоящего момента ничтожно». Кроме того, «организации всех заводов, кроме Белохолуницкого, до июня месяца этого года считали себя или эс-эровскими или меньшевистскими, а потому политическая почва их не так устойчива». По-видимому, отсутствовала регулярная связь коммунистов с руководящими органами партии, поскольку «члены партии, входящие в Советские и другие организации, работают там за свой страх и риск, т. к. не получают определенных указаний, что опять-таки приводит к обоюдной грызне уже между целыми организациями» [2, л. 8]. Выводы доклада категоричны: «Рабочая масса темна, ни агитацию, ни пропаганду вести невозможно из-за отсутствия подготовленных работников и литературы», хотя все-таки из

рабочих этих заводов, «если приложить усилия, можно создать сознательный кадр защитников Советской власти» [2, л. 8].

Вообще складывается впечатление, что северные уезды Вятской губернии отличались наибольшим политическим спокойствием. Информационные сводки лишь однажды за лето и осень 1918 г. упомянули об инциденте в этом районе – «кулацком восстании» в Афанасьевской волости, причем без каких-либо подробностей. Эти наблюдения подтверждаются и фрагментом из воспоминаний председателя Вятского губисполкома того времени Ивана Попова: в «исключительный момент», когда «с Севера по Северной Двине спешили на соединение с чехословаками иностранные "гости" – англичане и ставили первой задачей захват Котласа, соединенного с Вяткой особой железнодорожной веткой... спокойны были только прилегающие к Вятке северные уезды губернии, с преобладающим бедняцким и середняцким составом крестьянства» [3, л. 26].

Архивные материалы свидетельствуют о том, что регулярный сбор информации о политических настроениях населения входил также в функции местных военных учреждений. В ГАКО сохранилось немало ежедневных сводок, адресованных информационному отделу окружного военного комиссариата и начальнику организационно-мобилизационного отдела 6-й армии Северного фронта М. С. Кедрову. Кроме того, проводилось анкетирование по стандартной форме. Политические настроения населения подразделялись на надежно-революционные, спокойно-выжидательные, переломные в сторону революционного, тревожно-колеблющиеся, апатично-безразличные, противосоветские и явно контрреволюционные (критерии оценки достаточно подробно расписывались). По подсчетам советского историка М. А. Молодцыгина, в конце сентября 1918 г. в крестьянской среде Вятской губернии преобладали настроения в пользу Советской власти (с учетом «переломного в пользу революционного»): 62,4% населения; в дальнейшем отмечается рост тревожно-колеблющихся настроений, в начале 1919 г. ими было охвачено, по разным данным, от 16,7 до 24,8% волостей [4, с. 37–38].

На военном положении Вятская губерния была объявлена 2 августа 1918 г. ввиду возможного вступления на ее территорию чехословацких войск. Очевидно, уже вскоре после этого местные военные учреждения стали собирать интересующую нас информацию, однако самая ранняя из сохранившихся в ГАКО сводок датируется 6 сентября. Общий тон сводок за сентябрь еще более оптимистичен, чем в материалах гражданских учреждений. Постоянно встречаются такие сообщения: «По Вятскому уезду буржуазия бессильна и совершенно затихла, по всему уезду отношение населения к Советской власти доверчивое» [5, л. 52об.]; «Политические настроения пятнадцати выясненных волостей Орловского уезда на стороне Советской власти... Белогвардейцы имеют успех лишь потому, что лгут населению, что красноармейцы якобы являются в деревни для поголовной конфискации продуктов и голов скота, на что агитаторы и разъясняют населению о наглости лжи с их стороны» [5, л. 11об.]. Часто сводки информируют о проведении в Вятке и уездных городах митингов, посвященных мобилизации в Красную Армию и празднованию дней Красной Армии. Митинги прошли в сентябре 1918 г. в Нолинске, Яранске, Орлове «бодро, вынесена резолюция о борьбе с врагами революции до полного их сокрушения...» [6, л. 437]. Лишь изредка в сводках проскальзывают весьма скупые сведения о выступлениях оппозиционных большевикам сил, которые однозначно квалифицируются как белогвардейская или кулацкая агитация. Речь идет об Уржумском, Малмыжском, Орловском и Вятском уездах.

В сентябре в политотдел 6-й армии поступило по телеграфу донесение, имя автора которого, к сожалению, не сохранилось: «Положение критическое... Вятской губернии некоторые местности накануне голода. Южных уездах господствует кулачество. Мы бессильны бороться мелкобуржуазной массой. Губернии почти нет социальных слоев, которые служили бы опорой проведения пролетарской диктатуры, продовольственной политики центра. Беднота темна, забита, среди рабочих большинстве меньшевики правые эсеры... Случае неудачи и отказа слагаем с себя ответственность т. к. нет больше сил бороться...» [7, л. 54]. Нужно признать, что это единственный документ подобного духа и содержания.

Характер военных сводок за октябрь – декабрь 1918 г. заметно отличается от сентябрьских: появилось гораздо больше сообщений о выступлениях оппозиционно настроенных к большевистской власти сил. Масштабы этих выступлений самые различные: от отдельных провокаций и случаев антисоветской агитации до достаточно крупных проявлений активности тех, кто в официальных документах именуется кулаками и белогвардейцами. Так, в начале ноября в Глазовском уезде была замечена вооруженная партия (около 40 человек), а в конце месяца в Малмыжском уезде обнаружилось до 6000 человек, двигавшихся в неизвестном направлении. Были ли связаны с этими отрядами какие-то инциденты, сводки не сообщают. О многом свидетельствуют и значительно возросшие масштабы применения чрезвычайных мер органами Советской власти. Вот лишь некоторые факты: в октябре в Слобод-

ском уезде начали арестовывать всех, кто раньше служил городовыми, жандармами и стражниками; в Рыбноватажской волости Уржумского уезда расстреляли 22 человека; в Нолинском уезде за две недели арестовали 35 «кулаков», 24 бывших офицера, 24 «белых агитатора»; в Елабужском уезде за последнюю неделю ноября было арестовано 34 белогвардейца и еще 167 человек за «контрреволюционные выступления» [8, л. 28, 48, 106, 113, 265, 312]. К сожалению, эти сообщения практически не сопровождаются оценкой отношения основной массы населения волостей к конкретным инцидентам. Пожалуй, одно из очень немногих исключений – информация от 1 ноября о том, что в упомянутой уже Рыбноватажской волости «за умышленную порчу мостов и дорог и за сочувствие белогвардейцам наложено на волость контрибуции 151000 рублей и 45 человек, преимущественно кулаков расстреляно за сопротивление с оружием в руках» [8, л. 121].

Чем ближе подходило время к зиме – тем чаще сводки информировали о волнениях крестьян в связи с продовольственной политикой государства. Эти волнения не связываются информаторами с белогвардейской агитацией. В декабре из Советского, Котельничского, Слободского уездов поступали сообщения о тревожном настроении крестьян в связи с обложением их чрезвычайным налогом: «Население хлебных волостей волнуется, кулачество открыто бунтует, беднота слабо организована и пассивна» [8, л. 373].

Согласно картограммам, составленным политотделом 6-й армии Северного фронта на основе проведенного анкетирования, к 1 января 1919 г. в пользу Советской власти высказывалось 43,6% крестьян Вятской губернии, 16,2% колебалось. К 1 февраля эти показатели составили соответственно 46,2% и 19% [9, л. 2, 8].

Сведения о масштабах красного террора примерно совпадают в обоих видах сводок – военных и гражданских.

В нашем исследовании можно использовать еще один комплекс источников – регулярно составлявшиеся отчеты начальников уездных и городских отделов милиции об имевших место преступлениях и происшествиях. В отчетах установленного образца был, в частности, предусмотрен пункт «Выдающиеся случаи агитации против Советского Правительства и постановленных им властей, возбуждение одной части против другой на основе национальной, вероисповедной или партийной жизни». Летом и осенью 1918 г. в этой графе записей было сделано крайне мало, а те события, которые были зафиксированы, никак нельзя отнести к значительным. Например, в июне в Уржумском уезде была отмечена «частичная агитация против Советской власти, проводимая духовенством», и распространение воззваний патриарха Тихона [10, л. 176об.]. В основном все эти эпизоды были связаны с южными уездами – Лебяжским, Яранским, Уржумским. Возможно, в обязанности милицейских начальников не входил подробный отчет о такого рода происшествиях. Но в любом случае необходимо признать, что подавляющее большинство уездного и волостного населения Вятской губернии в этот период проявляло достаточное спокойствие и не демонстрировало негативного отношения к Советской власти.

Таким образом, можно сделать следующие общие выводы. Во-первых, политическую жизнь Вятской губернии, особенно в волостях, где проживало подавляющее большинство населения, на начальном этапе гражданской войны активной назвать нельзя. Во-вторых, основная часть крестьянства не имела достаточно определенного отношения к Советской власти и партии большевиков. Крестьян волновали прежде всего экономические и бытовые проблемы, поэтому и их отношение к новой власти могло меняться в зависимости от конкретных мероприятий и действий местных властей. При этом северные уезды отличались большей стабильностью, нежели уезды хлебородные. В-третьих, в рабочей среде партия большевиков особым авторитетом не пользовалась. То есть последовательных, сознательных, принципиальных сторонников большевистской стратегии в Вятской губернии летом-осенью 1918 г. было немного.

Примечания

1. Государственный Архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р – 876. Оп. 1. Д. 2.
2. Центр Документации Новейшей Истории Кировской области (ЦДНИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 38.
3. ЦДНИ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 103 а/.
4. Молодцыгин, М. А. Рабоче-крестьянский союз. 1918–1920 [Текст] / М. А. Молодцыгин. М., 1987.
5. ГАКО. Ф. 1585. Оп. 8. Д. 116.
6. ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 140.
7. ЦДНИ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 158.
8. ГАКО. Ф. 1585. Оп. 8. Д. 46.
9. ЦДНИ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 178.
10. ГАКО. Ф. 876. Оп. 1. Д. 93.

А. М. Ермаков

СОЮЗ НЕМЕЦКИХ ДЕВУШЕК И РЕФОРМА ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

В статье рассматриваются позиции Союза немецких девушек в вопросе реформирования женского образования в нацистской Германии, раскрывается суть концепции равноценности полов, показаны основные изменении в сфере женского образования в Третьем рейхе.

Современники и историки с полным основанием называют нацистскую Германию «государством мужчин». Действительно, гитлеровское правительство, руководствуясь расово-биологической доктриной, стремилось превратить немецких женщин в образцовых домохозяек и многодетных матерей, преградить им доступ к политике, вытеснить с промышленных предприятий, из учреждений, с государственной службы, из научной и преподавательской деятельности. Эта линия влекла за собой и ограничение шансов женщин на получение образования. Однако отнюдь не все женщины, в том числе и активные сторонницы нацистов, разделяли идеал «хранительницы домашнего очага». Многие из них искали способы участия в политической и общественной жизни, выбора профессии и карьерного роста в Третьем рейхе. Пожалуй, особенно ярко несоответствие идеологических постулатов и политики национал-социализма ожиданиям части немецкого общества проявлялось в Союзе немецких девушек (БДМ).

БДМ был девичьей частью молодежной организации в нацистской Германии – Гитлерюгенда (ГЮ). Союз немецких девушек имел два, а с 1938 г. – три структурных подразделения: Союз юных девушек (ЮМ) для девочек 10–14 лет. Союз девушек (МБ) для девушек 14–17 (18) лет, дочернюю организацию «Вера и красота» для девушек 17–21 года.

Первая национал-социалистическая организация для девушек действовала в составе Молодежного союза НСДАП с марта по ноябрь 1923 г. и была распущена после провала «пивного путча» и запрета гитлеровской партии. В 1925 г. была основана организация Великогерманская молодежь, переименованная в 1926 г. в Гитлеровскую молодежь – Гитлерюгенд. Ее девичьи подразделения назывались сестринствами *(Schwesternschaften)*, а с 3 июля 1930 г. – Союзом немецких девушек. БДМ разделялся на имперское управление, области, гау, округа, местные группы и ячейки *(Scharen)*. Подчинение Союза Гиглерюгенду касалось только общегерманского уровня, областей и гау. Имперский фюрер молодежи Бальдур фон Ширах (1931–1940) назначал референта по работе с девушками в имперском молодежном управлении (РЮФ), девушки-референты работали также на уровне областей и гау. По указанию Гитлера от 7 июля 1932 г. все конкурирующие девичьи группы внутри нацистского движения были включены в состав БДМ [1].

Национал-социалисты рассматривали пребывание детей и молодежи в ГЮ как важнейшее средство социализации подрастающего поколения. Именно здесь молодые немцы и немки должны были приобретать свой первый жизненный опыт. Взаимосвязанными формами воспитательной работы – «службы» – в ГЮ являлись физическая закалка, мировоззренческое обучение, культурная работа, социальная и благотворительная деятельность, пребывание в лагерях и поездки. В юношеской и девичьей частях организации акценты делались на разных формах службы в соответствии с представлениями нацистов о гендерных ролях мужчины и женщины.

В Союзе немецких девушек была выработана концепция равноценности полов. Причины ее появления следует искать в неудовлетворенности многих девушек и самих лидеров девичьего движения тем незначительным местом, которое нацистская идеология отводила женскому полу в государстве, экономике, обществе. Но поскольку тоталитарное господство не допускает никаких оппозиционных настроений, концепция равноценности полов базировалась на нацистской идеологии и ее интерпретациях и не имела ничего общего с требованиями эмансипации женщин. Основой идеологических конструкций руководства БДМ было высказывание Гитлера о том, что «аналогично воспитанию мальчиков народническое государство может руководить воспитанием девочек с тех же точек зрения. И там главный вес возлагается на физическое обучение, и лишь затем – воспитание моральных и, в последнюю очередь, духовных ценностей. Цель женского воспитания – быть будущей матерью» [2].

Это высказывание нацистского вождя содержало два аспекта: ориентацию на роль матери и аналогию с воспитанием мальчиков. В БДМ понимали, что девочек и девушек 10–18 лет совершенно не интересуют брак, семья и материнство и при толковании установок фюрера делали акцент на аналогию с воспитанием мальчиков, что предполагало допущение для девушек собственной фазы юности. Это выгодно отличало нацистскую девичью организацию от буржуазного идеала воспитания, который такой фазы не предусматривал, и от молодежных объединений Веймарской республики, которые, за редкими исклю-

ЕРМАКОВ Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ЯрГПУ им. Ушинского
© Ермаков А. М., 2006

чениями, не допускали в свои ряды девушек. Требование Гитлера ориентировать девушек на материнство беспрекословно принималось как главная, но отнюдь не единственная задача. Согласно концепции равноценности полов, девушки должны были идти навстречу «своему грядущему предназначению как матери новых поколений» правильным путем, через «рост и созревание» по окончании фазы юности. Ширах выступил против тех, «кто пришел под маской воспитателя и разглагольствует о предназначении женщины... Каждый юноша хочет стать мужчиной, а каждая девушка – матерью, но сначала девушка находится в БДМ, а юноша – в ГЮ, и оба живут своей собственной молодой жизнью, чудесным отрезком, который, как и детство, является замкнутым и целостным», – писал он в 1934 г. [3]

В это же время имперский референт БДМ Лидия Готчевски (1932–1934) на страницах журнала «Deutsches Volkstum» выступила «против одного заблуждения. Неверно стремиться постоянно и длительно воспитывать девушку в расчете на “материнство”, для большинства это действительно не нужно. Они такие же живые, как и вы. Вы тоже стали бы отбиваться руками и ногами от включения в уклад жизни, который будет для вас обязательным только через пять или десять лет» [4].

Хотя БДМ пропагандировал многодетность, достигать ее следовало отнюдь не любой ценой. Когда по Германии поползли слухи о связи между Союзом немецких девушек и основанной в 1935 г. эсэсовской организацией Лебенсборн, целью которой была поддержка внебрачного зачатия и внебрачного материнства, руководительницы БДМ решительно опровергли их. В девичьей организации действовало распоряжение имперского референта Ютты Рюдигер (1937–1945), в соответствии с которым «каждая юнгфюрерин, которая ожидает внебрачного ребенка, должна уйти в отставку, потому что образцовая личная жизнь является неотъемлемым условием пребывания на любой руководящей должности» [5].

Согласно убеждениям имперского руководства молодежью, дети должны появляться на свет в результате брака, заключенного по любви. Руководительница отдела здравоохранения РЮФ доктор Урсула Куло полемизировала не только с воззрениями эсэсовского начальства, но и с позицией церкви, которая считала физическую близость между мужчиной и женщиной греховной: «Любовь между полами является здоровой и естественной, спасает зародышевую клетку всей жизни. Девушка здорова только тогда, когда она горда. Благодаря этой гордой позиции она может сохранить свою чистоту, и в ней есть опора, которая определяет отношение к мужчине. Воспитание такого мнения не имеет ничего общего с жеманностью, а является вполне естественным и здоровым» [6].

Значительный вклад в формирование концепции равноценности полов внесла имперский референт БДМ Груде Бюркнер (1934–1937). Она подчинялась только имперскому фюреру молодежи и была уполномочена отдавать приказы, обязательные для всех нижестоящих начальниц, производить назначения, продвижение по службе и увольнения руководительниц, применять дисциплинарные меры воздействия. Разумеется, основой столь широких полномочий было совпадение взглядов на образ женщины с представлениями имперского фюрера молодежи. Поэтому в полном согласии с Ширахом Бюркнер провозгласила целью БДМ формирование немецкой девушки «нового типа»: «Нашему народу нужно поколение девушек, здоровое телом и духом, отличающееся уверенностью в достижении цели, гордо и уверенно идущее своим путем, надежное, сдержанное в повседневной жизни, свободное от всего сентиментального и кутежного. Демонстрируя суровую женственность, оно будет товарищем мужчине, потому что видит в нем не какого-то идола, а спутника! Потом такие девушки обязательно передадут следующим поколениям мировоззрение национал-социализма как духовную позицию нашего народа» [7].

Бюркнер заходила настолько далеко, что утверждала, будто девушкам подобает в нацистском государстве такое же внимание, как и юношам: «Если исходить из того, что путем воспитания юноши формируется личность и что путем воспитания девушки определяется облик семьи завтрашнего дня, то очевидна необходимость, даже требование равноценного и интенсивного воспитания девушек нашего народа национал-социалистическим Движением и тем самым – государством» [8].

Руководство Союза немецких девушек с самого начала отказалось от реализации концепции равноценности полов в политической сфере, признавая, что нацистское движение – движение мужчин. Выступая в лагере имперских фюреров ГЮ в Веймаре в 1937 г., Бюркнер заявила: «Нам всем известно, что национал-социалистическое Движение представлено жестким солдатским поколением, фронтовым поколением, и что немецкое восстание 1933 года (приход Гитлера к власти. – *А. К.*) было революцией, совершенной мужчинами. Но мы знаем и то, что победа Движения была бы невозможной, если бы оба пола в своих сферах жизни не использовались для этого» [9].

Как провозглашала Бюркнер, политическое воспитание девушки и женщины «означает... быть бдительной и заинтересованной в вопросах соб-

ственного народа и чувствовать себя связанной с жизнью этого народа как в хорошие, так и в тяжелые дни» [10]. Выступая в Берлинском университете 16 февраля 1937 г., она подчеркнула, что нацистское государство ставит «тотальные воспитательные требования» перед юношами и перед девушками. По ее словам, «имперское руководство молодежью постоянно не только признает, но и прямо-таки подчеркивает равноценность юношей и девушек во всех вопросах воспитания». Бюркнер по-своему интерпретировала слова Шираха о том, что БДМ должен воспитывать из девушек «сильных и храбрых женщин». Сегодня, заявила она, юные девушки в Германии отнюдь не удовлетворены «известными К – дети, кухня, подвал, одежда», – которые так часто считаются особыми доменами женщины. Мужчина и женщина в Германии считаются равноценными: женщина должна помогать мужчине как лучший товарищ, «заинтересованный в политических нуждах нации». Ни одна женщина с ограниченным горизонтом не будет в состоянии показать своим детям такой пример, который описывают словами «мужественная жизненная позиция» [11].

А ее преемница Ютта Рюдигер так описывала отношение БДМ к политически активным девушкам: «Если мы хотим воспитать девушку политически, то слово “политически” не имеет ничего общего со старым понятием феминисток, а в период переоценки всех ценностей означает для нас политическое мышление – “народническое мышление”» [12].

Но, провозглашая равноценность полов, БДМ столкнулся с поставленными нацистской идеологией и политикой границами. Действительное равенство шансов имеет предпосылкой равные шансы на образование, однако в Третьем рейхе не могло идти речи о «равноценности» юношей и девушек в этом вопросе. Особенно ярко это проявилось в национал-социалистической идеологии и политике гитлеровского режима, направленной на всемерное ограничение женского образования.

Между тем определение собственного отношения к проблеме женского образования имело для руководства ГЮ и БДМ особое значение. Дело в том, что еще с началом эпохи индустриализации получение образования стало рассматриваться в семьях немецкой буржуазии как единственная возможность обеспечить экономические основы существования незамужних дочерей. «Женщины и девушки мелкобуржуазного класса были вынуждены, вследствие переворота в условиях их существования, приняться за какую-нибудь профессию. Они обратились, поскольку это было возможно, к свободным профессиям (к учительству, уходу за детьми и т. п.) и тем отраслям промышленности, которые граничат с искусством. Не стремление к знанию, не внезапно возникшее сознание духовного равенства женщины и мужчины породило это стремление женщин к образованию. Это был, в сущности, переворот в экономических условиях. Вопрос шел о куске хлеба, о котором необходимо было позаботиться на тот случай, если для женщины не найдется кормилец, в образе мужа. Стремление женщины к образованию росло и развивалось параллельно с исчезновением мелкой буржуазии», – так описывала происходившие в Германии изменения Клара Цеткин [13].

Однако в Германской империи традиционно считалось, что место женщины – в семье, и поэтому высокий образовательный уровень был привилегией мужчин. В США женщины могли получать высшее образование с 1853 г., во Франции – с 1863 г., в скандинавских странах – с 1870 г., в Англии и Голландии – с 1878 г., в университет Цюриха слушательницы допускались с 1840-х гг. В это время основным женским учебным заведением в Германии были начальные школы для девочек с восьмилетним учебным планом, в соответствии с которым особенно значительное время отводилось на изучение родного языка, арифметики, французского языка и религии, что дополнялось такими предметами, как история, география, естественная история, физика, химия. Немало часов отводилось предметам, связанным с ролью будущей домохозяйки (пению, рисованию, рукоделию, физической культуре), и ощутимо меньше – изучению дисциплин, которые могли пригодиться в будущей профессиональной деятельности: чистописанию и ведению бухгалтерских книг рукописным шрифтом «рондо» [14]. Посещение гимназий разрешалось девушкам только в исключительных случаях, а присутствие на лекциях в университетах в качестве вольных слушательниц было разрешено лишь в 1896 г. с согласия университетского попечительского совета, ректора, профессоров и доцентов, на занятиях которых они хотели присутствовать [15]. В 1896 г. в гимназии королевы Луизы в Берлине впервые были приняты экзамены на аттестат зрелости у шести девушек, обучавшихся экстерном. В феврале 1900 г. женщины были допущены к обучению в университете Бадена, в 1908 г. – в Пруссии. С 1909 г., несмотря на массовые протесты профессоров, женщины могли зачисляться в студенты во все университеты Германии.

С момента своего возникновения за улучшение шансов немецких женщин на получение образования выступало женское движение. Так, Всеобщий германский женский союз (АДФ), основанный в 1865 г. в Лейпциге, в начале XX в. выдвинул требование равного доступа к школьному образованию мальчиков и девочек, поста-

вив своей задачей добиться введения обязательного посещения девочками, окончившими народные школы, школ повышения квалификации, реорганизации средних школ для девочек, «благодаря которой они без ущерба для их специфики, соответствующей кругу действия женщины, станут равноценными средним школам для мальчиков», и «неограниченного допуска имеющих предписанное предварительное образование женщин во все научные, технические и искусствоведческие высшие школы» [16].

Веймарская республика окончательно закрепила за женщинами право на высшее образование. С 1913 по 1931 г. их доля среди студенчества возросла с 6,3 до 16% и достигла в абсолютных цифрах 20 тысяч человек. Большинство женщин, получивших высшее образование, работали учителями полных средних школ, однако некоторым удавалось выдержать жестокую конкурентную борьбу и получить место преподавателя университета, адвоката или судьи.

В то же время содержание школьного образования мальчиков и девочек отличалось настолько, что обучение проводилось раздельно. Учебные планы лицеев для девочек много места отводили обучению новым языкам, музыкальным предметам и рукоделию, в то время как полное среднее образование для мальчиков в гимназиях, реальных гимназиях и высших реальных школах отдавало предпочтение математическим и естественнонаучным предметам или древним языкам. Большинство девочек заканчивало обучение после 10-го класса лицея, не получив аттестата зрелости.

Национал-социалисты подчинили женское образование собственным идеологическим целям. Женщины были удалены с руководящих позиций в образовательной сфере, учительницы высших школ для девочек переводились в народные школы, а соотношение между мужчинами и женщинами – учителями неполных средних школ – устанавливалось как 4:1. «Законом о переполненности немецких школ и высших школ» от 25 апреля 1933 г. число студенток было ограничено 10% обучающихся [17]. С февраля 1934 г. условием поступления в вуз стала десятинедельная «добровольная» работа, а с 1935 г. – шестимесячная трудовая повинность. Но уже в это время в Германии обнаружилась нехватка квалифицированных специалистов с высшим образованием, а в 1939 г. студенткам было разрешено распределить отбывание трудовой повинности по семестровым каникулам или отбывать ее по окончании обучения. Затем стали отменяться и иные ограничения, вследствие чего во время Второй мировой войны доля женщин в университетах превысила даже показатели Веймарской республики: если в зимнем семестре 1932–33 учебного года она составляла 15,7% (17 345 студенток), а в летнем семестре 1939 г. – 11,2% (6 080 студенток), то уже в летнем триместре 1940 г. достигла 25,6% (12 639 студенток) [18]. Тем не менее в январе 1943 г. баварский гауляйтер Гислер, выступая по поводу 470-летия Мюнхенского университета, рекомендовал студенткам «лучше заполучить ребенка, вместо того чтобы таскаться в университет» [19].

Студентки находились под опекой Кружка национал-социалистических студенток (АНСТ). АНСТ добивался того, чтобы «всех немецких студенток воспитывали в национал-социалистическом духе и подготавливали к будущему использованию во всех областях труда немецкой женщины». С самого начала обучения в университете участницы АНСТ не посещали физкультурные занятия и путешествовали, что подготавливало их к решению задач, стоящих перед немецкой женщиной в области культуры и домоводства. В I–III семестрах для них проводились занятия в отделениях народного танца, народной песни и краеведения. Далее, девушки были обязаны на общественных началах работать в организации «Зимняя помощь» и в течение первых шести семестров пройти обучение на курсах ПВО, связи и первой помощи. В 1937 г. АНСТ и БДМ заключили соглашение о том, что «каждый член БДМ с момента начала своего обучения в вузе становится членом товарищества АНСТ. Этим не затрагивается членство в БДМ. Обучающиеся в вузе члены БДМ в I–III семестрах участвуют в службе АНСТ и с этой целью получают отпуск в БДМ». Так как обе организации допускали, что в будущем АНСТ будет набирать своих участниц только из Союза немецких девушек, то отказались от формирования специальных студенческих кружков в БДМ. Студентки, состоявшие в БДМ, должны были по возможности проживать в общежитии АНСТ [20].

В противоположность официальному курсу БДМ требовал равного доступа к высшему образованию для обоих полов. Когда для девушек в университетах была установлена 10-процентная квота, особо ревностные нацистские представители хотели совсем отказаться от высшего образования женщин. Высшая школа рассматривалась ими как «дело мужчин», а женское высшее образование – как «мода, распространенная в определенных кругах». Еще в 1930 г. Ширах сам содействовал увольнению студенток из Национал-социалистического немецкого союза студентов (НСДСтБ) и заменил их мужчинами в университетских выборных органах [21], однако в конце 1933 г. на учебном курсе руководительниц гау БДМ он выступил против утверждения, что высшее женское образование является только «модой», и заявил: «Наука не является част-

ной собственностью мужчин, как она не может быть частной собственностью женщин. Наука – самовыражение народа, и в этом качестве должна быть доступной всем членам народа, которые хотят ею заниматься, которые, занимаясь наукой, удовлетворяют свои внутренние потребности» [22]. Вероятно, Ширах, понимая, что у других нацистских лидеров не было никакого интереса к «учащимся женщинам», в качестве имперского фюрера молодежи должен был показать, что представляет интересы девушек.

Поскольку ограничение высшего женского образования полностью противоречило представлениям БДМ о равноценности полов, в 1937 г. имперский референт БДМ Труде Бюркнер еще раз категорически выступила против вытеснения женщин из высших учебных заведений и призвала «добиваться здорового равновесия между обучением в университетах мужчин и женщин». При этом она продемонстрировала понимание «иногда имеющегося неприятия женского высшего образования», фальсифицировала историю женского образования в Германии, умолчав о заслугах женского движения, и обвинила феминисток времен Веймарской республики в том, что «в период Системы учащаяся женщина утратила свое предназначение и задачу как женщина и мать и односторонне обратилась к профессиональным задачам, которые прежде были исключительно вотчиной мужчин. Так называемые феминистки требовали равенства прав с мужчиной и тем самым – посещения университетов в том же масштабе. Этот маскулинизированный тип женщины национал-социализм отвергает. Национал-социализм решительно изменил оценку обучения женщин в высшей школе. Он решительно отвергает «феминистку», которая вторгается в чисто мужские профессии» [23].

Этими словами она показала, что БДМ не хочет иметь ничего общего с женщинами, борющимися за свое равноправие. Она попыталась найти синтез между нацистскими взглядами на роль и предназначение женщины и заинтересованностью девушек в доступе к высшему образованию. «Требование БДМ в пользу академических женских профессий является совершенно осознанным и однозначным. Но необходимо вернуть настоящий женский дух в высшие учебные заведения. Из-за своего умственного образования учащаяся женщина не будет отчуждаться от своих задач женщины и матери. В своей чисто научной работе, которая теперь помогает политической, мировоззренческой и практической профессиональной подготовке, мы не можем просто отказаться от немецкой женщины. Напротив, сегодня она нужна нам больше, чем когда бы то ни было». Бюркнер поставила вопрос о том, может ли Германия отказаться от женщин-врачей, спортсменок, женщин с высшим образованием в учреждениях брачной консультации, пунктах обучения матерей и вообще в женских организациях и далее провела небольшую провокацию: «Или речь идет о задачах, которые зарезервированы за мужчинами?» [24]

С ограничительной политикой нацистов в области высшего женского образования была связана и проводимая ими школьная реформа, в результате которой предполагалось заменить девочкам преподавание латыни – условие обучения в вузах по определенным специальностям – предметами, связанными с функцией домохозяйки. В 1937 г., когда реформа находилась только в процессе подготовки, Труде Бюркнер указала на необходимость академических женских специальностей, таких, условием которых является знание древних языков. Выступая на курсах руководителей ГЮ в Веймаре, она заявила: «Нам не нужна чересчур образованная и не в меру ученая девушка. Но у немецких девушек должно быть школьное образование, которое необходимо, чтобы женщина могла существовать равноценно наряду с мужчиной» [25].

Бюркнер попыталась повлиять на министра народного просвещения и воспитания Бернхарда Руста, приписывая ему мнение, которого тот в действительности не высказывал: «Равноценность школьного воспитания, которое является предпосылкой для такого подхода к профессиональным вопросам, гарантирует позиция господина имперского министра воспитания Руста, который часто подчеркивал безусловную необходимость равноценности школьного образования обоих полов» [26].

Но авторитет БДМ оказался недостаточным, чтобы оказать влияние на концепцию школьной реформы, и в женском школьном образовании произошли негативные изменения. Указ о реорганизации средних школ от 20 марта 1937 г. предусматривал, что во всех типах школ для девочек будет рассматриваться учебный материал, который служит практической подготовке к деятельности домохозяйки. Занятия по латинскому языку в начальном и среднем звене были отменены. В народной школе (1–8-е классы) 12,8% времени занимало изучение дисциплин, связанных с обязанностями женщины в семье (домоводство, рукоделие, рисование). 12,3% отводилось на физическое воспитание, которое нацисты мыслили как подготовку к будущей роли матери. Немецкий язык, в течение трех лет изучавшийся вкупе с краеведением, занимал 31% учебных часов, история, география и природоведение, тесно связанные с идеологической обработкой девушек, – 14,7%. В противоположность этому преподавание религии занимало менее 1% времени, а арифметика и геометрия – только 13,8% [27].

В 1938 г. гимназии для девочек с преподаванием в качестве обязательных предметов латыни, греческого и английского языков закрылись.

Вместо них легко вводились формы полной средней школы с домоводческой или языковой ориентацией. Предварительной формой домоводческой средней школы была трехлетняя женская школа, возникшая в 1935 г. путем соединения женских средних школ и высших профессиональных женских школ. Наряду с этим в сельской местности для девушек еще сохранялась возможность после 6 лет обучения в народной школе и 6 лет обучения в домоводческой школе, где английский язык был обязательным, получить аттестат зрелости. В языковых школах обязательной была также латынь, а третий изучаемый язык можно было выбрать самостоятельно [28]. В качестве альтернативы девушки не могли избрать посещение школы для юношей. Исключения допускались, только если они уже учились в такой школе или поблизости не было школы для девушек. В соответствии с указом от 27 августа 1938 г. девушки, учившиеся в 3–5-х классах школ для юношей, больше не могли посещать уроки латинского языка, а вместо этого изучали рукоделие и музыку. Для девушек, которые в порядке исключения были допущены к занятиям в старших классах школ для юношей, вместо урока физического воспитания вводился урок рукоделия [29].

БДМ не смог отстоять свою позицию в деле реформирования школы, и нацистская школьная реформа серьезно затруднила доступ девушек к высшему образованию. Аттестат зрелости был достижим для девушек только в том случае, если они по собственной инициативе или по принуждению родителей изучали латынь самостоятельно. Впрочем, образование, в том числе и в отношении мужчин, в гитлеровской Германии не было одним из первостепенных критериев оценки личности.

Существовал и еще один аспект политики национал-социалистов в сфере образования, от которого руководство ГЮ и БДМ не могло остаться в стороне. Некоторые лидеры папистов задумались о создании специальных учебных заведений для подготовки будущей политической и военной элиты Третьего рейха. В начале 1936 г. по инициативе главы Германского трудового фронта рейхсляйтсра Роберта Лея для специально отобранных юношей были открыты три «орденских замка» – учебные заведения, призванные давать гимназическое образование, военные знания, прививать солдатский дух и служебную этику. Год спустя были открыты «школы Адольфа Гитлера» (АГШ), предназначенные для обучения будущих руководителей нацистской партии, а министр образования Руст стал организатором системы элитных «национально-политических воспитательных заведений» (наполас).

Разумеется, все эти образовательные учреждения предназначались только для юношей, но некоторые ведущие нацисты задумывались и об организации специальной полготовки для узкого круга девушек. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер мечтал об «избранных женщинах», которых под его руководством будут обучать в специально созданных «академиях мудрости и культуры». Выпускницы академий будут обладать «атлетическим изяществом», культурностью и интеллигентностью, тонкостью чувств и изысканностью выражений. Критериями отбора в эти академии, 26–28-летние выпускницы которых станут женами высокопоставленных партийных функционеров, поступят на дипломатическую и разведывательную службу, будут «полная политическая лояльность» и «искреннее одобрение национал-социалистических идей», а также «высокая интеллектуальная одаренность, телесная и духовная привлекательность и абсолютно немецкий облик». «Я знаю, что некоторые брюнетки обладают выдающимися интеллектуальными качествами и большим шармом, но мы должны действовать по логике и не намереваемся отступать от нее», – заявлял рейхсфюрер СС своему терапевту Феликсу Керстену, – поэтому слушательницами академии смогут стать только блондинки. Поскольку «они станут вечным идеалом для всей нации, другие будут смотреть на них и следовать их примеру», постольку «они должны обладать и идеальными физическим чертами – никакой компромисс здесь невозможен» [30].

Глава СС мечтал о том. что «эти избранные женщины получат наилучшее возможное образование. Они должны хорошо разбираться в истории: они выучат языки и пройдут такую же базовую подготовку, как чиновники внешнеполитического ведомства; они должны быть сообразительными и знать, как действовать в деликатных ситуациях. В их ежедневное воспитание будет включена игра в шахматы для развития ума, а также все виды спорта, особенно фехтование, которое тоже является интеллектуальным упражнением, так как требует мгновенной реакции на каждое движение противника; они будут ездить верхом, водить машину, плавать и стрелять из пистолета. Естественно, пройдут они и специальные курсы кулинарии и домоводства. Сдав исчерпывающие экзамены, эти женщины получат звание избранных, которое станет величайшей почестью, какой только смогут достигнуть женщины в Великом Германском рейхе» [31].

В январе 1937 г. инспектор национально-политических воспитательных заведений обергруппенфюрер СС Август Хайсмайер провел успешные переговоры с имперским референтом БДМ

Трудой Бюркнер об открытии наполас для девушек. В выступлении перед руководством БДМ Хайсмайер подчеркнул, что «разумеется, обучение в этих заведениях для девушек будет производиться в соответствии с особым характером нашего общего девичьего воспитания. И со стороны женщин благодаря этому должно быть обеспечено достижение общей цели равномерного и постоянного дальнейшего развития нашего народа. Речь идет о том, чтобы отобрать и обучить самую прилежную, самую здоровую и самую лучшую молодежь обоих полов» [32].

В 1939 г. при поддержке Хайсмайера в австрийском замке Хубертендорф было открыто первое национально-политическое воспитательное заведение для девушек, в 1941 г. такой же девичий интернат открылся в летней резиденции великой герцогини Люксембургской – замке Кольмарберг, а с ноября 1942 г. по инициативе шефа партийной канцелярии рейхсляйтера Мартина Нормана стали открываться и «школы Адольфа Гитлера» для девушек [33].

Анализ позиции Союза немецких девушек в связи с реформой женского образования в нацистской Германии позволяет сделать вывод о том, что разработанная руководством БДМ концепция равноценности полов была вызвана недовольством части девушек гендерной ролью домохозяйки и матери, которую отводили им национал-социалисты, и в условиях господства гитлеровской идеологии базировалась на толковании высказываний нацистского вождя о роли женщины в политике, экономике, обществе, семье, о воспитании девочек и девушек. Концепцию равноценности полов развивали и пропагандировали имперский фюрер молодежи Бальдур фон Ширах и сменявшие друг друга имперские референты БДМ Лидия Готчевски, Труде Бюркнер и Ютта Рюдигер. Руководству нацистской молодежной организации не удалось добиться смягчения ограничений в области высшего женского образования и отказа нацистов от ухудшения качества обучения девочек и девушек в школах. Повышение доли студенток в университетах было связано не с изменениями взглядов руководителей Третьего рейха, а с ростом потребностей немецкой экономики в специалистах с высшим образованием. Появление небольшого количества элитных учебных заведений для девушек, которое приветствовал БДМ, объясняется стремлением некоторых нацистских лидеров подготовить «достойных» спутниц жизни для будущих руководителей Германии.

Примечания

1. *Jürgens, B.* Zur Geschichte des BDM (Bund deutscher Mädel) von 1923 bis 1939 [Text] / B. Jürgens. Frankfurt am Main, 1994. S. 57.
2. *Hitler, A.* Mein Kampf [Text] / A. Hitler. 620. Auflage. München, 1942. S. 458–459.
3. *Schirach, B.* Die Hitler-Jugend. Idee und Gestalt [Text] / B. Schirach. Berlin, 1934. S. 98–99.
4. *Klaus, M.* Mädchenerziehung zur Zeit der faschistischen Herrschaft in Deutschland. Der Bund Deutscher Mädel [Text] / M. Klaus. Frankfurt am Main, 1983. Bd. 1. S. 130.
5. *Slernheim-Peters, E.* Die Zeit der groβen Täuschungen. Mädchenleben im Faschismus [Text] / E. Sternheim-Peters. Bielefeld, 1989. S. 243.
6. Das Junge Deutschland [Text]. 1939. Heft 1. S. 13.
7. *Klaus, M.* Mädchen in der Hitler-Jugend. Die Erziehung zur deutschen Frau [Text] / M. Klaus. Köln, 1980. S. 58.
8. *Bürkner, T.* Der Bund Deutscher Mädel in der Hitler-Jugend [Text] / T. Bürkner. Berlin, 1937. S. 5.
9. *Lapper, K.* Soll das deutsche Mädel studieren? [Text] / K. Lapper // Das Deutsche Mädel. 1937. Juli. S. 1.
10. *Bürkner, T.* Op. cit. S. 15.
11. *Miller-Kipp, G.* (Hg.). «Auch Du gehörst dem Führer». Die Geschichte des Bundes Deutscher Mädel (BDM) in Quellen und Dokumenten [Text] / G. Miller-Kipp. Weinheim; München, 2001. S. 253.
12. Das Deutsche Mädel [Text]. 1939. Januar. S. 1.
13. *Цеткин, К.* Женщина и ее экономическое положение [Текст] / К. Цеткин. Пг., 1919. С. 8.
14. *Bachmann, F.* Weibsbildung: wie Frauen trotz allem zu Wissen kamen [Text] / F. Bachmann. Berlin, 1990. S. 72.
15. Frauen. Ein historisches Lesebuch [Text]. München, 1988. S. 43.
16. *Bäumer, G.* Die Frau in Volkswirtschaft und Staatsleben der Gegenwart |Text] / G. Bäumer. Stuttgart; Berlin, 1914. S. 272.
17. RGBl. 1933. Teil I. S. 225.
18. *Winkler, D.* Frauenarbeit im «Dritten Reich» [Text] / D. Winkler. Hamburg, 1977. S. 196.
19. *Jürgens, B.* Op. cit. S. 157.
20. *Klinksiek, D.* Die Frau im Nationalsozialismus [Text] / D. Klinksiek. Stuttgart, 1982. S. 45.
21. *Thalmann, R.* Frausein im Dritten Reich [Text] / R. Thalmann. Frankfurt am Main; Berlin, 1987. S. 104.
22. *Jürgens, B.* Op. cit. S. 155–156.
23. *Lapper, K.* Op. cit. S. 1–2.
24. Ibidem.
25. Ibidem.
26. *Bürkner, T.* Op. cit. S. 23.
27. *Lück, M.* Die Frau im Männerstaat. Die gesellschaftiche Stellung der Frau im Nalional-sozialismus. Eine Analyse aus pädagogischen Sicht [Text] / M. Lück. Frankfurt am Main; Bern, 1979. S. 61.
28. Ibid. S. 70.
29. *Jürgens, B.* Op. cit. S. 160.
30. *Керстен, Ф.* Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача. 1940–1945 гг. [Текст] / Ф. Керстен. М., 2004. С. 98, 99, 100, 102.
31. Там же. С. 99.
32. Potsdamer Arbeitstage. Mädelerziehung im nationalsozialistischen Staat [Text|// Das Deutsche Mädel. 1937. Januar. S. 4.
33. *Thalmann, R.* Op. cit. S. 110.

В. Т. Юнгблюд

ВКЛАД НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США В ИЗУЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1933–1941 гг.)

В статье рассматривается роль неправительственных организаций и филантропических фондов США в разработке внешнеполитических идей в предвоенные годы.

В истории XX в. предвоенной эпохе принадлежит особое место. Вторая мировая война разделила время надвое, выделив десятилетие 1930-х гг. в особый этап, наполненный романтикой уходящего традиционного мира, драмой борьбы с фашизмом и колоссальными структурными изменениями на международной арене. Перемены влияли на сознание людей, меняли систему ценностей и формировали новые области знания о внешней политике и международных процессах. Для Соединенных Штатов Америки 30-е гг. стали временем перехода страны в новое состояние: преодоление депрессии внутри страны сопровождалось ломкой изоляционистских барьеров во внешней политике. Провинциальный изоляционизм «одноэтажной Америки» всё больше уходил в прошлое. Ему на смену шло осознание масштабности международных вызовов и понимание неизбежности вовлечения страны в глобальные процессы. Если говорить о менталитете американского общества, то можно утверждать, что именно на предвоенные годы приходится формирование внешнеполитического сознания американцев как особой формы общественного сознания. Это был сложный процесс, означавший все более выраженную специализированность сознания на международных делах. По мнению современного исследователя Н. А. Косолапова, специализированность внешнеполитического сознания «выражается в наличии большого числа научно-исследовательских, информационных и других центров, научных школ и направлений, теорий и концепций, политических доктрин, систем воспитания и профессиональной подготовки кадров. Она выражается и в том, что общественное мнение как отдельных стран, так и мира в целом имеет свои представления по вопросам внешней политики и международных отношений – представления, не смешивающиеся со взглядами на какие-то другие проблемы» [1].

Феномены внешнеполитического сознания и специфика тех исторических обстоятельств, при которых происходило его становление в США накануне Второй мировой войны, являются актуальной исследовательской проблемой, особенно в связи с тем, что уже в тот период были сделаны заявки на глобальный формат американского внешнеполитического проекта.

1930-е гг. в США были отмечены возрастанием интереса к проблемам международных отношений, что было обусловлено выходом страны на арену мировой политики. Необходимость оценки итогов Первой мировой войны, опыта работы Лиги наций, стремление выработать универсальные политические формулы, способные гарантировать успех внешнеполитического курса и сделать США неуязвимыми для внешней опасности побуждали правящую элиту совершенствовать организацию и расширять проблематику исследований в области международных отношений.

Весомый вклад в развитие американской внешнеполитической мысли внесли представители академических кругов и бизнеса. Дебаты по поводу характера и целей политики США на международной арене, за которыми стоял принципиальный вопрос о том, какое место должна занимать самая крупная держава Нового Света в мировом сообществе, способствовали упрочению влияния неправительственных организаций и филантропических фондов, занимавшихся изучением проблем внешней политики и популяризацией своих наработок в этой области.

В 1942 г. в Нью-Йорке вышла книга «Американские организации, причастные к изучению международных отношений», в которой были представлены материалы о 187 общественных и научно-исследовательских центрах [2]. Специфика работы, идейно-политическая ориентация и степень активности отмеченных в этом издании агентств, советов и обществ были различными. Немногие из них реально влияли на развитие внешнеполитических идей, повлиявших на выбор международного курса США. Особая роль в этом отношении принадлежала филантропическим фондам.

Согласно результатам проведенного в 1932 г. Фондом XX века исследования, из 129 существовавших в США фондов 40 выделяли средства на научные и пропагандистские программы, имевшие отношение к различным аспектам внешней политики. Общая сумма ассигнований составляла 1 млн. 850 тыс. долларов. На финансирование исследовательской деятельности расходовалось около 185 тыс. долларов (т. е. всего 10% от общей суммы) [3]. Однако заинтересованность в углубленной разработке международных и региональных проблем заставляла лидеров бизнеса увеличивать масштабы финансовых вливаний именно в эту сферу. В 1935 г. только Фонд Рокфеллера выделил на научные цели 618 тыс. дол-

ЮНГБЛЮД Валерий Теодорович – доктор исторических наук, профессор по кафедре всеобщей истории, проректор по научной работе ВятГГУ
© Юнгблюд В. Т., 2006

ларов. Подавляющая часть взносов предназначалась университетским центрам и неправительственным организациям [4]. Фонд Карнеги для содействия всеобщему миру на протяжении второй половины 1930-х гг. ежегодно выделял на финансирование внешнеполитических разработок более 660 тыс. долларов [5].

Кроме названных филантропических фондов значительные интересы в сфере внешней политики имели корпорация Карнеги (Нью-Йорк), Фонд содружества (создан в 1918 г. миллионершей С. В. Харкнесс), Фонд памяти Джона С. Гугенхейма, Фонд Мориса и Лауры Фальк (создан в 1929 г. и финансировал внешнеэкономические исследования, проводившиеся институтом Брукингса), Фонд XX века, Фонд Вудро Вильсона, Фонд всеобщего мира [6].

С помощью благотворительных пожертвований бизнес превращался в существенный элемент интеграции усилий академического мира, политических кругов и деловых людей для изучения актуальных для США проблем международной жизни, к которым привлекался наиболее ценный интеллектуальный потенциал страны.

Р. Фосдик, длительное время занимавший руководящие посты в Фонде Рокфеллера, сформулировал кредо, которым руководствовались благотворительные корпорации: «Фонд должен быть не действующим ведомством, а агентством, распределяющим средства. Это не означает, что фонду придется выбирать между различными политическими позициями. Такая политика предполагает, что позиция самого фонда будет проявляться через ассигнования ведомствам, действующим независимо от своего донора...» [7]. Оставляя за собой право выделять средства на исследования или, наоборот, лишая то или иное научное объединение необходимых дотаций, бизнес обеспечивал свои политические позиции необходимыми научными обоснованиями [8].

Так, например, целевые программы Фонда Рокфеллера формировались в соответствии с установками на «1) детальное изучение событий, происходивших в мире и 2) повышение уровня компетентности сотрудников государственных учреждений, вовлеченных в проведение международной политики» [9]. Фонд рассчитывал влиять на внешнеполитическое руководство страны не только методами прямого давления, но и при помощи подготовки квалифицированных экспертных оценок. Не сбрасывалось со счетов и то обстоятельство, что со временем многие специалисты, принимавшие участие в исследовательских программах, контролировавшихся филантропическими фондами, могли пополнить собой ряды высшего политического руководства страны.

Значительную часть средств получали университетские центры. В 1935 г. Фонд Рокфеллера ассигновал 100 тыс. долларов на развитие Института международных исследований, созданного в том же году при Йельском университете. Средства выделялись для того, чтобы превратить Институт в центр изучения проблем международной политики и выработки практических предложений по ее осуществлению [10]. Результаты не замедлили сказаться. Уже к началу Второй мировой войны в Йеле работала группа авторитетных специалистов: У. Грисуолд, Дж. Дэвис, А. Уолферс, Н. Спайкмэн. Известный американский политолог С. Хантингтон считал, что благодаря работам этих исследователей во внешнеполитической мысли США в конце 1930-х – начале 1940-х гг. стало утверждаться новое понимание категории «национальный интерес» и значения фактора силы в мировой политике [11].

Своего рода итогом деятельности Института международных исследований стала книга Н. Спайкмэна «Американская стратегия в мировой политике», опубликованная в 1942 г. Считая основным условием поддержания международной стабильности сохранение баланса сил, этот автор утверждал, что мировое сообщество не имело надежных механизмов для защиты прав наций. Следовательно, считал Спайкмэн, США должны считать защиту своих силовых позиций «естественной целью внешней политики» [12]. Рассуждения Спайкмэна и его коллег знаменовали отход от вильсонистских установок американского «интервенционизма» в направлении «политического реализма», основывавшего видение мировых процессов на постулатах геополитики и стратегии баланса сил.

Солидные денежные суммы в 1930-е гг. переводились на счета Гарвардского, Колумбийского, Чикагского и Стэнфордского университетов [13]. Активно финансировались программы, осуществлявшиеся за пределами США. Регулярные пожертвования получали Институт исследования проблем тихоокеанского региона (помимо американского Совета институт создал Центр по координации исследований в университетах Японии и Китая), Королевский институт международных отношений (Лондон), а также Женевский исследовательский центр и Институт интеллектуального сотрудничества (Париж), действовавшие под эгидой Лиги Наций.

В 1930-е гг. складывались механизмы взаимодействия фондов. Именно в этот период получила распространение практика «перекрестных браков», когда одно и то же лицо включалось в состав руководящих органов нескольких организаций. Например, известный ученый Н. М. Батлер являлся членом совета попечителей Фонда Карнеги и одновременно возглавлял один из комитетов Фонда XX века.

Иногда общность интересов различных благотворительных организаций проявлялась в их совместном участии в одной и той же научной программе. В середине 1930-х гг. группа специалистов Колумбийского университета под руководством Ф. Джессапа и Ф. Дика получила заказ Фонда Карнеги для содействия всеобщему миру изучить документы, касавшиеся проблемы нейтралитета. В процессе работы была собрана и изучена огромная коллекция документов. Результаты исследований частично отражались на страницах «Американского журнала международного права». Фонд памяти Лауры Спеллман Рокфеллер, подключившись к этой программе, выделил средства на издание многотомного труда, обобщившего достижения комиссии [14].

Особое место среди филантропических организаций США в 1930-е гг. занимал Фонд Карнеги для содействия всеобщему миру. Являясь крупнейшей инстанцией в распределении финансовых средств, фонд одновременно был непосредственным исполнителем исследований в области международных отношений [15]. В утвержденном в 1929 г. программном документе отмечалось, что деятельность организации будет преследовать такие цели: «получение и распространение внешнеполитической информации с целью просвещения американцев; содействие делу мира между народами; запрещение войны как инструмента национальной политики; поощрение и поддержка методов мирного решения международных разногласий и укрепление взаимопонимания между народами; совершенствование международного права...» [16]. Публиковавшиеся в 30-е гг. ежегодники Фонда Карнеги для содействия всеобщему миру свидетельствовали о масштабной деятельности по достижению объявленных целей.

В структуре фонда выделялись три основных подразделения: отдел общественных связей и просвещения, отдел международного права и отдел экономики и истории. На долю первого из указанных отделов выпадала примерно половина ежегодного бюджета фонда. Совмещая исследования и деятельность по популяризации своих достижений в США и за рубежом, фонд воздействовал «на разработку и формирование основных внешнеполитических установок» и «общественное мнение США... таким образом, чтобы у правительства не оставалось иного выбора, кроме как следовать этим установкам» [17]. Одним из основных каналов влияния на широкие слои стали публикации журнала «Интернэшнл консиллиэйшн» [18].

В 1935 г. президент фонда Н. М. Батлер (он же возглавлял отдел общественных связей и просвещения) выступил с инициативой проведения конференции ученых, специализировавшихся на проблемах международного сотрудничества. На приглашение откликнулись около 50 человек, которые на своем заседании приняли решения об учреждении Комитета для проведения Национальной конференции мира. Комитет стал центром координации деятельности по изучению законодательства о нейтралитете, целенаправленно влиявшим на политику правительства США [19].

Программный документ этого органа был опубликован на страницах «Интернэшнл консиллиэйшн». «Комитет считает, что акт от 31 августа 1935 г. в том виде, в каком он принят, не снижает риск вмешательства в иностранные войны и, в определенных случаях, не обеспечивает предотвращения обструкционистских санкций против американского экспорта», – гласил главный вывод исследователей. В докладе были изложены основные принципы, на которых, по мнению его авторов, должна была базироваться внешняя политика США: «Наилучший способ сохранения мира состоит в совместных международных действиях, сотрудничество с другими государствами в этих целях, безусловно, соответствует интересам Соединенных Штатов» [20]. Выводы комитета по многим позициям отражали взгляды ведущих экспертов Фонда Карнеги и базировались на принципах либерального вильсонизма.

Постоянным предметом внимания отдела сотрудничества и просвещения являлись экономические аспекты международных отношений. 5–7 марта 1935 г., вновь по инициативе Н. М. Батлера, была созвана международная конференция с участием представителей большинства европейских держав. Местом проведения стал лондонский Королевский институт международных отношений (Чатем Хауз). Организаторы преследовали цель подготовить сбалансированную программу преодоления экономических трудностей, вызванных депрессией. Выработанные на этом форуме рекомендации были направлены непосредственно главам ведущих государств [21]. Логическим продолжением Лондонской конференции стало создание Объединенного комитета Фонда Карнеги для содействия всеобщему миру и Международной торговой палаты с целью исследования международных экономических отношений. Эксперты Комитета предложили комплекс мероприятий, обсуждение которых происходило на заседании Фонда Карнеги для содействия всеобщему миру в 1936 г. Выводы участников этого совещания были пронизаны идеями расширения экономического сотрудничества и преодоления экономического национализма [22].

Предложения, на которых настаивали специалисты из отдела общественных связей и просвещения, не имели шансов сразу утвердиться в практике международных отношений. Тем не менее о них вспомнили во время выработки ба-

зовых принципов американо-британского сотрудничества в 1939–1941 гг. и подготовки программных документов ООН в 1944–1945 гг.

Огромная работа по систематизации и опубликованию международно-правовых документов была проделана сотрудниками отдела международного права. К началу 1942 г. в свет вышло около 200 томов документальных материалов, в подготовке которых участвовали такие крупные специалисты, как Дж. Б. Мур, С. Ф. Бимис, М. Хадсон, У. Мэннинг, Дж. Б. Скотт. Сотрудники отдела наладили взаимодействие с Гарвардской школой права, Американским обществом международного права и Гаагской Академией международного права. Правовые аспекты внешней политики приобрели особое значение в связи с начавшейся в США разработкой принципов послевоенного устройства мира. В 1940–1941 гг. в практику вошли регулярные контакты руководства отдела с представителями госдепартамента. Идеи, предложенные специалистами из Фонда Карнеги для содействия всеобщему миру, после их одобрения руководителями внешнеполитического ведомства, получали шанс влиять на содержание официальных правительственных инициатив [23].

Большим авторитетом в научных и политических кругах пользовались аналитические материалы, подготовленные отделом экономики и истории (бессменным директором в предвоенные годы был Дж. Шотуэлл). Усилия отдела были направлены главным образом на интерпретацию уроков Первой мировой войны и результатов парижско-вашингтонского урегулирования. Эта проблема рассматривалась в либерально-интервенционистском ключе, что нашло отражение в отчете директора отдела за 1938 г.: «Фундаментальный вывод, к которому подводит экономическая и социальная история мировой войны, состоит в том, что война не должна служить инструментом национальной политики. В противном случае государства не смогут достичь высокого экономического уровня» [24].

Значительная часть исследований отдела экономики и истории была посвящена изучению американо-канадских отношений. Специальная исследовательская программа, в которой приняли участие ученые двух стран, предполагала подготовку 35-томного издания, охватывавшего все аспекты двусторонних связей крупнейших государств Северной Америки. Проект начал осуществляться в 1934 г. и к началу Второй мировой войны был близок к завершению. Пристальное внимание к проблемам сотрудничества США и Канады мотивировалось тем, что «опыт взаимопонимания между государствами, столь тесно связанными между собой..., представляет огромную важность для конструктивного планирования будущего» [25].

Деятельность Фонда Карнеги для содействия всеобщему миру являлась уникальным для своего времени примером того, как благотворительная корпорация, используя свои средства для финансирования внешнеполитических разработок, осуществлявшихся в университетах и неправительственных организациях, сама оставалась крупнейшим центром производства внешнеполитических идей. Имея сильные рычаги влияния на общественное мнение страны, фонд одновременно совершенствовал способы воздействия на процесс выработки и принятия внешнеполитических решений на самом высоком уровне власти.

Очевидным симптомом складывания в США в 1930-е гг. политико-академического комплекса проявлялись в деятельности ведущих неправительственных организаций. Лидирующая роль в определении приоритетов в области внешнеполитических исследований и формирования политических и концептуальных подходов к наиболее важным международным и региональным проблемам принадлежала нью-йоркскому Совету по международным отношениям и Ассоциации внешней политики [26].

Важнейшей сферой деятельности Ассоциации внешней политики являлась работа по анализу текущих событий международной жизни и прогнозированию перспектив развития внешнеполитических процессов. Исследовательский центр организации состоял из 11 человек. До 1940 г. его директором был Р. Л. Бьюелл (он же занимал пост президента Ассоциации). После отставки Бьюелла в 1940 г. его сменила В. М. Дин, известная в США своими работами по проблемам европейской политики. В состав исследовательской группы входили Т. Биссон, Х. Фишер, Д. Поппер, Ч. Томпсон, М. Уэртмейер, Г. Трублад и ряд других известных специалистов-международников. Для того чтобы гарантировать объективность и точность публиковавшейся информации, использовалась практика сотрудничества с лицами, занимавшими официальные посты, и известными учеными. Только в 1936 г. совет директоров и сотрудники штаб-квартиры Ассоциации приглашали в качестве экспертов дипломатов Н. Дэвиса и Дж. Мессерсмита, члена «мозгового треста» администрации президента Ф. Д. Рузвельта А. Берла, известных ученых Дж. Уайтэкера и Г. Ласки [27].

Сотрудники исследовательского центра Ассоциации стремились подчеркнуть независимый характер своих выводов, интерпретируя имевшийся в их распоряжении материал с объективистских позиций. Результаты изысканий сотрудников Ассоциации публиковались на страницах журнала «Форин полиси рипотс». Авторы большинства публикаций не стремились к конструированию глобальных схем мирового устройства

и уклонялись от обсуждения теоретических вопросов. Статьи, как правило, содержали анализ обширного фактического материала по конкретной, сравнительно узкой проблеме.

Попытки преодолеть сегментарный, эмпирический подход к международным исследованиям наметились в работах ряда авторов, стремившихся придать своим аналитическим опытам, посвященным в основном региональным проблемам, характер научно обоснованных прогнозов. В таком ключе была выдержана серия статей ведущего специалиста Ассоциации в области латиноамериканской политики США Г. Трублада [28]. Считая, что политику «доброго соседа» следует оценивать не как следствие волевого решения администрации Рузвельта, а как логический результат эволюции теории и практики панамериканизма, этот автор указывал на то, что латиноамериканский курс США имеет «долговременные цели, уходящие в послевоенное время». Поскольку развитие отношений США с государствами региона происходило в условиях острого противоборства фашизма и демократии, то вашингтонскому руководству, по мнению Трублада, следовало воспользоваться условиями военного времени, для того чтобы обеспечить свое полное преобладание на латиноамериканском рынке. Для решения этой задачи Соединенным Штатам достаточно было предложить государствам Южной Америки «более благоприятные условия торговли, чем победоносная Германия». Исследователь считал, что мероприятия по организации экономической обороны полушария, хотя и не являются «империалистическими по своему характеру, все же могут сопровождаться ущемлением прав менее сильных государств». Предостерегая от возможных негативных последствий нарушения Соединенными Штатами демократических принципов во взаимоотношениях с южными соседями, Трублад предложил развернутую программу экономического сближения государств региона, нацеленную на обеспечение солидарных действий при решении политических и военных проблем [29]. Указанные рекомендации полностью вписывались в концепцию «добрососедства», которой придерживались Белый дом и госдепартамент. Разница была только в деталях: Трублад предлагал руководству страны действовать быстрее, решительнее и последовательнее. На таких же позициях стояли Ч. Томпсон, Х. Братер, К. Саутворт, также выступавшие с публикациями по латиноамериканской тематике [30].

Значительное внимание исследовательский центр Ассоциации уделял ситуации на Дальнем Востоке. Анализируя положение дел в тихоокеанском регионе, большинство авторов также придерживалось эмпирических подходов, ставя перед собой задачу обобщить максимальное количество фактов и на этой основе определить ближайшую перспективу международных событий [31].

В предвоенные годы предметом анализа специалистов из Ассоциации стала ситуация на европейском континенте. Получила распространение точка зрения, согласно которой одним из главных барьеров на пути расширения агрессии фашистских государств в Европе может стать Советский Союз. Внешней политике СССР были посвящены предвоенные публикации Веры М. Дин. Исследовательница заявляла о целесообразности избегать крайностей в оценках политики сталинского руководства, характерных для авторов, враждебно настроенных по отношению к советскому строю, с одной стороны, и для сторонников внешнеполитической практики СССР из числа западных комментаторов левой ориентации – с другой. Такой подход позволял В. М. Дин делать обоснованные прогнозы. Например, еще в январе 1933 г. исследовательница ратовала за изменение американской политики в отношении СССР, считая дипломатическое признание Советского Союза делом близкого будущего [32]. Анализируя итоги Мюнхена, она справедливо указала на вероятность резкого ухудшения взаимоотношений СССР с западными демократиями и возможность сближения Сталина с Гитлером. «Если это случится, то мюнхенское умиротворение... может открыть эпоху конфликтов между двумя империалистическим системами» [33], – писала исследовательница.

Не оправдывая действия советского руководства в августе-сентябре 1939 г., В. М. Дин значительную долю ответственности возлагала на политические круги Англии и Франции: «Политика “умиротворения”... сделала Москву столь же подозрительной в отношении союзников, как и в отношении Германии» [34], – отмечала она в марте 1940 г. Рассуждения В. М. Дин строились в соответствии с логикой, охарактеризованной современным американским исследователем И. Клаудом, как «доктрина справедливых войн» [35]. Считая главными виновниками мирового конфликта фашистскую Германию и милитаристскую Японию, олицетворявшими деструктивные силы, исследовательница приходила к выводу, что для демократий борьба с агрессией являлась исторически неизбежным, справедливым делом. Поскольку в политике Сталина, по ее мнению, отсутствовали экспансионистские замыслы, то его попытки остаться вне войны ценой компромисса с Германией были оправданными. Война, начавшаяся 22 июня 1941 г., была справедливой для Советского Союза. Это обстоятельство, считала Дин, открывало возможности для объединения усилий СССР и США на антифашистской основе [36].

Исследования, осуществлявшиеся Ассоциацией, не были обычными академическими работами и находили практическое применение в процессе выработки и принятия внешнеполитических решений. Материалами Ассоциации пользовались конгрессмены и сенаторы. Были случаи, когда американские и зарубежные посольства обращались с просьбами предоставить им необходимые сведения и рекомендации. Выводы сотрудников исследовательского центра доводились до сведения руководителей госдепартамента, министерства торговли, военного и военно-морского министерств, министерства финансов [37].

В 1930-е гг. происходит рост активности и влияния другой крупной неправительственной организации – Совета по международным отношениям [38]. Структура и цели этой организации были определены в программном заявлении. Согласно этому документу Совет являлся «постоянно действующим органом, специализировавшимся на изучении международных проблем, затрагивавших интересы США, и объединявшим специалистов в области государственного управления, финансов, промышленности, образования и науки». Руководители не скрывали, что их деятельность будет нацелена на «формирование внешнеполитического мышления граждан Соединенных Штатов и поддержание сотрудничества с правительством США и международными организациями, координирующими решение межгосударственных проблем» [39].

Летом 1922 г. вышел первый номер ежеквартального журнала «Форин афферс». В обращении к читателям говорилось, что редакция не будет стремиться к тому, чтобы «представлять определенное согласованное мнение. ...Печатая разнообразные материалы и не идентифицируя себя с какой-то одной школой, журнал сможет гораздо лучше познакомить американскую общественность со всем множеством внешнеполитических идей» [40].

В начале 1930-х гг. приоритетное место в работе Совета занимали анализ причин «великой депрессии» 1929–1933 гг. и поиски возможных путей преодоления ее последствий. В 1932 г. гарвардский экономист Э. Джей предложил обсудить способы выхода из кризиса международной валютной системы. В дискуссии приняли участие экономисты П. У. Бидуэлл, Дж. Уильямс, бизнесмены Р. Леффингуэл (один из партнеров Моргана), Дж. Муни (президент «Дженерал моторз»), политический обозреватель У. Липпман, которые обнаружили единство взглядов на причины финансовых осложнений, выделив в качестве таковых рост экономического национализма во всем мире, «безумные займы и вклады 20-х гг.» и «тарифную оргию» последних двух лет [41].

Внешнеэкономическая политика администрации Рузвельта находила поддержку среди членов Совета. Гарвардский экономист Дж. Уильямс, в частности, поддерживая решение администрации отказаться от «золотого стандарта», выдвинул идею фиксирования курса денежных единиц различных стран друг относительно друга не при помощи золотого эквивалента, а путем подписания международных соглашений [42]. Эта точка зрения нашла поддержку Дж. Муни, выступившего в январе 1938 г. на страницах «Форин афферс» [43]. Призывы членов Совета использовать политические рычаги для упрочения позиций американских банкиров в мировой экономической структуре были услышаны в Белом доме, но условия для их реализации сложились только на заключительном этапе Второй мировой войны: в 1944 г. на конференции в Бретон-Вудсе были приняты решения об учреждении Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, функционирование которых строилось в соответствии с идеями Дж. Уильямса.

В 1934 г. в Совете была создана группа, изучавшая зависимость внешнеполитических процессов от обеспеченности ведущих держав мира природными ресурсами. Под председательством профессора Висконсинского университета К. Лея был подготовлен доклад «Элементы национальной политики в области обеспечения страны природными ресурсами», вызвавший большой интерес администрации. С целью поддержать начатые исследования был создан правительственный комитет под руководством министра внутренних дел Г. Икеса. Лей обобщил результаты работы этого комитета в статье «Минеральные ресурсы и мир», опубликованной в апреле 1938 г. Статья подводила к мысли, что главной угрозой миру является стремление Германии, Японии и Италии установить контроль над сырьевыми ресурсами, расположенными за пределами их стран. Земной шар располагает достаточным количеством полезных ископаемых, чтобы обеспечить все государства. Поэтому самым рациональным решением, по мнению Лея, должно было стать восстановление международной торговли, что позволило бы свободно перемещаться сырьевым материалам [44]. Исследования группы Лея явились одним из первых примеров сотрудничества Совета по международным отношениям с правительством.

Проблемы разоружения, коллективной безопасности, соблюдения прав нейтралов, законности торговли оружием регулярно освещались на страницах «Форин афферс» и становились предметом специальных исследований. Публикации Ч. Уоррена, Г. Ф. Армстронга, А. Даллеса, Ф. Джессапа имели выраженную антиизоляцио-

нистскую направленность [45]. В апреле 1934 г. свой взгляд на проблемы нейтралитета изложил Ч. Уоррен. Полемизируя с изоляционистами, Уоррен доказывал, что Соединенные Штаты не смогут остаться в стороне от европейского конфликта. Государственный секретарь К. Хэлл и президент Рузвельт были знакомы со взглядами этого эксперта и привлекли его к разработке закона о нейтралитете. Выводы Уоррена получили поддержку А. Даллеса и Ф. Джессапа. Рассуждения этих авторов укладывались в рамки вильсонистско-легалистской схемы. В то же время в их работах присутствовало стремление к анализу международных процессов сквозь призму «национальных интересов» Соединенных Штатов. «Укрепление наших позиций на зарубежных рынках и обеспечение доступа к этим рынкам постоянно рассматривались важным элементом нашей внешней политики и нашего процветания», – писал в 1934 г. А. Даллес. Признавая, что в основе внешнеполитических устремлений его страны лежало не только моральное право «утверждать идеалы свободы и демократии», но и необходимость защиты «американских интересов» в различных регионах мира, Даллес утверждал, что забвение этих интересов даже во имя установления международной стабильности означало бы, что за мир «будет уплачена слишком большая цена» [46].

Во второй половине 1930-х гг. в работах ведущих экспертов Совета все чаще звучала критика действовавшего с 1935 г. законодательства о нейтралитете и призывы наращивать мощь вооруженных сил США. В октябре 1938 г. А. Даллес и Г. Ф. Армстронг (главный редактор «Форин афферс») с беспокойством отмечали, что главным итогом нейтралистской политики США стала «утеря контроля над осуществлением внешней политики». Законодательство о нейтралитете, по их мнению, не позволяло исполнительной власти эффективно защищать «жизненные интересы США» и стало «не только бесполезным, но и опасным» [47].

Совет уделял значительное внимание рассмотрению возможностей расширения англо-американского сотрудничества, анализу перспектив американо-советских отношений и определению способов блокирования германской экспансии на европейском континенте. В 1937 г. исполнительный директор У. Мэллори и президент Н. Дэвис настояли на создании объединенной англо-американской исследовательской группы по изучению двусторонних отношений. Правда, несмотря на достаточно высокий уровень квалификации представителей американской стороны в этой группе, их выводы не отличались ни новизной, ни оригинальностью и свелись к тому, что главным препятствием для англо-американского сближения являлась политика имперских преференций. Оценки американских специалистов не нашли поддержки со стороны их лондонских коллег. «Дальнейшие исследования в этом направлении будут иметь главным образом академический интерес» [48], – констатировал в письме, адресованном У. Мэллори, руководитель европейского отдела госдепартамента Дж. П. Моффат в феврале 1938 г.

Среди членов Совета были сторонники идеи «особых отношений» США и Великобритании. Возможно, лучше других эта мысль была сформулирована известным политическим обозревателем У. Липпманом в июле 1937 г.: «Хотя налаживание сотрудничества с Великобританией и ее союзниками сопровождается трудностями и часто вызывает раздражение, наш долг состоит в укреплении связей, поскольку для нас это единственный способ выполнить свое историческое предназначение». По мнению Липпмана, в законодательство о нейтралитете следовало внести коррективы, чтобы заранее обеспечить преимущество Англии в случае ее войны с Германией [49].

На протяжении 1930-х гг. антифашизм был фундаментальным принципом политической позиции Совета. Хотя социальная, политическая и нравственная природа «третьего рейха» определялась не всегда однозначно, на страницах «Форин афферс» регулярно отмечался опасный, антигуманный и антидемократический характер политики Гитлера. Уже в 1933 г. Г. Ф. Армстронг заявил, что приход Гитлера к власти в Германии будет иметь роковые последствия для всего мира. 1933 г., по его мнению, означал для Германии революцию, «столь же радикальную в своих проявлениях, как и русская революция» [50]. Аналогия между Германией и СССР в данном случае не была случайной, хотя автор имел в виду не столько общность формы политических режимов, сколько характер воздействия внутренних перемен в этих странах на международные отношения.

Перспектива военного столкновения в Европе уже в начале 1930-х гг. оценивалась как нечто неизбежное. Даже в период послемюнхенской эйфории руководители Совета не питали иллюзий относительно возможностей сохранения мира: «Если смотреть на Европу с запада через Атлантику, то ситуация, сложившаяся там в настоящий момент, должна рассматриваться не иначе как временное перемирие» [51], – писал Г. Ф. Армстронг.

Анализируя внешнеполитические ходы администрации Рузвельта и стараясь просчитать возможные варианты развития ситуации в будущем, эксперты Совета опирались на популярную в те годы идею о том, что мир представляет собой

систему взаимосвязанных и взаимозависимых субъектов международных отношений. Поскольку интересы США, по их мнению, имели глобальный характер, то для правительства было недопустимо игнорирование какого-либо существенного звена мировой системы. Это положение использовалось для обоснования необходимости дипломатического признания СССР [52].

Интерес к изучению советского фактора в мировой политике резко возрос после подписания пакта Молотова-Риббентропа. США пытались предугадать, насколько прочным окажется альянс Сталина с Гитлером. В январе 1940 г. гарвардский профессор Б. Хоппер предложил читателям «Форин афферс» всесторонний анализ перспектив советско-германского сближения. Отметив, что базовым принципом руководителей СССР является поддержание баланса сил между противоборствующими политическими группировками, Хоппер писал, что экономические поставки Советского Союза в Германию со временем могут стать весомым фактором, обеспечивающим материальный перевес сил тоталитаризма над демократиями. В то же время исследователь считал, что СССР и Германия имеют настолько глубокие различия политического и идеологического характера, что пакт о ненападении не имеет шансов перерасти в военный союз: «Россия не пойдет на действительные жертвы ради рейха до тех пор, пока внутренняя ситуация в Германии не изменится настолько, что коричневый цвет национал-социализма приобретет красную окраску, которую предпочитают большевики» [53].

Значительное место в работе Совета уделялось анализу ситуации на Дальнем Востоке. Хотя на заседании группы изучения проблем тихоокеанского региона звучали голоса, оправдывавшие курс Японии, сторонники политики сдерживания агрессоров явно доминировали. У. Мэллори доказывал, что Япония является единственной виновницей нарушения статус-кво в Китае и предсказывал, что никакие новые международные соглашения не снимут напряженности в этом регионе, поскольку страна-агрессор откажется выполнить международные обязательства [54]. С энергичной критикой политики умиротворения выступил и будущий военный министр Г. Стимсон [55].

После нападения Японии на Китай в 1937 г. антияпонские настроения в Совете возросли. Примером легалистского подхода к рассмотрению дальневосточной ситуации могут служить взгляды бывшего советника госдепартамента по историческим проблемам Т. Деннетта: «Если Соединенные Штаты будут вынуждены применить твердую политику в отношении Японии, то им следует преподносить свой курс не как вмешательство в японо-китайскую войну, а как акцию по защите законного процесса межгосударственных отношении в районе Тихого океана» [56].

С началом второй мировой войны возможности Совета влиять на правительственную политику существенно расширились. 12 сентября 1939 г. была достигнута договоренность с руководством внешнеполитического ведомства о том, что Совет возьмет на себя ответственность за разработку международных проблем и подготовку обоснованных рекомендаций и экспертных обзоров для руководства страны. Одновременно было заявлено о целесообразности изучения перспектив послевоенного устройства мира. Фонды Рокфеллера и Карнеги немедленно откликнулись на инициативу Совета, поддержав ее солидными денежными взносами [57].

Изначально предполагалось, что в рамках Программы исследования проблем мира и войны будет действовать четыре группы: группа изучения проблем безопасности и вооружения (под руководством А. Даллеса), группа экономических и финансовых проблем (под руководством профессоров Э. Хансена (Гарвардский университет) и Дж. Винера (Чикагский университет), группа политических проблем (под руководством У. Шепардсона) и группа территориальных проблем (под руководством А. Боумана, президента университета Дж. Гопкинс). В мае 1941 г. была создана пятая группа, занимавшаяся исследованием целей различных государств в войне. Позднее (в 1942 г.) эта группа влилась в Совещательный комитет госдепартамента по планированию послевоенного устройства мира [58].

Деятельность Совета по осуществлению Программы исследования проблем мира и войны носила секретный характер и велась весьма активно. За два предвоенных года комитеты представили в госдепартамент 50 докладов и меморандумов [59].

Р. Шульзинжер в книге «Мудрецы во внешней политике» приводит обширную информацию деятельности Совета и эволюции взглядов наиболее влиятельных его членов. Основной постулат нью-йоркских экспертов, по мнению этого автора, сводился к тому, что изоляционизм полностью скомпрометировал себя в предвоенные годы и должен стать достоянием истории. Главная задача США на международной арене состоит в создании «предсказуемого мира». Возникновение многочисленных «центров силы» в одних местах и «вакуума силы» в других являлось главным препятствием на пути достижения этой цели. Единственным способом утверждения предсказуемого международного порядка, т. е. такого порядка, который мог бы контролироваться Вашингтоном, было создание ситуации, при которой «ответственность за развитие мировой

политики несло бы минимальное количество государств» [60]. Предлагались различные варианты распределения «ответственности», причем во всех роль мирового лидера отводилась Соединенным Штатам.

Государства всего мира в борьбе против Германии и Японии настолько зависели от помощи США, что, по мнению руководителей Совета, после достижения победы им не оставалось ничего другого, как признать за США право на руководство мировым сообществом. В декабре 1941 г. А. Боуман писал Г. Ф. Армстронгу: «Соединенные Штаты должны быть не просто арсеналом демократии. К моменту победы они должны стать решающим арсеналом. Мы не можем отказаться от использования этого арсенала. Мы должны взять на себя ответственность за весь мир. Средства, которые приведут нас к победе, должны стать средствами достижения нами доминирующих позиций после победы» [61].

Американские авторы характеризуют Совет по международным отношениям как «воплощение истэблишмента», а его руководителей – «президиумом внешнеполитической элиты», определяющей судьбу Америки как нации [62]. Превращение Совета в значимый фактор развития внешнеполитического мышления в США произошло не сразу. Прорыв к реальным возможностям распространять свои идеи на высших этажах политического руководства произошел лишь в конце 1930-х гг.

Разработки международных проблем, осуществлявшиеся ведущими неправительственными организациями, и деятельность филантропических фондов, направленная на совершенствование организации исследований, свидетельствуют об ускорении процесса сближения науки и внешнеполитической практики. Возрастание влияния неправительственных организаций и университетских центров на осуществление внешней политики Соединенных Штатов в предвоенные годы можно рассматривать как составную часть «беспрецедентного нашествия» ученых на Вашингтон, которым было ознаменовано правление администрации Ф. Д. Рузвельта [63].

Превращаясь в постоянного поставщика идей, формирующих контуры политики США на международной арене, такие органы, как Фонд Карнеги для содействия всеобщему миру, Ассоциация внешней политики и Совет по международным отношениям становились важным рычагом воздействия и на общественное мнение, и на решения руководителей страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Богатуров, А. Д.* Очерки теории и политического анализа международных отношений [Текст] / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталёв. М., 2002. С. 215.

2. *Savord, R.* American Agencies interested in International Affairs [Text] / R. Savord. N.Y.: Council on Foreign Relations, Inc., 1942. P. 200.

3. The Study of International Relations in the United States. Survey for 1934 [Text] / ed. by E. Ware. N.Y., 1935. P. 23.

4. The Rockefeller Foundation Annual Report for 1935 [Text]. N.Y., 1936. P. 221–229. Только Ассоциация внешней политики получила на исследовательские нужды 75 тыс. долларов (пропагандистская программа Ассоциации финансировалась отдельно, и на ее осуществление выделялась более скромная сумма – 37,5 тыс. долларов). Одновременно крупные пожертвования были адресованы Совету по международным отношениям (50 тыс.), Американскому географическому обществу (40 тыс.), Институту исследования проблем тихоокеанского региона (47,5 тыс.). 1935 г. может считаться рубежным во внешнеполитической деятельности Фонда Рокфеллера: по сравнению с предыдущим 1934 г. масштабы ассигнований возросли на 508 тыс. долларов. – См.: The Rockefeller Foundation Annual Report for 1934 [Text]. N.Y., 1935. P. 194.

5. Carnegie Endowment for International Peace [Text] : Year Book 1938, 1939, 1940. Wash., 1938, 1939, 1940.

6. The Study of International Relations in the United States [Text]: survey for 1937 / ed. by E. Ware. – N.Y., 1938. P. 18–29.

7. *Fosdick, R.* The Rockefeller Foundation [Text] / R. Fosdick. N.Y., 1952. P. 27–28.

8. Американский исследователь Ф. Мосли отмечал, что благотворительные фонды в 1930-е гг. считали своей главной функцией «не защиту определенной политической позиции, а организацию систематических исследований по многим направлениям и обеспечение деятельности центров, придерживавшихся различных позиций». В этом утверждении бесспорной можно считать только вторую часть. Факты свидетельствуют о том, что внешнеполитическая деятельность ведущих филантропических организаций была вполне «партийной» и не предполагала отказа от внедрения в практику международных отношений определенных политических установок. См.: U.S. Philanthropic Foundations: Their History, Structure, Management and Record [Text] / ed. by W. Weaver. N.Y., 1967. P. 393.

9. The Rockefeller Foundation Annual Report for 1934 [Text]. P. 192.

10. The Rockefeller Foundation Annual Report for 1935 [Text]. P. 228.

11. Можно назвать такие издания, подготовленные в Институте международных исследований: *Davis, J. T.* A Navy Second to None [Text] / J. T. Davis. Yale, 1940; *Spykman, N. J.* America's Strategy in World Politics [Text] / N. J. Spykman. N.Y., 1942; *Wolfers, A.* Britain and France between the Wars [Text] / A. Wolfers. N.Y., 1940. Оценка С. Хантигтона приводится по: *Huntington, S.* The Soldier and the State. The Theory and Politics of Civil-Military Relations [Text] / S. Huntington. Cambridge (Mass.), 1957. P. 307.

12. *Spykman, N.* Op. cit. P. 7–8.

13. См.: *Овинников, Р. С.* Уолл-Стрит и внешняя политика [Текст] / Р. С. Овинников. М., 1980. С. 86–88; Savord, R. Op. cit.

14. *Jessup, Ph.* Neutrality. Its History, Economics and Law [Text]: in 4 vols. / Ph. Jessup, F. Deak. Vol. 1. The Origins. N.Y., 1935. P. VII; Carnegie Endowment for International Peace [Text] : Year Book 1938. Wash., 1938. P. 134–135.

15. Общественно-политические организации США [Текст]: в 3 т. Т. II. М., 1983. С. 127–128; *Savord, R.* Op. cit. P. 42–44.

16. Цит. по: Carnegie Endowment for International Peace [Text] : Year Book 1939. P. 6.

17. Овинников, Р. С. Указ. соч. С. 178.

18. Это издание распространялось по бросовой цене – 25 центов стоил годовой комплект (10 номеров), один экземпляр стоил 5 центов. Кроме того, значительная часть тиража распространялась бесплатно. Только в 1938 г. на издание и реализацию журнала фонд израсходовал 19 650 долларов (при тираже в 22 тыс. экземпляров). – Carnegie Endowment for International Peace [Text] : Year Book 1939. P. 62.

19. The Study of International Relations in the United States [Text] : survey for 1937. P. 5, 310, 319.

20. A Study of Neutrality Legislation. Report of a Committee of the National Peace Conference [Text] // International Conciliation. 1936. № 516. P. 19.

21. Carnegie Endowment for International Peace [Text]: International Conference, 1935. International Conference held at Chatham House, London, March 5–7, 1935, on steps to be taken to restore confidence by promoting of trade and reduction of unemployment stabilization of national monetary systems, and better organization of the family of Nations to give security and to strengthen the foundations on which international peace must rest. N.Y., 1935. 12 p.

22. См.: Carnegie Endowment for International Peace Joint Committee of Carnegie Endowment for International Peace and International Chamber of Commerce Separate memoranda from the economists consulted by the joint committee on the improvement of commercial relations between nations and the problems of monetary stabilization followed by the practical consultations of the committee of experts. June 1936 [Text]. 2-d ed. Paris: International Chamber of Commerce, 1936. XII, 403; The Study of International Relations in the United States [Text] : survey for 1937. P. 8–9.

23. *Savord, R.* Op. cit. P. 42; Carnegie Endowment for International Peace [Text] : Year Book 1940. P. 98; Овинников, Р. С. Указ. соч. С. 40–41.

24. Carnegie Endowment for International Peace [Text] : Year Book 1938. P. 16.

25. The Study of International Relations in the United States [Text] : survey for 1937. P. 224–226; Carnegie Endowment for International Peace [Text] : Year Book 1938. P. 145.

26. Ассоциация внешней политики ставила перед собой как исследовательские, так и пропагандистские цели. Отличительной чертой этой организации был ее сравнительно открытый массовый характер: за шесть предвоенных лет ее численность возросла почти на 8 тыс. человек и приблизилась к 20 тыс. В 1941 г. отделения Ассоциации находились в 19 городах США (*Savord, R.* Op. cit. P. 82; Report for the Foreign Policy Association for 1935–1937 [Text]. N.Y., 1937. P. 3).

27. Ibid. P. 4, 10–11.

28. *Trueblood, H. J.* Economic Defence of America [Text] / H. J. Trueblood // Foreign Policy Reports. August 1 1940. Vol. XVI. № 10. P. 127–136; Ibid. Progress of Pan-American Cooperation [Text] // Foreign Policy Reports. February 1939. Vol. XV. № 23. P. 286–300; Ibid. The Havana Conference of 1940 [Text] // Foreign Policy Reports. September 15, 1940. Vol. XVI. № 13. P. 158–164.

29. *Trueblood, H. J.* Progress of Pan-American Cooperation. P. 286; Ibid. Economic Defence of America. P. 136.

30. *Southworth, C.* Toward Free Trade with Latin America [Text] / C. Southworth // Foreign Policy Reports. October, 1941. Vol. XVII. № 14. P. 174–184; *Thompson, Ch. A.* Results of Lima Conference [Text] / Ch. A. Thompson // Poreign Policy Reports. March 15, 1939. Vol. XV. № 1. P. 1–8; *Bratter, H. M.* Foreign Exchange Control in Latin America [Text] / H. M. Bratter // Foreign Policy Reports. February 15, 1939. P. 274–288.

31. См., например: *Bisson, T. A.* Japan's «Hew Structure» [Text] / T. A. Bisson // Foreign Policy Reports. April 15 1941. Vol. XVII. № 3. P. 26–36; *Elliot, R.* U. S. Defense Outposts in the Pacific [Text] / R. Elliot // Foreign Policy Reports. March 15 1941. Vol. XVII. № 1.

32. *Dean, V. M.* American Policy toward Russia [Text] / V. M. Dean // Current History. January 1933. P. 432.

33. *Dean, V. M.* Diplomatic Background of Munich Accord [Text] / V. M. Dean // Foreign Policy Reports. January 1 1939. Vol. XIV. № 20. P. 25.

34. *Dean, V. M.* Russia's Role in the European Conflict [Text] / V. M. Dean // Foreign Policy Reports. March 1 1940. Vol. XV. № 24. P. 306.

35. *Cloude, I. L.-jr.* Just Wars Doctrines and Institutions [Text] / I. L.-jr. Cloude // Political Science Quarterly. Spring 1980. Vol. 95. № 1. P. 83–96.

36. *Dean, V. M.* Toward a Hew World Order [Text] / V. M. Dean // Foreign Policy Reports. May 15 1941. Vol. XVII. № 5. P. 50–68.

37. Report of the Foreign Policy Association for 1935–1937. P. 6.

38. Становление Совета происходило в 1919–1921 гг. Идея создания организации принадлежала членам американской делегации на Парижской мирной конференции (генерал Т. Блисс, полковник Э. Хауз, профессора А. К. Кулидж, У. Шепардсон, Дж. Шотуэлл, бизнесмены Т. Ламонт, Г. Гувер). В 1921 г. произошло слияние группы инициаторов создания Совета (первоначально организация была названа Институт международных отношений) с Советом по международным отношениям города Нью-Йорка. Новый орган совмещал в своей деятельности черты элитарных клубов, с одной стороны, и научно-исследовательских центров – с другой. *Silk, L.* American Establishment. A Witty and provocative look at the networks of people and institutions that shape american society [Text] / L. Silk, M. Silk. N.Y., 1980. P. 185–186, 187.

39. The Council in Foreign Relations. A Record of twenty-five years. 1921–1946 [Text]. N.Y., 1947. P. 7.

40. Foreign Affairs, 1922 [Text]. Vol. 1. № 1.

41. *Bidwell, P. W.* Trade Tariffs and Depression [Text] / P. W. Bidwell // Foreign Affairs. April 1932. – Vol. 10. № 2. P. 391; *Lippman, W.* «10 years, Retrospect and Prospect» [Text] / W. Lippman // Foreign Affairs. October 1933. Vol. 11. № 1. P. 53.

42. *Shulsinger, R. D.* The wise men of Foreign Affairs. The History of the Council on Foreign Relations [Text] / R. D. Shulsinger. H. Y., 1984. P. 34.

43. *Mooney, J.* Stabilizing the exchange [Text] / J. Mooney // Foreign Affairs. January 1938. Vol. 16. № 2. P. 222–230.

44. *Leigh, C. K.* Mineral Resources and Peace [Text] / C. K. Leigh // Foreign Affairs. April 1938. Vol. 16. № 3. P. 515, 519, 522.

45. *Warren, Ch.* Troubles of a Neutral [Text] / Ch. Warren // Foreign Affairs. April 1934. Vol. 12. № 3. P. 377–394; *Dalles, A. W.* The Cost of Peace [Text] / A. W. Dalles // Foreign Affairs. July 1934. Vol. 12. № 4. P. 567–578; *Armstrong, H. F.* Power Politics and the Peace Machinery [Text] / H. F. Armstrong // Foreign Affairs. October 1935. Vol. 14. № 1. P. 1–11; *Jessup, Ph. C.* International Security. The American Role in collective action for Peace [Text] / Ph. C. Jessup. N.Y., 1935. 152 p. Эта брошюра обсуждалась на заседании комитета по изучению политики нейтралитета, работавшего под председательством А. Даллеса с целью определить точку зрения Совета на проблему коллективной безопасности. Содержание брошюры составило основу доклада американской делегации на Лондонской конференции по международным исследованиям 1935 г., проводившейся Институтом интеллектуального сотрудничества, действовавшего под эгидой Лиги Наций; *Warren, Ch.* Safeguarding Neutrality [Text] / Ch. Warren // Foreign Affairs. January 1936. Vol. 14. № 2. P. 199–215.

46. *Dulles, A. W.* The Cost of Peace [Text] / A. W. Dulles // Foreign Affairs. Vol. 12. № 4. P. 567–579.

47. *Dulles, A. W.* Legislative Peace [Text] / A. W. Dulles, H. F. Armstrong // Foreign Affairs. October 1938. Vol. 17. № 1. P. 1, 7, 12.

48. В состав американской группы вошли Н. Дэвис (председатель) – опытный дипломат, в ранге посла по особым поручениям, не раз возглавлял делегацию США на крупных международных конференциях, Т. Ламонт – миллиардер, партнер Моргана, Г. Фейс – ведущий специалист госдепартамента, советник по экономическим проблемам (*Schulzinger, R.* Op. cit. P. 37).

49. *Lippman, W.* Rough – New Then How We Will [Text] / W. Lippman // Foreign Affairs. July 1937. Vol. 15. № 4. P. 594.

50. *Armstrong, H. F.* Hitler's Reich [Text] / H. F. Armstrong // Foreign Affairs. July 1933. Vol. 11. № 3. P. 595.

51. *Armstrong, H. F.* Armistice at Munich [Text] / H. F. Armstrong // Foreign Affairs. January 1939. Vol. 17. № 2. P. 29.

52. Foreign Affairs. October 1922. Vol. 1. № 1.

53. *Hopper, B. C.* How Much Can and Will Russia Aid Germany [Text] / B. C. Hopper // Foreign Affairs. January 1940. Vol. XVIII. № 2. P. 242–243.

54. См.: *Schulzinger, R.* Op. cit. P. 38–40.

55. *Stimson, H. L.* Basis of American Policy during the Past four years [Text] / H. L. Stimson // Foreign Affairs. April 1933. Vol. 11. № 2. P. 383–396; Stimson, H. L. The Far Eastern Crisis [Text] / H. L. Stimson. N.Y., 1936.

56. *Dennett, T.* Alternative American Politics in the Far East [Text] / T. Dennett // Foreign Affairs. April 1938. Vol. XVI. № 3. P. 398.

57. Только Фонд Рокфеллера выделил первый взнос в размере 44,5 тыс. долларов. – *Schulzinger, R.* Op. cit. P. 61; The Council on Foreign Relations. A Record of twenty-five years, 1921–1946. P. 16–17.

58. The Council on Foreign Relations. A Record... P. 17–18; Schulzinger, R. Op. cit. P. 62.

59. Всего за время выполнения программы было проведено 362 заседания и подготовлено 682 документа (Council on Foreign Relations. A Record... P. 22).

60. *Schulzinger, R.* Op. cit. P. 63.

61. Цит. по: *Silk, L.* Op. cit. P. 188.

62. *Destler, I. M.* Our own worst enemy. The Unmaking of American foreign policy [Text] / I. M. Destler, L. H. Gelb, A. Lake. N.Y., 1984. P. 107.

63. *Cook, P. B.* Academicians in Government from Roosevelt to Roosevelt [Text] / P. B. Cook. N.Y.; L., 1982. P. 120.

НОВЫЕ КНИГИ

Кондратенко, Д. П. Самодержавие, либералы и национальный вопрос в России в конце XIX – начале XX века [Текст] / Д. П. Кондратенко. – Киров : Изд-во ВятГГУ,2005. – 240 с.

Монография посвящена одному из острейших вопросов российской истории – проблеме поиска путей решения национальных противоречий. Автор показывает многогранность национальной политики российских правительств конца XIX – начала XX в., сочетающейся с определённой непоследовательностью и ограниченностью в разрешении назревших проблем. На её фоне рассмотрена позиция российских либералов по вопросам организации межнациональных отношений в Империи в условиях осуществлявшейся модернизации общественной жизни в конце XIX – начале XX в. Исследование строится на обширном круге источников и рассчитано на всех интересующихся историей России.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

П. И. Кононов, М. В. Чепурных

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье раскрываются проблемы судебного контроля как одного из полномочий российских судов. В работе делается акцент на положение административного судебного контроля в системе правосудия. Указывается на сложности в разграничении компетенции между судами общей юрисдикции, арбитражными и конституционными судами при осуществлении контрольных функций, сложности понимания и толкования некоторых положений института административного судебного контроля.

Проблемы судебного контроля в полномочиях российских судов приобрели актуальность сравнительно недавно. Они отражают важный этап развития отечественной судебной системы.

Защищать права и свободы граждан, согласно Конституции Российской Федерации (ст. 18, 33, 45), обязаны все органы исполнительной власти. Поддержание режима законности в стране путем создания специальных судебных процедур – реальный механизм такой защиты. Эти функции выполняет судебный контроль.

В соответствии со статьей 10 Конституции Российской Федерации судебная власть является одной из трех ветвей государственной власти, органы которой самостоятельны и действуют независимо от законодательной и исполнительной властей, подчиняясь только Конституции Российской Федерации и закону.

Судебный контроль осуществляется конституционными судами, судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Судебный контроль необходимо понимать в широком и узком смысле. В первом значении понятие судебный контроль не должно рассматриваться в рамках самостоятельного судебного процесса, он выполняет факультативную роль для основного вида судопроизводства (гражданского, административного или уголовного) и рассматривается с точки зрения исправления ошибок, допущенных подконтрольным субъектом или субъектом судебного толкования. Он проявляется при осуществлении косвенного нормоконтроля, при указании судами на допущенные ошибки при вынесении частных определений, определений о направлении уголовного дела прокурору, при отмене вышестоящим судом судебных постановлений и др. Рассмотрение института судебного контроля в широком понимании не является предметом данного исследования.

В узком смысле судебным контролем можно считать осуществление контрольной функции государства при применении судебной власти в рамках особой судебно-процессуальной формы, которая, однако, не выходит за рамки правосудия.

Судебный контроль независимо от формы правосудия, в которой он осуществляется, имеет общую цель – обеспечение состояния законности, восстановление и охрана прав и законных интересов человека и всего общества. Для судебного контроля свойственны те же принципы организации и функционирования, что и для обычных форм правосудия, – это открытость разбирательства дела, гласность, законность, равноправие сторон, а также специфические принципы, такие, как корректировка, правоохрана. Юридическим «результатом» судебного контроля является не признание за каким-либо субъектом материального права, возложения имущественной обязанности, признание юридического факта, взыскание денежной суммы, а признание судом незаконности или недействительности принятых государственными органами, органами управления (должностными лицами) административных актов или совершенных ими действий (бездействия).

Контрольные полномочия судебной власти можно подразделить на две основные области: *судебный нормоконтроль* – т. е. контроль за законностью отдельных нормативно-правовых актов, и *судебное оспаривание прав* – т. е. контроль за законностью действий и бездействий органов исполнительной власти, местного самоуправления и должностных лиц, в результате которого становится неясным, неопределенным содержание конкретных субъективных прав либо становится спорным сам факт их существования.

Причинами применения судебного нормоконтроля является незаконное нормотворчество, т. е. деятельность уполномоченных органов или долж-

КОНОНОВ Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор по кафедре государственно-правовых дисциплин ВятГГУ, судья Арбитражного суда Кировской области
ЧЕПУРНЫХ Марат Викторович – помощник судьи Октябрьского районного суда г. Кирова
© Кононов П. И., Чепурных М. В., 2006

ностных лиц, повлекшая расхождения или противоречия между отдельными нормативно-правовыми актами, которые регламентируют одни и те же либо смежные общественные отношения, что большинством ученых справедливо трактуется как юридическая коллизия.

Юридическая коллизия препятствует осуществлению гражданами принадлежащих им прав, нарушает юридический режим действия нормативно-правовых актов, мешает достижению эффективности нормотворчества.

К судебному же оспариванию прав приводит предполагаемое нарушение в деяниях служащих администрации при обращении к ним граждан (невыдача компетентными органами запрашиваемых документов, несоответствие действий должностных лиц требованиям закона, невыполнение ими установленных обязанностей).

А в совокупности – спор, возникший между государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами (с одной стороны), вытекающий из их административно-властных полномочий, и иными субъектами права (с другой стороны).

Судебный контроль как самостоятельный институт не нашел самостоятельного законодательного оформления в системе российского судопроизводства.

Частью второй статьи 118 Конституции Российской Федерации устанавливается, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного и административного судопроизводства.

Нормы института судебного контроля присутствуют в каждом из перечисленных видов судопроизводства.

Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» была определена судебная система Российской Федерации, включающая федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировых судей субъектов Российской Федерации. К конституционным судам относятся Конституционный Суд РФ и конституционные (уставные) суды субъектов; к федеральным судам – Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные (ФКЗ от 23.06.1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах») и специализированные суды (эти суды составляют систему федеральных судов общей юрисдикции). Высший Арбитражный Суд РФ, федеральные арбитражные суды округов, апелляционные арбитражные суды округов, арбитражные суды субъектов РФ (эти суды составляют систему федеральных арбитражных судов).

Функции судебного контроля осуществляются судами посредством конституционного, гражданского, уголовного и административного судопроизводства.

В Гражданском процессуальном кодексе РФ выделено производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений. При этом к компетенции судов общей юрисдикции отнесены в соответствии со статьей 245 Гражданского процессуального кодекса РФ следующие категории дел, возникающие из публично-правовых отношений:

– по заявлениям граждан, организаций, прокурора об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части, если рассмотрение этих заявлений не отнесено федеральным законом к компетенции иных судов;

– по заявлениям об оспаривании решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих;

– по заявлениям о защите прав или права на участие в референдуме граждан РФ;

– иные дела, возникающие из публичных правоотношений и отнесенные федеральным законом к ведению суда.

Это, в частности, жалобы на отказ в выдаче визы на выезд за границу, на решение об установлении дополнительных пошлин и сборов, на неправильности в списках избирателей, об отказе в предоставлении информации и т. д.

В соответствии со статьей 123 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда могут быть обжалованы в установленном уголовным процессуальным кодексом порядке участниками уголовного судопроизводства, а также лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

Судебный порядок рассмотрения жалоб предусматривается статьей 125 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации.

В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации в статье 29 указано, что арбитражные суды рассматривают в порядке административного судопроизводства возникающие из административных и иных публичных правоотношений экономические споры и иные дела, связанные с осуществлением организациями и гражданами предпринимательской и иной деятельности, в том числе дела об оспаривании нормативных правовых актов, затрагивающих права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если федеральным законом их рассмотрение от-

несено к компетенции арбитражного суда; об оспаривании ненормативных правовых актов органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов и должностных лиц, затрагивающих права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (например, в соответствии со статьей 138 Налогового кодекса РФ организации и индивидуальные предприниматели вправе обжаловать в арбитражные суды нормативные акты налоговых органов).

Анализ статьи 125 Конституции Российской Федерации и статьи 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» позволяет сделать вывод, что конституционный контроль осуществляется за законностью и соответствием Конституции РФ федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, актов субъектов РФ, публично-правовых договоров и не вступивших в силу международных договоров РФ. Кроме того, Конституционный Суд РФ разрешает споры о компетенции как между федеральными органами государственной власти, так и между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов, а также между высшими государственными органами субъектов Федерации, дает заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента РФ, осуществляет иные полномочия.

Кроме того, отдельные нормы института судебного контроля закреплены в иных нормативно-правовых актах.

Обширная регламентация многочисленных элементов судебного контроля порождает определенные трудности в практическом понимании, в разграничении подсудности указанных дел. На практике это приводит, в частности, к явлению, получившему название «конкуренция обращений».

В каждом случае нужно учитывать положения соответствующих законов, которые устанавливают конкретные изъятия из сферы судов общей юрисдикции и арбитражных судов и правовые позиции Конституционного Суда РФ по спорному вопросу.

Так, при возникновении противоречий в разграничении компетенции в части контроля над нормативными актами Президента РФ, законами и иными нормативными актами субъектов Федерации необходимо учитывать требования статьи 125 Конституции РФ и правовые позиции Конституционного Суда РФ, из которых следует, что проверка конституций, уставов субъектов, нормативных актов Президента РФ, нормативных актов субъектов Федерации – исключительная компетенция Конституционного Суда РФ (постановления Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 г. [1], 11.04.2000 г. [2]).

Согласно п. 3 Постановления от 16.06.1998 г. № 19–П арбитражные суды и суды общей юрисдикции могут вне связи с рассмотрением конкретного дела проверять указанные нормативные акты на предмет соответствия имеющему большую юридическую силу акту, кроме Конституции РФ. Однако такие полномочия арбитражного суда и суда общей юрисдикции должны быть установлены федеральным конституционным законом. Таким образом, до принятия указанных федеральных конституционных законов, раскрывающих контрольные полномочия судов общей юрисдикции и арбитражных судов, данные суды не вправе осуществлять нормоконтроль в отношении нормативных актов Президента РФ, Правительства РФ и субъектов РФ.

В то же время в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11.04.2000 г. было установлено новое толкование спорного вопроса. Согласно правовой позиции Конституционного суда РФ суды общей юрисдикции или конституционные (уставные) суды субъектов РФ (в которых они существуют) вправе рассматривать дела о соответствии законов субъекта Федерации федеральному закону и в случае противоречия признавать их недействующими (но не недействительными) на этом основании (постановления Конституционного Суда РФ от 30.04.1997 г. [3] и 08.10.1997 г. [4], 16.06.1998 г., 11.04.2000 г.). Одной из исходных предпосылок такого вывода Конституционного Суда РФ являлось то положение, что суды общей юрисдикции были наделены правом нормоконтроля в отношении законов субъектов РФ до принятия Конституции РФ 1993 г.

Суды общей юрисдикции вправе также подтверждать недействительность законов и иных нормативных актов субъектов Федерации, содержащих положения, которые уже были признаны неконституционными на основании постановления Конституционного Суда РФ, сохраняющего свою силу (постановления Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 г., 11.04.2000 г., 18.07.2003 г. [5] и определение от 05.11.1998 г. [6]). Тогда как лишать юридической силы закон субъекта РФ праве только Конституционный Суд РФ в порядке конституционного судопроизводства. По аналогии указанные толкования могут относиться и к компетенции арбитражных судов.

При таком толковании спора о подсудности законодательный орган субъекта Российской Федерации, обращаясь в суд с заявлением о при-

знании незаконным нормативного правового акта, изданного главой региона вправе:

1) обратиться с запросом в Конституционный Суд РФ;

2) обратиться в Конституционный (уставной) суд своего субъекта РФ;

3) обратиться в суд общей юрисдикции или в арбитражный суд [7].

В любом случае Конституционный Суд Российской Федерации выступает в качестве судебной инстанции, окончательно разрешающей такие публично-правовые споры, поскольку только ему предоставлено право лишения нормативного акта юридической силы.

Аналогичные проблемы существуют и с делами об оспаривании нормативных правовых актов Правительства РФ.

Например, согласно статье 23 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» акты Правительства РФ могут быть обжалованы в суд, но не понятно, в какой.

Подобные акты, затрагивающие права, свободы и законные интересы граждан и организаций, оспариваются в соответствии с положением статьи 27 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации. В то же время дела о соответствии Конституции РФ нормативных актов Правительства РФ отнесены к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации.

По смыслу статьи 125 Конституции Российской Федерации и правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлениях от 16.06.1998 г., от 11.04.2000 г. и от 18.07.2003 г., а также в Постановлении от 27.01.2004 г. [8], решение Верховного Суда Российской Федерации, которым нормативный акт Правительства Российской Федерации (если его проверка судом общей юрисдикции допустима) признан противоречащим федеральному закону, не является подтверждением недействительности нормативного акта Правительства РФ, его отмены самим судом, тем более лишения его юридической силы с момента издания, а означает лишь признание его недействующим и, следовательно, с момента вступления решения суда в силу не подлежащим применению. Иное не согласуется с конституционным полномочием перечисленных в статье 125 (часть 2) Конституции РФ органов и лиц обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации с требованием о подтверждении конституционности нормативных актов уровня ниже федерального закона как принятых в соответствии с установленным Конституцией РФ разграничением компетенции между федеральными органами государственной власти.

Представляется, что полномочия судов общей юрисдикции и арбитражных судов в области административного судебного контроля должны быть обозначены жестче. Они должны ведать спорами о законности нормативных и ненормативных правовых актов и действий (бездействия) органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц в целях защиты прав, свобод и охраняемых интересов граждан, юридических лиц. В данном случае суд, осуществляя судебный нормоконтроль, разрешает фактически публично-правовой спор.

В судах общей юрисдикции и административных судах должны рассматриваться споры об опосредованном оспаривании нормативных актов, т. е. споры заинтересованных лиц, их групп с иными лицами. Предметом подобного спора может быть субъективное право, нуждающееся в защите. Оспаривание нормативного акта не является предметом спора, а может служить лишь его основанием. Признание несоответствия нормативного акта вышестоящему должно иметь значение только для «данного дела». Безусловно, подобные дела не могут быть предметом обращения в орган конституционного (уставного) контроля, поскольку названные суды не рассматривают дела о защите субъективных прав заинтересованных лиц.

В порядке административного судебного нормоконтроля возможен вариант непосредственного оспаривания в суде нормативного акта. В этом случае предметом обращения в суд является только требование проверить соответствие определенного нормативного акта закону или иному нормативному акту большей юридической силы.

Проблемы рассмотрения дел о судебном оспаривании прав также складываются непросто. Отсутствие четкого толкования норм Закона Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» не позволяет говорить о полной реализации конституционного права на судебную защиту в этой сфере.

Рассматривая жалобы граждан, суды руководствуются общими правилами гражданского процессуального законодательства за некоторыми исключениями. Общие правила искового производства: письменная форма обращения в суд, постадийное развитие процесса, порядок ведения судебного заседания, права и обязанности участников процесса, безусловно, применимы к рассмотрению дел, возникающих из публично-правовых отношений. Однако до сих пор не ясно как разрешать вопрос о возмещении убытков, причиненных в результате незаконных действий и решений администрации и их должностных лиц. Из закона не следует, что требование непосредственно по жалобе должно быть выде-

лено и разрешено в порядке производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, а связанное с ним требование о возмещении убытков и морального вреда должно быть разрешено в отдельном исковом производстве.

В соответствии с частью 3 статьи 247 ГПК РФ в случае, если при подаче заявления в суд будет установлено, что имеет место спор о праве, подведомственный суду, судья оставляет заявление без движения и разъясняет заявителю необходимость оформления искового заявления с соблюдением требований статей 131 и 132 ГПК РФ.

Аналогичная концепция нашла отражение и при рассмотрении дел особого производства.

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в постановлении от 20 января 2003 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с принятием и введением в действие гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [9] не вносит ясности в спорный вопрос.

Зачастую при подаче заявления его предметом является спор о нарушении прав и свобод гражданина. Судебная практика показывает, что заявление военнослужащего об обжаловании действий командования воинской части, связанные с недоплатой денежного довольствия, связаны со спором о праве на эти выплаты, а предметом доказывания будет установление необоснованности выплаты довольствия в меньшем размере.

Это показывает, что критерий «спор о праве» не удачен, носит условный характер и порождает дополнительные противоречия.

В военных судах споры по искам к органам военного управления и командирам войсковых частей о взыскании невыплаченного денежного довольствия рассматриваются в порядке главы 25 ГПК РФ в форме заявлений совместно с требованиями о признании действий командования части незаконными, по которым срок исковой давности установлен в три месяца. В районных судах аналогичные требования рассматриваются в исковом порядке со сроком исковой давности три года.

Во многих законодательных актах, регулирующих вопросы судебного оспаривания прав, отсутствует указание на подсудность указанных дел. В соответствии со статьей 90 ФЗ «Об исполнительном производстве» жалоба на действия судебного пристава-исполнителя подается в суд общей юрисдикции по месту нахождения судебного пристава, то есть соответствующего подразделения судебных приставов.

Если в арбитражном процессе вопросов с правильным определением подсудности таких дел практически нет, то в гражданском процессе вопрос о возможности рассмотрения федеральными судами и мировыми судьями дел об обжаловании действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей существует. Верховный суд РФ в обзоре судебной практики за третий квартал 2003 г. разъяснил, что если исполнительный документ выдан мировым судьей, то жалоба подсудна мировому судье, в районе деятельности которого исполняет свои обязанности судебный пристав-исполнитель.

Между тем Гражданский процессуальный кодекс РФ исчерпывающе определяет подсудность дел мировым судьям и туда не входят дела об обжаловании действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя.

Кроме того, неясно, по каким правилам должны разрешаться данные дела: по правилам искового производства или по правилам, предусмотренным главой 25 Гражданского процессуального кодекса РФ.

Анализ статьи 3 Закона от 27 апреля 1993 г. показывает, что не могут быть обжалованы в суд действия (решения), в отношении которых законодательством предусмотрен иной порядок судебного обжалования.

Очевидно, что для обжалования действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя гражданским процессуальным кодексом РФ предусмотрен иной порядок обжалования (ст. 441), который законодательством регламентирован лишь частично. Анализ же норм института обжалования действий судебных приставов-исполнителей свидетельствует о сходстве указанного порядка с порядком производства по делам, возникающим из публичных правоотношений как по предмету, так и по основанию и субъектам обжалования – государственный служащий (судебный пристав-исполнитель). Поэтому считаем нецелесообразным выделение порядка обжалования действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя в самостоятельный институт.

Так же спорно выделение в качестве иного порядка судебного обжалования действий и решений органа дознания, следователя, прокурора и суда, закрепляемые уголовно-процессуальным законодательством. Нормы уголовно-процессуального кодекса РФ, раскрывающие судебный и внесудебный порядок разрешения жалоб, на наш взгляд, сформулированы неудачно. Отсутствуют нормы об участвующих в деле лицах, порядке исследования доказательств, изложении судебного постановления и другие. Судебный порядок разрешения данных жалоб должен быть детально урегулирован, поскольку типовой порядок уголовного судопроизводства в данном случае неприменим. В любом случае, этот порядок не должен существенно отличаться от порядка административного судебного контроля и предоставлять гражданам равный доступ к правосудию.

Таким образом, указанные проблемы судебного контроля свидетельствуют о сложности и многоликости этого явления.

Сравнение функции административного контроля суда за исполнительной властью (публичным управлением) с функцией конституционного контроля демонстрирует нормативную, организационную и политическую «отсталость» в темпах, способах и, главное, результатах институционализации, установления и применения на практике института административной юстиции. Административно-судебный контроль, т. е. контроль судов за исполнительной властью, осуществляется в настоящее время в процессуальной форме, установленной гражданско-процессуальным и арбитражно-процессуальным законодательствами.

По мнению В. Лебедева, действуют сформировавшиеся за долгие годы стереотипы ограниченной компетенции суда, разрозненность и хаотичность законодательства, предоставляющего право на судебную защиту, отсутствие новых основополагающих судоустройственных актов, устанавливающих компетенцию судов различного уровня в области нормоконтроля и четкую процессуальную процедуру рассмотрения такого рода дел [10].

Контроль за законностью действий административно-правового характера, к сожалению, и по сей день не обеспечен традиционными и обязательными для специальной ветви судебной власти атрибутами, т. е. специальными судебными органами, особой процессуальной формой разрешения дела, собственной компетенцией, соответствующей процедурой, разрешения подведомственных дел, необходимыми юрисдикционными полномочиями, оптимальной организационной структурой и соответствующей законодательной основой.

Вместе с тем, оценивая с самых широких позиций оформление судебной власти в области контроля суда за законностью функционирования администрации, многие авторы говорят о необходимости создания отдельной юрисдикционной процедуры, т. е. формирования самостоятельной ветви судебной власти, построенной на началах системной организации.

Основную причину недостаточной ясности в вопросах компетенции судов мы видим в отсутствии федерального конституционного закона об административном судопроизводстве, федерального закона о судебном контроле и ряда других законов (в первую очередь – связанных с формированием самостоятельного института административного судопроизводства). В ближайшей перспективе необходимо принятие нового постановления Пленума Верховного Суда РФ о порядке рассмотрения судами заявлений в рамках административного судопроизводства.

Необходимо на законодательном уровне установить круг субъектов, управомоченных обращаться в суд с соответствующим требованием, основания обращения и допустимость обжалования административного акта (действия, бездействия) в административном суде, детально урегулировать специфический порядок рассмотрения заявлений, установить конкретные полномочия судов в области судебного контроля.

Примечания

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции РФ».

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2000 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 21 и п. 3 ст. 22 ФЗ "О прокуратуре РФ" в связи с запросом судебной коллегии Верховного Суда РФ».

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.04.1997 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента РФ от 02.03.1996 г. № 315 "О порядке переноса срока выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ", закона Пермской области от 21.02.1996 г. "О проведении выборов депутатов Законодательного Собрания Пермской области" и части 2 статьи 5 Закона Вологодской области от 17.10.1995 г. "О порядке ротации состава депутатов Законодательного Собрания Вологодской области"».

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.10.1997 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности Закона С.-Петербурга от 14.07.1995 г. "О ставках земельного налога в С.-Петербурга в 1995 году"».

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 115 и 231 ГПК РСФСР, ст. 26, 251 и 253 ГПК РФ, ст. 1, 21 и 22 ФЗ "О прокуратуре РФ" в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан».

6. Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.1998 г. от 05.11.1998 г. № 134-О «По делу о толковании ст. 81 (часть 3) и п. 3 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции РФ.

7. Некрасов, С. И. Федеральные и региональные средства и способы преодоления юридических коллизий публично-правового характера [Текст] / С. И. Некрасов // Гос. и право. 2001. № 4. С. 8.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.2004 г. № 1-П «По делу о проверке отдельных положений п. 2 ч. 1 ст. 27, ч. 1, 2 и 4 ст. 251, ч. 2 и 3 ст. 253 ГПК РФ в связи с запросом Правительства РФ».

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.01.2003 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса РФ».

10. Лебедев, В. Н. От идеи судебного нормоконтроля к административному судопроизводству [Текст] / В. Н. Лебедев // Российская юстиция. 2000. № 9. С. 2–4.

И. Н. Ившина

ПРОБЛЕМЫ АСИММЕТРИИ КАНАДСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Данная статья посвящена проблемам децентрализации современной канадской федерации, вытекающим из ее асимметричной модели. Наиболее острые из них – проблема статуса Квебека – единственной франкоязычной провинции Канады, и проблема региональных различий между провинциями. В статье также исследованы гарантии целостности федерации.

1.1. Проблемы Квебека в децентрализованной федеративной системе Канады

Начиная с 1960-х гг. франко-английские отношения стали фактором, дестабилизирующим внутрифедеральные отношения в Канаде, а также ведущим к большей децентрализации федеративной системы в целом.

Корни квебекской проблемы уходят в XVIII и XIX вв. Они связаны, с одной стороны, с конституционной непризнанностью политического дуализма: Квебек, основываясь на принципе самоопределения, в рамках федеративной системы претендует на роль провинции, равноправной со всей иной англоязычной Канадой, с другой стороны, с неполноправностью французского языка. Первое порождает проблемы квебекского национализма и сепаратизма, второе создает проблему лингвистическую. Известный канадский исследователь Ч. Тейлор утверждает, что главный вопрос для Квебека – это вопрос признания: признания квебекской индивидуальности, признания квебекского общества [1].

В начале 1960-х гг. в Квебеке был проведен ряд реформ, которые принято называть «тихая революция», в результате чего квебекское общество существенно модернизировалось. Сформировавшаяся франко-канадская политическая элита начала культивировать идеи независимости Квебека, что в свою очередь привело к созданию в провинции новых политических сил, идеология которых укладывалась в три концепции.

Национальный союз Квебека во главе с Д. Джонсоном целью своей деятельности поставил конституционное признание за Квебеком статуса «особого сообщества». В работе «Равенство или независимость» Д. Джонсон, разделяя также идеи К. Райана, обосновал жизненную необходимость воплощения формулы «две нации в одном государстве» в противовес господствующей формуле «одна страна – одна нация» [2]. «Именно в столкновении этих двух диаметрально противоположных концепций, – отмечает он, – и заложен источник современного конституционного кризиса, который с каждым днем становится все более острым и не разрешится до тех пор, пока не будет признано равенство двух договаривающихся наций» [3]. По мнению Д. Джонсона, Канада нуждается в новой Конституции, которая признает не федерацию десяти провинций, а конфедерацию двух наций, которые равноправны как юридически, так и фактически. В том случае, если Квебеку не удастся добиться полного самоуправления в объединенной Канаде, он допускал возможность отделения провинции.

В сентябре 1967 г. Р. Левек создал Движение «Суверенитет-Ассоциация» (МСА), программа которого предусматривала политический суверенитет Квебека в рамках общего территориального и экономического союза с английской Канадой. Лидер утверждал, что франко-канадцы образуют подлинную нацию, а Квебек является их национальным государством.

Таким образом, обе названные концепции нацелены на признание за Квебеком в той или иной степени статуса «особого сообщества», отражающего специфику франко-канадской нации, то есть находятся в русле квебекского национализма. С. Молочков справедливо настаивает на том, что понятия «квебекский национализм» и «квебекский сепаратизм» необходимо различать [4]. Действительно, если националистские движения стремятся только изменить характер отношений внутри федерации, то сепаратизм фактически ведет к ее разрушению [5].

Носителем идей сепаратизма с 1968 г. является Квебекская партия во главе с Ж. Паризо, который, изначально отрицая саму возможность какого-либо компромисса с англоязычной Канадой, призывает к отделению Квебека и, соответственно, к созданию нового суверенного государства. При этом он не призывает к исторической справедливости, а делает упор на экономическое процветание провинции, в которой более высокий по сравнению с общеканадским уровень безработицы, которой задолжало федеральное правительство и в которой господствует концепция «дирижизма», позволяя государству более активно регулировать экономику провинции, в противовес англосаксонской традиции государственного невмешательства.

Первой попыткой федерального правительства, направленной на умиротворение Квебека и придание ему доли «особого статуса», была попытка законодательного изменения методики определения мест в Палате Общин, которая предусматривалась Актом о Британской Северной Америке от 20 декабря 1974 г. [6] и получила

ИВШИНА Ирина Николаевна – кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ
© Ившина И. Н., 2006

название «формула Малруни». Она была чрезвычайно сложна и предусматривала следующее.

1. По итогам предпоследней переписи, проведенной в каждой провинции, все провинции делились на четыре группы, для каждой из которых была предусмотрена специальная методика определения числа представителей в Палате Общин:

– Квебек, который занимал исключительное положение в соответствии с этой формулой;

– многонаселенные провинции с числом жителей свыше 2,5 миллионов;

– малонаселенные провинции с числом жителей менее 1,5 миллиона;

– средненаселенные провинции с числом жителей от 1,5 до 2,5 миллионов.

2. Устанавливалось строго фиксированное число представителей провинции Квебек – семьдесят пять. Через каждые десять лет оно подлежало увеличению на четыре.

3. Для определения числа представителей от многонаселенных провинций число их жителей делилось на общее избирательное частное Квебека, которое, в свою очередь, устанавливалось в результате деления числа жителей провинции Квебек, установленного по переписи 1971 г., на семьдесят пять.

4. Для определения числа представителей от малонаселенных провинций формула усложнялась. Сначала необходимо было установить избирательное частное. Для этого общее число жителей всех малонаселенных провинций, за исключением Квебека, делится на общее число членов от этих провинций, скорректированное в результате переписи. Затем число жителей конкретной малонаселенной провинции делится на полученное избирательное частное.

5. Для определения числа представителей от средненаселенных провинций находится уже третье избирательное частное. Для этого общая численность малонаселенных провинций делится на число мест, предоставленное малонаселенным провинциям. Затем число жителей средненаселенной провинции делится на полученное избирательное частное. К полученному результату прибавляется половина разности скорректированного числа членов палаты для средненаселенных провинций и собственно полученного результата.

Для корректировки численности представителей всех провинций Актом 1974 г. устанавливались дополнительные достаточно сложные правила.

В результате использования формулы Малруни количество мест в Палате Общин значительно увеличилось, что вызвало дополнительные расходы из федерального бюджета при той же эффективности деятельности палаты. Кроме того, предоставление Квебеку особого положения при формировании палаты вызвало недовольство большинства провинций. В результате Конституционным Актом (о представительстве) от 4 марта 1986 г. [7] была возвращена прежняя методика определения численности и порядка формирования Палаты Общин, которая была оценена как оптимальная.

Оценивая пересмотр принципа формирования Палаты общин как меру недостаточную и иллюзорную, политики Квебека подогревали сепаратистские настроения франко-канадцев. Квебекская партия, победившая на провинциальных выборах 1976 г., в 1980 г. организовала в Квебеке референдум по вопросу политической независимости Квебека, принципиально допуская исключительно мирные формы выхода из федерации. Федеральные власти были не в силах помешать проведению референдума, который в итоге привел к поражению сепаратистов, так как 60% квебекцев высказались против сецессии. Тем не менее сам факт проведения подобного референдума свидетельствовал о том, что налицо был затянувшийся конституционный кризис федеративной системы в целом.

На протяжении периода обострения комплекса проблем, связанных с Квебеком, пути выхода из кризиса федерации предлагались разнообразные, порой прямо противоположные. Так коммунист У. Каштан видел разрешение конфликта в «принятии новой, разработанной в Канаде Конституции, основанной на равноправном добровольном партнерстве обеих наций Канады – англоговорящих и франкоговорящих канадцев, в которой четко сформулировано конституционное право франко-канадской нации на самоопределение, включая и право на отделение, если это будет соответствовать народной воле» [8].

Одновременно иную точку зрения в рамках федеральной политики реализовывал премьер-министр Канады П. Трюдо, франко-канадец по происхождению. Он считал, что сила Канады заключается в осознании «того, что и манитобцы, и квебекцы, и жители Острова Принца Эдуарда имеют общие ценности, и что в этом плане едины как “канадцы”, не разделенные провинциальными различиями» [9]. Он проводил активную кампанию против любого понятия «особый статус» для Квебека и стремился избежать ослабления позиций федерального правительства в отношениях с любой провинцией в дальнейшем.

Общим местом большинства подходов к выходу из кризиса стало признание необходимости проведения конституционной реформы. Особо рассчитывали на нее сами квебекцы, предполагая конституционное закрепление равноправия двух наций. Премьер-министр Квебека Ж. Лесаж, настаивая на выработке новой конституции, заявлял, что желание франко-канадцев добиться

фактического равенства полностью отвечает общенациональным интересам Канады, так как ведет к плодотворному сотрудничеству между франко-канадским и англо-канадским народами. «Вы являетесь свидетелями утверждения не одной из десяти провинций страны, а одного из двух народов» [10], – говорил он, обращаясь к соотечественникам.

Конституционная реформа была начата правительством П. Трюдо, стремившимся сохранить единство канадского государства и содействовать его централизации [11]. В результате патриации Конституции и закрепления процедуры ее изменения Квебек не только не получил ожидаемого признания национального дуализма, но и утратил исторически сложившееся право вето по решениям, принимаемым на федеральном уровне: была прервана традиция, которую П. Трюдо называл «тиранией единства», требовавшая от Оттавы обязательного достижения соглашений со всеми провинциями по вопросам их конституционных полномочий. Таким образом, Квебек не получил ожидаемого изменения конституционно-правового статуса провинции и в результате отказался ратифицировать Конституционный Акт 1982 г.

Для политической нейтрализации квебекского сепаратизма правительство П. Трюдо решило перевести проблему в лингвистическое русло. Лингвистическая проблема, касающаяся конституционного статуса и соотношения языков двух наций – основательниц государства – английского и французского, является особой проблемой канадской федерации, вытекающей из отношений Квебека с остальной Канадой.

Конституционный статус английского и французского языков в Канаде впервые был определен статьей 133 Акта о Британской Северной Америке 1867 г., которая признавала двуязычие и, следовательно, равный статус обоих языков в каждой из палат федерального Парламента и Законодательного Собрания провинции Квебек. При этом допускалось пользование любым языком в прениях, а все документы (протоколы и журналы палат, акты Парламента Канады и Законодательного Собрания Квебека) должны были составляться и публиковаться на обоих языках.

Употребление языков в деятельности судебных органов носило уже ограничительный характер, так как письменное обращение в суд на французском языке допускалось только в провинции Квебек, что влекло незащищенность прав франкофонов в иных провинциях Канады и на федеральном уровне, а также приоритет английского языка в целом. В судебном процессе языки могли употребляться на равных основаниях; документы, исходящие из судов, сформированных в соответствии с названным Актом, также могли составляться на любом языке. Что касается федеральных органов исполнительной власти, то по отношению к ним в вопросах употребления и статуса языков Акт хранил молчание, а практика свидетельствовала о явном приоритете английского языка.

В результате сложилась ситуация, при которой на федеральном уровне господствовал английский язык, в провинции Квебек – французский язык. В провинции Манитоба, на основании Акта о Манитобе 1870 г. [12], оба языка имели равный статус.

К началу 1980-х гг., когда Квебек открыто заговорил о сецессии, одной из реальных гарантий сохранения Союза стало уравнивание конституционно-правового статуса языков. Решение данной проблемы нашло отражение в Конституционном Акте 1982 г., который содержит два специальных раздела: «Официальные языки Канады» (статьи с 16 по 22) и «Право обучения на языке меньшинства» (статья 23) [13]. В них можно выделить следующие основные положения.

Во-первых, английский и французский языки законодательно провозглашены официальными языками канадской федерации, декларирован их равный статус и равные права и привилегии, касающиеся их использования. Для этого четко закреплено право свободного выбора и использования любого языка в федеральных парламентских, правительственных и судебных органах Канады, а также при составлении документов и при обращении в эти органы граждан. Во-вторых, на провинциальном уровне, помимо Манитобы, признан равный статус языков в провинции Нью-Брансуик. Теперь обе эти провинции, как и федерация, имеют два государственных языка. В-третьих, Актом 1982 г. провозглашено право обучения на языке меньшинства в любой провинции, где численность детей оправдывает государственные расходы. К сожалению, Актом не установлены какие-либо количественные критерии при решении данного вопроса, что затрудняет на практике реализацию данного права. В-четвертых, очень важной является впервые сформулированная норма, закрепленная в статье 22: любые иные языки, кроме английского и французского, также могут использоваться наравне с ними.

Однако английский язык все же фактически остается приоритетным, так как указанный Акт не признает права обращения в государственные органы семи провинций (кроме Квебека, Манитобы и Нью-Брансуика) на французском языке, а следовательно, и их обязанности составлять и опубликовывать исходящие документы на французском языке. Кроме того, как уже говорилось выше, Квебек данные положения ратифицировать отказался.

На практике, как заявил в конце 1980-х гг. Дж. Тернер, «дух двуязычия угасает... из-за отсутствия федерального руководства» [14]. Действительно, к середине февраля 1990 г. двадцать семь муниципалитетов Онтарио объявили о том, что им не под силу финансировать планы обучения французскому языку и оказывать услуги на двух языках. Несмотря на призывы федеральных государственных органов и должностных лиц, к марту подобных заявлений было уже более сорока. Данные факты были расценены как начало «массированного контрудара по франкоканадцам», проживающим в англоязычных провинциях, уже фактически ассимилированным.

Премьер-министр Квебека Р. Бурасса вновь поднял вопрос о пересмотре отношений провинции с остальной Канадой. Он заявил о создании комитета по изучению предложений о возможных формах франкоязычной автономии, что свидетельствовало о том, что Квебек вновь начинает рассматривать свое будущее вне Канады.

В результате описанных событий в 1994 г. Квебекская партия вновь пришла к власти, и в 1995 г. организовала второй референдум по вопросу выхода из состава федерации. «В течение двух месяцев после победы на выборах у нас будет новое правительство, а в течение года Квебек станет новым независимым государством на карте мира», – заявлял Ж. Паризо [15] в ходе предвыборной кампании. При этом он утверждал, что намерен де-факто предпринять ряд шагов, которые будут началом процесса выхода Квебека из состава канадской федерации. К ним относится, в частности, раздел собственности Оттавы и Квебека на территории провинции, а также разграничение взаимных финансовых обязательств. Кроме того, он обещал провести через Законодательное собрание Квебека Декларацию об отделении провинции от федеративного союза. И хотя комплекс данных мер не конституционен, как справедливо подчеркивает К. Ю. Барановский, «Оттава не имеет реальной возможности применить действенные санкции в ответ на эти нарушения» [16].

Результаты референдума 1995 г. отразили изменение настроения франкоканадцев и шокировали англоязычную Канаду, особенно Оттаву: за отделение высказались уже 49,4% квебекцев. Б. Гали, будучи Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций, пообещал Квебеку в случае его сецессии предоставление членства в ООН, что еще более накалило обстановку в Канаде.

В подобной ситуации федеральное правительство было вынуждено без промедления пойти на реализацию комплекса мер с целью нивелирования сепаратистских настроений квебекцев.

В данном направлении, во-первых, была принята Конституционная поправка 1996 г., которая вновь предоставила Квебеку право вето на федеральном уровне, но уже не как прерогативу франкоканадцев наравне с англоязычным Онтарио, а как возможность одной из пяти групп провинций противостоять решениям, принимаемым на федеральном уровне. Но при этом реальных гарантий действия федерального центра с учетом мнения Квебека поправка не содержит, так как для реализации права вето Квебек не может действовать в одиночку, ему необходимо кооперироваться либо с Онтарио (что весьма проблематично при роли Онтарио в выработке федеральной политики), либо с Британской Колумбией, провинциями прерий или Атлантическими провинциями (что также проблематично из-за несовпадающих интересов).

Во-вторых, Конституционная поправка 1997 г. [17] предоставила Квебеку исключительное право определять систему образования в провинции, а значит, и осуществлять политику языкового протекционизма в целом. Кроме того, что очень важно, при регулировании данного вопроса внутри франкоязычной провинции Квебек получил право реорганизовывать плату за школьное образование в зависимости от лингвистического направления.

К. Ю. Барановский утверждает, что в результате данных мер Квебек все-таки получил статус «особого сообщества» – distinct society [18]. По нашему мнению, данное утверждение далеко от истины, так как подобный статус не нашел формально-юридического закрепления ни в статутном, ни в прецедентном праве, ни в конституционной практике. Действительно, были две попытки признать Квебек особым сообществом – конференции 1987 г. в Мич-Лейке и 1992 г. в Шарлоттауне, в ходе которых были достигнуты договоренности о признании особого положения Квебека в федеративной системе Канады [19]. Однако соответствующие соглашения так и не вступили в силу, поскольку несколько провинций отказались признать за Квебеком конституционные полномочия, отсутствующие у них самих. Проведенный в октябре 1992 г. общеканадский референдум большинством голосов в 52% выявил нежелание большинства канадцев идти на уступки Квебеку [20].

Следовательно, основная проблема – проблема признания и конституционного закрепления национального дуализма в Канаде – так и осталась не решенной.

Таким образом, квебекская проблема продолжает оставаться основной проблемой Канадской федерации, время от времени ставя государство на грань распада. «До тех пор, пока Квебек остается частью нашей страны, мы будем вынуждены заниматься только его проблемами», – так считают многие канадские эксперты [21]. Нали-

чие серьезных неразрешенных противоречий между федеральным центром и франко-канадской провинцией в свою очередь является фактором, ведущим к дальнейшей децентрализации федеративной системы в целом. При этом Оттава не может пойти на уступки только в отношении Квебека, иначе она спровоцирует аналогичное поведение других провинций; Квебек же упорствует в своих требованиях, боясь окончательной языковой и культурной ассимиляции англо-канадцами и оставаясь основным «генератором» центробежных тенденций в Канаде.

1.2. Региональные различия и гарантии целостности федеративного союза

Канада занимает обширную территорию с неодинаковыми климатическими условиями, имеет различия в этническом, лингвистическом и национальном составе населения, вследствие чего развитие различных провинций обладает своими особенностями. На этой основе в Канаде возникло такое явление, как регионализм: существует даже законодательное закрепление нескольких групп провинций, имеющих схожие условия развития. Это Атлантический регион (Новая Шотландия, Остров Принца Эдуарда и Нью-Брансуик, Ньюфаундленд), Квебек, Онтарио и Запад (Манитоба, Саскачеван, Альберта и Британская Колумбия) [22]. К сожалению, в научной литературе термины «провинция» и «регион» все чаще отождествляются [23]. Формально-юридически это недопустимо. Данные термины можно отождествить в отношении самых крупных, ключевых провинций – Онтарио и Квебека. Но в отношении других провинций разница в терминах должна сохраняться. Так, провинция Саскачеван – это только часть Западного региона, но часть не количественная, а качественная. Она формально является таким же субъектом федерации, что и Онтарио. Д. С. Смайли, анализируя соотношение терминов «провинция» и «регион», также настаивает на их строгом научном разграничении [24].

Однако региональные различия являются одной из важнейших особенностей канадского федерализма на протяжении всей истории его существования. Источники региональных различий совершенно разные: это экономика, социальная структура, уровень богатства или бедности населения, общественное мнение, и даже такой субъективный фактор, как личность премьер-министра. Источники различий могут меняться по важности, но Д. Бакстер-Мур выделяет общую тенденцию: опираясь на различия, «личный интерес каждого правительства направлен на то, чтобы максимализировать свою власть за счет других правительств» [25].

В период децентрализации федеративной системы различия приобрели особое значение; наиболее значимыми из них стали различия экономические, политические и культурные. При этом, стремясь сохранить собственную идентичность, каждая провинция очень ревностно относится к мерам, которые предпринимает федеральный центр для сохранения идентичности других провинций. Оттава же в данной ситуации находится в двойственном положении: с одной стороны, она может идти на компромисс с отдельными провинциями или группой провинций, добиваясь собственных целей по сохранению государственного единства; с другой стороны, она вынуждена осуществлять комплекс мер, нацеленных на преодоление как различий, так и возникающего вслед за ними фактического неравенства провинций.

Одной из целей установления и функционирования федеративной системы в целом является выравнивание конституционно-правового статуса субъектов федерации и жизненного уровня населения в каждом из них. Однако в Канаде концепция выравнивания имеет более узкое, прежде всего, экономическое содержание: статутное право определяет выравнивание как достижение равенства возможностей регионов. Данная норма закреплена в статье 36 Конституционного Акта 1982 г. [26] и сформулирована как обязанность государственных органов федерации и государственных органов провинций способствовать равенству возможностей для всех канадцев, содействовать экономическому развитию провинций, предоставлять на качественно приемлемом уровне основные правительственные услуги.

Недостатком данной статьи является формулировка «региональные неравенства», которая отходит от концепции федерализма к концепции регионализма и может быть истолкована как выравнивание возможностей не субъектов федерации – провинций – для сглаживания явной асимметрии канадской федерации, а выравнивание, прежде всего, экономических возможностей различных групп провинций, при этом исключительное положение в федеративной системе, безусловно, займут Онтарио и Квебек. Практика реализации названной нормы подтверждает данный вывод, прежде всего, в отношении Квебека.

Вопросам экономического выравнивания в Канаде всегда уделялось большое внимание. Сравнительную долговечность федеративной системы Канады можно объяснить рядом реальных экономических гарантий целостности данного федеративного Союза, которые находили законодательное закрепление или практически использовались, начиная с момента его создания. К подобным гарантиям следует отнести строитель-

ство колониальной железной дороги, субсидии провинциям, уникальный механизм согласования интересов провинций и федерального центра – федерально-провинциальные конференции.

Ежегодные субсидии провинциям являлись одной из основных гарантий целостности Союза, осуществлявшихся федеральным центром с момента его создания. Так, статья 118 Акта о Британской Северной Америке от 1867 г. установила обязанность Оттавы ежегодно выплачивать субсидии каждой провинции, размер их устанавливался пропорционально численности населения провинции, исходя из расчета в восемьдесят центов на душу населения. Для реализации данной обязанности также необходимо было проводить регулярные переписи населения отдельно по каждой провинции. В результате общая сумма субсидий, получаемая различными провинциями, была неравной. В конце XIX в. она варьировалась от пятидесяти тысяч канадских долларов для Нью-Брансуика до восьмидесяти тысяч для Онтарио. Целью выплат данных субсидий было содержание правительств и законодательных собраний провинций

Помимо субсидий Актом 1867 г. для провинций были предусмотрены дотационные выплаты, стимулирующие сокращение государственного долга провинции. Акт о Британской Северной Америке 1907 г. [27] разделил субсидии на постоянные и дополнительные. Постоянные субсидии для всех провинций были установлены, исходя из численности населения – статья 1 (1)(a). Кроме них для ряда провинций, вновь вошедших в Союз в соответствии с условиями объединения, были установлены дополнительные дотации и льготные условия.

В качестве гарантии выплат всех указанных сумм можно рассматривать закрепленный статьями 1(4) и 1(6) указанного Акта предварительный порядок их выплат. Так, все предусмотренные законом суммы, причитающиеся каждой провинции, должны были перечисляться каждое полугодие за полгода вперед.

В настоящее время данные гарантии содержатся в отдельных статутах – Акте о субсидиях провинциям [28] и Акте о федерально-провинциальных финансовых платежах [29], а также в соглашениях, предусмотренных рядом действующих федерально-провинциальных программ. В целом подобные отношения получили наименование «фискального федерализма» или «бюджетного федерализма» [30].

Основной принцип системы выравнивания платежей, действующей в рамках одной из программ, заключается в том, что провинциальные правительства имеют достаточные доходы для обеспечения сравнительно приемлемого уровня государственных услуг при сравнительно приемлемом уровне налогообложения. При этом федеральное правительство собирает средства, необходимые для поддержания трансфертов с помощью обычного сбора налогов, и выделяет деньги провинциальным правительствам, которые отвечают критериям, предусмотренным выработанной в процессе переговоров формулой. Необходимо отметить, что сама формула сравнительно часто меняется в зависимости от обстоятельств.

Основная задача программы выравнивания заключается в том, чтобы унифицировать способности провинций по сбору налогов. Программа не должна сама по себе выравнивать качество или вид предоставляемых в той или иной провинции публичных услуг: подобный выбор самостоятельно осуществляет правительство провинции.

При реализации данной программы фактически получается, что основной вклад в нее осуществляет население провинций Онтарио, Британской Колумбии и Альберты. Правительства Квебека и Атлантических провинций при этом практически всегда являются получателями федеральных трансфертов. Роль других провинций зависит от обстоятельств – они или вкладывают, или получают средства.

Подобное положение дел не устраивает богатые провинции, которые в обмен на финансовые «вливания» предъявляют Оттаве ряд политических требований и стремятся получить больший вес в принятии государственных решений на федеральном уровне.

В данной ситуации возникает серьезная проблема целесообразности и характера дальнейшей децентрализации Канады. Исходя из исторического наследия и фактических отношений внутри современной федеративной системы, мы можем утверждать, что Канада является асимметричной федерацией и де-юре, и де-факто, причем асимметричность существует как в отношении регионов, так и в отношении отдельных провинций, что еще более осложняет правовое положение таких мелких и бедных провинций, как, например, Нью-Брансуик и Остров Принца Эдуарда.

Однако, если углублять асимметричную децентрализацию, то в дальнейшем это неизбежно приведет к распаду всей федеративной системы. Такая перспектива четко вырисовалась в связи с решением вопроса о предоставлении статуса «особого сообщества» Квебеку. Англоязычные провинции, воспрепятствовав ратификации конституционных соглашений Мич-Лейка и Шарлоттауна, сочли невозможным предоставить франко-канадской провинции асимметрично-привилегированное положение по отношению к девяти другим провинциям Канады.

В то же время ряд провинциальных правительств, прежде всего западноканадских, настаивает на дальнейшей децентрализации, но толь-

ко имеющей симметричный характер. В соответствии с данной концепцией Квебек, как и любая другая провинция Канады, имел бы равные возможности получить статус сообщества, отличного от остальной Канады. В этом случае все провинции могли бы получить больший объем властных полномочий за счет полномочий, изначально отнесенных к компетенции федерального центра. Одновременно правительства провинций на равной основе могли бы сократить свои обязательства перед федеральным центром, что, в свою очередь, лишило бы федеральное правительство оснований вмешиваться во внутренние дела провинций. Данный вариант развития событий может устранить существующий антагонизм между Квебеком и англоязычными провинциями.

Данную концепцию фактически реализовывало федеральное правительство Ж. Кретьена, демонстрируя, что Оттава также предпочитает осуществлять симметричную децентрализацию, которая позволяет сохранить правовой, политический и административный баланс федеративной системы в целом. В данном направлении осуществлен ряд конкретных шагов по дальнейшему расширению полномочий провинций в области культуры, природных ресурсов, здравоохранения и в социальной сфере. При их реализации на правительства провинций, безусловно, также легла обязанность по финансированию данных программ.

Казалось бы, выход найден. Но возникает новая проблема – до какого критического предела можно сокращать полномочия центра и расширять полномочия провинций, сохраняя федерализм и национальную государственность? Кроме того, при реализации концепции симметричной децентрализации Канады возник ряд очень серьезных препятствий, созданных Квебеком, Онтарио и Атлантическими провинциями.

Онтарио, центральная провинция Канады, которую считают экономическим и демографическим сердцем федерации, оппозиционно настроена в отношении дальнейшей радикальной децентрализации. Это объясняется тем, что интересы данной провинции и ее населения, как правило, отождествляются с общеканадскими интересами, так как в руках Онтарио фактически остается роль политического руководителя федерации [31]. Большее, на что может пойти Онтарио, – это ограниченная децентрализация.

Симметричная децентрализация, естественно, абсолютно не устраивает Квебек. И националисты, и сепаратисты франкоязычной провинции по-прежнему стремятся не к десятисубъектному, а к двухсубъектному объединению. Симметричная децентрализация представляется им совершенно нецелесообразной, если не абсурдной.

Кроме того, к данной концепции весьма настороженно относятся четыре Атлантические провинции, бюджеты и осуществление социальных программ которых целиком зависят от трансфертов из федерального бюджета. Правительства Новой Шотландии, Нью-Брансуика, Острова Принца Эдуарда и Ньюфаундленда понимают, что любая дальнейшая децентрализация Канады приведет к сокращению возможностей Оттавы осуществлять им финансовую поддержку. И хотя политический вес данных провинций невелик, без их согласия невозможно осуществлять политику в данном направлении.

Таким образом, проблемы экономического и, соответственно, политического различия как провинций, так и регионов Канады остаются фактором, дестабилизирующим федеративную систему. Для их устранения необходим принципиальный пересмотр конституционных положений с учетом сложившегося расклада политических сил.

Одним из уникальных различий в рамках национальной правовой системы Канады является дуализм англосаксонской и романо-германской правовых систем. При этом гарантией целостности канадской федерации является единообразие законов, основанных на праве Англии (статья 94 Акта о Британской Северной Америке 1867 г.). Единообразие законов касается вопросов собственности, гражданских прав и судопроизводства в англоязычных провинциях Онтарио, Новая Шотландия и Нью-Брансуик. Исключение составил Квебек, где в сфере гражданского права остались действовать французские законы. Данный момент является также признаком децентрализации, но вынужденной – иначе Квебек, возможно, не стал бы членом Союза, а Британия, в свое время, не желала его терять. Данный компромисс, независимо от того, желали изначально этого или нет «отцы конфедерации», является проявлением федерализма, предусматривающего единство многообразия.

Действительно, сфера частного права не должна быть приоритетной для государства. Если в публичном праве целесообразно императивно установить принципы и нормы государственно-правового регулирования, то в частном праве, по нашему мнению, следует предоставить определенную диспозитивность, возможность права выбора субъектам федерации самостоятельно определить рамки правового регулирования. В Канаде сочетаются романская модель романо-германской правовой системы в сфере частного права Квебека с англосаксонской правовой системой в сфере частного права остальных провинций, в публичном же праве Канады в целом действует англосаксонская правовая система.

Конституционный Акт 1982 г. впервые провозгласил принцип верховенства конституции Канады (статья 52), который является главенству-

ющим во всех федеральных системах мира, но не был законодательно закреплен в Канаде.

В развитие данного принципа статья 53.1 указанного Акта, названная «корректирующие поправки», консолидировала все действующие акты о Британской Северной Америке, переименовав их в конституционные акты, а также включила в данный перечень иные акты статутного права, на основе которых осуществляется конституционно-правовое регулирование в целом.

Процессы децентрализации, сущностью которых является дальнейшая демократизация канадского государства и общества, затронули и коренное население Канады, которое также имеет статусные различия по сравнению с потомками европейских колонизаторов.

С момента покорения вплоть до 1970-х гг. королевские, а затем федеральные власти Канады стратегической целью политики по отношению к коренному населению считали ассимиляцию и интеграцию аборигенов в доминирующее общество. И хотя некоторые ассимиляционистские положения канадского законодательства были устранены Актом об индейцах 1951 г. [32], практически до начала 1980-х гг. политические требования коренных народов, касающиеся самоуправления, не встречали поддержки со стороны правительства Канады.

Толчком к началу обсуждения проблемы прав коренного населения Канады стал опять же квебекский вопрос. Дело в том, что около сорока процентов территории Квебека занимают англоязычные индейцы кри и инуиты, которые в случае сецессии провинции хотели бы остаться в пределах Канады, апеллируя к праву народа на самоопределение. Канада в этом, безусловно, заинтересована. Но если бы данная возможность была предоставлена только индейцам Квебека, это вызвало бы напряженность в отношениях с другими коренными народами, которые, пользуясь моментом, сумели добиться от федерального центра значительно больших уступок, чем непосредственно аборигены Квебека.

В последние три десятилетия самоутверждение коренного населения и принятие реальности их существования большинством населения Канады привели к решению ряда проблем аборигенов.

Так, ряд судебных прецедентов подтвердил права коренного населения, предусмотренные множеством соглашений, заключенных между властями и аборигенами в период с 1763 г. [33]. Конституционный статус данных соглашений был официально признан разделами 35. 35.1 Конституционного Акта 1982 г. [34].

Д. Камерон считает, что в результате опыта, полученного при ведении переговоров по выработке Конституционного Акта 1982 г., «у политических руководителей страны усилилось понимание того, что основные конституционные и политические вопросы, особенно те, которые непосредственно касаются коренного населения, должны напрямую обсуждаться с представителями индейских, инуитстких и метисских комитетов Канады» [35]. Подобный подход со стороны Оттавы, бесспорно, является мудрым, однако в последующих переговорах аборигены получили лишь совещательный голос, так и не став полноправными участниками переговоров, касающихся непосредственно их конституционного статуса.

Конституционный Акт 1982 г. содержал статью, в соответствии с которой на конституционную конференцию должны быть приглашены представители коренных народов и федеральных территорий, если повестка дня затрагивает их интересы.

Прокламация об изменении Конституции 1983 г. [36] конкретизировала те вопросы, при обсуждении которых присутствие коренных народов на конституционной конференции считалось обязательным. Их перечень был закреплен в статье 35-1 Прокламации: изменение пункта 24 статьи 91 Акта о Британской Северной Америке 1867 г. (индейцы и земли, зарезервированные за индейцами) и изменение статьи 25 Конституционного Акта 1982 г. (обеспечение прав и свобод коренных народов, вытекающих из договоров, соглашений, исконных и других прав). К сожалению, данная статья позднее была исключена из текста Конституционного акта.

В 1983 г. Парламентом Канады была создана Комиссия по изучению вопроса о самоуправлении индейцев. В докладе по результатам своей деятельности она рекомендовала закрепить в Конституции страны законодательные полномочия общинных советов по таким вопросам, как образование, социальное обеспечение, местное налогообложение и некоторых других, находившихся в исключительном ведении провинций. Однако несмотря на выводы комиссии и на четыре конституционные конференции, проведенные с участием коренных народов в период с 1983 по 1987 г., существенного изменения позиции канадского правительства относительно самоуправления аборигенов не произошло.

Исключением здесь является только заключение договора о землепользовании между Оттавой и инувиалуитами – группой эскимосов численностью 3,5 тысячи, проживающими в шести поселках Западной Арктики [37]. В 1984 г. они получили дополнительные коллективные исключительные права на землю общей площадью 35 тысяч квадратных миль, в том числе права на разработку недр. Позднее, в 1997 г., им также были предоставлены компенсационные выплаты за отказ от дальнейших земельных притязаний.

Первого апреля 1999 г. растянувшиеся на пятнадцать лет переговоры инуитов с федеральным центром закончились подписанием Конституционного Акта о Нунавуте, который, выделившись из состава Северо-Западных территорий, стал третьей федеральной территорией Канады. Инуиты Северной и Восточной Арктики получили право на самоуправление на территории площадью около трехсот пятидесяти тысяч квадратных километров, право на разработку минеральных ресурсов и компенсацию за отказ от дальнейших территориальных притязаний.

Сравнительно простое решение данных вопросов связано с тем, что традиционные земли проживания инувиалуитов и инуитов находятся в пределах федеральных территорий, на которых осуществляется юрисдикция только федерального центра. В связи с этим Оттава фактически ничем не связана в отношениях с аборигенами Юкона, Северо-Западных территорий и Нунавута, которые на протяжении последней четверти XX в. значительно расширили коллективные права.

Прежде всего, представители федеральных территорий получили места в федеральном парламенте Канады. Так, на основании Акта о Британской Северной Америке № 2 от 19 июня 1975 г. [39] федеральные территории приобрели право получить места в Сенате. В соответствии со статьей 1(С) данного Акта территория Юкон и Северо-Западные территории получали по одному месту в верхней палате федерального парламента. Конституционный Акт (о Нунавуте) 1999 г. предоставил также одно место в Сенате вновь созданной федеральной территории Нунавут.

Глава N-22 Акта о пересмотренных статутах Канады 1970 г. предоставила право иметь двух представителей в нижней палате канадского Парламента Северо-Западным федеральным территориям, чем поставила две административные единицы в юридически неравное положение. Данное соотношение представительства территорий в Палате Общин было подтверждено Актом о Британской Северной Америке от 13 марта 1975 г. (№ 1) [40] и статьей 2 Конституционного Акта (о представительстве) от 4 марта 1986 г. [41]. Равное представительство федеральных территорий в Палате Общин было установлено лишь в 1999 г. В соответствии со статьей 46 Конституционного Акта (о Нунавуте) каждая из трех федеральных территорий получила право иметь по одному представителю. Изменение представительства федеральных территорий в Палате общин Канады, предусмотренное конституционными актами, можно проследить по нижеприведенной таблице.

Однако представительство федеральных территорий в обеих палатах Парламента Канады, по сути, до сих пор является формальным, так как никаких реальных противовесов при решениях, принимаемых представителями провинций, представители территорий задействовать не могут.

Сложнее обстояло дело с решением проблем самоуправления аборигенов, проживающих в пределах той или иной канадской провинции: рекомендации федерального центра о предоставлении прав коренным народам требовали добровольной передачи провинцией ряда ее исключительных полномочий органам самоуправления. Провинции не желали делиться властью; в 1992 г. поправка к конституции, касающаяся самоуправления, была вынесена на национальный референдум и не получила поддержки. Тем не менее сама идея передачи общинам некоторых функций управления стала широко обсуждаться и получила поддержку общественности и некоторых провинциальных правительств. В результате было достигнуто и подписано соглашение между федеральными, провинциальными, территориальными правительствами и вождями коренных народов, в соответствии с которым были намечены пути согласования позиций в таких важных вопросах, как язык, образование, религия, здравоохранение, землепользование и жилищные проблемы.

На основе данного соглашения шестого декабря 2001 г. была принята Конституционная поправка, в соответствии с которой впервые право на самоуправление получили аборигены, компактно проживающие на территории канадской провинции Ньюфаундленд и заселяющие полуостров Лабрадор. В связи с этим провинция получила новое наименование – Ньюфаундленд и Лабрадор.

Таким образом, в Канаде появился прецедент, дающий возможность аборигенам, про-

Наименование статута	Общее число представителей	Число представителей провинций	Число представителей территорий
Конституционный Акт 1986 г.	282	279	1 – Юкон 2 – СЗТ*
Конституционный Акт (о Нунавуте) 1999 г.	282	279	1 – Юкон 1 – СЗТ 1 – Нунавут

*СЗТ – Северо-Западные территории

живающим в пределах иных провинций, изменить конституционно-правовой статус путем расширения коллективных прав. Данный процесс ведет, с одной стороны, к дальнейшей децентрализации Канады, с другой – ослабляет в первую очередь провинции, косвенно усиливая тем самым федеральный центр. В контексте современной ситуации внутри федеративной системы данную тенденцию следует оценивать положительно. В этом смысле оптимистично звучат слова Д. Килгура, бывшего заместителя спикера Палаты общин канадского Парламента, который сказал, что «децентрализация есть то магическое средство, которое позволит отвратить опасность, нависшую над единством Канады» [42].

В целом период децентрализации является закономерным этапом развития канадской федеративной системы, который обусловлен общими тенденциями и объективными процессами развития федераций американского континента во второй половине XX в. [43]. Общим содержанием данного периода является ослабление власти федерального центра с одновременным усилением власти провинций и существенным усложнением отношений внутри федерации, обусловленным реальными различиями между провинциями и регионами Канады.

Особое значение в данный период приобретает комплекс юридически закрепленных гарантий федеративного Союза, который представляет собой совокупность средств, необходимых для более эффективного функционирования федеративной системы Канады и сохранения национальной государственности. Каждая из них в отдельности является предпосылкой сохранения относительно децентрализованного Союза, выработанной в результате совместных усилий федерального центра и провинций.

Стремление к децентрализации в Канаде выражено сильнее, чем в каком-либо ином федеративном государстве. Однако, как подчеркивает В. С. Ажаева, «носители идей децентрализации, какие бы провинции они не представляли, как правило, предлагают варианты реформирования канадской федерации, а не разделения страны» [44]. Действительно, даже в Квебеке, где сильны идеи сепаратизма, большинство населения выступает, прежде всего, за признание этнокультурной самобытности провинции в рамках канадского государства.

Примечания

1. *Taylor, Ch.* Reconciling the solicitudes: Essays on Canadian federalism and nationalism [Text] / Ch. Taylor. Montreal, 1994. XV. P. 187.

2. *Jonson, D.* Egalite ou independance [Text] / D. Jonson. Montreal, 1965. P. 20.

3. Ibid. P. 13.

4. См.: Квебек в год референдума [Text] // США – Канада: экономика, политика, культура. 1995. № 10. С. 110–111.

5. О прогнозах распада канадской федерации см., например: *Барановский, К. Ю.* Квебек после выборов: квебекский кризис на современном этапе [Текст] / К. Ю. Барановский // США – Канада: экономика, политика, культура. 1995. № 1. С. 105; *Нуриахметов, В. Г.* Опыт канадского федерализма: уроки для Российской Федерации? [Текст] / В. Г. Нуриахметов, Р. В. Попов // США – Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 3–4. С. 131–135.

6. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/ca_1974.html [Электронный ресурс]

7. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/Proposals/Bill-C-xxx_1996.html [Электронный ресурс]

8. *Каштан, У.* Альтернативы политики монополий [Текст] / У. Каштан // Проблемы мира и социализма. 1977. № 1. С. 27.

9. *Trudeau, P. E.* Federalism and the French Canadians [Text] / P. E. Trudeau. Toronto, 1968. P. 212.

10. Цит. по: *Коленеко, В. А.* Квебекская проблема в послевоенной Канаде [Текст] / В. А. Коленеко. М., 1981. С. 192–193.

11. О конституционной реформе см.: *Шило, В. Е.* Конституционная реформа: противоборство Оттавы и провинций. Современная внутренняя политика Канады [Текст] / В. Е. Шило; под ред. С. Ф. Молочкова. М., 1986. С. 86–118.

12. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/ma_1870.html [Электронный ресурс]

13. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/ca_1982.html [Электронный ресурс]

14. Цит. по: *Ситников, Б. П.* Третья волна сепаратизма в Канаде [Текст] / Б. П. Ситников // США – Канада: экономика, политика, идеология. 1990. № 4. С. 56.

15. Цит. по: *Сигов, Ю.* Станет ли Квебек Канадской Эритреей? [Текст] / Ю. Сигов // Новое время. 1994. № 33. С. 28.

16. *Барановский, К. Ю.* Квебек после выборов: квебекский кризис на современном этапе [Текст] / К. Ю. Барановский // США – Канада: экономика, политика, культура. 1995. № 1. С. 100.

17. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/ca_1997.html [Электронный ресурс]

18. *Барановский, К. Ю.* Квебек: после референдума накануне конституционной конференции [Текст] / К. Ю. Барановский // США – Канада: экономика, политика, культура. 1996. № 4. С. 114.

19. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/Proposals/MeechLake.html; http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/Proposals/Proposal.english.txt [Электронный ресурс]

20. http://www.solon.org/wmaton.html [Электронный ресурс]

21. См., например: *Berenson, D.* Deconfederation: Canada without Quebec [Text] / D. Berenson, B. Cooper. Toronto, 1991. P. 159.

22. См., например: Акт о представительстве (1985 г.) http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/ca_1985.html [Электронный ресурс]

23. См. например: *Мелкумов, А. А.* Указ. соч. С. 50.

24. *Smiley, D. C.* Op. cit. P. 22–26.

25. *Jackson, R.* Baxter-Moore N. Op. cit [Text] / R. Jackson, D. Jackson. P. 392.

26. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/ca_1982.html [Электронный ресурс]
27. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/ca_1907.html [Электронный ресурс]
28. http://laws.justice.gc.ca/en/P-26/text.html [Электронный ресурс]
29. http://laws.justice.gc.ca/en/F-8/text.html [Электронный ресурс]
30. См.: *Немова, Л. А.* Канада: фискальный федерализм и социальная политика [Текст] / Л. А. Немова // США – Канада: экономика, политика, культура. 2000. № 1. С. 38–53.
31. См.: *Барановский, К. Ю.* Квебек: после референдума [Текст] / К. Ю. Барановский. С. 114–117.
32. http://www.solon.org/Statutes/Canada/English/I/I-5.html [Электронный ресурс]
33. Королевская декларация 1763 г. признавала существование в Северной Америке коренного населения и устанавливала между ними и британской королевской властью форму отношений, основанных на договорах между индейскими племенами и европейскими поселенцами.
34. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/ca_1982.html [Электронный ресурс]
35. *Камерон, Д.* Различия и неравенства регионов и как с этим справляться: Доклад для консорциума по вопросам прикладных экономических исследований (Cepra) [Текст] / Д. Камерон. М., 1999.
36. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/cap_1983.html [Электронный ресурс]
37. См.: *Соколовский, С. В.* Коренные народы и самоуправление [Текст] / С. В. Соколовский. М., 2002.
38. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/ca_1999-na.html [Электронный ресурс]
39. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/ca_1975_2.html [Электронный ресурс]
40. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/ca_1975_1.html [Электронный ресурс]
41. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/Proposals/Bill-C-xxx_1996.html [Электронный ресурс]
42. *Килгур, Д.* Свет и тени канадского федерализма [Текст] / Д. Килгур // Very Important Person (VIP). 1997. № 1. С. 66.
43. В. Е. Шило, исследуя историю развития федеративной системы США, выделяет хронологически синхронные периоды: период централизма с начала XX в. до конца 1960-х гг. и начавшийся с конца 1960-х – начала 1970-х гг. период децентрализации. См.: *Шило, В. Е.* Периодизация американского федерализма [Текст] / В. Е. Шило // США – Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 1. С. 61–77.
44. *Ажаева, В. С.* Канада: тенденции социально-политического развития [Текст] / В. С. Ажаева. М., 2001. С. 75.

В. И. Гладких

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ, СТРУКТУРЕ, УГРОЗАХ, ПРОТИВОДЕЙСТВИИ

В настоящей статье автор анализирует нормативное и доктринальные понятия экономической безопасности; приводит перечень поставленных под угрозу экономических интересов Российской Федерации и классификацию угроз экономической безопасности.

Экономическая безопасность в последнее десятилетие стала объектом пристального внимания как экономистов, так и юристов, однако единого подхода к ее определению не выработано. Это не только затрудняет разработку практических мер по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации и ее субъектов, но и негативно сказывается на состоянии национальной безопасности России в целом.

В действующем законодательстве и правоприменительной практике термин «экономическая безопасность» широко используется, однако нигде не раскрывается.

Следует отметить, что в законодательстве дается родовое определение безопасности, которое послужило основой для описания и исследования ее видовых определений: экономической, энергетической, продовольственной безопасности и др. В связи с этим необходимо обратиться к Закону Российской Федерации «О безопасности» [1], в котором это понятие раскрывается.

В соответствии со ст. 1 вышеназванного закона безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. В ч. 2 ст. 1 конкретизируется понятие жизненно важных интересов, а в ст. 3 – угроз безопасности. Под жизненно важными интересами законодатель понимает совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. Угрозы безопасности рассматриваются как совокупность условий и факторов, создающих опасность *жизненно важным интересам* личности, общества и государства. Таким образом, сущность безопасности может быть выявлена исходя из анализа жизненно важных интересов и угроз, которые создают им опасность.

ГЛАДКИХ Виктор Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Академия экономической безопасности МВД России)
© Гладких В. И., 2006

Коллектив авторов под руководством С. В. Степашина предлагает следующую формулировку экономической безопасности: «Режим функционирования государства в лице законодательной, исполнительной и судебной властей, при котором обеспечиваются неуязвимость и независимость экономических интересов РФ по отношению к возможным и внутренним угрозам и воздействиям» [2].

Недостатком приведенного определения является возможность его неоднозначной трактовки, размытость в том, что касается смысла слов «неуязвимость» и «независимость».

Наиболее полное, на наш взгляд, определение экономической безопасности содержится в работе «Экономическая безопасность России» под ред. академика В. К. Сенчагова: это «такое состояние экономики и институтов власти, при котором гарантирована защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов» [3].

Ключевыми понятиями, призванными описать и исследовать экономическую безопасность государства, являются «жизненно важные интересы в экономической сфере», «угрозы экономической безопасности», «показатели экономической безопасности», «индикаторы экономической безопасности», «пороговые значения показателей экономической безопасности». Они призваны не только конкретизировать эту категорию, но и сформировать методологический аппарат для ее мониторинга и совершенствования механизмов обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

Экономическая безопасность Российской Федерации представляет собой системное образование. С одной стороны, она является частью национальной безопасности Российской Федерации и находится в тесном взаимодействии с другими ее подсистемами: информационной безопасностью, военной безопасностью и др. С другой стороны, экономическая безопасность включает в себя совокупность элементов, образующих ее структуру.

В нее, как правило, включают следующие блоки:

– Концепция и Стратегия национальной безопасности;

– национальные интересы России в сфере экономики;

– угрозы в сфере экономики;

– индикаторы экономической безопасности;

– пороговые значения индикаторов экономической безопасности;

– организационная структура экономической безопасности;

– правовое обеспечение экономической безопасности.

Вместе с тем некоторые из перечисленных блоков не включаются в структуру экономической безопасности, а представляют собой инструменты ее оценки и средства ее обеспечения. Так, из структуры экономической безопасности необходимо исключить индикаторы и их пороговые значения, поскольку они представляют собой количественные показатели, описывающие состояние экономической безопасности, и не включаются в данное понятие. Аналогично, нельзя включить в экономическую безопасность Концепцию и Стратегию национальной безопасности.

Из названных выше блоков в структуру экономической безопасности входят национальные интересы России в сфере экономики; угрозы экономической безопасности; организационная структура экономической безопасности, а также система ее правового (а в более широком смысле – информационного) обеспечения.

Кроме того, в структуру экономической безопасности необходимо включить ее объекты.

Субъектами, обеспечивающими экономическую безопасность РФ, выступают:

– государство в лице органов законодательной, исполнительной и судебной власти;

– организации, в том числе общественные объединения;

– отдельные граждане.

Закон РФ «О безопасности» выделяет следующие основные объекты безопасности:

1) личность – ее права и свободы;

2) общество – его материальные и духовные ценности;

3) государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

Изложенное верно и для экономической безопасности, с учетом ряда особенностей.

Во-первых, что касается личности, то в разрезе рассматриваемой проблемы объектом экономической безопасности будут выступать социально-экономические права человека и гражданина, содержащиеся в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. [4], в Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [5] и детализируемые в законах и подзаконных нормативно-правовых актах.

Непосредственным объектом экономической безопасности общества выступают материальные и духовные ценности, ряд из которых отражен в действующих нормативных актах, а часть сформулирована на концептуальном уровне. Так, в уже упоминавшемся Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (ст. 1) провозглашается право народов на самоопределение. В силу этого права они сво-

бодно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие.

Ключевым для понимания сути экономической безопасности является определение сферы интересов различных субъектов в экономической сфере.

Что касается определения круга жизненно важных интересов в экономической сфере, то он к настоящему времени не сформирован. В последнее десятилетие ведутся активные дискуссии о том, какие именно интересы в сфере экономики следует признать жизненно важными для российского государства, общества и отдельных граждан. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300, отразилась официальная точка зрения на жизненно важные национальные интересы России экономической, внутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах, круг интересов в экономической сфере не определен. И это при том, что, как следует из Раздела II Концепции, они носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства.

Таким образом, целая сфера национальных интересов России была исключена из механизма определения стратегических задач Российской Федерации на долгосрочную перспективу.

Отсутствует перечень экономических интересов России и в Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации [6].

Необходимо учитывать, что Государственная стратегия была разработана и принята около 10 лет назад. За это время в России и в мире изменились экономические и политические условия, появились новые угрозы устойчивости экономики.

Среди группы факторов, ставящих в опасность национальные интересы России в сфере экономики, особую актуальность приобретают угрозы, которые в Концепции национальной безопасности Российской Федерации обозначены как криминализация экономики.

Особую тревогу в последнее десятилетие приобретают угрозы, связанные с теневизацией экономической деятельности в России, с оттоком капитала за границу, ростом коррупции и др.

Масштабы теневой экономики в России вызывают не только озабоченность у специалистов, но и являются одним из ведущих факторов, негативно влияющих на экономическую безопасность. По различным оценкам, масштабы теневой экономики в России составляют от 26 до 47% ВВП. При этом различные отрасли экономики по-разному вовлечены в теневую деятельность. Если внешнеэкономическая деятельность (до 55–60% всего товарооборота), рыночная торговля (50–55%), добыча водных биоресурсов (до 75%) наиболее подвержены криминализации, то в строительстве доля теневых процессов относительно невелика – 8%.

По данным Госкомстата РФ, доля теневой экономики в России составляет 23,9%, а величина укрываемых налогов – 353,5 млрд руб., т. е. 29,3%.

И. И. Елисеева, А. Н. Ширина и Е. Б. Капралова пришли к выводу, что теневой ВВП в России в 2002 г., созданный в сфере производства, приближается к 50%. Эти данные подтверждаются и специалистами МВД России. Таким образом, объем теневых экономических операций оценивается приблизительно в 7,5 трлн. руб. в год.

Также угрожающе выглядят экспертные оценки бегства капиталов за рубеж. По данным, которые приводятся Всемирным банком, ежегодный отток капиталов из России оценивается в 14–15 млрд долл. США. Однако, по уточненным оценкам, эта величина составляет до 26 млрд долл. США ежегодно.

Факторами, негативно влияющими на масштабы оттока капитала из России, в настоящее время являются:

– несовершенство законодательства, в том числе в сфере налогообложения и регулирования внешнеэкономической деятельности, валютного регулирования и контроля;

– недостаточность объектов для вложения финансовых средств, отвечающих интересам инвесторов;

– неурегулированность отношений собственности;

– определенная нестабильность политической ситуации;

– криминализация экономики, внешнеэкономической деятельности и коррумпированность власти;

– недостаточно благоприятный инвестиционный климат и т. д.

Достаточно острой остается проблема коррупции в Российской Федерации. По имеющимся данным, в России правоохранительными органами ежегодно выявляется около 8 тыс. случаев взяточничества. Однако официальная статистика не отражает реальный уровень взяточничества в стране. Это, в первую очередь, обусловлено высокой латентностью коррупционных преступлений, заинтересованностью взяткодателей и взяткополучателей в сокрытии этих противоправных деяний. По этой причине не существует единого универсального метода оценки масштабов коррупционного рынка. Наибольшее распро-

странение получили методы экспертной оценки взяточничества в России, использование которых позволяет получить более или менее объективное представление об этом виде преступности.

За последнее пятилетие значительно ускорился процесс глобализации, сопровождающийся появлением новых угроз национальным экономикам.

В ходе глобализации на планете устанавливается определенный нормативный порядок, благоприятствующий действиям и инициативам одних государств и запретительный для других. Ограничиваются возможности национальных правительств регулировать деятельность транснациональных корпораций, одновременно включая все новые области в сферу своих корпоративных привилегий. Складываются негативные политические последствия утраты контроля над национальной экономикой в условиях свободного движения транснациональных финансовых ресурсов и примата норм международного права над национальным.

Специфическую роль в создании угроз экономической безопасности России играет ее положение на стыке цивилизаций, сосредоточение на ее территории транспортных коридоров, связывающих экономики европейского и азиатского регионов.

Также следует отметить следующие угрозы:

1. Возрастание монопольной власти крупного олигархического капитала, его политические устремления, попытки давления на государственную власть. Интересы олигархического бизнеса, крупнейших монопольных финансово-промышленных групп нередко находятся в противоречии с национальными интересами РФ и причиняют вред экономике России, а также ее политической системе. Характерной чертой олигархического капитала в России становится стремление не только получить всю полноту экономической власти (проявление монополизма), но и достичь максимума влияния на политическую власть. Данное явление может быть охарактеризовано как финальная монополизация, которая приводит к обогащению олигархического бизнеса за счет разрушения экономических и политических институтов общества. Внешним проявлением деструктивной активности олигархических элит на экономическом уровне являются серьезные и масштабные правонарушения в области приватизации, криминальные банкротства крупных государственных и частных организаций в интересах передела (захвата) собственности, увод из-под налогового обложения значительных средств и др.

Угрозы, представляемые олигархическим капиталом, во многих случаях не связаны с прямыми нарушениями действующего законодательства, поскольку созданная ими система лоббирования своих интересов отражается в принятой системе нормативно-правовых актов, их отражающих и зачастую противоречащих интересам государства и общества.

2. За последние пять лет значительно возросла угроза терроризма. Данное негативное явление вызывает целый комплекс вредных последствий для экономики России. Они выражаются в снижении инвестиционной привлекательности тех регионов, на территории которых осуществляются террористические акции, в использовании террористическими организациями легальных финансовых структур для финансирования своей деятельности, в превращении терроризма (в том числе и международного) в разновидность бизнеса. За последнее десятилетие террористические организации все больше ставят перед собой экономические цели: получение прибыли от совершения террористических акций, дестабилизация внутригосударственных и международных экономических отношений и т. д. Некоторые террористические организации фактически превратились в концерны и способны не только полностью профинансировать свою деятельность, но и накапливают финансовые ресурсы для ее расширения, а также для финансирования научных исследований, направленных на разработку средств массового уничтожения.

Опыт самых крупных террористических актов показывает, что одним из их негативных последствий является дестабилизация мировых рынков, ослабление национальных валют, снижение инвестиционной привлекательности государств, а также общее снижение уровня развития национальных экономик. Экономики государств в условиях постиндустриального общества с превалирующим финансовым сектором становятся весьма чувствительными к любым негативным воздействиям, особенно вызванным террористическими актами.

Террористические организации получают средства для организации своей преступной деятельности из многочисленных источников: как внутренних, так и внешних. Внутренние источники финансирования терроризма, как правило, носят криминальный характер. В их число включаются денежные средства и иные материальные ценности, которые поступают в результате захватов заложников, торговли оружием и наркотическими средствами, торговлей людьми и др. Вместе с тем в последнее десятилетие все четче вырисовывается тенденция к получению террористическими организациями средств от вполне легальных источников: различного рода организаций, граждан, благотворительных организаций.

Нередко террористические организации специально создают или устанавливают контроль над

различными юридическими лицами, часть прибыли которых направляется для финансовой поддержки террористов. В отдельных случаях террористические организации устанавливают контроль над элементами финансовой системы государства – кредитными, страховыми и иными организациями, через которые легализуются доходы, полученные в результате террористической деятельности, а также направляются средства на нужды террористов. Таким образом, налицо стремление террористических групп не только использовать действующие финансовые институты, но и создать собственную инфраструктуру, в рамках которой с наибольшей эффективностью перераспределялись финансовые потоки, связанные с террористической деятельностью.

Помимо внутренних, для обеспечения террористов используются и внешние источники финансирования. Их роль особенно возрастает в свете интернационализации терроризма, проникновении его из одних регионов мира в другие. К их числу относятся помощь иностранных государств, международных организаций, благотворительных организаций, диаспоры и др. Особенное беспокойство вызывает участие иностранных спецслужб в финансировании терроризма, поскольку данная деятельность направлена, в первую очередь, на ослабление конкурирующих государств. Опасность финансирования терроризма из внешних источников заключается также в значительно больших возможностях для сбора средств, нежели это возможно при внутреннем финансировании. Кроме того, практически невозможно привлечь государства и организации-спонсоры к ответственности за помощь террористам.

3. В настоящее время необходимо выделить в качестве самостоятельной группу криминальных угроз экономической безопасности России. Она представляет собой совокупность угроз, исходящих от теневой экономики и экономической преступности. В данную группу можно включить угрозы, связанные с организованной преступностью, профессиональной общеуголовной и непосредственно экономической преступностью. Сюда входят наиболее общественно опасные виды преступности, связанные с финансовой преступностью и инкорпорированием криминала в деятельность официальных финансовых институтов; криминальная экономика добычи и оборота драгметаллов и драгкамней; криминальная экономика добычи и оборота в области стратегических ресурсов (энергоносители; лес; моредобыча; браконьерство в промышленных масштабах в живой природе); наркоэкономика; контрабанда; незаконная торговля оружием; организация нелегальной миграции; торговля живым товаром – список открыт). К стратегическим ресурсам, активно вовлекаемым в теневую экономику, относятся интеллектуальные, информационные, научно-технические ресурсы, новые и новейшие технологии. Так называемая новая экономика также стоит перед лицом криминальной угрозы. Специфика всех данных видов преступности заключается в их явно выраженном экономическом характере, они негативно сказываются в первую очередь на функционировании различных экономико-правовых институтов. Данные явления официально признаны общественно опасными и наказуемы в соответствии с Уголовным кодексом РФ.

Организованная преступность традиционно признается одной из угроз экономической безопасности России. В 2004 г., к примеру, по данным ГИАЦ МВД России, организованными группами или преступными сообществами совершено 28 161 преступление.

К числу факторов, которые обостряют данную угрозу в современной России, можно отнести коррупционное сращивание организованной преступности и государственного аппарата, проникновение организованной преступности в целые сектора экономики, сращивание организованной преступности с терроризмом и ее транснационализация. Организованная преступность в различной степени охватила все отрасли российской экономики. Наиболее вовлеченными оказались внешнеэкономическая деятельность, ТЭК, финансовые учреждения. Кроме того, организованная преступность проникла и в военно-промышленный комплекс, что создает угрозу национальной безопасности РФ в целом. Негативное влияние организованной преступности на российскую экономику становится все более институционализированно. Это проявляется в создании так называемой системы «крышевания» хозяйствующих субъектов, в создании и функционировании легализации доходов, полученных преступным путем, в налаживании каналов нелегального ввоза и вывоза капитала из России, в установлении монопольного контроля над деятельностью отдельных предприятий и отраслей экономики. Для государства все это выражается в недополучении сумм налогов, в нарушении принципов добросовестной конкуренции, в затруднении увеличения прибыли и конкурентоспособности российских предприятий на внутреннем и зарубежных рынках, в ориентировании российской экономики на преимущественное обслуживание интересов организованной преступности.

Профессиональная преступность, хотя и является одной из угроз национальной безопасности России в сфере экономики, в силу своей устойчивости, преемственности, распространенности, в настоящее время тесно переплетается с организованной преступностью, становится ее элементом, поэтому негативное воздействие про-

фессиональной преступности на экономическую сферу происходит в рамках организованной преступности. Новую и недостаточно обоснованную в стратегии экономической безопасности России и концепции национальной безопасности России угрозу представляет экономическая преступность. Ее возникновение и расширение масштабов обусловлено действующей экономической системой РФ, недостатками экономической политики, институциональным вакуумом, а также субъективными причинами. Экономическая преступность в РФ становится неотъемлемым элементом хозяйственной жизни, проникает во все финансово-хозяйственные структуры и отрасли экономики. Негативное воздействие экономической преступности на национальную безопасность РФ неравномерно, в зависимости от субъектов, совершающих эти преступления, а также от отрасли экономики, в которых они совершаются.

В 2004 г. в Российской Федерации правоохранительными органами выявлено 402 359 преступлений экономической направленности. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в общем объеме экономической преступности возрос до 32,2%, что позволяет отметить, что криминализация экономической сферы представляет угрозу национальной безопасности государства, прежде всего, угрозу экономическому развитию страны. Поэтому необходимы меры по развитию органов внутренних дел по борьбе с преступлениями экономической направленности.

В современных условиях значительно обострились угрозы в отдельных областях российской экономики, что вызвано диспропорциями экономического развития России. Наибольшую опасность для сферы экономики представляют угрозы в сфере энергетики и финансов. По данным МВД России, в 2004 г. ущерб от экономических преступлений в сфере ТЭК составил 5 661 384 тыс. руб.

Государственная стратегия экономической безопасности определяет пороговые значения индикаторов экономической безопасности как количественные и качественные параметры состояния экономики, выход за пределы которых вызывает угрозу экономической безопасности страны. В литературе встречается несколько иная трактовка данного понятия. В одной из работ пороговые значения индикаторов экономической безопасности определяются как предельные значения, игнорирование которых препятствует нормальному развитию экономики и социальной сферы и приводит к формированию разрушительных тенденций в области производства и уровня жизни населения [7]. Аналогичное определение приводится в статье С. А. Тропина, который предлагает понимать под пороговыми значениями предельные величины, несоблюдение значений которых препятствует нормальному развитию экономики, вызывает появление негативных, разрушительных тенденций в области экономической безопасности [8]. При достижении экономикой пороговых значений она не перестает функционировать, но переходит в опасную зону (зону экономической нестабильности), в которой происходят социальные конфликты.

Проблема разработки пороговых значений индикаторов экономической безопасности носит не только теоретический, но и практический характер, поскольку от их обоснованного выбора зависит направленность экономической политики государства.

Большое значение имеет определение угрозы безопасности – совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства.

Достигается безопасность проведением единой государственной политики в области обеспечения безопасности, системой мер экономического, политического, организационного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства.

Для создания и поддержания необходимого уровня защищенности объектов безопасности в Российской Федерации разрабатывается система правовых норм, регулирующих отношения в сфере безопасности, определяются основные направления деятельности органов государственной власти и управления в данной области, формируются или преобразуются органы обеспечения безопасности и механизм контроля и надзора за их деятельностью.

Уже упомянутая Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения) от 29 апреля 1996 г. является одним из первых программно-политических документов, направленных на разработку комплекса мер по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации.

В Стратегии были сформулированы следующие угрозы экономической безопасности:

- увеличение имущественной дифференциации населения и уровня бедности;
- деформированность структуры российской экономики;
- возрастание неравномерности социально-экономического развития регионов;
- криминализация общества и хозяйственной деятельности.

В Стратегии были впервые определены следующие национальные интересы страны в области экономики:

- способность экономики функционировать в режиме расширенного воспроизводства;
- приемлемый уровень жизни населения;

• устойчивость финансовой системы;
• рациональная структура внешней торговли;
• поддержание научного потенциала страны;
• сохранение единого экономического пространства и разносторонних международных экономических отношений;
• создание экономических условий, исключающих криминализацию общества;
• определение и обеспечение необходимого государственного регулирования экономических процессов.

В последующие годы в мире с особой остротой проявились некоторые процессы, потребовавшие внесения изменений и дополнений в указанные Стратегию экономической безопасности и Концепцию национальной безопасности Российской Федерации. Это, прежде всего, крайне быстро расширявшаяся в мире именно в эти годы глобализация во всех сферах и международный терроризм.

Для учета этих интересов Указом Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 в Концепцию национальной безопасности Российской Федерации были внесены соответствующие изменения и дополнения.

Это, прежде всего, следующие принципиальные положения: Концепция национальной безопасности Российской Федерации (далее Концепция) – система взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. В Концепции сформулированы важнейшие направления государственной политики Российской Федерации.

Данные положения определяют место Концепции в ряду других нормативных актов Российской Федерации. Это, во-первых, всеобъемлющий документ, отражающий национальные интересы и угрозы им во всех сферах жизнедеятельности – политической, экономической, социальной, военной, техногенной, экологической, информационной и иной. Во-вторых, это документ принципиальной государственной важности, так как содержит важнейшие направления государственной политики, обязательные для учета в соответствующих программах во всех сферах жизнедеятельности.

Вместе с тем можно выделить следующие основные недостатки существующего нормативно-правового обеспечения экономической безопасности России:

1. Отсутствие целостной системы нормативно-правовых актов, которые комплексно регулируют отношения в сфере обеспечения экономической безопасности. Можно выделить не более одного десятка законов и подзаконных нормативных правовых актов в этой сфере. Все действующие политико-правовые документы устарели и требуют либо серьезной доработки, либо отмены. В первую очередь, это относится к Концепции национальной безопасности и Государственной стратегии экономической безопасности. Эти два базовых политико-правовых документа должны служить основой для формирования экономической политики государства на долгосрочную и среднесрочную перспективу. Для этого необходимо создать иерархию политико-правового обеспечения экономической безопасности.

Концепция национальной безопасности, на наш взгляд, должна содержать в себе долгосрочные программные положения, касающиеся обеспечения, в том числе, экономической безопасности. Это, в частности, вопросы, связанные с формированием национальных интересов в экономической сфере, порядка оценки и реагирования на вызовы и угрозы экономической безопасности, позиционирования России в мировом сообществе с точки зрения обеспечения защиты национальных интересов в экономической сфере.

Концепция национальной безопасности – это документ, утверждаемый Президентом Российской Федерации и распространяющий свое действие, в первую очередь, на деятельность федеральных органов исполнительной власти, которые ему непосредственно подчинены. Поэтому содержащиеся в ней программные положения не могут иметь обязательной силы для Федерального Собрания Российской Федерации. Иными словами, законодательная власть не связана в принимаемых федеральных законах положениями Концепции национальной безопасности, что может снизить эффект от применения этого документа. Для наиболее полного учета положений Концепции национальной безопасности России в федеральных законах необходимо отражать их в ежегодных посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Как показывает практика, специально подчеркиваемые Президентом РФ направления развития государства, в том числе обеспечения экономической безопасности, учитываются в деятельности Государственной Думы и Совета Федерации.

Следующее место в иерархии политико-правовых актов, направленных на обеспечение экономической безопасности, должна занимать Государственная стратегия экономической безопасности. Ее адресатами также должны являться органы исполнительной и законодательной власти. За основу можно принять имеющуюся Государственную стратегию экономической безопасности. Однако этот документ требует серьезной корректировки. Во-первых, необходимо уточнить перечень экономических интересов Российской Федерации. Во-вторых, нужно пересмотреть виды

и остроту угроз экономической безопасности Российской Федерации, а также разработать основы их мониторинга. Некриминальные угрозы необходимо дополнить теми новыми вызовами и угрозами, которые вызваны к жизни глобализационными процессами. В данную группу следует отнести возрастание монопольной власти крупного олигархического капитала.

В связи с этим необходимо в качестве самостоятельной группы выделить криминальные угрозы экономической безопасности России, включающие в себя:

Угрозы со стороны организованной и профессиональной преступности:

проникновение организованной преступности в легальную экономику;

ориентирование отдельных отраслей экономики на обслуживание интересов организованной преступности;

возникновение и развитие целых секторов криминальной экономики: наркоторговли, незаконной торговли оружием, черного рынка драгоценных металлов и драгоценных камней и др.;

проникновение организованной преступности в органы управления крупными (в том числе государственными) предприятиями;

включение российской организованной преступности в международную криминальную экономику.

Угрозы, исходящие от экономической преступности:

нарушение принципов добросовестной конкуренции;

уменьшение поступления налогов в бюджетную систему России, вызванное различными нарушениями законодательства о налогах и сборах;

сращивание экономической преступности с организованной преступностью;

хищническое уничтожение природных богатств;

искажение сведений об истинных масштабах деятельности хозяйствующих субъектов, что серьезно осложняет выработку государством мер экономической политики;

вовлечение в легальный оборот денежных средств, получаемых от незаконной деятельности.

Угрозы, исходящие от терроризма:

возможность повреждения транспортной инфраструктуры;

получение доступа террористических организаций к легальным финансовым ресурсам (бюджетным средствам, средствам банков и других финансовых учреждений и др.);

снижение инвестиционной привлекательности и, как следствие, конкурентоспособности российской экономики;

превращение терроризма в разновидность высокодоходного бизнеса (похищение человека и торговля людьми, борьба с конкурентами и др.).

В-третьих, требуют дополнительного обоснования и разработки индикаторы экономической безопасности Российской Федерации и их пороговые значения. Они призваны охарактеризовать происходящие экономические процессы на предмет их соответствия заданным параметрам функционирования экономики. Поскольку для современной российской экономики характерны постоянные изменения, в Государственной стратегии целесообразно определить лишь общие положения, касающиеся индикаторов и пороговых значений экономической безопасности (определение понятий, указание на порядок и периодичность разработки и уточнения индикаторов и пороговых значений, определение органа исполнительной власти, ответственного за их разработку).

В-четвертых, Государственная стратегия экономической безопасности должна содержать План реализации ее положений. Именно от него зависит реализация Государственной стратегии экономической безопасности. Возможны два варианта Плана реализации положений Государственной стратегии: включение его в текст Государственной стратегии либо подготовка Федеральной целевой программы реализации положений Государственной стратегии экономической безопасности. Первый вариант удобен тем, что в нем можно предусмотреть укрупненные мероприятия по обеспечению экономической безопасности на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу. В свою очередь, целевые программы напрямую связаны с бюджетным процессом и разрабатываются на срок 3–5 лет. Однако их важнейшим преимуществом является финансовая обеспеченность каждого мероприятия с указанием конкретных администраторов бюджетных средств. Поэтому полагаем, что план реализации положений Государственной стратегии экономической безопасности целесообразно воплотить в соответствующую целевую программу.

И наконец, третье место в иерархии подзаконных актов в сфере обеспечения экономической безопасности должны занимать акты федеральных органов исполнительной власти, принимаемые в рамках их компетенции в целях реализации Концепции национальной безопасности, Государственной стратегии экономической безопасности и плана реализации ее положений.

2. Отсутствие требований об экспертизе проектов законодательных актов с точки зрения обеспечения экономической безопасности. Это приводит к принятию законов, препятствующих защищенности жизненно важных интересов в сфе-

ре экономики или игнорирующих национальные интересы в сфере экономики. В целях устранения указанного недостатка необходимо при подготовке важнейших законов в соответствующих отраслях проводить их экспертизу на соответствие требованиям экономической безопасности. Это, в первую очередь, касается:

– миграционного законодательства;

– налогово-бюджетного законодательства;

– законодательства о труде и занятости населения;

– законодательства, регулирующего внешнеэкономическую деятельность (валютного, таможенного и др.);

– законодательства в сфере инвестиционной деятельности;

– других отраслей законодательства.

3. Отсутствие нормативно-правовых актов, специально направленных на поддержание экономической безопасности России. Речь идет об усилении контролирующей и правоохранительной составляющих обеспечения экономической безопасности. Следует отметить, что в этом направлении ведется активная работа. Принят Федеральный закон «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», новая редакция Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» и т. д. Однако многие аспекты обеспечения экономической безопасности не нашли должного законодательного закрепления.

4. Не созданы правовые основы мониторинга экономической безопасности. Оперативное реагирование на изменение состояния экономической безопасности предполагает создание системы ее мониторинга. Необходимость в ее формировании назрела давно, однако на федеральном уровне не разработаны научные и правовые основы мониторинга экономической безопасности. В этих целях необходимо принять отдельный нормативно-правовой акт (на уровне Президента Российской Федерации) или же включить соответствующий раздел в Государственную стратегию экономической безопасности Российской Федерации.

Примечания

1. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 9 апреля 1992 г., № 15, ст. 769.

2. Экономическая безопасность Российской Федерации [Текст]: учебник для вузов. Ч. 1 / под общ. ред. С. В. Степашина. М.; СПб., 2001. С. 8.

3. Экономическая безопасность России: Общий курс [Текст]: учебник / под ред. В. К. Сенчагова. 2-е изд. М.: Дело, 2005. С. 72.

4. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами [Текст]. М., 1978. Вып. XXXII. С. 36.

5. См.: Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237.

6. Указ Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608 [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 18, ст. 2117.

7. См.: Экономическая безопасность России: Общий курс [Текст]: учебник / под ред. В. К. Сенчагова. 2-е изд. М.: Дело, 2005. С. 82.

8. См.: Тропин, С. А. Экономическая безопасность России [Текст] / С. А. Тропин // Законодательство и экономика. 2004. № 5.

НОВЫЕ КНИГИ

Рогова, Н. Н. Совокупность преступлений: вопросы теории и практики [Текст] : монография / Н. Н. Рогова. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – 104 с.

Совершение лицом совокупности преступлений, то есть двух или более деяний, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, – весьма распространённое явление в следственной и судебной практике.

В работе анализируются определения понятия множественности преступлений, имеющие отражение в теории уголовного права, исследуется понятие отдельного (единичного) преступления как составной части совокупности преступлений, проводится классификация единичных сложных преступлений, которая зависит от объективных и субъективных признаков их составов. Предлагается несколько общих правил, определяющих, при каких условиях и в каких пределах теория уголовного права и судебная практика признают возможным поглощение одних преступных действий другими. Анализируются понятия идеальной и реальной совокупности преступлений и их виды, ошибки в судебной практике при отграничении идеальной совокупности от сложного единичного преступления, конкуренции уголовно-правовых норм и выявляются причины этих ошибок. Рассмотрены проблемы назначения наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

К. С. Лицарева

ПРОБЛЕМА КОЛЕБАНИЙ ИЕРАРХИЙ И РЕПУТАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье представлена попытка исследования проблемы колебаний литературных репутаций, жанровых иерархий в контексте современного литературного процесса.

Чем выше уровень
культурных компетенций читателей,
тем меньше их численность.
Лев Гудков, Борис Дубин

Всюду дутые фигуры.
Что ни опус – дежа-вю.
До живой литературы –
Доживу, не доживу?
Вл. Новиков

В период катастрофической невостребованности обществом некоторых гуманитарных наук, в частности литературоведения, необходимо помнить о хрестоматийных истинах – сегодня нелепо доказывать ненужность и пагубность примирения литературы и действительности. Потому что, во-первых, писатель не столько переосмысливает, сколько создает свой мир, свою «эстетическую реальность» (А. И. Герцен), свой мир, язык – ведь именно сотворение своего неповторимого мира и своего узнаваемого героя, по сути, главное, решающее, чего должен добиться сочинитель. Во-вторых, определенная часть читающей публики по-прежнему подвержена логоцентризму, воспринимает литературу как «учебник жизни» (Н. Г. Чернышевский) и прямое руководство к действию (как тонко и иронично охарактеризовал особенности национального русского характера Вячеслав Пьецух в «Новой московской философии»: «Скорее всего литература есть, так сказать, корень из жизни, а то и сама жизнь, но только слегка сдвинутая по горизонтали, и, следовательно, нет решительно ничего удивительного в том, что у нас куда жизнь, туда и литература, а с другой стороны, куда литература, туда и жизнь, что у нас не только по-жизненному пишут, но и по-письменному живут» [1]). В-третьих, каждый писатель в зависимости от степени своего таланта запечатлевает образ мира, образ России, «какой нам Бог ее дал». Правда литературы – высшая правда, а правда жизни – лишь «количественное знание» и «никак не разграничить – жизнь и словесность. Русскую литературу, даже классическую, до сих пор путают с реальностью: Наташа Ростова или Анна Каренина намного реальнее, чем женщины, действительно существовавшие в те времена» [2].

Современное общество сделало свой выбор – важный и бесповоротный: литература для русской нации перестала быть учительницей и проповедницей. Трудно согласиться с утверждением С. И. Тиминой, что «литература добровольно сложила с себя полномочия выступать в качестве рупора, общественного мнения и воспитателя человеческих душ, а места положительных героев-маяков заняли бомжи, алкоголики, убийцы и представители древнейшей профессии» [3]. К сожалению, эта «добровольность» была вынужденной. В 90-е гг. XX в. упорно культивировался слух о конце русской литературы, о ее исчерпанности или полнейшей бездарности в сравнении и с классической отечественной литературой, и с так называемой «возвращенной» литературой, и литературой русского зарубежья. Наш бывший соотечественник, литературный критик Борис Хазанов убеждал: «Русские писатели не делают открытий ни в области эстетики, ни в области мысли. Русское слово больше не учитель, а ученик. В этом смысле русская литература есть архаическое выражение, и то, что было о ней сказано, что ее будущим станет ее прошлое, – сбылось буквально, наглядным и ужасающим образом» [4]. Литература в России перестала быть государственным или антигосударственным делом, а стала – частным, личным делом прозаика, драматурга, поэта. В литературной критике появились самые фантастические прогнозы, с сокрушительной быстротой приближающиеся к реальности: «Писатель как полноценная профессия, видимо, уходит в прошлое» (О. Славникова). А Д. Галковский в «Святочном рассказе № 13», пытаясь определить место писателя в постсовременной России, прихо-

ЛИЦАРЕВА Ксения Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре новейшей литературы и методики обучения литературе, декан филологического факультета ВятГГУ
© Лицарева К. С., 2006

дит к таким же неутешительным выводам: «Роль властителя дум сегодня – это роль имиджмейкера, мастера предвыборных технологий, и тому подобных людей, выражающих волю и интересы господствующих социальных групп: политиков, банкиров-олигархов, силовиков... Здесь власть и сила, здесь активное воздействие на реальность творческой индивидуальности. На этом фоне и мелькает жалкая фигурка писателя земли русской» [5]. Оставаясь самым революционным видом искусства, стараясь подорвать общественную стабильность, всеобщую занятость реально-материальным делом, заставляя задуматься над духовными, вечными, «последними» вопросами, об относительности добра и зла, о человеке и обществе, о поиске идеала, о смысле жизни и т. д., литература в традиционном качестве оказалась ненужной капитализирующейся России. Как заметил поэт Игорь Золотусский:

Поэта нет – и нет у власти слов,
Так и у слова нет бывалой власти...
И нет любви, и доблести, и счастья
В стране поэтов и бунтовщиков.
И над страною гаснет Божий свет,
И ликом опечалился Мессия;
Поэт в России больше не поэт,
А без него Россия – не Россия.

Отечественная литература в ее традиционных формах перестала притягивать массового читателя и уступила свои позиции, во-первых, массовой литературе, в частности таким жанрам, как триллер, детектив, фэнтези, дамский роман и т. п., во-вторых, так называемой «учительской литературе», раскрывающей суть различных учений, мистических практик и медико-психологических руководств (теософия семейства Рерихов, оздоровительные методики и мировоззренческие концепции Хэй, Гогумен, Лазарева, А. Кононова, Анастасии и т. п. Кстати, по прогнозам статистики в 2006 г. станет больше: христиан – на 27%, мусульман – на 33%, индуистов – на 7%, атеистов – на 7%, безразличных к религии вообще – на 27%, приверженцев нетрадиционных религий/сект – на 67%. Это сокрушительный удар не только по популярности художественной словесности, но прежде всего по духовным основам нашего общества); в-третьих, большому количеству мемуаристики, эссеистики, склонным вытеснять «элитарную» литературу; в-четвертых, публицистике, напрямую обращенной к политике и также способной успешно вытеснять «чистую» литературу (Илья Стогоff «Революция сейчас»); в-пятых, огромному, сокрушительному по своей мощи потоку переводной зарубежной литературы (Р. Бах, М. Кундера, М. Павич, П. Зюскинд, А. Байет, Кутзее и т. д.). Лишенная поддержки общества и государства, не выдерживая конкуренции с телевидением и массмедийными технологиями, русская словесность стала искать пути «выживания», сохранения себя как культурного факта.

Это привело к необходимости коренного изменения представлений о таких понятиях, как литературный процесс, автор, читатель, иерархия жанров и репутаций, функционирование литературы и ее восприятие в обществе, доминанты идиостилевого развития современной литературы и т. д. Но главное, как точно заметила Н. Иванова, «состоялось тотальное изменение самой литературы, роли писателя, типа читателя» [6]. За последние два десятилетия неоднократно делались попытки систематизировать процесс литературного развития. Наиболее известной, хотя и не бесспорной, стала концепция стадиальности М. Эпштейна, базирующаяся на идее цикличности развития литературы, выдвинутой в трудах А. М. Скабичевского, А. Н. Веселовского. М. Эпштейн предпринял попытку разделить историю русской литературы на циклы, которые включают четыре сменяющих друг друга фазы с преобладающей эстетической константой: социальную, моральную, религиозную, эстетическую [7]. Рассматривая русскую прозу как систему, Г. Нефагина создала относительно четкую панораму современной литературной жизни, попыталась определить типологические черты «традиционной прозы», условно-метафорической прозы, «другой прозы», модернистской и постмодернистской литературы [8]. Однако систематизация и типологизация литературного процесса оказались делом трудным и сегодня далеким от завершения, прежде всего потому, что непросто следить за литературными новинками. Ведь вместо 190 крупных государственных издательств в Российской Федерации лицензировано почти 15 тысяч. Книжный бизнес один из самых развивающихся: в год выходит более 70 тысяч новых книг, прибыль – более 1 млрд долларов в год. Творчество современных писателей является эволюционирующим, «живым», да и сам литературный процесс «подобен многообразной жизни, которая движется не однолинейно, а сразу по всем направлениям, и только так, с учетом всех вариантов, может быть понята» (А. Кушнер) [9]. Литература сегодня – это «самоорганизующаяся, многоукладная и разноуровневая система» (С. Чупринин).

Сегодня актуальной литературоведческой проблемой является рассмотрение словесно-художественных произведений в их отношениях не только к автору, но и к читающей публике, воображаемому и конкретному читателю. Герменевтика как методологическая основа гуманитарного знания способствует более разностороннему и глубокому осмыслению понятий «понимание»,

«интерпретация», «смысл», «диалогичность», а также важнейших вопросов: взаимодействия и «взаимоотношения» читателя и автора; «горизонта ожиданий» читателя, природы успеха, причин популярности и т. п.

Новое значение приобретают ранее высказанные концепции и идеи: теория Д. С. Лихачева о закономерностях и антизакономерностях в развитии литературы, состоящей из «отдельностей» двух видов – традиционных и вновь возникающих [10]; теория взрыва Ю. М. Лотмана [11], концепция диалогических отношений М. М. Бахтина, определяющая безграничность диалогического контекста и бесконечную подвижность смыслов [12]. Теперь схема литературный «Верх» – «Низ», бытовавшая в советском литературоведении, и схема литературный «Верх» – «Беллетристика» – «Низ», упрочившаяся в отечественной теории литературы в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., заметно усложнились.

Это обусловлено прежде всего тем, что в русской литературе XX в. появился такой феномен, как массовая литература. «Массовая литература» – термин семантически емкий, способный обозначать и то, что не получило высокой оценки или не было замечено образованной публикой (по известной классификации Ю. М. Лотмана, к «массовой» были отнесены стихи Ф. И. Тютчева пушкинской эпохи), и то, что традиционно обозначает ценностный «низ» литературной иерархии – стереотипное, стандартное чтиво для массового читателя, мало или совсем не приобщенного к классической, «высокой» литературе. К создателям такой популярной/тривиальной (бульварной) паралитературы относятся по-разному. Так, И. А. Гурвич убежден, что писатели, ориентируясь на тот или иной известный образец «высокой» литературы, «вольно или невольно понижают его до уровня своих возможностей, прибегая к упрощениям, утрировке, схематизации» [13]. В. М. Жирмунский считает, что писатели «превращают индивидуальные признаки великого литературного произведения в признаки жанровые, индивидуальную комбинацию приемов фиксируют как каноническую» [14]. Однако следует учитывать, что критерии художественности, общественная и эстетическая значимость – категории не абсолютные, исторически, а иногда кардинально изменчивые. Ведь у каждой историко-культурной эпохи свой тип художественного сознания, своя система ценностных координат, свои кумиры. И это объясняет постоянное движение жанров, литературного «низа» и «верха», смену репутаций. Еще в 1861 г. Ф. М. Достоевский определил свое писательское кредо – «доставление народу как можно более приятного и занимательного чтения» [15].

Особенности развития отечественной литературы в последние десятилетия способствовали возникновению промежуточных (маргинальных) жанров, трансформации жанров, моделированию новых жанровых форм на основе традиционных жанровых канонов; реабилитации методов массовой культуры. Показательным примером маргинальности стало творчество бытописателя и философа пограничной зоны В. Пелевина. Специфика времени – жизнь на стыке двух эпох – позволила экспериментировать, достигая необычных художественных эффектов, основанных на интерференции: слияние миров рождает третий мир, переход из одной пустоты в другую пространственную пустоту и, наконец, исчезновение реальности. Так, различные литературные критики, рассуждая о жанре романа «Чапаев и Пустота» В. Пелевина, не могут прийти к единому мнению не только о жанровой природе этого произведения, но даже о его принадлежности к конкретному виду искусства. Жанр «Чапаева и Пустоты» определяется как рыцарский роман, сатирический роман, басня, буддистская сутра с фольклорными русскими элементами, мифологизированный роман, роман-антианекдот, дзен-буддийский боевик с элементами фантасмагории, эссе, психологический роман, режиссерский сценарий, психоаналитический роман, роман-анекдот, философский роман.

Произошел переход от монокультуры к многомерной культуре, содержащей множество субкультур. Сейчас нет единой иерархии ценностей, единых критериев оценки художественных произведений, нет единого взгляда на литературу, да и само понятие «литература» кардинально изменилось – это «мультилитература» (С. Чупринин), адресованная не обобщенному Читателю, а удовлетворяющая потребности разнонаправленных аудиторий:

– качественная литература, литература категории «А», традиционная, высокая, серьезная, внежанровая литература, являющаяся наиболее художественной, «элитной», «открывающая человеку нечто новое: о нем самом, о мире»;

– массовая литература, стереотипизирующая любую художественную идею, упрощенная, тривиальная, «как волшебная сказка, подтверждает то, что человеку давно известно»;

– офис- (миддл-, «серьезность light»-) литература, создающая для читателя – представителя среднего класса – комфортную текстовую среду и «не требующая титанических усилий над вопросом “Что он хотел этим сказать?” и в то же время не сводящаяся к “двум притопам, трем прихлопам”» (Е. Ташкова);

– сетература – литература Сети, Интернета, Повсеместно Протянутой Паутины, базирующаяся на таких понятиях, как гипертекст, многоавторность (возможность коллективного творчества), игра, гестбук, онлайн и оффлайн.

В последнее десятилетие произошла смена стратификации «по вертикали» стратификацией «по горизонтали», дифференциация литературного процесса. У каждого в этом развивающемся пространстве, полярно ограниченном высокой литературой и клишированным лубком, своя ступень, своя ниша. «Поэтому-то и представляется целесообразным, отказавшись от обнаружившей свою архаичность концепции “единого потока” и – соответственно – “единых критериев оценки”, ввести понятие мультилитературы, позволяющее взглянуть на словесность как на сложно структурированный конгломерат не только текстов, но литератур – самых разных, зачастую конфликтующих между собой, но в равной степени имеющих право на существование» [16].

Полифоничность, многоуровневость современной отечественной литературы доказывает, что наша словесность развивается в необходимом и закономерном режиме диалога «верха» и «низа». Это способствовало усилению эклектичности литературного репертуара – теперь каждый читатель может «открыть» среди публикующегося свое собственное событие, выбрать книгу по настроению, ситуации. А выбор читателя обусловлен не только его желанием или «горизонтом ожиданий», но и его вкусом и компетенцией. Особая роль принадлежит профессиональному читателю – филологу и литературному критику, задачей которого является максимально доступный и объективный анализ литературного произведения, позволяющий читательской аудитории становиться более разборчивой и компетентной, расширение художественного кругозора публики.

Но, пережив иллюзии гласности времен перестройки, жители России потеряли доверие к печати как к источнику информации и оценки, стали относиться ко всей сфере массовых коммуникаций скептически, сдержанно, потребительски. Поиск легкого развлечения, психотерапии, «расслабления» характерен для читателей газет, журналов, книг и для кино- и телезрителя.

Разгосударствление системы воспроизводства и распространения культуры, последовательное одомашнивание досуга, обеднение его структуры – все это сказалось и на сокращении тиража и утрате ведущей роли газет и толстых литературно-художественных журналов, и на сокращении в десятки раз аудитории кинотеатров, изменении ее состава и ценностных установок.

К числу «постоянно читающих» книги себя относят 26% опрошенных в 2005 г. россиян, 52% жителей нашей страны не покупают книги, 37% не читают их, а 34% вообще не держат в доме. Если в 1995 г. семьи с библиотеками свыше 500 книг составляли 10% российского населения, то в 2002 г. – 4%; фактически не имели большой и структурированной домашней библиотеки (вовсе не было книг либо насчитывалось до 100 изданий) 58% россиян, тогда как теперь – 67%. Все это обусловлено прежде всего снижением уровня жизни: в 2003 г. 20% россиян приходилось часто или время от времени ограничивать себя в потреблении света или тепла, 40% – в еде, 55% – в покупке одежды и обуви (Б. Дубин. Читатель в обществе зрителей).

Хотя «ряды пророков поредели, а количество камней, которыми их забрасывают, везде и всюду увеличилось во сто крат, и каждый день творить молитву все труднее и труднее» [17], хотя обстановка неблагожелательна для развития культуры (особенно серьезной литературы), в России все происходит не благодаря, а вопреки. Хочется верить – вопреки всему все великое будет жить, а незначительное отомрет. Ведь в конце концов – искусство вечно.

Примечания

1. *Пьецух, В. А.* Новая московская философия [Текст] / В. А. Пьецух. М., 1990. С. 208.

2. Иванова, Н. Сомнительное удовольствие. Избирательный взгляд на прозу 2003 года [Текст] / Н. Иванова // Знамя. 2004. № 1. С. 181.

3. *Тимина, С. И.* Современный литературный процесс (1990-е гг. – начало XXI в.) [Текст] / С. И. Тимина // Современная русская литература: учебное пособие. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2005. С. 4.

4. *Хазанов, Б.* Есть ли будущее у русской литературы? [Текст] / Б. Хазанов // Вопросы литературы. М.: Наука, 1995. Вып. 3. С. 103.

5. *Галковский, Д.* www.samizdat.Aha.ru [Электронный ресурс] / Д. Галковский.

6. *Иванова, Н.* Гибель богов [Текст] / Н. Иванова. М., 1993. С. 283.

7. *Эпштейн, М.* После будущего. О новом сознании в литературе [Текст] / М. Эпштейн // Знамя. 1991. № 1. С. 217–230.

8. *Нефагина, Г. Л.* Русская проза конца XX века [Текст] : учебное пособие / Г. Л. Нефагина. М., 2003.

9. *Кушнер, А.* Аполлон в снегу: Заметки на полях [Текст] / А. Кушнер. Л., 1991. С. 99.

10. *Лихачев, Д. С.* Закономерности и антизакономерности в литературе [Текст] / Д. С. Лихачев // Русская литература. М., 1986. № 3. С. 27–29.

11. *Лотман, Ю. М.* Культура и взрыв [Текст] / Ю. М. Лотман. М., 1992. С. 209.

12. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. М., 1979.

13. *Гурвич, И. А.* Беллетристика в русской литературе XIX века [Текст] / И. А. Гурвич. М., 1991. С. 68.

14. *Жирмунский, В. М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы [Текст] / В. М. Жирмунский. Л., 1978. С. 227.

15. *Достоевский, Ф. М.* Книжность и грамотность [Текст] / Ф. М. Достоевский // Полн. собр. соч: в 30 т. Л., 1978. Т. 19. С. 44.

16. *Чупринин, С.* Звоном щита [Текст] / С. Чупринин // Знамя. 2004. № 11. С. 56.

17. *Канович, Г.* Сюжет для извечной словесности [Текст] / Г. Канович // Московские новости. 1996. 12 дек.

О. И. Федотов

СОНЕТЫ ИЗ СТРАНЫ СТИХОВ (СОНЕТЫ В СТРОФИЧЕСКОМ РЕПЕРТУАРЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА)

В статье прослеживаются ведущие лейтмотивы и подробно характеризуются четыре периода эволюции Сонетианы В. Набокова.

Пожалуй, наибольший интерес в строфическом репертуаре Владимира Набокова-Сирина как стихотворца представляет его Сонетиана. Во-первых, к сонету поэт обращался едва ли не чаще, чем к любой другой твёрдой форме. Во-вторых, сонет был как будто специально создан для его поэтического дара. Строфа, обладающая завидной родословной, аристократизмом, виртуозной структурой, требующей вдобавок к вдохновению трезвого математического расчёта или изощрённой интуиции шахматного композитора, как нельзя лучше соответствовала основным параметрам его личности и идиостиля. Недаром Набоков постоянно вспоминает о сонете в своих многочисленных суждениях о поэтической форме творчества, содержащихся в его литературоведческих работах и художественных произведениях («Камера обскура», «Лолита», «Подвиг», «Адмиралтейская игла», «Как-то раз в Алеппо», «Сёстры Вейн», «Бледное пламя», «Смотри на арлекинов», «On translating “Eugene Onegin”»). Недаром так эффектно именно его использует он в жизнеописании Чернышевского в 4-й главе «Дара». Недаром, наконец, среди его поэтических переводов так много сонетов Шекспира, Ронсара и других не менее знаменитых западноевропейских поэтов. Всего в нашем материале [1] содержится 28 произведений, которые можно отнести к каноническим либо аномальным формам сонета. В хронологическом порядке, по мере их написания или публикации, они выстраиваются следующим образом:

1. Счастье («Я знаю: пройден путь разлуки и ненастья...»), <до 1916 г., года издания первого стихотворного сборника поэта (Набоков В. В. Стихи. Петроград: Художест.-графич. заведение «Унион», 1916)>; AbAb AbAb CdC dCd; Я6. (С, 466).

2. «Нагая, грезишь ты за гранью полутени...», <стихотворение из того же сборника, но не вошедшее в него, сохранилось на гранках в архиве газеты «Речь»> (РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 3052); AbAb AbAb CdCdCd; Я6. (С, 612).

3. «Ты помнишь, как губы мои онемели...», <до 1916>; AbbA AbbA cDcDcD; Ам4. (С, 487).

4. Сонет («Вернулся я к моей любви забытой...»), (написан до 1918 г., предположительно во время обучения Набокова в Тенишевском училище (с 1910 по 1917 г.); впервые увидел свет в альманахе «Два пути» (Пг., 1918) вместе со стихами его школьного товарища А. В. Балашова); учитывая, что из-за революционных событий публикация альманаха была задержана, время написания включенных в него 12 стихотворений юного Набокова следует отодвинуть ещё на год-полтора; AbAb|bAbA|ccD|eDe [2]; Я5. (С, 56).

5. Сонет («Безоблачная высь и тишина...»), (написан до 1918 г., опубликован в том же альманахе); aBBa|aBaB|CdC|dEE; Я5. (С, 58–59).

6. «Я незнакомые люблю вокзалы...», (до 1918 г., опубликован в том же альманахе); AbbA bAAb cDe cDe;Я5. (С, 59).

7. «Вечер тих. Я жду ответа...», 2 августа 1918, AAAbAbAAbA – аномальный сплошной безголовый сонет, с тенденцией к тавтологической рифме в 1-м, 5-м и 10-м стихах; Х4. (С, 232).

8. Поэту («Болота вязкие бессмыслицы певучей...», 2 сентября 1918; AbAbCCddEEfHHf – аномальный сонет, с автономной рифмовкой в катренах и со смежной рифмовкой во втором катрене; Я6. (С, 86).

9. Большая Медведица («Был грозен волн полночный рёв...»), сентябрь 1918, Крым; aBaB cBc – полусонет, с экспериментальным рисунком пиррихиев, образующих контур Большой Медведицы; Я4. (С, 97).

10. Господства (IV часть из цикла «Ангелы») («Заботлива божественная мощь...»), 26 сентября 1918; aBBa BaBa CCd EEd; Я5. (С, 137).

11. После грозы («Всё реже, реже влажный звон...»), <апрель 1919> Олеиз; aaBcBBc – опрокинутый полусонет; Я4. (С, 93).

12. Акрополь («Чей шаг за мной? Чей шелестит виссон?..»), 7 июня 1919, Англия; aBaB aBaB ccD eeD; Я5. (С, 234).

13. «Разбились облака. Алмазы дождевые....», 24 августа 1919; AbbAcAc – полусонет; Я6(3), заключительный стих укорочен вдвое (С, 116).

14. Каштаны («Цветущие каштаны, словно храмы...»), 20 мая 1920, Кембридж; AbbAccDeDeAffA – опрокинутый сонет, с повторяющимся последним словом первого и заключительного стихов – «храмы»; Я5. (С, 150).

15. Облака II («Закатные люблю я облака...»), 17 мая 1921, Берлин; aBBa aBBa ccD eeD; Я5. (С, 169).

16. Жизнь («Шла мимо Жизнь; но ни лохмотий...»), б/д (опубликовано в сб. «Горний путь» в 1923 г.; AbACbCb – опрокинутый полусонет; Я4. (С, 177).

ФЕДОТОВ Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор Высшей школы педагогики Ченстохова, академик МАНПО.
© Федотов О. И., 2006

17. Храм («Тучи ходят над горами...»), <4 декабря 1921>; AbbAcDDcEffEhh – аномальный сонет с автономной рифмовкой в катренах; Х4. (С, 145).

18. Сонет («Весенний лес мне чудится... Постой...»), <25 июня 1922>; aBBa aBBa CCd EdE; Я5. (С, 70).

19. Автомобиль в горах. *Сонет* («Как сон, летит дорога, и ребром...»), <20 апреля 1924>; aBBa aBBa CCd EdE; Я5. (С, 281).

20. Смерть Пушкина («Он первый подошёл к барьеру; очи...»), <11 мая 1924>; AbbA AbbA ccD eDe; Я5. (С, 282–283).

21. Петербург. Три сонета 1. («Единый путь – и множество дорог...»), <24 августа 1924>; aBBa aBBa CCd EdE; Я5. (С, 284–285).

22. Петербург. Три сонета 2. («Терзаем я утраченными днями...»), <24 августа 1924>; AbbA AbbA ccD eDe; Я5. (С, 285).

23. Петербург. Три сонета 3. («Повеяло прошедшим... Я живу...»), <24 августа 1924>; aBBa aBBa CCd EdE; Я5. (С, 285–286).

24. Страна стихов («Дай руки, в путь! Найдём среди планет...»), 26 октября 1924; aBBa aBBa CCd EEd; Я5. (С, 295).

25. Три шахматных сонета 1. («В ходах ладьи – ямбический размер...»), <30 ноября 1924>; aBBa aBBa CCd EdE; Я5.(С, 286–287).

26. Три шахматных сонета 2. («Движенья рифм и танцовщиц крылатых...»), <30 ноября 1924>; AbbA AbbA ccD eDe; Я5. (С, 287).

27. Три шахматных сонета 3. («Я не писал законного сонета...»), <30 ноября 1924>; AbbA AbbA ccD eDe; Я5. (С, 287–288).

28. «Что скажет о тебе далёкий правнук твой...», 1937 (1934?) (в составе романа «Дар»; 4-ю главу открывает хвостовая терцетная часть и закрывает головная катренная); abba abba CCd EEd; Я6. (С, 525).

Первые три сонета были включены в юношескую книгу Набокова «Стихи», 1916, о которой впоследствии даже сам автор не мог вспоминать без иронии. Экземпляр именно этого сборника «принёс как-то в класс» Тенишевского училища, где учился тогда дебютант-стихотворец, его директор В. В. Гиппиус «и подробно <...> разнёс при всеобщем, или почти всеобщем, смехе» [3].

Все стихотворения, включённые в сборник, связанные, видимо, с одним и тем же адресатом – Валентиной (Люсей) Шульгиной [4], были посвящены и написаны ей, так сказать, в частном порядке, а потому, согласимся с «растерзавшими» книжку рецензентами, действительно, сколько-нибудь серьёзной художественной ценности собой не представляют.

Три из них оказались сонетами (№ 1–3): два из которых, под № 1, 3, были опубликованы, а один (№ 2), видимо, был в последний момент забракован и в книгу не попал, но случайно сохранился в гранках. Для нас они интересны именно как опыты начинающего сонетиста. Директору училища и в самом деле достался лакомый кусочек для критики. Он вдоволь мог покуражиться над типичными для молодого человека фантазиями, навеянными первыми любовными томлениями. Это ещё не реальная любовь, а некая её наивная имитация по расхожим образцам «взрослых» поэтов, причём не настоящих, а по большей части «роковых» сочинителей «жестоких романсов». Упоение первым прикосновением, первым «глубоким» поцелуем, первыми пылкими объятиями, предвкушением запретной радости полного обладания или только её возможности сменяется ламентациями по поводу разлуки (разумеется, на день-другой!), которая, заметим, уподобляется «ненастью».

Много нареканий, естественно, вызвали и просчёты формального свойства. Несбалансированная эклектическая стилистика, банальные интонации «жестокого романса», образно-смысловые и синтаксические неловкости, типа: «отдам себя твоей влюблённой (?) власти», неуклюжие enjambements: «Ты ждёшь моей весны(?), и я тебя хочу (?) / Обнять; хочу в огне бездонных наслаждений / Сгореть», абстрактные, ничего не выражающие эпитеты («обними меня *чудесными* руками», «*лазурными*, *живыми* мотыльками»), наконец, такие предосудительные ходульные красивости, как: «акация чуть-чуть, *алмазами* блестя, / Щекочет мне лицо сырыми лепестками», «И губы чуть прижать к *лилейному* плечу...», «С тобой, *мечта любви*, не страшно умереть...», «Движенья *зефира* и *огненной трели*. / То пел *неземной соловей* в вышине...» – всё это свидетельствовало, конечно, не о бездарности [5] юного поэта, а о полном отсутствии школы и должного опыта.

В техническом отношении первые сонеты Набокова также практически ничем не напоминают устойчивый стереотип, который последовательно выработался в творчестве зрелого поэта. Из 20 канонических сонетов [6] итальянская и французская конфигурация рифмовки распределилась, как 5 [7] к 15 [8]. Иными словами, итальянская форма так и осталась «пробой пера», а французская была принята как основная. Особенно впечатляет заключительная серия из одиннадцати сплошь французских сонетов.

Следующий миницикл Сонетианы Набокова связан с его участием в альманахе «Два пути» (1918). 8 стихотворений принадлежали соученику Набокова по Тенишевскому училищу Андрею Балашову, 12 – Набокову. Сонеты (№ 4–6) составляли четвертую часть его публикации, что сознавал, видимо, и сам автор, с неуклюжей юношеской иронией обронивший в заключительном

стихотворении цикла: «И левой рукою *сонеты* пишу / О розе... Не правда ль, смешно?» [9].

Посмотрим, действительно ль «о розе» [10], да ещё «левой рукой» написаны эти сонеты? В полном соответствии с общей тематикой и проблематикой всей подборки три включенных в её состав сонета отражают в целом ещё вполне бесконфликтное растворение лирического героя в окружающем его мире, безраздельное приятие им – в пантеистическом духе – природы и не столько ещё переживание, сколько предвкушение назревающих любовных радостей. Возвращение к «забытой» любви в тексте № 4 синтаксически завершается в первом же стихе, поскольку это пока не реальная, а только ожидаемая любовь. Недаром в дальнейшем изложении незамысловатые любовные диалоги разворачиваются исключительно в растительном мире: белая, «как фарфор», берёза беседует со своим контрагентом «зелёным лесом», «лучами перевитым», «Иван-да-Марья» «...сам с собою спор / Завёл...», «Над сыроежкой домовитой / Смеялся добродушно мухомор...». И даже в самой концовке сонета, «чьи-то вздохи», вспомнившиеся лирическому герою «у ручья», ассоциируются у него не с реальной девушкой, а с «незабудками в платьицах из ситца», которые «смотрели грустно, как шалит струя».

Примерно ту же идиллическую картину, на этот раз в зимнем варианте, наблюдаем в следующем сонетном тексте (№ 5): «Безоблачная высь и тишина... / Голубоватый снег; оцепененье; / Ветвей немых узорное сплетенье – / Моя страна – волшебная страна». Душа молодого человека, пребывающая «в покое и кротком смиренье», «влюблена» в нечто романтически-«таинственное». Потому-то ему и грезится, что за «берёзкой стройной под дымкой снежной» скрывается заколдованная «девушка». В этом же образном ряду, похоже, следует искать и «усталую ёлочку», также обремененную тяжкой «снеговой ношей», от которой он готов её освободить...

Заключительный сонет «Двух путей» (№ 6) «Я незнакомые люблю вокзалы...» меняет не только дислокацию лирического героя, перенося его «в пустынные тоскующие залы» ночных вокзалов в незнакомых городах, но и его настроение. Вглядываясь в тревожную даль чёрной ночи, он угадывает в ожидающем его распахнутом мире не только безмятежное спокойствие, в общем-то, живущей в гармонии с самой собой природы, но и символический «алый взор» неких «тоскующих великанов», который «будет миг: метнётся» после «зелёного луча семафора». Здесь, думается, не обошлось без косвенного воздействия поэтической натурфилософии Блока, влияние которой легко угадывается в «соседнем» стихотворении «Вечный ужас. Чёрные трясины...» [11]: «Вечный ужас. Чёрные трясины. / Вопль, исполненный тоски ночной. / Бегемота с шеей лебединой / Силуэт над лунною водой. // Тех существ – чудовищ без названья – / Кто тебе позволил пережить? / Кем тебе дано самосознание, / Белый зверь, умеющий грешить?».

Итак, второе представление начинающего поэта не обошлось без осознанного культивирования сонетов: из двенадцати стихотворений, включённых в альманах «Два пути», три были написаны в данной жанрово-строфической форме. В содержательном плане они нисколько не выделялись из общего фона. С точки зрения поэтического мастерства это – произведения, типичные для дебюта, для так называемой пробы пера. Юный сонетист ни в коей мере не отступает от общепринятых правил, если не считать графического оформления двух первых сонетов: рутинные пробелы между катренами и терцетами заменены их сдвигом по отношению друг к другу, расположением, напоминающим композицию шахматных клеток по вертикали. С метрической точки зрения все три представляют собой самый распространённый силлабо-тонический аналог итальянского 11-сложника – 5-стопный ямб. Какой-либо определённый способ рифмовки – итальянский, французский или английский – начинающий поэт ещё не облюбовал; пока он, как бы приглядываясь к ним, варьирует первые два.

Следующая серия из пяти сонетов, написанных во время пребывания поэта в Крыму (№ 7–11), знаменовала собой некоторый отход от преувеличенно правильных ученических прописей и повышенный интерес к эксперименту. Только одно стихотворение – «Господства» (№ 10) – в целом сохраняет узнаваемые сонетные очертания благодаря каноническому числу стихов и принятым нормам рифмовки. Оно включено в состав цикла «Ангелы», посвящённого старшему другу и наставнику молодого поэта, композитору Владимиру Ивановичу Полю. Выполняя просьбу Набокова-отца, В. И. Поль постарался «повлиять» на молодого поэта и направить его мысли на то, что лично привлекало его самого, – на мистику [12]. Те же, в сущности, идеи внушал Набокову еще один чрезвычайно авторитетный для него человек – блестящий поэт и склонный к оккультным штудиям мистик Максимилиан Волошин [13].

Устойчивый интерес к христианской демонологии, особенно к существам, способным летать и обитающим, естественно, в небесах, т. е. прежде всего к ангелам [14], побудил Набокова-Сирина [15] глубоко изучить литературу вопроса и создать впечатляющие поэтические портреты всех девяти чинов ангельского клира, как они виде-

лись Псевдо-Дионисию Ареопагиту [16]. Представителям среднего звена – Господствам – досталась сонетная форма, призванная, очевидно, подчеркнуть в обладателях этого грозного имени заложенное в них искони единство противоположностей («...само непреклонное господство <...> преодолевает всякое ослабляющее порабощение» [17]): «И ангелы глядят, как зреет нива, / Как луг цветёт. Когда ж нетерпеливо / Мы предаёмся гибельным страстям // И поздняя объемлет нас тревога, – / Слетает в мир посланник чуткий Бога / И небеса указывает нам».

Особняком стоит вполне традиционный по жанровой ориентации (Art poetique) [18], но аномальный по своей архитектонике сонет (№ 8), обращённый не столько к абстрактному безымянному «Поэту», сколько к самому пишущему. Открывая сборник «Горний путь», стихотворение с важной велеречивостью декларирует общетеоретические установки автора. Отчасти из-за характерного александрийского стиха, отчасти из-за свойственной ему назидательной интонации напутствие самому себе странным образом напоминает почтенный «катехизис» французского классицизма, а именно поэму Никола Буало «Поэтическое искусство». 6-стопный ямб с цезурой после 3-й стопы, видимо, спровоцировал и неуместную для сонета смежную рифмовку во втором катрене. Стоило поменять местами 2-й и 3-й стихи в первом катрене, а также 11-й и 13-й стихи в последнем, и 14-стишие лишилось бы сонетного статуса, даже в его аномальном варианте.

Три других текста откровенно экспериментальны: два полусонета (№ 9 и 11) и один – безголовый (№ 7).

Присмотримся к последнему. «Вечер тих. Я жду ответа...», 2 августа 1918 (№ 7), – аномальный безголовый сонет со сплошной, на 2 созвучия, рифмовкой (AAAbAbAAbA); при этом 1-й, 5-й и 10-й стихи относительно тавтологичны, т. е. совпадают не полностью, а частично. Лежащее в основе катренной части четверостишие ни в начале, ни в завершении текста не имеет необходимой автономности. Таким образом, напрашивается вывод: безапелляционно квалифицировать лишенное дополнительных графических сигналов десятистишие как безголовый сонет было бы неправомерно. Строфическая его природа, скорее, амбивалентна, чем однозначна. Далека от классического стандарта и его метрическая форма – 4-стопный хорей. С содержательной стороны, однако, «Вечер...» может быть с полным правом присоединён к творческим поискам духовно-конфессионального плана. Жаждущий истины взор лирического героя, как и в «Ангелах», обращён к небу. Правда, на этот раз он взыскует к Магомету. Тавтологическая рифма актуализирует градацию: «Вечер тих. *Я жду ответа...*» – «Безрассудно *жду ответа...*» – «Я взываю. Нет *ответа...*».

Эклектичность религиозных воззрений молодого поэта не должна нас смущать. Как отмечал хорошо знавший его с юношеских лет Глеб Струве, «у Набокова среди ранних есть много весьма фальшивых стихотворений на религиозные темы (очень трогательных иногда) – религиозности в нём никогда ни на йоту не было» [19]. Пожалуй, это суждение страдает излишней категоричностью. Набоков упорно и, надо сказать, не без успеха обращался к религиозной тематике на протяжении всего своего творческого пути. Лучшие его произведения в этом роде, такие, как «Садом шёл Христос с учениками...» [20], 6 ноября 1921, Кембридж, «Когда я по лестнице алмазной...», 21 апреля 1923, и «Мать» [21], 1925, в высшей степени красноречиво свидетельствуют если не об ортодоксально-последовательной вере, на отсутствии которой, видимо, и настаивал Г. Струве, то уж, во всяком случае, об искреннем стремлении обрести её, приобщиться к духовным ценностям христианства, а может быть, и других конфессий.

Полусонеты, как известно, также не относятся к вполне законным каноническим сонетным модификациям. Они вполне способны трактоваться как повторяющиеся или одиночные семистишия. Очень важно, чтобы их архитектоника совпадала с архитектоникой половинки «полнометражного» сонета. А поскольку катренная и терцетная части у полусонета сокращены вдвое, один рифмочлен у них обязательно должен быть общим.

Полусонет «Большая Медведица» (№ 9), написанный в сентябре 1918 г. в Крыму, подтверждает свою принадлежность к аномальной форме сонета ещё и своей специфической графикой: между катреном (aBaB) и терцетом (cBc) соблюдается графический пробел. С другой стороны, как известно, именно этот *полусонет* оказался самым ярким примером практической реализации ритмической теории Андрея Белого, в результате которой соединение прямыми векторами полуударений в схеме 4-стопного ямба оборачивалось контуром заглавного созвездия [22].

Менее очевиден второй случай (№ 11). Стихотворение «После грозы» («Всё реже, реже влажный звон...»), <апрель 1919>, Олеиз, не имеет столь убедительной графики и установки на определённое ритмическое задание, как «Медведица»; схема его рифмовки – aaBcBBc – скорее напоминает нам об опрокинутом полусонете, написанном, кстати, всё тем же универсальным и в ритмическом отношении наиболее апробированным 4-стопным ямбом. Идея «опрокинутости» в данном случае может быть оправдана только

тем, что звуковые сигналы «Всё реже, реже влажный *звон*», по всем физическим законам, должны *запаздывать* по сравнению со световыми, а не опережать их: «кой-где *светлеет* небосклон; / отходят тучи грозовые, / *жемчужным краем* бороздя / *просветы* пышно-голубые, / и *падают лучи* косые / сквозь *золотую* сеть дождя».

Иными словами, нарочито опрокинутый полусонет в данном случае восстанавливает реальную последовательность метеорологических событий: сначала сеть дождя приобретает *золотой* цвет, поскольку в эту сеть *падают косые лучи* солнца, затем в *жемчужных краях* грозовых туч появляются *пышно-голубые просветы*, затем кой-где *светлеет небосклон,* и только после всего этого всё реже и реже доносится до слушателя *влажный звон* громовых раскатов.

В апреле 1919 г., образно говоря, «после грозы» катастрофической гражданской войны, Набоков вместе с семьей навсегда покинул свою Родину. С 1 октября 1919 по июнь 1922 г. продолжался Кембриджский период в его жизни и творчестве, с эпизодическими выездами в Берлин, по окончании которого сонетный корпус поэта увеличился ещё на семь единиц. Три из них (№ 12, 15 и 18) можно отнести к эталонно-классическим образцам этой жанрово-строфической формы, два (№ 14 и 17) – к аномальным 14-стишиям и два оставшихся (№ 13 и 16) – к уже, видимо, вполне легализовавшейся в сознании стихотворца форме полусонетов.

«Акрополь» («Чей шаг за мной? Чей шелестит виссон?..»), 7 июня 1919, Англия, «Облака. II» («Закатные люблю я облака...»), 17 мая 1921, Берлин, и «Сонет» («Весенний лес мне чудится... Постой...»), <25 июня 1922> последовательно в канонически безупречной форме реализуют наиболее расхожие в лирике Набокова мотивы.

В первом стихотворении, что примечательно, вслед за точной датой проставлено и место его создания, по всей видимости, для того, чтобы актуализировать в воспринимающем сознании сложно опосредованные ассоциативные связи породивших соответствующее лирическое настроение реалий. Речь, скорее всего, идёт о созерцании вывезенных в Англию античных достопримечательностей Греции, хранящихся в Британском национальном музее. Глядя на них, лирический герой мысленно переносится не просто в реальную Грецию [23], к руинам Акрополя, но и вглубь «былых времён, сквозь сумрак молчаливый...».

Впрочем, возможны и иные, не менее действенные и таинственные стимулы для путешествия во времени и пространстве. Как признаётся уже зрелый писатель в своей автобиографической повести «Другие берега», сама атмосфера средневекового университетского городка располагала к вольному полёту фантазии: «...что-то было такое в Кембридже... Не футбол, не крики газетчиков в сгущающейся темноте, не крепкий чай с розовыми и зелеными пирожными, – словом, не преходящая мода и не чувствам доступные подробности, а тонкая сущность, которую я теперь бы определил, как приволье времени и простор веков. На что ни посмотришь кругом, ничто не было стеснено или занавешено по отношению к стихии времени; напротив, всюду зияли отверстия в его сизую стихию, так что мысль привыкала работать в особенно чистой и вольной среде. Из-за того, что в физическом пространстве это было не так, т. е. тело стесняли узкий переулок, стенами заставленный газон, темные прохлады и арки, душа особенно живо воспринимала свободные дали времени и веков».

Два других классических сонета кембриджского периода посвящены стержневой теме ранней набоковской лирики – радостному слиянию с миром природы. Один из них «Закатные люблю я облака...», представляющий II часть «двойчатки» «Облака», опубликованной в газете «Руль» 22 мая 1921 г., был написан в Берлине пятью днями раньше. В нём причудливым образом объединяется тема, скажем так, «приволья времени и простора веков», только что зафиксированная нами в связи с «Акрополем», с темой любовного свидания (соединения) символически переосмысленных природных явлений. Если в катренной части лирический герой предпринимает уже знакомый нам вояж в необозримое прошлое: «...Душа моя строга, / овеяна безвестными веками: / с кудрявыми багряными богами / я рядом плыл в те вольные века», – то в терцетной части, обернувшись «облаком в вечерний чистый час», он воссоединяется с под стать ему перевоплотившейся возлюбленной: «Я облетал всё зримое кругом, / блаженствовал и, помню, был влеком / жемчужной тенью, женственною тучей».

Олицетворяющий эпитет («*женственною* тучей»), коррелирующий со сравнением в I части «двойчатки» «На солнце зулотом сверкает дождь летучий...» («и туча белая из-за лиловой тучи / встаёт, как голое плечо»), привносит в текст столь свойственную не только поэзии, но и прозе Набокова парадоксальную модальность «любовного пейзажа».

Примерно так же развёртывается аналогичная образная мысль в «Сонете» («Весенний лес мне чудится... Постой...»), датированном условно по времени публикации 25 июня 1922, но реально написанном несомненно раньше этой даты. В сущности, он закрывает собой Кембриджский период творчества, завершившийся как раз в июне 1922 г., когда после успешной сдачи бакалаврских экзаменов поэт возвращается в Берлин, к осиротевшей [24] семье. Трудно со всей опреде-

лённостью сказать, к кому обращено это стихотворение: или к постоянной собеседнице лирического героя, возлюбленной, или, скорее, к трагически ушедшему из жизни, но не оставившему сына отцу. Ответ в пользу как того, так и другого предположения можно найти в корреспондирующих с данным сонетом двух весенних стихотворениях, приуроченных к Пасхе: «Пасха», <16 апреля 1922>, и «Весна» («Ты снишься миру снова, снова...»), <июнь 1922>, написанных по свежим впечатлениям от ужасной потери. В первом звучит прямое обращение к духовно близкому, но уже мёртвому человеку, разлука с которым не укладывается в сознание, а грядущий праздник Воскресения Христова оставляет надежду на ещё одно чудесное преодоление смерти: «Но если все ручьи о чуде вновь запели, / но если перезвон и золото капели – / не ослепительная ложь, / а трепетный призыв, сладчайшее «воскресни», / великое «цвети», – тогда ты в этой песне, / ты в этом блеске, ты живёшь!..» («Пасха»).

Во втором, которое открывается знаменательным мотивом *сна,* также славословится Пасха: «Блаженный блеск мне веял в очи. / Лазурь торжественная ночи / текла над городом, и там, / как чудо, плавал купол смуглый / и гул тяжёлый, гул округлый / всходил к пасхальным высотам!». Однако призывные речи обращены на этот раз не к отцу, а к «буйнокрылой любви», «воздушной», «звучной мечте», т. е., в конечном счёте, явно к возлюбленной: «И в день видений, в вихре синем, / Когда блеснут все купола, – / Мы, обнажённые, раскинем / Четыре огненных крыла!» («Весна»).

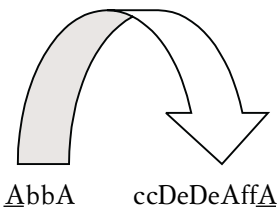
Как бы то ни было, в последнем сонете Кембриджского периода отчётливо звучат мотивы поэтической грёзы, вызывающей в воображении «весенний лес», недаром он «чудится», гармонического слияния лирического героя с природой («на свой язык певучий / переведу я тысячи созвучий, / что плещут там средь зелени святой») и таинственного разговора с чутким и отзывчивым собеседником (скорее всего, это всё же отец): «И ты поймёшь, и слух прозрачный твой / всё различит...» и т. д.

Напрасно иронизировал в своё время по поводу концовки этого сонета («Где азбуке душистой ветерка / Учился я у ландыша и лани») К. В. Мочульский: «Не из гербария ли Фета эти ландыши?» [25]. Конечно, «азбуке душистой ветерка», действительно, можно было научиться не столько «у ландыша и лани», сколько у классика русской пейзажной лирики. Однако не о «гербарии» тут следовало бы толковать, а о живых семенах, позаимствованных молодым поэтом и внедрённых в новую почву, где они дали неожиданные и исключительно эффективные в художественном отношении всходы. Искусство перевода природных символов на язык поэзии даёт возможность, с одной стороны, вступить в экзистенциальную беседу с потусторонним собеседником, обладающим «прозрачным слухом», с другой – проникнуть в тот мир, «где нет ни жалоб, ни желаний» и который, оказывается, совсем не обязательно сопряжён с небом...

Ещё два поэтических текста, насчитывающих по четырнадцати строк, но несколько отклоняющихся от канонической схемы рифмовки или от традиционного размера, занимают в нашем реестре № 14, 17. Оба они – напрямую или косвенно-ассоциативно – связаны с идеей храма. В стихотворении «Каштаны» величественные цветущие деревья сравниваются с «открытыми храмами», сияющими «вдоль реки». Весенний ветер наверняка задует чудеснейший из всех даров «незримого Зодчего», но субъект лирического переживания, «упрямый, / юродивый» стоит у паперти и ждёт чуда на виду у созерцающих его грусть каштанов. Несколько иначе культовый феномен предстаёт перед нами в стилизации стиха калик перехожих [26], где, в конце концов, также метафорический храм воссоздаётся далеко не сонетным 4-стопным хореем и далеко не в сонетном стилистическом ключе: «Тучи ходят над горами, / Путник бродит по горам, / На утёсе видит храм: / Три оконца в этом храме...».

Это тоже своего рода «чудо» или, как и в № 18, «чудесное видение», зафиксированное, однако, мифологически-эпическим сознанием наивно верующего человека, для которого Божий храм воплощает собой не что иное, как лапидарную модель всего мироздания.

Небезынтересно сравнить архитектонику этих явно циклизующихся между собой сонетов. «Каштаны», лишь внешним образом олицетворяющие «храмы», живописуются в форме опрокинутого сонета, с аномальной наполовину автономной рифмовкой (AbbAccDeDeAffA), а также с очевидной тенденцией к обрамляющей рамочной композиции, реализующейся одним и тем же ключевым словом в концовке первого и заключительного стиха – «храмы». Общие рифмы уравновешивающих текст катренов («храмы – самый – упрямый – храмы») побуждают усмотреть в конструкции данного сонета инверсию второго катрена и терцетной части:



Собственно «Храм», как и подобает архитектурно-поэтическому сооружению, если и не предстаёт перед нами в стройном, классически безупречном виде, то уж, во всяком случае, порядок рифм в катренах и терцетах выдерживает достаточно строго. Единственное, правда, весьма распространённое, а потому почти легальное отступление от канона составляет автономная рифмовка в головной части. Гораздо серьёзнее классический канон нарушается в метрике: вместо принятых 5- или 6-стопных ямбов, соответствующих итальянскому 11-сложнику, Набоков употребил 4-стопный хорей, с сонетной традицией не имеющий ничего общего. Зато весьма характерные аффективные ореолы этого размера передают необходимую простонародную интонацию, чему в немалой степени содействуют также лексика, стилистика и соответствующий замыслу лапидарный образный строй.

Не выпадают из общего тематического и стилистического контекста под условным наименованием «сонеты Набокова Кембриджского периода» и два семистишия, которые мы сочли возможным трактовать как полусонеты: «Разбились облака. Алмазы дождевые...», 24 августа 1919 (№ 13), и «Жизнь» («Шла мимо жизнь, но ни лохмотий...») (№ 16). Оба включены поэтом в сборник «Горний путь», в обоих разрабатываются стержневые мотивы небес, облаков – вечных спутников поэтического восторга, Бога-Вседержителя, на ладонь которого «дни катятся людские», и аллегорической Жизни, не открывающей стороннему взору ни своих «лохмотий, / ни ран <...>, ни пыльных ног», ибо всё это заслоняют «её ликующие очи / и губы, шепчущие: Бог!». Оба текста так схожи между собой и так органично вписаны в идейно-тематический комплекс Кембриджского цикла, что их нетрудно представить в виде двух половинок одного «полнометражного» сонета, хотя и с аномальной системой рифмовки («рокировкой» терцетов и одного из катренов, напоминающей схему «Каштанов»):

AbbAcAc+DeDFeFe.

Все остальные сонеты Набокова (в нашей выборке материала под № с 19 по 27) были написаны в течение одного самого плодотворного в сонетном отношении 1924 г. С одной стороны, это полное торжество классической сонетной формы как с точки зрения метрики (все 9 написаны 5-стопным ямбом), так и с точки зрения архитектоники (все – с французской схемой рифмовки). С другой стороны, в тематическом и отчасти техническом плане они не столь уж едины, а потому, при ближайшем рассмотрении, могут быть проанализированы как три разной степени внутреннего родства триады. Две из них не вызывают сомнения, поскольку выделены собственно в субциклы как таковые и даже соответствующим образом озаглавлены самим автором: «Петербург. Три сонета» и «Три шахматных сонета». Третий субцикл, а в хронологическом отношении, скорее, первый, устанавливается исследовательским путём; назовём его условно «Три сюжетных сонета», последовательно выстроив «в затылок» «Автомобиль в горах», «Смерть Пушкина» и «Страну стихов».

Осознанный переход к сюжетной лирике с ориентацией на опыт Н. Гумилёва [27], который пришёлся на конец 20-х гг., наметился, скорее всего, значительно раньше. В трёх выделенных нами сонетах, каждый из которых содержит отнюдь не «точечный», в кожиновском смысле [28], а вполне выраженный линейный сюжет, «со своей завязкой и со своей развязкой», намечается к тому же общая интегрирующая их в единое повествовательное поле тема поэтического полёта.

Путешествие, которое совершает лирический герой на автомобиле, недаром происходит *в горах*, т. е. в верхней, близкой небу сфере мироздания. В известном смысле это аналог старого, как мир, полёта на Пегасе, оседлав которого, путешественник не просто наслаждается бешеной скоростью, но, наверное, уже в тысячный раз примеривается к тому, чтобы перенестись в свой навеки утраченный рай [29]. Вот почему *летящая* навстречу дорога сравнивается со «сном», «чёрная гоночная машина» – с «на волю вырвавшимся громом», а «у альповой лачуги» автомобилисту чудится «отеческий очаг»...

Стоит ли удивляться, что умирающий после дуэли Пушкин в следующем стихотворении выделенного нами субцикла точно так же *возносится* всё «выше... до небес... / ах выше!..», несмотря на вполне прозаическую «мочёную морошку», которой захотелось ему напоследок: «И верный друг, и жизни пьяный пыл, / и та рука с протянутою ложкой – / отпало всё. И в небо он поплыл».

Естественным образом к этим двум стихотворениям примыкает и «Страна стихов», лирический герой которой призывает найти «среди планет / пленительных такую, где не нужен / житейский труд», «где нам дадут за рифму целый ужин / и целый дом за правильный сонет».

Перед нами своеобразный итог собственно сонетного творчества поэта. В стихотворении причудливо переплелись практически все лейтмотивные линии набоковской Сонетианы. Конечно, столь страстно чаемая поэтом Страна стихов – не Россия, хотя и она – тоже! В созданном им образе, возможно, отразились неотступные ностальгические воспоминания и об отцовском имении в Выре, где были написаны первые стихи «об утрате возлюбленной», которой он

«никогда не терял, никогда не любил, никогда не встречал, но был весьма готов встретить, полюбить, потерять» [30], и о Петербурге, где накануне и после революции пышным цветом расцвели самые разнообразные поэтические сообщества, и о Крыме, где всё так располагало к творчеству и способствовало становлению и возмужанию его таланта. Конечно же, он не мог забыть и о разговорах за столиком ялтинского кафе с Волошиным, который не только заразил молодого поэта ритмологией А. Белого, читая ему свою весьма оригинальную в этом отношении «Родину» («И каждый прочь побрёл, вздыхая...»), но и наверняка много рассказывал о своём любимом детище, Доме Поэтов в Коктебеле – Стране Поэзии в миниатюре. Наконец, этот образ включает в себя и доминантный в лирике Набокова мотив Рая небесного, которого жаждет его душа, хотя и медлит переселиться в него, преданная Раю земному – Отчизне.

В интертексте всей набоковской лирики райская тема, причём в обеих её ипостасях, была постоянно сопряжена со взаимосвязанными темами патриотизма, поэтического творчества и бессмертия. Самые заметные вехи её эволюции совпадают с основными этапами его творческого пути. Так, например, в стихотворении «Звени, мой верный стих, витай, воспоминанье...», 31 января 1918, мысленно возвращаясь в колыбель своих вдохновений, поэт предвкушает: «Там – радость без конца, / там вольные мечты сулит мне *рай зелёный*». В «Романсе» («И на берег весенний пришли мы назад...»), хотя и написанном в Кембридже 8 июня 1920 г., в памяти воскрешаются ещё свежие драматические перипетии, пережитые в Крыму. Поэт и, скорее всего, его возлюбленная «спорят как дети» «о прошлом». Стоит ли, однако, бередить незажившие раны и вспоминать «порывы разбрызганных дней»? Ответ на этот вопрос напрашивается сам собой: «это больно и это не нужно»; гораздо плодотворнее внимать волшебным речам крымской природы: «Ты о прошлом твердишь, о разбитой волне, / а над морем, над золотоглазым, / кипарисы на склонах струятся к луне, / и внимаю я *райским* рассказам».

Два стихотворения Набокова под одним и тем же названием – «В раю» – «Здравствуй, смерть! – и спутник крылатый...», 13 сентября 1920, Кембридж, и «Моя душа за смертью дальней...», 25 сентября 1927, Берлин, можно рассматривать как две части единого произведения или, скорее, как два его варианта [31]. В первом случае умерший поэт, обратившись к *смерти* с оксюморонным приветствием «*здравствуй*», в сопровождении ангела направляется «в рай», но по дороге, завидев свой «прежний зелёный дом», круто меняет маршрут. Его душа жаждет иного рая; поэтому он мечтает: «Буду снова земным поэтом: / на столе раскрыта тетрадь...», пребывая в надежде: «Если Богу расскажут об этом, / Он не станет меня укорять». Как видим, концовка «Страны стихов» заметно напоминает этот финал. Во втором варианте тот же самый лирический герой переживает острое разочарование, попав-таки в канонический рай. Наделив лирического героя автобиографически узнаваемой характерологией, поэт видит его образ в парадоксально шаржированном «провинциальном натуралисте», «потерянном в раю чудаке», готовом «любознательно потыкать / зелёным зонтиком» в «полупавлинье существо», то бишь в «дремлющего в роще дикого ангела». С иронией и неприкрытым сочувствием обращается поэт фактически к себе самому, незадачливому праведнику, оказавшемуся не у дел.

Рай, в трактовке Набокова, оказывается и обителью поэтов, уходящих в бессмертие. Не оттого ли умирающий Пушкин величественно уплывает не куда-нибудь, а в небо. Там, в обобщённых райских кущах, способных модифицироваться и в античный Элизиум, где «в тиши Елисейской» он «говорит о летящем / медном Петре и о диких ветрах африканских» с Николаем Гумилёвым («Памяти Гумилёва», 19 марта 1923) [32], и в знаменитый «Уголок Поэтов» в I круге Дантова Ада, где он вместе с Лермонтовым, Тютчевым и Фетом дожидается ещё одного достойного собрата – Александра Блока («На смерть Блока. II» [33]).

Туда же, скорее всего, по Набокову, последуют и Иван Бунин, «алмазный стих» которого уже «наполнен *райским* мёдом» («Ивану Бунину», <1 октября 1922>), и Владислав Ходасевич, на смерть которого писатель откликнулся вдохновенным некрологом-эссе, назвав его «крупнейшим поэтом нашего времени, литературным потомком Пушкина по тютчевской линии» и не менее образно, чем в стихах, сформулировав нетленный итог его поэтического творчества в прозе: «...завещанное сокровище стоит на полке, у будущего на виду, а добытчик ушёл туда, откуда, быть может, кое-что долетает до слуха больших поэтов, пронзая наше бытие потусторонней свежестью [34] – и придавая искусству как раз то таинственное, что составляет его невыделимый признак» («О Ходасевиче» // Современные записки. 1939. № 68), да, пожалуй, что и сам Набоков, загодя планирующий «подняться по лестнице алмазной на райский порог» («Когда я по лестнице алмазной...», 21 апреля 1923).

Таким образом, идеализируемый локус созданной специально для творчества Страны стихов, описанный Набоковым в одноименном сонете, интегрировался, как мы стремились показать, из чрезвычайно разнообразного материала. Это, с

одной стороны, рай земной, включающий в себя и конкретную малую родину поэта, милую его сердцу усадьбу в Выре, и Петербург, и Крым, и, с другой стороны, рай небесный, также в различных его воплощениях. Это – и одна из «пленительных планет» (согласно Космогонии Дантова Рая), и Элизиум – античная мечта о вечном блаженстве, и вполне канонический христианский Рай, у дверей которого с ключами стоит апостол Пётр, и обиталище бессмертных поэтов во главе с Пушкиным. Даже «кастальские ключи», кипящие во мгле поэтического урочища на Парнасе, обретают в нём своё законное место...

Исключительный интерес представляют для нас ещё два цикла по три сонета, объединённых внутри себя и обособленных вовне самим поэтом, видимо, по модели знаменитых «трилистников» из «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского. Первый, имеющий ещё и обобщающий заголовок – «Петербург», был, возможно, первоначально задуман как сонетный венок, но затем в ходе работы сокращён до его фрагмента, получив в завершении характерный композиционный ход... триолета: повтор первых двух стихов стартового сонета [35] (см. рисунок).

Разработка единой темы – тоски по Родине, в частности по Петербургу – сообщает всем трём сонетам функцию сменяющих друг друга цепных строф, образующих в совокупности единое кольцо. С другой стороны, закономерно повторяющиеся рифмочлены («доруг», «когда же?..» и «Бог») форсируют семантику подчёркнутых таким образом ключевых слов, заставляют их звучать с особой экспрессией, с близкой к навязчивой идее суггестивностью. Лирического героя, раз и навсегда лишившегося того, что было и остаётся для него дороже жизни, преследуют, в сущности, одни и те же чувства, мысли и призраки. Отсюда в экспозиционной части – съёжившийся до констелляции синтаксис перечисления «всего на свете», что ещё связывает его с любимым городом.

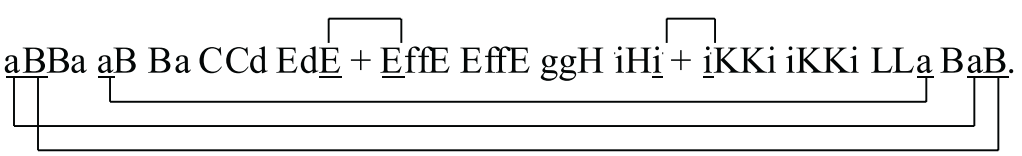
Незавершённые обрывки когда-то уже не раз произносимых фраз, окончание которых легко угадывается («когда же?..»), резкие назывные предложения, продолжения и не предполагающие («Тонет [36]. Изнемог [37]. // Безлюдие.»), стремительно вводят нас в лирическую ситуацию и готовят завязку конфликтного напряжения, переход к которой знаменует внезапная смена настоящего времени прошедшим: «В зеркальные туманы двух столетий / *гляделся* ты, мой город, мой Нарцисс...». Выхваченная зоркой тоскующей памятью, казалось бы, малоприметная, но тем более драгоценная подробность петербуржского пейзажа («Там, над каналом, круглыми камнями / взбухал подъём, и – с дребезжаньем – вниз...»), резко оборванная эллиптическим многоточием, уступает место сонетному замку, являющему собой чёткую формулу конфликта: «Терзаем я утраченными днями». Она не только завершает первый сонет-строфу, но и открывает второй.

Снова вернувшись к настоящему, лирический герой должен признать, что воздух стал для него «неродным» и от него уже «тянет тленом». Потому-то ему и приходится «сжать в алмаз невыплаканный зной» и, соответственно, укрепившись «духом», «стать прозрачным и упрямым». «Орлиные крыла» снов пробуждают-таки в его памяти недалёкое прошлое:

«–и снова, в час ночной, / Нева чернеет, вздутая весной, / и дышит маслянистыми огнями. // Гранит шероховат. Внизу вода / чуть хлюпает под баржами, когда / к их мерному прислушаешься тренью. // Вот ветерок возник по волшебству, – / и с островов как будто бы сиренью / повеяло...». Предположение, что лирический герой переживает снова то, что переживал в свое (счастливое!) время, приходится отбросить, ибо ледоход и майская сирень заведомо асинхронны. Конечно, прошлое воскрешается в его сознании умозрительно, со всеми, впрочем, вытекающими из этого непреложного факта последствиями. «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку...» – витает над ночной Невой невысказанная мысль Гераклита. Недаром в заключительном замковом стихе второго сонета, выступающего в данном случае в виде строфы, многозначительная пауза отделяет пригрезившийся запах сирени из прошлого и грустную констатацию реального положения дел: «Прошедшим я живу».

Закономерным образом следующий, он же заключительный, сонет-строфа начинается той же самой строкой, но со смещённым многоточием: «Повеяло прошедшим... Я живу / там... далеко... в какой-то тьме певучей... / Под аркою мелькает луч пловучий, / плеснув веслом, выходит на Неву».

А дальше действие опять возвращается вспять, к каменным гигантам, на мраморных ногтях которых блестит, как ещё недавно казалось, «вся та же луна». В завершение трехчастной лиричес-



кой медитации делается несколько иной, если не сказать противоположный, вывод: «Чего им ждать? Что под мостами плещет? / Какая сила в воздухе трепещет, / проносится?.. О чём мне шепчет Бог? // Мы странствуем – а дух стоит на страже; / единый путь – и множество дорог; / тьма горестей – и стон один: когда же?».

Как видим, в финальном аккорде сонетного триптиха «Петербург» гораздо больше тревожно-вопросительных, чем уверенно-утвердительных конструкций. Лирическому герою ещё в полной мере предстоит ответить на эти непростые вопросы, а пока ему ясно только одно: единственное, на что он ещё может полагаться в своём неуёмном стремлении вернуться на родину, т. е. фактически – вернуть прошлое в настоящее, это, и только это, – сила духа, стоящего на страже Божественного предопределения.

Второй миницикл-триптих «Три шахматных сонета», написанный в том же 1924 году, 30 ноября, можно было бы назвать специализированным – в полном соответствии с его названием. На самом же деле это сонеты о творческой синестезии, как понимал её Набоков. Речь в них идёт не просто об игре в шахматы, или о шахматной композиции как об особого рода искусстве, или, наконец, о сходстве того и другого со стихотворчеством, а о слиянии всех трёх в одно неразрывное целое. Далеко не случайно в многочисленных рукописных альбомах поэта рядом со стихами и метрическими диаграммами, по А. Белому, красовались диаграммы его оригинальных шахматных задач [38]. Равным образом показательно и то, что в первоиздании разбираемый нами миницикл следовал сразу же после шахматной задачи автора с весьма оригинальным условием: «Белые берут назад свой последний ход и вместо него делают мат» [39]. Наконец, в «Других берегах» идея шахматно-поэтической синестезии сформулирована следующим образом: «В продолжение двадцати лет эмигрантской жизни в Европе я посвящал чудовищное количество времени составлению шахматных задач. Это сложное, восхитительное и никчемное искусство стоит особняком: с обыкновенной игрой, с борьбой на доске, оно связано только в том смысле, как, скажем, одинаковыми свойствами шара пользуется и жонглер, чтобы выработать в воздухе свой хрупкий художественный космос, и теннисист, чтобы как можно скорее и основательнее разгромить противника. Характерно, что шахматные игроки – равно простые любители и гроссмейстеры – мало интересуются этими изящными и причудливыми головоломками и, хотя чувствуют прелесть хитрой задачи, совершенно неспособны задачу сочинить.

Для этого сочинительства нужен не только изощренный технический опыт, но и вдохновение, и вдохновение это принадлежит к какому-то сборному, музыкально-математически-поэтическому типу» [40].

В отличие от «Петербурга», «шахматные» сонеты представляют собой относительно самостоятельные в конструктивном плане построения без каких-либо претензий объединиться в цепную композицию венкового типа. Тем крепче в них идейно-тематические и образные связи.

В зачине открывающего миницикл первого сонета «В ходах ладьи – ямбический размер...» почти в афористической форме устанавливается подобие передвижений по доске шахматных фигур (ладьи и слона) и динамики стихотворных размеров (ямба и анапеста). Согласно этой логике «Полутанец / полурасчёт – вот шахматы». Далее воспроизводится атмосфера знаменитого Парижского кафе «Режанс», среди реальных завсегдатаев которого некогда можно было видеть таких знаменитых шахматистов, как Филидор и Дюсер, после чего даются замечательно яркие и колоритные портреты участников захватывающего поединка, происходящего «теперь»: «бровастый, злой испанец / и гном в очках». В терцетной части с поразительной экспрессией представлен исход борьбы: «Вперёд ладья прошла стопами ямба. / Потом опять – раздумие. «Карамба, / сдавайтесь же!» Но медлит тихий гном. // И вот толкнул ногтями цвета йода / фигуру. Так! Он жертвует слоном: / волшебный шаг и мат в четыре хода».

Этюдная концовка поединка («мат в четыре хода») не только передаёт захватывающий драматизм шахматной игры, но и намекает на не менее непредсказуемые перипетии другого вида шахматного искусства – композиции. Ей посвящён второй сонет миницикла «Движенья рифм и танцовщиц крылатых...». Сочиняя шахматную задачу, автор должен опираться не только на голый расчёт, технический опыт, но и на вдохновение. Но, с другой стороны, вдохновенное наитие необходимо и сопернику шахматного композитора, решающему поставленную перед ним задачу. Сколько бы ни отвлекали его «звездообразные каверзы ферзя», злонамеренно уводя от верной разгадки, в конце концов «фея рифм – на шахматной доске / является, отблескивая в лаке, / и – лёгкая – взлетает на носке». Правильный ответ найден!

Заключительный сонет миницикла «Я не писал законного сонета...» можно сравнить с синтезом гегелевской триады. В сущности, поэт доказывает прямо противоположное исходной посылке первой заглавной строки. Внешним образом обосновывая это утверждение, он перечисляет все свои действия как шахматного композитора. Однако в «узор ответа» сочиняемой задачи её автор заключает именно то, из чего, соб-

ственно, и «делаются» настоящие стихи: «всю нашу ночь, все возгласы твои, / и тень ветвей, и яркие струи / текучих звёзд, и мастерство поэта».

В итоге шахматы как игра, шахматы как искусство композиции и поэзия составляют собой систему отражающих друг друга зеркал, расставленных столь искусно, что соединяют все эти три творческих ипостаси в единое гармоническое целое. «Придумывая задачу до рассвета», потратив на неё всю волшебную ночь любви, поэт таки добился желаемого результата: «Я думаю, испанец мой, и гном, / и Филидор – в порядке кружевном / скупых фигур, играющих согласно, – / / увидят все, – что льётся лунный свет, / что я люблю восторженно и ясно, / что на доске составил я сонет».

Самый, пожалуй, загадочный свой сонет Набоков внедрил в метапрозу романа «Дар», 1937 (1934?) [41], дважды замаскировав своё авторство. Набоков передоверил его своему герою-протагонисту Федору Годунову-Чердынцеву, а тот, в свою очередь, – некоему «неизвестному поэту», «поместившему его в журнале "Век" (1909 год, ноябрь)» и «посвятившему» «памяти Н. Г. Чернышевского». По странному стечению обстоятельств, его псевдоним Ф. В.....ский, скорее всего, совпал с фамилией воспреемника новорожденного Чернышевского: «протоиерея Фёд. Стеф. Вязовского» [42].

«Увы! Что б ни сказал потомок просвещенный,
все так же на ветру, в одежде оживленной,
к своим же Истина склоняется перстам,

с улыбкой женскою и детскою заботой
как будто в пригоршне рассматривая что-то,
из-за плеча ее невидимое нам.

Душа окунается в мгновенный сон, – и вот, с особой театральной яркостью восставших из мертвых, к нам навстречу выходят: с длинной тростию, в шелковой рясе гранатного колера, с вышитым поясом на большом животе о. Гавриил, и с ним, уже освещенный солнцем, весьма привлекательный мальчик розовый, неуклюжий, нежный. Подошли. Сними шляпу, Николя. Волосы с рыжинкой, веснушки на лобике, в глазах ангельская ясность, свойственная близоруким детям. Кипарисовы, Парадизовы, Златорунные не без удивления вспоминали потом (в тиши своих дальних и бедных приходов) его стыдливую красоту: херувим, увы, оказался наклеенным на крепкий пряник; не всем пришедшийся по зубам» [43].

Так начинается центральная четвертая глава романа, собственно, и представляющая собой жизнеописание Чернышевского, написанное Годуновым-Чердынцевым. А вот её окончание:

«Шестьдесят один год минуло с того 1828 года, когда появились в Париже первые омнибусы, и когда саратовский священник записал у себя в молитвеннике: "Июля 12-го дня по утру в 3-м часу родился сын Николай... Крещен по утру 13-го пред обеднею. Восприемники: протоиерей Фед. Стеф. Вязовский...". Эту фамилию впоследствии Чернышевский дал главному герою-чтецу своих сибирских новелл, – и по странному совпадению так или почти так (Ф. В.....ский) подписался неизвестный поэт, поместивший в журнале "Век" (1909 год, ноябрь) стихи, посвященные, по имеющимся у нас сведениям, памяти Н. Г. Чернышевского, – скверный, но любопытный сонет, который мы тут приводим полностью:

Что скажет о тебе далекий правнук твой,
то славя прошлое, то запросто ругая?
Что жизнь твоя была ужасна? Что другая
могла бы счастьем быть? Что ты не ждал другой?

Что подвиг твой не зря свершался, – труд сухой
в поэзию добра попутно обращая
и белое чело кандальника венчая
одной воздушною и замкнутой чертой?» (3, 274).

Итак, перед нами разорванный надвое сонет, включённый в прозу [44] и претендующий на структурное родство с нею и даже, в известной мере, на роль своеобразного кода для её адекватного прочтения. С другой стороны, в прозаическом тексте объясняется роль сонета в романе («Сонет – словно преграждающий путь, а может быть, напротив, служащий тайной связью, которая объяснила бы *всё*, – если бы только ум человеческий мог выдержать оное объяснение»), называются причины его появления и, правда, весьма субъективно, с точки зрения Годунова-Чердынцева, в некотором роде эстетического сноба, оцениваются его художественные достоинства: «скверный, но любопытный».

Первое, что вызывает законное недоумение: почему переставлены головная и хвостовая части сонета? Ответ напрашивается сам собой: автор жизнеописания руководствуется идеей, если позволительно так выразиться, *вывернутости наизнанку*. Предметом художественного исследования в 4-й главе является жизнь Чернышевского, которая рассматривается в ретроспекции. Поэтому оптимальным образом она может быть описана, как декларирует сам автор, посредством «нашего таинственного *вращающегося* рассказа».

Образы «круга», «кольца», «спирали», «бумеранга», «сокола» и т. п. настойчиво нагнетаются в «Даре» как пластичные доминантные фигуры, призванные подкрепить и оправдать композиционный принцип жизнеописания Чернышевского, задуманного Фёдором Константиновичем «...в виде

кольца (курсив здесь далее мой. – *О. Ф.*), замыкающегося апокрифическим сонетом так, чтобы получилась не столько форма книги, которая своей конечностью противна *кругообразной* природе всего сущего, сколько одна фраза, следующая *по ободу*, т. е. бесконечная…». (3, 184). Идея эта сначала показалась Зине Мерц «…невоплотимой на плоской и прямой бумаге, – и тем более она обрадовалась, когда заметила, что всё-таки получается *круг*». А вот та же мысль, но сформулированная уже самим автором в очередном лирическом отступлении: «И тут мы снова оказались *окружены* голосами его эстетики, – ибо мотивы жизни Чернышевского теперь мне послушны, – темы я приручил, они привыкли к моему перу; с улыбкой даю им удаляться: развиваясь, они лишь *описывают круг, как бумеранг или сокол*, чтобы затем снова *вернуться* к моей руке; и даже если иная уносится далеко, за горизонт моей страницы, я спокоен: она прилетит назад, как вот эта прилетела» (3, 212).

Жизнь Чернышевского описывается не изнутри, а принципиально извне, не как некая объективно длящаяся, независимая от наблюдателя событийная данность, а как субъективно воспринятый идеологический миф. Искажённая человеческая судьба, таким образом, дана в ретроспекции её малоутешительного итога и страшных непредвидимых последствий, с точки зрения «просвещённого» и умудрённого историческим опытом «потомка». Автор жития, иными словами, выступает в роли антиагиографа, демонстративно подвергая закланию «священную корову» социализма. Главная его цель – заставить проницательного читателя, подобно андерсеновскому мальчику, изумлённо воскликнуть: «А король-то голый!». Какими бы благородными принципами ни руководствовался один из основоположников научного социализма, итоги его деятельности, особенно в области искусства, оказались катастрофическими. За что бы он ни брался, всё валилось у него из рук [45]. Он учил тому, в чём сам не разбирался. Ладно, если бы это было лишь фактом его личной судьбы. На беду, брошенные им зёрна попали на благодатную почву и ложное в своей основе учение стало насущной идеологией непросвещённого большинства.

За плечами Чернышевского, в интерпретации Годунова-Чердынцева, маячит зловещая фигура его горячего, хотя и не слишком компетентного поклонника Ульянова-Ленина, который точно так же ничего не умел сам, но ломал жизнь через колено вопреки устоявшимся традициям. Не получив системного образования, он самоуверенно вторгался во все области знаний, не сумел проявить себя в профессии, не выиграл ни одного дела как адвокат и абсолютно был чужд искусству, отличаясь отменной эстетической глухотой.

Другая важная особенность сонета, подводящего итоги жизни Чернышевского, – это его тонко и в то же время откровенно стилизованная архаичность. Такой сонет мог, действительно, написать архиерей или, по крайней мере, его если не прямой, то духовный потомок.

Стилистический протеизм Набокова общеизвестен. Он был искусным, можно сказать, виртуозным имитатором чужих стилей, осознанно играл на их смене.

Исследователи давно обратили внимание на необычайно большое количество стихотворцев в набоковских произведениях, особенно, разумеется, в метаромане с откровенно творческим названием «Дар». Не скрывает своих поэтических амбиций, прежде всего, конечно, сам автор-повествователь; далее, в первую очередь ощущает себя поэтом главный герой произведения Федор Годунов-Чердынцев, символом настоящего признанного поэта для него является Кончеев, в котором просматриваются узнаваемые биографические приметы Ходасевича, стихотворствует, правда, в высшей степени бездарно Чернышевский, посвящает его памяти сонет скрывающийся за прозрачным псевдонимом поэт Ф. В.….ский, наконец, также оказывается поэтом (и тоже «довольно хилым»!) однофамилец писателя Яков Чернышевский, деда которого в царствование Николая Первого, – в Вольске, кажется, – крестил отец знаменитого шестидесятника, «толстый энергичный священник, любивший миссионерствовать среди евреев и в придачу к духовному благу дававший им свою фамилию» (3, 37). Но особенно «*густо пошёл поэт*» при описании литературного вечера во второй главе: «…высокий юноша с пуговичным носом, барышня, пожилой в пенснэ, ещё барышня, ещё молодой, наконец – Кончеев, в отличие от победоносной чеканности прочих тихо и вяло пробормотавший свои стихи, но в них сама по себе жила такая музыка, в тёмном как будто стихе такая бездна смысла раскрылась у ног, так верилось в звуки, и так изумительно было, что вот из тех же слов, которые нанизывались всеми, вдруг возникало, лилось и ускользало, не утолив до конца жажды, какое-то непохожее на слова, не нуждающееся в словах, своеродное совершенство, что впервые за вечер рукоплескания были непритворны» (3, 84).

Естественно, поэтому и Годунов-Чердынцев, цитирующий сонет в разорванном и опрокинутом виде, и автор-повествователь, и тем более Сирин-Набоков, осознающий себя в поэтической ипостаси своего творчества, тщательно отмежевываются от его надрывно-риторической интонации и характерной разночинско-семинарской стилистики. Тонкими, изящными намёками сонет, вопрошающий о том, как отзовётся в гряду-

щем самоотверженная, подвижническая жизнь революционера-мученика, обнаруживает свою очевидную родственную связь с некрасовской элегией «Памяти Добролюбова»: то же обилие пылких, обращённых к воображаемым слушателям риторических вопросов, те же вкрапления архаической лексики в сочетании с чисто умозрительными, в том числе и аллегорическими, образами («труд сухой / в поэзию добра попутно обращая / и белое чело кандальника венчая...», «к своим же Истина склоняется перстам») (3, 269), тот же, правда, не 5-, а 6-стопный ямб, также некрасовского извода, который, как безапелляционно отмечено в книге о Чернышевском, «особенно чарует нас своей увещевательной, просительной, чарующей силой и этой своеродной цезурой на второй стопе, [46] цезурой, которая у Пушкина, скажем, является в смысле *пения* (курсив Набокова. – *О. Ф.*) стиха органом рудиментарным, но которая у Некрасова становится действительно органом дыхания, словно из перегородки она превратилась в провал, или словно обе части строки растянулись, так что после второй (третьей. – *О. Ф.*) стопы образовался промежуток, полный музыки» (3, 226).

Размышляя о художественной функции опрокинутого сонета в композиции набоковского романа, Я. В. Погребная приходит к весьма любопытному заключению: «Интерпретация жизни Чернышевского Годуновым-Чердынцевым не единственная и не может быть единственной: судьба Чернышевского принадлежит истории, будущему, суждению любого потомка. Эта множественность суждений оборачивается множественностью истин и вненаходимостью одной, исчерпывающей. Поэтому первая строка первого терцета открывается сожалением и отрицанием: “Увы! Что б ни сказал потомок просвещенный...” (3, т. 3, с. 191). Восклицание “Увы!” относится и к роману Годунова-Чердынцева и к любой другой уже написанной или пока еще не созданной биографии. Все попытки истолковать человеческую судьбу находятся лишь в приближении к истине, но никогда не выражают ее самою. “Что-то”, рассматриваемое Истиной в пригоршне, – суть человеческой судьбы или эпохи – спрятано, закрыто. Последняя строка терцетной части тоже содержит отрицание: “Из-за плеча ее невидимое нам” <...>. Местоимение множественного числа “нам” объединяет автора “Жизни Чернышевского” с его критиками, читателями, современниками вообще, поскольку Истина равно сокрыта от всех» [47].

Несколько в ином ракурсе видятся причины, побудившие Набокова заключить прозаический текст «Жизни Чернышевского» между терцетной и катренной частями сонета, автору статьи «От Владимира Дарова к “Дару” Владимира: В. Брюсов и В. Набоков» А. В. Леденёву: «Именно в апреле 1934 г. он упорно преодолевает сопротивление самого “непоэтического” материала – пишет будущую 4-ю главу “Дара” (“Жизнь Чернышевского”), замыкая ее сонетным кольцом и наглядно демонстрируя саму возможность творчески результативных реверсов от прозы к поэзии, т. е. от вязнущей в “истории” жизни – к напоминающей о вечности “тайне сонета”» [48].

Таким образом, Набоков, будучи одним из самых «сонетолюбивых» русских поэтов, обращался к этой жанрово-строфической форме на протяжении всего своего творческого пути. Сонетная форма в его поэтической системе «выступает как высшее и наиболее полное выражение поэзии, как квинтэссенция выразительных возможностей стихотворной речи» [49]. Вместе с тем она принимает самое активное участие и в общей структурной синестезии, лежащей в основе итогового написанного по-русски романа Набокова «Дар».

В эволюции набоковской Сонетианы хорошо просматриваются четыре периода:

1) *Ученический*, включающий в себя первые шесть сонетов в нашем перечне, опубликованных весной 1916 г. в сб. «Стихи» (№ 1–3) и в 1918 г. в альманахе «Два пути» (№ 4–6), но написанных несколько раньше. В первом миницикле разрабатываются в основном мотивы ранней влюблённости. Во втором преобладают идиллические картины природы, при этом намечается осознанная тенденция обогащения образного языка реально подсмотренными деталями бытового свойства. С точки зрения техники исполнения все шесть сонетов начинающего поэта отличаются стилистической банальностью (затёртые, клишированные эпитеты, «роковые», заимствованные из жестокого романса образы и интонации), версификационной эклектикой (метрическая пестрота: три сонета – Я5, два – Я6 и один – Ам4; не вполне корректные enjambements), однообразием архитектоники (пять сонетов из шести тяготеют к итальянской конфигурации рифмовки, не получившей продолжения в дальнейшем), неизбежной подражательностью и, в то же время, поиском оригинального сонетного идиостиля.

2) *Крымский период*. За время краткосрочного пребывания поэта в Крыму (с ноября 1917 по апрель 1919 г.) было написано значительное число стихотворных произведений, в том числе и сонетов, но в канонические издания из них попало только пять (№ 7–11). Этот период можно было бы также назвать *Экспериментальным*. Знакомство с удивительной природой Крыма, вдохновившей более века назад одного из признанных корифеев европейского сонета Адама Мицкевича на создание своего знаменитого цикла («Крым-

ские сонеты»); воспоминания о крымском же путешествии Пушкина, не преминувшего включить в этот список, наравне с Дантом, Петраркой, Шекспиром, Камоэнсом, Вордсвортом и Дельвигом, своего польского друга именно в связи с «Тавридой отдаленной»; встречи в Ялте и творческое общение с не менее искусным мастером современного сонета Максимилианом Волошиным – всё это не могло не подтолкнуть молодого поэта к смелым экспериментам. В крымской подборке оказалось четыре аномальных сонета (№ 7–9, 11) и только один классический (№ 10). Среди аномальных – два полусонета (№ 9 – с экспериментальным ритмическим заданием: пиррихии образуют контур Большой Медведицы; а № 11, ещё и – опрокинутый;), один – с автономной системой рифмовки и инверсией терцетной части в середину текста, между катренами, и один – сплошной безголовый сонет с тенденцией к тавтологической рифме в трёх стихах. Надо ли говорить, что большей частью они написаны неканоническими размерами: № 9 и 11 – 4-стопным ямбом, № 7 – 4-стопным хореем и только № 8 – 6-стопным, а № 10 – 5-стопным ямбом. В жанрово-тематическом плане, при всём, казалось бы, их разнообразии и разноплановости, пять крымских сонетов Набокова удивительным образом консолидированы вертикальной моделью поэтического мира (в сущности, все одни, может быть, кроме № 8, представляющего собой декларацию принципа художественной ясности, устремлены в небо) и напряжённым поиском духовных ориентиров.

3) *Кембриджский период*. С октября 1919 по июнь 1922 г. Набоков – студент привилегированного колледжа в Кембридже. Этот период принёс ещё семь сонетов (№ 12–18): три классической французской формы (№ 12, 15 и 18), два аномальных 14-стишия (№ 14, 17) и два полусонета (№ 13, 16). Соответственно, в первом миницикле выдержан канонический 5-ст. ямб, в двух остальных наблюдается ожидаемая метрическая пестрота (№ 14 написан 5-ст. ямбом, № 13 – 6-ст. ямбом, с заключительным стихом, укороченным вдвое, № 16 – 4-ст. ямбом и, наконец, № 17 – одновременно «мистическим» и «простонародным» 4-ст. хореем. В тематическом аспекте, три сонета (№ 12, 14 и 17) связаны с мотивом храма, остальные – с вознесением к облачному и звёздному небу.

4) *Зрелый период* умещается в нашем материале в один год, 1924-й. Это своеобразный пик Сонетианы поэта, знаменующийся стабилизацией его сонетного идиостиля. Все девять, созданных в 1924 г. сонетов (№ 19–27), представляют собой эталонную для Набокова французскую форму, с некоторым разнообразием лишь в чередовании каталектик. Тематически они членятся на три миницикла: условно названные нами «Три сюжетных сонета», а также «Петербург. Три сонета» и «Три шахматных сонета». Во втором миницикле предпринята смелая попытка использовать сонетную форму в виде цепных строф, повторяющихся и замыкающихся в некий минивенок.

Особняком стоит сонет, включённый в сложную структуру метапрозы романа «Дар», «Что скажет о тебе далёкий правнук твой...». Его отличительные черты: активное взаимодействие с включённым в него прозаическим текстом, который сам Набоков в предисловии называет «спиралью сонета», инверсия катренной и терцетной частей, обусловленная идейно-тематическим замыслом романа в романе, и виртуозная имитация идеологически чуждого автору голоса его сочинителя – поэта разночинско-семинарской ориентации.

Примечания

1. Основным источником послужило наиболее репрезентативное издание: *Набоков, В. В.* Стихотворения [Текст] / В. В. Набоков (Новая Библиотека поэта). СПб., 2002. При цитатах и ссылках на него в круглых скобках указывается индекс С и, через запятую, арабскими цифрами – страницы.

2. В № 1–2 вместо пробелов между катренами и терцетами сонета используется их графический сдвиг по отношению друг к другу.

3. *Набоков, В. В.* Собр. соч. [Текст]: в 5 т. / В. В. Набоков. СПб., 1999–2000. Т. V. С. 291.

4. См.: Час пик. 1991. 22 июля. С. 10.

5. Как ошибочно заключила «значительно более знаменитая, но менее талантливая кузина» директора Зинаида Гиппиус, попросившая Набокова-старшего передать «сыну, что он никогда писателем не будет». (Набоков В. В. Указ. соч. Там же).

6. Неканонические, аномальные формы располагаются как раз в промежутке между дебютом и зрелым периодом творчества: № 7–9, 11, 13–14, 16–17.

7. № 1–3, 5–6.

8. № 4, 10, 12, 15, 18–28.

9. Нечто подобное, правда, ровным счётом, наоборот, замышляет столь же юный лирический герой одного из первых сонетов Иосифа Бродского, лелеющий мечту о том, как он «накропает» «левую пьесу рукою правой», «а товарищ Акимов ее поставит...» («Проходя мимо театра Акимова...»).

10. Впоследствии зрелый писатель иронически рассматривал «розу» среди «обедневших некогда слов», таких, как «невероятный», «хладный», «прекрасный», которые, «совершив полный круг жизни, получили теперь в стихах как бы неожиданную свежесть, возвращаясь с другой стороны, – эти слова в спотыкавшихся устах Александры Яковлевны как бы делали ещё один полукруг, снова закатываясь, снова являя всю свою ветхую нищету – и тем самым вскрывая обман стиля».

11. Как считает автор примечаний к набоковскому тому стихов, изданному в серии Новой Библиотеки поэта, М. Э. Маликова, в этом стихотворении «использованы мотивы цикла А. Блока “Пузыри земли” (1904–1905)» (Набоков, В. В. Стихотворения [Текст] / В. В. Набоков. СПб., 2002. С. 541).

12. См.: *Шаховская, З. А.* В. И. Поль и «ангельские стихи» Вл. Набокова [Текст] / З. А. Шаховская // Русский альманах (Almanach russe) / ред. З. Шаховская, Рене Герра, Евг. Терновский. Париж, 1981. С. 233.

13. *Boyd, B.* Vladimir Nabokov. The Russian Years [Text] / B. Boyd Princeton, 1990. См. также: *Бойд, Д.* Владимир Набоков: русские годы [Текст] : биография / Д. Бойд ; пер. с англ. М.: Изд-во Независимая Газета, 2001. С. 184–185.

14. См. подробнее: *Федотов, О. И.* Ангелы в поэтическом Космосе Вл. Набокова [Текст] / О. И. Федотов // Русская литература и российское зарубежье: параллели и пересечения. V Крымские Междунар. Шмелевские чтения. Алушта, 1996; *Федотов, О.* Земля и Небо: о религиозной рефлексии Владимира Набокова [Текст] / О. Федотов // Литература: Еженедельное приложение к газете «1 сентября». 1997. № 35 (сентябрь).

15. Откровенно птичий псевдоним 20–40-х гг., которым молодой поэт хотел прикрыть громкую фамилию своего отца, – ещё одно убедительное свидетельство в пользу его напряжённых духовных поисков и построения им преимущественно вертикальной картины поэтического Космоса своих произведений. О происхождении и образной семантике псевдонима см. также: авторское примечание к стихотворению «Слава» в кн.: Набоков Владимир. Стихи и комментарии [Текст] / публ. и комм. Г. Б. Глушанок // Наше наследие. 2000. № 55. С. 86; *Набоков, В.* Стихи [Текст] / В. Набоков. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 320; *Фомин, А.* Сирин: двадцать два плюс один [Текст] / А. Фомин // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 302–304; *Маликова, М. Э.* Забытый поэт [Текст] / М. Э. Маликова // Набоков В. В. Стихотворения. СПб., 2002. С. 20–21.

16. *Дионисий Ареопагит.* О небесной иерархии [Текст] / Ареопагит Дионисий. СПб., 1997.

17. Дионисий Ареопагит. Указ. соч. С. 79.

18. Ср. с аналогичными декларациями Пушкина («Поэту»: Поэт! не дорожи любовию народной...), Поля Верлена («Art poetique») (в фонде Г. П. Струве в Гуверовском архиве имеется перевод этого стихотворения, выполненный Набоковым в 1930-е гг.), Валерия Брюсова «Поэту», «Сонет к форме», «Сонет к мечте», «Сонет о поэте»...

19. См. его письмо, адресованное В. Маркову от 17 декабря 1955 г. Цит., вслед за М. Э. Маликовой, по: В. Набоков в отзывах современников [Текст] / предисл. и подгот. текста О. Коростелёва // Литературное обозрение. 1996. № 3. С. 112.

20. Несмотря на то, что оно, как установил Омри Ронен (*Ronen, O.* Nabokov and Goethe [Text] / O. Ronen // Cold Fusion. Aspects of the German Cultural Presence in Russia / ed. by Gennady Barabtarlo. New York; Oxford: Berghahn Books, 2000. P. 245–246), является вольным переложением перевода И.-В. Гёте из Низами (Гёте, И.-В. Западно-Восточный Диван [Текст] / И.-В. Гете. М.: Наука, 1988. С. 194).

21. Анализ его см.: *Федотов, О. И.* Материнство превыше веры (о стихотворении В. Набокова «Мать») [Текст] / О. И. Федотов // Анализ художественного текста на школьном уроке: теория и практика. Вып. II. СПб; Ставрополь, 1996; *Федотов, О.* Земля и Небо: о религиозной рефлексии Владимира Набокова [Текст] / О. Федотов // Литература: Еженедельное приложение к газете «1 сентября». 1997. № 35 (сентябрь).

22. Впервые отмечено в: *Field, A.* Nabokov. His Life in Part [Text] / A. Field. New York: Viking, 1977. P. 133. См. также: *Smith Gerald, S.* Nabokov and Russian Verse Form [Text] / S. Smith Gerald // Russian Literature Triquarterly. 1991. № 24. P. 303.

23. Не забудем, что именно на греческом судне и через Грецию лежал путь семейства Набоковых, покидавшего объятую гражданской войной родину. В афинском порту Пирей они провели 3 недели. За этот время «В. Набоков написал несколько стихотворений об Акрополе и имел три любовных романа» (См.: *Маликова, М. Э.* Забытый поэт [Текст] / М. Э. Маликова // Набоков В. В. Стихотворения. СПб., 2002. С. 14).

24. После трагической гибели отца, последовавшей 28 марта 1922 г.

25. К. В. <Мочульский>. В. Сирин. Гроздь. Берлин: Гамаюн, 1923 // Звено. 1923. № 12. 23 апреля.

26. Недаром тексту в качестве эпиграфа предпослан образчик такого рода песнопения: «Стоял костел незрублены, / а в том костеле три оконечки...» (Стих калик перехожих).

27. Спустя три года Набоков писал об уроках Гумилёва, побудивших его отречься от многозначительных туманностей символизма в пользу образной конкретики акмеизма, как в стихах, так и в прозе: «Читая его, понимаешь, между прочим, что стихотворение не может быть просто “настроением”, “лирическим нечто”, подбором случайных образов, туманом и тупиком. Стихотворение должно быть прежде всего интересным. В нём должна быть своя завязка, своя развязка. Читатель должен с любопытством начать и с волнением окончить. О лирическом переживанье, о пустяке необходимо рассказать также увлекательно, как о путешествии в Африку. Стихотворенье – занимательно, – вот ему лучшая похвала» (*Набоков, В. В.* Собр. соч. [Текст] : в 5 т. / В. В. Набоков. СПб., 1999–2000. Т. II. С. 639–640).

28. *Кожинов, В. В.* Сюжет, фабула, композиция [Текст] / В. В. Кожинов // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. М., 1964. Кн. 2.

29. Примерно такой же отчаянный прыжок из настоящего в прошлое тот же лирический герой готов совершить... *на лыжах*, чтобы воспарить над родным Петербургом в стихотворении «Лыжный прыжок», 1926, Riesengebirge. Ср. ещё один мотив опять-таки *лыжного* возвращения на родину в стихотворении «Песня» («Верь: вернутся на родину все...»), 1923. Наконец, в стихотворении «Исход», 11 сентября 1924, Берлин, то ли поэт совершает фантастический полёт над родным Петербургом вместе с музой, то ли силой воображения заставляет перенестись к себе свой «город непорочный, / дивно оторвавшись от земли»...

30. *Nabokov, V.* Speak, Memory: An Autobiography Revisited [Text] / V. Nabokov. New York, 1967. P. 225. Цит. по: *Маликова, М. Э.* Забытый поэт [Текст] / М. Э. Маликова // Набоков В. В. Стихотворения. СПб., 2002. С. 6.

31. Что было, как известно, весьма продуктивным творческим приёмом Осипа Мандельштама.

32. Эта же или подобная ей загробная беседа Пушкина «с другим поэтом, поздно / пришедшим в мир и скорбно отошедшим, / любившим город свой непостижимый / рыдающей и реющей любовью...» воссоздана в стихотворении «Петербург» («Мне чудится в Рождественское утро...»), <14 января 1923>.

33. Стихотворение, кстати, получило весьма негативную оценку в уже упомянутом письме Г. П. Струве к В. Маркову: «...особенно безвкусно и фальшиво его стихотворение о том, как Блока принимают в раю Пушкин, Тютчев и др. поэты» (В. Набоков в отзывах современников... // Литературное обозрение. 1996. № 3. С. 112).

34. Образ, несомненно порождённый впечатлением от пронзительных строк Ходасевича: «Какая может быть досада, / И счастья разве хочешь сам, / Когда *нездешняя прохлада* / Уже бежит по волосам? // Глаз отдыхает, слух не слышит, / Жизнь потаённо хороша, / И *небом невозбранно дышит* / *Почти свободная душа.* («Когда б я долго жил на свете...», 8–29 июня 1921 года).

35. Не исключено, что примерно теми же соображениями руководствовался и Фёдор Сологуб в своём «Сонете триолетно-октавном», 19 июля 1920 г.: «Нисходит милая прохлада, / В саду не шелохнётся лист, / Простор за Волгой нежно-мглист. / Нисходит милая прохлада // На задремавший сумрак сада, / Где воздух сладостно душист. // Нисходит милая прохлада, / В саду не шелохнётся лист. // В душе смиряется досада, / И снова облик жизни чист, / И вновь душа беспечно рада, / Как будто соловьиный свист // Звучит в нерукотворном храме, / Победное колебля знамя».

36. «Тонет», скорее всего, Петербург, но *где* или *в чём*, остаётся только гадать.

37. Констатация «Изнемог» также оставляет открытым вопрос о субъекте изнеможения. С равным правом им могут быть и Петербург и воспринимающий его лирический герой.

38. Один из его крымских альбомов, как сообщает Бриан Бойд, был озаглавлен «Стихи и схемы» и содержал стихи с соответствующими диаграммами «полуударений», вместе с шахматными задачами и другими заметками. См. *Бойд, Б.* Владимир Набоков. Русские годы... С. 183.

39. Наш мир. 1924. № 217, 24 сентября. См. также: *Boyd, B.* Vladimir Nabokov. The Russia Years [Text] / B. Boyd. Princeton, 1990; *Янгиров, Р.* Берлинские забавы Владимира Набокова [Текст] / Р. Янгиров // Wiener Slawistischer Almanach. 1998. Bd. 41. С. 105–116.

40. *Набоков, В. В.* Собр. соч. [Текст] : в 5 т. / В. В. Набоков. СПб., 2000. Т. 5. С. 318–319.

41. 4-я глава романа, обрамлённая этим сонетом, создавалась писателем, как считают набоковеды, в 1934 г.

42. В романе отмечено также, что такую же фамилию «впоследствии Чернышевский дал главному герою-чтецу своих сибирских новелл».

43. *Набоков, В. В.* Собр. соч. [Текст] : в 4 т. / В. В. Набоков. М., 1990. Т. 3. С. 191. Ниже ссылки на это издание даны непосредственно в тексте, с указанием в круглых скобках тома и – через запятую – страниц.

44. Можно сказать и наоборот: включающий в себя прозу! Вся четвертая глава, таким образом, может быть описана как элогиальное построение или смешанная стихопроза. См.: *Федотов, О. И.* Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха [Текст] : в 2 кн. Кн. 1. Метрика и ритмика / О. И. Федотов. М., 2002. С. 321–322.

45. «(Словно у человека руки были в столярном клее, и обе были левые)» (3, 175).

46. В нашем случае – на третьей, что только усугубляет описываемый Набоковым эффект.

47. *Погребная, Я. В.* О художественной функции опрокинутого сонета в романе В. В. Набокова «Дар». Цит. по рукописи доклада, прочитанного на III симпозиуме «Школы Сонета» в Петербурге в мае 1997 г.

48. *Леденёв, А. В.* От Владимира Дарова к «Дару» Владимира: В. Брюсов и В. Набоков [Текст] / А. В. Леденев // Новое литературное обозрение. 2004. № 12. С. 21.

49. *Погребная, Я. В.* Там же.

О. В. Байкова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ В НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ (ИДИОЛЕКТАХ) КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной статье автор исследует исторические чередования гласных, присущие немецким говорам Кировской области, а именно: чередования назализованных и неназализованных гласных, умлаут, преломление и редукция гласных. Как известно, исторические чередования обнаруживают определенную связь между фонемами и имеют существенное значение для их системы. В рассматриваемых говорах исторические чередования очень распространены и несут определенные морфологические функции.

Как известно, различают два типа чередований звуков: фонетическое и историческое [1]. Фонетические чередования гласных фонем в немецком литературном языке не обнаружены. В исследуемых говорах мы также не нашли подобных чередований.

Исторические чередования обнаруживают определенную связь между фонемами и имеют существенное значение для их системы [2]. Как и в литературном языке, исторические чередования в отличие от фонетических, то есть обусловленных позицией в слове, очень распространены в рассматриваемых говорах и большей частью несут определенные морфологические функции, играя, подобно флексии, смыслоразличительную роль. И если эти чередования не обусловлены с точки зрения современной фонетической системы идиолектов, то они фонетически обусловлены в какой-то предшествующий период его развития [3]. В качестве исторических чередований в немецких говорах Кировской области мы рассматриваем чередование назализованных и неназализованных гласных, умлаут, преломление и редукцию гласных.

Назализация

Чередование назализованных и неназализованных гласных относится к историческим че-

БАЙКОВА Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, и. о. доцента кафедры романо-германской филологии факультета лингвистики ВятГГУ
© Байкова О. В., 2006

редованиям, так как в настоящее время это чередование не обусловлено влиянием последующих носовых согласных. Объясняется это тем, что после некоторых гласных и дифтонгов произошла синкопа или апокопа носовых согласных /n/, /m/, в результате чего назализация соответствующих гласных и дифтонгов из позиционно обусловленного превратилась в фонологически релевантный признак. Например, *mã:* – "Mann" (свн. man), *lõ:* – "Lohn" (свн. lōn), *gã:s* – "Gans" (свн. gans), *kɐ̃:* – "Kinn" (двн. kinni, свн. kinne), *õĩ* – "ein" (свн. ein), *tsɐ̃ã:* – "zehn" (свн. zehen), *þflõũ:* – "Flaum" (свн. pflūme), *ʃtãĩ:* – "Stein" (свн. stein). В этом мы убеждаемся не только сравненивая наши примеры с немецким языком средневерхненемецкого периода, но и анализируя современное состояние звуковой системы исследуемых идиолектов. Так, в некоторых именах существительных во множественном числе, в именах прилагательных в сравнительной степени наблюдается восстановление /n/. Например, *mã:* – *men(ə)r* "Mann – Männer", *ʃɐ̃:* – *ʃɐ̃(n)r* "schön – schöner".

В рассматриваемых идиолектах методом аудитивного и компьютерного анализа мы наблюдаем 7 носовых гласных фонем /ɐ̃:/, /ã:/, /õ:/, /ãĩ/, /õũ/, /õĩ/, /ɐ̃ã/. Однако следует отметить, что их функциональная нагрузка относительно слабая, частотность соответствующих ртовых гласных намного выше. При сопоставлении средней частотности носовых гласных со средней частотностью соответствующих ртовых мы получаем следующую картину:

ртовые гласные	носовые гласные
a: – 1,54%	ã: – 1,02%
o: – 1,72%	õ: – 0,34%
e: – 1,56%	ɐ̃: – 0,13%

При сопоставлении средней частотности носовых дифтонгов и соответствующих неносовых мы можем наблюдать некоторое соответствие, однако и здесь средняя частотность ртовых фонем несколько выше:

ртовые дифтонги	носовые дифтонги
ɐa – 0,84%	ɐ̃ã – 0,12%
oi – 0,06%	õĩ – 0,06%
ou – 0,3%	õũ – 0,18%
ai – 0,42%	ãĩ – 0,12%

Следует отметить, что в рассматриваемых идиолектах во многих случаях назализация сохранила признак прежней позиционной обусловленности, являясь в этих случаях формой контактной регрессивной ассимиляции. Проявляется это в том, что все долгие и краткие гласные, а также дифтонги, частично уподобляясь следующим за ними носовым согласным, принимают бóльшую или меньшую носовую окраску. Например, *hõĩm* "heim", *kã:m* "Kamm", *vɐ̃ãm* "wem" и др.

Указанные явления характерны для верхненемецких говоров, в частности для швабского ареала в целом [4]. В. М. Жирмунский, говоря о возможности нейтрализации группы самостоятельных фонем в немецких диалектах в определенном положении, отмечает, что средневерхненемецкие i, e, ë /ä/ нейтрализуются в швабском /en/ – при удлинении /ēn/. Это положение распространяется и на долгие гласные исследуемых говоров. Что же касается кратких гласных, то на основании данных, почерпнутых из письменных памятников, исследователь швабских говоров Ф. Кауффманн в конце XIX в. указывал на особое развитие кратких гласных в позиции перед носовыми и на то, что в XII в. наряду с назализацией произошло удлинение кратких носовых гласных [5].

В говорах Верхнекамского района не нашли место фонемы /ĩ:/, /ũ:/. Примечательно также, что первыми компонентами носовых дифтонгов являются гласные среднего подъема /e/, /o/, а также гласный низкого подъема /a/. Дифтонги же исследуемых идиолектов, первыми компонентами которых являются гласные высокого подъема /i/, /u/, носовых партнеров не имеют. Объясняется это тем, что на более раннем этапе развития звуковой системы верхненемецких диалектов (до XII в.) фонемы /a:/, /o:/, /e:/ имели назализованные варианты, обусловленные наличием последующего носового согласного. В XII в. происходит синкопа носовых согласных /n/, /m/, /ŋ/, то есть утрачивается фонетическая причина возникновения назализованных вариантов, вследствие чего они обособляются от соответствующих ртовых.

Таким образом, появление в исследуемых идиолектах носовых гласных связано с синкопой и апокопой носовых согласных /n/, /m/, /ŋ/ преимущественно перед смычными и спирантами, что вызвало назализацию и удлинение, или дифтонгизацию предшествующего монофтонга или дифтонга.

Умлаут

Как известно, в германистике под умлаутом понимается палатализация корневых гласных, вызывавшаяся начиная с древневерхненемецкого периода звуками [i], [j], [î] последующего слога [6].

В рассматриваемом языковом материале мы наблюдаем, что чередование по умлауту – это распространенное явление, несмотря на то, что продвижение умлаута шло с севера на юг и в южнонемецких диалектах встретило в целом ряде случаев сопротивление [7].

Следует подчеркнуть, что чередование /a/ /e/, обусловленное гласным /i/ в следующем за корнем слоге, на всей территории древневерхненемецкого периода имело место только в тех слу-

чаях, когда корень оканчивался согласным или группой согласных, за исключением ht, hs, lw, rw. В южнонемецких диалектах, однако, препятствием для возникновения умлаута служили также группы r + согласный, спирант hh (ch) и придыхание h [8].

Подобно современным южнонемецким диалектам, в которых отсутствует умлаут краткого /u/ перед /g/ (средневерхненемецкий – kk), например brug “Brücke”, в рассматриваемых говорах такие случаи также нередки. Например, tsrug “zurück”.

Методом прямого наблюдения нами выявлено, что лабиализованные гласные переднего ряда полностью подверглись делабиализации и совпали с соответствующими нелабиализованными, поэтому в описываемых говорах лабиализованные гласные заднего ряда чередуются с нелабиализованными гласными переднего ряда, то есть /u/, /o/ чередуются с /i/, /e/. Ср.:

/u – i/ vunʃ – vinʃ “Wunsch – Wünsche”;

/u: – i:/ tsu:g – tsi:g “Zug – Züge”;

/o – e/ kopf – kepfə̇ “Kopf – Köpfe”;

/o: – e:/ fo:gl – fe:gl “Vogel – Vögel”.

Аналогично чередованию /u/ /i/ нами наблюдается чередование первых элементов (ядер) дифтонгов /uə/, /iə/ и вторых элементов (глайдов) дифтонгов /əu/, /əi/ и /ou/, /oi/. Ср.:

/uə – iə/ gruəs – griəs “Gruss – Grüsse”;

/əu – əi/ məus – məisə̇ “Maus – Mäuse”;

/ou – oi/ grous – groisr “gross – grosser”.

Фонема /a/ чередуется в говорах по умлауту как с фонемой /ę/, так и с фонемой /e/. Ср.:

/a – ę/ hat – hęt “hat – hätte”;

/a – e/ bald – beldr “bald – schneller”.

Фонема /a:/ чередуется с фонемами /ę:/, /e:/. Ср.:

/a: – ę:/ va:r – vę:r “war – wäre”;

/a: – e:/ na:gl – ne:gl “Nagel – Nägel”.

Носовые гласные чередуются по умлауту в основном так же, как и ртовые. Ср.:

/ã: – ɐ̃:/ gã:s – gɐ̃:sə̇ “Gans – Gänse”;

/õ: – ɐ̃:/ dõ: – dɐ̃: “Ton – Töne”.

Таким образом, можно сказать, что умлаут в исследуемых говорах получил довольно широкое распространение. Однако в некоторых случаях исторические чередования по умлауту не были замечены, например, в некоторых сильных глаголах 2, 6, 7-го рядов аблаута во 2-м лице и 3-м лице ед. числа. Ср.: laufə̇ “laufen”, laufʃd, laufd “läufst, läuft”. Явление выравнивания глагольной парадигмы в единственном числе настоящего времени наблюдается во многих немецких диалектах.

Преломление

Известно, что в древневерхненемецком периоде преломление представляло собой вид полной дистанктной ассимиляции, то есть сужение кратких корневых гласных среднего подъема /e/, /o/ в гласные верхнего подъема /i/, /u/ под влиянием узких гласных в суффиксе [9]. Уже в древневерхненемецком периоде преломление приобретает характер морфологического признака, сигнализирующего о единственном числе настоящего времени [10].

В описываемых говорах большинство сильных глаголов с корневыми гласными /ę/, /e/ не имеет чередования e – i . Это связано, вероятно, с тем, что умлаут с течением времени оказался грамматически избыточным. Ср.: ʃmęltsə̇, ʃmęltʃd, ʃmęltʃd “schmelze, schmilzt, schmilzt”, hęlf, hęlfʃd, hęlfd “helfe, hilfst, hilft”, ʃtęrb, ʃtęrbʃt, ʃtęrbd “sterbe, stirbst, stirbt”,

Исключение составляют глаголы nę:mə̇ “nehmen”, sɐ̃ã “sehen”, где происходит чередование /e/ на /i/ в отличие от литературного немецкого языка также и в 1-м лице ед. числа, что не являлось исключением на ранних этапах развития немецкого языка. Ср:

Говор	древневерхненемецкий	средневерхненемецкий
Ед. число		
1. nim	nimu	nime
2. nimʃd	nimis (-st)	nim(e)st
3. nimd	nimit	nim(e)t
Мн. число		
1. neməd(ə̇)	nemamês	nemen
2. neməd	nemed	nemet
3. neməd(ə̇)	nemant	nement

Что касается глагола sɐ̃ã “sehen”, следует отметить, что во 2-м и 3-м лице ед. числа /i:/ переходит в дифтонг /iə/. Носовое качество дифтонга /ɐ̃ã/ во мн. числе направлено на последующий согласный. Ср.:

Говор	древневерхненемецкий	средневерхненемецкий
Ед. число		
si:	sihu	sihe
siəʃd	sihis(-st)	sih(e)st
siəd	sihit	sih(e)
Мн. число		
sɐ̃ã	sehamês	sehen
sɐ̃ãd	sehet	sehet
sɐ̃ã	sehant	sehent

Редукция гласных

Потеря функциональной значимости морфемой или ослабление морфологических элементов ведет к ослаблению ударения и фонетической редукции. Как известно, это явление носит название общего закона германского ударения [11]. Следует отметить, что редукция характерна для многих немецких диалектов [12].

Редукция гласных исследуемых говоров является исключительно активным постлексическим (на этапе, следующем после эталонного

оформления лексических единиц [13]) процессом, то есть связана с влиянием фонетического контекста на аллофоны фонем, который включает в себя прежде всего дистрибуцию звука и темп речи. Особое место среди постлексических процессов занимает фонетическая реализация анакцентных слов – слабых форм: артиклей, предлогов, частиц, союзов, служебных глаголов и их реализаций, в меньшей мере существительных и прилагательных.

Можно выделить следующие постлексические процессы редукции исследуемых говоров:

1. Предакцентные слоги: gmaxt – "gemacht", gʃla:fa˙ – "geschlafen", gmaxt, ghę:rt – "gemacht", "gehört" с оглушением g, где наблюдается синкопирование гласного. Наши примеры свидетельствуют о наличии подобных явлений в идиолектах нижненемецкого типа и в идиолектах верхненемецкого типа: frtalt/frtsę:lt "erzählt", bkoma˙ "bekommen" tsrʃla:ga˙ "zerschlagen". В немецком литературном языке эта редукция воспринимается как диалектная. Приставка "zer", например, в стандарте вообще не знает элизии.

2. Ауслаутная постакцентная позиция:

а) окончание –e глаголов в 1-м лице ед. числа наст. времени апокопируется в речи носителей как нижненемецких, так и верхненемецких идиолектов в силу своей избыточности: i:brəux/iç brəux "ich brauche", i:bit˙ "ich bitte", i:mox "ich mache";

б) окончания имен существительных в исследуемых идиолектах элидируют, что не характерно для немецкого литературного языка: brik "Brücke", gʃiçt "Geschichte", vo:x "Woche", tsəit "Zeiten", oug "Auge", khęrb "Körbe", gɛ̃:s "Gänse", fe:t "Füsse", vɛ̃:d "Wände";

в) прилагательные в исследуемых идиолектах в случае именного склонения опускают шва: əns kholt vasa˙ "ins kalte Wasser", ʃlęçt tsəit "schlechte Zeit", diə nui gʃiçt "die neue Geschichte", də˙ broun hont "der braune Hund". В немецком литературном языке подобные формы не отмечены, видимо, в силу морфонологических причин.

3. Постакцентная инлаутная позиция:

а) редукция в этой позиции не зависит от морфологии слова и сопровождается обычно ассимиляцией: lo:fm "laufen", ha:m "haben";

б) в исследуемых идиолектах широко представлены случаи элизии шва в суффиксах типа –el, –en: re:gn "Regen", e:dl "edel", himl "Himmel" [14].

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, следует подчеркнуть, что исторические чередования гласных достаточно широко распространены в рассматриваемых говорах и осуществляют определенные морфологические функции.

Примечания

1. *Зиндер, Л. Р.* Научная грамматика немецкого языка [Текст] / Л. Р. Зиндер, Т. В. Сокольская. Л.: Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, ЛО, 1938. С. 28.

2. *Зиндер, Л. Р.* Общая фонетика [Текст] / Л. Р. Зиндер. М.: Высш. шк., 1979. С. 237–238.

3. *Розенталь, Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. М.: Просвещение, 1976. С. 138–139.

4. *Birlinger, A.* Die Augsburger Mundart [Text] / A. Birlinger. Augsburg: Math. Riegersche Buchhandlung, 1862. CI ICCCLXII, III. S. 7.

5. *Kauffmann, F.* Geschichte der schwäbischen Mundart im Mittelalter und in der Neuzeit mit Textproben und einer Geschichte der Schriftsprache in Schwaben [Text] / F. Kauffmann. Strassburg: K. J. Trübner, 1890. XXVIII. S. 165.

6. Ср.: *Зиндер, Л. Р.* Историческая фонетика немецкого языка [Текст] / Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. М.; Л.: Просвещение, 1965. С. 78–83.

7. *Жирмунский, В. М.* История немецкого языка [Текст] / В. М. Жирмунский. М.: Высш. шк., 1966. С. 162–163.

8. *Moskalskaja, O. I.* Deutsche Sprachgeschichte [Text] / O. Moskalskaja. M.: Hochschule, 1977. S. 66.

9. Ibid. S. 65–66.

10. *Зиндер, Л. Р., Строева Т. В.* Указ. соч. С. 94.

11. *Жирмунский, В. М.* Указ. соч. С. 156–160.

12. *Weise, O.* Unsere Mundarten. Ihr Werden und ihr Wesen [Text] / O. Weise. Leipzig; Berlin: B. G. Teubner, 1910. XII. S. 32.

13. *Бухаров, В. М.* Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка [Текст] / В. М. Бухаров. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. С. 74.

14. Ср.: Там же. С. 94–95.

Л. В. Кропотова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИСЕМИИ

В задачу данной статьи входит попытка выявить некоторые квантитативные характеристики лексической многозначности на базе словарей современного немецкого языка, установить корреляцию между уровнем полисемичности и принадлежностью лексем к той или иной части речи, определить соотношение в лексиконе однозначных и многозначных слов, уточнить соотношение семантической деривации, словообразования и заимствования (как основных лингводинамических процессов) в неологической части словаря.

Словарное представление многозначных лексем, стремление к их адекватному, достаточно полному и непротиворечивому описанию в лексикографических изданиях разных типов и жанров является одной из «вечных» проблем лексикографической деятельности. С помощью квантитативного анализа и количественных показателей проанализируем проблему данного раздела – соотношение полисемии и лексикона. Под лексиконом понимается лингвистическое отраже-

КРОПОТОВА Лариса Васильевна – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии ВятГГУ
© Кропотова Л. В., 2006

ние системы языковых единиц и отношений между ними в виде толкового или идеографического словаря, это – словарь как компонент языковой модели.

В соответствии с тремя сторонами знака (1 – форма, выражение; 2 – значение, содержание; 3 – функция, употребление, частотность как количественный показатель функциональной значимости, «веса» знака в системе коммуникации) макроструктура лексикона (т. е. состав его элементов с упором на характер отношений между ними) может быть описана трояким способом. В данной макроструктуре должны быть формально и содержательно разграничены:

1) семасиологическая структура лексикона – количественный состав его единиц в толковом (алфавитном) словаре с учётом основных параметров (принадлежность лексической единицы к определённой части речи, род существительных, тип глагола, количество значений и т. д.);

2) ономасиологическая структура лексикона, отражающая систему знаний о мире в виде составленного на идеографической основе тезауруса языка;

3) функциональная (частотная, лингвостатистическая) структура лексикона, фиксирующая частотные и ранговые характеристики языковых единиц и различных категорий (полисемии, омонимии, синонимии и т. д.) в системе языка в различных подъязыках, подсистемах, жанрах и типах текстов.

Квантитативное обследование полисемии опирается на разграничение в лексиконе качественно различных сфер или зон. В словарном составе различают центр и периферию, более дифференцированно – ядро, центр и периферию (ближнюю и дальнюю). Основываясь на опыте лингвостатического анализа, Л. Н. Засорина выделяет три ключевых пункта в статистической структуре словаря: около 4 000 слов (базисный, основной словарь – ядро лексикона), около 40 000 слов (общий словарь – центр лексико-фразеологической системы), около 400 000 слов (полный словарь, включающий ядро, центр и периферию). Последняя величина (400 тысяч) характеризует полный словарь современного немецкого языка Дудена. В нём лексикографы различают по объёму три типа словаря, которые включают: Grundwortschatz (Grunddeutsch), Allgemeinwortschatz, Gesamtwortschatz.

К ядру лексикона относятся самые частотные слова, т. е. наиболее значимые в номинативном, коммуникативном и когнитивном плане. Эти слова, как показывает анализ частотных словарей, 1) самые краткие, 2) самые древние, 3) наиболее простые по своей морфологической структуре, 4) обладающие наиболее широким значением, высокой полисемией [1]. Естественно, определённую часть лексического ядра составляют слова с большей длиной и сложной структурой, сравнительно «молодые» и однозначные.

Вопрос о роли и распространённости полисемии в системе языка и текста остаётся дискуссионным. В научной литературе можно встретить разноречивые, порой прямо противоположные оценки представленности полисемии в языке. Некоторые исследователи, недооценивая роль полисемии, считают её «двусмысленностью», «неудобным явлением языка, вынужденным свойством языка, полагают, что это – нетипичное для языка явление. Другие считают доказанным, что большинство слов в языке (около 80%) являются многозначными [2].

Проведённый с целью проверки эксперимент, объектом которого был 17-томный «Словарь современного литературного языка» (БАС), не подтвердил данного мнения. В обследованном массиве лексики (991 324 слова) из 14 томов БАСа только 18 553 слова оказались многозначными. Среди более половины слов, включённых в БАС (точнее, 75% от 120 тысяч), имеется лишь около 22% многозначных, а остальные – около 78% – однозначны [3].

Наблюдения показывают, что полисемичные слова преобладают в кратких и средних по объёму словарях, а также в словарях частотных. Укоренившееся мнение о полисемии в лексике как доминирующем свойстве данной сферы языка, по-видимому, сильно преувеличено, по крайней мере, если учитывать процентное соотношение однозначных и многозначных слов по данным словарей. Например, в современном английском языке многозначные глаголы составляют 62%, имена существительные – 50%, а многозначные прилагательные – только 44%.

Квантитативные характеристики полисемии как основа качественной интерпретации этого явления выводятся из анализа системы языка и текста. В зависимости от объекта и материала анализа получаются разные полисемические распределения. В этом плане словарь и текст (совокупность текстов) имеют прямо противоположные характеристики: «...если в словаре языка в целом доля многозначных слов, как правило, значительно меньше, чем доля однозначных, то употребление многозначных слов в тексте составляет подавляющую его часть – от 80 до 99% его объёма в зависимости от типа языка и тематики текста» [4].

Соотношение «полисемия – моносемия» представлено в квантитативных исследованиях различными показателями, которые характеризуют: 1) общее количество многозначных и однозначных слов в лексиконе и текстах; 2) средний коэффициент полисемантичности в данном словаре, получаемый при делении общего числа значений (лексико-семантических вариантов, узуальных

смыслов) на число лексем; 3) представленность полисемии среди различных частей речи, в лексико-семантических группах (при выделении их центра и периферии), в словах на данную букву алфавита (в семасиологическом толковом словаре).

Уровень развития полисемии зависит от типа языка; в аналитических языках доля многозначных слов больше, чем в других, синтетических.

Как показывают исследования, в лексиконе (в словарном запасе) языка наибольшее место занимают однозначные слова, затем, в порядке убывания вероятностей, следуют слова с двумя, тремя, четырьмя, ... значениями. Зависимость между объёмом словаря V и долей слов, имеющих X значений, впервые обнаружил венгерский исследователь Ф. Папп и выразил эту зависимость формулой $Yx = \frac{V}{2x}$,

где V – объём словаря, x – количество значений в слове, У – доля слов с x значениями в словаре [5]. Ф. Папп вывел эту формулу в результате анализа толкового словаря венгерского языка (58 тысяч слов), отметив, что для других языков она не подходит. Вероятность того, что слово имеет м (или x) значений, убывает в геометрической прогрессии со знаменателем, равным 0,5, с пропорцией уменьшения в два раза. В идеальном случае доля однозначных слов занимает половину объёма словаря, слова с двумя значениями составили S количества однозначных слов, слово с тремя значениями – S количества двузначных слов и т. д.

Закономерность, выявленная Ф. Паппом, зависит от объёма словаря. При ограниченном объёме словаря максимальное число значений отдельного слова должно иметь предел. Если, допустим, в толковом словаре 100 тысяч лексем, то максимальное число значений не может превысить 16–17. Наш эксперимент показывает, что формула Ф. Паппа соблюдается (с определённой степенью аппроксимации) в словарях малого и среднего объёмов, где количество однозначных слов – самой массовой лексической зоны в полном словаре – составляет примерно половину объёма словаря. Для того чтобы верифицировать правильность формулы Ф. Паппа, был подвергнут квантитативному анализу «Карманный словарь немецкого языка» под редакцией Г. Варига [6]. Словарь содержит примерно 16 тысяч наиболее употребительных и коммуникативно значимых слов, относящихся к центру лексикона. За его пределами остались диалектные и узко специальные слова, а также прозрачные (в том числе окказиональные) композиты, значение которых выводимо из значений компонентов.

Полисемическое распределение в карманном словаре Г. Варига в целом соответствует (с допустимыми отклонениями) формуле Ф. Паппа. В «Карманном словаре» несколько заниженным оказалось количество однозначных слов (на 10% больше ожидаемой величины), завышено число двузначных лексем (на 20%). Отклонения от нормы можно объяснить двумя причинами. Во-первых, не следует абсолютизировать модели и формулы, которые лишь приближённо могут отразить динамику языковой системы. Во-вторых, факт преобладания однозначных слов в словаре большого объёма повлиял на составителей «Карманного словаря», которые при отборе лексики – вольно или невольно – отдавали предпочтение двузначным словам, которые, сравнительно с однозначными словами, в большей степени соответствуют параметрам лексического ядра.

Статистические параметры полисемии в немецком языке были исследованы нами в немецко-русском (основном) словаре (95 тысяч слов, 200 тысяч словосочетаний) [7] на анализе словарной статьи буквы «r». В данной словарной статье содержится 1620 тысяч основных слов, не считая производные слова [8]. Однозначные слова составляют 1120 (примерно 70%), многозначные слова – 500 слов (примерно 30%). Таким образом, оправдывается преобладание однозначных слов при отборе лексики в словаре с довольно большим объемом слов.

Лексическая полисемия – это способность единиц лексикона, реализуемая в процессе функционирования языка и проявляющаяся в наличии у слова нескольких системно закреплённых, семантически взаимосвязанных и функционально взаимодействующих значений, которые служат средством номинации объективно различных предметов и явлений и различаются в языке синтагматически и парадигматически.

Примечания

1. *Ольшанский, И. Г.* Лексическая полисемия в современном немецком языке [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / И. Г. Ольшанский. М., 1991. С. 275.

2. *Будагов, Р. А.* Многозначность слова [Текст] / Р. А. Будагов // Филологические науки. 1958. № 1. С. 71–75.

3. *Сердобинцев, Н. Я.* Семантическая структура многозначных слов [Текст] / Н. Я. Сердобинцев // Семантические и функциональные аспекты изучения лексики русского языка. Саратов: Саратов. пед. ин-т, 1983. С. 15.

4. *Поликарпов, А. А.* Полисемия: системно-квантитативные аспекты [Текст] / А. А. Поликарпов. Тарту: Изд-во Тарт. гос. ун-та, 1987. Вып. 74. С. 136.

5. *Ольшанский, И. Г.* Указ. соч. С. 278.

6. *Wahrig, G.* Wörterbuch der deutschen Sprache: 4. Aufl. [Text]. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1981. 356 s.

7. Немецко-русский (основной) словарь [Текст]: 5-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1998. 1040 с.

8. Там же. С. 681–714.

Л. П. Кудреватых

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПОВ СЛОВ В ЛИНГВИСТИКЕ

Семантическая типологизация слова в современном языке традиционно проводится на основании противопоставления лексической однозначности и многозначности.

Еще Бреаль отмечал, что многозначность следует понимать как способность слова иметь два или более связанных значений [см.: Ульманн, 1970, с. 267].

В современном языке многозначность представлена большим разнообразием типов: полисемия, вариативность, синкретизм, полифункционализм, энантиосемия; словообразовательная полисемия, словообразовательная омонимия и т. д.

Обычно термин «многозначность» трактуют шире, чем специальный термин «полисемия» (polysemy), который применяется для обозначения переносов значений в семантической структуре слова на базе импликационных и симиляционных связей (или «метафора и метонимия» – в терминах стилистики) [Никитин, 1988]. По мнению Р. А. Будагова [1965, с. 17], источником полисемии являются процессы, обусловленные природой нашего мышления, способностью человека обобщать в слове явления окружающего нас мира.

По признанию исследователей семантики слова, отличительными признаками полисемии является целый ряд переносов или сдвигов в структуре значения слова. Это:

1) деривационный сдвиг,

2) категориальный сдвиг,

3) семантический сдвиг словозначений [Арнольд, 1985; Арутюнова, 1990; Апресян, 1974; Уфимцева, 1986; Конецкая, 1993; Ульманн, указ. соч. и др.].

В современной лингвистике вариативность (vagueness) часто понимается как незначительное видоизменение формы при общности смысла. Другой взгляд на вариативность отражает наличие инвариантно-вариантных отношений в структуре слова, которые рассматриваются как отношения между абстрактными единицами и конкретными способами их реализации [Литвин, 1984; Новиков, 1982; Уфимцева, указ. соч.].

В некоторых работах, в частности в работе Е. Г. Беляевской (1987), многозначность и вариативность рассматриваются как взаимообусловленные величины в противоположность явлению константности в языке, которое понимается как способность значения варьироваться, меняться в соответствии с конкретными условиями реализации в акте коммуникации.

Основным отличительным признаком вариативности (vagueness) принято считать «отсутствие четкого категориального и семантического различия значений» в структуре слова, так характерного для полисемии.

Принцип «четкого категориального и семантического различения значений», однако, не является достаточным для определения границ полисемии, с одной стороны, и вариативности, – с другой. Так, невозможно, по мнению Д. Тагги [Tuggy, 1993, с. 175–276], однозначно трактовать типы значений глагола *to paint* «рисовать маслом на холсте», «рисовать акварелью на бумаге», «проводить пешеходные полосы на мостовой», «наносить лекарственную мазь на тело». Первые два расцениваются как близкие по смыслу, последние два – как далекие по смыслу. Однако уверенности в однозначной трактовке семантических отношений у автора нет. Кроме того, критерий близкого или далекого смысла является чрезвычайно размытым и субъективным.

Изучая проблемы вариативности в языке, У. Вейнрейх [1970, с. 210] выделил основные типологически важные черты вариативности. Он обратил внимание на зависимость того или иного значения слова от значений «десигнаторов» – вторых компонентов синтагмы. Дифференциации десигната в этом случае помогает определение основного смыслового элемента, общего для этих последних.

В структуре слова варьирующие значения представляются как некоторый неопределенный размытый набор значений, предполагающий лишь «возможности» объединения значений в структуре слова [Jackendoff, 1983, с. 116].

По мнению С. Ульмана, если для полисемии характерен перенос значений (transfer is responsible for polysemy), то для вариативности – изменения в употреблении (shift in application) [Ullmann, 1959, с. 19].

Примерами вариативности могут служить, например, субъектные глаголы, семантическое варьирование которых, как правило, обусловлено левой его частью, в субъекте признака, например *to fly* «летать». Здесь семантика глагольной единицы варьирует в признаке «передвижение в пространстве» в различных векторах направленности:

– по воздуху в определенном направлении (о самолете, птице),

– хаотично во всех направлениях (о воздушном змее).

Обобщив сказанное, можно вывести ряд критериев, релевантных для дифференциации явлений полисемии и вариативности в языке:

КУДРЕВАТЫХ Людмила Петровна – доктор филологических наук, профессор Технологического университета Као Юен (Kao Yuan University of Technology)

© Кудреватых Л. П., 2006

1) наличие или отсутствие семантической связи словозначений,

2) зависимость или независимость словозначений от вторых компонентов синтагмы, т. е. обусловленность минимальным контекстом,

3) категориальная тождественность или различия словозначений.

Полисемия часто противопоставляется в языке и явлению т. н. «семантической омонимии», которая понимается как семантическое размежевание двух словозначений в структуре слова, – значений, не имеющих очевидной семантической связи друг с другом. В отечественном языкознании более распространенными являются термины «квазиомонимия» (quasi-homonymy) [Бережан, 1981], «гетеросемия» (heterosemy) [Конецкая, указ. соч.], «амбисемия» (ambisemy) [Koudrevatykh, 2004].

Подобные словозначения находятся в отношениях комплементарности, ср.: «наполнять чем-либо», «заряжать батарейки», «выставлять счет» глагола *to charge* в постановке вопроса У. Вейнрейхом [Вейнрейх, 1970, с. 210].

Популярна точка зрения в трактовке амбисемии как отношений, связывающих словозначения, которые имеют общую деривационную историю и семантическую связь, но в синхронии далеко разошедшиеся в семантическом плане и не обнаруживающие актуальных деривационных и семантических связей друг с другом [Конецкая, 1993].

Так, в структуре существительного *bill* словозначения «чек», «афиша», «законопроект» имеют общую деривационную и семантическую связь. По мнению Ю. Найды, эти словозначения семантически объединяются на более высоком понятийном уровне (в признаке сигнификата): «нечто, написанное на бумаге» – в отношении наименований различных референтов действительности [Nida, 1979: 117].

Амбисемичные слова являются источником омонимии в современном языке и отражают динамику образования этих последних [Конецкая, указ. соч.].

Полисемия как явление связи и взаимообусловленного различения деривационно и семантически связанных словозначений в структуре слова противостоит явлению синкретизма (ambivalency) в языке.

В отличие от полисемантических явлений, явление семантического синкретизма основано на процессах сопряжения семантических признаков единицы в структуре слова.

Ю. Д. Апресян [1974, с. 140] трактует явление синкретизма единиц как конъюнктивное – одновременное выражение значений одной и той же морфологической формой, реализующей валентность или валентности предиката.

Сущность явления синкретизма в языке выявляется на фоне различения в системе языка тех явлений и признаков, которые в структуре амбивалентной единицы представлены в совмещенном виде, например *вахта* – «люди» и «вид деятельности».

Соотнесенность синкретичной единицы со словозначением и ЛСВ в структуре слова позволяет определить синкретичные единицы как обусловленные семантической сопряженностью, неразличением смыслового содержания, выявляемых на фоне деривационно и семантически связанных словозначений, с одной стороны, и опосредованных инвариантно-вариантной структурой лексико-семантических вариантов, – с другой [см. также: Жукова, 1983, с. 19–20].

Семантическая сопряженность синкретичных единиц либо разрешается в контексте, либо сохраняется в нем с целью поддержания двусмысленности содержания в художественном тексте и создания образности.

Как явление синкретизм характеризуется семантическим и категориальным совмещением семантических признаков в структуре единицы, ср.: *foxtrot* – «танец и музыка», *shivery* – «дрожащий и вызывающий дрожь».

В современном языке отмечается большое количество слов, значения которых явились результатом взаимодействия семантических и прагматических факторов. Это относится к словам, которые перешли из узкой специальной сферы (жаргоны, сленг, арго) в более широкую сферу разговорного языка, ср.: *капуста* – «деньги», *a widow* – «вдова» и «прикуп» (в картах).

По мнению К. Аллана, в слове существование таких словозначений характеризуется как «соглашение» между ними [Allan, 1992, с. 371].

Здесь можно усмотреть явление так называемой «семантико-стилистической реконверсии»: использование стилистически нейтрального слова в языке сленга, жаргонах, арго, а затем обратное «возвращение» слова в новом эмоционально-оценочном значении в разговорный язык. При этом для большинства носителей языка ассоциативные признаки, образы являются стертыми и не очевидными.

Семантические расхождения словозначений здесь обусловлены изменениями функционально-стилистической сферы употребления и активностью прагматического аспекта в словозначении.

В ряду «полисемия – вариативность – семантическая омонимия» последняя означает разделение значений, «вариативность» – их объединение, а полисемия находится между вариативностью и семантической омонимией [Tuggy, 1993: 275].

В современных лингвистических исследованиях разграничиваются также явления полисемии и полифункциональности (polyfunctionalism).

Проблема критериев их разграничения является до сих пор дискуссионной. Иногда полифункциональность рассматривают как особый

синтаксический тип многозначности [Димова, 1972]. Термин «полифункциональность» употребляется также по отношению к служебным словам, относящимся к разным частям речи и выполняющим в предложении различные синтаксические функции [Плоткин, 1989]. Чаще всего термином «полифункционализм» определяют способность слова выполнять номинативную, коммуникативную, когнитивную и прагматическую функции [Ольшанский, 1991].

Распространены следующие подходы к определению полифункциональных слов:

1) полифункциональные слова способны принадлежать одновременно двум частям речи [Касевич, 1988, с. 220],

2) они выполняют функции слов другой части речи, оставаясь в рамках одного частеречного разряда [Баудер, 1982; Вейнрейх, 1970; Конецкая, 1993];

3) они частично приобретают «не все признаки слова другой части речи» [Дородных, 1991].

Здесь имеет место соотнесенность с грамматическим категориальным значением слова другого класса и транспозиции в синтаксическую позицию этого слова, ср., в слове *way: It was discovered in a new way to make rubber in 7 minutes. It happened quickly, the way the thought took root.*

По мнению В. Б. Касевича (1988), следует различать два явления:

1) переход слова в разряд другой части речи (словопроизводство),

2) употребление слова в функции слов другой части речи.

Словопроизводство сопровождается изменениями в семантике слова, семантическим сдвигом, что не характерно для явлений полифункционализма.

Мещанинов [1978, с. 247] отмечает, что о переходе слов в другую часть речи свидетельствуют изменения лексико-грамматического значения, парадигмы, функции и сочетаемости.

Расширив синтаксические условия (структуры) употребления, полифункциональные слова не приобретают в результате ни новой парадигмы части речи, ни ее морфологической оформленности, ср. *loud* – «громкий» и «громко»: *He spoke loud enough for most of the audience to hear him.* vs: *He had spoken loudly and angrily.*

Актуальной в современной лингвистике является и проблема разграничения полисемии и словообразования. В основе ее лежит дифференциация типов опосредствованной семантической связи словозначений производного. Отмечается, что для производных слов типичным является совмещение в семантической структуре нескольких семантических центров, вокруг которых развивается сеть переносных значений. Деривационная связь между этими смысловыми центрами отсутствует [Евгеньева, 1960]. Отсутствие прямой деривационной связи словозначений производного слова является языковой универсалией [Соболева, 1980, с. 188].

А. П. Евгеньева [указ. соч.] и П. А. Соболева [указ. соч.] отмечают, что словообразовательная полисемия (псевдополисемия в терминах В. П. Конецкой) представляет собой явление опосредованной семантической взаимосвязи словозначений производного слова в результате множественной опосредованной непрямой деривации от его различных словозначений, ср., молочник – «человек, продающий молоко» и «сосуд для молока». Смысловая связь этих словозначений лежит за пределами одного слова, а именно, в том слове, которое послужило основой для производного (молоко). На материале отглагольных существительных в русском языке П. А. Соболевой [указ. соч., с. 216] было выделено 5 типов семантической соотносительности между производящим и производным:

1) связь значений производного через одно значение производящего,

2) связь значений производного более чем через одно значение производящего,

3) связь значений производного более чем через одно слово словообразовательного гнезда,

4) связь значений производящего через одно из значений производного (осцилляция или обратная деривация),

5) связь значений производного между собой и с одним значением производящего.

В. П. Конецкая (1993) предложила типологию двойной опосредованной деривации, основанием которой является преемственность семантических признаков словозначений производного слова. Опосредованно деривационные отношения словозначений в производных словах могут быть 3 типов:

1) дивергентные,

2) конвергентные,

3) авергентные.

Для процессов дивергенции характерны случаи двойной деривации от одного производящего в одном значении при помощи одного морфологического форманта: *a camper* – «человек, выехавший в лагерь», и «фургон для поездок» от производного слова *a camp.*

Для связей конвергенции характерны случаи обратной деривации, присущие процессам реконверсии типа *a brush* (щетка) → *to brush* (чистить щеткой) → *brush* (чистка щеткой).

Связи авергенции свойственны процессам двойной деривации от производящего в разных словозначениях, ср., *senseless* «бесчувственный» от *sense* «чувство» и *senseless* «бессмысленный, глупый» от *sense* – «смысл».

Специфика деривационных связей объясняет семантическую соотнесенность или семантическую нетождественность производного словозначения с производящим.

В наиболее целостном виде семантическая типология слова была разработана В. П. Конецкой [указ. соч.]. Основными положениями, на которых строилась семантическая типология слова, были следующие постулаты:

1) семантическая структура слова как знака формируется двусторонними семантическими составляющими, имеющими статус номинанта; следует различать словозначения, лексико-семантические варианты (ЛСВ), синкреты и словоморфемы;

2) между семантическими составляющими слова устанавливаются семантические типы отношений;

3) семантические типы отношений выделяются по ряду критериев, учитывающих категориальное, функциональное, деривационное и лексико-семантическое своеобразие единиц. Это эпидигматический, функциональный, категориальный, интегральный и дифференциальный критерии;

4) существуют базовые семантические типы отношений, которые и определяют семантический тип слова в целом. В структуре многозначного слова это аллосемантический, полисемантический, гетеросемантический, псевдополисемантический и один смешанный (кразосемантический) типы.

Семантические типы универсальны и могут служить основаниями для сопоставительного анализа лексики. Они также могут быть комплексным критерием дифференциации частей речи, определения их границ и пределов [Кудреватых, 1996].

Примечания

1. *Апресян, Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Текст] / Ю. Д. Апресян. М., 1974. 376 с.
2. *Арнольд, И. В.* Вариативность как фактор процесса адаптации лексической системы [Текст] / И. В. Арнольд // Вестник Киев. ун-та. Романо-германская филология. Киев, 1985. Вып. 19. С. 11–15.
3. *Арутюнова, Н. Д.* Метафора и дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
4. *Баудер, А. Я.* Части речи – структурно-семантические классы в современном русском языке [Текст] / А. Я. Баудер. Таллинн, 1982. 184 с.
5. *Беляевская, Е. Г.* Семантика слова [Текст] / Е. Г. Беляевская. М., 1987. 128 с.
6. *Бережан, С. Г.* О соотношении принципа развития и принципа системности в языкознании [Текст] / С. Г. Бережан // Известия АН СССР: Сер. литер. и языка. 1981. Т. 40. № 1. С. 20–27.
7. *Будагов, Р. А.* Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки) [Текст] / Р. А. Будагов. М., 1965. 302 с.
8. *Вейнрейх, У.* О семантической структуре языка [Текст] / У. Вейнрейх // Новое в лингвистике (Языковые универсалии). М., 1970. Вып. 5. С. 163–250.
9. *Димова, С. Н.* О полифункциональности слова с широким значением (На материале английского существительного way) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Н. Димова. М., 1972. 22 с.
10. *Дородных, А. И.* Вариативность грамматического строя английского языка [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. И. Дородных. М., 1991. 49 с.
11. *Евгеньева, А. П.* Дискуссия об омонимии [Текст] / А. П. Евгеньева // Лексикографический сборник. М.; Л., 1960. Вып. IV. С. 87–69.
12. *Жукова, Н. С.* Продуктивные и непродуктивные звенья в глагольной парадигме современного немецкого языка [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Жукова. М., 1983. 24 с.
13. *Касевич, В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология [Текст] / В. Б. Касевич. М., 1988. 308 с.
14. *Конецкая, В. П.* Введение в сопоставительную лексикологию германских языков [Текст] / В. П. Конецкая. М., 1993. 201 с.
15. *Кудреватых, Л. П.* Семиологические основания семантических типов слов в современном английском языке [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Л. П. Кудреватых. М., 1996. 480 с.
16. *Литвин, Ф. А.* Многозначность слова в языке и речи [Текст] / Ф. А. Литвин. М., 1984. 119 с.
17. *Мещанинов, И. И.* Части речи и члены предложения [Текст] / И. И. Мещанинов. Л., 1978. 387 с.
18. *Никитин, М. В.* Основы лингвистической теории значения [Текст] / М. В. Никитин. М., 1988. 168 с.
19. *Новиков, Л. А.* Семантика русского языка [Текст] / Л. А. Новиков. М., 1982. 272 с.
20. *Ольшанский, И. Г.* Лексическая полисемия в современном немецком языке [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. Г. Ольшанский. М., 1991. 46 с.
21. *Плоткин, В. Я.* Строй английского языка [Текст] / В. Я. Плоткин. М., 1989. 239 с.
22. *Соболева, П. А.* Словообразовательная полисемия и омонимия [Текст] / П. А. Соболева. М., 1980. 294 с.
23. *Ульман, С.* Семантические универсалии [Текст] / С. Ульман // Новое в лингвистике (Языковые универсалии). М., 1970. Вып. 5. С. 250–299.
24. *Уфимцева, А. А.* Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики [Текст] / А. А. Уфимцева. М., 1986. 239 с.
25. *Allan, K.* Something that Rhymes with Rich [Text] / K. Allan // Frames, Fields and Contrasts. London, 1992. P. 355–374.
26. *Jackendoff, R.* Semantics and Cognition [Text] / R. Jackendoff. Ldn., 1983. 283 p.
27. *Koudrevatykh, L.* Semantic Type of a Word as a Linguistic Universal [Text] / L. Koudrevatykh. Gau Lih Book Co., Ltd. Taipei, 2004. 196 p.
28. *Nida, E. A.* Componential Analysis of Meaning. An Introduction to Semantic Structure [Text] / E. A. Nida. N. Y., 1979. 272 p.
29. *Tuggy, D.* Ambiguity, Polysemy and Vagueness [Text] / D. Tuggy // Cognitive Linguistics. Vol. 4–3. 1993. P. 273–280.
30. *Ullmann, St.* The Principles of Semantics [Text] / St. Ullmann. Glasgow; Oxford, 1959. 348 p.

Т. А. Болдова

КОМПАРАТИВИСТСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ

Знание специфики мировой культуры и способ ее восприятия являются основной предпосылкой интеркультурного диалога. Иными словами, культура – это набор языков для описания физической, социальной и экономической действительности, а также самих этих языков. Применение такой ментальной программы на социальном уровне у носителей той или иной культуры и в их «культурной» памяти управляется определенным набором релевантных тем, средств выражения и «культурным поведением».

Миграция рабочей силы, глобализация экономического, политического, культурного характера – все эти современные общественные процессы интернационализации усиливают потребность людей в сохранении собственной идентичности.

В силу этого в «интеркультурной германистике» на первый план выходят изменения в культурной идентичности, когда формируются структуры и механизмы, позволяющие развивать связи с иными культурами, понимать их содержание. Следует заметить, что в коммуникативных процессах культура обогащается содержанием. Это содержание частично заимствуется у партнёров, частично формируется из собственного материала для обеспечения более эффективного интеркультурного взаимодействия. Можно предположить, что чем глубже задействована та или иная культура в процессах интеркультурной коммуникации, тем выше её способность к диалогу.

Основной интерес «интеркультурной германистики» в этом случае базируется на социально-этическом вопросе и, первостепенно, на осуществлении интеркультурного диалога, на развитии интереса и способностей к интеркультурной коммуникации и к интеркультурному пониманию. Знание специфики мировой культуры и способов её восприятия является основной предпосылкой интеркультурного диалога, когда его участники «видят мир» глазами других людей, а собственные мысли направляют на решение «чужих» проблем. Согласно подходам в компаративистской имагологии, сам текст на иностранном языке рассматривается как форма культурного смыслового продукта.

Такой научный подход, первоначально получивший развитие в культурологии, предполагает в практике перевода и восприятия текста осознанные действия установления отношений эквиваленции, которые направлены на описание физической и социальной реальности, на организацию поведения человека в этой реальности, на стереотипные способы восприятия собственной и «чужой» культуры. Через имагологический анализ текстов (lat. Imago – «образ»), а также через собственное восприятие развивается, во-первых, «осознание», необходимое для возникновения «собственного коллективного» образа и образа «чужого», а во-вторых, рамочные условия существования этих двух форм. Это делает возможным восприятие различных контекстов, литературных текстов в их общекультурной связи и через сравнение собственного видения и видения других людей на предметы и явления.

В основе компаративистской имагологии лежит расширенное культурное понятие, что человек сам создаёт социально, культурно и коллективно окружающую его действительность и что он не может ничего познать, что лежит вне его опыта в субъективном мире. Это понятие проходит через когнитивные теории познания и теорию радикального конструктивизма. При этом даётся обоснование того, что индивидуум не отражает в процессе познания «действительность», но создаёт через свои языковые описания субъективно зависимый конструкт мира. Считается, что определенные реалии культурных представлений, с одной стороны, воспринимаются и отражаются самим человеком, а с другой стороны, он понимает и постоянно производит собственную форму культурного смыслового продукта.

Утверждается, что культура, это – сообщения, которые включают в себя высказывания, построенные по законам определённого языка, из предоставляемого этим языком лексического материала; эти сообщения состоят из высказываний, семантически и прагматически связанных между собой (например, тексты разного рода); а также та реальность, к которой эти сообщения отсылают. Связи знаковой системы с реальностью и составляют прагматический аспект культуры. Иными словами, культура – это набор языков для описания физической, социальной и экономической действительности, а также языков для описания самих этих языков.

Из этого следует, что культура в этой, различающейся людьми, семиотической, конструктивистской связи есть общий комплекс представлений, форм мышления, примеров восприятия, оценок и значений, которые материализуются в системе символов. Культурная знаковая система, состоящая из индивидуальных и коллективных пользователей знаков, производит тексты, которые формируются посредством «кода» обычных обращений и которые дают возможность пользователям этих знаков справляться с их

БОЛДОВА Татьяна Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета
© Болдова Т. А., 2006

жизненными проблемами. Это так называемые фикциональные и нефикциональные тексты, а также и другие артефакты (художественные объекты, штампы и т. д.). Применение такой ментальной программы на социальном уровне у носителей той или иной культуры и в их «культурной» памяти управляется определённым набором релевантных тем, средств выражения и «культурным поведением».

Компаративистская имагология имеет дело с генезисом, развитием и действием «авто- (Selbst-Bild) – гетеро (Fremd-Bild) – имиджа» в литературном и нелитературном контексте. Имагология исходит из того, что каждая «мы – группа» не только является дискурсом для осознания собственной идентичности, но и дискурсом для узнавания «чужого», диалог с которым мы пытаемся наладить. Термин «чужой» в компаративистской имагологии определяют как «понятный чужой» для «мы – группы». Такие дискурсы обозначаются как коллективные системы символов, где формальные особенности языковых реальных конструктов, т. е. объяснения, «выигрывают» через коллективные представления, через примеры восприятия и различные менталитеты. В этой ситуации «чужой» обязателен как фон, в котором определяется «мы – группа». Разграничение «своих» и «чужих» относится к основному социальному опыту людей. Дискурсивное само-разграничение «чужого» идеологически задействовано в построение данной групповой идентичности. При этом имеется большее или меньшее количество стереотипных образов самоопределения и определения «чужого»; это оценка группы, из которой они происходят, оценка системы норм, а также имплицитная характеристика того, как такие образы создаются и собственно самоопределяются. Коллективная система символов, таких, как «авто – гетеро – стереотипы» имеют, таким образом, биполярную структуру. «Культурно-идеологический стереотип», или «имаго-тип», выступает в тексте как «клише». Это определяется как формула восприятия, которая возникает через комплексную редукцию или постоянное использование.

Такие формулы относятся к области сегментированных знаний «мы – группы», и они, до известной степени, необходимы для коммуникации и познания. Следует заметить, что коммуникация членов группы с помощью общего коллективного символа, «коннотативного кода», возможна лишь через семантизацию и знание символа – «отношения в мире». И тогда со стороны «гетеро – имиджа» возникает стереотип, который преобразовывает наши представления о «чужих». Он показывает как позитивные, так и негативные оценочные суждения, сомнения, например в случае, когда интеркультурное понимание затруднено или совсем не происходит.

Примечания

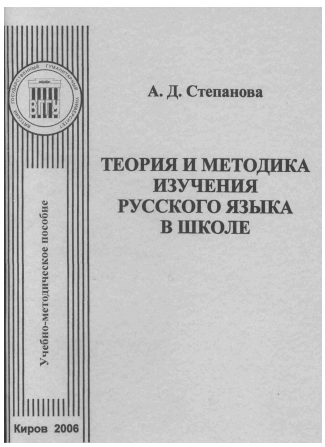
1. *Geertz, Clifford* (1987). Dichte Beschreibung: Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme. Frankfurt a.M.

2. *Giesen, Bernhard* (Hrsg.) (1991). Nationale und kulturelle Identität: Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstsein in der Neuzeit.

3. *Göllner, Thomas* (2001). Sprache, Literatur, kultureller Kontext. Studien zur Kulturwissenschaft und Literaturästhetik. Würzburg.

4. *Wierlacher, Alois* (2000). Konturen und Aufgabenfelder kulturwissenschaftlicher Xenologie. In Alois Wierlacher. (Hrsg.). Kulturthema Kommunikation: Konzepte – Inhalte – Funktionen. Festschrift und Leistungsbild des Instituts für Internationale Kommunikation und Auswärtige Kulturarbeit (IIK Bayreuth) aus Anlass seines zehnjärigen Bestehens 1999–2000. Möhnesee, 263–278.

НОВЫЕ КНИГИ



Степанова, А. Д. Теория и методика изучения русского языка в школе [Текст] : учебно-методическое пособие / А. Д. Степанова. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – 63 с.

Пособие включает сведения по теории и методике изучения разделов школьного курса русского языка. В нем освещаются наиболее трудные вопросы изучения фонетики, лексики, словообразования и грамматики в школе. Кроме того, уделяется внимание теории и методике развития связной речи учащихся. Предназначается студентам, учителям и преподавателям, всем, кто изучает и преподает курс теории и методики обучения русскому языку.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Е. О. Галицких

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ГУМАНИТАРНОМУ ЗНАНИЮ

Раскрывается герменевтический подход к гуманитарному знанию в университете и потенциал его использования в герменевтической педагогике, психологической и филологической герменевтике. Показаны аспекты освоения теории и практики герменевтики в гуманитарном образовании.

Задача книги: логически окантовав *тему*,
передать ее исследователям, имеющим
большее право на ее разработку.
С. Кржижановский

Герменевтика как общенаучная теория и практика понимания и истолкования действительности и знаний о ней, воплощенных в текстах, открыла для гуманитарного образования живой источник новых идей, исследовательское поле для философских, педагогических, филологических, психологических исследований. Признание духовной сущности человека, его способности к саморазвитию и творческому воплощению доказало невозможность исчерпать понимание человека только средствами науки, методами научного исследования. Герменевтика уже накопила плодотворный опыт постижения человека средствами искусства, диалога, языка, интуиции, веры, любви, опередив потребность общества в понимающих людях.

Феномен понимания пронизывает все сферы человеческих отношений: проведение политических реформ, выстраивание экономических перспектив, прогнозирование развития общества, отражение жизни в искусстве, осмысление сферы «быта и бытия» конкретного человека. Афористично звучит мысль о том, что педагог не тот, кто учит, а тот, кто понимает и чувствует, как ребенок учится. Научиться в университете пониманию и научить этому других – новая задача качественного гуманитарного образования, которое необходимо для успешной деятельности в профессиональной сфере «человек+человек».

ГАЛИЦКИХ Елена Олеговна – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой новейшей литературы и методики обучения литературе ВятГГУ
© Галицких Е. О., 2006

Восприятие целей, ценностей, мыслей, чувств, переживаний других людей – процесс нелинейный, диалектичный, постоянно углубляющийся, требующий гибкости, деликатности, жизненного опыта, «вочеловечивания» (А. Блок). Ф. Шлейермахер (1768–1834), основатель объективно-идеалистической герменевтики, определял понимание как «самоотыскание мыслящего духа», т. е. как «встречу» одного субъективного «духа» с другим и превращение их в «единый дух» на основе опредмеченного в тексте мышления [1].

Интегративные процессы в научном знании формируют новые области научных исследований, интегративные проблемы порождают междисциплинарный поиск истины. Несомненный научный интерес вызывают педагогическая герменевтика, филологическая герменевтика, психологическая герменевтика. Становление «живого» гуманитарного знания осуществляется наиболее интенсивно в сфере образования, когда человек стремится к пониманию культуры и своего места в ней. Философия, филология, история, психология и педагогика устремлены к пониманию человека, его развития, самосознания, воспитания. Эти науки составляют фундамент гуманитарного образования, они открывают человеку многообразные пути к пониманию мира и себя в нем. Феномен понимания изучается в различных аспектах:

– Понимание – процесс постижения внутренних связей в содержании текста.

– Понимание – процесс постижения смысла (или смыслов) текста.

– Понимание – освоение чужих переживаний, мыслей и решений, опредмеченных в тексте.

– Понимание – движение к знанию, производство знания (хотя и не само знание).

– Понимание – воссоздание ситуации действования автора текста.

Одна из тенденций развития науки в университетах как центрах гуманитарной культуры и науки заключается в поиске таких связей, таких концептов, таких текстов, которые порождают междисциплинарный уровень исследований, соединение научных областей для реализации интегративного потенциала науки. Интегративные процессы нашли отражение в жанровой специфике педагогических текстов: «поэзия педагогики» (М. Кнебель), «педагогическая поэма» (А. С. Макаренко), «драматическая педагогика»

(А. А. Лиханов), «очерки понимающей педагогики» (Н. Б. Крылова), «пушкинские проповеди» (С. Л. Соловейчик).

Выделение педагогической герменевтики в качестве особого направления педагогической теории и практики, с точки зрения А. Ф. Закировой, своевременно и чрезвычайно актуально. Она разработала теоретические основы педагогической герменевтики, убедив оппонентов в научной значимости такого подхода. А. Ф. Закирова считает, что в основе механизма герменевтической интерпретации педагогического знания, его эффективного присвоения – установление связи между логико-познавательной и ценностно-смысловой характеристиками педагогической деятельности через осознание взаимодополнительности объективного значения и субъективного личностного смысла знания в едином процессе антиципации и рефлексии субъекта деятельности [2].

А. С. Роботова [3] доказала, что художественное познание педагогической действительности значительно обогащает научное педагогическое знание, при этом богатейший мир субъективных образов литературы, искусства и повседневности включается в процесс педагогической рефлексии. Л. М. Лузина в своей работе «Понимание как духовный опыт» [4] открыла дорогу духовному потенциалу педагогической герменевтики.

Герменевтика спасает знание о человеке от крайностей, от противопоставления научного знания искусству, здравому смыслу, эксперименту, прагматическому подходу. Она помогает «в просвещении быть с веком наравне», потому что постоянно учит быть открытыми новому знанию, сомнению, поиску, дискурсу.

Процесс герменевтической интерпретации педагогического знания носит вероятностный характер, поэтому он многогранно отражает возможности становления личностного, индивидуального начал в человеке. В процессе образования в человеке укореняется, развивается, воплощается «разум и речь» (Плутарх), «мышление и речь» (Л. С. Выготский). «Личность – это слово!» (А. Леонтьев), «от всего человека остается только часть речи» (И. Бродский). А. С. Пушкин сохранял за человеком право свободного выбора, потому что он верил в то, что человек шире своих представлений о самом себе. А. С. Пушкин «завещал искренность, самобытность... каждому быть самим собой, он дал всякой оригинальности смелость...» (А. Н. Островский). Творчество А. С. Пушкина интересно нам не только по случаю юбилейных дат, но и в кризисные моменты истории, и в суете сует повседневных забот, потому что «через Пушкина умнеет все, что может поумнеть»:

И Пушкин ласково глядит,
и ночь прошла, и гаснут свечи,
и нежный вкус родимой речи
так чисто губы холодит (Б. Ахмадулина).

С герменевтической позиции понимание действительности носит эвристический и поливариативный характер. Герменевтический подход дает основания считать, что мы стремимся понять не речь, а человека, который произносит речь, а этот процесс требует коммуникативных компетенций [5], особой установки-доминанты «на лицо другого» (А. Ухтомский), психологической готовности понять и принять другого как собеседника, соавтора, Ученика и Учителя.

Осмеливаемся утверждать, что способность к герменевтической интерпретации гуманитарного знания, как филологического, так и педагогического, – показатель качества гуманитарного образования, его воплощенности в сознании студента, выпускника университета.

Приведем пример такой интерпретации, выполненной выпускником филологического факультета Вепревым Богданом, который на V курсе провел исследование художественных текстов «Сказок для вундеркиндов» Сигизмунда Кржижановского [6].

* * *

Вепрев Богдан

Портреты и рамки:
Александр Грин и Сигизмунд Кржижановский

Портреты и рамки. В сущности, это жизнь, реализованная в паре символов: одни из них (портреты) онтологичны и длят через память (портретроспективность) жизнь до бытия, другие же (рамки) логичны и тщатся втиснуть бытие в быт. Всему – свое. Это верно, но далеко не каждый портрет будет полноценен, ценен, наконец... без рамки. Так и человеку, не смогшему вписаться в рамки, суждено прослыть среди остальных неполноценным, безумным. В особенности, если человек этот – художник.

Их, художников, было мало во все времена. Оттого лишь, что во множестве им быть никак не положено – невыгодно, да и для рамок опасно. И далеко не каждому художнику, не знавшему рамок при жизни, удавалось обрести их по смерти – стать портретом. Но это уже частности. Легче рассуждать об общем. Общего у них, пожалуй, было чересчур много. Изобразить это лучше всего эскизно.

Итак, **эскиз первый** – внешнее сходство. Одинаково нервически и болезненно бледны их лица (и на портретах, и при жизни) – характерная черта рефлексивных, чутких и ищущих душ. Почтение, стремление обоих к выси и высшему легко обнаруживалось в их исполинском росте, в

излишней худобе (в голод другими быть и не пристало) угадывалась «тонина» души и мысли, сутуловатость свидетельствовала об их скромности, застенчивости, привычке преклонять голову к земле, словно оправдываясь за свой гений. Таков общий портрет художников, в силу уникальности своих мирочувствий не имевших ничего общего со всякого рода общим. Общий портрет Александра Грина и Сигизмунда Кржижановского.

Эскиз второй – сходство внутреннее. Удивительно сродство писателей в мировидении, где создание необычных вымышленных миров-пространств – не столько способ уйти за рамки современности, отречься от тягостных будней внешнего мира, сколько стремление ограничить (в рамках слов) бесконечность своих внутренних миров, укротить свою чрезмерность – мерой (текстом, сюжетом). Понимая существенность несуществующих стран-миров, они не спешили кричать об этом: их мысль бригантиной степенно и благородно шла по морям фантазмов от одного мыса смыслов к другому.

Оба мечтателя не представляли своей жизни без путешествий: путешествий мысли, путешествий как таковых. Путешествий «как таковых», разумеется, было на порядок меньше. Но как раз одно из таких редких «как таковых» и привело к встрече двух художников, первой и последней встрече. Она состоялась в августе 1926 года в Коктебеле, где С. Кржижановский пребывал по приглашению М. Волошина. Знакомство случилось буквально перед самым отъездом Кржижановского из Коктебеля. В беседе выяснилось, что Грин читал его «Штемпель: “Москва”», хотел бы еще повидаться и пригласил Кржижановского побывать у него в Феодосии. Через два дня Кржижановский был уже в Феодосии. До отхода московского поезда оставалось два часа, он провел их в доме Грина. Тут ему все нравилось: сам Грин, его образ жизни, жилище, непринужденность беседы. Рассказывая в Москве о своей встрече, он волновался так, как будто соприкоснулся с чем-то очень важным, очень дорогим для себя. Особенно волновали его воспоминания об одной как будто мелкой детали: «Тут Грин на минуточку замолчал, задумался. Потом протянул руку к морю и тихо сказал: “Здесь я впервые увидел мою Бегущую по волнам”». В письме к жене А. Бовшек Кржижановский писал об этой встрече: «Знакомство это, – Вы знаете почему, – для меня очень ценно и нужно». Духовная близость, вне зависимости от сменяемости цен и нужд, всегда была неизменно ценна и нужна.

Эскиз третий – общий фон. В доме Грина в Старом Крыму на стене была одна единственная гравюра – втиснутый в рамку портрет Эдгара По. Привязанность Грина к мысли и слову Э. По, казалось, была равноценна привязанности его к портрету «безумного американца». Лишь однажды он расстался с портретом Э. По, когда в Россию ворвалась стихия, призванная смести существующие доселе рамки, – февральская революция. Тогда он, боясь не поспеть за стихией, покинул Финляндию и отправился в Петроград пешком, в спешке оставив в поселке Лунатиокки все свои вещи, в том числе и портрет. Но все равно не поспел. Как и Кржижановский, заметивший как-то: «Революция – убыстрение фактов, за которыми не поспевает мысль». Как люди мыслящие они, соответственно, поспеть не могли по определению. Или по предопределению.

Эскиз четвертый – бытописательный. Их роднило не только отношение к бытию, но и положение в быту: в быту они были беззащитны. Неумение устраиваться в жизни и подстраиваться под нее, поступившись своими принципами, в конечном счете стало для обоих роковым. Да и вообще на протяжении всей жизни писателей неотступно преследовали неудачи («невезятина»). Будучи уже зрелыми писателями, каждый из них вынужден был спасаться от неустроенности быта, нищеты и голода, и каждый по-своему: один – читая лекции, другой – клея и продавая шкатулки.

В этом смысле значимо участие в судьбах писателя М. Горького. Правда, с той разницей, что если молодому Грину, нищему и больному, он оказал поистине неоценимую помощь, выхлопотав ему академический паек и комнату на Мойке в Доме искусств, то Кржижановскому – медвежью услугу, назвав сочинения писателя «неуместными», чем обрек его на «бескнижье» и прижизненное небытие. Но и Грину, вскоре отступившему от сугубо реалистического (или, если хотите, социалистического) миропонимания, в понимании было категорически отказано. Такое произвольное обращение с «реализмом», возможно, и обусловило тот факт, что в адрес и Кржижановского, и Грина со стороны критики постоянно сыпались обвинения в подражании зарубежным авторам, в отсутствии самобытности.

Рассуждая об «общем», следует отметить также, что ни Кржижановский, ни Грин не признавали литературной борьбы, не стремились примкнуть к каким-либо группировкам. Признаться, в роли выразителей коллективных («общих») идей они трудно представимы. Гениальность вообще мало подвержена «обобщению».

Эскиз заключительный – обобщенный. В пору начать его с нескольких обведенных черной чернильной рамкой строк в записной книжке Георгия Шенгели, чей архив в начале семидесятых разбирали – по просьбе вдовы его Нины Леонидовны Манухиной – молодые тогда литераторы: **«Сегодня, 28 декабря 1950 года, умер Сигизмунд Даминикович Кржижановский, писатель-фантаст,**

“прозеванный” гений, равный по дарованию Эдгару По и Александру Грину. Ни одна его строка не была напечатана при жизни»...

Так просто, одним росчерком поэт Шенгели определил «обобщенность» Александра Грина, Сигизмунда Кржижановского и их общего кумира Эдгара По. А траурная рамка – дань времени, жестоко отвергнувшему безграничность творческого духа.

* * *

Обратите внимание, как Б. Вепреву удалось найти связи, интерпретировать свое отношение к двум художникам и «осмыслить» заглавие путем соединения двух слов-образов «Портреты и рамки» и раскрыть их символическое значение в начале своего рассуждения. Одна из интеграционных возможностей герменевтики присутствует именно в названиях. К исследованию поэтики заглавий обращался С. Кржижановский [7], о поэтике заглавий, проблеме их специфической роли для разных родов, видов и жанров искусства размышлял И. А. Евин [8]. Оценка качества педагогического, филологического и философского исследования начинается с понимания его названия. Содержательность, ясность, новизна исследовательского замысла должны быть обозначены уже в заголовке достаточно ясно для того, чтобы текст исследования был правильно понят. И если взаимопонимания автора и оппонента не происходит, то мы можем говорить о «конфликте» понимания и необходимости научной дискуссии. Научный текст стремится к однозначности, но это не значит, что он не имеет потенциала понимания, толкования, интерпретации.

Г. И. Богин [9], раскрывая основы филологической герменевтики, доказал, что обоснованное упорядочение рефлексии чрезвычайно важно для обеспечения понимания. Дать людям готовность к пониманию текстов – большая социальная задача. При понимании опыт человека обращается на содержательность текста, но именно рефлексия позволяет обратить этот опыт и на все, что есть в этой содержательности, и на все, что привело к появлению этой содержательности, и, главное, на все, что относится к действительности, лежащей и вне текста, и внутри него.

Процесс понимания – необходимая ценность гуманитарного образования. Он имеет отношение ко всем сторонам духовной жизни человека – к познанию, чувству и воле, но не совпадает с ними, при этом существенно содействуя им. Особенно важно, что человеческая способность к пониманию так же безгранична, как безгранична та действительность, которая отражается и сохраняется в тексте и становится объектом освоения. Понимание и познание выступают в единстве и положительно взаимодействуют. Учет этих важнейших обстоятельств необходим для укрепления в исследовательской позиции герменевтической деятельности.

Педагогическая интерпретация художественного текста позволяет объективировать гуманитарную образованность путем создания комментария понимания.

«Жизнь роняла дни, как дождь по осени капли.

В Здесевске и впрямь настала липкая, осклизлая осень. Таков уж круг: сначала пахучая сирень, белоцвет вишенья; потом падающие долу лепестки перераспустившихся роз; потом холодные хризантемы; а после и безлистье – обнаженные стебли да желтая путаница ветром скомканных трав. Палисадники у домов отцвели, стали скучными и глупыми квадратами: неизвестно к чему. Облетело заодно и юное счастьице. И человек стал никнуть, увядать от дня к дню: в душе бесцветье, безлучье; душа, как глупый квадрат палисадника: неизвестно к чему.

Ключ к двери книжного шкафа сначала щелкал часто. Потом реже и реже, точно разучившись выщелкивать свое куцее коленце. Тетрадки с короткими неряшливыми строчками сначала лежали на столе; потом – в верхнем ящике стола; потом – в среднем; потом легли на дно нижнего, под старые конторские книги и бумажный хлам» [6].

Понимание художественного текста поливариантно, а «концепт обычно не поддается детально точной формулировке, мы всегда ощущаем, что общий смысл эта формулировка все же полностью не передает» [10], поэтому включение заданий на формирование герменевтического навыка в учебные занятия в университете помогает раскрыться пониманию как поиску многообразия смыслов. От ритмического звучания, от нарастания чувства безвозвратно уходящего времени, из точности отобранных деталей, от контраста «времен» природной и человеческой жизни зависит степень ощущения утраченных надежд, стремлений, порывов. А может быть, смысла жизни? А может быть, воспоминаний о прочитанном Гоголе, Чехове, которые советовали забирать с собой в суровое ожесточающее будущее все лучшее...

Особую роль в воплощении герменевтического подхода к гуманитарному знанию в университете играет библиотека как центр интеграции всех научных знаний, место «образовательной встречи» автора и читателя, соединения чтения и интерпретации.

Для сохранения человеческого в человеке каждому предстоит учиться в течение всей жизни, укорениться в культуру. Питает активное внутреннее стремление к истине, добру и красоте обращение к книге, постоянная самообразовательная работа в библиотеке. Информационная и интерпретационная культура читателя становится

необходима каждому специалисту, без нее нельзя стать образованным человеком. Образованность выстраивается трудом души, ума и воли в тиши библиотек, в уважительном отношении к чужой мысли, в постоянных и глубоких самостоятельных размышлениях. Образованность означает особое качество личности, несущей образ культуры своего времени и своего народа, способной к пониманию своей жизни в контексте эпохи, судеб других людей.

С позиции герменевтического подхода роль библиотек в образовании молодого поколения требует особого, прогностического понимания интегративных связей двух социальных сфер: библиотечного дела и дела образования.

Раскроем направления поиска взаимопонимания и взаимодействия библиотеки, учебного процесса и студентов в общем стремлении к гуманитарной образованности:

1) «Одухотворенность образования» как проблема его развития не может быть разрешима вне союза с библиотеками. Молодежь, несмотря на «эпоху перемен» и экономическую незащищенность, стремится получить образование, понимая, что выбор между «быть образованным или не быть им» необходимо сделать в пользу образования. Переполненные читальные залы библиотек – свидетельство роста числа студентов. В последние годы количество «вечных студентов» растет, они учат себя сами постоянно в течение всей жизни: повышают квалификацию, получают новые профессиональные знания, занимаются самообразованием и самосовершенствованием. Библиотека в информационном обществе становится главным местом занятий, своеобразным учебным классом для самостоятельной работы, роль которой постоянно возрастает в учебных программах университета.

2) Формирование герменевтической компетентности личности нужно активизировать в университете, потому что это время интенсивного интеллектуального и духовного труда. Необходимы циклы специальных занятий в библиотеках, позволяющие расширить опыт работы с книгой, с текстом, воспитать познавательную самостоятельность и сделать чтение личностно значимой потребностью.

3) Информационные технологии в библиотеке помогают студентам и преподавателям успешно осваивать современные педагогические технологии, самостоятельно проектировать индивидуальные образовательные маршруты, точно предъявлять информационный запрос, продуктивно и качественно выстраивать информацию, преобразовывать ее в «живое знание», интерпретировать.

4) Гуманитарная образованность как базисная сегодня может быть осмыслена как условие понимания человека, ярко выраженного интереса к конкретной, индивидуальной состоявшейся жизни ученого, писателя, художника, артиста, педагога. Главное – чтобы происходила образовательная встреча, открывающая творчество жизни, осмысленность ее. Вот почему так много на книжном рынке мемуарной литературы, художественных биографий и автобиографий, воспоминаний, поэтому преподаватели и библиотеки университета могут учесть интерес читателей к особой жизненной философичности, помогающей человеку выстоять: «Я понял, что мир вовсе не борьба, не череда хищных случайностей, а мерцающая радость, благостное волнение, подарок, не оцененный нами» (В. Набоков).

5) Интеграция науки и образования в университете требует от студентов активной исследовательской деятельности, герменевтического подхода к гуманитарному знанию. Выпускнику университета нужен научный кругозор и умение интегрировать теорию и практику герменевтики в своем исследовательском опыте при создании выпускных квалификационных работ.

6) Герменевтический подход может быть востребован и в сфере дополнительных образовательных услуг. Библиотеки могут взять на себя часть этих услуг: квалифицированное составление библиографий, перевод статей, реферирование материалов по проблеме, консультирование по компьютерному каталогу, помощь в составлении комментария к тексту.

7) Значительно обновляются функции как преподавателя-ученого, так и библиотекаря, потому что изменились не только источники информации, но и сам читатель, который ждет не только «оказания образовательных услуг», а общения, встречи, диалога. Библиотекарь-консультант может не только указать направления поиска нужной книги, но и дать совет человеку, который учится. Многократно вырос перечень педагогических и филологических журналов, проводником в этом «поле чудес» может стать библиотекарь.

Герменевтика выполняет свою главную миссию – побуждает всех внимательно читать текст своей жизни, выстраивать «дискурс как особый способ общения и понимания окружающего мира» [11], стремиться к пониманию культуры, искусства, ценностей образования.

В заключение важно сказать, что современное общество мучительно ищет гармонию духовного и материального, и в этом поиске герменевтика помогает человеку «учиться памяти, совести, знанию» (Ю. М. Лотман), не терять здравого ума и бодрости духа. Герменевтический подход к гуманитарному знанию сохраняет стремление человека понять созданное культурой, учит верить в то, что общество пройдет испытания сиюминутной выгодой и вспомнит о языке, культуре, мысли человеческой. «Нет убедительности в поношениях и нет истины, где нет любви» (А. С. Пушкин).

Примечания

1. *Шлейермахер, Ф.* Герменевтика [Текст] / Ф. Шлейермахер. СПб., 2004.
2. *Закирова, А. Ф.* Теоретические основы педагогической герменевтики [Текст] / А. Ф. Закирова. Тюмень, 2001. С. 76.
3. *Роботова, А. С.* Художественный образ в педагогическом образовании [Текст] / А. С. Роботова // Педагогика культуры. 2005. № 2.
4. *Лузина, Л. М.* Понимание как духовный опыт (о понимании человека) [Текст] / Л. М. Лузина. Псков, 1997.
5. *Седов, К. Ф.* Дискурс и личность [Текст] / К. Ф. Седов. М., 2004.
6. *Кржижановский, С.* Сказки для вундеркиндов [Текст] / С. Кржижановский // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. СПб., 2001. С. 96–97.
7. *Кржижановский, С.* Поэтика заглавий [Текст] / С. Кржижановский // Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. СПб., 2006. С. 7–42.
8. *Евин, И. А.* Искусство и синергетика [Текст] / И. А. Евин. М., 2004.
9. *Богин, Г. И.* Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику [Текст] / Г. И. Богин. Тверь, 2001.
10. *Брудный, А. А.* Психологическая герменевтика [Текст] / А. А. Брудный. М., 2005. С. 169.
11. *Филлипс, Л.* Дискурс – анализ. Теория и метод [Текст] / Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен. Харьков, 2004. С. 15.

О. В. Лебедева

ГРАЖДАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Гражданственность как высшая форма патриотизма признается сегодня одним из фактов консолидации российского общества. В российской культуре гражданин мыслится в первую очередь как общественный деятель и нравственный, духовный человек. В статье анализируется прогрессивный историко-педагогический опыт гражданского образования молодёжи, способ обеспечить преемственность поколений и возрождение лучших традиций.

Изменяющиеся социально-экономические факторы развития России, обостряющие и осложняющие процесс формирования молодежи, актуализируют необходимость гражданского образования на современном этапе. Ретроспективное обращение к прогрессивному историко-педагогическому опыту гражданского образования в России создает благоприятную основу для возрождения его лучших традиций, позволяет отследить преемственность идей с учетом особенностей российского менталитета, обозначить их позитивный потенциал, предостеречь от негативных явлений.

В российской культуре гражданин мыслился в первую очередь как патриот, общественный деятель и духовный человек. Данная трактовка, на наш взгляд, соответствовала особенностям российского менталитета: общинности, духовности, патриотизму. В связи с этим приоритет традиционно отдавался общественным интересам. Западная модель государственности, основанная на приоритете материальных ценностей и индивидуализма, не соответствует особенностям российского менталитета. Несоблюдение принципа социальной направленности, на котором строится правовое государство, прагматистская ориентация на личность гражданина, нацеленного на культ успеха, право на индивидуальное благополучие вне зависимости от окружающей действительности, пропаганда СМИ псевдоценностей (власть денег, роскошь, беспредел силы, секс) порождают жестокость и агрессивность молодежи, ежегодно увеличивая количество преступлений, неверие в возможность самореализации в России приводит к невосполнимой утрате интеллектуального фонда страны.

Мы считаем, что из-за отсутствия реальной демократии как в самодержавной, так и в Советской России наблюдалась тенденция несовпадения государственного и социального заказов на воспитание гражданина.

В самодержавной России не было ни свободных и полноправных лиц, ни свободных и автономных сословий. Сословия отличались не правами, а повинностями. Характерными чертами являлись бессилие перед порядком и безграничная власть над лицами. Некоторыми ограничителями монархической власти государя служили традиции и обычаи. О правах, свободе и самоценности личности речи быть не могло.

На волю монарха влияла православная идеология. Не считая себя ограниченным правовыми нормами, он «всегда сохранял ответственность перед Церковью» [6, с. 208]. Религиозно-нравственные идеи оказывали аксиологическое влияние на государственные решения. Идея общественной пользы, гражданского общества оказалась полностью подмененной государством. Предпосылки для превращения подданных в граждан появились в России только с ликвидацией крепостного права в 1861 г., но общественные надежды не оправдались.

Вместе с тем российские императоры ясно осознавали необходимость распространения в обществе юридических сведений. В Наказе (1767) Екатерины II говорится: «Законоположения должно приняти к народному умствованию. Для введения лучших законов необходимо потребно умы людские к тому приуготовить... И для того

ЛЕБЕДЕВА Ольга Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре педагогики ВятГГУ
© Лебедева О. В., 2006

предписать надлежит, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно из церковных книг и из тех книг, которые законодательство содержат» [11, с. 60–61].

По Уставу народных училищ (1786) одним из главных предметов являлось обучение «должностям человека и гражданина». Содержание данной книги соответствовало политике правительства XVIII в.: уравнять сословия общими перед законом правами и обязанностями и призвать к совместной государственной деятельности. Социально-политические вопросы (установление новых отношений между общественными классами) и кодификационные (упорядочивание нового законодательства) были тесно связаны с педагогическими – руководством и воспитанием юношества (В. О. Ключевский).

Целевой компонент гражданского образования ориентировался на достижение человеком благополучия, возможного при верноподданническом отношении к самодержавному строю, верности своему сословию, христианской добродетельности, телесном здоровье и трудолюбии. Благополучие подданных ставилось в зависимость от повелевающих или запрещающих посредством законов властей. Подчиняющиеся повелениям начальников назывались подданными.

Печальная участь постигла преподавание права и законоведения в российских школах, которые в зависимости от проводимой политики властвующих императоров то вводились, то исключались из учебных планов. В начале царствования Александра I, принявшего на себя обязательства руководствоваться строгой законностью, во многих гимназиях преподавались такие предметы, как учение о нравственности, естественное право, международное право, римское право, местные законы, статистика. В период царствования Николая I, считавшего главной причиной выступления декабристов вольность, допущенную властями в системе образования юношества, согласно Уставу гимназий и училищ уездных и приходских (1828) законоведение из гимназий было исключено. В 1849 г. оно вводилось в гимназиях по утилитарным соображениям, так как было признано полезным для детей дворян и разночинцев, которых ожидала карьера на государственной службе.

Согласно новому уставу и министерскому распоряжению (1852) курс законоведения и естественных наук изучался в гимназиях первой и второй категорий, т. е. в 9/10 гимназиях. Наряду с древними языками законоведение входило в специальный курс обучения. Необходимо отметить, что мотивом выбора законоведения учащимися была не подготовка к государственной службе, а трудности изучения древних языков. В уставах гимназий и прогимназий 1871 г. о законоведении уже не упоминалось.

Общественно-политические изменения конца XIX – начала XX в., ориентиром которых служила перспектива построения правового государства, руководствующегося общечеловеческим идеалом, дали возможность праву одержать победу над школой. В 1906 г. в соответствии с программой, утвержденной министром народного просвещения для мужских гимназий и реальных училищ, законоведение преподавалось в VII и VIII классах, а также в некоторых женских гимназиях в качестве необязательного предмета.

Сторонники общественно-просветительского направления утверждали идеи патриотизма, честное служение Отечеству рассматривали как нравственный долг личности и ее гражданскую обязанность. Они верили, что воспитанное в духе гражданских «российских добродетелей» новое поколение установит идеальное государство. Благосостояние, процветание Российского государства и общественных нравов ставились в зависимость от воспитания и обучения, отмечалась необходимость заботы о воспитании со стороны правительства. Характерными качествами человека-гражданина в XVIII–XIX вв. являлись общественная активность, готовность вмешаться в несправедливость, заинтересованность в судьбах других людей, особенно крестьян, находящихся в рабстве.

К. Д. Ушинский и его сторонники ориентировали школу на подготовку личности к выполнению общественных обязанностей человека и гражданина, связанных с удовлетворением разумных человеческих потребностей, органически сочетающих личные и общественные интересы, а путь, по которому следует идти каждому человеку, – это честный, самоотверженный труд в интересах общества. Ведущим мотивом гражданской деятельности считалась потребность служить обществу. Подчеркивая отношение человека к общественному делу как личному, как к делу своей совести, вместе с тем педагоги обращали внимание на закономерную зависимость между общественными обязанностями и правами личности человека. Для подготовки учеников к жизни полноправных членов общества необходимо было руководствоваться индивидуальным и социальным принципами, учить подрастающее поколение науке жить с людьми.

Главным препятствием в подготовке учащихся к общественной деятельности в XVIII–XIX вв. являлся их отрыв от потребностей общественной жизни. Выпускники школ были не подготовлены к встрече с реальной действительностью и не могли противостоять отрицательному влиянию социальной среды, им не хватало твердости духа и силы воли, необходимых для выполнения гражданских обязанностей. Отсюда выдвигалась

задача образования у ребенка ясных понятий о явлениях окружающего мира, в первую очередь общественного, и формирования стремления к идеалам правды и добра, а главное – нравственных убеждений: «...образование твердой и свободной воли и, следовательно, воспитание тех гражданских и человеческих доблестей, которые составляют лучшее украшение времени и общества» [4, с. 174].

Основу деятельностного подхода к гражданскому образованию составляло участие в общественных делах. Н. Г. Чернышевский доказывал, что формирование гражданственности невозможно без приучения ребенка к участию в общественных делах в детстве: «Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувства гражданина ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится или, по крайней мере, не становится мужчиной благородного характера» [10, с. 143].

В начале XX в. в качестве средства воспитания ученика как общественного деятеля предлагалось использовать упражнения в общественной работе и золотое правило бойскаутов: «Ни одного дня без доброго дела». Гражданское воспитание трактовалось как общественное (П. П. Блонский). Особое внимание обращалось на организацию активной свободной деятельности школьников на пользу общества и государства, дающей личности осознание своей общезначимости (П. Ф. Каптерев, Г. Роков, Н. Румянцев). Важное значение в воспитании гражданина приобретали различные школьные и межшкольные организации, кружки, группы, союзы, удовлетворявшие потребности школьников в общении и предоставлявшие возможность приобрести умения отстаивать свои интересы, истину, справедливость, быть честным и правдивым, испытывать чувство солидарности. Подчеркивалась роль организаций, оказывавших различные виды взаимопомощи и дававших школьникам испытать радость самоотречения, самопожертвования и тем самым оказывавших существенное влияние на формирование гражданственности.

Для российской истории XX в. было характерно полное огосударствление общественных отношений, что привело к свертыванию демократии и породило тоталитаризм. Наличие сферы, в которой свободная, самоопределяющаяся личность выдвигает свои требования, направленные на удовлетворение желаний и личной автономии как характерного признака гражданского общества, было недопустимо. Приоритет отдавался социально-культурным правам граждан. Гражданские права связывались с обязанностями и в значительной степени обусловливались ими.

В условиях тоталитарного режима смысл понятия «гражданин» определялся представлением о гражданском поведении как повиновении и безусловном послушании вождю. Тенденциозное преподавание деформировало гражданское самосознание личности школьника. Принятие Правил для учащихся регламентировало нормы поведения, вытекающие из обязанностей. Неукоснительное соблюдение учащимися своих обязанностей стало главной составляющей уклада школы в тоталитарном государстве. Командно-административное управление страной во многом соответствовало парадигме авторитарно-императивной педагогики, проявлявшейся в одностороннем характере предъявления требований к личности школьника.

Ведущим противоречием данного периода являлось противоречие между реальной педагогической практикой и официальной педагогикой, руководствовавшейся авторитарными предписаниями партийных съездов и пленумов. Отрицательное влияние на формирование личности гражданина оказывало противоречие между декларируемыми принципами демократии и реальной действительностью. Данное противоречие успешно разрешали передовые педагоги-практики, разрабатывавшие теорию развития коллектива, так как гражданственность начинается прежде всего с ответственности личности перед собой и перед своим коллективом. Сущностное значение придавалось социализации личности, которая осуществлялась посредством установления связи школы с обществом, включения учащихся в общественную деятельность. Идеалом воспитывающей среды служила община «свободных детей и разумных взрослых, соединенных ясным сознанием своих обязанностей» [12, с. 17]. В воспитании коллективиста А. С. Макаренко руководствовался принципом «как можно больше требования к ребенку и вместе с тем как можно больше уважения к нему». Однако идеологии тоталитарного и административно-командного государства соответствовало предъявление к человеку требований выполнения чужих указаний, второй признак развития коллективизма остался в тени.

В условиях хрущевской «оттепели» 50-х гг. было выявлено противоречие между ответственностью личности и предъявляемыми к ней требованиями коллектива, общества, государства как основа проблемы гражданской мотивации. Отсюда делался обоснованный вывод о необходимости учета в воспитании гражданина субъектного опыта и влияния среды (Т. Е. Конникова). Механизмом социализации, обеспечивающим перевод ценностей общества в ценности коллектива и ценностные ориентации личности, являются самодеятельность и творчество участников кол-

лективной жизнедеятельности (М. Г. Казакина). Развитие идеи взаимного соответствия общественных и личных интересов в последующий период потребовало от педагогов необходимости открывать в школьниках индивидуальные свойства и качества, воспитание которых приносит пользу обществу и удовлетворение личности (Л. И. Новикова). Целевой компонент коллективной деятельности И. П. Иванова ориентировался на формирование гражданина как гармонично развитой творческой личности, способной и готовой взаимодействовать с другими людьми в решении жизненно важных задач, заботящейся об улучшении окружающей жизни и приносящей пользу и радость близким и далеким людям. Общая, товарищеская, творческая деятельность удовлетворяет и развивает общественные и личные интересы людей – подрастающих и взрослых, а взаимодействие поколений составляет объективную основу формирования активной личностной позиции и личностных отношений.

Отечественная педагогика в формировании гражданина приоритет отдавала неоэтатическому подходу. В иерархии нравственных качеств первое место отводилось совести, добродетели и правдивости, причем главенствующую роль в отношениях между людьми играла совесть, означающая в православной культуре «весть духа». Даже счастье человека ставилось в зависимость от его нравственных качеств, в первую очередь совести как первичной силы русской души (П. Г. Редкин).

Последовательность гражданского воспитания определена Н. И. Пироговым: «Все готовящиеся быть полезными гражданами должны сначала научиться быть людьми» [4, с. 39]. Назначение нравственного воспитания в том, что, образуя истинных, верных сынов Отечества или бесполезных членов, оно тем самым оказывает влияние на настоящее и будущее состояние общества (В. Г. Белинский). Данная точка зрения близка К. Д. Ушинскому, убежденному, что нельзя служить общечеловеческому, не выполняя долга перед Отечеством. Нравственность и свобода взаимосвязаны, потому что нравственным может быть только действие, проистекающее из свободного решения. Свободный, любимый труд, увлекающий целью дела как идеал воспитания, основанного не на мечтах, а на действительности, знании потребностей человеческой природы, должен стать характерной особенностью отечественной педагогики. В данной мысли педагога содержится важное указание относительно особенностей деятельностной составляющей гражданского образования. Человек способен самореализоваться только в такой деятельности, которую он, во-первых, выбирает свободно; во-вторых, любит, т. е. она является для него субъектно ценностной и составляет смысл его жизни. Отсюда вытекает задача воспитателя – развивать в воспитаннике любовь к самостоятельному излюбленному труду. В школьном возрасте главный интерес жизни и труд человека составляет учение, для которого необходимо создавать благоприятную атмосферу и способствовать развитию самодеятельности в учении.

В период Первой мировой войны идея общечеловечности провозглашалась педагогами как главная задача нравственного воспитания. Важно, чтобы молодые поколения усвоили: нравственность, правда, справедливость сохраняют свою абсолютную ценность и нет правды, которая была бы французской или немецкой и была бы неправдой для русских. Нравственность, справедливость, правда, замкнутые в узкие земные рамки, утрачивают всякое значение, и их судьба решается силой. Нравственные положения могут иметь особую форму у разных народов, но их содержание является общечеловеческим (М. М. Рубинштейн).

Долгое время в педагогике вопрос о том, нужно ли специальное гражданское воспитание, считался одним из спорных. Доводы сводились к тому, что гражданское воспитание, по сути, тождественно воспитанию нравственных добродетелей, отзывчивости, самопожертвования. Признавалось, что хорошим гражданином может быть только нравственный человек, чувство законности как опоры государственного строя немыслимо без нравственного воспитания. Высоконравственный человек способен больше содействовать приближению государства к идеальному строю, чем человек, специально воспитанный для служения государству. Данное утверждение верно в том, что нравственный человек является хорошим гражданином, полезным для государства, выполняющим его требования, если они не противоречат высшим законам справедливости, гуманности, способности к борьбе за высшие человеческие идеалы. Однако воспитание для государства может быть односторонним, поскольку оно преследует задачу сделать человека полезным для общества, а физическое и эстетическое развитие человека для государства второстепенно. К тому же только в идеальном государстве гражданское воспитание полностью совпадает с нравственным, так как в этом случае государство требует от человека служения нравственным идеалам, и, следовательно, служение такому государству соответствует задаче нравственно-гуманного воспитания. В реальных условиях нередко возникает конфликт между личностью и государством, причем право и справедливость не всегда оказываются на стороне государства, и человек должен быть готовым и способным отстаивать свои интересы и права.

Отстаивая идеи патриотизма, передовые общественные деятели XVIII–XIX вв. подвергли критике космополитизм школы, воспитание детей в частных пансионах и семье наемными иностранцами, внушавшими юным россиянам презрение к Родине, а также излишек учебного времени для изучения иностранных языков в ущерб знанию родного языка. Следует заметить, что в современных общеобразовательных школах нередко вводят изучение иностранного языка в начальной школе, не посоветовавшись с родителями, не заботясь о том, насколько это позволяет делать общий уровень развития ученика и его подготовка к обучению. Результатом подобных «новаций» становится потеря школьником интереса к учению. Актуален в условиях сегодняшней действительности, отличительной чертой которой стало украшение зданий иностранными вывесками из-за забвения принятия закона о защите русского языка, протест Н. П. Огарева против неуместного употребления иностранных слов, «не получивших у нас права гражданства и легко заменимых собственными русскими словами» [2, с. 420]. Предостерегая от излишнего пристрастия ко всему иноземному, педагоги не зря призывали доказывать историческими фактами, что все прекрасное и благородное есть у нас в Отечестве.

Выполнение гражданских обязанностей молодыми людьми ставилось в прямую зависимость от знания Отечества и уважения к нему. Общественные деятели и педагоги настаивали на преимущественном изучении России. Идея народности, которой придерживались педагоги, отражала требование изучения Родины как необходимой предпосылки воспитания сознательного патриотизма. Она основывалась на вере в могучие духовные силы народа, его энергию, способность к преобразованию своего экономического и культурного положения, тесно связывалась с идеей гражданственности и обязывала ее выразителей отстаивать интересы и стремления народа. В этом заключался гражданский долг личности. Педагоги-демократы называли любовь к Отечеству единственным источником жизни государства, в котором все его члены черпают силы для своей общественной деятельности. Отсюда следует, что в воспитании будущего гражданина, члена общества как важном процессе социализации, посредством которого новые поколения связываются общей духовной жизнью с отживающими, существенное значение имеет патриотическая составляющая.

Отрадной чертой народного характера является сознательный, глубоко коренящийся в сердце патриотизм, проявляющийся не только в битвах с внешними врагами, но и в смелом слове истины, высказать которое опаснее, «чем подставить лоб под вражескую пулю, которая “авось” пролетит мимо» [9, с. 184]. Недостаток российского патриотизма в том, что, проявляясь в борьбе за свободу и независимость Родины с «львиной силой», он мало влияет на спокойный ход жизни и исполнение постоянных, ежедневных обязанностей. Недостатком российского патриотизма является то, что ему не хватает созидательной, продуктивной силы. В связи с этим школе следует обратить внимание на то, что малоплодотворный патриотизм – главное препятствие для прогресса в России. «Уже достаточно общей стала фраза, что мы прекрасно умеем умирать за Россию, но умеем ли мы жить для нее? Мы, может быть, необычайно способны к любви и любим мы сильно и глубоко, но умеем ли мы любить, умеем ли мы воплощать порывы нашего сердца и проявлять активно нашу любовь так, чтобы она согревала и оживляла тех, кого мы любим?» [3, с. 70].

Приоритетное значение имеет осознание школьниками мысли, что Родина для человека – самое дорогое и священное, без Родины человек перестает быть личностью (В. А. Сухомлинский). Патриотизм – это «надличностное» начало (Д. С. Лихачев), которое выводит человека за пределы удовлетворения собственных потребностей. При этом важно, чтобы личностно значимым для него становилось конкретное дело, непосредственно не затрагивающее его личные интересы. «В человеке начинается гражданин, когда сфера его личных интересов расширяется, включая в себя интересы многих людей» [8, с. 242].

Педагоги правомерно называли гражданином свободного человека, признающего над собой власть закона, с уверенностью опирающегося на него при отстаивании своих прав. В связи с этим перед школой ставилась задача формирования у юношества чувства законности и понятия об общественной нравственности. Главным пороком русского общества, укоренившимся в его менталитете, является низложение личности, порождаемое произволом и беззаконием (В. Я. Стоюнин). «Русский человек воспитывался под влиянием произвола семейного, административного, полицейского; отсюда идея закона и нравственная его сила не входили в его сознание, отсюда и в жизни он всегда проявлял свою личность самым уродливым образом: если в руках его являлась власть, то он считал себя выше закона и старался ею подавлять личности подвластных, зато и сам делался безличным перед высшей властью» [7, с. 168]. Преклонение перед властью и унижение личности подчиненного, глубоко укоренившееся в российском менталитете, привело к появлению поговорки в современном русском языке: «Ты начальник – я дурак; я начальник – ты дурак». Отсюда вытекает злободневная зада-

ча воспитания людей, считающих своей нравственной обязанностью отстаивать закон и подавлять власть произвола.

Важным фактором воспитания в школе является правовой режим, призванный научить школьников уважать закон, обеспечивающий их права и налагающий обязанности, составляющими которого выступают:

– правовая система школы, регулирующая отношения субъектов образовательного процесса и развивающая чувство законности;

– выборное самоуправление, дающее возможность осознать и реализовать свои права и обязанности на практике;

– школьные и межшкольные организации, союзы, группы, в которых школьники учились соотносить свои интересы с интересами других людей, уважать и отстаивать свои и чужие права;

– совместная общественная деятельность, способствующая формированию чувства общественности, ответственности перед другими членами общества, проявления инициативы и самодеятельности;

– дух школы, содействующий приобретению опыта демократических отношений.

Организация школьной жизни, взаимоотношения учителей и учеников должны внушать школьникам идею гражданского равноправия, мысль, что они будущие граждане свободного государства, имеющие одинаковые права и обязанности. Школа в своей внутренней жизни является «некоторым сколком гражданского общежития» [5, с. 33], представляет своего рода союз учащих и учащихся, связанных общими целями и подчиняющихся в своих взаимоотношениях определенным правовым и нравственным нормам, принятым в окружающей их социальной среде. В своей жизнедеятельности школа руководствуется правовыми понятиями, формируемыми на уроках. Ее жизнь должна регулироваться законами и правилами, обязательными как для каждого учителя, так и учащегося. Исходным пунктом нового правового режима, отличающегося гуманной направленностью, являются права учащихся, из которых вытекают обязанности, расширяющиеся к старшему возрасту. Основное и главное право учащихся – учиться и воспитываться в школе, обеспечение которого – обязанность учителей. На этой основе должна строиться вся правовая система школьной жизни.

В 1915–1916 гг. педагогическая журналистика (Г. Роков, Н. Румянцев) вновь подняла вопрос о введении в школе изучения таких предметов, как право- и законоведение. Отмечая, что гражданин России XX в. не может быть невежественным в вопросах правовой жизни современного государства и лишенным общественного воспитания, педагоги подвергли критике материалы реформы, подготовленной под руководством министра П. Н. Игнатьева, из-за отсутствия указаний о направлениях и путях гражданского и социального воспитания. Причиной этого, возможно, послужило отсутствие квалифицированных кадров учителей. Видя «жалкие» результаты преподавания законоведения практическими юристами, комиссия не нашла для него места в школьной программе как самостоятельного предмета и возложила его задачи на историю.

Отличительной особенностью советского периода являлся тенденциозный характер преподавания. Были введены новые общественно-исторические дисциплины: экономическая наука, история социализма, Конституция СССР, обществоведение. В условиях тоталитаризма изучение курса «Конституция СССР» нацеливалось на вооружение учащихся знаниями обязанностей советского гражданина и их неукоснительное выполнение.

В соответствии с приказом Минобразования России от 21.05.01 г. экспериментальным базисным учебным планом предусмотрено изучение курса «Граждановедение» в V–VIII классах, в старших классах изучается обществознание. Сохраняется тенденция составления учебников опытными юристами. Право выбора курса преподавания и учебных пособий предоставляется учителю. Отличительной особенностью преподавания становится его практико-ориентированный характер, способствующий формированию умений школьников решать правовые проблемы.

Анализ современной практики гражданского образования школьников позволил нам выявить следующие особенности, связанные с пониманием учащимися общественной деятельности:

– изменение содержания понятия «общественная деятельность», которая связывается современными школьниками, во-первых, с организацией досуга в рамках класса, школы (праздников, вечеров, конкурсов, концертов, игр, КВНов); во-вторых, с участием в предметных олимпиадах; в-третьих, с участием в спортивных соревнованиях;

– отнесение к общественной деятельности всевозможных видов внеучебных занятий в кружках, клубах, спортивных секциях, в которых они имеют возможность развивать и реализовать свои способности;

– незначительное количество школьников составляет актив класса, школы (совет старшеклассников, совет музея, учком);

– наименее распространенными являются общественные дела трудовой направленности: уборка овощей, территории, дежурство, субботники;

– отдельные учащиеся участвуют в работе научных конференций, шефстве над младшими школьниками.

В современной практике гражданского образования превалирующее значение придается правовой составляющей. Доминантным идентификационным признаком гражданина для 40,5% учащихся 6–8-х классов и 56,6% учащихся 9–11-х классов является понимание правовой связи с государством. Более половины школьников (66,6% учащихся 6–8-х классов и 74,6% учащихся 9–11-х классов) испытывают чувства радости, гордости и патриотизма от своей принадлежности к гражданам России. Нравственная составляющая оказывает на воспитание гражданина несущественное влияние (11,6% учащихся 6–8-х классов и 20,7% старшеклассников признают необходимость для гражданина руководствоваться нравственными нормами в отношениях с людьми). Недооценка школой политической составляющей проявляется в отсутствии субъектной значимости для учащихся политических прав (их необходимость признает 9,1% учащихся 6–8-х классов и 2,3% старшеклассников).

Беспокойство за воспитание гражданина и патриота России, готового и способного отстаивать ее интересы, отражено в документах, принятых сегодня на правительственном уровне: Концепции государственной национальной политики РФ, Национальной доктрине образования, Федеральной программе развития образования, Концепции модернизации российского образования, Концепции патриотического воспитания граждан РФ, Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы», продолжением которой является программа, утвержденная на 2006–2010 гг. В документах говорится, что роль гражданского образования на современном этапе развития России определяется задачами ее перехода к демократическому и правовому государству, к рыночной экономике и необходимостью преодоления опасности отставания страны от мировых тенденций общественно-экономического развития. Принятые документы вызывают надежду на возможность позитивных изменений в формировании гражданственности молодого поколения.

Примечания

1. Антология педагогической мысли народов России XVIII в. [Текст] М.: Педагогика, 1985. 480 с.

2. Антология педагогической мысли народов России второй половины XIX века [Текст]. М.: Педагогика, 1990. 608 с.

3. *Блонский, П. П.* Задачи и методы новой народной школы [Текст] / П. П. Блонский // Избранные педагогические и психологические сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1979. С. 39–85.

4. *Пирогов, Н. И.* Избранные педагогические сочинения [Текст] / Н. И. Пирогов. М.: Педагогика, 1985. 496 с.

5. *Роков, Г.* Общественное воспитание в средней школе [Текст] / Г. Роков // Вестник воспитания. 1907. № 1. С. 20–45.

6. *Стешенко, Л. А.* История государства и права России [Текст] : академический курс: в 2 т. Т. 1. V – начало XX в. / Л. А. Стешенко, Т. М. Шамба. М.: Изд-во НОРМА, 2003. 752 с.

7. *Стоюнин, В. Я.* Заметки о русской школе [Текст] / В. Я. Стоюнин // Избранные педагогические сочинения. М.: АПН РСФСР, 1954. С. 147–217.

8. *Сухомлинский, В. А.* Рождение гражданина [Текст] / В. А. Сухомлинский. М.: Мол. гвардия, 1979. 335 с.

9. *Ушинский, К. Д.* О нравственном элементе в русском воспитании [Текст] / К. Д. Ушинский // Избранные произведения. М.; Л.: АПН РСФСР, 1946. Вып. 3. С. 148–195.

10. *Чернышевский, Н. Г.* Избранные педагогические сочинения [Текст] / Н. Г. Чернышевский. М.: Педагогика, 1983. 336 с.

11. *Чижов, Н.* О преподавании законоведения в средних учебных заведениях Министерства народного просвещения [Текст] / Н. Чижов // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Ч. 5. Октябрь. С. 59–75.

12. *Шацкий, С. Т.* Избранные педагогические сочинения [Текст]: в 2 т. Т. 2 / С. Т. Шацкий; под ред. Н. П. Кузина, М. Н. Скаткина, В. Н. Шацкой. М.: Педагогика, 1980. 460 с.

В. В. Ковров

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУЩНОСТИ ФЕНОМЕНА САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Предлагаемая статья представляет анализ феномена самореализации человека. В статье дается определение самореализации как целостного процесса самосовершенствования, диалектически сочетающего в себе самоизменение и самостановление на протяжении всего жизненного пути личности. Автор подчеркивает многоаспектность проблемы самореализации, пытается через выявление актуализирующих ориентиров представить модель процесса самоактуализации (как составной части процесса самореализации).

Изучение феномена самореализации человека на разных уровнях обобщения отразилось в многообразии его трактовок. Этот процесс понимается по-разному: во-первых, в рамках философии, социологии, психологии, биологии; во-вторых, в широком и узком психологическом смысле.

Существует *понимание самореализации как этической заповеди личности* (Ф. Г. Бредли, Б. Базанкет, Т. Г. Грин, Дж. Маккензи, Дж. Ройс); в гуманистической психологии (Р. Ассаджоли,

КОВРОВ Владимир Викентьевич – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре педагогики ВятГГУ
© Ковров В. В., 2006

А. Маслоу, Карл Р. Роджерс, В. Франкл, Э. Фромм, К. Хорни) *самореализация практикуется в качестве объяснительного принципа человеческого поведения.* Проблематика развития и самоосуществления личности рассматривается в экзистенциальной философии (Н. А. Бердяев, А. Камю, Ж. П. Сартр, Г. Хайдеггер, Л. И. Шестов, К. Ясперс); в религиозной традиции (А. Мень, В. С. Соловьев, С. Л. Франк). В философских исследованиях по данной проблеме (Л. Н. Каган, Н. В. Кленова, Н. Н. Михайлов, Е. Н. Петрова, В. С. Цукерман, Н. И. Шаталова и др.) рассматриваются социально-психологические предпосылки, условия и механизмы личностного самоосуществления, утверждается взгляд на человека как автора и субъекта собственной жизни; *определяется изначальный смысл понятия самореализации как способности человека к свободному целеполаганию и творению собственного бытия* [10, 47–53].

Исходным методологическим принципом в объяснении самореализации служит *деятельностный подход,* ключевым понятием в определении исследуемого явления – понятие *сущностных сил* человека. *Самореализация в целом определяется как воплощение (опредмечивание, универсальное раскрытие) в деятельности личности человеческих сущностных сил.*

Разделяемая нами в данном подходе точка зрения отражается в наиболее известных справочно-информационных изданиях и словарях. *Однако в них мы обнаруживаем, что этот феномен определяется схожими в сущности, но различными в содержательном аспекте понятиями: самоактуализация и самореализация,* – замечаем нередкую взаимозамену определений и рассмотрение обозначенных терминов в качестве синонимов.

Так, например, в отечественных и зарубежных психологических словарях, изданных в Москве (А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский, 1990, 1994), Оксфорде (The encyclopedic dictionary of psychology. 1983), Нью-Йорке (The penguin dictionary of psychology. 1985), понятие «самореализация» отсутствует, но дается определение самоактуализации как наиболее разработанной категории в современной науке. В то же время в американском психологическом словаре под редакцией Чаплина оба термина определяются как синонимы; *самоактуализация трактуется как «тенденция личности развить собственные таланты и возможности»* (J. D. Chaplin, 1971, p. 445).

Подобный взгляд характерен для персонологических, феноменологических, экзистенциальных концепций личности (К. Гольдштейн, А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс, В. Франкл, Э. Шостром, В. Штерн).

В отечественной науке, на психолого-социологическом уровне, феноменология рассматриваемых процессов вытекает первоначально из идеи *личностного саморазвития* (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, Б. Д. Парыгин, К. К. Платонов, С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов, В. А. Ядов). В исследованиях их учеников и последователей (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анциферова, Д. А. Леонтьев, В. С. Мерлин) она изучается в связи *с дальнейшей разработкой общей динамической концепции личности, раскрывающей зависимость человека от меры его активности.*

У Д. А. Леонтьева мы встречаем психологический анализ феномена самореализации (в русле философии К. Маркса), согласно которому самореализация представляет собой *процесс опредмечивания сущностных сил человека в формах созидания объектов материальной и духовной культуры (культурализация) или полагание себя в форме личностных вкладов в других людях (персонализация). Мотивационной основой* процессов обоего рода выступает *метаперсонализация* – стремление человека транслировать свою личность абстрактным путем. Осуществление анализируемого Д. А. Леонтьевым процесса возможно лишь на основе «способности быть личностью», то есть способности внести социально значимый вклад в культуру и других людей. *Когнитивной основой самореализации* является *самопознание,* от которого зависит *активность протекания* этого процесса, его успешность и оптимизация [13].

Говоря об активности, обычно различают два уровня обобщенности этого понятия: во-первых, активность как свойство материи и специфическое свойство жизни – наиболее общий план; во-вторых, активность как конкретное, выраженное в той или иной степени *проявление этого общего свойства – активность конкретного человека,* и на этом уровне ее определяют как меру интенсивности жизненных процессов и жизненных проявлений.

При оценке *меры* активности приходится оценивать выраженность тенденции человека выделяться из «среды социального окружения» и вместе с тем усваивать в той или иной форме, тем или иным путем и в той или иной степени определенные ее элементы, то есть оценивать его уровень взаимодействия со средой.

Известно, что при взаимодействии со средой активность человека, первоначально не структурированная, оказывается разделенной на активность *побудительную* и активность, посредством которой данное взаимодействие непосредственно осуществляется, – *исполнительную.* Исходя из этого *можно определить, что, во-первых, феномены самоактуализации и самореализации человека, оба имеющие процессуальную природу, – формы проявления активности, первая из которых имеет побудительный характер, а*

вторая по характеру исполнительно-результативная; во-вторых, самоактуализация есть сознательный, побудительный процесс (мыследеятельность человеческого сознания), а самореализация – осознанный исполнительно-результативный процесс саморазвития и жизнедеятельности человека.

Условием саморазвития индивида и при этом самоосуществления и самосохранения является некоторое *обеспечение*, например информационное, материальное, культурное, духовное и т. д., этого развития, а также *сохранение (поддержание) его определенности* (либо целостности). Подобного рода необходимость обеспечения и сохранения определенности выражается особого рода связями человека с био- и социосредой, которые получили название потребностей. Потребности человека как «особый род связи» с миром характеризуются тем, что человек всегда выступает по отношению к последнему как целостный и преобладающий по активности фактор. Этим, в частности, объясняется способность человека в той или иной мере преобразовывать среду и приспосабливаться к ней. Другая особенность потребностей заключается в усвоении (т. е. «превращении» в себя, включении в свою структуру и использовании для поддержания жизнедеятельности) некоторых (материальных и духовных, биологических и социальных) элементов среды. Наконец, в потребностях отчетливо проявляется двойственность отношения человека к среде: он и обособляется как некая определенность из окружающего и вместе с тем обязательно с ним взаимодействует, говоря словами С. Л. Рубинштейна, для обеспечения и сохранения разумной целесообразности системы «Человек – Мир» [3; 19].

Разделяя точки зрения, согласно которым потребность есть особая форма отношений, «потребностное отношение» [12; 18] живого к окружающей среде, выражающая необходимость и предполагающая возможность избирательного его взаимодействия с некоторыми элементами этой среды с целью обеспечения и поддержания целостности как условий многообразных процессов жизнедеятельности индивида, мы считаем необходимым подчеркнуть то, *что, будучи объективной по происхождению, субъективность потребности (с психологической точки зрения) выражается именно в потребностном отношении, определяемом соответствующим состоянием человека.*

Итак, понимая потребность не как нужду, а как состояние, нужде отвечающее, ее отразившее и определяющее адекватное данному состоянию отношение, мы полагаем, что *самоактуализация есть потребностное состояние человека, переживаемое и осознаваемое им (в любом случае зафиксированное в сознании человека) на определенный момент времени, как интегральное ощущение некоторого неблагополучия, дискомфорта от тех или иных жизненных обстоятельств, рассогласованности подсистем (всей системы) организма, внешнего (средового) воздействия и внутреннего противодействия (неприятия, отторжения) оного в силу объективных либо субъективных причин.* В любом случае данное потребностное состояние наблюдаемо внешне как степень неблагополучия (дискомфорта) человека, определяемая по внешне читаемым признакам.

Далее развивая эту мысль, необходимо отметить, что самоактуализация, понимаемая как потребностное состояние (состояние нужды) человека в его «устремленности стать тем, кем он может стать» [17], то есть устремленности к максимальному развитию потенций, способностей, талантов, осуществлению миссии (призвания, судьбы, предначертания), наиболее полному знанию и принятию собственной сокровенной сущности, непрестанному стремлению к единству, интеграции, синергии личности [11], очевидно, *есть определяющая направленность человека.*

Говоря о психологической сущности направленности, С. Л. Рубинштейн отмечал: «Это ответ на вопрос, чего хочет человек, что для него привлекательно, к чему он стремится?» [3]. Под направленностью, таким образом, понимается очень широкий спектр психологических образований: целей и задач, интересов и увлечений, потребностей и мотивов, личностных смыслов, мировоззренческой картины (установок, тенденций, убеждений, принципов, ценностных ориентаций). Все перечисленные человеческие свойства и проявления находятся в сложных, динамичных, иерархизированных отношениях.

Рассматриваемая проблема действительно сложна своей многоаспектностью. И об этом говорит, к примеру, следующее положение. Под актуальным понимают злободневные, современные, животрепещущие, наболевшие, назревшие, жгучие, острые [20], важные и значительные для настоящего момента [21] для индивида вопросы, объясняющие, что нужно, что и с чем делать, зачем необходимо (для осуществления этого нужного)? *Их постановка (что? с чем? зачем?) как побуждающих, однако, вовсе не обязательно означает «побудивших», а означает этап устремленности (потенциальной), наличие избирательной тенденции.* И далеко не все здесь (то, что побуждает и внешне скрыто инициирует поведение, деятельность) может (действительно) вести к самореализации [1].

Опираясь на философские, культурологические, психолого-педагогические исследования, мы предприняли попытку *через выявление актуали-*

зирующих ориентиров представить модель процесса самоактуализации (как составной части процесса самореализации), который определяет успешность и завершенность самоосуществления индивида (термин «самоосуществление» мы рассматриваем в качестве синонима процесса, обозначаемого понятием «самореализация»).

Первый, наиболее сложный, ориентир выражается в существовании у человека в той или иной форме и степени некоторого *«замысла», плана жизни* (С. Л. Рубинштейн), *жизненной цели* (А. Н. Леонтьев), *проекта-цели* (Г. С. Батищев), *проекта* (М. К. Мамардашвили), *общего девиза своего бытия* (О. Г. Дробницкий) [4; 8; 12; 14; 18].

Степень эта зависит от биологической, энергетической, психологической, социальной «обеспеченности» существования человека; ее наличие связано со способностью и стремлением человека осуществлять самопроецирование в будущее не только как постановку конкретных целей, но и как самопроектирование, то есть не как частичное, а как целостное перенесение себя в будущее, включение будущего в свое реальное бытие.

Следует иметь в виду, что сферой функционирования данного ориентира является *«поле» личностных смыслов* или тех до конца индивидуализированных, субъективных значений поступков и побуждений, которые не имеют объективного, надиндивидуального существования и в то же время являются наиболее глубокой характеристикой личности.

В возникновении и осознании таких обобщенных целостных ориентиров поведения могут быть выделены, по меньшей мере, три различных механизма. *Первый,* в силу постоянного доминирования определенных мотивов, ведет к спонтанному возникновению целенаправленности всей жизни человека (внутренней позиции), природа которой по преимуществу является эмоциональной. *Сущность второго* заключается в постоянной внутренней работе (главным образом осознания), в результате которой формируется некоторая жизненная цель (ведущий мотив), направленная на иерархизацию смыслообразующих мотивов. В этой цели «смысловые единицы жизни» могут собраться как бы в одну точку. Но, как отмечает А. Н. Леонтьев, «даже при наличии у человека отчетливой ведущей линии жизни она не может оставаться единственной» [12, 221–224]. *Природа третьего* механизма кроется в «работе» сознательных (но не обязательно рациональных) актов воли, в осуществлении свободного (детерминированного не внешними обстоятельствами) выбора самого себя, то есть выбора не между лучшими и худшими наблюдаемыми альтернативами, конкретными целями, а своего способа жизни, между добром и злом в собственном существовании [5; 6; 15].

Под внешними обстоятельствами имеются в виду возможность реализации выбранного способа жизни, наличие средств для этого, возможные последствия, ценностные и нормативные последствия в обществе и прочее. Внутренние же обстоятельства – стремление быть самим собой, «решимость решиться».

В результате такого подхода, на основе взаимодействия этих механизмов образуется *проект, или замысел, который характеризуется целостностью, свернутостью и потенциальностью.* В связи с тем, что замысел (проект) не имеет определенной структуры, не расчленен на цель, средства и результат (вознаграждение), на причины и следствия и не представляет собой рациональную «концепцию» собственной жизни, он – некоторое постоянно меняющееся поле готовых (как осуществленных, так и возможных) «решений», частных выборов, которые лишь актуализируются в соответствующей ситуации [14]. В каждый определенный момент времени человек уже сделал (в том числе и будущий) выбор, и его задача заключается в том, чтобы найти, «вспомнить», осознать уже готовое решение. Поэтому-то ориентируемое и во многом направляемое проектом поведение и (или) деятельность, направленные на самореализацию человека, могут выглядеть как «импульсивные» и нерациональные в силу мгновенности «принятия решения» и отсутствия его рационального обоснования.

Исходя из такого рассмотрения, можно сказать, что *функцией данного ориентира процесса самоактуализации в самоосуществлении человека является устремленность индивида на формирование, сохранение, воспроизведение его как личности, как индивидуальности, его уникальной природы «само».* В замысле отражаются и экзистенциальный, и нормативный элементы, которые выражены в формальном требовании осуществить выбор самого себя. Наиболее рельефно вышеизложенные соображения заметны в концепциях гуманистического направления в психологии [17; 25].

Вторым ориентиром, «работающим» на самореализацию, является *идея должного:* в подлинно сознательной и свободной деятельности должны сочетаться картина сущего и представления о должном [26].

Подобное специфически волевое саморегулирование жизнедеятельности предписывает человеку ориентироваться не на склонности (потребности и влечения), а на следование долгу (И. Кант). Именно в этой сфере (сфере нравственности) человек сам задает себе закон поведения, выводит его не из своей природы (потребностей, интересов, стремлений), а из собственного пред-

ставления о должном. Говоря о нравственном поведении, мы разделяем точку зрения О. Г. Дробницкого, позиция которого, как нам представляется, отличается от утилитарной позиции во всех ее вариантах, позволяет четко различать «целерациональное» и нравственное поведение самореализации, в результате поведение и деятельность, ориентированные на должное, как нам кажется, имеют такие особенности [8].

Следование долгу является самоцелью, то есть не может быть средством для чего-то другого. Поступки, просто согласующиеся с нравственностью, но направляемые другими побуждениями, а не только лишь стремлением к выполнению долга, в строгом смысле слова не являются нравственными. Поэтому простая оценка своих поступков с точки зрения должного – вторичный феномен, не выражающий сущность нравственности.

Следование должному вменяется человеку в безусловно-обязательной форме, то есть независимо от возможного результата этого следования. Оно не связано с исчислением результативности или эффективности (как в личном, так и в общественном плане) [16, 136].

Необходимо сказать, что правомерность нравственного требования [8] не тождественна условиям его исполнимости или целесообразности. Смысл стремления к должному – не в достижении какого-либо результата, а в самом этом стремлении, безотносительно к последствиям, которые могут оказаться нежелательными. Поэтому здесь не требуется информации о ситуации, возможном исходе и прочее.

Следствием и выражением безусловной обязательности нравственности является требование бескорыстия, отсутствие всякого расчета на любое вознаграждение (в том числе «внутреннее удовлетворение»). Здесь оговариваем, что в выявлении сущностного данного ориентира мы руководствуемся двумя немаловажными обстоятельствами: категория «должное», безусловно, отличается нами от долженствующего иметь место в будущем; в целевом поведении выбор средств диктуется эффективностью («цель оправдывает средства»), а в *нравственном поведении способ следования должному внутренне ему соответствует («каковы средства – такова и цель»)*. Думается, для него характерно единство «цели» и средства, полная детерминация выбора последних самим представлениям о должном.

Таким образом, следование долгу представляет собой сознательное формирование собственной личности, ориентацию поведения и деятельности в ситуации максимальной личностной и (или) социальной неопределенности, *создание возможности «стратегической жизнедеятельности»*, выходящей за рамки наличной, открывшейся человеку и рационально осмысленной им ограниченной ситуации.

Если первые два ориентира относятся к субъективному миру – миру человеческих поступков и побуждений, придавая им смысл и оценку, *третий сопряжен со сферой объектов внешнего (природного и социального) мира, которым придается ценность, значимость, значение для человека, отношение их к потребностям, интересам, стремлениям.*

Необходимо иметь в виду, что ценности представляют собой любой материальный или идеальный, действительный или воображаемый предмет, идею или институт, в отношении которого индивиды занимают позицию оценки, приписывают ему важную роль в своей жизни и стремление к обладанию им ощущают как необходимость [1; 7]. По традиции, следует считать формирование ценностей в результате социальной деятельности человека, функционирования и развития его потребностей, постоянного выбора порядка и способов их удовлетворения и влияния социальных стандартов этих порядков и способов. Однако затем они приобретают самостоятельное существование как ориентиры деятельности человека по пути его самореализации.

В развернутом, полностью сформированном, устоявшемся виде ценности становятся самоценными, функционально незаменимыми объектами, которые важны сами по себе, а не потому, что удовлетворяют какую-то потребность. Они представляют собой так называемые терминальные ценности (внутренние, конечные, целевые). По отношению к ним можно говорить о потере или приобретении (но не о «замене»), об одновременном существовании, но не об иерархии (исследования В. А. Ядова). В противоположность им инструментальные (операциональные) ценности могут образовать иерархию, так как в определенных ситуациях они выступают как средства для осуществления целевых ценностей, как их конкретизация.

Однако в целом ценности вряд ли представляют собой своеобразную устойчивую систему, поскольку постоянное возникновение новых и функционально самостоятельных ценностей разрушает их сложившийся порядок, наблюдается «постоянное его саморазрушение». И если говорить об определенной системе ценностей, то ее организующее, выстраивающее начало, ее ядро, думается, нужно «искать» вовне, во внешних ограничениях, не позволяющих человеку реализовать все ценности, *заставляющие его постоянно делать выбор между ними, то есть выстраивать и согласовывать их.*

На основании вышеизложенного можно сказать, что областью функционирования и проявления ценностного в поведении является ориен-

тация на *осуществление выбора из альтернатив, которые не могут быть оценены ни рационально (расчетом), ни социально – стереотипом (с помощью социальных стандартов)*. Они оцениваются не в плане полезности или нужности, а с точки зрения представления о хорошем и плохом. Ценности действуют, живут только в момент выбора и оценки – точнее, только тогда их можно наблюдать как элемент, ориентир самореализации. Как нам кажется, *их функция – актуализация на создание упорядоченной и осмысленной, имеющей значение для человека картины мира. Они дают основание для порядка предпочтений и оценки альтернатив, определяют некоторые «границы», то есть не только направляют, но и регулируют их*.

Таким образом, в ценностях соотносится субъективный и объективный мир, на основании потребностей, интересов, стремлений человека, но движение, исходящее от социальных требований (фиксируют допустимое, приемлемое, возможное, ожидаемое и одобряемое поведение), регулируется нормой.

Мы отличаем их от нравственных норм (должного). Различия в самом общем виде сводятся к тому, что «вознаграждение» и наказание в первом случае идет извне («социальные санкции»), а во втором – изнутри («совесть») [8].

Известно, что содержание норм определяется объективными характеристиками социальной деятельности, труда и общения, содержанием коллективного опыта, оно формулируется, уточняется в непосредственном социальном общении. Обосновываются нормы представлением о должном и терминальными ценностями. Достаточно глубоко усвоенные, обобщенные, получившие эмоционально-оценочную окраску, сформулированные человеком уже не в категориях «можно – нельзя», а в категориях «хорошо – дурно», нормы могут стать ценностью и долгом. В свою очередь, ценности, потерявшие связь с потребностями и стремлениями, ставшие внешней рамкой поведения, так же, как и долг, продиктованный и контролируемый внешними санкциями, превращаются в нормы.

Таким образом, нормы как ориентир, актуализирующий процесс личностной самореализации, более жестко детерминируют жизнедеятельность, чем, например, ценности. Норма либо выполняется, либо нет, в то время как следование ценностям (ориентация на ценности) может быть различным по интенсивности. Однако они являются достаточно гибкими, так как задают не то, что нужно, а то, чего нельзя делать, и определяют границы социально дозволенного довольно широко.

Следующим ориентиром в предлагаемой нами схеме является цель, хотя значимое для человека (личностное) содержание цели полностью определяется другими ориентирами жизнедеятельности. Цель же *выражает это содержание через процессы, результаты, средства и уровень притязаний (конкретизация, рациональная постановка цели)*.

Формулировку целей в этих категориях определяют как «конкретизация» и «рациональная постановка» цели. Как отмечает О. К. Тихомиров, цель – это идеально положенный (в виде цели) результат действия, или мотивированное, осознанное, выраженное в словах предвосхищение будущего результата, которое является условием и (или) причиной его осуществления [22]; она дает человеку представление о желаемом для него результате, а не о процессе или выполнении действия (как, например, норма или долг), целевое поведение не «направлено к цели», а «направлено целью» (от цели к результату) [23; 24]. Цель выражает, определяет желаемый уровень удовлетворения потребности, ценности и так дальше, то есть некоторый уровень притязаний. *Функция целевого поведения состоит в непосредственной и инструментальной (нецелеполагающей и использующей внешние объекты как средство) реализации стремлений, заданных другими ориентирами*.

Последним нами рассматриваемым ориентиром является самопроявленность. Этот экзистенциальный ориентир определяет вектор направленности не на внешние объекты, а на самого себя как на личность. Данная направленность заключается в *стремлении быть (не быть) или стать (не стать) кем-то (чем-то), приобрести или сохранить неотъемлемые качества или внутренние состояния. Она выражается в стремлении к самопознанию, высокой самооценке, самотворчеству, самовыражению, развитию своих способностей*.

Эти элементы ориентира независимы, могут быть, с нашей точки зрения, выстроены в иерархию (характер которой определяет и характер поведения), противоречить друг другу, выпадать, выступать как самостоятельные цели. Самопроявленность среди других обозначенных ориентиров самореализации также может занимать различное место. Он может быть либо подчинен другим ориентирам, либо все остальные (за исключением первого) подчинены ему (помещение самоактуализации или внутренней гармонии на вершину иерархии ценностей, выполнение долга или достижение цели как средство самоутверждения и т. д.). *Функция поведения одноименного ориентира – сохранение, здоровье (моральное и физическое) личности*.

Нельзя исключить из поля зрения возможную, с нашей точки зрения, *ситуацию отсутствия ориентира на самореализацию*. В этом случае

поведение человека, его деятельность выглядит как не направленная ни на какой определенный объект, ни к какой цели, «считается» «бессмысленной», «иррациональной». Это тот случай, когда индивид не может убедительно сформулировать цель или смысл своего поведения, не выбирает средств, не думает о вознаграждениях, четкой осознанной задачи личностной самореализации для него не стоит. Очевидно, за такими внешними характеристиками могут скрываться псевдонецеленаправленное поведение и поведение как поиск ориентира.

В первом случае поведение либо просто не понято (как наблюдателем, социальным окружением, так и самим субъектом действия) и не сформулировано в рациональном виде (хотя в принципе это возможно), либо процесс его осознания и ориентации свернут, не представлен в данный момент. В связи с этим оно выглядит импульсивным или «разрядкой» в силу мгновенности реакции. Хотя за подобным поведением может скрываться сложная система ориентаций, уже сделанный выбор, к примеру, реакция на несправедливость или бунт.

Во втором случае ненаправленная активность на самых разных уровнях поведения (от физической до сложной внутренней активности) представляет собой постоянный отход от прежнего состояния, выход за пределы, устремление к иному. Смысл ее – поиск объекта, цели, ориентира деятельности. Такая активность, при всей своей ненаправленности, никогда не бывает случайной, хаотической и потенциально содержит в себе ориентированное поведение, поскольку движение от нее возможно только вовне, а не внутрь. Кроме того, сюда же относится и импульсивная поведенческая активность как еще не осознанная и не превращенная в цель, не имеющая за собой ориентиров реализация потребностей, мотивов, стремлений.

Можно сказать, что оно ситуативно представляет собой простую инстинктивную реакцию личности на те ситуации, для которых у нее нет готовых ориентиров и нет возможности их определить (сформировать) в данный момент. *Функция ненаправленного поведения, деятельности – поиск целей, ориентиров, деятельности и самореализации, неосознанная, в том числе неинструментальная, реализация других механизмов ориентации.*

Таким образом, мы попытались показать ориентиры, составляющие в своей совокупности *актуализирующее начало (самоактуализация) человека в процессе его личностной самореализации.*

Рассмотрев ориентиры, являющиеся побуждающими, придающими направленность и определяющими смысл самоактуализации как потребностного состояния, необходимо отметить весьма важное обстоятельство, без которого, с нашей точки зрения, нельзя говорить об успешности процесса самореализации (его завершенности), об осознании выполненного (достигнутого) как необходимого и достаточного как для человека, так и значимого для него окружения, в том числе и социального. Иными словами, *для того чтобы побуждающее (потенциальное) действительно побудило, перешло в исполнительное и опредметилось в реальности, необходим механизм подкрепления, в структуру которого мы включаем следующие компоненты: гедонический, являющийся центральным и определяющим потребностное состояние человека, волевой, эмоциональный и нравственный.*

Выделяя элементарно-гедонический компонент в качестве ведущего, мы постулируем, что гедоническое начало, то есть «приятность» – «неприятность» оцениваемого, лежит в основе любого вида подкрепления. При этом в своем развитии оно проходит следующий путь: «неприятно – приятно», «плохо – хорошо», «зло – добро», причем все эти виды оценки могут сосуществовать и взаимодействовать.

Общепринято считать, что все психическое начинается с оценки. Последняя в свою очередь имеет гедонический тон. При этом, разумеется, не следует смешивать гедоническое (оценочное) как основу психики и гедонизм как философское течение. Последнее, как известно, провозглашает удовольствие целью жизни. Напротив, гедоническое носит функциональный характер, его роль служит удовлетворению потребностного состояния (состояний), являющегося движущей силой жизнедеятельности, основой самореализации человека. Оценка подчиняется целям удовлетворения потребностей, а психические функции, к примеру память, мышление и другие, – оценке.

Несомненно, факторы значимости являются своеобразным «каркасом» всей психической деятельности. По сути, вопрос о соотношении «рационального» и «аффективного» (от их первичности – вторичности), равно как и вопрос о соотношении разума и потребностей, «сворачивается», становится излишним. Зачастую человек руководствуется сиюминутными, узкоситуационными, охватывающими более значительный временной период ориентирами масштаба большего отрезка времени или даже всей жизни. Однако в любом рациональном акте по пути самореализации всегда есть оценочный, а следовательно, гедонический компонент, дело лишь в масштабах пространственно-временного его соотнесения.

Гедоническое является исходной точкой и в эмоциональной сфере, поскольку эмоции – это имеющие обязательное внешнее выражение

субъективно приятные или неприятные психические состояния. Они переживаются как оценка вероятности осуществления, эффективности и индивидуальной «стоимости» отдельных действий (деятельности в целом), направленных той или иной потребностью, потребностным состоянием. Эмоции актуализируют (деактуализируют) побуждения человека к деятельности, отражают степень удовлетворенности (неудовлетворенности) ее результатами. Таким образом, можно констатировать, что *эмоции выступают в качестве внутреннего стимула к активному поиску и осуществлению оптимальной стратегии процесса самореализации*.

В свою очередь *воля – это психический механизм контроля за соответствием характера деятельности достижению потребного результата*. Чтобы «удерживать» деятельность в нужном направлении (позитивной для личностной достаточности) и преодолевать встречающиеся на этом пути помехи (такими могут быть факторы объективного или субъективного плана, как-то: случайные побуждения, ситуационные потребности, желания), необходим не только волевой компонент, но и *нравственный*.

Нравственность же выступает (может выступать) и как торможение, и как коррекция тех обстоятельств, которые непосредственно влияют на ход и результат процесса самореализации человека.

Все вышесказанное дает возможность перейти к определению исследуемого нами понятия. *Поскольку самореализация представляет собой целостный процесс самосовершенствования, диалектически сочетающий в себе самоизменение и самостановление на протяжении всего жизненного пути личности, мы понимаем ее как практическое осуществление человеком его задатков, способностей, дарований и черт характера через ту или иную сферу социальной деятельности с пользой для себя самого, коллектива и общества в целом*. Несмотря на то, что самореализация – социальный процесс, продолжающийся всю сознательную жизнь индивида, вместе с тем может быть представлена и единичным актом, если в нем особенно полно раскрылись результаты саморазвития индивида, его самодеятельности. Мы полагаем, что *критериальной особенностью данного явления (и процесса!) являются индивидуальная интеллектуальная (включает гедоническое в человеке), эмоциональная, социальная (включает волю), нравственно-эстетическая зрелость человека, обретение которой прямо (и опосредованно) зависимо от уровня развитости (степени «проявленности») самоактуализаци индивида на самоосуществление и наличие оптимизирующего последнее внешнего необходимого и достаточного подкрепления*.

Вполне допустимо, с нашей точки зрения, рассматривать категории «самореализация», «самоосуществление», «выполнение себя» как синонимы, но что касается термина «*самоутверждение*» – это будет неверно.

Согласимся с трактовкой данного различения митрополитом Антонием Сурожским, который, говоря о самоутверждении, связывает данную категорию с понятием «индивид», в то время как самореализация – категория, сопрягающаяся с понятием «личность». «Для индивида характерно именно самоутверждение, которое создает ситуацию обособленного бытования, то есть распада, состоящего из отвержения другого, отрицания другого...»; «самоутверждение равносильно отрицанию другого, а это значит отказ от самой способности любить, ибо любить – это прежде всего признавать в другом само его существование, признавать актуальность другого, признавать его как факт и воспринимать его не как нечто опасное, а как реальность благую, как участника в общей гармонии Вселенной, и относиться к нему соответственно (соответствующим образом), то есть с уважением, чувством почтительности... поклонения, в смысле того уважения, которое пробуждает в нас желание и волю к совершенству и полному служению» [2, 113].

Поэтому итогом описываемого процесса может быть самореализация как личностное самоосуществление, а может быть самореализация как индивидное самоутверждение. Однако в этом самоутверждении, как думается, тоже есть некоторое исключение: самоутверждение может стать результатом самореализации (выступать синонимом последнего) в том случае, если наличествует факт признания заслуг данного человека со стороны товарищей и коллег, его способностей, пользы, приносимой в результате его деятельности социуму, коллективу.

Классическая точка зрения по этому вопросу была высказана еще Гегелем. Самореализацию личности он рассматривал как диалектическое единство самоутверждения и самоотрицания. Близость понятий «самоутверждение» и «самореализация» очевидна и не нуждается в комментариях. Однако Гегель справедливо полагает, что самореализация и самоутверждение – не тождественные понятия. *Самоутверждение станет действительной реализацией личности лишь в том случае, если оно подвергнется отрицанию, то есть «самоограничению»*.

Для того чтобы реализоваться в той или иной сфере, любой человек должен определить эту сферу. В связи с этим известный русский философ И. Ильин писал: «Надо выбирать: отказываться от очень многого ради сравнительного немногого; это немногое надо привлекать, беречь,

ценить, копить, растить и совершенствовать. И этим строить свою личность» [9, 86].

«Немногое» – это та область, которая: во-первых, наиболее соответствует способностям и ценностным ориентациям; во-вторых, является особенно важной сферой действия для общества. Самоограничение позволяет наиболее полно реализовать способности и жизненные цели человека, которые в противном случае могли бы распылиться на множество частных направлений. Самоограничение составляет реальную основу того, что обычно называют жизненной стратегией, ибо самоограничение по своему существу есть выбор той сферы жизнедеятельности, с которой человек решил связать свое будущее.

Мы считаем, что выбор жизненной стратегии человека будет обоснованным и неслучайным, человек реально, в активной жизнедеятельности, через обретение путем проб и ошибок, позитивного (в любом случае) опыта, осознает необходимость руководствоваться самоограничением, то есть принципом необходимости и достаточности. *Самоограничение, понимаемое как выбор жизненной стратегии, является необходимым условием самореализации.* Наличие этого принципа в жизнедеятельности человека (одного из определяющих) побуждает его заниматься самообразованием и самовоспитанием, преодолевать препятствия, неизбежно встающие перед каждым, стремящимся максимально реализовать себя.

Примечания

1. *Абульханова-Славская, К. А.* Стратегия жизни [Текст] / К. А. Абульханова-Славская. М.: Наука, 1991.

2. *Сурожский, Антоний.* О самопознании [Текст] / Антоний Сурожский // Вопросы психологии. 1994. № 5.

3. *Арсеньев, А. С.* Размышления о работе С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» [Текст] / А. С. Арсеньев // Вопросы философии. 1993. № 5.

4. *Батищев, Г. С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип [Текст] / Г. С. Батищев // Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969.

5. *Гайденко, П. П.* Трагедия эстетизма: Опыт характеристики миросозерцания Серена Киркегора [Текст] / П. П. Гайденко. М.: Искусство, 1970.

6. *Гайденко, П. П.* Хайдеггер [Текст] / П. П. Гайденко // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.

7. *Гинзбург, М. Р.* Психологическое содержание личностного самоопределения [Текст] / М. Р. Гинзбург // Вопросы психологии. 1994. № 3.

8. *Дробницкий, О. Г.* Понятие морали [Текст] : историко-критический очерк / О. Г. Дробницкий. М., 1994.

9. *Ильин, И. А.* Будущее принадлежит благородным сердцам [Текст] / И. А. Ильин // Родина. 1990. № 12.

10. *Ковров, В. В.* Самореализация подростка в общественном объединении [Текст] : дис. ... канд. пед. наук / В. В. Ковров. М., 1996.

11. *Конопкин, О. А.* Функциональная структура саморегуляции и поведения [Текст] / О. А. Конопкин. М., 1989.

12. *Леонтьев, А. Н.* Деятельность, сознание, личность [Текст] / А. Н. Леонтьев. М., 1975.

13. *Леонтьев, Д. А.* Развитие идеи самоактуализации в работах А. Маслоу [Текст] / Д. А. Леонтьев // Вопросы психологии. 1987. № 3.

14. *Мамардашвили, М. К.* Возможный человек [Текст] / М. К. Мамардашвили // Человек в зеркале наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.

15. *Мамардашвили, М. К.* Сартр [Текст] / М. К. Мамардашвили // Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967.

16. *Мамардашвили, М. К.* Обязательность формы [Текст] / М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. 1976. № 12.

17. *Маслоу, А.* Самоактуализация [Текст] / А. Маслоу // Психология личности: Тексты. М., 1999.

18. *Рубинштейн, С. Л.* Бытие и сознание [Текст] / С. Л. Рубинштейн. М., 2000.

19. *Рубинштейн, С. Л.* Принципы творческой самодеятельности. (К философским основам современной педагогики) [Текст] / С. Л. Рубинштейн // Вопросы психологии. 1986. № 4.

20. Словарь современного русского языка [Текст]. Т. 13. М.; Л., 1972.

21. Толковый словарь великорусского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. В. И. Даля. Т. 2, 3. М., 2004.

22. *Тихомиров, О. К.* Понятие «цель» и «целеобразование» в психологии [Текст] / О. К. Тихомиров // Психологические механизмы целеобразования. М.: Наука, 1997.

23. *Трубников, Н. Н.* Средство [Текст] / Н. Н. Трубников // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.

24. *Трубников, Н. Н.* Цель [Текст] / Н. Н. Трубников // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.

25. *Фромм, Э.* Иметь или быть? [Текст] / Э. Фромм. М.: Прогресс, 2002.

26. *Юдин, Э. Г.* Отношение философии и науки как методологическая проблема [Текст] / Э. Г. Юдин // Философия в современном мире. Философия и наука. М.: Наука, 1982.

Н. А. Низовских

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЛИЧНОСТНОМУ САМОРАЗВИТИЮ ЧЕЛОВЕКА

Обосновывается применение психосемантического подхода к личностному саморазвитию человека. Приводится случай исследования ценностно-мотивационных ориентаций личности психосемантическим методом атрибуции мотивов жизненным принципам.

В человеческом сознании есть что-то,
чего нет в психике.
М. К. Мамардашвили

Психология личностного саморазвития выдвигается в настоящее время в разряд самостоятельных научных направлений [1], что обусловлено, с одной стороны, социально-экономическими, политическими и культурными переменами в обществе, а с другой – развитием самой психологической мысли.

В быстро изменяющемся кризисном мире способность человека к саморазвитию во многом определяет его благополучие, полноту жизни, социальную успешность и духовные достижения. Недостаточность или отсутствие культуры личностного саморазвития приводят к тому, что, сталкиваясь с жизненными задачами (такими, как поиск новой работы, получение второго образования, разрешение семейных коллизий), человек не может опереться на ресурс целенаправленных самоизменений. Овладение психотехникой личностного саморазвития необходимо в современной жизни специалистам самых разных сфер, таких, как психология, психотерапия, менеджмент, маркетинг и др. В педагогике идеи саморазвития в последние годы получили самое широкое распространение [2]. Подготовка специалистов технического профиля в условиях техногенной цивилизации также предполагает решение задач личностного саморазвития, что выступает важнейшим условием стабилизации мира и выживания человечества [3]. Можно предположить, что актуализация данной проблемы, в частности, имплицирована постсоветской ситуацией в обществе, требующей усиления личностного начала в человеке.

Идея о саморазвитии человека в зарубежной психологии наиболее последовательно отстаивается авторами экзистенциально-гуманистического направления, в числе которых Дж. Бьюдженталь, А. Маслоу, Р. Мэй, Г. Олпорт, Ф. Перлз, К. Роджерс, В. Франкл, А. Лэнгле, И. Ялом и др. Среди психоаналитиков тенденцию к личностному росту и самоактуализации признавали необходимой О. Ранк, Э. Фромм, К. Хорни. Стремление человека постоянно развивать себя К. Юнг считал архетипичным.

В отечественной психологии идея личностного саморазвития зародилась в 30-е гг. прошлого века и долгое время оставалась невостребованной. В последние десятилетия вопросы саморазвития человека рассматриваются в работах К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Анцыферовой, А. Г. Асмолова, Н. Р. Битяновой, Б. С. Братуся, Ф. Е. Василюка, Д. А. Леонтьева, В. Г. Маралова, Б. А. Мастерова, В. Ф. Петренко, В. А. Петровского, В. И. Слободчикова, Г. А. Цукерман, И. И. Чесноковой и др. Прочно утвердились представления о личности как субъекте собственного развития [4]; признается, что для развитой личности собственное развитие является высшей ценностью и главной потребностью [5]; саморазвитие рассматривается как фундаментальная способность человека становиться и быть подлинным субъектом собственной жизни [6] и как основной внутренний механизм развития личности [7]. Вместе с тем само понятие «личностное саморазвитие» еще не имеет строгой определенности [Там же]. Саморазвитие характеризуется как *новый уровень развития* личности при переходе от детства к зрелости, когда «развитие личности становится сознательным, целенаправленным самоосуществлением, самосовершенствованием» [8] и «то, что раньше было определяемым (личность ребенка), становится определяющим (личность взрослого)» (с. 39); как *деятельность* человека, направленная на себя, прежде всего с целью обогащения своих сущностных сил [9]; как сознательно и планомерно осуществляемый *процесс*, «детерминируемый изнутри, а не извне, поскольку его мотивация и движущие силы складываются внутри личности, а не вне ее» [10]. В нашей трактовке *личностное саморазвитие определяется как внутренняя и внешняя деятельность человека по созданию качественно нового в своих переживаниях, отношениях и поведении, осуществляемая в соответствии с жизненными задачами и внутренними побуждениями при помощи специальных психологических средств.*

Но как возможна такая деятельность? Что мы можем сказать человеку, если он спросит: «А как это – развивать себя? Что я должен делать, чтобы развивать себя как личность?» Для того чтобы попытаться ответить на данные вопросы, в самой личности нужно вычленить то, что позволяет ей выступать не только в качестве объекта, но и в качестве субъекта собственного развития. Структура саморазвивающейся лично-

НИЗОВСКИХ Нина Аркадьевна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре практической психологии ВятГГУ
© Низовских Н. А., 2006

сти включает в себя «я» человека и систему его осознанных интенций (Н. Лосский писал о том, что для психологии с точки зрения волюнтаризма «достаточно двух понятий, одного психологического, соответственно данному в опыте единству стремлений, и другого метафизического, лежащего в основе этого единства». Первое понятие Лосский обозначил термином личность, а второе – термином дух, душа, я [Лосский Н., 1903, с. 177–178]). Отправными тезисами реализуемого нами подхода являются положения о том, что психологическим органом саморазвития выступает сознание человека; *осуществлять собственное развитие человек может благодаря своей* личности, выступающей как психологическая система интенций, оформленных в речевых конструктах.

Постулируя речевые конструкты как основное средство личностного саморазвития человека, мы опираемся на идеи Л. С. Выготского, М. М. Бахтина, М. К. Мамардашвили. Культурно-историческая теория Л. С. Выготского с момента своего зарождения выступала школой «инструментальной психологии», в которой главной объяснительной схемой психической жизни человека выступала концепция применения им средств, орудий [11]. В 1929 г., исследуя развитие понятий, Л. С. Выготский «делает “поворот на значение” и переживает “увлеченность измерением сознания”, понимая систему сознания как систему концептов» (С. 39). В качестве ведущей функции развития человека Л. С. Выготский рассматривал речь, поскольку речь, выступая вначале «средством связи, средством общения, средством организации коллективного поведения, позже становится основным средством мышления и всех высших психических функций, основным средством построения личности» [12]. Близки взглядам Л. С. Выготского идеи М. М. Бахтина, который писал о личности как о «значащем и говорящем бытии». М. К. Мамардашвили утверждал, что жизнь человека как эмпирического существа не личностна, личность «живет в языке» [13].

Исследовать «живущую в языке» и развивающую себя личность позволяет экспериментальная психосемантика. Психосемантический подход – сравнительно новая область отечественной психологии, возникшая в начале 1970-х гг. и представленная в первую очередь работами психологов Московского университета. В работах В. Ф. Петренко личность рассматривается как «носитель определенной картины мира, как некоторый микрокосм индивидуальных значений и смыслов», а главная задача экспериментальной психосемантики определяется как изучение категориальных структур индивидуального сознания. Исследования осуществляются при помощи построения субъективных семантических пространств, выступающих в качестве операциональных аналогов индивидуальных систем значений. Психосемантический инструментарий базируется на технике репертуарных решеток Дж. Келли. Как пишет М. Коул, В. Ф. Петренко применил «американский технологический инструментарий для решения традиционных российских проблем психологии, идущих от Л. С. Выготского» [14]. Личность, таким образом, изучается в психосемантике не объектно, а «изнутри», со стороны индивидуальных значений и смыслов, производных от деятельного бытия человека в мире. Значение психосемантического подхода в исследовании личности заключается, в частности, в том, что, как указывает В. Ф. Петренко, когда категориальные структуры сознания выступают как средство рефлексии, субъект преодолевает позицию наивного реализма и обретает определенную свободу в выборе и конструировании средств познания, и, добавим, в выборе и конструировании средств личностного способа бытия и личностного саморазвития.

Начало наших исследований связано с интересом к феномену «жизненных принципов». Под руководством В. Ф. Петренко первоначально проводился психосемантический анализ ориентаций, представленных в жизненных принципах личности [15]. В дальнейшем проблематика исследований расширилась, прежде всего за счет теоретического анализа средств, мотивов и механизмов личностного саморазвития человека.

Предмет исследования на протяжении более пятнадцати лет оставался одним и тем же – это *жизненные принципы* личности и стоящие за ними категориальные структуры индивидуального сознания, опосредствующие личностный способ жизнедеятельности и личностное саморазвитие человека. Жизненные принципы (правила жизни), являясь феноменом обыденного сознания и такой же психологической реальностью, как цель, план, программа жизни человека, насколько нам известно, ранее не выступали предметом экспериментального исследования. Вместе с тем жизненные принципы – совершенно особое психологическое явление, которое заслуживает пристального внимания психологов. Содержание жизненных принципов в совокупности выступает как жизненная философия, идеология человека. Указание на принципы жизни как особую психологическую реальность встречается в работах философов, психологов, педагогов, а также в художественной и публицистической литературе. Следование жизненным принципам с исторических времен связывалось с ценностью и значимостью человека. Так, Апулей говорил, что «не на то надо смотреть, где человек родился, а каковы его нравы, не в какой земле, а по каким

принципам решил он прожить свою жизнь» [16]. С точки зрения И. Канта, принципы содействуют достижению мудрости и составляют стержень человеческого характера. Достижение жизненной мудрости, по мысли Канта, – это плод внутренней напряженной работы самого человека: никто не может передать мудрость или внушить ее, но можно выделить максимы, ориентиры, которые единственно позволяют двигаться по этому пути. Предписание, которое содействует достижению мудрости, как полагал И. Кант, заключает в себе три максимы: 1) мыслить самому; 2) мыслить себя (в общении с людьми) на месте другого; 3) всегда мыслить в согласии с самим собой [17]. С. Л. Рубинштейн писал о том, что «в общей характеристике личности надо особо учитывать ее “идеологию”, идеи, применяемые человеком в качестве принципов» [18]. Кодекс жизненных правил имели Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский, А. П. Чехов. Б. Франклин разработал тринадцать правил, или, как он их называл, добродетелей, которым неизменно следовал [19]. Доктор медицинских наук, профессор, генерал-майор медицинской службы, академик РАО В. А. Пономаренко, отвечая на вопросы в связи с юбилеем, в частности, сказал: «Следовал, следую и буду следовать принципу: преодолей себя и все то в себе, что мешает нести добро и любовь. Это тяжелый, зато освященный крест» [20].

Назначение жизненных принципов в самом общем виде может быть представлено следующим образом: 1) фиксация систем ориентаций и интенций человека; 2) самоорганизация личности (построение себя и своей жизни); 3) стабилизация поведения человека через определение его стиля и способов; 4) оценка своих поступков, действий, жизнедеятельности в целом; 5) личностное саморазвитие человека. Роль жизненных принципов в саморазвитии человека так велика, что речевые высказывания, используемые в качестве принципов жизни, могут рассматриваться как речевые личностные конструкты (в отличие от понятия «личных конструктов» Дж. Келли, которое распространяется и на сферу функционирования организма, понятие «личностные конструкты» относится именно к функционированию личности в специальном, а не в широком смысле).

Зададимся вопросом, почему речевые высказывания, используемые в качестве жизненных принципов, так значимы в личностном функционировании человека? Их исключительная роль объясняется, прежде всего, тем, что они являются носителями *идеи*. «Философия каждой жизни опирается на некую “личную идею”» – об этой мысли Бергсона как о привлекательной для него писал Г. Олпорт [21]. О необходимости для человека «своей идеи» говорил М. М. Бахтин; роль «идеи своей личности» подчеркивал М. К. Мамардашвили. Психологическое содержание «идеи» раскрыто Л. С. Выготским в его работе «Мышление и речь». Проблема мышления и речи рассматривалась Л. С. Выготским как узловая проблема всей психологии человека. Путь для решения вопроса об отношении мышления и речи к остальным сторонам сознания Выготский видел в выделении для целей анализа динамических смысловых систем, представляющих единство аффективных и интеллектуальных процессов. Такой анализ показывает, – писал Л. С. Выготский, – что «во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее» [22]. По мысли Л. С. Выготского, такой анализ (анализ идей как динамических смысловых систем) «позволяет раскрыть прямое движение от потребности побуждений человека к известному направлению его мышления и обратное движение от динамики мысли к динамике поведения и конкретной деятельности личности» (Там же.).

Идеи, освоенные человеком как руководящие жизненные принципы, определяют содержание и динамику его поведения, течение его жизни в целом. Никто не может, по словам М. К. Мамардашвили, «спать на вчерашней добродетели», нужны постоянные усилия, чтобы «оставаться живым», быть добрым, честным, справедливым, прямодушным и др. Опасность заключается в том, что идея может «съесть» человека, подчинить его себе целиком. Когда «не могу поступиться принципами» относится не к действительно важным вещам, а к необязательному, несущественному или вообще «ко всему на свете», человек останавливается в своем развитии, становится малоэффективным. «Идеологические» основания своей жизни можно и нужно время от времени обдумывать. Взять, к примеру, золотое правило общения, которое, как известно, гласит: «Поступай по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе». Это правило верно не для всех случаев жизни, и иногда по отношению к другому надо поступать не так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой, а так, как *хотел бы этот другой человек*. Ведь он – этот другой человек – может ожидать в отношениях *совсем иного*, чем ты сам [23].

Другая опасность состоит в том, что речевое высказывание может стать средством насилия над собой и своей жизнью. Принцип «мужу-псу (!) не показывай всю задницу» (простите за просторечие), усвоенный из наставлений матери, изначально обрекает женщину на проблемные отношения с самым близким мужчиной. (Сравните: похожее правило – «не показывай всю коленку» – будет способствовать становлению

совсем иной женщины.) А уж если мужчина буквально усвоил «истины»: «бей бабу молотом – будет баба золотом» или «бьет – значит, любит», то пострадает не только он сам. Как здесь не согласиться с Сократом, который в диалоге Платона «Федон» говорит о том, что «неверное использование языка не просто безвкусно, но поистине губительно для души» [24]. М. К. Мамардашвили, рассуждая о тиранстве, призывал: «Вглядись в свой собственный нрав и измени себя. Эмпирические обстоятельства здесь ни при чем. Они есть лишь внешняя форма проявления того, что уже решилось, разыгралось в идее» [25]. Эти слова в концентрированном виде отражают суть психосемантического подхода к личностному саморазвитию человека. Познать себя – это значит понять, что ты «сказал», ведь то, что ты есть – «уже решилось, разыгралось в идее». И если ты хочешь изменить себя и свою жизнь – «вглядись в свой нрав», в частности осмысли принципы, которыми ты руководствуешься.

Методика

Для экспериментального исследования жизненных принципов в соавторстве с В. Ф. Петренко была сконструирована «Психосемантическая методика атрибуции мотивов жизненным принципам личности», суть которой – построение семантических пространств на базе атрибуции жизненным принципам некоторых мотивов.

Процедура эксперимента: по множеству униполярных шкал, образованных ценностными суждениями (личными «жизненными принципами»), испытуемый оценивает множество мотивов, которые могут «оправдывать» содержащиеся в данных суждениях жизненные ориентиры. Формирование шкалы измерения состоит в формулировании испытуемым тридцати – тридцати пяти *собственных* жизненных принципов. В качестве «объектов» шкалирования выступают мотивы, перечень которых заимствован из исследования В. Ф. Петренко и несколько модифицирован нами. Эксперимент организуется в три этапа. ***Первый этап*** эксперимента состоит из двух частей. 1-я часть. Испытуемому предлагается записать принципы своей жизни. Инструкция: «Каждый человек в своей жизни руководствуется определенными принципами (правилами). Эти “жизненные принципы” приходят к нам разными путями. Одни установки дают родители, близкие люди, учителя. Например, в детстве родители говорят: “Будь умницей!” или “Нельзя брать чужое”. Другие принципы мы извлекаем из книг, телепередач, песен, стихов или формулируем сами, опираясь на жизненный опыт. Например, “Не позволяй душе лениться...”, “Не верь мужчинам!”. У каждого человека свой набор таких жизненных правил. Вам предстоит записать свои жизненные принципы. Не менее 30–35». 2-я часть: Заполнение матрицы. Инструкция: «Перед Вами матрица. Строки ее отражают Ваши жизненные принципы, а столбцы – перечень мотивов. Нужно оценить, *насколько тот или иной мотив является причиной Вашего следования в жизни каждому из принципов*. <...> Оценку производите в баллах от 0 до 5. Если мотив совсем не является причиной следования данному принципу – 0 баллов. 5 баллов соответствует максимальной “задействованности” мотива. Вы можете дополнить данный перечень теми мотивами, которые значимы для Вас, но отсутствуют в данном списке. <...> Приписывая мотивы принципам, не думайте долго, полагайтесь на первое решение. Успеха Вам в самопознании и саморазвитии!». ***Второй этап*** эксперимента – математическая обработка матриц. Полученные протоколы, представляющие собой матрицы индивидуальных данных /30–35/ х /50/, обрабатываются при помощи процедур факторного анализа, включающего поворот выделенных факторов методом варимакс. Далее осуществляется интерпретация выделенных факторов и построение семантических пространств ценностных факторов с расположенными в них мотивами; семантических пространств мотивационных факторов с расположенными в них жизненными принципами испытуемых. Обработка данных проводится в программе SPSS. ***Третий этап*** эксперимента – обсуждение полученных результатов с испытуемым.

К участию в исследовании с применением психосемантического метода атрибуции мотивов жизненным принципам приглашались психологи, педагоги, студенты, аспиранты, преподаватели вузов, учителя, школьники, просто знакомые. Всего 36 человек в возрасте от 12 до 63 лет.

В данной статье представим один из случаев исследования, выбор которого обусловлен исключительными личностными качествами испытуемой. Представляется верной точка зрения А. Маслоу, Л. И. Анцыферова, Л. Я. Гозман, В. М. Мельников, Л. Т. Ямпольский и других, которые полагают, что изучение личностей положительных и неординарных представляет особый интерес. «К сожалению, – как пишет Л. Я. Гозман, – психология всегда уделяла больше внимания не позитивным явлениям, а негативным... Мы практически ничего не знаем об особенностях того жизненного пути, который можно назвать конструктивной адаптацией: сочетание социальных достижений с высоким уровнем психического здоровья, отсутствием невротизации, психогенных заболеваний и т. д.» [26]. Л. Я. Гозман полагает, что было бы целесообразно провести специальные эмпирические исследования, где в качестве объектов для изучения взять людей разного возраста, добившихся экстраординарных достижений в науке, искусстве или управленческой

деятельности и, одновременно, характеризующихся высокими нравственными качествами и благополучным развитием межличностной сферы. Разделяя эту позицию, считаю, что особый интерес представляют *внутренние механизмы* обеспечения такого гармоничного бытия, в частности *идеология*, представленная в жизненных принципах личности.

Результаты (на примере испытуемой А.)

Психологический портрет испытуемой. А. – одна из самых светлых и прекрасных женщин нашего города. Это высокоинтеллектуальный, увлеченный своим делом, творческий человек. А. исключительно работоспособна, имеет высокий уровень социальных достижений. Она человек тонкой душевной организации, так что иногда создается впечатление незащищенности, хрупкости. Вместе с тем А. – верующий, духовно сильный человек. Но она не пуританка и не ханжа, любит веселиться в компании, танцевать, в юности преуспевала как участница студенческой самодеятельности. А. хороша собой, добра, отзывчива, у нее прекрасная семья и уже есть внучка.

Легко согласившись на участие в эксперименте, А. сформулировала только одиннадцать жизненных принципов, сказав, что «остальное – не так важно, здесь – главное». После заполнения бланка методики была получена матрица данных – 11х50. В результате обработки матриц сходства ценностных суждений (жизненных принципов испытуемой А.) выделились два значимых ортогональных фактора, объясняющих 69,9% дисперсии. Представим их в табличном виде и на рисунке.

Мы видим, что на положительном полюсе первого фактора (Ф 1 «Стремиться к высшим целям, нести людям свет») высокие значения получили мотивы, большинство из которых можно отнести к группе «бытийных» (в терминологии А. Маслоу): «стремление найти смысл жизни, поиск самого себя», «потребность в творчестве», «стремление к новизне», «стремление к красоте», «потребность в саморазвитии», «стремление к самосовершенствованию», «чтобы выразить себя», «потребность в гармонии». Это позволяет причислить А. к самоактуализирующимся личностям, которые, не отрываясь от земной жизни, способны возвыситься до «бытийствования». О том, что стремление к высшим целям для А. является внутренней потребностью, свидетельствует мотив «стремление быть счастливым», который также получил высокое значение по данному фактору.

По второму фактору (Ф 2 «Быть сильной и нравственной в общении с другими») «нагруженными» оказались мотивы: «из чувства долга», «любовь к другому человеку», «стремление к преодолению, испытанию самого себя», «из-за религиозных убеждений», «из чувства симпатии, привязанности или жалости к другому человеку», «из чувства справедливости». Мы видим, что данные мотивы не противоречат друг другу, а напротив, «усиливают» друг друга, поскольку все они могут быть отнесены к группе духовно-нравственных побудителей.

Мотив «стремление к самосовершенствованию» получил высокие значения сразу по двум факторам, и, вероятно, именно его следует, считать «ведущим» в главных линиях жизненной философии испытуемой.

Представляя результаты испытуемой А., мы не преследуем цель создать у читателей впечатление некоего абсолютно непогрешимого и безмятежного существа. А., как и каждый живущий на Земле человек, имеет достаточное количество жизненных трудностей и проблем. И слабости, конечно, тоже есть. Семантические пространства, подобные представленному на рисунке, при желании можно использовать как карты, ориентирующие в возможных направлениях развития личности (опыт подобного применения психосемантических пространств описан в [27]). Если бы

Факторы (с указанием нагрузки и вклада в общую дисперсию)	Содержание факторов	Нагрузки ценностей по факторам
Фактор 1. «Стремиться к высшим целям, нести людям свет» (3,9; 36,1%)	Постоянно учиться	.917
	Вкладывать деньги и силы во впечатления	.888
	Сквозь тернии к звездам	.865
	Верить, надеяться, любить	.731
	В каждом человеке солнце – только дайте ему светить	.604
Фактор 2. «Быть сильной и нравственной в общении» (3,7; 33,8%)	Не падать духом	.865
	Прощать обиды	.860
	Не делать людям того, что не хочешь, чтобы они делали тебе	.816
	Не откладывать на завтра благие намерения	.704
	Быть искренним, открытым	.640

требовались рекомендации (в случае испытуемой А. такие рекомендации не уместны), то они сводились бы, в частности, к следующему: некоторые мотивы – «потребность в творчестве», «стремление к красоте», «чтобы выразить себя», – нагруженные по первому фактору, возможно было бы «догрузить» и по второму фактору, затрагивающему сферу межличностных отношений, с тем чтобы усилить ресурсы личности в сфере общения; а вот мотив «чтобы получить удовольствие», к примеру, можно было бы в большей степени «нагрузить» сразу по двум факторам. (Заметим, что мотив удовольствия в глазах очень и очень многих людей, прежде всего среди профессиональных психологов, заслуживает самой серьезной психологической «реабилитации».)

Итогом экспериментального исследования жизненной философии испытуемой А. и просто размышлений о ней как о личности, может стать вывод об удивительной цельности этого человека. Пусть множится и прирастает земля наша Вятская такими людьми! Живое общение с ними нужно нам, тем, кто живет с ними рядом, кто ищет примеры и образцы для своего роста. Личностное саморазвитие становится возможным при участии других [28]. Мы, по словам М. К. Мамардашвили, «посредством других растем, расширяемся, становимся больше самих себя и обретаем те миры, которые сами по себе не могли бы иметь» [29].

Конечно, путь саморазвития – не единственный для современного человека, даже в условиях европейской культуры [30]. Вместе с тем идея

Расположение мотивов в пространстве ценностных факторов испытуемой А.

потрясающих возможностей саморазвития распространяется очень быстро и уже служит большому числу людей в бизнесе, спорте и жизни [31]. Идеи, заложенные в указанном и других руководствах по организации «высокоэффективного мышления», во многом перекликаются друг с другом, отражая некоторые закономерности функционирования человеческой личности, – ее бытие и саморазвитие посредством «языка» жизненных установлений, который нуждается, в связи с этим, в специальных исследованиях.

Выводы

1. Личностное саморазвитие человека осуществляется при помощи психологических средств, выступающих орудиями и способами воздействия человека на самого себя с целью самоизменений.

2. Важнейшим психологическим средством личностного саморазвития человека являются его жизненные принципы. Представленная в жизненных принципах система жизненных ориентаций выступает как жизненная философия, идеология личности и присуща всем людям, независимо от степени ее рефлексивного осмысления.

3. Развернутые речевые высказывания, используемые человеком в качестве жизненных принципов, могут рассматриваться как речевые личностные конструкты. Психосемантический анализ жизненных ориентаций личности, представленных в жизненных принципах, выявляет глубинные системы значений, опосредствующие личностный способ бытия и личностное саморазвитие человека.

4. Жизненные достижения, социальные успехи, равно как и проблемы личности, ее внутренние конфликты могут программироваться «языком» ее жизненных установлений. Психосемантический метод атрибуции мотивов жизненным принципам позволяет выявить некоторые скрытые противоречия в ценностных и мотивационных ориентациях личности, а также возможные ресурсы для их преодоления.

5. Одним из механизмов личностного саморазвития человека выступает преодоление противоречий между побуждениями «я», жизненными задачами и наличными психологическими средствами. Личностные самоизменения достижимы, в частности, через «переозначивание» и «переосмысление» жизненных принципов и через внесение изменений в мотивационные процессы.

Л. С. Выготский в начале 30-х гг. прошлого века писал о том, что одна из главных целей психологии – это «психотехника – в одном слове, т. е. научная теория, которая привела бы <...> к овладению психикой, к искусственному управлению поведением» [32]. Современная психология в качестве одной из актуальных задач выдвигает разработку психотехники личностного саморазвития, основанием которой может стать психосемантический подход.

Примечания

1. *Маралов, В. Г.* Основы самопознания и саморазвития [Текст]: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / В. Г. Маралов. М.: Изд. центр «Академия», 2002.

2. *Гомзякова, И. П.* Формирование компетентности студентов АФК в вопросах личностного саморазвития [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук. С.-Петерб. гос. акад. физич. культуры им. П. Ф. Лесгафта / И. П. Гомзякова. СПб., 1999; *Горбатюк, Е. Л.* Возможности личностного саморазвития студента технического вуза в поисковых подходах к обучению [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е. Л. Горбатюк. Хабаровск, 1999; *Григорьева, Н. Г.* Теория и практика педагогического обеспечения личностного саморазвития студентов в контексте эко-культурного подхода [Текст]: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Хабар. гос. пед. ун-т; Н. Г. Григорьева. Хабаровск, 2000; *Дергунов, В. А.* Социально-педагогические условия саморазвития личности ребенка в детской организации [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / В. А. Дергунов. Казань, 2000; *Дубоделова, В. М.* Личностное саморазвитие старшего школьника в педагогическом процессе школы [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / В. М. Дубоделова. Хабаровск, 2000; *Квашко, Л. П.* Педагогические условия личностно-профессионального саморазвития учителя в жизнедеятельности сельской школы [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Л. П. Квашко. Хабаровск, 2000; *Коробкина, Н. Е.* Педагогические условия саморазвития личности старшеклассника во временном детско-юношеском объединении [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Н. Е. Коробкина. Хабаровск, 2000; *Лапицкий, О. И.* Педагогические условия саморазвития личности учащегося гимназии [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Хабар. гос. пед. ун-т; О. И. Лапицкий. Хабаровск, 1999; *Медяник, Г. А.* Педагогические технологии творческого саморазвития личности студента в процессе педагогической практики [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Тольят. политехн. ин-т; Г. А. Медяник. Тольятти, 2000; *Мендель, А. В.* Педагогические условия саморазвития личности одаренного учащегося в летней физико-математической школе [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Хабар. гос. пед. ун-т; А. В. Мендель. Хабаровск, 1999; *Нестеренко, В. М.* Проектирование учебно-технической среды профессионально-личностного саморазвития студентов технических вузов [Текст]: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Самар. гос. техн. ун-т; В. М. Нестеренко. Тольятти, 2000; *Толстолуцких, Н. П.* Психолого-педагогические условия и средства творческого саморазвития старшеклассников в личностно ориентированном обучении [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Сарат. гос. ун-т; Н. П. Толстолуцких. Саратов, 1997; и др.

3. *Zhurakovsky V.* Engineering Education in Russia and the Quality Training of Specialists in the Area of High Technologies [Text] / V. Zhurakovsky, Y. Pokholkov, B. Agranovich // Global J. of Engng. Educ. Vol. 5. No. 1.

4. *Анцыферова, Л. И.* К психологии личности как развивающейся системы [Текст] / Л. И. Анцыферева // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981. С. 3–19; *Чеснокова, И. И.* О психологических основах самовоспитания [Текст] / И. И. Чеснокова // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981. С. 223–234.

5. *Лазарев, В. С.* Кризис «деятельностного подхода» в психологии и возможные пути его преодоления [Текст] / В. С. Лазарев // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 33–47.

6. *Слободчиков, В. И.* Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе [Текст]: учеб. пособие для вузов / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. М.: Школьная Пресса, 2000.

7. *Битянова, Н. Р.* Проблема саморазвития личности в психологии [Текст]: аналитический обзор / Н. Р. Битянова. М.: Моск. психол.-соц. ин-т: Флинта, 1998. С. 40.

8. *Моргун, В. Ф.* Проблема периодизации развития личности в психологии [Текст]: учеб. пособие / В. Ф. Моргун, И. Ю. Ткачева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 29.

9. *Леонтьев, Д. А.* Самореализация и сущностные силы человека [Текст] / Д. А. Леонтьев // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 171.

10. *Куликова, Л. Н.* Проблемы саморазвития личности [Текст] / Л. Н. Куликова. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2001. С. 212.

11. *Леонтьев, А. А.* Алексей Николаевич Леонтьев рассказывает о себе [Текст] / А. А. Леонтьев // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 36.

12. *Выготский, Л. С.* Педология подростка [Текст] / Л. С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т.4. С. 223.

13. *Мамардашвили, М. К.* Мой опыт нетипичен [Текст] / М. К. Мамардашвили. СПб.: Азбука, 2000. С. 93.

14. *Петренко, В. Ф.* Основы психосемантики [Текст] / В. Ф. Петренко. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005. С. 8.

15. *Низовских, Н. А.* Психосемантический анализ жизненных ориентаций личности [Текст] : дис. ... канд. психол. наук / Н. А. Низовских. М., 1995.

16. *Апулей.* Апология, или Речь в защиту самого себя от обвинения в магии [Текст] / Апулей // Метаморфозы в XI книгах. Флориды. М., 1956. С. 28.

17. *Кант, И.* Антропология с прагматической точки зрения [Текст] / И. Кант. СПб.: Наука, 1999. С. 250.

18. *Рубинштейн, С. Л.* Принципы и пути развития психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. М., 1959. С. 123.

19. *Андреев, В. И.* Конкурентология [Текст]: учеб. курс для твор. саморазвития конкурентоспособности / В. И. Андреев; М-во образования РФ, Поволж. отд-ние РАО, Казан. гос. ун-т. Казань: Центр инновац. технологий, 2004. С. 76.

20. К 70-летию В. А. Пономаренко [Текст] // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 158.

21. *Олпорт, Г.* Становление личности [Текст]: избранные труды / Г. Олпорт. М.: Смысл, 2002. С. 15.

22. *Выготский, Л. С.* Мышление и речь [Текст] / Л. С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 22

23. *Хьюсман, Р.* Фактор Справедливости, или «И это после всего, что я для тебя сделал...» [Текст] / Р. Хьюсман, Д. Хэтвилд; пер. с англ. О. Р. Семеновой. М.: Знание, 1992.

24. *Мэй, Р.* Сила и невинность [Текст] / Р. Мэй. М.: Смысл, 2001. С. 77.

25. *Мамардашвили, М. К.* Указ. соч. С.110.

26. *Гозман, Л. Я.* Психологические аспекты торможения социальных изменений [Текст] / Л. Я. Гозман // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 14.

27. *Низовских, Н. А.* Психосемантическое исследование ценностно-мотивационных ориентаций личности [Текст] / Н. А. Низовских // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. С. 25–37.

28. *Суворов, А. В.* Человечность как фактор саморазвития личности [Текст]: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. Психологич. ин-т / А. В. Суворов. М., 1996. С. 13.

29. *Мамардашвили, М. К.* Эстетика мышления [Текст] / М. К. Мамардашвили. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2000. С. 88.

30. *Слободчиков, В. И.* Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе [Текст]: учеб. пособие для вузов / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. М.: Школьная Пресса, 2000. С. 193–194.

31. *Дейвис, Гейл А.* Высокоэффективное мышление: для бизнеса, спорта и жизни [Текст] / Гейл А. Дейвис; пер. с англ. Е. Федотовой. М.; СПб.: Диля, 2005. 93 с. (Руководство для лидеров). Пер.: Davis, Gayle A. High performance thinking. Colorado Springs: Psyhology Connections, 1999.

32. *Выготский, Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса [Текст] / Л. С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 389.

И. А. Богдалова, С. Ю. Иванов, С. М. Окулов

ИСКУССТВО ОПИСАНИЯ ПРОБЛЕМНОГО ПРОСТРАНСТВА В ИНФОРМАТИКЕ

Доказывается, что искусство описания проблемного пространства задачи является ключевой компетенцией специалиста по информатике любого уровня и она, эта компетенция, с точки зрения когнитивной психологии и философии характеризует развитые интеллектуальные возможности человека.

По тому, как человек умеет решать проблемы, когнитивные психологи оценивают его интеллектуальные возможности. Для описания вопросов, возникающих при решении проблем, в когнитивной психологии используются некоторые методы из раздела информатики под названием «Искусственный интеллект». Суть этого раздела информатики заключается в том, чтобы попытаться заставить вести более или менее ра-

БОГДАЛОВА Ирина Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информатики и методики обучения информатике ВятГГУ

ИВАНОВ Сергей Юрьевич – аспирант кафедры информатики и методики обучения информатике ВятГГУ

ОКУЛОВ Станислав Михайлович – доктор педагогических наук, профессор кафедры информатики и методики обучения информатике ВятГГУ

© Богдалова И. А., Иванов С. Ю., Окулов С. М., 2006

зумно вычислительные машины. Специалистами по искусственному интеллекту Алленом Ньюллом (психологом) и Гербертом Саймоном (программистом) разработана модель решения задач. В рамках модели решение описывается в терминах поиска в пространстве состояний (*проблемном пространстве*). Операторы решения задачи рассматриваются как замена одного состояния в этом пространстве на другое.

Проблемное пространство и поиск обычно поясняют, например, на задачах типа «игры в 15» (то, как она решается в программировании, рассмотрено в работе [1]). Рисуется дерево поиска, и на его примере поясняется суть пространства состояний и операторов решения. С точки зрения специалиста по информатике, это обычная задача на поиск с возвратом. Однако с точки зрения психологии в этой ситуации не все очевидно. Так, например, исследуются схемы приобретения операторов решения проблемы, и выясняется то, что они могут быть приобретены с помощью открытий, воспроизведения примера решения проблемы или через прямую инструкцию. В результате становится ясно, что обучение эффективнее всего строить через «показ на примере». Для формального представления операторов решения проблем психологи разработали ряд способов, одним из которых является система продукций. Она есть не что иное, как совокупность правил принятия решений при получении результата задачи. Структура правила: *если <выполняются условия> то <выполнить действия>*. Не вдаваясь в детали, отметим, что при разработке экспертных систем в системе программирования *Prolog* описание задач с использованием систем продукций является общепринятым приемом. Анализируя правила выбора продукций (операторов) человеком, психологи видят, что он склонен избегать при этом повторов и максимально уменьшать различия между текущим состоянием проблемы и целью. Наибольшая сложность возникает при анализе проблем, в которых правильное решение включает в себя шаги, увеличивающие различия между текущим состоянием и целью. Это положение обычно иллюстрируется (по результатам тестирования определенных групп людей) задачей о переправе трех хоббитов и трех орков на другой берег реки с помощью лодки для двух существ. При этом ни на одном берегу в любой момент времени орков не может быть больше хоббитов. Затем результаты (установлено, что больше чем в 50% случаев шло отклонение от правильных решений) обобщаются на другие виды деятельности человека, проводятся аналогии и вырабатываются соответствующие рекомендации.

В информатике поиск эффективных алгоритмов (цель – за минимальное время с использованием ограниченных ресурсов получить результат из исходных данных) – отличительная особенность деятельности программиста. Занятие программированием, точнее, решением задач с использованием средств среды программирования постоянно требует конструирования *проблемного пространства*, в частности путем абстрагирования. Приведем пример задачи по информатике [2].

Племя из M миссионеров и L людоедов находится по одну сторону реки, через которую необходимо переправиться. В распоряжении имеется одна лодка, которая может выдержать вес только K представителей этого племени (все имеют одинаковый вес). Кроме того, если в какой-то момент времени число людоедов станет больше числа миссионеров, миссионеры будут съедены независимо от того, на каком берегу или в лодке это случится. Написать программу поиска способа переправы этого племени, если он существует, состоящего из минимального количества перегонов лодки через реку.

Мы видим усиление (модификацию) задачи о трех хоббитах и трех орков, она сложнее, требуется не только выявить то, о чем пишут психологи, но и рассмотреть частные случаи, а также разработать решение для общего случая. Думается, что после исследования этой задачи, а это действительно мини-исследование, возможные отклонения текущего состояния от цели будут очевидны и специалист по информатике не окажется в группе не прошедших тестирование.

Другой метод выбора операторов перехода из состояния в состояние в *проблемном пространстве* называют анализом средств и целей (более сложный вариант принципа уменьшения различия). Он заимствован из программы А. Ньюэлла и Г. Саймона (универсального решателя задач). Его суть не в отказе от отдельных операторов, а в их блокировке (временной), с последующим возвратом к ним. При этом генерируются новые подцели, устраняющие отдельные различия и приводящие, возможно, к снятию ранее заблокированных операторов.

Анализ задач в терминах поиска операторов перехода в *проблемном пространстве* – не единственный аспект оценки интеллекта когнитивными психологами в умении решать проблемы. Важность правильной репрезентации проблемы или искусство описания *проблемного пространства* проблемы имеет большое значение в её последующем решении. Суть этого вопроса с точки зрения психологии в том, что испытуемые, получившие соответствующие знания, не умеют находить решение аналогичных задач в другой предметной области, другими словами, перевести задачу, сохраняя идентичность, в другое предметное поле. В информатике этот вопрос обсуждается

несколько в другой терминологии, называемой этапом формализации задачи и выбором структур данных, соответствующих задаче. Этапу формализации при изучении информатики и, в частности, программирования уделяется очень большое внимание, ибо от него во многом зависит успешность решения задачи. Программное решение – это модель, динамическая модель задачи, синтезирующая в единое целое структуру данных, а с их помощью описываются *проблемное пространство* и операторы (действия) по переходу от одного состояния в другое (управление вычислительным процессом). Без формализации, под которой в информатике понимается строгое описание проблемы [3] на каком-то языке (синтаксис и семантика которого автоматически проверяется компьютером), это невозможно сделать.

Искусство описания *проблемного пространства* основано на таком свойстве (качестве) развитого (и развивающего) интеллекта, как абстрагирование. Приведем классическую трактовку этого понятия: «Теоретическое обобщение, позволяющее отразить основные закономерности исследуемого явления, изучать и прогнозировать новые, неизвестные закономерности. В качестве абстрактных объектов выступают целостные образования, содержащие непосредственное содержание человеческого мышления (понятия, суждения, умозаключения, законы, математические структуры и др.)» [4].

Уникальность информатики как области человеческой деятельности и, соответственно, как учебного предмета заключается в том, что в ней создан (и постоянно разрабатывается) инструментарий абстрагирования, причем в нем синтезирована работа со всеми её типами (в соответствии с философской классификацией): абстракции отождествления (или обобщения); абстракция идеализирующая (или идеализация); абстракция аналитическая (или изолирующая); абстракция актуальной бесконечности (отвлечение от принципиальной невозможности зафиксировать каждый элемент бесконечного множества, то есть бесконечные множества рассматриваются как конечные); абстракция потенциальной осуществимости (отвлечение от реальных границ наших возможностей, нашей ограниченности собственной конечности, то есть предполагается, что может быть осуществлено любое, но конечное число операций в процессе деятельности) [5]. Уникальность информатики и в том, что тот инструментарий, о котором мы говорим, позволяет строить иерархические системы абстракций, проверять правильность работы абстракций (в динамике), итерационно возвращаться к первоначальным этапам построения абстракций и так до тех пор, пока исследуемое явление (проблема) не становится понятным (проблема будет решена). Этим инструментарием в информатике являются системы программирования.

Необходимо отметить, что системы программирования возникали не сами по себе, не просто как результат некого «хотения» специалистов индустрии информационных технологий, а как ответ на запрос, на требование общества к этой индустрии по решению проблем с использованием компьютера. В развитии систем программирования можно выделить ряд ключевых идей.

Одной из таких идей является идея типов данных (типизации). Оформившись примерно в 1959–1961 гг. прошлого века, она последовательно развивалась до создания в системах программирования аппарата конструирования сложных типов, отвечающих (соответствующих) решаемой проблеме. Новый виток развития идеи наступил после осознания того, что программа есть некая цельность, получаемая в результате синтеза в единое целое данных и управления обработкой этих данных (управления вычислительным процессом). В результате появился «объект» как конструкция, объединяющая в единое целое данное и действие с этими данными, как «кирпичик» системы обработки данных (программы), решающей поставленную задачу. В объектно ориентированных системах программирования как неком отрезке спирали развития систем программирования, а именно о них идет речь, идея получила новое «звучание». Однако индустрия информационных технологий, решающая все более сложные проблемы практики, не остановилась в развитии, процесс продолжается.

Главное для нас в данной работе – понимание того, что типы данных (типизация), объекты и так далее являются, выражаясь философским языком, инструментом абстрагирования и специалист по информатике, решая проблему, в частности, путем абстрагирования, конструирует некое *проблемное пространство* задачи, в котором она имеет изящное, простое, эффективное и надежное решение.

Для доказательности изложения по утверждению тезиса о том, что искусство описания *проблемного пространства* задачи является ключевой компетенцией специалиста по информатике, приведем фрагменты методического разбора двух конкретных задач с международной олимпиады школьников по информатике 2003 г., заостряя внимание при этом (методические отступления) на те элементы профессионализма, которые приводят к их решению. Тем самым мы покажем, что даже на школьном уровне требования к навыкам и умениям по абстрагированию, не к отдельным его типам, а в целом, при конструировании *проблемного пространства* – задачи достаточно высокие.

Задача. Компания *Racine Business Networks* (*RBN*) подала в суд на компанию *Heuristic Algorithm Languages* (*HAL*), утверждая, что *HAL* использовала исходный код из *RBN UNIX*Ф и внесла его в открытый код операционной системы *HALinux*.

Как *RBN*, так и *HAL* используют язык программирования, в котором каждый оператор располагается на отдельной строке и имеет вид:

STOREA = STOREB + STOREC

(*STOREA, STOREB* и *STOREC* – имена переменных). Каждый оператор записывается следующим образом: имя первой переменной начинается с первой позиции строки, затем – пробел, знак равенства, пробел, имя второй переменной, пробел, знак сложения, пробел и имя третьей переменной. Одно и то же имя переменной может встречаться в строке более одного раза. Имена переменных имеют длину от 1 до 8 символов и состоят из заглавных латинских *ASCII* букв («*A*» ... «*Z*»).

Утверждается, что *HAL* скопировала последовательность строк программы прямо из исходного кода *RBN* с минимальными изменениями.

· Чтобы скрыть свое преступление, *HAL* изменила имена некоторых переменных. Точнее, *HAL* взяла последовательность строк из программы *RBN* и для каждой переменной в ней изменила ее имя. При этом новое имя переменной может совпасть со старым. После переименования никакие две различные переменные не могут называться одинаково.

· *HAL* могла изменить в некоторых строках порядок имен переменных в правой части оператора присваивания. Например, оператор вида

STOREA = STOREB + STOREC

мог быть изменен так:

STOREA = STOREC + STOREB

· Утверждается также, что *HAL* не изменила порядок, в котором строки кода следуют в исходном тексте программы.

Необходимо по заданным исходным кодам программ *RBN* и *HAL* найти самую длинную последовательность подряд идущих строк из программы *HAL*, которую можно получить из последовательности подряд идущих строк программы *RBN* с помощью указанных выше преобразований. Заметьте, что найденная последовательность в коде *HAL* и соответствующая ей последовательность в коде *RBN* не обязательно начинаются в строках с одинаковыми номерами.

Входные данные: code.in

· Первая строка входного файла содержит два разделенных пробелами целых числа r и h ($1 \le r \le 1000$; $1 \le h \le 1000$). r задает число строк в коде программы *RBN*, а h – число строк в коде программы *HAL*.

· Последующие r строк содержат программу *RBN*.

· Последующие h строк содержат программу *HAL*.

Пример входных данных:

```
4 3
RA = RB + RC
RC = D + RE
RF = RF + RJ
RE = RF + RF
HD = HE + HF
HM = HN + D
HN = HA + HB
```

Выходные данные: code.out. Выходной файл должен содержать одну строку с единственным целым числом – длиной самой длинной последовательности идущих подряд строк, которую *HAL* могла скопировать с изменениями у *RBN*.

Пример выходных данных:

```
2
```

Строки с 1-й по 2-ю из программы *RBN* совпадают со строками со 2-й по 3-ю из программы *HAL* при условии, что в программе RBN выполнены следующие замены имен переменных: $RA \to HM$, $RB \to D$, $RC \to HN$, $D \to HA$, $RE \to HB$. Решения с тремя и более соответствующими строками не существует.

Фрагмент методического разбора.

Пусть есть не две программы, как в формулировке задачи, а две строки ($s1$ и $s2$) и требуется найти в них общую часть (подстроку) наибольшей длины. Подстрока определяется из подряд идущих символов. Мы не будем рассматривать специальных достаточно эффективных алгоритмов Нудельмана-Вунша [6], Ханта-Зиманского [7], а ограничимся самым простым решением. Начиная с позиции li строки $s1$ и позиции lj строки $s2$ (относительный сдвиг строк), осуществляем посимвольное сравнение (текущие номера символов: ri в строке $s1$ и rj – в $s2$). Если $s1[ri]$ равно $s2[rj]$, то увеличиваем на единицу значения ri и rj, а также изменяем количество совпадений, иначе увеличиваем на единицу значения li и lj. Последовательно перебирая пары (li,lj): (1,1), (1,2), ..., (1, *Length*($s2$)), а затем (2,1), (3,1), ..., (*Length*($s1$),1), находим результат (*Length*(s) – количество символов в строке s).

Пример. Пусть даны две строки: $s1$=*abxxxxc* и $s2$=*dxxxxe*. При (li,lj)=(1,1) результат равен трем, при (li,lj)=(1,2) – двум, при (li,lj)=(2,1) – четырем. Приведем для наглядности изложения фрагмент логики, выполняющей сравнение строк, с заданным относительным сдвигом.

```
Function Com(li,lj:Integer):Integer;
 Var ri,rj,res,t1,t2:Integer;
 Begin
```

```
  res:=0;ri:=0;rj:=0;
  t1:=Length(s1);t2:=Length(s2);
 While (ri<=t1) And (rj<=t2) And (li<=t1) And
(lj<=t2) Do Begin
   ri:=Max(ri,li);rj:=Max(rj,lj);{Max – функ-
ция вычисления максимального из двух чисел.}
   If s1[ri]=s2[rj] Then Begin
ri:=ri+1;rj:=rj+1;res:=Max(res,ri-li);End
    Else Begin li:=li+1;lj:=lj+1;End;
  End;
  Com:=res;
End;
```

Пришло время сформулировать основной вопрос: а можно ли преобразовать тексты программ так, чтобы логика поиска общей подстроки двух строк стала работоспособна и в нашей задаче? Конечно, она претерпит некие изменения, но суть – основная идея – останется неизменной.

Методическое отступление. Мы упростили задачу, чтобы «вычленить» суть, а затем абстрагируемся, строим *проблемное пространство* задачи, отвлекаясь от несущественных деталей!

Вчитаемся в формулировку задачи и попытаемся осознать, насколько важны, имеют принципиальное значение сами имена переменных. Какая нам разница, имя «Петя» или «Ваня». Главное – в какой части оператора, левой или правой, оно встречается и было ли оно ранее в тексте программы. И если да (было), то опять же где – в левой или правой части оператора. Заметим, что если имя встречается в правой части, то, следуя формулировке задачи, не имеет значения, первым оно записано или вторым. Поэтому каждое имя мы будем характеризовать двухкомпонентным вектором (*num_left*,*num_right*), где *num_left* – номер последнего предшествующего оператора, в левой части которого записано данное имя, а *num_right* – номер последнего предшествующего оператора, в правой части которого записано данное имя. Если имя встречается первый раз, то вектор равен (0,0). Сформируем для первой программы матрицу $p[1..r.1..3]$, элементами которой являются значения векторов, а для второй программы – $q[1..b,1..3]$. Они, для примера из формулировки задачи, имеют вид:

$$p=\begin{pmatrix}(0,0)&(0,0)&(0,0)\\(0,1)&(0,0)&(0,0)\\(0,0)&(3,0)&(0,0)\\(0,2)&(3,3)&(3,4)\end{pmatrix} \text{ и } q=\begin{pmatrix}(0,0)&(0,0)&(0,0)\\(0,0)&(0,0)&(0,0)\\(0,2)&(0,0)&(0,0)\end{pmatrix}.$$

Мы формируем эти матрицы только по тексту самих программ (при построчном вводе каждого оператора, если говорить о технической реализации) – обращаться к тексту другой программы нет необходимости. А после формирования матриц и сами тексты программ больше не требуются! Смысл не улавливается? Добавим в текст второй программы из формулировки задачи еще две строки. Он имеет вид:

```
HD = HE + HF
HM = HN + D
HN = HA + HB
A = A + B
HB = A + A
```

а матрица $q=\begin{pmatrix}(0,0)&(0,0)&(0,0)\\(0,0)&(0,0)&(0,0)\\(0,2)&(0,0)&(0,0)\\(0,0)&(4,0)&(0,0)\\(0,3)&(4,4)&(4,5)\end{pmatrix}$. Вас не удивляет некая похожесть матрицы p и нового варианта матрицы q (точнее, её части со второй по пятую строки)? Ответом задачи в этом случае является значение четыре – «самая длинная последовательность подряд идущих строк из программы *HAL*, которую можно получить из последовательности подряд идущих строк программы *RBN* с помощью указанных преобразований» равна четырем.

Методическое отступление. Момент «эврика» наступил. Мы представили исходные данные как некие объекты (вектора, матрицы) в *проблемном пространстве*. Его надо закрепить. Школьнику предлагается написать произвольные тексты программ. Составить для них матрицы p и q. Программу разрабатывать не следует – это отдельное задание (чисто техническое для нашего уровня обсуждения). Найти ответ задачи.

Вернемся к обсуждению задачи. Пусть матрицы p и q сформированы. Как изменится функция *Com* для данного случая – нам необходимо осуществлять не посимвольное сравнение строк, а построковое сравнение матриц с учетом их относительного сдвига.

Во-первых, требуется функция сравнения двухкомпонентных векторов a и b с учетом их местоположения в матрицах p и q. Один из простых способов её реализации имеет вид:

```
Function Eq(a,b:TVar):Boolean; { Тип данных –
TVar=Array [1..2] Of Integer; }
 Var i:Integer;
     pp:Boolean;
 Begin
  pp:=True;
  For i:=1 To 2 Do
    pp:=pp And (((a[i]<li) And (b[i]<lj)) Or
((ri-a[i])=(rj-b[i])));
  Eq:=pp;
 End;
```

Во-вторых, в функции *Com* требуется реализовать те сравнения, которые указаны в формулировке задачи. С этой целью введем две логи-

ческие переменные *f*1 и *f*2. Значение *f*1 – это результат сравнения левых частей операторов программ или *f1:=Eq(p[ri,1],q[rj,1])*, а значение *f*2 – правых, *f2:=(Eq(p[ri,2],q[rj,2]) And Eq(p[ri,3],q[rj,3])) Or (Eq(p[ri,2],q[rj,3]) And Eq(p[ri,3],q[rj,2]))*. В результате сравнение символов «*If s1[ri]=s2[rj]*» в тексте *Com* заменяется проверкой условия истинности значений переменных *f*1 и *f*2 – «*If f*1 *And f*2».

Методическое отступление. Что мы делаем? Мы обобщаем (один из видов абстрагирования) простые факты (поиск общей части двух строк) до работы с нашими абстрактными объектами в *проблемном пространстве* задачи. Но если бы проблемное пространство было не построено, то и обобщать было нечего.

Задача. В стаде фермера Джона находятся *n* пронумерованных от 1 до *n* ($1 \le n \le 50$) и похожих коров. Когда фермер Джон ставит корову в стойло, он должен знать, какую корову он туда ставит.

Коровы различаются по *p* признакам, пронумерованным от 1 до *p* ($1 \le p \le 8$), каждый из которых имеет по три возможных значения. Например, цвет метки на ухе коровы может быть желтым, зеленым или красным. Значения каждого признака определяются одной из букв: «*X*», «*Y*» или «*Z*». Любая пара коров фермера Джона отличается по крайней мере одним признаком.

Напишите программу, которая по заданным признакам коров поможет фермеру Джону определить номер коровы, которую он ставит в стойло. Ваша программа может задать Джону не более 100 вопросов вида: «Принадлежит ли значение некоторого признака *T* у коровы некоторому множеству значений *S*?».

Задайте как можно меньше вопросов для определения номера коровы.

Входной файл признаков: guess.in

· Первая строка входного файла содержит два целых числа *n* и *p*, разделенных пробелом.

· Каждая из последующих *n* строк описывает признаки коровы, используя *p* букв, разделенных пробелами. Первая буква каждой строки – значение признака 1 и так далее. Вторая строка во входном файле описывает корову с номером 1, третья строка – корову с номером 2 и т. д.

Пример входного файла признаков:

```
4 2
X Z
X Y
Y X
Y Y
```

Интерактивность: стандартный ввод и стандартный вывод. Шаг «вопрос/ответ» осуществляется через стандартный ввод и стандартный вывод. Ваша программа задает вопрос о корове посредством записи в стандартный вывод строки следующего вида: буква «*Q*», номер признака, значения признака (одно или более), разделенные пробелами. Например, строка «*Q* 1 *Z Y*» соответствует вопросу: «Имеет ли первый признак коровы значение "*Z*" или "*Y*"?». Признак может быть целым числом в пределах от 1 до *p*. Значения признака должны быть только «*X*», «*Y*» или «*Z*» и не должны повторяться в одной строке.

После задания вопроса ваша программа должна читать одну строку, содержащую одно из целых чисел – 0 или 1. Число 1 обозначает, что корова обладает одним из указанных значений признака. Число 0 означает, что ни одним из указанных значений признака корова не обладает.

Последняя строка вывода программы должна содержать букву «*C*», пробел и одно число (номер коровы).

Пример диалога: (для вышеуказанного примера)

Ввод	*Вывод*	*Комментарий*
	Q 1 X Z	
0		Может быть корова 3 или корова 4
	Q 2 Y	
1		Должна быть корова 4!
	C 4	
Завершение работы программы		

Фрагмент методического разбора

Самый простой вариант решения – последовательно задавать вопросы типа: равен ли признак с номером *i* значению *X*, если ответ «да», то признак определен, иначе следует вопрос – равен ли признак с номером *i* значению *Y*? Очевидно как то, что потребуется в худшем случае 2*p* вопрос, так и то, что это решение не наберет полный балл. Требуется задавать «как можно меньше вопросов для определения номера коровы».

Второй очевидный факт заключается в том, что вопрос типа «*Q* 1 *Z Y*» равносилен вопросу «*Q* 1 *X*». Действительно, ответ «нет» на первый вопрос означает равенство признака значению *X*, ответ «да» – равенство *Z* или *Y*. Для второго вопроса имеем: ответ «да» – признак равен *X*, ответ «нет» – признак равен *Z* или *Y*. Таким образом, можно ограничиться вопросами второго типа.

Мы не тронемся с места до тех пор, пока не определим *проблемное пространство* задачи и логику перехода из одного состояния в другое в этом пространстве! Первым шагом в этой работе является кодировка признаков и то, как вопросы

и ответы на них отражаются в изменении кодировки. Признак имеет три значения. Следовательно, трех бит достаточно для представления их в памяти. Считаем, что «0» (в бите записан ноль) является допустимым для значения признака, а «1» говорит о невозможности равенства признака этому значению. Последовательность «000» означает, что признак может принимать значения *X*, *Y* и *Z*, а «001» – только *Y* и *Z*. Последовательность из 3**p* бит служит для описания всех признаков и определяет конкретное состояние в пространстве решения задачи. Если задано *t* признаков, то последовательность имеет вид $P_tP_{t-1}...P_1$, другими словами, первый признак описывается тремя младшими битами последовательности, затем второй признак и так далее. В этом случае конструкция

For i:=0 To p-1 Do
For j:=0 To 2 Do ... обеспечивает побитовый просмотр (начиная с младших разрядов) последовательности.

Методическое отступление. Идея конструирования *проблемного пространства* есть, осталось её развить и продумать детали перехода из одного состояния в другое.

Обратимся к примеру в формулировке задачи. Описание конечных состояний для всех коров (первая строка таблицы), следующих из формулировки задачи, представлено в табл. 1.

Начальным состоянием является последовательность «000000». Пусть задан вопрос «*Q 1 X*» – равен ли первый признак коровы значению *X*. Если ответ «нет», то из начального состояния осуществляется переход в состояние «000001», а если «да», то – «000110». Другими словами, при ответе «нет» это значение признака запрещается, а остальные не изменяются, ответ «да» запрещает другие значения признаков. Формализованная запись логики перехода из одного состояния в другое имеет вид:

```
Function ChangeY(Const s,i,j:Integer):Integer;
{s – номер состояния, i – номер признака, j – номер значения признака.}
 Var t,c:Integer;
 Begin
  c:=s;
  For t:=0 To 2 Do {Добавляем «1» в оставшиеся нулевые значения признака.}
    If (t<>j) And ((c And (1 ShL (i*3+t)))=0) Then c:=c+ (1 ShL (i*3+t)); {Командой ShL осуществляется сдвиг единицы на заданное количество разрядов.}
  ChangeY:=c;
End;
Function ChangeN(Const s,i,j:Integer):Integer;
 Begin
  ChangeN:=s+1 ShL (i*3+j); {Запрещаем это значение признака.}
 End;
```

Методическое отступление. Целесообразно, на наш взгляд, сделать паузу в обсуждении и выполнить небольшой тренинг по «ручному» просчету перехода из одного состояния в другое при разных вариантах ответов на вопросы. При этом следует состояния описывать как в двоичном представлении, так и в десятичном. Тем самым мы закрепляем понимание того, что есть «*проблемное пространство*».

Вторым шагом работы является описание всего *проблемного пространства* (количество состояний 2^{3*p}). Достаточно ли для описания одного одномерного массива? Для того чтобы ответить на этот вопрос, требуется ответить на другой вопрос: а какие бывают состояния? Например, недопустимые. Так, состояние 000011 (3_{10}) является недопустимым (недостижимым) для примера из формулировки задачи – первый признак коров не может быть равен не *X* и не *Y*. Состояние 010100 (20_{10}) является допустимым для первой и третьей коров и недопустимым для второй и четвертой коров (второй признак у коров не может быть не равен единице). Наконец, есть состояния, допустимые только для одной коровы. Так, в примере состояние 011100 (28_{10}) допустимо только для первой коровы.

Введем два массива *w*[0.. 2^{3*p} - 1] и *d*[0.. 2^{3*p} - 1]. При инициализации элементам *d* присваиваем значение 0, а элементам *w* – -1. На начальной стадии «разметим» *проблемное пространство*:

$$w[i]=\begin{cases} t, \text{номер коровы (первой), для которой состояние } i \text{ допустимо} \\ 255, \text{если состояние } i \text{ недопустимо ни для одной коровы} \end{cases},$$

$$d[i]=\begin{cases} 255, \text{состояние } i \text{ допустимо для нескольких коров} \\ 0, \text{состояние } i \text{ недопустимо или допустимо только для одной коровы} \end{cases}.$$

Например, *w*[9]=4, *d*[9]=0 – состояние 001001 (9_{10}) допустимо только для коровы с номером 4; *w*[12]=1, *d*[12]=255 – состояние 001100 (12_{10}) допустимо для нескольких коров (больше одной), в частности для коровы с номером 1; *w*[15]=255, *d*[15]=0 – состояние 001101 (15_{10}) недопустимо ни для одной коровы.

Как разметить *проблемное пространство*? Возьмем признаки первой коровы *XZ* и зафиксируем нули в соответствующих позициях –

Таблица 1

1						2						3						4					
Z	*Y*	*X*	*Z*	*Y*	*X*	*Z*	*Y*	*X*	*Z*	*Y*	*X*	*Z*	*Y*	*X*	*Z*	*Y*	*X*	*Z*	*Y*	*X*	*Z*	*Y*	*X*
0	1	1	1	1	0	1	0	1	1	1	0	1	1	0	1	0	1	1	0	1	1	0	1
P_2			P_1			P_2			P_1			P_2			P_1			P_2			P_1		

0****0. В позициях, отмеченных символом «*», допустима запись как 0, так и 1. Другими словами, нам требуется сгенерировать все последовательности, у которых в позициях, отмеченных «*», записаны 0 или 1. И это необходимо сделать для каждой коровы. В табл. 2 приведены допустимые последовательности для всех коров.

Анализируя данные табл. 2, видим, что некоторые состояния допустимы только для одной из коров. Назовем их конечными. В табл. 3 приводятся конечные состояния для каждой коровы.

Примечание. Для удобства работы опишем признаки коров с помощью числовой матрицы (r[1..n,1..p]), формируемой при вводе данных. Для примера из формулировки задачи она имеет вид:

$$r = \begin{pmatrix} 0 & 2 \\ 0 & 1 \\ 1 & 0 \\ 1 & 1 \end{pmatrix}.$$ Значение 0 соответствует X, 1 – Y и 2 – Z.

Методическое отступление. Для работы в нашем *проблемном пространстве* мы вводим и определяем абстрактный объект – матрица.

Один из вариантов выполнения действий по начальной разметке пространства состояний задачи может быть следующим. В процедуре решения задачи организуем цикл по i (коровам) с вызовом рекурсивной процедуры разметки *For i:=1 To n Do GenEq(0,0,0)*. При s=0 (в начальный момент времени) может быть задан любой из 3*p вопросов. Вопрос опишем парой (a, b), где a – номер признака, а b – номер вопроса. Тогда пары (0, 1), (0,2), (0,3), ..., (p-1,1), (p-1,2), (p-1,3) соответствуют состоянию s=0, и мы их назовем начальными. Для нашего примера они равны (0,1), (0,2), (0,3), (1,1), (1,2), (1,3).

```
Procedure GenEq(a,b,s:Integer); {a – номер признака, b – номер значения признака, s – номер состояния. Начинаем для каждой коровы с нулевого состояния.}
 Begin
  If b=3 Then Begin a:=a+1; b:=0; End; {Если значение признака равно трем, то переходим к следующему признаку.}
  If (a<p) And (b<3) Then Begin
   GenEq(a,b+1,s); {Переход к следующему значению признака.}
    If r[i,a+1]<>b then GenEq(a,b+1,s+(1 ShL (a*3+b))); {Если у коровы с номером i признак a не равен значению b, то можно выполнить переход в другое состояние. Его номер вычисляется путем сдвига единицы на число разрядов, соответствующих значениям a и b. Плюс единица
```

Таблица 2

1		*2*		*3*		*4*	
s	011110	*s*	101110	*s*	110101	*S*	101101
2	000010	2	000010	1	000001	1	000001
4	000100	4	000100	4	000100	4	000100
6	000110	6	000110	5	000101	5	000101
8	001000	8	001000	16	010000	8	001000
10	001010	10	001010	17	010001	9	001001
12	001100	12	001100	20	010100	12	001100
14	001110	14	001110	21	010101	13	001101
16	010000	32	100000	32	100000	32	100000
18	010010	34	100010	33	100001	33	100001
20	010100	36	100100	36	100100	36	100100
22	010110	38	100110	37	100101	37	100101
24	011000	40	101000	48	110000	40	101000
26	011010	42	101010	49	110001	41	101001
28	011100	44	101100	52	110100	44	101100
30	011110	46	101110	53	110101	45	101101

Таблица 3

S	*1*	*s*	*2*	*s*	*3*	*S*	*4*
18	010010	34	100010	17	010001	9	001001
22	010110	38	100110	21	010101	13	001101
24	011000	42	101010	48	110000	41	101001
26	011010	46	101110	49	110001	45	101101
28	011100			52	110100		
30	011110			53	110101		

выравнивает нумерацию признаков (с нуля или с единицы) в матрице *r* и в процедуре *GenEq*.}

```
  End
 Else
  If w[s]=255 Then w[s]:=i Else d[s]:=255;
```

{Если в состоянии *s* не были (*w*[*s*]=255), то присваиваем значение номера коровы, а иначе помечаем, что состояние s допустимо для нескольких коров.}

```
 End;
```

Методическое отступление. Появилась замечательная работа, способствующая пониманию задачи, – просчитать разметку *проблемного пространства* как с использованием процедуры *GenEq*, так и без неё. Конечно, выходить за значение $p>2$ (количество признаков) неразумно, но значения признаков можно изменять.

После разметки пространства мы имеем начальное, конечные, промежуточные и недопустимые (они отмечены в *w* значением 255) состояния. Для рассматриваемого примера в табл. 3 даны конечные состояния (в *w* записан номер коровы, а в *d* значение 0). Если в табл. 2 убрать конечные состояния, то в ней останутся только промежуточные состояния. Их для нашего примера 17 (различных). Промежуточные состояния отмечены в массиве *d* значением 255 (после разметки). Осталось просчитать для каждого промежуточного состояния в зависимости от заданных вопросов возможные переходы в другие состояния и зафиксировать в соответствующем элементе массива *d* минимальное количество вопросов в худшем случае. Другими словами, требуется составить таблицу переходов для всех промежуточных состояний. Элементом массива *w* для состояния *s* является код признака и его значение, они определяют новое состояние. Эта работа выполняется с помощью следующей рекурсивной функции.

```
Function Calc(s:Integer):Integer;
```

{Находим минимальное количество вопросов, необходимых для достижения одного из конечных состояний из состояния *s*.}

```
 Var q,i,j,s1,s2:Integer;
 Begin
  If d[s]=255 Then Begin
```

{Конечные и недопустимые состояния не рассматриваем. Нас интересуют только промежуточные.}

```
   For i:=0 To p-1 Do
```

{Цикл по признакам.}

```
    For j:=0 To 2 Do
```

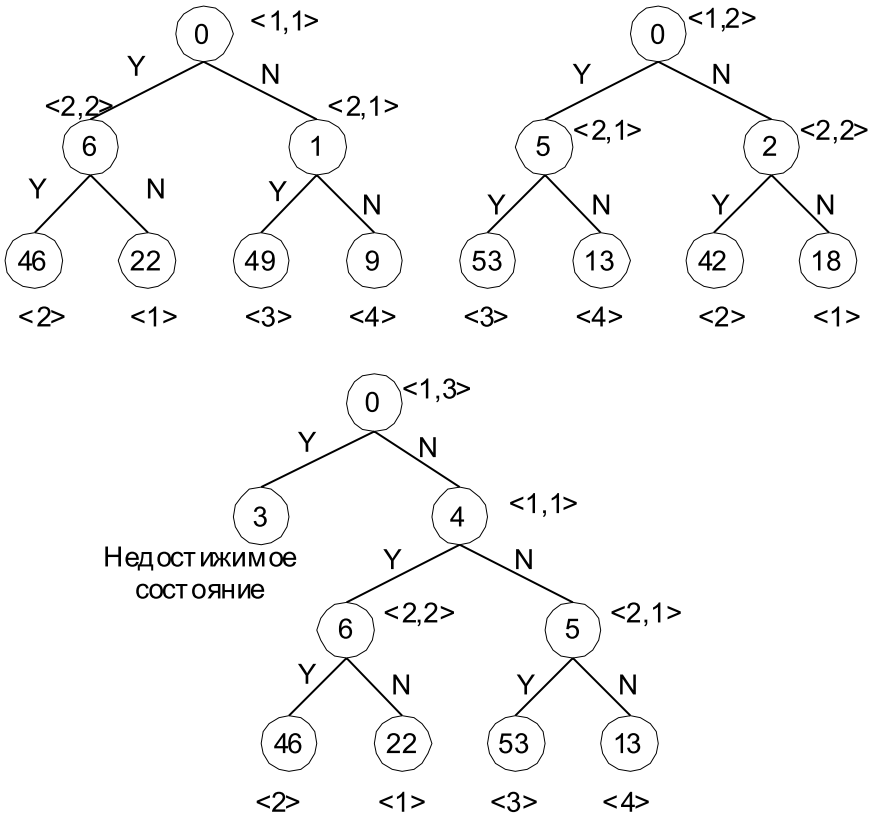
{Цикл по значениям признака.}

```
     If s And (1 ShL (i*3+j))=0 Then Begin
```

{Если значение *j* признака *i* в состоянии *s* допустимо, то моделируем переходы из него при ответах «да» и «нет».}

```
      s1:=ChangeY(s,i,j);
```

{Переход в состояние *s1* при ответе «да».}



Примеры переходов из начального состояния

```
      s2:=ChangeN(s,i,j); {Переход в состояние s2 при ответе «нет».}
      If (s1<>s) And (s2<>s) Then Begin
      q:=max(Calc(s1),Calc(s2)); {Находим максимальное количество вопросов (худший вариант задания вопросов).}
       If (q+1)<d[s] Then Begin {Если с учетом заданного вопроса этот вариант игры лучше ранее рассмотренных, то фиксируем его.}
          d[s]:=q+1; {Количество вопросов.}
            w[s]:=(i+1)*10+j; {Код – из номера признака и его значения (в десятичном виде), при котором из состояния s реализуется вариант игры с наименьшим количеством вопросов.}
         End;
       End;
     End;
  End;
  Calc:=d[s]
 End;
```

Практически мы закончили обсуждение решения задачи, обеспечивающего сформулированные в условии требования.

Методическое отступление. Промоделировать работу проверяющей программы путем организации игры компьютера с человеком можно с помощью следующей процедуры.

```
Procedure Solve;
 Var s,c,i,j:Integer;
 Begin
  <элементам массива d присвоить значение 0>;
   <элементам массива w присвоить значение 255>;
   For i:=1 To n Do GenEq(0,0,0); {Начальная разметка.}
   Calc(0); {Формирование таблицы переходов.}
   s:=0;
   While d[s]<>0 Do Begin
     WriteLn("Q ",w[s] Div 10," ",CnvI[w[s] Mod 10]); {Задаем вопрос. Массив констант CnvI имеет вид: CnvI:Array[0..2] Of Char=('X','Y','Z');}
     ReadLn(c); {Человек отвечает.}
   If c=0 Then s:=ChangeN(s,w[s] Div 10-1,w[s] Mod 10)
     Else s:=ChangeY(s,w[s] Div 10-1,w[s] Mod 10); {Переход в другое состояние. Значение «-1» требуется для выравнивания нумерации.}
   End;
   WriteLn("C ",w[s]);
 End;
```

Если в $d[s]$ хранится наименьшее количество вопросов для перехода из состояния s в одно из конечных состояний, то структура значения элемента массива w хоть и просматривается, но, возможно, не до конца ясна. Её можно пояснить с помощью рисунка, на котором приводятся три из шести возможных вопросов для начального состояния. Рядом с вершинами в угловых скобках указывается номер признака и номер его значения, представленные в вопросе, или, если это конечное состояние, номер коровы.

Резюмируя, можно сказать, что в целом искусство описания *проблемного пространства* является ключевой компетенцией специалиста по информатике любого уровня, начиная со школьного. С точки зрения когнитивной психологии и философии эта компетенция характеризует развитые интеллектуальные возможности человека.

Примечания

1. *Кирюхин, В. М.* Задачи по информатике. Международные олимпиады 1989–1996 гг. [Текст] / В. М. Окулов, А. В. Лапунов, С. М. Окулов. М.: ABF, 1996.

2. *Окулов, С. М.* Информатика в задачах [Текст] / С. М. Окулов, А. А. Пестов, О. А. Пестов. Киров: Изд-во ВГПУ, 1998.

3. *Хеннер, Е. К.* Информатика [Текст] : учеб. пос. для студ. пед. вузов / Е. К. Хеннер, А. В. Могилев, Н. И. Пак. М.: Изд. центр «Академия», 2000.

4. Новейший философский словарь [Текст]. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001.

5. Там же.

6. *Окулов, С. М.* Программирование в алгоритмах [Текст] / С. М. Окулов. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2002. С. 100.

7. *Кипров, С. Г.* Алгоритм Ханта-Зиманского [Текст] / С. Г. Кипров // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Информатика. № 2. Киров, 2003. С. 186–189.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Т. Я. Ашихмина, Л. И. Домрачева, Л. В. Кондакова, Е. В. Дабах, Г. Я. Кантор, А. А. Калинин, А. И. Вараксина, С. Ю. Огородникова

ЭКОЛОГО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ АНТРОПОГЕННО-НАРУШЕННЫХ ПОЧВ

Статья посвящена биологическим методам, используемым для диагностики и прогноза состояния природных сред и объектов на техногенно-нагруженных территориях.

Возросшее антропогенное влияние на окружающую среду стимулирует разработку новых и совершенствование существующих способов оценки качества ее основных компонентов: почвы, воздуха, воды. Применяемая на практике система контроля основана на определении, как правило, не суммы поллютантов, а на химико-аналитическом определении отдельных компонентов. При этом невозможно охватить весь спектр токсических веществ, общее число которых составляет более 50000. Современные физико-химические анализы сложны, они требуют высокочувствительных приборов, основанных на использовании дорогостоящего импортного оборудования. Поэтому использование биологических методов для оценки и прогноза различных изменений в природном комплексе, вызванных факторами антропогенного происхождения, крайне актуально и необходимо.

Биомониторинг позволяет делать прямую оценку качества среды и является первым уровнем последовательного процесса изучения здоровья экосистемы. Основная задача биологического мониторинга – наблюдение за уровнем загрязнения биоты с целью разработки систем раннего оповещения, диагностики и прогнозирования. Оценка качества окружающей природной среды (ОПС) производится на основе данных мониторинга биотической и абиотической составляющих. Мониторинг биотической составляющей ОПС позволяет с использованием биологических индикаторов выявить реакции экосистем (отклик) на воздействие факторов внешней среды. Мониторинг абиотической составляющей дает возможность провести биодиагностику состояния природных сред с целью выявления их токсичности по растительным и животным организмам. Изменения абиотической и биотической составляющих окружающей природной среды взаимосвязаны и взаимообусловлены, по их отклику можно сделать оценку изменения состояния ОПС на воздействие природных и техногенных факторов.

Биологический мониторинг проводится по показателям состояния живых объектов на разных уровнях их организации: суборганизменном, организменном и надорганизменном. Так, генетический мониторинг соответствует субклеточному уровню организации, экологический – популяционному и биоценологическому уровням. Каждому уровню соответствует свой набор биологических переменных. При оценке состояния организмов применяются разные подходы: морфологи-

АШИХМИНА Тамара Яковлевна – доктор технических наук, профессор по кафедре химии и методики преподавания химии ВятГГУ, зав. лабораторией биомониторинга ВятГГУ и Института биологии Коми НЦ УрО РАН.
КОНДАКОВА Любовь Владимировна – кандидат биологических наук, доцент по кафедре экологии ВятГГУ, старший научный сотрудник лаборатории биомониторинга ВятГГУ и Института биологии Коми НЦ УрО РАН.
ДАБАХ Елена Валентиновна – кандидат биологических наук, доцент по кафедре почвоведения и агрохимии Вятской государственной сельскохозяйственной академии, старший преподаватель кафедры экологии ВятГГУ, старший научный сотрудник лаборатории биомониторинга ВятГГУ и Института биологии Коми НЦ УрО РАН.
КАНТОР Григорий Яковлевич – кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры экологии ВятГГУ, научный сотрудник лаборатории биомониторинга ВятГГУ и Института биологии Коми НЦ УрО РАН.
ДОМРАЧЕВА Людмила Ивановна – доктор биологических наук, профессор по кафедре ботаники, физиологии растений и микробиологии Вятской государственной сельскохозяйственной академии, ведущий научный сотрудник лаборатории биомониторинга ВятГГУ и Института биологии Коми НЦ УрО РАН.
КАЛИНИН Андрей Александрович – кандидат биологических наук, доцент по кафедре ботаники, физиологии растений и микробиологии Вятской государственной сельскохозяйственной академии.
ВАРАКСИНА Анна Ивановна – ассистент кафедры химии и методики преподавания химии ВятГГУ, аспирант лаборатории биомониторинга ВятГГУ и Института биологии Коми НЦ УрО РАН.
ОГОРОДНИКОВА Светлана Юрьевна – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры экологии ВятГГУ, научный сотрудник лаборатории биомониторинга ВятГГУ и Института биологии Коми НЦ УрО РАН.
© Ашихмина Т. Я., Домрачева Л. И., Кондакова Л. В., Дабах Е. В., Кантор Г. Я., Калинин А. А., Вараксина А. И., Огородникова С. Ю., 2006

ческий, генетический, биохимический, физиологический, иммунологический, этологический (поведенческий), фенологический, спектр жизненных форм и др. Для мониторинга выбирается тот уровень, который дает наиболее чувствительный и легко контролируемый индикационный показатель.

Главными этапами деятельности при разработке систем раннего оповещения являются: отбор подходящих природных объектов, создание автоматизированных систем, способных с достаточно большой точностью выявлять «отклик» организма на загрязнение среды, в которой он находится, определение регламента, согласование методик, проектирование и эксплуатация сети мониторинга.

Диагностика позволяет обнаружить, идентифицировать и определить концентрацию загрязняющих веществ в биотической составляющей при помощи широкого использования организмов-мониторов (индикаторов). Прогноз состояния биотической составляющей окружающей среды строится на основе результатов биотестирования.

Методами биоиндикации и биотестирования определяется присутствие в окружающей среде того или иного загрязнителя по наличию или состоянию определенных организмов, наиболее чувствительных к изменению экологической обстановки, т. е. обнаружение и определение биологически значимых антропогенных нагрузок на основе реакции на них живых организмов и их сообществ. Таким образом, применение биологических методов для оценки среды подразумевает выделение видов животных или растений, чутко реагирующих на тот или иной тип воздействия. Методом биоиндикации с использованием подходящих индикаторных организмов осуществляется качественная и количественная оценка (без определения степени загрязнения) эффекта антропогенного и естественного влияния на окружающую среду.

Биологические методы помогают диагностировать негативные изменения в природной среде на ранних стадиях (экспресс-методы) при таких количествах токсикантов, которые еще не могут быть зафиксированы приборами. Биология используемых видов-индикаторов должна быть хорошо изучена, при этом они должны удовлетворять следующим требованиям:

· они должны быть характерны для природной зоны, где располагается данный объект;

· распространены на всей изучаемой территории повсеместно;

· иметь четко выраженную количественную и качественную реакцию на отклонение свойств среды обитания от экологической нормы.

По биоиндикационным признакам можно выявить экологические нарушения при низких уровнях загрязнения, когда еще нет серьезных ограничений для развития растений и опасности для населения, что позволит принять меры для предотвращения дальнейшего поступления загрязнителей в окружающую природную среду и не допустить необратимых изменений в экосистемах.

С помощью биоиндикаторов можно:

· обнаружить места скоплений в экологических системах различного рода загрязнений;

· проследить скорость происходящих в окружающей среде изменений;

· выявить степень вредности тех или иных веществ для живой природы;

· спрогнозировать дальнейшее развитие экосистемы.

Преимуществом методов биоиндикации и биотестирования перед физико-химическими методами является интегральный характер ответных реакций организмов:

· они суммируют все без исключения биологически важные данные об окружающей среде и отражают ее состояние в целом;

· выявляют наличие в окружающей природной среде комплекса загрязнителей;

· реагируют на очень слабые воздействия в условиях хронической антропогенной нагрузки в силу аккумуляции дозы;

· исключают необходимость регистрации физических и химических параметров среды;

· делают необязательным применение дорогостоящих и трудоемких физических и химических методов для измерения биологических параметров. Живые организмы постоянно присутствуют в окружающей человека среде и реагируют на кратковременные и залповые выбросы токсикантов, которые можно не зарегистрировать при помощи автоматической системы контроля с периодичным отбором проб на анализы;

· фиксируют скорость происходящих в окружающей среде изменений;

· указывают пути и места скоплений различного рода загрязнителей в экологических системах и возможные пути попадания этих веществ в организм человека;

· помогают нормировать допустимую нагрузку на экосистемы, различающиеся по своей устойчивости к антропогенному воздействию, так как одинаковый состав и объем загрязнителей может привести к различным реакциям природных систем в разных географических зонах.

Особую значимость имеет то обстоятельство, что биоиндикаторы отражают степень опасности соответствующего состояния окружающей среды для всех живых организмов, в том числе и для человека. Высокочувствительными к антропогенному загрязнению представителями биоты являются организмы-индикаторы, которые ис-

пользуются для идентификации изменений в окружающей среде, обусловленной действием смеси загрязнителей.

Биоиндикация

В лаборатории биомониторинга для оценки состояния агрогенных и антропогенно-нарушенных почв в последние годы используются и разрабатываются методики биоиндикации по следующим организмам и параметрам их состояния.

1. Альгоиндикация. Основана на выявлении и сравнении видового состава фоновых и загрязненных территорий. Критерием степени нарушения почвенных ценозов является уровень снижения видового разнообразия водорослей и цианобактерий.

2. Групповой анализ фототрофных сообществ «цветения» почвы. Основан на выявлении группового состава водорослей и цианобактерий, формирующих пленки «цветения». Критерием неблагополучия биологического состояния почвы является монофикация сообществ с выпадением отдельных групп фототрофных микроорганизмов.

3. Характеристика альгомикологических комплексов. Основана на определении количественных показателей (численность и биомасса клеток водорослей, длина мицелия и биомасса микромицетов) водорослей и микрогрибов. Критерием нарастающего биологического кризиса почвы является увеличение доли грибов в структуре альгогрибной биомассы.

4. Микологический анализ. Основан на оценке сравнительного вклада в структуру популяций грибов с окрашенным (меланинсодержащим) мицелием и бесцветным мицелием. Свидетельство надвигающегося техногенного загрязнения почв – увеличение доли темноокрашенных микромицетов.

5. Сукцессионный анализ. Основан на изучении динамики развития наземных фототрофных микробных сообществ в моделируемых условиях. По характеру и уровню развития различных комплексов микроорганизмов позволяет оценить силу воздействия поллютантов при их различной концентрации.

6. Выявление специфических микробных комплексов. Индикация неблагополучного состояния почвы по развитию в ней комплексов организмов, усиливающих фактор химического прессинга.

7. Использование современных технических и программных средств, в том числе геоинформационных (ГИС) систем, для информационного сопровождения мониторинга природных сред и объектов. Обработка средствами ГИС данных о состоянии различных групп организмов непосредственно в реальной почвенной обстановке.

Альгоиндикация. При биоиндикации состояния систем любого уровня целесообразно использовать следующие группы организмов: чувствительные, резистентные и накопители поллютантов. В серии полевых и модельных опытов нами было установлено, что в различных типах фоновых (незагрязненных) почв сообщества фототрофных микроорганизмов (водорослей и цианобактерий) обладают определенным уровнем видового разнообразия. Прессинг антропогенных факторов на подобные сообщества проявляется в такой негативной тенденции, как уменьшение видового разнообразия микрофототрофов в загрязненных и нарушенных местообитаниях [1]. Универсальность выдвинутого положения подтверждается результатами определения видового состава альгофлоры в почвах, загрязненных как агрохимикатами (табл. 1–3), так и техногенными поллютантами, например свинцом (табл. 4).

Результаты флористического анализа, приведенные в таблицах 1–3, показывают, что деструктивные изменения в альгоцианобактериальном сообществе, проявляющиеся в снижении видового разнообразия, коррелируют с возрастанием доз и длительностью применения агрохимикатов. Столь же убедительны результаты видовой инвентаризации альгофлоры почвы, загрязненной ацетатом свинца. По мере повышения концентрации токсиканта происходит существенное снижение видового разнообразия вплоть до полного прекращения размножения водорослей при очень высоких дозах поллютанта (табл. 4).

Таким образом, снижение видового состава почвенной альгофлоры – один из показателей загрязнения почвы.

Групповой анализ фототрофных сообществ «цветения» почвы. Принципиально новый подход к биоиндикации с помощью фототрофных микроорганизмов, примененный нами, состоял в исследованиях, проводимых в условиях длительных стационарных опытов с анализом фототрофных группировок «цветения» почвы, при котором ясно прослеживается тенденция их эволюции, проявляясь в сильнейшей вариабельности их группового состава на одной и той же почве и нарушении естественного хода сезонных сукцессий [2], в зависимости от доз, сроков и форм применяемых агрохимикатов.

Сравнительно однородный поток биогенных элементов в целинных и залежных экосистемах умеренной зоны, связанный с ежегодным отмиранием и разложением однотипного растительного и животного опада, с определенным водно-воздушным режимом, кислотно-солевым и гранулометрическим составом почвы, определяет верхние и нижние пределы плотности популяций в ФМС и их сезонную динамику. В то же время любое антропогенное воздействие, связанное с привнесением в экосистему дополнительных биогенных элементов, мгновенно сказывается на основных ко-

личественных и качественных характеристиках таких мобильных сообществ, как ФМС.

Чем более длительными становятся антропогенные воздействия, тем глубже закрепляются и стабилизируются изменения в ценопопуляциях фототрофных микроорганизмов. Сравнение эффекта применения минеральных удобрений на автотрофную популяцию после 1, 3 и 11 лет их воздействия показывает, что меняется групповая структура и видовое разнообразие, в первую

Таблица 1

Влияние способов обработки почвы и минеральных удобрений на видовой состав фототрофов

Способ обработки почвы	Число видов фототрофов		
	Без удобрений	N60P60K60	N120P120K120
Вспашка	23	18	15
Отвальное лущение	23	17	17
Плоскорезная	23	18	15

Таблица 2

Демографические характеристики наземных фототрофных микробных сообществ (ФМС) на 5-летнем стационаре при плоскорезной обработке почвы

Дозы удобрений	Фототрофное сообщество		
	Число видов	Численность клеток, млн/см^2	Биомасса, мг/см^2
(NPK)90	30	10,7	1,478
(NPK)120	25	12,6	1,946
(NPK)150	22	13,0	2,340

Таблица 3

Влияние длительного дифференцированного внесения минеральных удобрений на видовой состав фототрофной микрофлоры

Группы фототрофов	Число видов по вариантам					
	Контроль	N	Ca	CaN	NPK	CaNPK
Цианобактерии						
Безгетероцистные	–	–	3	2	1	3
Гетероцистные	–	–	3	2	1	2
Водоросли						
Зеленые	15	3	3	9	7	3
Желтозеленые	2	–	2	3	2	2
Диатомовые	–	–	1	1	–	2
Всего видов по вариантам	17	3	12	17	11	12
Реализуемость видового разнообразия, %	46	8	32	46	30	32

Таблица 4

Влияние свинца на видовое обилие альгофлоры дерново-подзолистой супесчаной почвы

Содержание Pb, мг/кг (ПДК)	1,09 (фоновое)	6 (1 ПДК)	60 (10 ПДК)	600 (100 ПДК)	6000 (1000 ПДК)
Количество видов водорослей	20	15	15	8	0

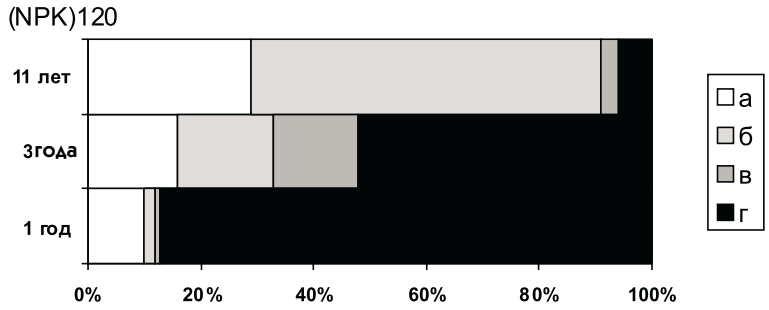


Рис. 1. Влияние длительности внесения минеральных удобрений
на структуру фототрофных микробных сообществ «цветения» почвы:
а – одноклеточные зеленые и желтозеленые водоросли,
б – нитчатые зеленые и желтозеленые водоросли, в – диатомеи, г – цианобактерии

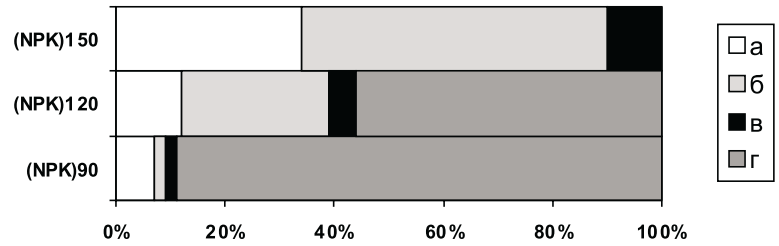


Рис. 2. Влияние возрастающих доз минеральных удобрений
на структуру наземных фототрофных микробных сообществ дерново-подзолистой почвы:
а – одноклеточные зеленые и желтозеленые водоросли,
б – нитчатые зеленые и желтозеленые, в – диатомеи, г – цианобактерии

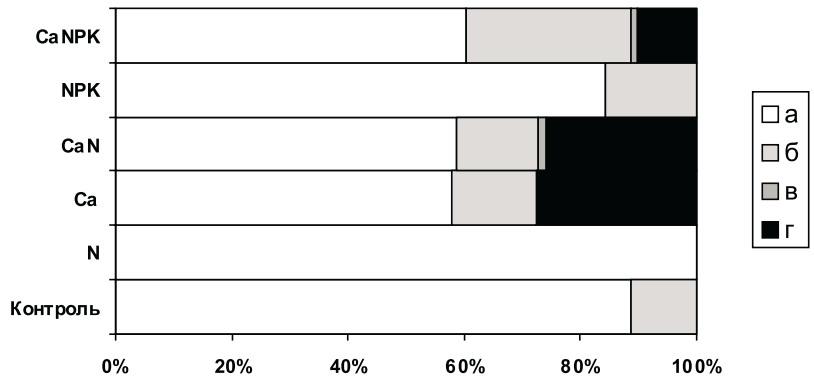


Рис. 3. Групповой состав фототрофных микроорганизмов при «цветении» почвы
на 30-летнем стационаре (% от численности клеток):
а – одноклеточные зеленые водоросли, б – нитчатые зеленые,
в – диатомеи, г – цианобактерии

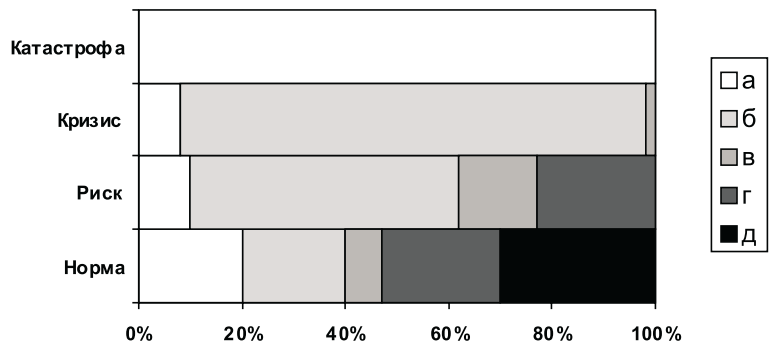


Рис. 4. Индикаторная шкала оценки биологического состояния почвы по ее «цветению»:
а – одноклеточные зеленые и желтозеленые водоросли,
б – нитчатые зеленые и желтозеленые водоросли, в – диатомеи,
г – безгетероцистные цианобактерии, д – гетероцистные цианобактерии

очередь, за счет репрессии цианобактерий (рис. 1).

Групповая структура и видовое разнообразие ФМС меняются и при применении возрастающих доз азотных удобрений, что демонстрируют результаты опытов на дерново-подзолистой почве в Кировской области (рис. 2).

При очень длительных воздействиях на почвенную микрофлору только минеральных удобрений (30-летний стационар) ФМС переживают дигрессию, переходящую в отдельных случаях в катаценоз (рис. 3, вариант N). Ежегодное внесение азота в дозе 147 кг/га привело к монофикации ФМС на уровне трех видов одноклеточных зеленых водорослей. Истощение почвы в контрольном (неудобренном) варианте, повышенная кислотность блокируют размножение цианобактерий. Только известкование почвы способствует наиболее полной реализации видового и группового потенциалов фототрофов.

Используя групповой анализ наземных разрастаний, можно судить о биологическом благополучии почв по следующим показателям.

1. Полночленность фототрофной микробной ассоциации на поверхности почвы с наличием всех эколого-морфологических групп фототрофов: одноклеточные зеленые и желтозеленые водоросли, нитчатые зеленые и желтозеленые водоросли, диатомеи, безгетероцистные и гетероцистные цианобактерии.

2. Относительно равномерное процентное соотношение различных группировок.

3. Видовое разнообразие, которое легко установить по форме клеток любому специалисту – ботанику, микробиологу, почвоведу, агроному.

Почву, на поверхности которой в конце вегетационного сезона развиваются подобные ФМС, можно считать пребывающей в состоянии, в современной прикладной экологии оцениваемом как «норма» (рис. 4).

О надвигающемся биологическом неблагополучии почвы свидетельствует тот факт, что в составе ФМС начинает явно доминировать какая-то группировка, причем в любой срок наблюдения именно эта группировка остается преобладающей. Можно предполагать, что почва вступает в зону «риска».

Исчезновение из наземных ФМС азотфиксирующих цианобактерий, важнейшей группы для природного азотного баланса почвы, – признак надвигающегося «кризиса».

Унификация видового состава сообщества на уровне немногих видов одноклеточных зеленых водорослей – показатель накопления почвой фитотоксических свойств, делающих ее непригодной для высшего растения, т. е. явное состояние «катастрофы».

Характеристика альгомикологических комплексов. Водоросли и грибы – постоянные компоненты почвенной микробиоты, занимающие полярное положение в трофических цепях. Уровень развития водорослей (численность и биомасса) характеризует интенсивность первичного продукционного процесса и, следовательно, объем поступающего в почву свежего органического вещества, ценность которого не только в легкой доступности для представителей микро- и мезофауны, но и в высокой степени оборачиваемости. Доказано [3], что в почвенных ценозах, как и в водных экосистемах, продукция водорослей многократно превышает размеры одномоментной биомассы. Поэтому пищевая пирамида, в основе которой лежат почвенные микрофототрофы, как и в водной среде, является перевернутой и обеспечивает пищей значительный круг консументов. Кроме того, прижизненные выделения водорослей и отмершие клетки легко подвергаются минерализации в результате деятельности бактерий и грибов, обеспечивая быстрый возврат в почву биогенных элементов.

Степень накопления грибной биомассы (в первую очередь, мицелиальной), с одной стороны, характеризует интенсивность редукционных процессов, с другой стороны, косвенным образом свидетельствует о процессах гумификации. Поэтому запасы водорослево-грибной биомассы – весомый показатель биологической активности почвы.

Исследования, проведенные в 2004–2005 гг., по одновременному параллельному определению количественных параметров альгомикологических комплексов некоторых луговых и лесных почв Кировской области показали, что различные типы почв резко различаются по таким количественным характеристикам, как биомасса и численность клеток водорослей, биомасса и длина мицелия микромицетов [4]. Исследуемые нами почвы относятся к нескольким типам. На лесных участках распространены подзолистые песчаные (Пп) и супесчаные (Пу) почвы, на луговых – дерново-подзолистые супесчаные ($П^{п}у$), суглинистые ($П^{А}с$) и аллювиальные среднесуглинистые (А) почвы, на участках с избыточным увлажнением – торфяно-подзолисто-глеевые ($П^{б}$) и дерновые оглеенные ($Д^{г}$) почвы. На лесных почвах встречаются следующие растительные ассоциации: березово-сосновые, елово-березово-сосновые, березняки. В составе луговой растительности преобладает полевица тонкая *(Agrostis vulgaris With)*, полевица гигантская (*Agrostis gigantea Roth*), лютик едкий (*Ranunculus acris L.)*, тимофеевка луговая *(Phleum pratense L.)* и ежа сборная *(Dactylis glomerata L.)*, на переувлажненных участках – лабазник вязолистный *(Filipendula ulmaria Maxim.)*, вербейник обыкновенный *(Lysimachia vulgaris L.)* и осоки *(Carex)*.

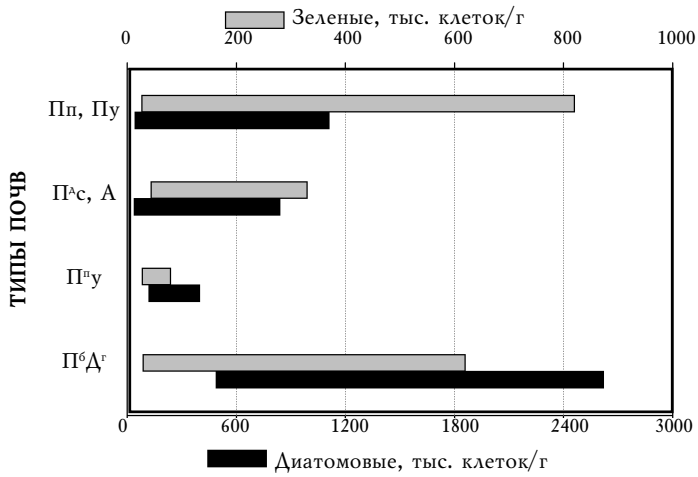


Рис. 5. Пределы колебаний численности водорослей в почве в окрестностях объекта хранения химического оружия: Пп – подзолистые песчаные, Пу – подзолистые супесчаные, ПАс – дерново-подзолистые среднесуглинистые, А – аллювиальные среднесуглинистые, Ппу – дерново-подзолистые супесчаные, П6 – торфяно-подзолисто-глеевые, Дг – дерновые оглеенные

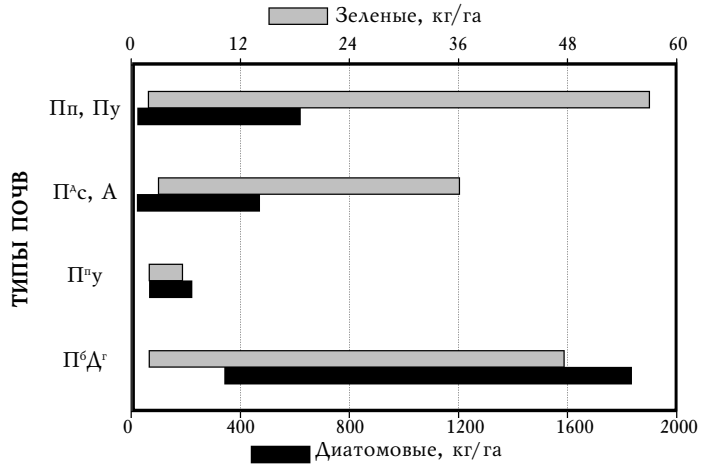


Рис. 6. Пределы колебаний биомассы водорослей в окрестностях ОУХО (Обозначения типов почв такие же, как на рис. 5.)

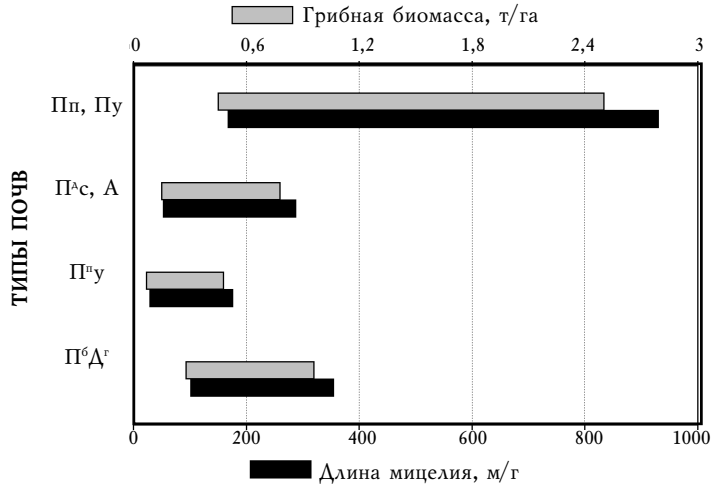


Рис. 7. Пределы колебаний грибной биомассы и длины мицелия в почвах в окрестностях ОУХО (Обозначения типов почв такие же, как на рис. 5.)

Изучение количественного состава альгофлоры прямым микроскопическим методом показало, что в период исследования численность зеленых одноклеточных водорослей колебалась в широких пределах (рис. 5). При этом максимальный размах колебаний численности зеленых водорослей отмечен для подзолистых песчаных и супесчаных почв – от 27 до 820 тыс. клеток/г, т. е. в 30 раз. Значителен этот показатель (в 24 раза) в болотной и дерново-глеевой почвах и очень мал в дерново-подзолистой суглинистой и аллювиальной дерновой почвах (в 2,6 раза). В последней почве отмечены минимальные показатели численности и биомассы зеленых водорослей (рис. 5, 6). В целом биомасса зеленых водорослей незначительна, не превышает 50 кг/га, но при этом может играть существенную роль в питании почвенных беспозвоночных вследствие высокой скорости обновления [6]. Гораздо весомее вклад в биомассу фототрофов диатомовых водорослей. При численности клеток 2,6 млн/г их биомасса достигает 1,8 т/га (рис. 5, 6). Максимальный размах амплитуды колебаний численности диатомей так же, как и у зеленых водорослей, наблюдается в подзолистых песчаных и супесчаных почвах (в 25 раз), значителен в дерново-подзолистой супесчаной (21 раз) и невелик для дерново-подзолистой суглинистой и дерново-глеевой почв – в 3,3 и 5,3 раза соответственно. Именно за счет диатомей суммарные запасы альгобиомассы в некоторых почвах сопоставимы с грибными и даже могут их превосходить (рис. 6, 7). Наличие фотосинтезирующего компонента в микробиоте изученных почв обеспечивает высокую скорость продукционных процессов, быструю обновляемость живой биомассы продуцентов за счет высокой скорости размножения и активизацию жизнедеятельности представителей сапро- и биотрофных комплексов педобионтов. Такая важная группировка фототрофов, как цианобактерии, практически не встречается при прямом количественном учете. Однако в лабораторных микрокосмах именно эти микроорганизмы часто доминируют на финальных стадиях аутогенной сукцессии. Вероятно, наличие цианобактерий в микробном банке луговых и лесных почв значительно повышает адаптационный потенциал почв при различных стрессовых воздействиях, в том числе и при накоплении мышьяка и ТМ.

Весомый вклад в протекание почвенных процессов вносят и такие постоянные обитатели почв, как микромицеты. Оказалось, что характер их развития отчетливо коррелирует и с типом по-

Таблица 5

Влияние свинца на соотношение грибов и водорослей в структуре наземных популяций (%)

Pb	1 ПДК	10 ПДК	100 ПДК	1000 ПДК
Грибы	30,4	58,5	70,5	100
Водоросли	69,6	41,5	29,5	0

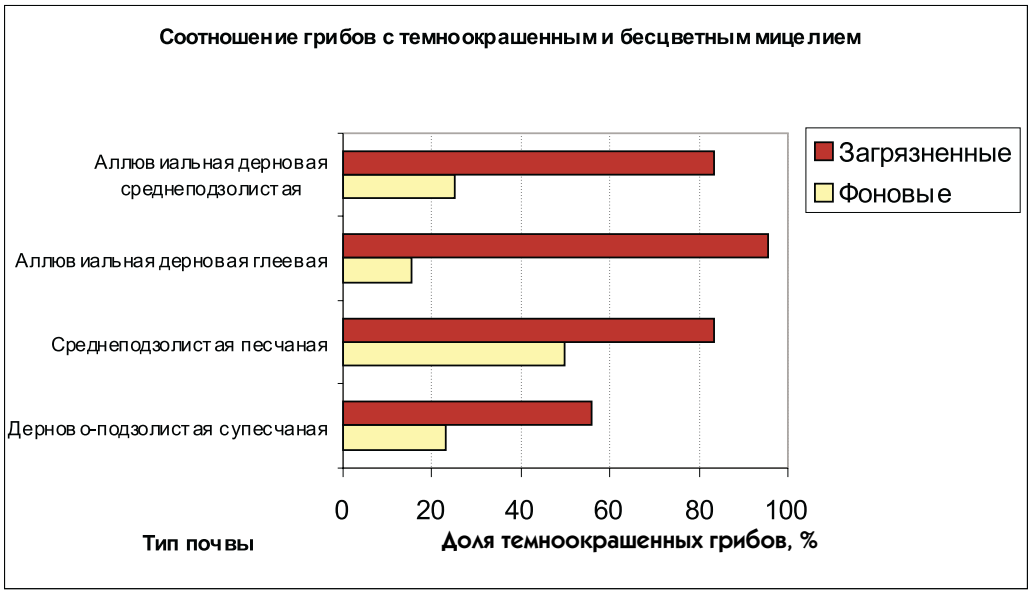


Рис. 8. Соотношение грибов с темноокрашенным и бесцветным мицелием в фоновых и загрязненных почвах

чвы, и с типом растительной ассоциации. О степени активности грибов можно судить по длине мицелия. Максимальной величины (до 930 м/г) этот показатель достигает в подзолистых почвах под лесными фитоценозами с биомассой до 2,5 т/га (рис. 7). Грибы как ацидотолерантные микроорганизмы легко размножаются при кислой реакции среды. За счет выделения экзоферментов микромицеты активно гидролизуют трудноразлагаемые компоненты древесного опада (лигнин, ксиланы, целлюлозу). В луговых фитоценозах на дерново-подзолистых почвах легкого гранулометрического состава характер разложения растительного опада существенно отличается. Доминантами гидролитических процессов являются миксобактерии и актиномицеты, вытесняя грибы с лидирующих позиций как гидролитиков. Поэтому длина грибного мицелия значительно короче. В болотно-подзолистой и дерново-глеевой почвах также наблюдается замедление развития грибов. В данных почвах длина грибного мицелия не превышает 300 м/г, а минимальные показатели – 29–53 м/г почвы (рис. 7). Различия в запасах микобиомассы (см. рис. 8) были существенны по типам почвы, но в пределах одного типа амплитуда колебаний значений биомассы была не столь велика, как у водорослей, и лежала в пределах 5,2–6,8 раз, тогда как для водорослей этот показатель был 25–30 раз.

Судя по всему, грибная флора является более стабильным и консервативным компонентом почвенной микробиоты, чем альгофлора. Скорости ответных реакций грибной биомассы на изменение экологических условий более замедленны, чем у водорослей. Так, временной интервал резкого изменения в несколько раз биомассы водорослей при изменении погодных условий или под влиянием антропогенных факторов может составлять всего сутки [2]. В то же время значительные изменения грибной биомассы в сторону нарастания мицелия или его уменьшения за счет лизиса и перехода к спорообразованию наблюдаются лишь через несколько месяцев после воздействия [5].

Таким образом, выявление в исследуемых почвах значительных запасов микробной биомассы (до нескольких тонн на 1 га) позволяет считать, что альгомикологические комплексы играют существенную роль в процессах биотической саморегуляции почвы. Однако на степень развития водорослей и грибов оказывает влияние не только тип почвы и характер растительного опада, но и степень загрязнения почвы ксенобиотиками.

Например, анализ соотношения компонентов наземного фототрофно-гетеротрофного комплекса в лабораторных микрокосмах показывает, что с повышением степени загрязнения почвы таким поллютантом, как свинец, в структуре сообщества неуклонно увеличивается доля почвенных грибов с параллельным сокращением доли водорослей, вплоть до полного их исчезновения при 1000 ПДК (табл. 5).

Микологический анализ. Феномен аккумуляции меланинсодержащих грибов неоднократно отмечался для городских почв – урбаноземов, а также для почв техногенных территорий. Полагают, что увеличение доли темноокрашенных грибов может быть связано с известной устойчивостью некоторых видов к ряду загрязнений: радиация, ТМ и др. [6–10] Полагают, что пигменты меланины являются соединениями, способствующими повышению выживаемости организмов в экстремальных условиях за счет способности к детоксикации ядовитых соединений [11–13]. Определение содержания темноокрашенных грибов фоновых и загрязненных территорий вблизи объекта хранения химического оружия (Оричевский район) выявило следующую картину (рис. 8). В загрязненных почвах представительство темноокрашенных грибов превышает 50%, причем для некоторых почв существенно, достигая 95,7% в аллювиальной дерновой глеевой почве. Наши результаты согласуются с литературными данными, согласно которым в загрязненных почвах обилие темноокрашенных грибов на 15–30% больше, чем в фоновых [5]. Выявленные нами показатели существенно выше литературных данных.

Сукцессионный анализ. Под сукцессией наземных ФМС можно понимать последовательную их смену, в ходе которой возникающие новые сообщества отличаются другим видовым составом, разными количественными соотношениями фототрофных группировок и разными доминантами. Ежегодно повторяющееся заселение поверхности перепаханной почвы водорослями и цианобактериями из имеющегося в почве пула клеток – пример типичной вторичной сукцессии. В ходе ее происходит временное развитие альгоцианобактериального ценоза, т. е. сезонная сукцессия. Типичный ход такой сукцессии легко моделируется простым увлажнением исследуемой почвы и выдерживанием ее на свету.

Совокупность примененных нами методов позволила выделить в развитии сообществ при «цветении» почвы 4 сериальные стадии.

1. Независимое развитие видов друг от друга, фактический нейтрализм, что наблюдается на обнаженной, увлажненной почве, представляющей для данной группы фототрофов своеобразный экологический вакуум. Становление наземного сообщества происходит за счет внутрипочвенного пула клеток. Интенсивность и скорость формирования ФМС определяется и прогнозируется величиной этого пула. Чем больше запас клеток в почве, тем с большей скоростью нарастает плотность клеток в наземных ФМС. При искусственном разрушении пленок и инициации

«цветения» такой почвы в модельных опытах его можно наблюдать уже через сутки.

2. По мере размножения клеток и их пространственного сближения сначала проявляется эффект взаимного стимулирования группировок, что может быть связано с рядом причин: предоставлением «убежища» для одноклеточных, выделением экзометаболитов, содержащих как питательные вещества, так и стимуляторы роста. Это стадия высокой сопряженности в развитии группировок и видов.

3. С возрастанием интенсивности физических и метаболических (биохимических) контактов водорослей и цианобактерий друг с другом растет напряженность конкурентных отношений. Выделяемые организмами метаболиты практически мгновенно действуют на партнеров, поэтому сообщество с высокой сопряженностью видов и группировок недолговечно. Происходит дифференциация экологических ниш группировок, что обеспечивает становление и стабилизацию сообщества на определенном уровне видового насыщения. Наблюдаемая на 3-й стадии структура ФМС соответствует модели геометрического распределения обилия видов.

4. Верхний предел развития популяций может определяться перекрыванием экологических ниш из-за дальнейшего нарастания биомассы сообщества за счет абсолютного доминирования одного или немногих видов. Снижается видовое разнообразие и, вероятно, вследствие этого уменьшается прочность сообщества [14], которое достигает своей климаксовой стадии и разрушается. На его месте возникает новое сообщество, с новыми доминантами. Происходят повторяющиеся сезонные сукцессии, в ходе которых компоненты наземных ФМС распределены в пространстве и во времени с определенной закономерностью.

Такая временная гетерогенность способствует периодическому процветанию в различные сроки различных групп водорослей и цианобактерий за счет изменения их конкурентных преимуществ. Эти преимущества возникают в ходе неравномерного потребления из почвы элементов минерального питания высшим растением, что приводит в конечном итоге к осенней вспышке размножения цианобактерий, не чувствительных к нехватке азота. Используемые минеральные и органические удобрения меняют баланс питательных веществ в почве, изменяя циклический ход сезонной сукцессии [15].

Хотя в природных условиях ход сукцессий возобновляется ежегодно, любой из этапов может быть сжат, растянут или ликвидирован совсем при действии возбуждающих факторов, к которым в экосистемах относятся различные агрохимикаты и поллютанты.

Серии проведенных нами модельных опытов, в которых в качестве токсикантов рассматривались повышенные концентрации мышьяка, свинца и метилфосфоновой кислоты, позволяют выявить особенности действия загрязняющих веществ на функционирование микробных сообществ почвы на различных стадиях сукцессии.

Так, повышенная концентрация мышьяка в почве стимулирует размножение одноклеточных зелёных водорослей, сокращает время их генерации, увеличивает удельную скорость роста, меняет характер сукцессии. Однако наряду с активацией размножения фототрофных микроорганизмов на пионерных стадиях развития ФМС As провоцирует массовое размножение в почве опасных фитопатогенных грибов р. *Fusarium* (до 200 тыс. макроконидий/см^2), сопровождающееся повышенной активностью нематод (до 200 экземпляров/см^2). Фузариозно-нематодный комплекс обладает большой потенциальной опасностью для высших растений, создавая угрозу двойного поражения растений.

Одноклеточные зелёные водоросли являются наиболее стабильным компонентом ФМС на всех стадиях сукцессии. За 107 суток экспозиции было проведено 14-кратное определение количественных показателей альгофлоры. При этом минимальная численность водорослей (от 300 до 3500 клеток/см^2) с абсолютным доминированием р. *Coccomyxa* наблюдалась в контрольном варианте А-0, что является вполне характерной особенностью для почв лесных биогеоценозов [16].

Накопление As в почве полностью меняет характер динамики *Chlorophyta* и видовую структуру ФМС. Происходит постоянное возрастание численности и биомассы клеток зелёных водорослей с абсолютным доминированием видов *Chlamydomonas*, достигая к концу 3-го месяца инкубирования макроскопических разрастаний («цветение» почвы) с плотностью около 200 тыс. клеток/см^2).

Наиболее разнообразна микрофлора и микрофауна в варианте с максимальным содержанием мышьяка (35 ПДК). Стартовая экспансия фототрофов на поверхности почвы после её увлажнения начинается раньше, чем в других вариантах, достигая на 4-е сутки плотности клеток свыше 1000/см^2. Среди доминантов отмечены *Chlorobytrium paradoxum*, виды *Chlorella*, *Chlamydomonas*, *Chlorococcum*, *Coccomyxa*. Нитчатые зелёные (*Chlorhormidium flaccidum*) появляются на 20-е сутки, на 60-е сутки начинают размножаться цианобактерии (преимущественно *Phormidium autumnale*). В цианобактериальных пленках плотность клеток достигает 0,5 млн/см^2 к концу экспозиции. Способность цианобактерий размножаться подвижными гормогониями обеспечивает быструю колонизацию субстрата. По

мере освоения пространства нити цианобактерий становятся экологическими нишами, в которых происходит массовое размножение зелёных водорослей. Ранее было показано, что при формировании «цветения» почвы проявляется высокий уровень сопряженности в развитии зелёных водорослей и цианобактерий с коэффициентом ассоциативности Пирсона $r_4 = 0{,}542–0{,}680$ [2]. В климаксной стадии текстура сообщества напоминает лишайниковоподобную «псевдоткань», в формировании которой, помимо цианобактерий и водорослей, принимают участие гифы грибов. Древность происхождения цианобактерий, способность выживать в экстремальных условиях и возможность захвата разнообразных экологических ниш в современной биосфере часто приводят к цианобактериальной экспансии там, где нерегулируемое вмешательство человека нарушает нормальное функционирование экосистем [17].

Дальнейшая расшифровка структуры и механизмов работы микробных сообществ химически загрязнённых почв позволит подойти к вопросу об экологической оценке адаптационных возможностей почвы.

На ход аутогенных сукцессий в фототрофных микробных сообществах влияет и такой чрезвычайно опасный и очень распространенный полютант, как свинец.

Интересен ход альго-микологических сукцессий, протекающих в данной почве (см. табл. 6). Так, в ходе сукцессии происходит неуклонное снижение длины грибного мицелия во всех вариантах. При этом на всех ее этапах максимальной остается длина мицелия при 6000 мг/кг Pb. Вероятно, редукция грибного мицелия обусловлена отсутствием притока свежего органического вещества, необходимого для развития микромицетов, или возникновением антагонистических отношений с активно размножающимися фототрофами. Численность водорослей в почве с исходным содержанием свинца (20,73 мг/кг) постоянно возрастает, увеличиваясь за 2 недели с 25 клеток/см^2 до 1083, т. е. более чем в 40 раз. При концентрации свинца 60 мг/кг пик развития водорослей и цианобактерий совпадает с 11-ми сутками сукцессии. При 600 мг/кг Pb численность водорослей постоянно возрастает, а цианобактерии появляются только на 18-е сутки в максимальном для данного опыта количестве (свыше 4000 клеток/см^2). Максимум развития водорослей при максимальной концентрации свинца наблюдается на 11-е сутки.

Следовательно, в дерново-глеевой почве наиболее благоприятные условия для протекания сукцессии складываются для фототрофных микроорганизмов. Именно фототрофы, в первую оче-

Таблица 6

Изменение хода микробной сукцессии в дерново-глеевой почве под влиянием свинца

Pb, мг/кг	Длина мицелия, мм/см^2, сутки с начала опыта			Численность фототрофов, клеток/см^2, сутки с начала опыта		
	5	11	18	5	11	18
20,73	65,5	38,4	14,6	25	587	1083
60	19,0	14,8	11,8	19	325/362*	67/150*
600	37,8	40,0	6,7	19	75	141/4033*
6000	912,0	213,3	53,9	12	112	15

Примечание. * в знаменателе – численность цианобактерий.

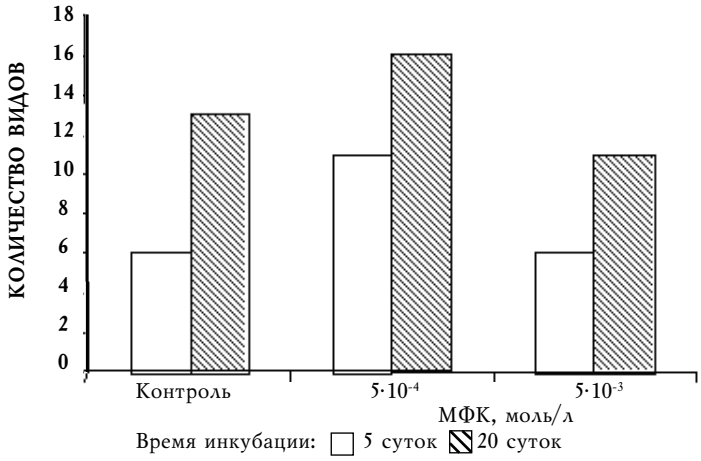


Рис. 9. Влияние МФК на видовое разнообразие альгоценозов

редь цианобактерии, интересуют нас в качестве биосорбентов свинца. На сегодняшний день набор стратегий для удаления Pb из почвы ограничен. Полагают, что детоксикация среды может быть достигнута при использовании соответствующих микроорганизмов, способных сделать Pb бионедоступным [13]. Первой ступенью подобных методов биоочистки становится выявление штаммов бактерий, способных модифицировать загрязнитель. Вторая ступень – обнаружение среди обитающих микроорганизмов на участках, загрязненных свинцом, устойчивых изолятов. Наши опыты показывают, что наиболее устойчивыми формами микроорганизмов в лесных почвах являются цианобактерии рода *Phormidium* и грибы рода *Fusarium*, которые легко выдерживают высокие концентрации свинца как в почве, так и на жидких питательных средах.

На ход аутогенных сукцессий влияет такой ксенобиотик, как метилфосфоновая кислота (МФК), которая образуется при деструкции метилфосфонатов, входящих в состав фосфорорганических отравляющих веществ [18].

Наиболее полное видовое обилие фототрофов выявлено при предварительных длительных сроках инкубации почвы с МФК (рис. 9).

При этом МФК в малых концентрациях стимулирует реализацию видового потенциала водорослей при любых сроках инкубации. По видовому разнообразию в исследованной почве преобладают цианобактерии. Особенно многочисленны представители р.р. *Phormidium* и *Leptolyngbya*, которые в массе развиваются в почвах и при повышенных концентрациях таких поллютантов, как As и Pb [16, 19]. Наибольшее видовое обилие *Cyanophyta* характерно для варианта МФК $5 \cdot 10^{-4}$ моль/л (инкубация 20 дней). Для *Bacillariophyta* характерны типичные представители р.р. *Navicula, Hantzschia, Pinnularia*. Среди *Chlorophyta* преобладают р.р. *Chlamydomonas* и *Coccomyxa*. Совсем не встречаются представители отдела *Xanthophyta*. Согласно литературным данным [1] и нашим наблюдениям, желтозеленые водоросли наиболее чувствительны к загрязнению, их отсутствие указывает на токсичность почвы.

Высокая отзывчивость фототрофов, особенно цианобактерий, на повышенные концентрации МФК и удлиненные сроки инкубации ее в почве, по-видимому, связана с деятельностью почвенных бактерий, производящих гидролиз МФК с выделением неорганического фосфора. Цианобактерии, особенно азотфиксаторы, являясь независимыми в своем развитии от наличия минерального азота, особенно требовательны к обеспечению фосфором. Поэтому возрастание численности цианобактерий азотфиксаторов в варианте с МФК $5 \cdot 10^{-3}$ моль/л свидетельствует о повышении содержания доступного неорганического фосфора. Через 3 месяца культивирования отмечены макроскопические разрастания цианобактерий: *Leptolyngbya foviolarum*, *Leptolyngbya henningsii*, *Anabena variabilis*, *Anabena sphaerica f. conoidea*, *Cylindrospermum muscicola*, *Nostoc punctiforme*, *Nostoc paludosum*, *Nostoc muscorum*, *Calothrix elenkinii* и др.

Таким образом, в отличие от других ксенобиотиков, провоцирующих массовое размножение грибов, МФК стимулирует развитие цианобактерий, в которых заканчивается цикл превращения МФК. В наших предыдущих работах массовое размножение цианобактерий в ходе аутогенной сукцессии отмечалось также в образцах почвы с повышенным содержанием As и Pb, отобранных на участке вблизи строящегося ОУХО. Поэтому в перспективе цианобактерии можно рассматривать в качестве агентов детоксикации химически загрязненных почв, отработав мероприятия по стимуляции их более интенсивного размножения в почве.

Выявление специфических микробных комплексов. Загрязнение провоцирует массовое размножение в почве опасных фитопатогенных грибов р. *Fusarium* (до 200 тыс. макроконидий/см^2), сопровождающееся повышенной активностью нематод (до 200 экземпляров/см^2). Фузариозно-нематодный комплекс обладает большой потенциальной опасностью для высших растений, создавая угрозу их двойного поражения.

Исследования, проведенные нами в 2003–2004 гг. показали, что фузариозная контаминация почвы характерна не только для агроценозов, но и для ксеноценозов, под которыми в данном случае мы понимаем почвы с повышенным содержанием таких ксенобиотиков, как As и Pb. Так, в почве с концентрацией As, превышающей ПДК в 35 раз, численность макроконидий *Fusarium sp.* доходит до 40000/г почвы.

Проверка данной почвы на фитотоксичность с использованием в качестве тест-объектов семян различных сельскохозяйственных культур показала, что гибель проростков ржи составила 20%, пшеницы – 50%, а ячменя – 32%, льна – 13% (табл. 10), а патокомплекс, помимо *Fusarium sp.*, включал представителей круглых червей – нематод семейства *Rhabditidae*, отряда *Rhabditida*. Подобный фузариозно-нематодный комплекс выделен также из почв с повышенным содержанием Pb. Микроскопирование невсхожих семян показало, что они полностью были покрыты мощным сетчатым чехлом, состоящим из мицелия и спор гриба и многочисленных нематод. Полный лизис пораженных семян происходил через 5–7 суток. Вероятно, имеются механизмы, объединяющие нематод и фузариев в комплексы даже в отсутствии высших растений. В этот пе-

Таблица 7

Антифузариозная активность почвенных цианобактерий

Вид гриба	Диаметр зон лизиса, мм		
	Nostoc paludosum	*Nostoc linckia*	Смесь цианобактерий
Fusarium culmorum	15	20	40
Fusarium nivale	15	25	20

Таблица 8

Влияние цианобактерий на мицелиальный рост *Fusarium culmorum* в почве, (мм/см^2)

Сутки с начала опыта	Контроль (*Fusarium culmorum*)	*Nostoc paludosum*	*Nostoc linckia*	*Microchaeta tenera*
1	0,65 ± 0,075	0,48 ± 0,023	0,62 ± 0,689	0
3	20,2 ± 4,100	0,14 ± 0,031	0,14 ± 0,027	0
7	> 5000	0	0	0

Таблица 9

Снижение фитопатогенных свойств *Fusarium nivale* по отношению к озимой ржи под влиянием цианобактерий (4-суточные проростки, лабораторный опыт)

Вариант	Количество пораженных растений, %	Длина корней, см	Высота проростков, см
Контроль (Fusarium nivale)	95	0,88	0,21
Nostoc paludosum	37	5,74	1,24
Nostoc linckia	15	6,67	0,98
Microchaeta tenera	45	5,71	0,82

Таблица 10

Фитотестирование почвы с различным содержанием As

Содержание As	Всхожесть, %			
	Рожь	Ячмень	Пшеница	Лен
0,05 ПДК	90	65	100	100
10 ПДК	90	65	95	100
17 ПДК	93	65	90	93
35 ПДК	70	33	50	87

риод фузарии живут как сапрофиты, а нематоды – как микофаги. Появление семян провоцирует биотрофию гриба. Нематоды при этом могут играть роль инокуляторов при фузариозном заражении растений. Скорее всего, в подобных случаях происходит наложение химического токсикоза почвы на биологический. Гибель растений сопровождается одновременным массовым размножением фитопатогенов, увеличивая зараженность почвы. Следовательно, проблема антифузариозной детоксикации актуальна не только для агрогенных, но и для техногенных почв.

Другой характерной особенностью загрязненных почв является способность видов плесневых грибов аспергилла и пенициллa переходить к половому размножению с массовым образованием аскоспор, что характерно для экстремальных условий существования данных микромицетов.

Таким образом, выявление в почвах массовых фузарионо-нематодных комплексов и многочисленных аскоспор однозначно указывает на химический токсикоз почвы.

Использование современных технических и программных средств, в том числе геоинформационных систем, для информационного сопровождения мониторинга природных сред и объектов. Для информационного сопровождения подсистем мониторинга почв и растительности в лаборатории биомониторинга разработан комплекс программных средств, включающий базу данных по состоянию почв и растительности, геоинформационную систему и специальные про-

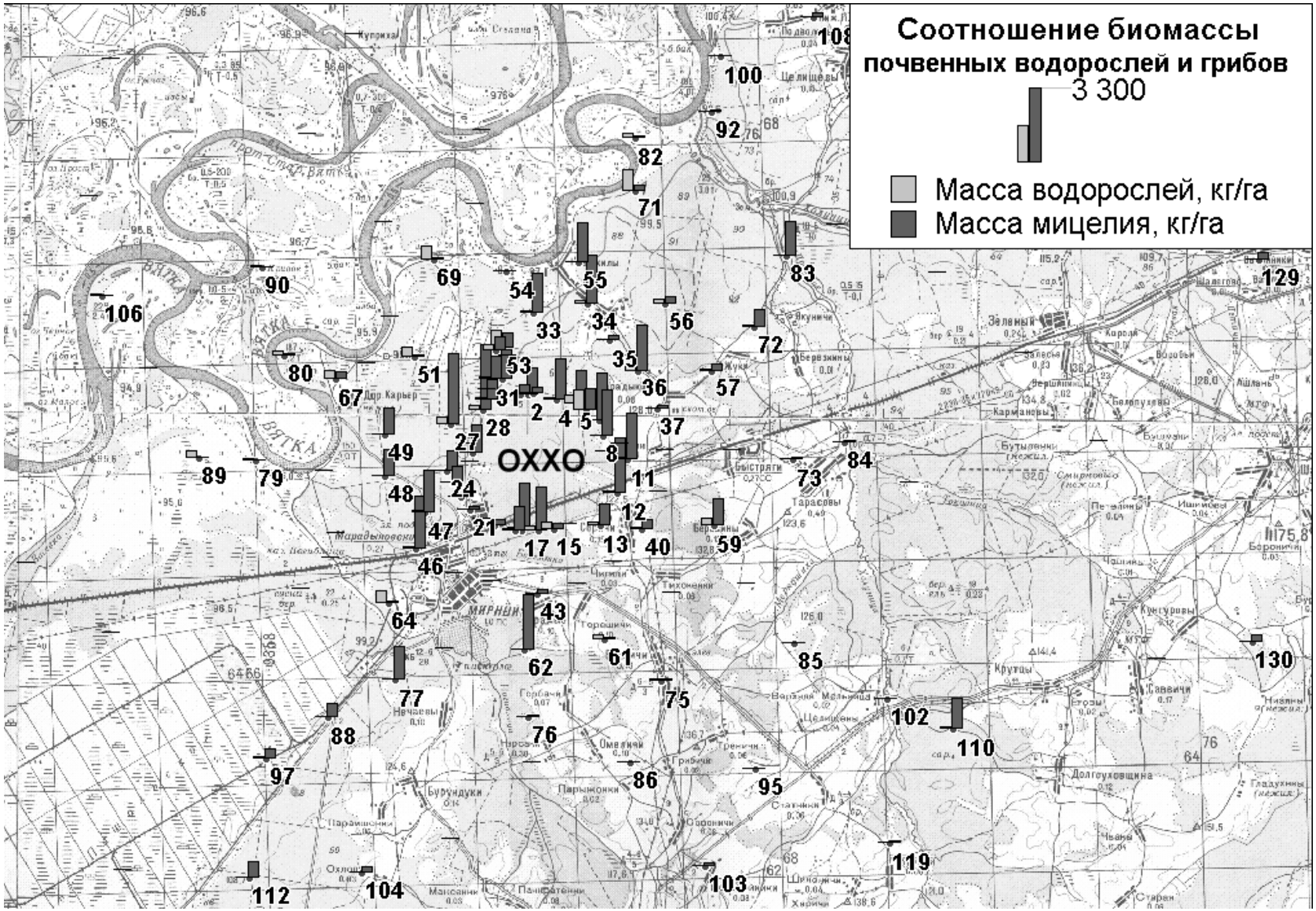


Рис. 10. Соотношение водорослевой и грибной биомассы в почвах территории зоны защитных мероприятий объекта хранения химического оружия (ОХХО). Масштаб 1:170 000

граммы для статистического анализа данных по фитоценотической структуре высшей растительности и почвенных микробоценозов [20, 21].

Впервые в 2005 г. был проведен анализ биологического состояния почвы вблизи объекта хранения химического оружия по показателям количественных параметров альгомикофлоры с использованием метода компьютерного картографирования [22]. Наложение результатов полученных при количественном учете данных групп микроорганизмов на карту зоны защитных мероприятий объекта хранения химического оружия выявило определенные закономерности в распределении биомассы водорослей и грибов (рис. 10).

Биотестирование

Биотестирование преследует две цели. С одной стороны, с помощью организмов-биотестеров можно найти достаточно эффективные приемы ограничения массового размножения фитопатогенов или биореставрации природных систем. С другой стороны, чувствительность организмов, применяемых для биотестирования, позволяет быстро и дешево установить химическое или биологическое неблагополучие исследуемых экосистем.

В наших работах систему биотестирования мы использовали для разработки методов подавления размножения фитопатогенных грибов, а также для определения уровня химической токсикации почвы и воды.

За объект исследования были взяты грибы рода *Fusarium*, которые являются очень опасными фитопатогенными и токсиногенными грибами [23]. До сегодняшнего дня чрезвычайно актуальны попытки найти оптимальные методы контроля за развитием данных грибов в природе. Первым этапом подобных разработок всегда служит система скрининга антагонистов среди природных штаммов микробов-антагонистов. Обычно серии таких исследований включают тестирование антифузариозной активности комбинаций из чистых культур патогена и антагониста на искусственных питательных средах, затем аналогичные исследования в почве на уровне микробных взаимодействий и далее – взаимодействия на уровне триотрофа: восприимчивое к патогену растение – сам патоген – микроб-антагонист. Выбрав в качестве микробов-антагонистов различные штаммы цианобактерий, мы получили убедительную картину принципиальной возможности использования цианобактерий как факторов подавления фузариозного развития (табл. 7), становления супрессивности почвы (табл. 8) и биоиндукторов растений (табл. 9).

Таким образом, система комплексного биотестирования антифузариозной активности цианобактерий доказала принципиальную возможность создания на их основе биопрепаратов, обладающих мощным фузариостатическим потенциалом, что было подтверждено и в полевых условиях при работе в лесных питомниках с сеянцами ели и сосны [2].

Биотестирование химического загрязнения почвы мы проводили, используя семена различных сельскохозяйственных культур. В данных биотестах также возможно использование многоуровневых испытаний. На первом этапе желательно определение наиболее чувствительных культур. С этой целью проводили определение всхожести семян различных растений в почве с различным уровнем содержания мышьяка (табл. 10). Результаты показывают, что из испытуемых растений желательными для биотестирования свойствами обладает пшеница, которая имеет 100% всхожести, но по мере увеличения концентрации мышьяка происходит резкое снижение этого показателя.

На втором этапе при выборе наиболее чувствительной культуры – пшеницы – была опробована модифицированная система комплексного тестирования состояния растений по показателям, которые в практике сельского хозяйства используются для оценки качества семян:

· жизнеспособность (определяется через 18 часов выдерживания в токсиканте);

· энергия прорастания (определяется процент проросших семян через трое суток);

· сила роста (определяется процент проростков высотой более 2,5 см через пять суток);

· гибель проростков на седьмые сутки (в растениеводстве в этот период для злаков определяют всхожесть).

В наших опытах в качестве ингибирующего фактора были выбраны растворы ацетата свинца разной концентрации и фитопатогенные грибы *Fusarium culmorum* с титром 650 000 грибных зачатков/мл. В качестве стабилизирующего агента выбрана цианобактерия *Nostok muscorum* с титром 2,5 млн клеток/ мл.

Полученные результаты показывают, что уже на уровне определения жизнеспособности семян намечается тенденция подавления развития растений, которая закрепляется по мере продолжительности воздействия токсикантов и возраста проростков (рис. 11).

Четверная система биотестирования на каждом этапе анализа (определение жизнеспособности (I), энергии прорастания (II), силы роста (III) и гибели проростков (IV) (рис. 11) четко выявляет следующие закономерности:

· резкое угнетение развития растений по мере увеличения концентрации поллютанта;

· усиление токсического действия на растения комбинации поллютанта и фитопатогена;

· снижение токсического действия поллютанта и токсиканта под влиянием предварительной цианобактериальной обработки семян.

Оздоровительный эффект цианобактерий проявляется и по отношению к другим поллютантам; так, антистрессорная способность цианобактерий была показана в опытах с образцами почв, отобранными вблизи объекта уничтожения химического оружия и содержащими повышенную концентрацию мышьяка. Предпосевная обработка семян пшеницы культурой *Nostoc paludosum* значительно повышала всхожесть растений (табл. 11).

Таким образом, полученные нами результаты, как и результаты других авторов, показывают, что микроорганизмы лучше адаптируются к нарастающему загрязнению почвы, чем высшие растения. Детоксикация химически загрязненных почв с помощью микроорганизмов признается в почвенной биотехнологии чрезвычайно привлекательной идеей. Мы полагаем, что одним из самых перспективных путей в направлении микробиологической ремедиации почв является создание биопрепаратов на основе цианобактерий или поиски путей активного размножения в почве их аборигенных штаммов.

Примечания

1. *Штина, Э. А.* Альгологический мониторинг почв [Текст] / Э. А. Штина, Г. М. Зенова, Н. А. Манучарова // Почвоведение. 1998. № 12. С. 1449–1461.

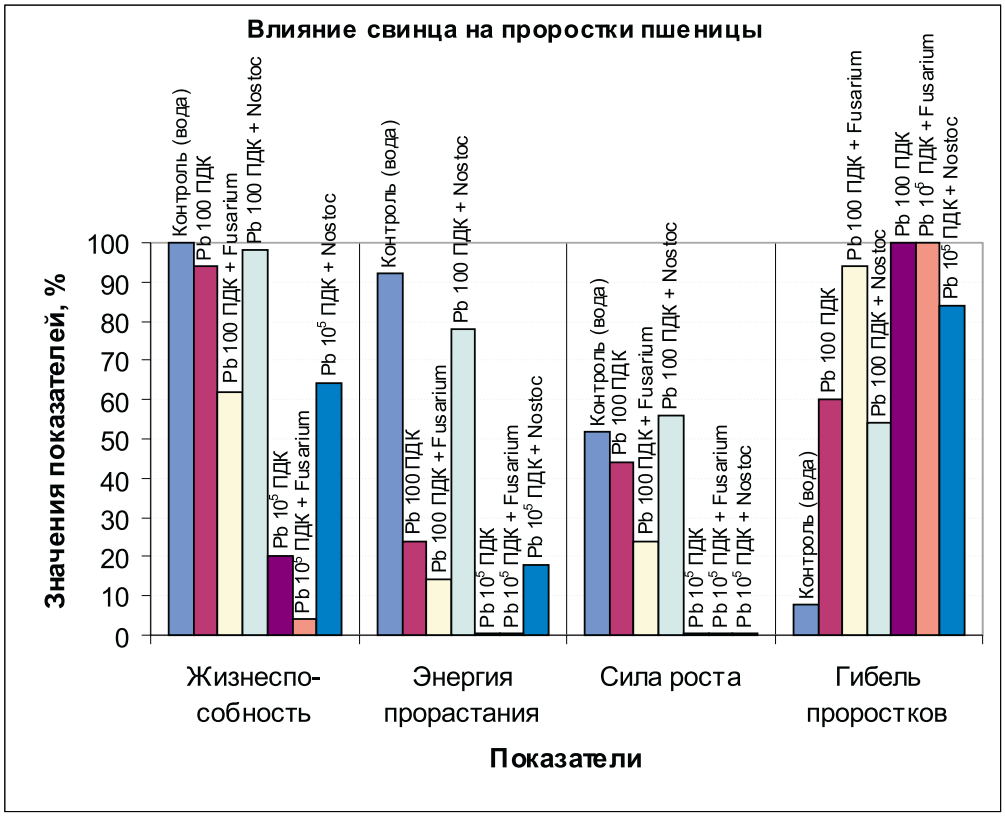


Рис. 11. Четверная система отображения уровня воздействия токсиканта (свинца, фитопатогенного гриба) на рост и развитие пшеницы

Таблица 11

Влияние цианобактериальной обработки на всхожесть семян пшеницы в образцах почвы, отобранных вблизи объекта хранения химического оружия

Содержание As, мг/кг	Всхожесть, %	
	Без цианобактериальной обработки	С цианобактериальной обработкой
2,04	70,0	73,3
2,26	23,3	40,0
3,44	30,0	60,0

2. *Домрачева, Л. И.* «Цветение» почвы и закономерности его развития [Текст] / Л. И. Домрачева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. 336 с.

3. *Домрачева, Л. И.* Динамика развития водорослей в дерново-подзолистой почве при ежесуточном определении [Текст] / Л. И. Домрачева // Закономерности развития почвенных микроорганизмов. Л., 1975. С. 38–51.

4. *Дабах, Е. В.* Характеристика микробной биомассы луговых и лесных почв [Текст] / Е. В. Дабах, Л. В. Кондакова, Л. И. Домрачева // Науковий вісник Чернівецького університету: збірник наукових праць. Вип. 257. Біологія. Чернівці: Рута, 2005. С. 61–66.

5. *Марфенина, О. Е.* Антропогенная экология почвенных грибов [Текст] / О. Е. Марфенина. М.: Медицина для всех, 2005. 196 с.

6. *Гузев, В. С.* Тяжелые металлы как фактор воздействия на микробную систему почвы [Текст] / В. С. Гузев, С. В. Левин, И. П. Бабьева // Экологическая роль микробных метаболитов. М.: МГУ, 1986. С. 82–104.

7. *Кулько, А. Б.* Распространение микроскопических грибов в придорожных зонах городских автомагистралей [Текст] / А. Б. Кулько, О. Е. Марфенина // Микробиология. 2001. Т. 70. № 5. С. 709–713.

8. *Кураков, А. В.* Изменение комплекса гетеротрофных микроорганизмов при загрязнении дерново-подзолистой почвы свинцом [Текст] / А. В. Кураков, Д. Г. Звягинцев, З. Филип // Почвоведение. 2000. № 12. С. 1448–1456.

9. *Ровбель, Н. М.* Связывание ионов меди грибными меланинами [Текст] / Н. М. Ровбель, И. А. Гончарова, А. Э. Томсон, В. Г. Бабицкая, С. В. Пармон // Микробиология и биотехнология на рубеже 21 столетия: м-лы междунар. конф. Минск, 2000. С. 79–80.

10. *Свистова, И. Д.* Стрессовая реакция мицелиальных микроорганизмов чернозема на автотранспортное загрязнение [Текст] / И. Д. Свистова, И. И. Корецкая, А. П. Щербаков // Научные чтения памяти профессора В. В. Стачинского. Смоленск, 2004. Вып. 4. С. 756–760.

11. *Bhattacharya, S.* Biosorption of heavy metals by Rhizopus arrhizus and Aspergillus niger [Text] / S. Bhattacharya, K. Pal Taran, A. Basumajumdar, A. K. Banik // J. Indian Chem. Soc, 2002. V. 79. № 9. P. 747–750.

12. *Chander, K.* Long-tern effects on soil microbial properties of heavy metals from industrialexhaust deposition [Text] / K. Chander, J. Dyckmans, H. Hoeper // J. Plant-Nutrit. Soil Sc., 2001. V. 164. № 6. P. 657–663.

13. *Gummersheimer, B. S.* Isentification of lead resistant bacteria from a heavily contaminated site [Text] / B. S. Gummersheimer, T. Gublin // Bios (USA). 2003. V. 74. № 2. P. 48–54.

14. *Пианка, Э.* Эволюционная экология [Текст] / Э. Пианка. М.: Мир, 1981. 400 с.

15. *Панкратова, Е. М.* Функционирование цианобактерий на пахотных почвах нечерноземной зоны [Текст] / Е. М. Панкратова, Л. И. Домрачева, Е. Н. Резник // Почвоведение. 1989. № 4. С. 75–81.

16. *Домрачева, Л. И.* Влияние мышьяка на почвенную микробиоту [Текст] / Л. И. Домрачева, Е. В. Дабах, Т. Я. Ашихмина // Актуальные проблемы экологического мониторинга: научный и образовательный аспекты: сб. м-лов Всерос. науч. шк., 13–15 нояб. 2003 г. Киров: ВятГГУ, 2003. Вып. 1. С. 139–142.

17. *Панкратова, Е. М.* Почвенные цианобактерии в прошлом Земли, их экологическая роль в настоящем и возможная в будущем [Текст] / Е. М. Панкратова // Экология и почвы. Пущино, 2001. С. 39–48.

18. *Кондакова, Л. В.* Инварианты организации фототрофных микробных сообществ дерново-подзолистой почвы при действии метилфосфоновой кислоты [Текст] / Л. В. Кондакова, Л. И. Домрачева, С. Ю. Огородникова, Т. Я. Ашихмина // Актуальные проблемы экологического мониторинга: научный и образовательный аспекты : сб. м-лов Всерос. науч. шк., 13–15 нояб. 2003 г. Киров: ВятГГУ, 2003. Вып. 1. С. 62–65.

19. *Kondakova, L. V.* Alga-mycological Complexes of Chemically Polluted Soil [Text] / L. V. Kondakova, L. I. Domracheva, A. I. Varacksina // Kaniv Nature Reserve, Kaniv. Ukraine, September 27–30, 2005. C. 42.

20. *Ашихмина, Т. Я.* Комплексный экологический мониторинг объектов хранения и уничтожения химического оружия [Текст] / Т. Я. Ашихмина. Киров: Вятка, 2002. 544 с.

21. *Кантор, Г. Я.* Разработка структуры информационно-аналитического обеспечения системы комплексного экологического мониторинга в районе размещения объектов по хранению и уничтожению химического оружия [Текст] : канд. дис. / Г. Я. Кантор. Киров, 2005. 128 с.

22. *Кантор, Г. Я.* Использование метода картографирования для оценки состояния водорослево-грибной микрофлоры в зоне защитных мероприятий объекта хранения химического оружия [Текст] / Г. Я. Кантор, Л. И. Домрачева, Е. В. Дабах, Т. Я. Ашихмина // Актуальные проблемы экологического мониторинга: научный и образовательный аспекты: сб. м-лов Всерос. науч. шк. 13–15 нояб. 2003 г. Киров: ВятГГУ, 2003. Вып. 1. С. 245–249.

23. *Домрачева, Л. И.* Фузарии: распространение, опасность, биологический контроль [Текст] / Л. И. Домрачева, Г. Я. Кантор // Вестник Института биологии. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2004. Вып. 11. С. 72–74.

С. И. Калинин

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ ОСНОВНЫХ ТЕОРЕМ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОГО ИСЧИСЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ НЕСКОЛЬКИХ ПЕРЕМЕННЫХ МЕТОДОМ КАРАТЕОДОРИ

В статье обсуждается вопрос доказательства некоторых теорем дифференциального исчисления функций нескольких переменных методом, основанным на использовании понятия функции, дифференцируемой по Каратеодори.

В работе [1] мы описали метод Каратеодори доказательства ряда основных теорем дифференциального исчисления вещественнозначных функций одной действительной переменной. Упоминаемый метод можно распространить и на случай рассмотрения соответствующих теорем дифференциального исчисления вещественнозначных функций нескольких действительных переменных. Отмеченному и посвящается настоящая работа.

1. Дифференцируемые функции нескольких переменных. Ниже из соображений простоты изложения вопроса условимся рассматривать лишь функции двух независимых переменных.

Пусть $z = f(x, y)$ – действительная функция независимых переменных x и y, определенная в некоторой окрестности

$$u(M_0) = \left\{(x;y): \sqrt{(x-x_0)^2 + (y-y_0)^2} < \delta, \delta > 0\right\}$$

точки $M_0(x_0; y_0)$. По аналогии с [1] введем понятия дифференцируемости функции f в точке M_0 по Коши и по Каратеодори.

Определение 1. Функция f *дифференцируема по Коши* в точке M_0, если на окрестности $u(M_0)$ этой точки имеет место представление

$$f(x,y) - f(x_0, y_0) =$$

$$= A(x-x_0) + B(y-y_0) + \alpha(x,y)(x-x_0) +$$

$$+ \beta(x,y)(y-y_0), \qquad (1)$$

где A и B – некоторые числа, $\alpha(x, y)$, $\beta(x, y)$ – бесконечно малые в точке M_0 функции.

Определение 2. Функцию f условимся называть дифференцируемой по Каратеодори в точке M_0, если существуют такие определенные на рассматриваемой окрестности $u(M_0)$ функции $\Phi(x, y)$ и $\Psi(x, y)$, непрерывные в самой точке M_0, что на $u(M_0)$ будет иметь место представление

$$f(x, y) - f(x_0, y_0) = \Phi(x, y)(x - x_0) + \Psi(x, y)(y - y_0). \qquad (2)$$

Справедлива следующая

Теорема А. *Понятия дифференцируемости функции f в точке M_0 по Коши и по Каратеодори – эквивалентные понятия, т. е. если функция f дифференцируема в точке M_0 по Коши, то она в этой точке дифференцируема и по Каратеодори, и наоборот.*

Доказательство. Пусть функция f в точке M_0 дифференцируема по Коши, т. е. выполняется (1). Тогда положим $\Phi(x, y) = A + \alpha(x, y)$, $\Psi(x, y) = B + \beta(x, y)$, при этом если функции α и β в точке M_0 не определены, то доопределим их по непрерывности значением 0. Функции Φ и Ψ будут непрерывными в точке M_0 и в самой этой точке будут принимать значения A и B соответственно. Представление (1) можно будет записать в виде (2), что означает дифференцируемость функции f в точке M_0 по Каратеодори.

Пусть теперь функция f дифференцируема в точке M_0 по Каратеодори, т. е. имеет место представление (2). В силу непрерывности функций Φ и Ψ в точке M_0 на окрестности $u(M_0)$ этой точки будут справедливы представления $\Phi(x, y) = \Phi(x_0, y_0) + \alpha(x, y)$, $\Psi(x, y) = \Psi(x_0, y_0) + \beta(x, y)$, где α и β – бесконечно малые в точке M_0 функции. Таким образом, (2) можно переписать так:

$$f(x, y) - f(x_0, y_0) = \Phi(x_0, y_0)(x - x_0) + \Psi(x_0, y_0)(y - y_0) + \alpha(x, y)(x - x_0) + \beta(x, y)(y - y_0).$$

Последнее представление имеет вид (1), дифференцируемость функции f в точке M_0 по Коши установлена. Теорема А доказана.

В силу рассмотренной теоремы тип дифференцируемости (по Коши или по Каратеодори) функции в точке можно не оговаривать.

2. Понятие частной производной Каратеодори. Ясно, что дифференцируемость функции f в точке M_0 по Коши влечет ее непрерывность в этой точке, а также существование частных производных $\frac{\partial f(x_0, y_0)}{\partial x}$, $\frac{\partial f(x_0, y_0)}{\partial y}$ функции f в точке M_0, при этом $\frac{\partial f(x_0, y_0)}{\partial x} = A$, $\frac{\partial f(x_0, y_0)}{\partial y} = B$, где A и B – константы в (1), характеризующие дифференцируемость функции f.

Пусть снова $z = f(x, y)$ – дифференцируемая в точке M_0 функция. Тогда для нее в окрестности M_0 будет выполняться представление (2). В этом представлении функцию $\Phi(x, y)$ условимся называть частной производной Каратеодори функции f в точке M_0 по первой переменной, а функцию $\Psi(x, y)$ – аналогичной производной по второй переменной. Введенные производные обозначим соответственно символами $\hat{f}_x$, $\hat{z}_x$,

КАЛИНИН Сергей Иванович – кандидат физико-математических наук, доцент по кафедре прикладной математики ВятГГУ

© Калинин С. И., 2006

$\hat{f}_x(x,y)$, $\hat{f}_{x,M_0}(x,y)$ (если следует акцентировать внимание на точке, в которой вычисляется частная производная по первой переменной), $\hat{f}_y$, $\hat{z}_y$, $\hat{f}_y(x,y)$, $\hat{f}_{y,M_0}(x,y)$.

Нетрудно видеть, что для дифференцируемой в точке M_0 функции f справедливы равенства $\frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial x} = \hat{f}_{x,M_0}(x_0,y_0)$, $\frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial y} = \hat{f}_{y,M_0}(x_0,y_0)$. Ясно также, что полный дифференциал $df(M_0)= \frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial x}\,dx + \frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial y}\,dy$ этой функции в точке M_0 может быть выражен через частные производные Каратеодори так: $df(M_0)= \hat{f}_{x,M_0}(x_0,y_0)dx + \hat{f}_{y,M_0}(x_0,y_0)dy$.

Попытаемся сформулировать геометрический смысл частных производных Каратеодори функции f.

Положим в (2) $y = y_0$. Тогда при $x \neq x_0$ будет справедливо соотношение $\hat{f}_{x,M_0}(x,y_0) = \frac{f(x,y_0)-f(x_0,y_0)}{x-x_0}$, которое позволяет заключить, что значение $\hat{f}_{x,M_0}(x,y_0)$ $(x \neq x_0)$ выражает тангенс угла наклона секущей кривой $\begin{cases} z = f(x,y) \\ x = x_0 \end{cases}$ $\begin{cases} z = f(x,y) \\ y = y_0 \end{cases}$, проходящей через точки $(x_0, y_0, f(M_0))$ и $(x, y_0, f(x, y_0))$, к плоскости xOy.

Аналогично интерпретируется величина $\hat{f}_{y,M_0}(x_0,y)$ $(y \neq y_0)$. Она выражает тангенс угла наклона секущей кривой , проходящей через точки $(x_0, y_0, f(M_0))$ и $(x_0, y, f(x_0, y))$, к плоскости xOy.

3. Производная сложной функции одной переменной. Пусть функции $x=\varphi(t)$, $y=\psi(t)$ определены на интервале l числовой прямой Ot, а функция $z = f(x, y)$ определена в некоторой области D плоскости переменных x, y, при этом для любого $t\in l$ выполняется условие $(x(t); y(t))\in D$. Тогда имеет смысл сложная функция $z = f(\varphi(t), \psi(t))$, $t\in l$. В отношении последней справедлива

Теорема 1. *Пусть функции $\varphi(t)$, $\psi(t)$ дифференцируемы в точке t_0, $t_0\in l$, а функция $f(x, y)$ дифференцируема в точке $M_0(x_0, y_0)$, где $x_0 = \varphi(t_0)$, $y_0 = \psi(t_0)$.* Тогда сложная функция $z = f(\varphi(t), \psi(t))$ *дифференцируема в точке t_0, при этом*

$$\frac{dz(t_0)}{dt} = \frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial x}\,\frac{d\varphi(t_0)}{dt} + \frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial y}\,\frac{d\psi(t_0)}{dt}. \quad (3)$$

Доказательство. Для $t\in l$ рассмотрим разность

$$z(t) - z(t_0) = f(\varphi(t), \psi(t)) - f(\varphi(t_0), \psi(t_0)).$$

В силу дифференцируемости функции $f(x, y)$ в точке M_0 ее в некоторой окрестности $u(t_0) \subset l$ можно представить так:

$$z(t) - z(t_0) = \hat{f}_{x,M_0}(\varphi(t),\psi(t))(\varphi(t)-\varphi(t_0)) + \hat{f}_{y,M_0}(\varphi(t),\psi(t))(\psi(t)-\psi(t_0)).$$

Так как функции $\varphi(t)$, $\psi(t)$ дифференцируемы в точке t_0, то

$$\varphi(t) - \varphi(t_0) = \hat{\varphi}_{t_0}(t)(t-t_0) ,$$

$$\psi(t) - \psi(t_0) = \hat{\psi}_{t_0}(t)(t-t_0) , \; t\in u(t_0).$$

Следовательно, имеем представление

$$z(t) - z(t_0) = \left(\hat{f}_{x,M_0}(\varphi(t),\psi(t))\hat{\varphi}_{t_0}(t) + \hat{f}_{y,M_0}(\varphi(t),\psi(t))\hat{\psi}_{t_0}(t)\right)(t-t_0) , \; t\in u(t_0).$$

В этом представлении, заметим, функция

$$g(t) = \hat{f}_{x,M_0}(\varphi(t),\psi(t))\hat{\varphi}_{t_0}(t) + \hat{f}_{y,M_0}(\varphi(t),\psi(t))\hat{\psi}_{t_0}(t)$$

есть непрерывная в точке t_0 функция, ибо $\hat{\varphi}_{t_0}(t)$, $\hat{\psi}_{t_0}(t)$ непрерывны как производные Каратеодори, а $\hat{f}_{x,M_0}(\varphi(t),\psi(t))$, $\hat{f}_{y,M_0}(\varphi(t),\psi(t))$ непрерывны по теореме о непрерывности сложной функции и по причине непрерывности частных производных Каратеодори $\hat{f}_{x,M_0}(x,y)$, $\hat{f}_{y,M_0}(x,y)$ в точке M_0. Значит, $g(t) = \hat{z}_{t_0}(t)$. Последнее говорит о дифференцируемости функции $z(t)$ в точке t_0.

Установим теперь формулу (3). Имеем:

$$\frac{dz(t_0)}{dt} = \hat{z}_{t_0}(t_0) = \hat{f}_{x,M_0}(\varphi(t_0),\psi(t_0))\hat{\varphi}_{t_0}(t_0) + \hat{f}_{y,M_0}(\varphi(t_0),\psi(t_0))\hat{\psi}_{t_0}(t_0) = \frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial x}\,\frac{d\varphi(t_0)}{dt} + \frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial y}\,\frac{d\psi(t_0)}{dt}.$$

Теорема доказана.

4. Частные производные сложной функции нескольких переменных. Рассмотрим следующий случай такой функции. Пусть функции $x = \varphi(u,v)$, $y = \psi(u,v)$ определены в некоторой области G плоскости переменных u, v, а функция $z = f(x, y)$ – в

области D изменения переменных x, y, при этом для любой точки $(u, v)\in G$ выполняется условие: точка $(\varphi(u, v); \psi(u, v))$ принадлежит D. Тогда на области G будет определена сложная функция $z = f(\varphi(u, v); \psi(u, v))$. Справедлива

Теорема 2. *Пусть функции φ и ψ в точке $P_0(u_0, v_0)$ обладают частными производными* $\frac{\partial\varphi(u_0,v_0)}{\partial u}$, $\frac{\partial\varphi(u_0,v_0)}{\partial v}$, $\frac{\partial\psi(u_0,v_0)}{\partial u}$, $\frac{\partial\psi(u_0,v_0)}{\partial v}$, *а функция $f(x, y)$ дифференцируема в точке $M_0(x_0, y_0)$, где $x_0 = \varphi(u_0, v_0)$, $y_0 = \psi(u_0, v_0)$. Тогда сложная функция $z = f(\varphi(u, v); \psi(u, v))$ в точке $P_0(u_0, v_0)$ также имеет частные производные, которые могут быть вычислены по формулам:*

$$\frac{\partial z(u_0,v_0)}{\partial u}=\frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial x}\frac{\partial\varphi(u_0,v_0)}{\partial u}+\frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial y}\frac{\partial\psi(u_0,v_0)}{\partial u}, \quad (4)$$

$$\frac{\partial z(u_0,v_0)}{\partial v}=\frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial x}\frac{\partial\varphi(u_0,v_0)}{\partial v}+\frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial y}\frac{\partial\psi(u_0,v_0)}{\partial v}. \quad (5)$$

Доказательство. Введем в рассмотрение разность

$$z(u,v_0)-z(u_0,v_0)=f\big(\varphi(u,v_0),\psi(u,v_0)\big)-$$
$$-f\big(\varphi(u_0,v_0),\psi(u_0,v_0)\big),\ (u,v_0)\in G.$$

Ее, в силу дифференцируемости функции f в точке M_0, на некотором интервале $(u_0-\varepsilon; u_0+\varepsilon)$ можно представить так:

$$z(u,v_0)-z(u_0,v_0)=$$
$$=\hat f_{x,M_0}\big(\varphi(u,v_0),\psi(u,v_0)\big)\big(\varphi(u,v_0)-\varphi(u_0,v_0)\big)+$$
$$+\hat f_{y,M_0}\big(\varphi(u,v_0),\psi(u,v_0)\big)\big(\psi(u,v_0)-\psi(u_0,v_0)\big). \quad (6)$$

Представление (6) порождает соотношение

$$\frac{z(u,v_0)-z(u_0,v_0)}{u-u_0}=$$
$$=\hat f_{x,M_0}\big(\varphi(u,v_0),\psi(u,v_0)\big)\frac{\varphi(u,v_0)-\varphi(u_0,v_0)}{u-u_0}+$$
$$+\hat f_{y,M_0}\big(\varphi(u,v_0),\psi(u,v_0)\big)\frac{\psi(u,v_0)-\psi(u_0,v_0)}{u-u_0}. \quad (7)$$

В (7) перейдем к пределу при $u\to u_0$, будем иметь:

$$\lim_{u\to u_0}\frac{z(u,v_0)-z(u_0,v_0)}{u-u_0}=$$
$$=\lim_{u\to u_0}\hat f_{x,M_0}\big(\varphi(u,v_0),\psi(u,v_0)\big)\cdot\lim_{u\to u_0}\frac{\varphi(u,v_0)-\varphi(u_0,v_0)}{u-u_0}+$$
$$+\lim_{u\to u_0}\hat f_{y,M_0}\big(\varphi(u,v_0),\psi(u,v_0)\big)\cdot\lim_{u\to u_0}\frac{\psi(u,v_0)-\psi(u_0,v_0)}{u-u_0}=$$
$$=\hat f_{x,M_0}\big(\varphi(u_0,v_0),\psi(u_0,v_0)\big)\frac{\partial\varphi(u_0,v_0)}{\partial u}+$$
$$+\hat f_{y,M_0}\big(\varphi(u_0,v_0),\psi(u_0,v_0)\big)\frac{\partial\psi(u_0,v_0)}{\partial u}=$$
$$=\frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial x}\frac{\partial\varphi(u_0,v_0)}{\partial u}+\frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial y}\frac{\partial\psi(u_0,v_0)}{\partial u}=\frac{\partial z(u_0,v_0)}{\partial u}$$

(при вычислении соответствующих пределов мы воспользовались условием существования в точке P_0 частных производных $\frac{\partial\varphi(u_0,v_0)}{\partial u}$, $\frac{\partial\psi(u_0,v_0)}{\partial u}$ функций φ *и* ψ и непрерывностью производных Каратеодори $\hat f_{x,M_0}$, $\hat f_{y,M_0}$ в точке M_0). Формула (4) установлена, (5) доказывается аналогично. Теорема доказана.

5. Достаточные условия существования производной по направлению. Справедлива

Теорема 3. *Пусть функция $z = f(x, y)$ определена в некоторой области D плоскости xOy и дифференцируема в точке $M_0(x_0; y_0)$ этой области. Тогда существует производная* $\frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial l}$ *по любому направлению, при этом последняя может быть вычислена по формуле*

$$\frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial l}=\frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial x}\cos\alpha+\frac{\partial f(x_0,y_0)}{\partial y}\cos\beta, \quad (8)$$

где $\cos\alpha$, $\cos\beta$ – направляющие косинусы направляющего вектора прямой l.

Доказательство. Пусть $M(x; y)$ – произвольная точка области D, принадлежащая l. Рассмотрим разность $\Delta_l f(x_0, y_0) = f(x, y) - f(x_0, y_0)$ – приращение функции f в точке $M_0(x_0; y_0)$ вдоль l. В силу дифференцируемости f в точке $M_0(x_0; y_0)$ она для точек $M(x; y)$, достаточно близких к $M_0(x_0; y_0)$, может быть представлена в виде

$$\Delta_l f(x_0,y_0)=\hat f_{x,M_0}\big(x,y)\big)(x-x_0)+$$
$$+\hat f_{y,M_0}\big(x,y)\big)(y-y_0),\ (x;y)\in l. \quad (9)$$

Обе части (9) поделим на алгебраическую проекцию $pr_l\overrightarrow{M_0M}$ вектора $\overrightarrow{M_0M}$ на направление прямой l, будем иметь:

$$\frac{\Delta_l f(x_0,y_0)}{pr_l\overrightarrow{M_0M}}=\hat f_{x,M_0}\big(x,y)\big)\frac{x-x_0}{pr_l\overrightarrow{M_0M}}+\hat f_{y,M_0}\big(x,y)\big)\frac{y-y_0}{pr_l\overrightarrow{M_0M}}. \quad (10)$$

Заметим, $\frac{x-x_0}{pr_l\overrightarrow{M_0M}}=\cos\alpha$, $\frac{y-y_0}{pr_l\overrightarrow{M_0M}}=\cos\beta$, следовательно, (10) можно переписать в виде

$$\frac{\Delta_l f(x_0,y_0)}{pr_l\overrightarrow{M_0M}}=\hat f_{x,M_0}\big(x,y)\big)\cos\alpha+\hat f_{y,M_0}\big(x,y)\big)\cos\beta. \quad (11)$$

В (11) перейдем к пределу при $M\to M_0$. Предельный переход обеспечивает и существование

производной $\frac{\partial f(x_0, y_0)}{\partial l}$, и справедливость формулы (8). Теорема доказана.

6. Вывод уравнения касательной плоскости к гладкой поверхности. Пусть функция $z = f(x, y)$ дифференцируема в точке $M_0(x_0; y_0)$. Обоснование того, что касательная плоскость к графику этой функции в точке $P_0(x_0, y_0, f(x_0; y_0))$ существует и имеет уравнение

$$z - z_0 = \frac{\partial f(x_0, y_0)}{\partial x}(x - x_0) + \frac{\partial f(x_0, y_0)}{\partial y}(y - y_0) \quad (12)$$

сводится (см., напр., [2, С. 173], [3, С. 385]) к доказательству соотношения

$$\lim_{\substack{x \to x_0 \\ y \to y_0}} \frac{f(x,y) - f(x_0, y_0) - f'_x(x,y)(x - x_0) - f'_y(x,y)(y - y_0)}{\sqrt{(x - x_0)^2 + (y - y_0)^2}} = 0. \quad (13)$$

Установим его следующим образом. Учитывая дифференцируемость функции f в точке $M_0(x_0; y_0)$ по Каратеодори, выражение под знаком предела в (13) можно переписать так:

$$\frac{f(x,y) - f(x_0, y_0) - f'_x(x,y)(x - x_0) - f'_y(x,y)(y - y_0)}{\sqrt{(x - x_0)^2 + (y - y_0)^2}} =$$
$$= \frac{\left(\hat{f}_{x,M_0}(x,y) - f'_x(x_0, y_0)\right)(x - x_0) - \left(\hat{f}_{y,M_0}(x,y) - f'_y(x_0, y_0)\right)(y - y_0)}{\sqrt{(x - x_0)^2 + (y - y_0)^2}}.$$

Поскольку величины $\frac{x - x_0}{\sqrt{(x - x_0)^2 + (y - y_0)^2}}$, $\frac{x - x_0}{\sqrt{(x - x_0)^2 + (y - y_0)^2}}$ ограничены, а $\hat{f}_{x,M_0}(x,y) \underset{\substack{x \to x_0 \\ y \to y_0}}{\to} f'_x(x_0, y_0)$, $\hat{f}_{y,M_0}(x,y) \underset{\substack{x \to x_0 \\ y \to y_0}}{\to} f'_y(x_0, y_0)$, то полученная дробь стремится к нулю при $x \to x_0$, $y \to y_0$ Это доказывает (13), а следовательно, (12) действительно есть уравнение касательной плоскости к поверхности $z = f(x; y)$ в точке P_0.

Заключение. Итак, мы рассмотрели определенное количество утверждений дифференциального исчисления действительных функций нескольких переменных, доказательство которых можно строить на использовании понятия дифференцируемости функции по Каратеодори. Описанный метод применим и при доказательстве некоторых других утверждений. Однако ради экономии места в данной работе упоминаемый материал мы не рассматриваем, предоставим возможность попытаться сделать это читателю.

Примечания

1. *Калинин, С. И.* Производная Каратеодори при изложении основ дифференциального исчисления функций одной переменной [Текст] / С. И. Калинин // Математический вестник педвузов Волго-Вят. региона. Вып. 4. Киров: Изд-во Вят. госпед. ун-та, 2002. С. 74–88.

2. *Уваренков, И. М.* Курс математического анализа [Текст] : учеб. пособие для физ.-мат. фак. пед. ин-тов / И. М. Уваренков, М. З. Маллер. Т. II. М.: Просвещение, 1976.

3. *Фихтенгольц, Г. М.* Курс дифференциального и интегрального исчисления [Текст] / Г. М. Фихтенгольц. Т. I. М.: Наука, 1966.

Т. Н. Кононова, В. И. Циркин, О. В. Тулякова, Е. В. Четверикова, Е. А. Жукова, С. И. Трухина

ИЗУЧЕНИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ СОДЕРЖАНИЕМ В ОРГАНИЗМЕ ЭНДОГЕННЫХ МОДУЛЯТОРОВ ХЕМОРЕАКТИВНОСТИ И УРОВНЕМ ПСИХИЧЕСКОГО И ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ У ПЕРВОКЛАССНИКОВ

В работе представлены данные о зависимости содержания в моче у детей эндогенных модуляторов хемореактивности от пола, уровня здоровья, гармоничности развития, зрительного восприятия, уровня внимания, степени адаптации к школе, успешности образовательной деятельности и типа темперамента.

Принятые в тексте сокращения: ВНД – высшая нервная деятельность, ВНС – вегетативная нервная система, ВПФ – высшие психические функции, ВСМ – визуально-структурное мышление, ЗВ – зрительное восприятие, ОД – образовательная деятельность, СА – сократительная активность, ЭБМХР – эндогенный блокатор М-холинорецепторов, ЭСБАР – эндогенный сенсибилизатор β-адренорецепторов.

Ранее было установлено [1, 2, 3, 4] наличие в организме человека эндогенных модуляторов прямого действия, в том числе эндогенного сен-

КОНОНОВА Татьяна Николаевна – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры экологии и методики обучения экологии ВятГГУ
ЦИРКИН Виктор Иванович – доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой нормальной физиологии КГМА
ТУЛЯКОВА Ольга Валерьевна – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры экологии и методики обучения экологии ВятГГУ
ЧЕТВЕРИКОВА Елена Валерьевна – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры медико-биологических дисциплин ВятГГУ
ЖУКОВА Евгения Александровна – кандидат биологических наук, ассистент кафедры нормальной физиологии КГМА
ТРУХИНА Светлана Ивановна – доцент, кандидат биологических наук, зав. кафедрой анатомии, физиологии человека и валеологии ВятГГУ
© Кононова Т. Н., Циркин В. И., Тулякова О. В., Четверикова Е. В., Жукова Е. А., Трухина С. И., 2006

сибилизатора β-адренорецепторов (ЭСБАР) и эндогенного блокатора М-холинорецепторов (ЭБМХР). Вопрос о взаимосвязи содержания ЭСБАР и ЭБМХР в организме здоровых детей с уровнем их физического и психического развития, а также с успешностью образовательной деятельности до настоящего времени не изучался. Исследование этого вопроса и было целью данной работы, которая проводилась в рамках межвузовской программы «Школьные трудности первоклассников как одна из причин снижения их здоровья – диагностика, распространенность, этиология, коррекция и профилактика» и при финансировании Министерства образования РФ в рамках конкурса грантов для поддержки научно-исследовательской работы аспирантов вузов (грант А03-2.12-835).

Объем и методы исследования

Обследовано 102 первоклассника четырех общеобразовательных школ города Кирова (№ 16, 20, 57 и 70). Физическое развитие ребенка (гармоничность, соматотип) оценивали по антропометрическим данным [5] и по центильным таблицам, составленным для детей г. Кирова [6]. Информацию о группе здоровья получали из медицинской карты ребенка (форма 026/у). Зрительное восприятие оценивали по методу M. Frostig (1966) в модификации М. М. Безруких и Л. В. Морозовой [7]; внимание (точность и скорость переработки зрительной информации) и наличие признаков синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) – по методу Тулуз-Пьерона в модификации Л. А. Ясюковой [8]; визуально-структурное мышление – по методу Равена в модификации Л. А. Ясюковой [9]; развитие речи и наличие школьных трудностей – по методике М. М. Безруких [10]; темперамент – по детскому варианту личностного опросника Г. Айзенка в модификации В. А. Худик [11]; успешность образовательной деятельности (ОД) за первый год обучения по письму чтению и математике – по общепринятому методу М. М. Безруких [10] на основе информации, представленной педагогами школы; мотивацию к обучению и степень адаптации к ОД – по методике Л. С. Лускановой [12]. На основе соответствующего признака (табл.) формировали группы, а в каждой из них – 2 или 3 подгруппы, причем для сравнительного анализа содержания ЭСБАР и ЭБМХР объем выборки в подгруппах стремились сделать одинаковым, ориентируясь на самую малочисленную подгруппу.

Содержание в моче ЭСБАР и ЭБМХР оценивали по методу В. И. Циркина и соавт. [1] на «миоцитографе», состоящем из механотрона 6МХ1С, самопишущего прибора Н-3020 и шприцевого дозатора, при 38°С и скорости перфузии раствора Кребса (в мМ – NaCl-136, KCl-4,7, $CaCl_2$-2,52, $MgCl_2$-1,2, KH_2PO_4-0,6, $NaHCO_3$-4,7, $C_6H_{12}O_6$-11,0; pH=7,4), равной 0,7 мл/мин. Мочу разводили раствором Кребса в 5, 10, 20, 30, 40 и 50 раз (при оценке содержания ЭБМХР) и в 50, 100, 500, 10^3, 10^4, 10^5 и 10^6 раз (при оценке содержания ЭСБАР). В опытах использовано 1242 продольных полоски рога матки 127 небеременных крыс. β-адренореактивность полосок оценивали по сократительной реакции на адреналин (10^{-10}, 10^{-9} или 10^{-8} г/мл), а М-холинореактивность – по реакции на ацетилхолин (10^{-6} г/мл). Результаты исследования подвергнуты обработке методом параметрической статистики; различия оценивали по критерию Стьюдента и считали их достоверными при $p<0,05$. Авторы выражают благодарность администрации и педагогам школ № 16, 20, 57 и 70 за помощь в выполнении работы.

Результаты исследований

Показано, что полоски миометрия обладали спонтанной СА, которая усиливалась ацетилхолином и угнеталась адреналином. Моча в зависимости от кратности разведения оказывала β-адреносенсибилизирующий (рис. 1, А) и М-холиноблокирующий (рис. 1, Б) эффекты, что с учетом данных литературы [1, 2, 3, 4] объясняется наличием в моче соответственно ЭСБАР и ЭБМХР. Установлено, что вероятность проявления М-холиноблокирующей активности снижается по мере увеличения кратности разведения в диапазоне от 1:5 до 1:50 (рис. 2–10), а вероятность проявления ее β-адреносенсибилизирующей активности нелинейно зависит от кратности ее разведения (в диапазоне разведений от 1:50 до $1:10^6$) – как правило, она максимальна для разведений 1:500 и $1:10^3$ (рис. 2–10).

Выявлено (табл., рис. 2–10), что у детей содержание в моче ЭСБАР зависит от пола, уровня здоровья, гармоничности развития, зрительного восприятия, степени адаптации к школе, успешности ОД и типа темперамента, а ЭБМХР – от пола, уровня внимания, степени адаптации к школе и выраженности экстраверсии.

В частности, показано (рис. 2), что содержание ЭСБАР и ЭБМХР у девочек достоверно выше, чем у мальчиков. Действительно, у девочек β-адреносенсибилизирующая активность проявлялась чаще, чем у мальчиков, что достоверно ($p<0,05$) выявлено при исследовании разведений 1:100 (в 80,0% опытов против 50,9%), 1:500 (93,5% против 59,3%), $1:10^4$ (82,9% против 56,4%) и $1:10^6$ (65,4% против 25,0%). Аналогично, М-холиноблокирующая активность у девочек проявлялась чаще, чем у мальчиков, что достоверно установлено для разведений 1:10 (в 78,9% опытов против 56,5%) и 1:50 (23,4% против 5,5%).

Содержание ЭСБАР в моче у детей со II и III группами здоровья было достоверно ($p<0,05$) выше (рис. 3), чем у детей с I группой. Так, в

Содержание ЭСБАР и ЭБМХР в моче детей (по результатам исследования различных ее разведений) в зависимости от пола, физического и психического развития, типа темперамента и успешности образовательной деятельности

Группы детей	**Всего обследовано**		**Объем выборки при сравнительном анализе**	**Заключение о содержании в моче детей**	
				ЭСБАР	**ЭБМХР**
	Абс.	**%**	**Абс.**		
Все дети	**102**	**100**	**102**	У девочек выше (1:100, 1:500, $1:10^4$ и $1:10^6$)	У девочек выше (1:10, 1:50)
мальчики	55	53,9	55		
девочки	47	46,1	47		
Группы здоровья	**97**	**100**	**43**	Выше в II (1:100, 1:500) и III группах ($1:10^4$, $1:10^5$), чем в I группе	Достоверных различий не выявлено
I группа	26	26,8	15		
II группа	58	59,8	15		
III группа	13	13,4	13		
Гармоничность развития	**84**	**100**	**32**	У детей с дисгармоничным развитием выше (1:100, 1:500, $1:10^4$ и $1:10^6$)	Достоверных различий не выявлено
гармоничное	68	80,9	16		
дисгармоничное	16	19,1	16		
Соматотипы	**85**	**100**	**46**	Достоверных различий не выявлено	Достоверных различий не выявлено
микросоматический	15	17,9	15		
мезосоматический	53	63,1	15		
макросоматический	16	19,0	16		
Зрительное восприятие	**82**	**100**	**60**	При высоком уровне выше ($1:10^5$), чем при среднем и низком	Достоверных различий не выявлено
высокий уровень	22	26,8	21		
средний уровень	41	50,0	20		
низкий уровень	19	23,2	19		
Речевое развитие	**29**	**100**	**29**	Достоверных различий не выявлено	Достоверных различий не выявлено
высокий и средний уровни	15	51,7	15		
низкий уровень	14	48,3	14		
Внимание	**97**	**100**	**97**	Достоверных различий не выявлено	У детей без признаков СДВГ выше (1:50)
без признаков СДВГ	71	73,2	71		
при наличии признаков СДВГ	26	26,8	26		
Визуально-структурное мышление	**91**	**100**	**42**	Достоверных различий не выявлено	Достоверных различий не выявлено
высокий уровень	30	33,0	14		
средний уровень	47	51,6	14		
низкий уровень	14	15,4	14		
Адаптируемость к ОД в школе	**70**	**100**	**70**	У детей с успешной адаптацией выше (1:100)	У детей с успешной адаптацией выше (1:30)
адаптированные	43	61,4	43		
с дезадаптацией	27	38,6	27		
Успешность ОД	**100**	**100**	**41**	При высокой успешности ОД выше (1:100), чем при низкой	Достоверных различий не выявлено
высокая	14	14,0	14		
средняя	74	74,0	14		
низкая	12	12,0	13		
Тип темперамента	**48**	**100**	**30**	У сангвиников выше, чем у холериков ($1:10^5$)	Достоверных различий не выявлено
сангвинический	16	33,3	7		
холерический	17	35,4	9		
флегматический	5	10,4	5		
меланхолический	10	20,8	9		
Экстраверсия	**48**	**100**	**30**	Достоверных различий не выявлено	У экстравертов выше (1:5)
экстраверты	39	81,3	16		
интроверты	9	18,7	14		
Нейротизм	**48**	**100**	**34**	Достоверных различий не выявлено	Достоверных различий не выявлено
эмоционально стабильные	19	39,6	16		
эмоционально нестабильные	29	60,4	18		

сравнении с детьми I группы здоровья у детей с II группой β-адреносенсибилизирующая активность мочи наблюдалась достоверно ($p<0,05$) чаще при исследовании разведений 1:100 (80,0% против 40,0% опытов) и 1:500 (86,7% против 53,3%), а у детей с III группой здоровья – при исследовании разведений $1:10^4$ (84,5% против 40,0%) и $1:10^5$ (38,5% против 6,7%).

У детей с дисгармоничным развитием (рис. 4) содержание ЭСБАР в моче было достоверно ($p<0,05$) выше, чем у детей с гармоничным развитием. Об этом свидетельствует более высокий процент выявления β-адреносенсибилизирующей активности мочи у дисгармонично развитых детей, что выявлено при исследовании разведений 1:100 (81,3% против 37,5% опытов), 1:500 (87,5% против 56,3%), $1:10^4$ (93,8% против 50,0%) и $1:10^6$ (50,0% против 6,3%).

У детей с высоким (50–54 по шкале М. М. Безруких и Л. В. Морозовой [7]) уровнем развития зрительного восприятия (ЗВ) содержание ЭСБАР в моче было выше, чем у детей со средним (40–44 балла) и низким (?43 балла) уровнем развития ЗВ (рис. 5). Действительно, β-адреносенсибилизирующая активность разведения $1:10^5$ у них отмечена достоверно ($p<0,05$) чаще (в 61,9%), чем у детей со средним (в 30,0% опытов) и низким (в 15,8% опытов) уровнями ЗВ.

Показано (рис. 6), что содержание ЭБМХР в моче у детей, не имеющих признаков СДВГ (коэффициент точности выполнения теста Тулуз-Пьерона ≥0,90) выше, чем у детей с наличием таких признаков (коэффициент точности <0,89). Это достоверно установлено при исследовании разведения 1:50, при котором М-холиноблокирующая активность у детей без признаков СДВГ наблюдалась достоверно чаще ($p<0,05$), чем у детей с признаками СДВГ (в 16,9% опытов против 3,9%).

У детей с высокой (14–15 баллов по трем предметам) успешностью ОД содержание ЭСБАР в моче было выше, чем у детей с низкой (6–10 баллов) успешностью ОД (рис. 7). Об этом свидетельствует достоверно ($p<0,05$) более высокий процент наблюдений β-адреносенсибилизирующей активности разведения 1:100 (в 92,9% опытов против 53,9% опытов у детей с низкой успешностью ОД).

Показано (рис. 8), что у детей (мальчики и девочки) с успешной адаптацией к школе, т. е. имеющих 20–30 баллов по шкале школьной мотивации [12], содержание в моче ЭСБАР и ЭБМХР было выше, чем у детей с признаками дезадаптации (≤19 баллов). Действительно, у успешно адаптированных детей чаще наблюдалась β-адреносенсибилизирующая и М-холиноблокирующая активности, что достоверно ($p<0,05$) установлено соответственно для разведения 1:100 (74,4% против 40,7% опытов) и 1:30 (30,2% против 11,1%).

Содержание ЭСБАР у детей с сангвиническим типом темперамента было выше, чем у детей с холерическим типом темперамента (рис. 9). На это указывает достоверно ($p<0,05$) более высокая частота наблюдения β-адреносенсибилизирующей активности у разведения $1:10^5$ (в 57,1% опытов против 11,1% опытов у холериков). В то же время флегматики и меланхолики не отличались достоверно от сангвиников по содержанию ЭСБАР. Не выявлено и различий по этому признаку между экстравертами и интровертами, а также межу эмоционально нестабильными и эмоционально стабильными детьми.

У детей-экстравертов содержание ЭБМХР в моче было выше, чем у детей-интровертов (рис. 10). На это указывает достоверно ($p<0,05$) более высокая частота наблюдения М-холиноблокирующей активности 5-кратного разведения мочи у экстравертов (в 83,3%* опытов), чем у интровертов, у которых она отсутствовала.

Установлено (табл.), что содержание ЭСБАР и ЭБМХР в моче детей не зависело от соматотипа – различия между детьми с микро-, мезо- и макросоматическим типами телосложения носили недостоверный характер. По этому же признаку не выявлено различий между детьми с низким (наличие дизартрии, заикания) уровнем развития речи по сравнению с детьми со средним (наличие фонематического и фонетико-фонематического недоразвития) и высоким уровнями развития речи, а также между детьми с низким (0–4 баллов), средним (5–8 баллов) и высоким (9–12 баллов) уровнями визуального мышления.

Обсуждение результатов исследования

Результаты наших исследований впервые показали, что в первом классе у девочек содержание ЭСБАР и ЭБМХР в моче достоверно выше, чем у мальчиков. Как известно, в 7–8 лет девочки отличаются от мальчиков по ряду показателей [10, 13–19]. В частности, отмечено, что девочки 6–8 лет отстают от мальчиков по физическому развитию [15, 16, 18], но опережают их по уровню развития высших психических функций (ВПФ) и успешности ОД [10, 13, 14, 18]. Так, по данным О. В. Туляковой [18], у первоклассниц г. Кирова, часть из которых и составила нашу группу исследования, был ниже уровень физического развития, но выше уровень соматического здоровья, выше уровень развития ЗВ, мышления и внимания, выше успешность ОД; среди них было меньше детей, имеющих школьные трудности. По нашим данным [17], в условиях покоя (положение лежа) у девочек-первоклассниц выше частота сердечных сокращений и ниже вариабельность сердечного ритма (ВСР), чем у мальчиков, что указывает на более высокую у них эффек-

тивность β-адренергических влияний на деятельность кардиомиоцитов и другие клетки организма. Результаты исследования содержания в моче ЭСБАР и ЭБМХР позволяют считать, что характерные для девочек высокая эффективность β-адренергических воздействий на клетки-мишени (включая, вероятно, нейроны коры), а также высокий уровень развития у них ВПФ и их более высокая успешность ОД обусловлены тем, что у них выше содержание ЭСБАР и ЭБМХР, чем у мальчиков, так как ЭСБАР повышает эффективность взаимодействия адренергического медиатора с β-адренорецепторами, а ЭБМХР снижает ее эффективность взаимодействия ацетилхолина с М-холинорецепторами.

Согласно нашим данным, содержание ЭСБАР и ЭБМХР в моче детей не зависело от уровня развития речи: между детьми с низким (наличие дизартрии, заикания) уровнем развития речи по сравнению с детьми со средним (наличие фонематического и фонетико-фонематического недоразвития) и высоким уровнями развития речи не выявлено достоверных различий. Не выявлена зависимость содержания ЭСБАР и ЭБМХР в моче детей от уровня развития визуального мышления. В то же время показано, что содержание ЭСБАР выше у детей с высоким уровнем зрительного восприятия (ЗВ) по сравнению с детьми со средним и низким уровнями ЗВ, а также у детей с высокой успешностью ОД по сравнению с детьми с низкой успешностью ОД. Кроме того, содержание ЭБМХР оказалось выше у детей с высоким уровнем развития внимания по сравнению с детьми с низким уровнем внимания, т. е. с наличием признаков СДВГ. С учетом представлений о физиологических основах психической деятельности человека [20–23], представленные данные позволяют считать, что высокая эффективность β-адренергических воздействий (обеспеченная в том числе высоким уровнем ЭСБАР и/или ЭБМХР) на клетки-мишени, включая нейроны коры больших полушарий, является важнейшим условием формирования и реализации ВПФ человека. Этим можно объяснить тот факт, что самая высокая эффективность β-адренергических воздействий на клетки-мишени (т. е. высокая активность симпатического отдела вегетативной нервной системы, или ВНС) наблюдается на первых этапах онтогенеза, когда поток входящей информации, необходимой для усвоения, – огромен. Вероятно, именно такая «конструкция» мозга позволяет обработать эту информацию (в том числе за счет активации энергетического обеспечения нейронов). Очевидно, что по мере накопления опыта эта активность может снижаться. Таким образом, мы приходим к заключению о важной роли симпатического отдела ВНС в развитии и становлении познавательных функций мозга, которое было сформулировано при обсуждении вопроса о половых различиях в содержании ЭСБАР и ЭБМХР. Исходя из таких представлений, полагаем, что с практической точки зрения является перспективным изучение вопроса о возможности повышения эффективности β-адренергических влияний на нейроны мозга, обеспечивающих реализацию ВПФ, с помощью экзогенных аналогов ЭСБАР (гистидина, триптофана, тирозина, предуктала, милдроната), а также диет, обогащенных гистидином, триптофаном и тирозином. С другой стороны, предлагаемая нами гипотеза ставит вопрос о коррекции сроков становления активности парасимпатического отдела ВНС на ранних этапах онтогенеза, в том числе с учетом ускоряющего влияния физической нагрузки аэробной направленности на этот процесс [24], в частности – о целесообразности раннего приобщения ребенка к физическим нагрузкам аэробной направленности. С нашей точки зрения, на ранних этапах онтогенеза лучше использовать нагрузки анаэробной направленности, которые в меньшей степени стимулируют становление парасимпатического отдела ВНС, чем аэробные нагрузки.

В нашем исследовании показано, что содержание ЭСБАР у сангвиников выше, чем у холериков. В то же время по содержанию ЭСБАР флегматики и меланхолики не отличались достоверно от сангвиников, экстраверты не отличались от интровертов, а эмоционально стабильные – от эмоционально нестабильных детей. Содержание ЭБМХР в моче у экстравертов выше, чем у интровертов. Результаты наших исследований, с учетом данных о физиологических основах индивидуально-типологических различий человека [11, 21–23, 25, 26], проблема которых была поднята в работах И. П. Павлова, указывают на то, что эффективность β-адренергических воздействий на нейроны коры больших полушарий влияет на проявление ВНД ребенка – она, вероятнее всего, выше у экстравертов и эмоционально стабильных, т. е. у сангвиников. Это предположение согласуется с данными О. В. Туляковой [18], демонстрирующими зависимость уровня развития ВПФ от выраженности экстраверсии, нейротизма и, в целом, от типа темперамента. Так, ею показано, что у детей-сангвиников выше уровень развития ряда ВПФ, чем у детей с не сангвиническим типом темперамента; у детей-экстравертов выше уровень развития речи, внимания, ниже уровень тревожности, выше успешность ОД, и они реже имеют школьные трудности, чем интроверты; у эмоционально стабильных детей в сравнении с эмоционально нестабильными выше уровень развития логического мышления, выше школьная мотивация, и среди них меньше детей, имеющих проблемы волевой регуляции психических процессов.

Нам не удалось выявить взаимосвязь между типом телосложения ребенка (микро-, мезо- и макросоматический типы) и содержанием ЭСБАР и ЭБМХР в моче. В то же время показано, что у детей с дисгармоничным развитием содержание ЭСБАР в моче было выше, чем у детей с гармоничным развитием. Установлено также, что содержание ЭСБАР в моче у детей II и III групп здоровья было выше, чем у детей I группы здоровья. Показано также, что детей с успешной адаптацией к школе содержание в моче ЭСБАР и ЭБМХР было выше, чем у детей с признаками дезадаптации. С учетом представлений о физиологических механизмах развития ребенка [19, 27, 28], о факторах, определяющих уровень соматического здоровья детей [29] и о механизмах адаптации [23, 24], в том числе к ОД в школе [10, 24], можно предположить, что повышение содержания ЭСБАР у детей с дисгармоничным развитием или с низким уровнем соматического здоровья (часто болеющие дети) отражает компенсаторную реакцию, направленную на повышение устойчивости организма к стрессорным воздействиям, в частности на увеличение мощности стресс-реализующей системы. Более высокое содержание ЭСБАР, вероятно, создает условие для успешной адаптации к обучению в школе. Таким образом, мы не исключаем, что одна из физиологических функций ЭСБАР – это повышение эффективности адренергического механизма как начального этапа стресс-реакции. С этих позиций полагаем, что в дальнейшем целесообразно изучить вопрос о возможности применения экзогенных аналогов ЭСБАР и диет, обогащенных гистидином, триптофаном и тирозином, для профилактики дистресса у детей младшего школьного возраста.

В целом представленные данные литературы и результаты наших исследований указывают на важную физиологическую роль ЭСБАР и ЭБМХР как компонентов системы эндогенных модуляторов хемореактивности и перспективность дальнейшей разработки этой проблемы.

Выводы

1. Моча детей обладает β-адреносенсибилизирующей и М-холиноблокирующей активностями (их выраженность зависит от кратности ее разведения), что указывает на наличие в моче соответственно ЭСБАР и ЭБМХР.

2. Содержание в моче ЭСБАР не зависит от соматотипа детей, уровня развития у них речи, визуально-структурного мышления и внимания, но зависит от пола (выше у девочек), от группы здоровья (выше у детей со II и III группами здоровья), от гармоничности развития (выше при дисгармоничном развитии), от степени адаптации к образовательной деятельности в школе (выше при хорошей адаптации), от уровня зрительного восприятия (выше у детей с высоким его уровнем), успешности образовательной деятельности, или ОД (выше у детей с высокой успеваемостью) и типа темперамента (у сангвиников выше, чем у холериков). Все это указывает на то, что ЭСБАР как фактор, усиливающий эффективность β-адренергических воздействий, повышает резервные возможности детей, в том числе имеющих низкий уровень здоровья.

3. Содержание ЭБМХР в моче не зависит от уровня физического развития и здоровья ребенка, уровня развития речи, мышления, зрительного восприятия, успешности ОД, типа темперамента и эмоциональной устойчивости, но оно зависит от пола (выше у девочек), степени адаптации к ОД (выше у детей с хорошей адаптацией), уровня внимания (выше у детей без признаков СДВГ) и выраженности экстраверсии (выше у экстравертов). Эти данные свидетельствуют о том, что ЭБМХР как фактор, снижающий эффективность М-холинергических воздействий, вместе с ЭСБАР повышает резервные возможности организма.

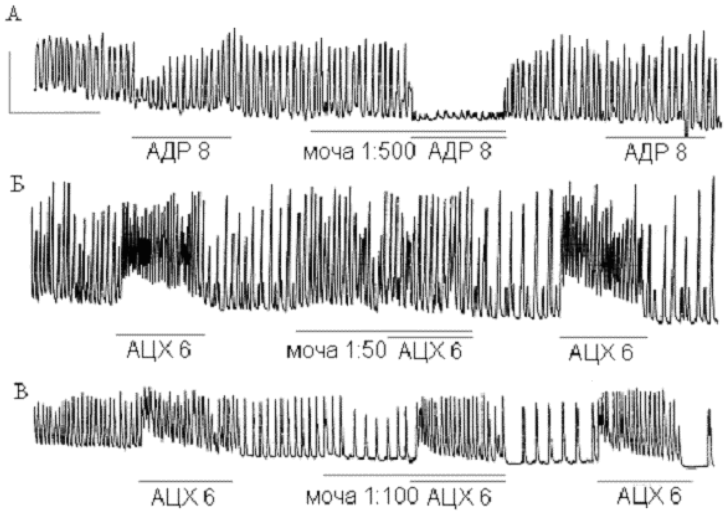


Рис. 1. Механограммы продольных полосок рога матки небеременных крыс, демонстрирующие наличие β-адреносенсибилизирующего эффекта 500-кратного разведения мочи 6–8 летних детей при воздействии адреналина в концентрации 10^{-8} г/мл (панель А), а также наличие М-холиноблокирующего эффекта 50-кратного разведения мочи при воздействии ацетилхолина в концентрации 10^{-6} г/мл (панель Б) и отсутствие такого эффекта у 100-кратного разведения мочи (панель В). Горизонтальные линии под механограммами отражают момент воздействия соответствующего разведения мочи и ацетилхолина (10^{-6} г/мл; АЦХ-6) или адреналина (10^{-8} г/мл; АДР-8), калибровка – 10 мН, 10 мин.

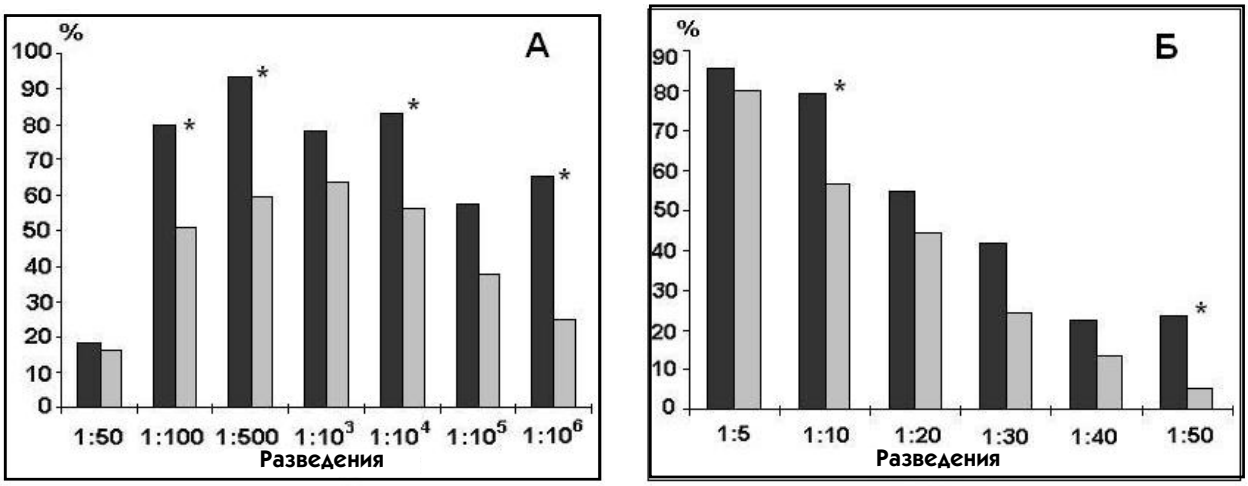


Рис. 2.
Процент опытов с продольными полосками рога матки небеременных крыс, в которых наблюдались β-адреносенсибилизирующая (панель А) и М-холиноблокирующая (панель Б) активности соответствующих разведений мочи девочек (темные столбики) и мальчиков (светлые столбики); * – различия между группами достоверны, $p<0,05$

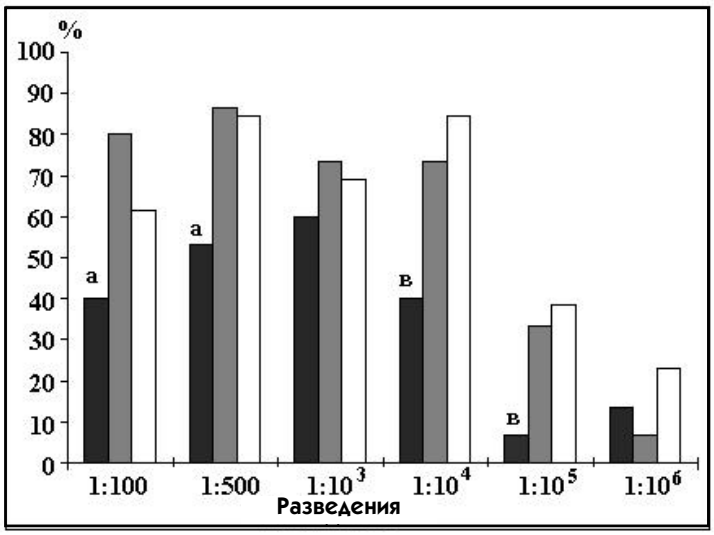


Рис. 3.
Процент опытов с продольными полосками рога матки небеременных крыс, в которых наблюдается β-адреносенсибилизирующая активность соответствующих разведений мочи детей с I (темные столбики), II (серые столбики) и III (белые столбики) группами здоровья; а и в – различия с детьми II группы (а) и детьми III группы (в) достоверны, $p<0,05$

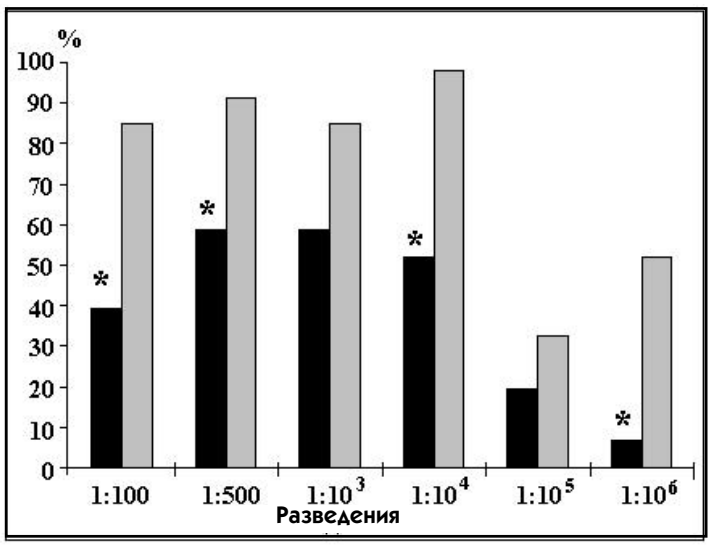


Рис. 4.
Процент опытов с продольными полосками рога матки небеременных крыс, в которых наблюдается β-адреносенсибилизирующая активность соответствующих разведений мочи детей с гармоничным (темные столбики) и дисгармоничным (светлые столбики) развитием; * – различия между группами достоверны, $p<0,05$

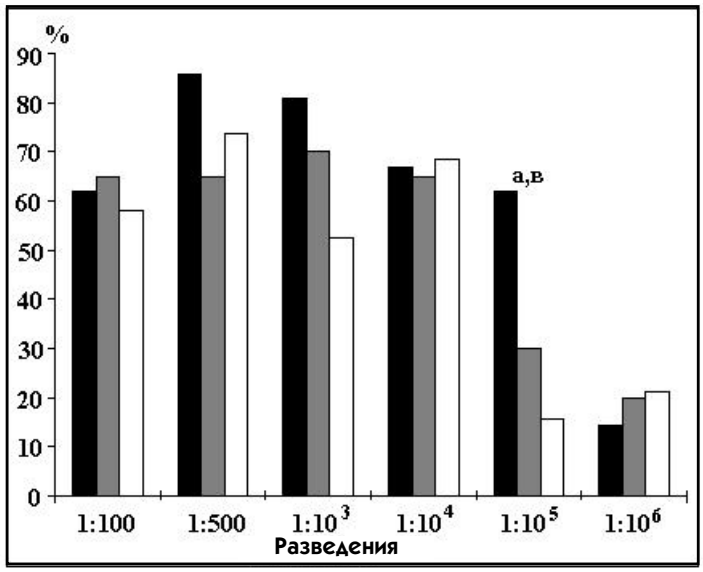


Рис. 5. Процент опытов с продольными полосками рога матки небеременных крыс, в которых наблюдается β-адреносенсибилизирующая активность соответствующих разведений мочи детей с высоким (темные столбики), средним (серые столбики) и низким (белые столбики) уровнями зрительного восприятия (ЗВ); а и в – различия с детьми с высоким и средним уровнями ЗВ (а) и с детьми с низким уровнем ЗВ (в) достоверны, $p<0,05$

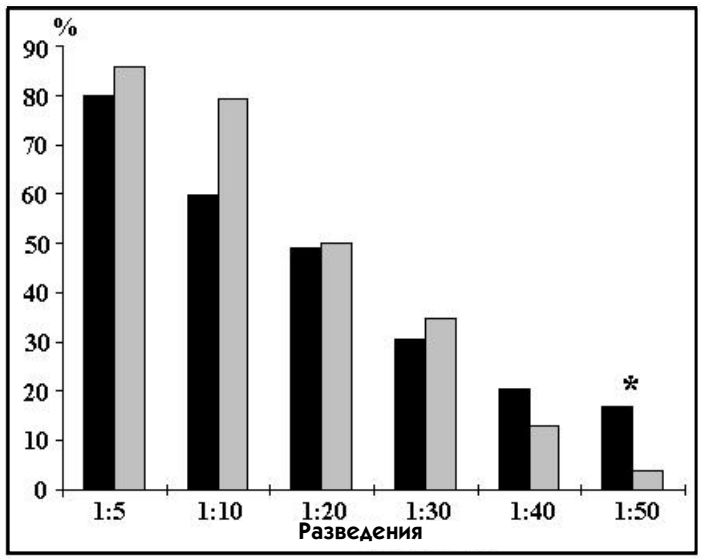


Рис. 6. Процент опытов с продольными полосками рога матки небеременных крыс, в которых наблюдается М-холиноблокирующая активность соответствующих разведений мочи детей без признаков СДВГ (темные столбики) и детей с признаками СДВГ (светлые столбики); * – различия между группами достоверны, $p<0,05$

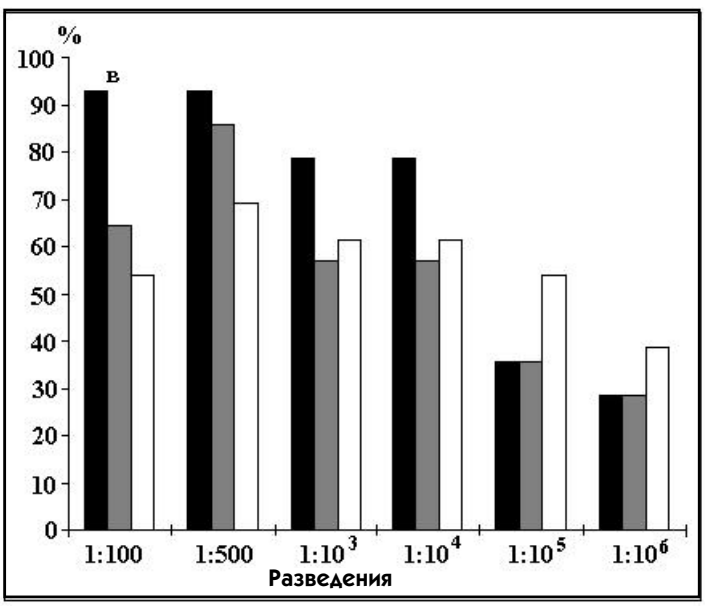


Рис. 7. Процент опытов с продольными полосками рога матки небеременных крыс, в которых наблюдается β-адреносенсибилизирующая активность соответствующих разведений мочи детей с высокой (темные столбики), средней (серые столбики) и низкой (белые столбики) успешностью; в – различия с детьми с низкой успеваемостью достоверны, $p<0,05$

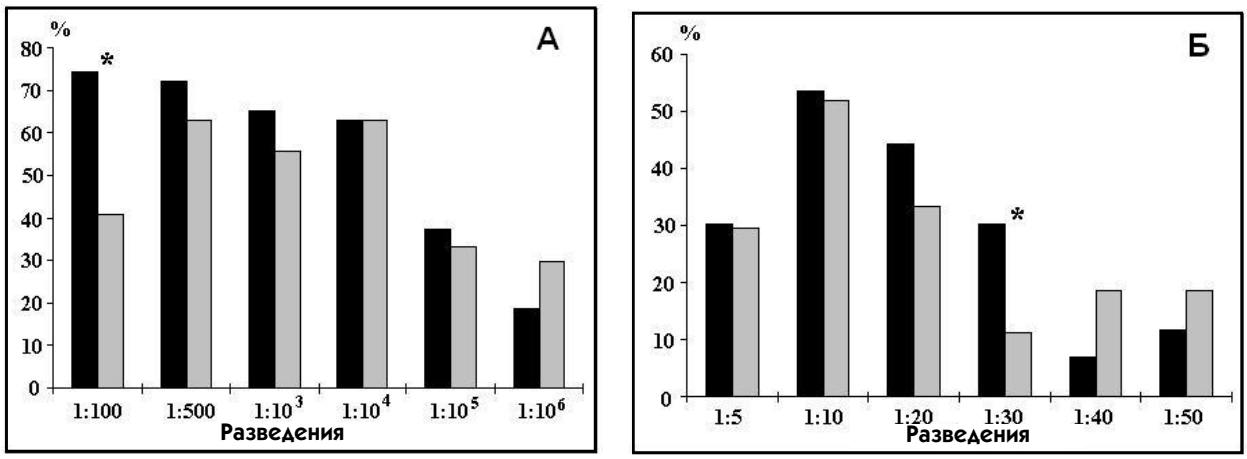


Рис. 8. Процент опытов с продольными полосками рога матки небеременных крыс, в которых наблюдались β-адреносенсибилизирующая (панель А) и М-холиноблокирующая (панель Б) активности соответствующих разведений мочи детей, успешно адаптированных к школе (темные столбики), и детей с дезадаптацией (светлые столбики); * – различия между группами достоверны, $p<0,05$

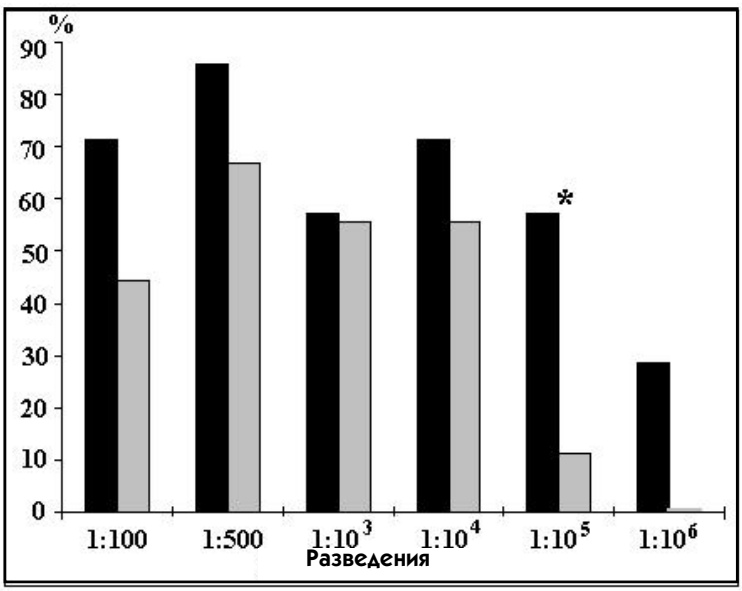


Рис. 9. Процент опытов с продольными полосками рога матки небеременных крыс, в которых наблюдается β-адреносенсибилизирующая активность соответствующих разведений мочи детей-сангвиников (темные столбики) и холериков (светлые столбики); * – различия между группами достоверны, $p<0,05$

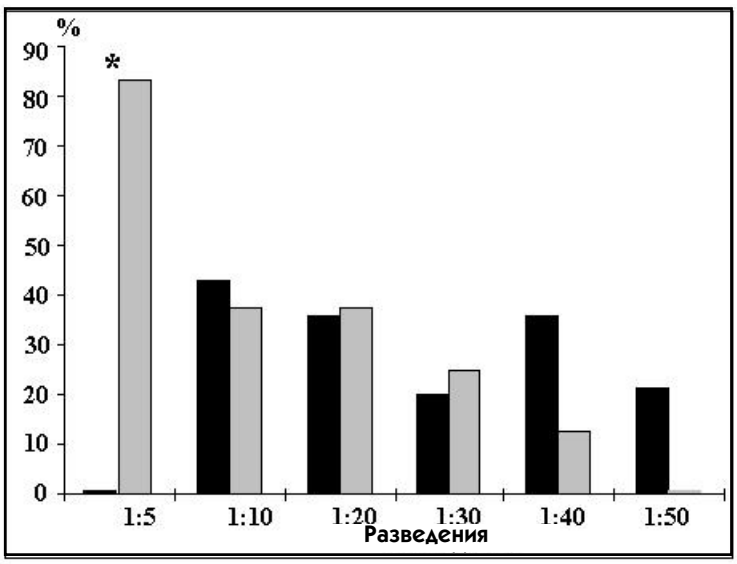


Рис. 10. Процент опытов с продольными полосками рога матки небеременных крыс, в которых наблюдается М-холиноблокирующая активность соответствующих разведений мочи детей-интровертов (темные столбики) и детей-экстравертов (светлые столбики); * – различия между группами достоверны, $p<0,05$

Примечания

1. *Циркин, В. И.* Сократительная деятельность матки (механизмы регуляции) [Текст] / В. И. Циркин, С. А. Дворянский. Киров, 1997. 270 с.

2. *Циркин, В. И.* Утероактивные, β-адреномодулирующие и М-холиномодулирующие свойства сыворотки пуповинной крови человека [Текст] / В. И. Циркин, А. Д. Ноздрачев, М. Л. Сазанова, С. А. Дворянский, С. В. Хлыбова // Доклады РАН. Т. 388. 2003. № 5. С. 704–707.

3. *Сизова, Е. Н.* Экспериментальные данные о наличии в ликворе человека эндогенного сенсибилизатора β-адренорецепторов [Текст] / Е. Н. Сизова, В. И. Циркин // Фундаментальные исследования. 2004. № 2. С. 22–26.

4. *Сизова, Е. Н.* Физиологическая характеристика эндогенных модуляторов β-адрено- и М-холинореактивности и их участие в регуляции деятельности различных систем организма человека и животных [Текст] : автореф. дис. ... д-ра биол. наук / Е. Н. Сизова. М.: РУДН, 2005. 32 с.

5. *Доскин, В. А.* Морфофункциональные константы детского организма [Текст] / В. А. Доскин, Х. Келлер, Н. М. Мураненко. М.: Медицина, 1997.

6. *Попова, И. В.* Характеристика физического развития детей, проживающих в г. Кирове Кировской области России [Текст] : автореф. дис. ... канд. мед. наук / И. В. Попова. Киров, 1994.

7. *Безруких, М. М.* Методика оценки уровня развития зрительного восприятия детей 5–7,5 лет [Текст] : руководство по тестированию и обработке результатов / М. М. Безруких, Л. В. Морозова. М.: Новая школа, 1996. 48 с.

8. *Ясюкова, Л. А.* Оптимизация обучения и развития детей с ММД. Диагностика и компенсация минимальных мозговых дисфункций [Текст] : методическое руководство / Л. А. Ясюкова. СПб.: ГП «ИМАТОН», 1999.

9. *Ясюкова, Л. А.* Методика определения готовности к школе. Прогноз и профилактика проблем обучения в начальной школе [Текст] / Л. А. Ясюкова. СПб.: ГП «ИМАТОН», 1999.

10. *Безруких, М. М.* Проблемные дети [Текст] / М. М. Безруких. М.: Изд-во УРАО, 2000.

11. *Худик, В. А.* Психологическая диагностика детского развития [Текст]: методы исследования / В. А. Худик. Киев: Освіта, 1992. С. 92–96.

12. *Лусканова, Н. Г.* Методы исследования детей с трудностями обучения [Текст] / Н. Г. Лусканова. М., 1993. С. 32.

13. *Пятков, А. В.* Половой диморфизм и психофизиология обучаемости [Текст] / А. В. Пятков // Экология образования: актуальные проблемы. 1999. №1. С. 222–229.

14. *Белых, А. И.* Некоторые корреляты психофизиологического развития детей младшего школьного возраста г. Архангельска [Текст] / А. И. Белых, Н. В. Звягина, Т. С. Копосова, Л. В. Морозова, Н. В. Прилучная, Л. В. Соколова // Экология образования: актуальные проблемы / под ред. А. В. Пяткова. Вып. 2. Т. 1. 2001. С. 24–29.

15. *Казин, Э. М.* Комплексное лонгитудинальное исследование особенностей физического и психофизиологического развития учащихся на этапах детского, подросткового и юношеского периодов онтогенеза [Текст] / Э. М. Казин, Н. Г. Блинова, Т. В. Душенина, А. Р. Галеев // Физиология человека. Т. 29. 2003. № 1. С. 70–76.

16. *Давыденко, Л. А.* Физическое развитие школьников Волгограда [Текст] / Л. А. Давыденко // Гигиена и санитария. 2004. № 3. С. 52–54.

17. *Циркин, В. И.* Вариабельность сердечного ритма в период полового созревания и при беременности [Текст] / В. И. Циркин, Е. Н. Сизова, И. Г. Кайсина, Т. Н. Кононова, А. Н. Трухин, С. А. Дворянский, И. А. Макарова, Н. С. Печенкина // Рос. вестник акушера-гинеколога. 2004. № 2. С. 4–9.

18. *Тулякова, О. В.* Развитие детей и успешность образовательной деятельности в зависимости от пола, типа темперамента, функциональной асимметрии мозга и других факторов [Текст] : автореф. дис. ... канд. биол. наук / О. В. Тулякова. Киров, 2004. С. 21.

19. *Четверикова, Е. В.* Влияние пренатальных факторов, состояния здоровья и условий воспитания на уровень развития высших психических функций и успешность образовательной деятельности первоклассников [Текст] : автореф. дис. ... канд. биол. наук / Е. В. Четверикова. Киров, 2004. 21 с.

20. *Дружинин, В. Н.* Психология общих способностей [Текст] / В. Н. Дружинин. СПб.: Изд-во «Питер», 1999. 368 с.

21. *Майдиков, Ю. Л.* Основы психофизиологии [Текст] : учебное пособие / Ю. Л. Майдиков, Н. А. Литвинова, Э. М. Казин, Т. С. Панина. Кемерово, 1997. С. 125.

22. *Семенова, О. А.* Нейропсихологический анализ мозговой организации письма [Текст] : обзор литературных данных / О. А. Семенова // Альманах «Новые исследования». М.: Вердана, 2003. Т. 4. № 1. С. 115–130.

23. *Циркин, В. И.* Физиологические основы психической деятельности и поведения человека [Текст] / В. И. Циркин, С. И. Трухина. М.: Медицинская книга, 2001. 524 с.

24. *Меерсон, Ф. З.* Адаптация к стрессорным ситуациям и физическим нагрузкам [Текст] / Ф. З. Меерсон, М. Г. Пшеничникова. М.: Медицина, 1988. С. 256.

25. *Bouchard, T. I.* Evolution and Personality Behavior [Text] / T. I. Bouchard, C. J. Loehlin Genes // Genetics. 2001. V. 31. № 3. P. 243–273.

26. *Eysenck, H. L.* Personality and individual differences. A natural science approach. N.Y. [Text] / H. L. Eysenck, M. W. Eysenck, London: Plenum Pr., 1985.

27. *Ямпольская, Ю. А.* Сравнение параметров физического развития современных школьников Москвы и Горно-Алтайска [Текст] / Ю. А. Ямпольская, С. А. Михайлова // Гигиена и санитария. 1993. № 11. С. 35–37.

28. *Матвеева, Н. А.* Этническо-территориальные особенности физического развития школьников в регионах Приволжского федерального округа [Текст] / Н. А. Матвеева, Ю. Г. Кузмичев, Е. С. Богомолова и др. // Здравоохранение ПФО. 2003. № 1. С. 133–139.

29. *Баранов, А. А.* Здоровье детей России: научные и организационные проблемы [Текст] / А. А. Баранов // Вестник РАМН. 1999. № 9. С. 40–42.

М. М. Пахомов, О. М. Пахомова

ЭВОЛЮЦИЯ ЛАНДШАФТОВ И НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ИСТОРИИ ФЛОРЫ И РАСТИТЕЛЬНОСТИ ВЯТСКОГО КРАЯ

В статье рассматриваются некоторые общие вопросы истории флоры и растительности, а также особенности палеоэкологических смен в ландшафтах Вятского края в эпоху валдайского оледенения.

Хронология кайнозоя. Согласно новейшим представлениям, хронология кайнозойского времени принимается в следующей последовательности. Палеоценовое время определяется возрастом от 65 до 55 млн л. н., эоценовое – в пределах 55–38 млн л. н., олигоценовое – 38–25 млн л. н., миоценовое – 25–5,1 млн л. н. Плиоценовый отрезок времени ограничен интервалом 5,1–1,6 млн л. н., плейстоцен (четвертичный период) охватывает 1,6 последних млн лет. Период, в котором мы живём, голоцен, составляет 12–10 тысяч лет и – продолжается.

Климатическая кривая мезо-кайнозоя. Чтобы правильно понять новые палеоботанические материалы, полученные для Вятско-Камского региона, важно знать предысторию климата и растительности больших пространств Северной Полусферы Земли. Только в этом случае можно увидеть особенности развития ландшафтов Вятско-Камского региона как части среднеширотных ландшафтов Северной Евразии.

За 65 млн лет наша природа прошла сложный эволюционный путь развития, когда благоприятные климатические условия (тепло, влажно) сменялись кризисными периодами (понижение температуры, похолодание, оледенение). Как видно из климатической кривой для Русской равнины, восстановленной на основе большого палеоботанического материала (рис. 1), при высоком термическом уровне в начале кайнозоя (палеоцен – первая половина эоцена) в основном проявились колебания, имевшие наибольшую продолжительность (5–10 млн лет) и небольшую амплитуду. Отчётливый тренд к понижению теплообеспеченности наметился в конце эоцена. Это понижение, как отмечает А. А. Величко (1999), фиксируется главным образом через температуру холодного времени года. На отрезке времени конец эоцена – плиоцен частота колебаний увеличивается (1–5 млн лет) и углубляется их амплитуда. В конце миоцена, в эпоху так называемого мессинского кризиса (6–5,5 млн л. н.), происходит существенный перелом в сторону похолодания. Наиболее сильный импульс в сторону похолодания проявился 2,5 млн л. н. В Арктике начинается устойчивое формирование морских льдов, а на суше Северо-Восточной Азии впервые распространяется многолетняя мерзлота, образуются тундровые экосистемы, а в Скандинавии появляется древнейшее материковое оледенение Европы.

Наиболее упорядоченный характер с большой амплитудой климатические колебания приобрели около 1 млн л. н., когда чередовались ледниковые и межледниковые эпохи. Как видно, климатическая кривая в масштабах мезо-кайнозоя отражает направленную смену колебаний от медленных, относительно спокойных «длинноволновых» в мезозое и раннем кайнозое к «средневолновым», ритмически упорядоченным с возрастающей амплитудой в миоцене и плиоцене, которые сменяются в плейстоцене «коротковолновыми» колебаниями циклического характера и большой амплитуды.

На фоне и под воздействием этих климатических изменений шло направленное преобразование географических ландшафтов и исходной (для кайнозоя) раннепалеогеновой флоры. О характере этой флоры можно судить по палеоботаническим находкам в геологических слоях соответствующего возраста.

Некоторые палеоботанические сведения. Уже в XIX в. палеоботаник О. Геер (O. Heer) в миоценовых отложениях Гренландии определил такие растения, как болотный кипарис (*Taxodium*), секвойя (*Sequoia*), гинкго, пихта, сосна и др. Лиственные древесные породы были представлены ещё большим разнообразием: лавр, магнолия и многие другие. Это говорит о том, что Гренландия, находящаяся сейчас под мощным (до 3 км) ледниковым щитом, была покрыта лесной субтропической растительностью. Другой пример: в Исландии в олигоцен-миоценовых отложениях палеоботаником Берри (Berry) были определены: платан, тюльпанное дерево (*Liriodendron*), клён, орех, гинкго, ясень и др. Столь же богатая флора древесных растений была определена в третичных отложениях Шпицбергена, в том числе дуб, магнолия, нисса (*Nyssa*), орешник, тополь, ива, хвойные.

В последние десятилетия по палинологическим данным очень детально изучена третичная флора на огромных пространствах Северной Евразии. Так, в спорово-пыльцевых спектрах свиты Мамонтова гора на северо-востоке Сибири, где сейчас господствует тундра, были определены хвойные деревья, сосна, ель, пихта, но в смеси с экзотическими голосеменными, *Cedrus*, *Tsuga*,

ПАХОМОВ Михаил Михайлович – доктор географических наук, профессор по кафедре географии и МОГ ВятГГУ

ПАХОМОВА Ольга Михайловна – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры географии и МОГ ВятГГУ

© Пахомов М. М., Пахомова О. М., 2006

Taxodium. Во флористических спектрах здесь встречаются реликтовые древесные листопадные виды: *Corylus,Carpinus, Castanea, Zelkova, Quercus* и другие. Близкие современные аналоги этих лесов, отмечает А. Ф. Фрадкина (1983), приурочены к району распространения северного варианта хвойно-широколиственных лесов Юго-Восточной Азии со среднегодовыми температурами от 3 до 10°С. В Западной Сибири также долгое время (до олигоцена – миоцена) сохранялась богатая хвойно-широколиственная флора, а растительность напоминала широколиственные буково-дубовые леса Западной Европы (Волкова, Кулькова, 1999).

Для того чтобы представить себе ландшафтно-климатические условия олигоцен-миоценового и раннеплиоценового времени на упомянутых территориях, рассмотрим географию и экологические условия произрастания некоторых представителей третичной флоры, обнаруженных в слоях соответствующего возраста в высоких широтах.

Taxodium (болотный кипарис) и *Nyssa* произрастают в заболоченных лесах субтропиков Флориды. Болотный кипарис – это крупное дерево высотой до 40–45 м в диаметре до 1,5–2 м.

Sequoia (секвойя) произрастает в Калифорнии вдоль побережья Тихого океана, образует леса вместе с тсугой, пихтой, видами дуба. Секвойя может достигать высоты 60–70 м, в диаметре до 2,5–3 м, некоторые экземпляры имеют возраст 1000–1300 лет.

Ginkgo (гинкго) – дерево было широко распространено ещё в мезозое. В настоящее время в естественных местообитаниях сохранилось лишь в горах Юго-Восточного Китая.

Laurus (лавр) в естественных условиях распространён в Средиземноморье, на Канарских островах, в области развития жестколистной ксерофитной растительности.

Magnolia (магнолия) обитает в субтропиках Северной Америки, в Мексике, в Юго-Восточной Азии, в Гималаях. Входит в состав субтропических смешанных широколиственных лесов.

Liriodendron (тюльпанное дерево) – представитель широколиственных лесов на юго-востоке Северной Америки (Аппалачи). Дерево высотой до 50–60 м.

Как видно из этого перечня растений-индикаторов ландшафтно-климатических условий прошлого, в высоких и умеренных широтах Евразии –

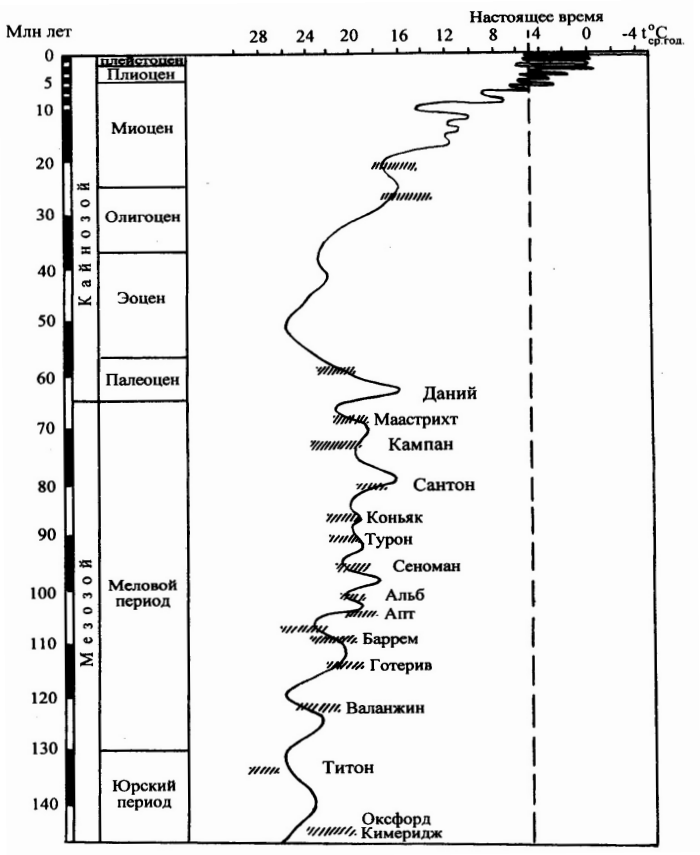


Рис. 1. Температурная кривая мезозоя-кайнозоя для южной половины Русской равнины (составили А. А. Величко и Н. А. Ясаманов)

от Британии до побережий Тихого океана – в середине и даже в конце третичного периода господствующей была тропико-субтропическая флора, обитавшая в очень разнообразных экофациях, но в пределах субтропического климата.

Согласно реконструкциям климатических условий (Иосифова, 1999), в средней полосе Русской равнины, куда можно отнести и Вятско-Камский регион, в олигоцене – раннем миоцене (40–15 млн л. н.) среднегодовая температура составляла 15–16°С, июля – до 24–26°С, января – порядка 4–12°С, сумма осадков 1000 мм и более. Условия были сходными с современными в Калифорнии, Флориде, в субтропиках Юго-Восточной Азии.

Но уже в ***миоцене*** в связи с явно наметившимся похолоданием (особенно в эпоху т. н. мессинского кризиса 6–5,5 млн л. н.) в умеренных широтах Русской равнины хвойно-широколиственные леса распались на две зоны: зону хвойных лесов (прообраз современной тайги) и зону широколиственных лесов с ещё сохранявшимися элементами субтропической флоры. Южнее сформировались саванноидные пространства, на основе которых позднее образовались настоящие (бореальные) степи. Можно поэтому утверждать, что в это время стали более ощутимыми северно-южные контрасты.

В плиоцене, особенно на отрезке времени 3–2 млн л. н., произошло дальнейшее похолодание, январские температуры могли уже опускаться до −10–15°С. Окончательно сформировалась таёжная зона, а субтропические элементы исчезли или сохранились в виде локальных реликтов.

Плейстоцен (четвертичный период) в последние 0,8–0,7 млн лет отличался особенно резкими изменениями гидротермального режима, сменами ландшафтных обстановок. Чередование ледниковых и межледниковых эпох обеспечивало радикальную перестройку ландшафта на Русской равнине и в целом в Евросибири. В тёплые межледниковые эпохи формировалась полизональная широтная структура растительности Северной Евразии, когда шла нормальная смена ландшафтов – от тундры через лесную зону до степей и пустынь. В каждую из ледниковых эпох под воздействием общего похолодания и из-за наличия природного «холодильника» в виде ледникового щита Европы происходила радикальная смена природной обстановки. Особо следует сказать о последней ледниковой эпохе (24–10 тыс. л. н.) как модели такой перестройки. Именно тогда, отмечают исследователи (Величко и др., 1999), совершилась контрастная перестройка зональной структуры, сформировалась единая для всей Евросибири гипер зона. В условиях крайне холодного континентального климата произошла деструкция лесной зоны, а на её месте, вплоть до 48–50° с. ш., господствовали безлесные ландшафты. Тундра соединилась со степью, и образовались лесотундровые и тундростепные перигляциальные сообщества.

Таким образом, растительные ландшафты Северной Евразии за кайнозойское время прошли путь развития от полидоминантных тропико-субтропических лесов, через фазы их трансформации под воздействием медленного, но неуклонного общего похолодания, до гиперзональных перигляциальных ландшафтов в ледниковые эпохи. И лишь после того, как валдайский ледниковый покров начал исчезать, а затем растаял полностью, под влиянием потепления и увлажнения климата в Северной Евразии снова восстановились тундра, лесная зона, степная зона и т. д.

Вятско-Камский регион в историко-флористическом отношении изучен недостаточно. Палеогеновые отложения здесь отсутствуют. Достаточно полные палинологические данные имеются для позднемиоценовых и плиоценовых отложений Нижнего Прикамья. По данным Л. И. Линкиной, здесь в позднем миоцене господствующими были хвойно-широколиственные леса, которые сохранялись до раннего плиоцена. Периодически, в связи с климатическими колебаниями, роль широколиственных элементов в этих лесах уменьшалась (при похолодании) или увеличивалась в фазы потеплений. Важно то, что здесь долго, вплоть до нижнего плиоцена, присутствовали не только обычные американо-азиатские элементы флоры (дуб, граб, лещина, липа и др.), но и американо-средиземно-азиатские роды (орех, ликвидамбар), а также американо-восточно-азиатские представители дендрофлоры (*Tsuga, Carya, Nyssa*). Но они выступали в Вятско-Камском регионе как реликты, находившиеся на грани своих экологических возможностей. В самом конце плиоцена, когда проявились особенно сильные фазы похолодания, они исчезли из состава флоры региона. С этого времени господствующими на нашей территории стали таёжные и подтаёжные хвойно-широколиственные леса с панголарктическим и американо-евразиатским типом ареала древесных пород: ель, сосна, пихта, – мелколиственных пород: берёза, ольха, а также виды дуба, лещины, вяза и др.

На территории Кировской области в позднеплиоценовых отложениях, залегающих в основании разреза Большой Беляк (верховья Камы) и в гравийно-галечных отложениях Шабаршатского карьера, тоже по ископаемой пыльце определены реликтовые элементы флоры (тсуга, лапина, граб, дзельква). Но они на нашей территории в позднем плиоцене также были на грани вымирания, которое последовало за первым континентальным оледенением (2,2–2,3 млн л. н.).

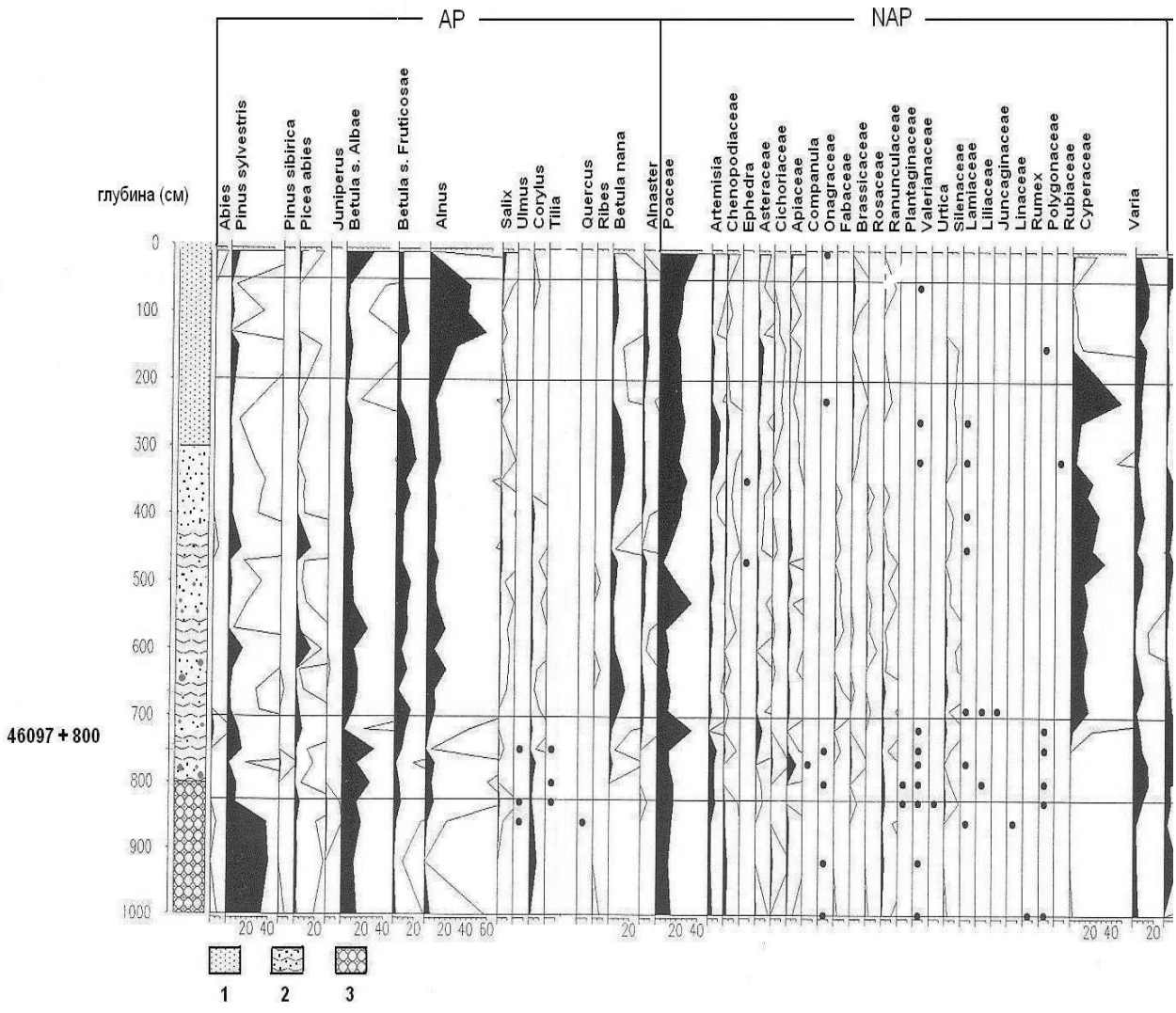
В течение всего четвертичного периода в нашей области утвердилось господство тайги. Но оно прерывалось в каждую ледниковую эпоху, когда ландшафты существенно перестраивались. В качестве примера приведём климато-индикационные данные по разрезу Малый Беляк в верховьях Камы и разрезу Боровица–2 на Вятке.

Разрез Малый Беляк (59°32′ с. ш., 52°50′ в. д.) представляет собой аллювиальные отложения второй надпойменной террасы верховий Камы (мощностью около 10 м). В основании разреза залегают русловые галечники с гравийно-песчаным заполнителем, перекрытые тонкозернистыми песками с мелкой галькой и с прослоями суглинков. Венчает разрез пачка тонкозернистых песков. По палинологическим данным вся толща делится на пять зон (рис. 2).

Зона I. В её составе содержатся лесные спектры с преобладанием сосны, берёзы, ольхи, незначительна роль ели и пихты. Поэтому можно утверждать, что русловые галечники накапливались в условиях достаточно тёплого и влажного климата с преобладанием в ландшафте сосновых боров с березняками. Эта относительно тёплая фаза предшествует заметному снижению температуры.

Зона II. Выше по разрезу, на глубине 7,5 м обнаружена древесина, С 14, возраст которой оказался равным 46 097±800 л. н. (ИГАН-2371). Именно на эту дату приходится окончание потепления и начало хорошо выраженного похолодания. Это похолодание имеет двухфазную структуру. В первую фазу исчезли сосновые боры, а преобладающими стали березняки с папоротниками, а также появилась карликовая береза (*Betula nana*) – элемент тундровой флоры. Это похолодание резко усилилось в следующую фазу.

Зона III. Пыльца хвойных пород практически исчезла, преобладающими в ландшафте стали березняки, в том числе с *Betula nana*, а также



ольховник (*Alnaster*). Главные индикаторы холодных гумидных условий – это наличие в спектрах спор *Selaginella selaginoides, S. sibirica, Lycopodium selago*. Это заметное похолодание обусловило формирование водоупорного горизонта в виде многолетней мерзлоты, что привело к заболачиванию ландшафта и появлению осоково-сфагновых болот (в спектрах пыльца *Cyperaceae* до 60% и споры *Sphagnum* до 10–15%). В этой зоне пыльца карликовой берёзки и плаунка плаунковидного имеет хорошо выраженную рациональную кривую. Всё это говорит о том, что на нашей территории исчезли леса, а их место заняли лесотундровые и тундровые ландшафты.

Зона IV. После похолодания проявилось некоторое потепление. Оно не было сильным, но оно преобразило ландшафт. На месте тундры восстановились березняки с ольхой (лесотундра), но восстановления хвойных лесов не произошло. В спектрах исчезает пыльца *Cyperaceae*, споры *Sphagnum* и видов *Selaginella*. Это было связано с тем, что многолетняя мерзлота, всегда чутко реагирующая даже на незначительное потепление, деградировала. Территория имеет пересечённый рельеф и хороший дренаж, а исчезновение мерзлоты привело к исчезновению осоково-сфагновых болот.

Зона V. Дальнейшее потепление, восстановление березняков с *Betula s. Albae*.

Над разрезом Малый Беляк хронологически надстраивается разрез Боровица–2, палинологические материалы по которому продолжают дальнейшую историю ландшафтов нашего края.

Разрез Боровица–2 (58°32′ с. ш. и 49°47′ в. д.). Судя по материалам разреза Боровица–2 (зона I и II, рис. 3), в эпоху накопления этих отложений на нашей территории широко были развиты криофильные степи. Это доказывается тем, что в спектрах, расположенных в

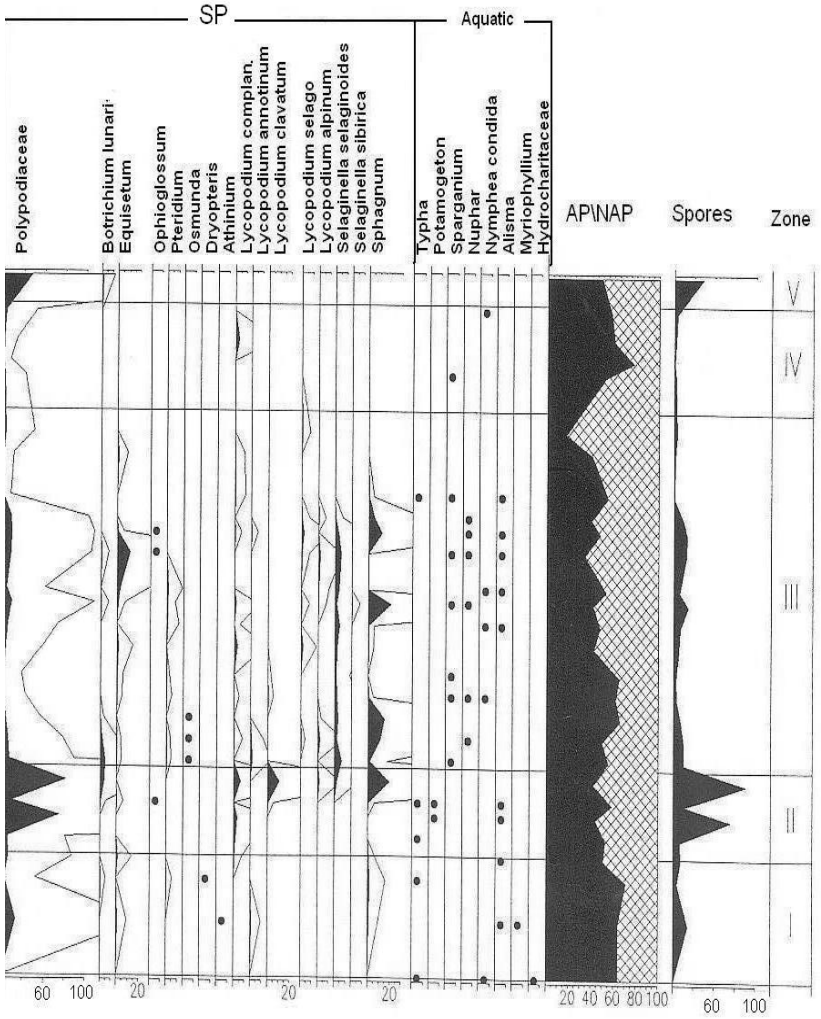


Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза Малый Беляк
(1 – тонкозернистые пески,
2 – тонкозернистые пески с галькой и с прослоями суглинков,
3 – русловые галечники с гравийно-песчаным заполнителем)

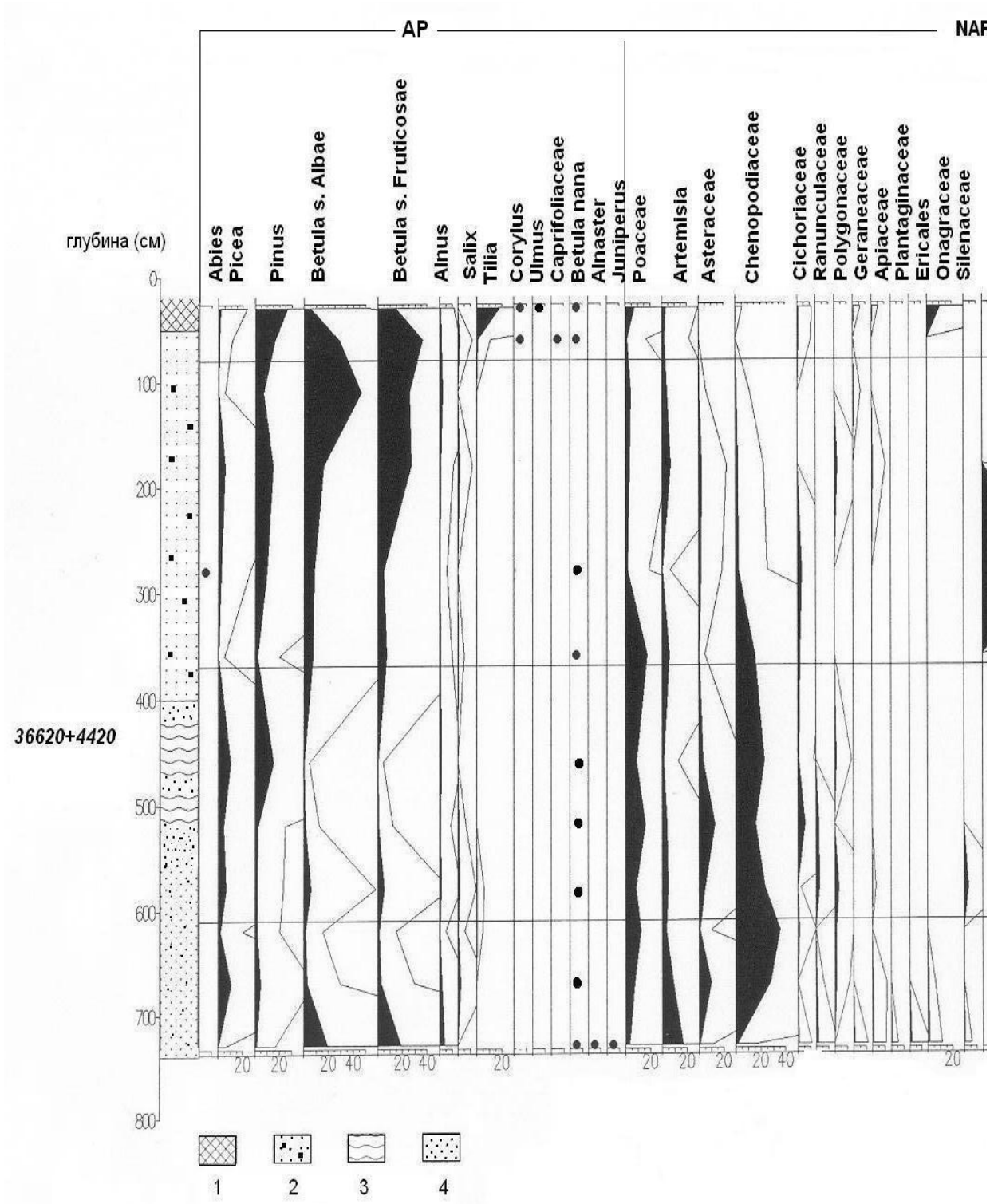
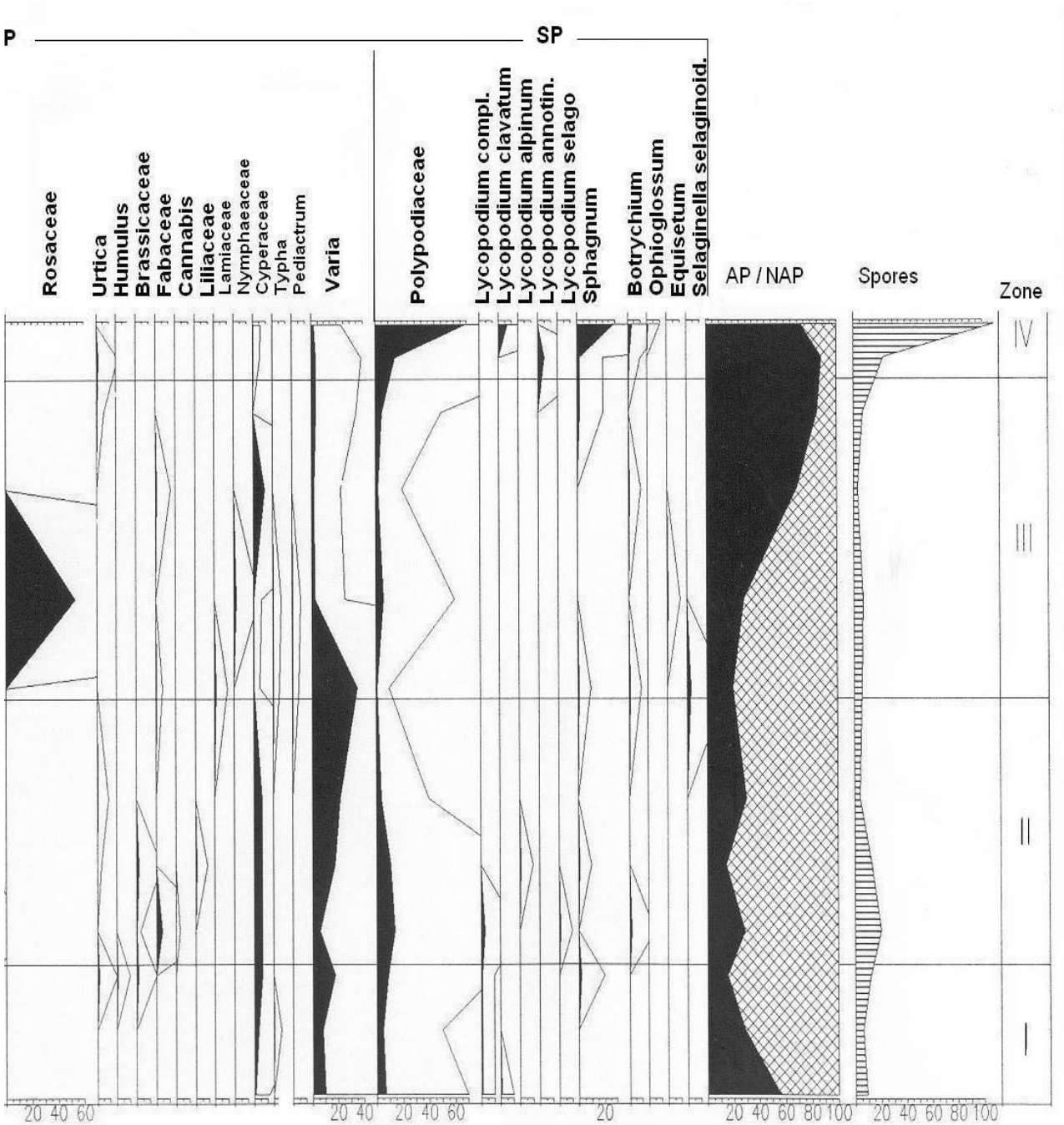


Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза Боровица–2
(1 – почва, 2 – крупнозернистый песок с мелкой галькой и щебнем,
3 – мелкозернистый песок с прослоями старичных глинисто-суглинистых линз,
4 – мелкозернистый суглинистый песок)


P
SP
Rosaceae
Urtica
Humulus
Brassicaceae
Fabaceae
Cannabis
Liliaceae
Lamiaceae
Nymphaeaceae
Cyperaceae
Typha
Pediactrum
Varia
Polypodiaceae
Lycopodium compl.
Lycopodium clavatum
Lycopodium alpinum
Lycopodium annotin.
Lycopodium selago
Sphagnum
Botrychium
Ophioglossum
Equisetum
Selaginella selaginoid.
AP / NAP
Spores
Zone
IV
III
II
I
20 40 60
20 40
20 40 60
20
20 40 60 80 100
20 40 60 80 100

разрезе ниже радиоуглеродной даты 36620±4420 л. н. (ИГАН – 2259), преобладающими компонентами выступают *Chenopodiaceae, Asteraceae, Poaceae*, а также *Artemisia*. Холодные условия подтверждаются присутствием в спектрах пыльцы карликовой берёзки и редких спор *Selaginella selaginoides*.

Последующее потепление (зона III, позднее упомянутой радиоуглеродной даты) привело к тому, что лес восстановился, но при господстве березняков и лишь второстепенной роли хвойных (ель, сосна, пихта). Это потепление, именуемое в научной литературе дунаевским, или же брянским (26–24 тыс. л. н.), принимается в качестве относительно тёплого мегаинтерстадиала валдайского оледенения, за которым последовала новая, наиболее суровая фаза развития европейского ледникового покрова. В заключительной фазе валдайского оледенения (20–18 тыс. л. н.) в нашем крае преобладающей в ландшафте снова стала кустарничковая тундра с карликовой берёзкой и крифильными степями из полыни, маревых, злаков. В целом в эпоху валдайского оледенения (90–18 тыс. л. н.) было пять-шесть климатических ритмов, но в пределах холодного климата.

Последующих событий в Вятском крае мы касались ранее (Пахомов и др., 2004). Можно лишь напомнить, что Вятский край в эпоху максимума последнего оледенения (18–20 тыс. л. н.) вплоть до эпохи, называемой дриасом (10–11 тыс. л. н.), был частью обширной криоаридной зоны, уходившей далеко на юг Русской равнины, образуя единую перигляциальную зону на многолетней мерзлоте. Граница многолетней мерзлоты в это время проходила по Причерноморью в сторону Южного Казахстана и далее – на восток, т. е. южнее её современного положения более чем на 1000 км. И лишь в последние 10 тыс. лет в результате послеледникового потепления зональные, в том числе лесные, ландшафты восстановились. Таким образом, на примере палинологических данных по разрезам Малый Беляк и Боровица–2 хорошо видно, насколько чутко растительность реагирует на климатические изменения и насколько часто за последние 50–60 тыс. лет меняли свой облик географические ландшафты Вятского края.

Целью этого очерка было показать общие черты эволюционного развития флоры и растительности в кайнозое, а также привести конкретный пример реакции растительных ландшафтов Вятского края на общеклиматические колебания. Заметим, что такие данные имеют широкое применение в геологии, особенно в стратиграфии и палеогеографии, в палеофлористике, а также несут большое познавательное значение. Но вместе с тем они как показатели климата дают представление об особенностях климатических колебаний в геологически длительные (десятки и сотни тысяч лет) отрезки времени. Изучая структуру этих колебаний и тенденцию развития климатических ритмов, восстановленных по фитоиндикационным данным, можно предугадать пути развития ландшафтно-климатических условий на перспективу. Иначе говоря, такие материалы являются научно важным основанием для построения сценариев развития природы на близкую и отдалённую перспективу.

Примечания

1. *Величко, А. А.* Основные закономерности эволюции ландшафтов и климата в кайнозое [Текст] / А. А. Величко // Изменение климата и ландшафтов за последние 65 миллионов лет. М.: ГЕОС, 1999. С. 234–241.

2. *Фрадкина, А. Ф.* Палинофлоры неогена Северо-Востока Азии [Текст] / А. Ф. Фрадкина. М.: Наука, 1983. 224 с.

3. *Волкова, В. С.* Палеоген и неоген Западной Сибири [Текст] / В. С. Волкова, И. А. Кулькова // Изменение климата и ландшафтов за последние 65 миллионов лет. М.: ГЕОС, 1999. С. 85–94.

4. *Иосифова, Ю. И.* Центр Русской равнины. Палеоген [Текст] / Ю. И. Иосифова // Изменение климата и ландшафтов за последние 65 миллионов лет М.: ГЕОС. С. 48–54.

5. *Пахомов, М. М.* О тенденции природно-климатических изменений Вятского края в голоцене [Текст] / М. М. Пахомов, А. М. Прокашев, О. М. Пахомова, О. А. Чичагова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2004. № 11. С. 136–141.

УЧЕНЫЕ – ШКОЛЕ

О. В. Коршунова

ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАТИВНО-ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ХАРАКТЕРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ*

В статье осмысляются основные направления развития современной сельской школы с точки зрения интегративно-дифференцированного подхода, предлагается авторская концепция повышения качества обучения в сельских общеобразовательных учреждениях и конкретные механизмы её реализации.

Постановка проблемы

Большинство современных сельских школ России осуществляют свою деятельность в режиме функционирования, с трудом обеспечивая выполнение требований социума к образованию молодежи, будущих граждан села, от которых в значительной степени уже сегодня зависит ситуация его выживания в России. Складывающаяся рыночная экономика, приведшая к глубокому развалу сельскохозяйственного производства, и неблагополучная демографическая обстановка все более обостряют и без того кризисную образовательную ситуацию в сельских учебных заведениях. Изменяющиеся внешние условия порождают новые внутренние проблемы и противоречия сельских общеобразовательных учреждений [1].

Сегодня сельская школа объективно поставлена в такие условия, которые целенаправленно и стихийно толкают её на нахождение способов качественного образования детей и молодежи. При этом рассчитывать на достойную финансовую поддержку государством школ села особо не приходится. Но сельская школа не имеет права не выжить, более того, ей необходимо развиваться далее, несмотря на многочисленные серьезные проблемы и противоречия. Педагогические эффекты «малых школ», каковыми сегодня являются в большей части сельские общеобразовательные учреждения, могут быть использованы для перевода их жизнедеятельности в развивающий режим.

Образование в сельской школе – важная подсистема целостной российской образовательной системы. Поэтому наблюдаются тенденции, которые характерны и для процесса образования городских многочисленных школ. В первую очередь, они связаны с утвержденными в современных законодательных актах и документах ориентирами, задающими векторы развития образования. Так, Концепция профильного обучения нацеливает на реализацию принципа дифференциации и индивидуализации [2], Стратегия модернизации [3], Концепция федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 гг. [4] декларируют и утверждают компетентностный подход в обучении, связанный с формированием универсальных, имеющих интегративную природу, феноменов – компетентностей, включающих в свое содержание знания, умения, способы выполнения различных деятельностей, способности к применению знаний и умений при решении разного рода проблем, ценностные ориентировки и др. Владение образовательной компетентностью требует наличия у обучающегося диалектико-синтетического стиля мышления, наиболее адекватно отражающего многомерность мира, частью которого является человек. Таким образом, в современной образовательной сфере основными тенденциями являются, с одной стороны, интегративные процессы, а с другой – процессы дифференцирования компонентов дидактических систем с целью обеспечения вариативности предлагаемых образовательных услуг. Посмотрим, как данные линии, являющиеся трансформацией в плоскость образования объективных процессов объединения и возникновения неоднородностей в различных сферах мира, проявляются в жизнедеятельности современных сельских школ и каким образом возможно их использование для обеспечения режима развития образовательных учреждений на селе.

Анализ основных тенденций в жизнедеятельности сельских школ

Одним из возможных путей сохранения и развития сельской школы сегодня является усиление внешних и внутренних по отношению к ней

* Тема разрабатывается при финансовой поддержке МО РФ (ГРНТИ 14.25.07 «Исследование эффективности применения интегративно-дифференцированного подхода к обучению в сельской школе»)

КОРШУНОВА Ольга Витальевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре дидактики физики ВятГГУ

© Коршунова О. В., 2006

интеграционных процессов. В первом приближении классифицируем их по двум направлениям (см. табл. 1). Содержание таблицы свидетельствует о том, что для современной сельской школы характерна как стихийная, так и целенаправленно-осознанная интегративность – концептуальная, содержательная, предметная, технологическая, возрастная, территориальная, ценностная и др.

В процессе образования в сельской школе обнаруживаются также и явления дифференциации, процессы возникновения неоднородностей (см. табл. 2).

Таким образом, для образовательного пространства сельской школы характерны явления интегративного и дифференцированного характера, существующие одновременно и дополняющие друг друга. При этом немалую роль в данном процессе начинают играть энтропийные тенденции самоорганизации. Поясним последнее утверждение.

Общим в характеристике современного образования является признак нестабильности и неустойчивости развития. Особенно это видно на примере сельских школ, в которых определяющей характеристикой эмоционального состояния сегодня является неуверенность в завтрашнем дне, в собственных резервах и возможности их эффективного использования. Причем такая неуверенность присуща и коллективу учителей, и коллективу сельских школьников, и обслуживающему персоналу учреждения. И тем не менее в последнее время фиксируется вид управления образованием и системами обучения в сельских школах, который можно назвать как управление на основе инициирования и поддержки внутренних ресурсов самого образовательного учреждения. Сегодня наблюдается тенденция к появлению субъектов образовательной политики и практики, способных к формулированию, осознанию и решению проблем образования через образовательные инициативы, реакцией на которые является инновационная и опытно-экспериментальная работа. Это есть синергетический феномен, феномен самоорганизации субъектов образовательной системы в творческой деятельности на региональном, межшкольном и внутришкольном уровнях. Поэтому ресурс устойчивости развития образования существует, необходимо лишь понять, что в настоящее время система образования находится в состоянии (если выражаться языком синергетики), близком к точке бифуркации (выбора дальнейших путей развития), а потому наряду с процессами интеграции, характерными для системы преимущественно в период её стабильного развития, широкомасштабными являются также процессы, способствующие возникновению разнообразия и неоднородностей в системе (см. рис. 1).

Интегративно-дифференцированный подход (ИДП) к образованию и обучению, учитывающий единство интеграции и дифференциации, может рассматриваться как педагогический феномен, способный принять на себя инновационную функцию регулирования развития образования и обучения, а также реализовать их потенции к саморазвитию.

Совокупность теоретических идей, образующих концепцию ИДП для сельской школы, учитывает единство процессов интеграции и дифференциации в образовательной среде школы села и ориентирует педагогов на создание новых систем управления в образовании, методических систем обучения сельских школьников. На рис. 2 представим концепцию интегративно-дифференцированного подхода к обучению в сельской школе.

Теоретико-методологическими основами концепции являются диалектический метод и его основной инструмент – системный подход, обогащенный элементами синергетики, а также антиномический подход, признающий равноправность полярных тенденций – интеграции и дифференциации – и предлагающий находить пути их гармонического сочетания в едином процессе с целью получения нового качества образования сельских школьников. Важными теоретическими основами концепции являются теория разумного баланса, базирующаяся на антиномическом принципе, а также основные положения личностно-ориентированного, деятельностного и технологического подходов к обучению.

Педагогическая наука для создания эффективных систем и технологий обучения использует психологические знания, что также нашло отражение в концепции ИДП. В частности, концепция опирается на идеи развивающейся психодидактики, когнитивной психологии, психологии теории учения. Психодидактика берет на себя функции осуществления взаимосвязи психологических и дидактических концепций обучения и внедрения их в школьную практику путем разработки психодидактических технологий, доведенных до уровня раздаточного материала, подготовленного для каждой темы конкретного учебного предмета, т. е. соединения (синтеза, интеграции) психологического и дидактического знания в едином технологическом процессе обучения [6]. Учение о познавательных стилях и стратегиях предоставляет когнитивная психология [7]. Закономерности протекания психических процессов (описание особенностей восприятия информации, развития памяти и мышления) и законы оптимума (описание закономерностей и условий результативности учебно-познавательной деятельности) исследует и поставляет педагогике психологическая теория учения [8].

Таблица 1

Интеграционные процессы в сельской школе

Внешние (изменение характера связей между системой и другими системами)	**Внутренние** (изменение характера связей между имеющимися подсистемами)
Создание целостного образовательного пространства	
Взаимодействие образовательных учреждений в рамках сетевой организации (ассоциация, опорная школа с сетью филиалов, образовательный комплекс, социокультурный комплекс и др.). Создание единого образовательного пространства: – Единое планирование, координация и согласованность действий субъектов образовательной сети (составление единого учебного плана сети; общей перспективной комплексной программы деятельности по учебному, воспитательному, методическому направлениям сети; определение единой структуры и согласованного режима организации учебно-воспитательного процесса в школах образовательной сети и др.). – Совместное обучение детей разных школ и разных классов. – Интеграция педагогических средств, используемых в урочной и внеурочной деятельности внутри сетевого объединения для реализации профильного обучения. – Введение новых интегративных курсов, предметов в рамках профильного обучения	Поиск новых подходов к содержанию и организации воспитания и обучения учащихся внутри школы: – Единое планирование, координация и согласованность действий субъектов образовательной среды школы (составление единого учебного плана; общей перспективной комплексной программы деятельности по учебному, воспитательному, методическому направлениям школы; определение единой структуры и согласованного режима организации учебно-воспитательного процесса в школе в условиях реализации предпрофильной и профильной подготовки. – Учебные мероприятия за пределами школы (на природе, музее, спортивной площадке). – Интеграция педагогических средств, используемых в урочной и внеурочной деятельности внутри школы. – Введение новых интегративных курсов, предметов внутри школы (возможно в рамках профильного обучения)
Полифункциональность	
Полифункциональность деятельности школы в целом: выполнение ею функций обеспечения получения базового общего среднего образования для сельских детей, сельскохозяйственной подготовки школьников, социально-педагогической и социокультурной (оздоровление среды обитания ребенка, преодоление отчужденности детей и родителей, восстановление народных традиций, охрана и защита прав детей) функций	Полифункциональность деятельности сельского учителя – многопредметность в обучающей деятельности, выполнение функций педагогической, социально-психологической поддержки школьника, его семьи, других слоев населения сельского социума. Становление маркетинговой компетентности руководителя сельской школы – способности решать проблемы школы с использованием рыночных механизмов, работы на рынке образовательных услуг
Объединение (интеграция) различных субъектов в образовании	
Интеграция школы с учреждениями социальной сферы села, хозяйствами, расположенными в микросоциуме и образование интегративных моделей (видов) сельских школ: школа-детский сад, школа-сельский клуб-детский сад, школа-хозяйство, школа-филиал ПТУ, школа с группами продленного дня по месту жительства и др. Планирование и осуществление сотрудничества с социальными партнерами образовательной сети (принятие договорных документов, определяющих содержание и формы социального партнерства, права и обязанности по взаимодействию, совместных проектов, программ и др.). Привлечение местных специалистов и умельцев к организации учебной и внеучебной деятельности в рамках образовательной сети	Планирование и осуществление сотрудничества с ближайшими социальными партнерами (принятие договорных документов, определяющих содержание и формы социального партнерства, права и обязанности по взаимодействию, совместных проектов, программ и др.). Совместное обучение вполне здоровых, нормально развитых и детей, с особыми потребностями, с задержками умственного развития. Организация учебных занятий и внеучебных мероприятий в разновозрастных группах школьников, необходимым условием которой является содержательная, организационно-управленческая, технологическая интеграция
Интеграция образовательной системы с ближайшим окружением	
Интеграция при организации трудового обучения школьников: образование «агрошкола-фермерская школа», трудовые объединения школьников и участие их в труде близлежащих сельскохозяйственных предприятий	Слитность с природным окружением: интегративные формы изучения явлений природы, взаимодействия с ней, экологические мероприятия. Включение элементов природного, сельскохозяйственного, экологического, краеведческого и народной культуры в канву учебного материала
Ценностная интеграция	
Органическая целостность сельской школы и окружающей её среды за счет непрекращающейся «цепочки» связи поколений, получивших, получающих и организующих процесс образования в данном учебном заведении. Многие педагоги сегодняшней школы – её вчерашние ученики, а общественность школы составляют родители сегодняшних учеников и т. д.	Интеграция, обусловленная более тесной связью воспитания и обучения сельских школьников с народными традициями, самобытностью, особой атмосферой, близкой к семейной

Таблица 2

<table>
<tr><th rowspan="2">Причины дифференциации</th><th colspan="2">Процессы образовательной дифференциации в сельской школе</th></tr>
<tr><th>внешние</th><th>внутренние</th></tr>
<tr><td>Территориальное расположение школы, её ближайшее окружение (региональные и социально-экономические условия микросоциума)</td><td>Сельские школы различных регионов существенно различаются (дифференцируются) по возможностям социально-экономического сотрудничества с возможными социальными партнерами, организациями сельскохозяйственной отрасли, способными выступить в качестве спонсоров и оказывать финансово-материальную поддержку образовательному учреждению.
По отношению к расположению относительно крупных населенных пунктов школы дифференцируются на пригородные, расположенные в центральных усадьбах хозяйств, расположенные в отдаленных населенных пунктах.
Различные формы социального и финансового партнерства в зависимости от социально-экономического потенциала местности.

Особенности взаимодействия с природным окружением</td><td>Различие в материальной базе сельских школ, в возможности иметь спонсоров.
Чем ближе школа к крупному населенному пункту, тем большими возможностями она располагает для интеграции детей в социальную и культурную жизнь общества, успешнее решается проблема её кадрового обеспечения, для установления и привлечения к организации процесса обучения специалистов соответствующего профиля, для получения и доступа к новейшей информации, культурным объектам и ценностям. В отдаленных школах возможности учителя и учащихся сужаются, что отрицательно сказывается на общем развитии учащихся и профессиональной компетентности учителя.
Выполнение школой различных функций (удовлетворение образовательных потребностей сельских детей, подготовки к сельскохозяйственному труду, социокультурная и социально-педагогическая функции).
Специфическое содержание трудового воспитания в зависимости от конкретных условий в каждой школе.
Введение в учебное содержание предметов краеведческих элементов, элементов природного, экологического, сельскохозяйственного характера. Использование различных форм взаимодействия с природным окружением</td></tr>
<tr><td>Современные образовательные концепции и законодательные документы [2, 3, 4]</td><td>Осуществление профильного обучения в различных его моделях, где образовательные функции школы дифференцируются в зависимости от её роли в сети образовательного округа (базовая опорная школа, школа-филиал, школа-агролицей, член ассоциации образовательных учреждений и т. д.). Формы дифференциации по критерию «сфера реализации»: внутриокружная – межшкольная и институциональная</td><td>Различные варианты базисного учебного плана и наборы базовых, профильных и элективных курсов, учебных практик и способов организации проектной деятельности в зависимости от роли школы в образовательной сети района.
Формы дифференциации по критерию «сфера реализации»: внутриклассная, внутришкольная.</td></tr>
<tr><td>Количество учащихся</td><td>Дифференциация по типам (начальные, полные, основные) и видам общеобразовательных учреждений (школа-детский сад, школа с группами продленного дня по месту жительства и др.)</td><td>Различные варианты многопредметности [5]:<table><tr><th>Основные предметы</th><th>Совмещаемые предметы</th></tr><tr><td>Русский язык, литература</td><td>История, обществознание, иностранный язык</td></tr><tr><td>История</td><td>География, физкультура, ОБЖ, обществознание</td></tr><tr><td>Иностранный язык</td><td>ОБЖ, русский язык и литература, трудовое обучение</td></tr><tr><td>Математика</td><td>Информатика, физика, иностранный язык, черчение, музыка</td></tr><tr><td>География</td><td>История, обществознание, биология, история, физика</td></tr><tr><td>Физика</td><td>История, математика, информатика, музыка, окружающий мир, природоведение, химия, черчение</td></tr></table>Применение различных форм (их сочетаний) дифференциации обучения</td></tr>
</table>

Продолжение таблицы 2

Психо-физиологические особенности учащихся	Внутренняя и внешняя внутриокружная дифференциация: например, для крупной многопрофильной базовой школы с сетью филиалов возможно изучение образовательного инварианта в каждом филиале за счет внутриклассной внутренней дифференциации, профильной добавки – в базовой школе в рамках внутришкольной селективной внешней дифференциации; базовый инвариант и часть профильной добавки могут обеспечиваться филиалами за счет внутриклассной уровневой дифференциации при дополнении её внешней элективной, остальная часть профильного материала обеспечивается базовой школой за счет внутришкольной внешней дифференциацией. Возможны другие варианты	Внутренняя и внешняя дифференциация внутри школы и класса. Разновозрастное и одновозрастное, совместное и раздельное обучение групп учащихся при освоении ими содержания базовых, профильных и элективных курсов, прохождения учебных практик и выполнения проектной деятельности. Использование различного учебного содержания (на базовом и профильном уровнях изучения предметов), различных технологий обучения групп учащихся, методов, приемов, форм организации учебной и внеучебной деятельности школьников

Ядро Концепции ИДП образует совокупность принципов ***гармонизации, системности и технологичности*** с учетом фактора персональности в обучении.

Принцип гармонизации является воплощением идеи «разумного» баланса или соединения антиномических крайностей (А. А. Остапенко). Он предполагает гармоническое сосуществование феноменов дифференциации и интеграции, характерных для обучения в сельской школе; вариативности и инвариантности как характеристик дидактических компонентов; деятельности синтезирования и аналитической деятельности в познании сельского школьника; формирование в учебно-воспитательном процессе метапредметных и общепредметных компетентностей, с одной стороны, и индивидуальной и предметной компетентностей, с другой стороны; формирование единой научной картины мира, с одной стороны, и предметных картин мира, с другой стороны.

Данный принцип объясняет и обеспечивает д*оступность высокого уровня трудности* в обучении предмету, которая достигается через предоставление школьнику в соответствии с индивидуальным образовательным запросом возможности освоения дифференцированного уровня посильного учебного материала, а также одновременного предложения учебных задач, расположенных в «зоне ближайшего развития» (по Л. С. Выготскому). При этом реализуется идея успешного обучения и одновременного развития.

Принцип системности означает системный подход к проектированию, реализации и рефлексии единства процессов интеграции и дифференциации в процессе обучения в сельской школе; совокупное использование методологических подходов к обучению – системного, деятельностного, личностно-ориентированного, технологического. Данный принцип требует освоения учениками знаний, умений, навыков, смыслов деятельности и компетентностей преимущественно в форме системной деятельности, организованной на основе принципов личностно-ориентированных технологий с учетом познавательных особенностей каждого школьника. Обогащение данного принципа элементами методической синергетики и самоорганизации сводится к грамотному согласованию (интеграции) содержания, методов и форм обучения с интересами и возможностями школьников, с темпом, ритмом и сложностью обучения (дифференциация). Данный принцип связан с критерием «обеспечение *свободы выбора» (вариативности) учебного процесса* и является выражением идеи личностно-ориентированного подхода к обучению. Принцип предполагает предоставление учителю и ученику сельской школы права выбора в образовательных ситуациях (при условии уравновешивания его осознанной ответственностью). С действием данного принципа связывается открытость дидактической системы учителя и всей образовательной системы сельской школы в целом. При этом открытость понимается как постоянное совершенствование дидактической системы путем привлечения новых разумных идей, направленных на повышение эффективности процесса обучения в сельской школе.

Принцип технологичности с учетом фактора персональности в обучении предполагает разработку интегративной технологии, аккумулирующей в себе особенности трех известных технологий обучения, являющихся приоритетными для сельской школы, – интегративной технологии уровневого обучения, модульной и технологии индивидуализации на основе учета когнитивного стиля ученика. При этом обязателен учет фактора персональности в обучении, предполагающего в структуре технологии кроме инвариантного ещё и вариативный компонент, который ответственен за учет адаптационно-дифференцирующих образовательных условий, в т. ч. личностных особенностей конкретного учителя, обучаемых им конкретных учеников конкретной сельской школы.

Преимущества интегративно-дифференцированного подхода, выраженного через данную концепцию, видятся в следующих аспектах.

· В ***организационно-структурном*** плане: основные требования к современному процессу обучения (формирование целостной картины мира и системного стиля мышления, вариативность, гуманистичность, соответствие переднему краю большой науки и психодидактики, направленность обучения на формирование у учащихся ключевых компетентностей) обеспечиваются образовательным учреждением, расположенным в сельской местности. Появляется возможность оптимального использования имеющихся в данном учебном заведении кадровых, методических, учебно-лабораторных ресурсов для организации эффективного учебного процесса, для удовлетворения учебно-познавательных и складывающихся профессиональных интересов и потребностей учеников, в том числе реализации профильности в старшей ступени общеобразовательной школы. Улучшается адаптационный процесс, социализация школьников.

· В ***содержательно-образовательном*** плане: многоуровневое образование осуществляется с единых концептуальных позиций в рамках целостного образовательного процесса, ориентирован-

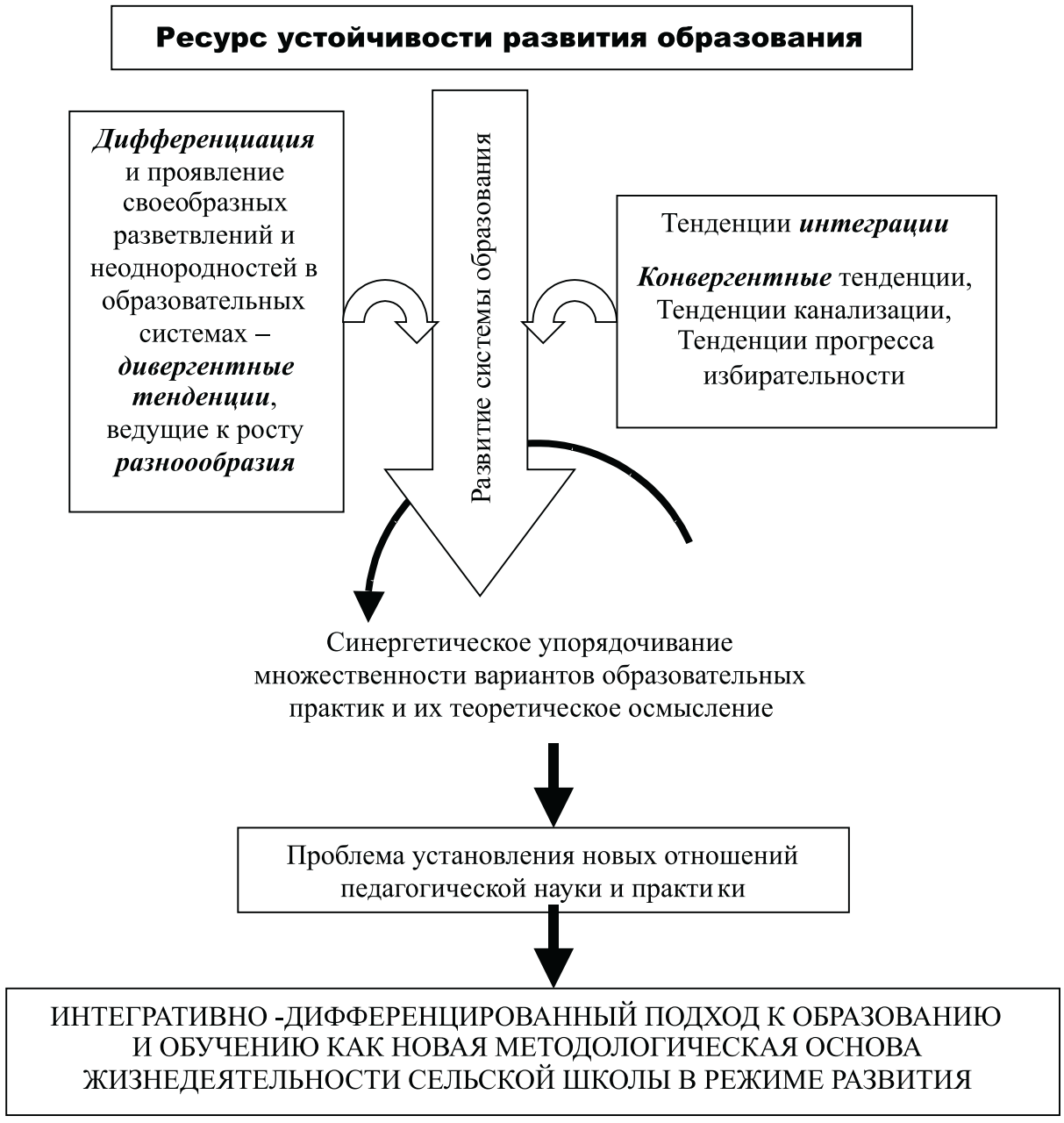


Рис. 1. Ресурс устойчивости развития образования как синергетический феномен

Интегративные тенденции в развитии сельских школ	Процессы дифференциации в развитии сельских школ
Интегративный подход к обучению	Дифференцированный подход к обучению
Общедидактические закономерности, справедливые для любого типа школ	Частнодидактические закономерности, условия их проявления в специфической образовательной среде сельской школы
Инвариантность	Вариативность
Образование личности	Самообразование личности
Интегральная личность	Дифференцированные качества личности
Формирование единой и естественнонаучной картин мира	Формирование предметных и индивидуальной картин мира у каждого ученика
Формирование в деятельности метапредметных и общепредметных компетентностей	Формирование предметно-ориентированных компетентностей и индивидуальной компетентности у каждого школьника
Деятельность синтезирования	Деятельность анализирования
Линейное обучение	Паутинное обучение
Использование коллективных форм обучения	Применение индивидуальных форм обучения

* *СШ – сельская школа*

Рис. 2

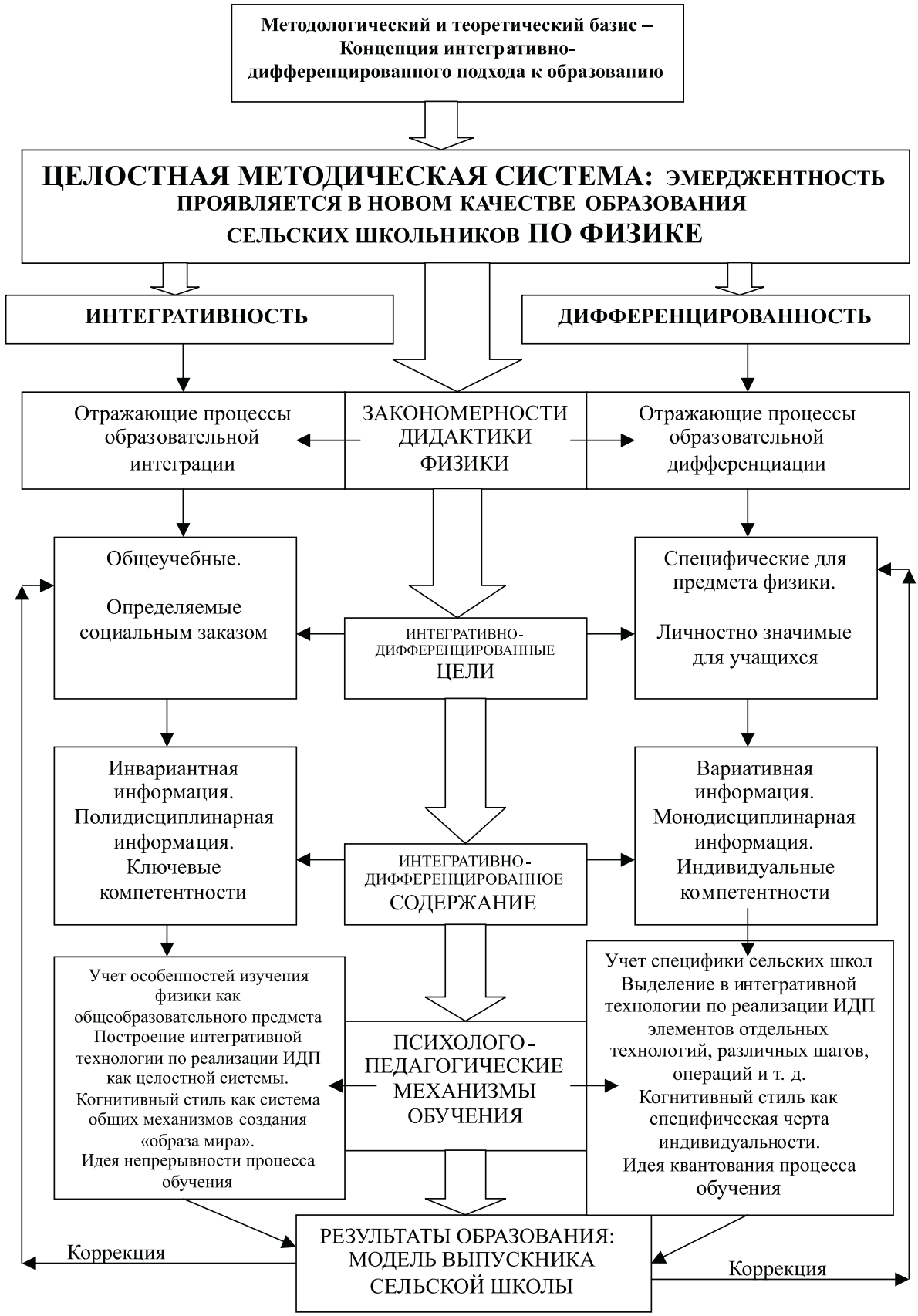


Рис. 3. Модель методической системы по реализации ИДП к обучению физике в сельской школе

ного на единые цели и задачи; появляются возможности для ликвидации дублирования учебных элементов знаний в условиях многопредметности преподавания и тесного учебно-методического взаимодействия учителей сельской школы или нескольких учебных заведений в рамках образовательной сети. В содержательной и деятельностной частях образования акцент переносится на учет познавательных стратегий сельских школьников, вытекающую отсюда индивидуальную логику представления усваиваемой (воспринимаемой) внешней информации и требования базовой и профильной подготовки.

· В ***личностном*** плане: внимание акцентируется на становлении обучающегося как целостной личности, способной на основе полученного образования интегрально решать учебно-познавательные и жизненные проблемы. Школьник имеет возможность выбора образовательной траектории (в первую очередь в рамках предмета) даже в условиях малочисленной сельской школы, за счет чего обеспечивается социальная защищенность и появляется возможность быть востребованным на рынке труда. Особое внимание уделяется отслеживанию у школьника когнитивного стиля и учета его при организации учебно-познавательной деятельности; создаются условия для усиления положительных сторон познавательных стратегий и «нивелирования», насколько это возможно, их слабых сторон. Таким образом, обеспечивается формирование умений аналитико-синтетического характера, рефлексивных и умений синтезировать разнородные знания для получения целостной картины мира, умения видеть задачу в различных аспектах, анализировать этапы предстоящей деятельности как системы и успешно реализовывать их.

Механизмы реализации концепции ИДП

Как воплотить данные идеи в практике обучения сельских школ? Для этого необходимы специальные педагогические механизмы научно-практического характера.

Под «***научно-практическими механизмами***» реализации ИДП к обучению понимается система процессов педагогического характера, обусловливающих принятие теоретических идей концепции учеными, работниками служб повышения квалификации педагогов, учителями; формирование на этой основе индивидуальных методических систем; постепенный перевод их на уровень инструментированных персональных технологий по реализации ИДП и внедрение в реальную школьную практику. Таким образом, выделяются четыре механизма «запуска» ИДП к обучению в сельской школе:

1. *Механизм принятия идей концепции ИДП в обучении* включает обсуждение методологических принципов, составляющих фундамент кон-

Таблица 3

Технология интегративно-дифференцированного подхода к обучению в сельской школе

Признаки образовательной технологии	**Показатели их реализации для технологии ИДП**
Системность (интегрированность и дифференцированность): гармонизация целей, содержания и дидактического процесса	Концепция ИДП к обучению в сельской школе. Основные принципы концепции: принцип гармонизации интегративных тенденций и тенденций дифференциации в образовательном процессе сельской школы, системности проектирования, реализации и рефлексии единства процессов интеграции и дифференциации в образовательной среде сельской школы, технологизации с учетом фактора персональности (применение приоритетных для сельской школы личностно-ориентированных технологий)
Воспроизводимость и гарантированность (со значительной степенью вероятности) результата	Определение системы учебных целей согласно нормативным документам, регламентирующим обучение физике в базовой школе на трех уровнях дифференциации (минимальном, общем и углубленном), в полной старшей школе – в соответствии с Требованиями к уровню подготовки выпускников старшей ступени школы по профильным направлениям (гуманитарному, общеобразовательному и физико-математическому). Обязательная презентация уровневых целей учащимся для обеспечения условия самостоятельного выбора необходимого уровня усвоения физических знаний при осознанной ответственности за свой выбор. Система предписаний для организации деятельности задается в соответствии с типом когнитивного стиля ученика в виде учебных модульных карт на бумажных или электронных носителях, а также вербальных способов представления информации
Система обратной связи	Первоначальная диагностика типа и особенностей когнитивной познавательной стратегии (стиля) учеников, наличие мониторинга личностных учебных достижений на основе обязательной саморефлексии и уровневого контроля в конце каждого модуля

цепции; возможностей продуктивного применения единства интегративных процессов и явлений дифференциации в современном образовательном процессе сельской школы. Дискуссия по поводу основных идей обозначенной концепции носит открытый характер и организуется в различных формах: публикаций в печати, выступлений на конференциях, симпозиумах, семинарах, «компьютерного общения» с помощью электронной почты, переписки, диалогов с учителями, родителями учеников и т. д.

2. *Механизм формирования на этой основе индивидуальных методических систем* отражает особенности восприятия идей Концепции ИДП, их переработки и внесения в проект методической системы аспекта персонализации, отражения специфики условий образовательного поля, в котором прогнозируется применение инновации (модернизированного обучения).

3. *Механизм постепенного перевода методической системы на уровень инструментированной персональной технологии* по реализации ИДП заложен в обобщенном алгоритме реализации технологии и механизмах разработки учебных модулей.

4. *Механизм внедрения в реальную школьную практику* подразумевает организацию деятельности учителя и обучающихся в режиме ИДП при использовании *инструментально-методических средств* для обеспечения эффективных образовательных условий, способствующих выполнению требований как современного социального заказа, так и личностных запросов учащихся и их родителей.

В качестве педагогического механизма, представляющего ступень приближения теории к практике после концепции, рассматривается методическая система учителя, обладающая следующими свойствами: *целостностью*, интегративностью (существование системы как единого целого организма, наличие у системы нового качественного свойства – эмерджентности, высокого уровня развития управления, наличие системообразующего фактора (интегратора) – взаимодействия между учителем и учениками); *одновременным присутствием дифференцированности* (выделение и различение её отдельных компонентов – образовательных целей, функций, принципов, концепций содержания и процесса обучения, психолого-педагогических механизмов образования, закономерностей, результатов образования); *гармонической динамичностью* в отношениях между интегративностью и дифференцированностью системы.

«Образ» методической системы представлен на рис. 3. Методическая система, реализующая идеи ИДП в сельской школе, соответствующая ей технология и инструментально-методические средства разработаны для предмета физики.

Основные характеристики технологии реализации ИДП к обучению физике в сельской школе на обобщенном (частнометодическом) уровне определены в табл. 3.

Полагаем, что **персональная технология** обучения физике представляет собой инструментализированную систему находящихся во взаимообусловливающей связи компонентов образовательного процесса, выраженных через процесс обучения предмету, несущих в себе как общие универсальные признаки модели обобщенной технологии, так и конкретные, особенные свойства, возникающие вследствие учета в реализации технологии адаптационно-дифференцирующих условий: статуса и материально-технической базы учебного заведения, используемой учебной программы, профессионально-личностных особенностей и субъективного опыта учителя, индивидуально-личностных особенностей учеников.

На основе определения основных характеристик технологии реализации ИДП к обучению физике в сельской школе и сущности признака «*персональности*» технологии обучения предмету сформулированы *общие алгоритмические предписания* по внедрению инновации в практику обучения:

1. Освоение учителем основных теоретических положений Концепции ИДП к обучению физике в сельской школе.

2. Изучение учителем основных положений обобщенных технологий уровневой дифференциации, модульной технологии, технологии индивидуализации на основе учета когнитивного стиля ученика и механизмов их «перевода» на персональный уровень. Дадим краткую характеристику каждой из приоритетных для сельской школы технологий, посредством которых реализуется интегративно-дифференцированный подход.

Технология уровневой дифференциации предполагает учет сходных способностей и познавательных потребностей групп учащихся, создание педагогических условий для включения каждого ученика в деятельность, соответствующую его зоне ближайшего развития (по Л. С. Выготскому). Для этого учитель готовит открытую для школьников совокупность целей по уровням дифференциации с указанием по каждой цели критериев ее достижения; обеспечивает добровольный выбор каждым учеником уровня усвоения учебного материала (не ниже стандарта); организует процесс овладения учебным материалом при условии оказания взаимопомощи в самостоятельной работе ученикам в соответствии с индивидуальным темпом; обеспечивает непрерывный (вводный, текущий, итоговый) контроль-диагностику, переходящий в мониторинг учебных достижений учащихся.

Технология модульного обучения предусматривает формирование навыков самообразования

и саморазвития и реализуется через деление всего материала на блоки и алгоритмизацию учебной деятельности в соответствии с предписаниями. Разрабатываются модульные программы, включающие модули из учебных элементов, а также систему комплексных, интегрирующих и частных дидактических целей. Ученик осваивает материал в процессе завершенного цикла учебной деятельности с модулем, включающим учебное содержание, целевой план действий и методическое руководство по достижению запланированных результатов. Учителю отводится роль консультанта.

Технология индивидуализации на основе учета когнитивного стиля ученика призвана обеспечить максимальный психологический комфорт для учащихся в процессе обучения за счет учета индивидуальных психологических особенностей каждой личности и создания условий для самореализации в обучении. Для этого учитель осуществляет диагностику когнитивных стилей каждого обучающегося (выявляет индивидуальную когнитивную стратегию); подбирает индивидуальную технологию обучения и самообучения, максимально способствующую умственному и личностному развитию обучаемого.

3. Проектирование персональной технологии реализации ИДП к обучению физике в сельской школе. Для чего необходимо:

а) Выявление когнитивного стиля (стратегии) каждого ученика в классе, составление «карты стилей» (установление вариативности классного состава), определение учителем своей когнитивной стратегии с целью её учета для избежания ситуации «конфликта стилей» (несоответствие познавательным стилям некоторых учащихся или наиболее часто встречающемуся стилю в классе). Для решения данной задачи применяется интерпретативная диагностическая методика «Дифференциальность-интегральность» авторов Г. А. Берулава и М. Н. Берулавы в совокупности с дополнительным тестом.

б) Коррекция учебного плана в связи с модульной организацией процесса обучения физике и разработка уровневых модульных учебных программ.

4. Реализация инновированного обучения на основе постоянного мониторинга учебных достижений учащихся и осуществление необходимых коррекционных мероприятий.

Технология разработки модулей по конкретной учебной теме представлена нами в статье «Интегративно-дифференцированный подход при изучении темы Основы СТО» [9], а также в книге «Интегративно-дифференцированный подход к обучению физике в сельской школе» [10], в Internet [11].

Под ***«инструментально-методическими средствами»*** понимаются все объекты и процессы (материальные и материализованные), служащие источником учебной информации и инструментами (собственно средствами) для усвоения, с одной стороны, учителями-методистами различных аспектов концепции ИДП и способов её реализации в практике обучения, с другой стороны, для присвоения содержания учебного материала по физике, развития и воспитания учащихся. Одним из средств организации учебно-познавательной деятельности обучающихся является учебный модуль.

В качестве инструментально-методического средства нами рассматривается ***интегрированный лабораторный практикум естественнонаучного направления*** (ИЛПЕНН), ориентированный на обучение в сельской школе [12]. Интегрированный практикум – это учебный курс, обеспечивающий необходимые условия и факторы для организации и проведения исследований междисциплинарного (интегрированного) характера. Практикум ориентирован на изучение процессов, протекающих в окружающем сельского школьника мире в их взаимосвязи и взаимодействии, и имеет целью закрепление и обобщение знаний по физике, химии, биологии, экологии, астрономии, развитие познавательного интереса к предметам естественнонаучного цикла, а также применение знаний и умений в повседневной жизни с учетом профильной ориентации. Содержание практикума, тесно связывающее учебный материал по указанным выше предметам, позволяет сформировать научное мировоззрение, бережное отношение к природе и окружающей среде, понимание приоритета человеческих ценностей, развить творческие задатки личности и исследовательские умения.

Предлагаемый ИЛПЕНН, согласно нашей концепции ИДП, представляет собой «разумный компромисс между дифференциацией и интеграцией в естественнонаучном образовании» на ступени основной (неполной средней) школы. Поддерживая идею дифференциации по отдельным систематическим курсам учебных дисциплин в базовой школе, мы считаем, что требование определенной «законченности» естественнонаучного образования уже на данной ступени школы и формирования единой естественнонаучной картины мира к окончанию 9-го класса диктует необходимость интеграции естественнонаучных знаний в какой-либо форме. Форма лабораторного практикума – система комплексных учебных занятий (12 комбинированных уроков).

Инструментально-методическим средством для реализации ИДП является книга для учителя в трех томах «Технологии разноуровневого обучения физике в сельской школе» [выходит в издательстве «Бином» (Москва) в 2006–2007 гг.]. 1-я часть методического пособия посвящается

вопросам преподавания физики в 7–9-х классах основной (базовой) школы; 2-я часть описывает методику организации разноуровневых уроков по предмету в 10-м классе полной средней школы, а 3-я часть – детально инструментированную методику (технологию) в 11-м классе. Содержание книги представляет собой описание целостной системы учебных занятий, организованных в соответствии с принципами интегративной технологии уровневой дифференциации. В модели каждого урока выделены такие компоненты, как дифференцированные конкретные микроцели, сформулированные в деятельностной форме для учащихся по трем уровням; краткое содержание учебного материала в соответствии с заданными целями; диагностический материал по выявлению достижения презентируемых целей и содержание дифференцированного домашнего задания. Однако наличие подробных технологических карт моделей допускает адаптирование проекта любого учебного занятия в соответствии с вариативностью состава класса и динамичностью урока в каждом конкретном случае: содержание рукописи предполагает методическое творчество читателя. Модели уроков разработаны согласно последним нормативным документам, регламентирующим преподавание физики в общеобразовательных учреждениях, и ориентированы на применение учебно-методических комплектов А. В. Перышкина, Е. М. Гутник; С. В. Громова, Н. А. Родиной; Э. Т. Изергина (по теме «Элементы квантовой физики») в базовой школе и профильно ориентированных комплектов (Г. Я. Мякишева, Б. Б. Буховцева – для общеобразовательного; под ред. А. А. Пинского – для физико-математического направлений) для 10–11-х классов. Последнее объясняется тем, что в сельской школе и на ее старшей ступени реально возможной в ближайшей перспективе является профильное обучение в рамках внутриклассной (уровневой) дифференциации. Модели уроков органически включают знакомство учащихся с элементами структуры физических теорий (основанием, ядром, выводами-следствиями), а также с «цепочкой научного познания» (факты – выявление противоречий – выдвижение гипотезы-модели – выведение следствий – проверка их в критериальном эксперименте), трансформирующейся в логику учебного познания. Пособие рекомендовано Учебно-методическим объединением по специальностям педагогического образования в качестве учебного для студентов высших учебных заведений по специальности 050203.65 «Физика».

При обучении физике важным направлением методической деятельности является организация учебного физического эксперимента. С целью помощи учителю и ученику в этом направлении разработано учебное пособие «Домашний эксперимент в условиях развивающего обучения» [13], которое направлено как на формирование обобщенных экспериментальных и исследовательских умений школьников (интеграция), так и на решение специфических предметных задач (дифференциация). Кроме того, в пособии реализован уровневый подход к выполнению физического эксперимента (дифференциация).

Важным средством является и пособие для учителей-исследователей «Интегративно-дифференцированный подход к обучению физике в сельской школе», которое содержит методику организации экспериментально-опытной работы по внедрению идей ИДП и реализует возможность дистанционного управления процессом исследовательской деятельности [10].

Для внедрения идей инновированного обучения разработаны варианты подготовки студентов педагогических вузов (программа спецкурса «ИДП к обучению физике в сельской школе» [14]) и уже дипломированных специалистов в системе повышения квалификации через ИПК и ПРО (программа курсов повышения квалификации «Интегративно-дифференцированный подход в современном образовании» [15], проблемно-творческий дистанционный курс лекций «Особенности мышления учащихся при обучении физике (интегративно-дифференцированный подход)» [11]).

Таким образом, в настоящее время разработана совокупность педагогических механизмов, способных обеспечить реализацию идей интегративно-дифференцированного подхода к обучению в сельской школе:

а) ***модель методической системы*** (см. рис. 3), основанная на идее разумного баланса между процессами интеграции и дифференциации в обучении и содержащая шесть блоков (методологический базис; дидактические закономерности; целевой блок; интегративно-дифференцированное содержание процесса обучения предмету; психолого-педагогические механизмы обучения, определяющие технологический аспект образовательного процесса по предмету; результаты образования, выражающиеся в модели выпускника сельской школы);

б) ***технология реализации ИДП в обучении***, представляющая собой инструментализированный вариант методической системы и обладающая как общими универсальными (интегративными) признаками модели обобщенной технологии, так и особенными свойствами, возникающими вследствие учета адаптационно-дифференцирующих факторов образовательной среды сельской школы;

в) ***механизмы «запуска» реализации ИДП*** (принятия идей ИДП к обучению, создания соответствующих методических систем, инструмен-

тализации их в интегративных персональных технологиях, осуществления инновационного процесса обучения);

г) ***инструментально-методические средства*** для учителя и учащихся (элементы учебно-методического комплекса, отражающего идею единства интеграции и дифференциации в обучении для сельской школы; интегративно-дифференцированные учебные модули и др.).

Применение идей нового направления в организации жизнедеятельности сельской школы, обозначаемого как интегративно-дифференцированный подход, подтверждает свою эффективность и богатый педагогический потенциал. В экспериментальных общеобразовательных учреждениях Кировской, Белгородской и Тюменской областей России в рамках экспериментально-опытной деятельности получены данные, свидетельствующие о жизнеспособности данного подхода, создании на основе его идей образовательной среды сельской школы, которая имеет личностно-ориентированный характер, удовлетворяет требованиям современного социума и выводит сельскую школу в режим развития даже при сохранении недофинансирования и слабой материальной базы образовательного учреждения. Подтверждается эффективность ИДП в следующих аспектах: а) повышения качества знаний учеников по параметрам «прочность», «действенность», «перенос»; б) создания комфортных психологических условий обучения и построения индивидуальной образовательной траектории в информационно-образовательном пространстве предмета; в) обеспечения условий для формирования ключевых (метапредметных) и предметных компетентностей учащихся, для формирования системного стиля мышления; г) обеспечения условий для развития практико-преобразующей компетентности учителя-исследователя.

Все вышесказанное позволяет рассматривать в качестве основной тенденции дальнейшего развития жизнедеятельности сельской школы единство процессов интегративно-дифференцированного характера, пронизывающих все стороны и компоненты образовательного пространства современного учебного заведения на селе, находящихся в состоянии разумного сочетания и рассматриваемых в целостности как одно из возможных направлений модернизации процесса обучения в сельской школе.

Примечания

1. Сельская школа России: история и современность [Текст] : м-лы Всерос. конф. / под ред. Л. В. Байбородовой и А. П. Чернявской. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2006. 170 с.

2. Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования [Текст] // Профильная школа. 2003. № 1. С. 12–17; № 2. С. 3–5.

3. Стратегия модернизации содержания общего образования [Текст]: материалы для разработки документов по обновлению общего образования. М.: ООО «Мир книги», 2001. 95 с.

4. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 годы [Текст]. М.: ТЦ Сфера, 2006. 32 с. (Правовая б-ка образования).

5. *Гурьянова, М.* Черный шар для реструктуризации [Электронный ресурс] / М. Гурьянова, Т. Пальчикова. http: //www. Nerungri.edu/ru/schools/resurs/resurs/resurs/gazeta/1-sent/28/8.htm.

6. Психодидактика высшего и среднего образования [Текст] : м-лы пятой Всерос. науч.-практ. конф.: Ч. 1. 2–4 ноября 2004 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. 317 с.

7. Когнитивная психология [Текст]: учеб. для вузов / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. М.: ПЕР СЭ, 2002. 480 с.

8. *Ялалов, Ф.* Психологические основы повышения эффективности педагогической деятельности [Электронный ресурс] / Ф. Ялалов. http: // inpo.chelny.info / nauka 01.phtml?user = journal&idface = &action = list&sdate= 2003-01-01&edate = 2006-04-01&kated = &find = &page = 0&id =12712.

9. *Коршунова, О. В.* Интегративно-дифференцированный подход при изучении темы «Элементы СТО» в школьном курсе физики [Текст] / О. В. Коршунова // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. Киров. 2004. № 11. С. 168–174.

10. *Коршунова, О. В.* Интегративно-дифференцированный подход к обучению физике в сельской школе: материалы для учителей-исследователей по организации опытно-экспериментальной работы [Текст] : учебное пособие / О. В. Коршунова; под ред. В. С. Данюшенкова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. 136 с.

11. Общая информация о дистанционных курсах Педагогического университета «Первое сентября» [Электронный ресурс]. –http://edu.1september.ru/?issue=16.

12. *Данюшенков, В. С.* Интегрированный лабораторный практикум естественнонаучного направления для сельской школы [Текст] : методическое пособие для учителей общеобразовательных учреждений / В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова, Г. Н. Христолюбова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. 53 с.

13. *Данюшенков, В. С.* Домашний эксперимент по физике в условиях развивающего обучения [Текст] : учебное пособие / В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова. Киров: Изд-во ВГПУ, 2000. 112 с.

14. *Коршунова, О. В.* Интегративно-дифференцированный подход к обучению физике [Текст] : программа спецкурса для студентов педагогических вузов специальности 050203.65 «Физика» или 050203.65 «Физика с доп. спец. 650202.65 Информатика» / О. В. Коршунова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. 16 с.

15. *Коршунова, О. В.* Система подготовки педагогических кадров для реализации интегративно-дифференцированного подхода к обучению физике в сельской школе [Текст] / О. В. Коршунова // Модернизация системы профессионального образования на основе регулируемого эволюционирования: м-лы 3-й Всерос. науч.-практ. конф.: в 5 ч. Ч. 1 / Южно-Уральск. гос. ун-т; ин-т доп. проф.-пед. образ.; отв. ред. Д. Ф. Ильясов. Челябинск: Изд-во «Образование», 2004. С. 159–163.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Ю. Е. Вечтомова

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ МУЗЕИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРИФОНОВСКОГО ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ВЯТКЕ

В статье рассматриваются особенности формирования музеев при губернских ученых архивных комиссиях. Архивные комиссии являлись единственными научно-историческими обществами в провинции, которые занимались сохранением предметов старины. В 1912 г. членам Вятской архивной комиссии удалось открыть церковно-археологический музей в Вятке, получивший название Трифоновского музея.

Буржуазные реформы затронули многие важные аспекты общественно-политической и социально-экономической жизни, оказали большое влияние и на развитие культуры. Результатом реформ стало оживление общественной жизни, включение в нее широкого пласта разночинной интеллигенции, общая демократизация культуры. Потребности буржуазного развития (развитие крупной промышленности, железных дорог, изыскание новых месторождений полезных ископаемых и т. д.) вызвали необходимость изучения природных богатств, хозяйственного развития, истории края.

Конец XIX – начало XX в. называют «серебряным веком» русской культуры. Особенностью периода была «неслыханная тяга широких народных масс к просвещению, к свету, к знаниям» [1]. Тягу к культуре, к просвещению старались удовлетворить возросшей сетью библиотек, народных читален, устройством лекториев, музыкальных вечеров и, конечно, организацией музеев. Государственные учреждения поощряли интенсивный рост музейной сети, особенно в провинции. Местные музеи, занимавшиеся изучением края, сбором местного материала, коллекций, отражающих природу края, его историю и экономику, являлись прототипами современных краеведческих музеев.

Музеи, занимавшиеся всесторонним изучением родного края, назывались комплексными. Термина «краеведческий музей» до революции не существовало. Музеи именовались обычно по названию той губернии или города, в котором основывались. Возникали комплексные и специализированные музеи и даже педагогические (при Виленском, Киевском, Московском, Казанском учебных округах). Комплексные музеи с их коллекциями, собиравшимися в ходе исследований, служили целям познания и просвещения. За период с 1861 по 1917 г. было открыто сорок пять музеев комплексного профиля, из которых половина приходилась на отдаленные от центра районы Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока, Кавказа [2].

На протяжении XIX в. понятие о назначении музеев менялось. Первые отечественные музеи играли роль древлехранилищ и были доступны лишь ограниченному кругу посетителей. Во второй половине XIX в. музеи начали использовать в образовательных, эстетических и воспитательных целях. В проекте Положения о попечительных советах при музеях Императорской Академии Наук говорилось: «Музеи уже давно перестали служить кабинетами редкостей, удовлетворяющими одну только любознательность случайной публики. Помимо широких педагогических задач, музеи являются крайне важными учебными учреждениями, настоящими лабораториями для специалистов» [3]. В Уставах различных музеев, в качестве обязательных целей назывались: сбор и хранение коллекций, их изучение и распространение на этой базе научных знаний, содействие развитию художественного вкуса, воспитание патриотизма и т. д.

Многие важные вопросы, касающиеся организации и существования музеев в губерниях, были подняты на VII археологическом съезде, проводившемся в Ярославле в 1887 г. Дело в том, что в системе правительственных учреждений дореволюционной России не было специального органа, руководящего культурной жизнью, в частности музейным делом. Графиня П. С. Уварова рассказала о печальной судьбе некоторых местных музеев, закрытых в силу отсутствия в их распоряжении необходимых материальных средств. На съезде был предложен проект Положения для губернских и областных музеев. В нем предусматривался статус музеев как государственных учреждений, чьи коллекции должны составлять государственное достояние. Говорилось в про-

ВЕЧТОМОВА Юлия Евгеньевна – аспирант кафедры истории и краеведения ВятГГУ
© Вечтомова Ю. Е., 2006

екте и о желательности денежных ассигнований со стороны правительства тем местным музеям, которые просуществовали три года и доказали свою дееспособность [4]. Однако поднятые на съезде вопросы не были решены ни в 1880-х гг., ни позднее.

Во второй половине XIX в. существовало два пути образования местных музеев. Один путь – возникновение музеев как результат деятельности учреждений, изучающих край. Это музеи при статистических комитетах, губернских земствах, губернских ученых архивных комиссиях (ГУАК), отделениях Русского географического общества. Другие музеи создавались как самостоятельные учреждения на основе труда краеведов-любителей и местного населения. В 60–80-х гг. XIX в. важную роль в организации музеев играли губернские статистические комитеты, которые создавались в губернских городах с 1834 г. Наряду с главной своей задачей – ведением губернской административной статистики – статкомитеты занимались описанием своей губернии в топографическом, историческом, промышленном, сельскохозяйственном отношениях. Статкомитеты организовывали экспедиции с целью создания различных коллекций для музеев, издавали труды, посвященные изучению родной губернии. Так, Вятский губернский статкомитет издал отдельной книгой в 1873 г. «Статистическое описание Вятской губернии», а с 1880 по 1916 г. ежегодно выпускал «Памятные книжки и Календари Вятской губернии». Губернский статкомитет зачастую являлся единственным центром изучения родного края и поэтому объединял в своем составе местную интеллигенцию.

Многие из статкомитетов собирали коллекции различных предметов старины, сюда же передавались экспонаты с проводившихся выставок (сельскохозяйственных, промышленных), и таким образом создавались музеи. Например, Нижегородский статистический комитет имел к концу 60-х гг. XIX в. в своей коллекции 685 разных старинных предметов. Статкомитетами были открыты музеи в Архангельске (1859 г.), в Уфе (1865 г.), в Твери (1866 г.) и во многих других городах [5]. Так как в задачу статистических комитетов входило всестороннее описание губерний, то и в музеях скапливался материал, характеризующий природу, экономику, историю родной губернии. Однако поскольку для статкомитетов деятельность по изучению края имела второстепенное значение, то и музеи создавались в основном из случайных поступлений и не могли обеспечить высокий научный уровень.

В последней четверти XIX в., когда земские учреждения были введены в большинстве губерний, началась организация земских музеев. Так как земства обычно оказывали материальную поддержку местным образовательным учреждениям, то в их ведении находились некоторые музеи. Например, в Вятской губернии музей при палате государственного имущества в 1874 г. перешел в ведение губернского земства.

Во второй половине XIX в. на местах открывались научные общества различного типа: местные отделения Русского географического общества, губернские ученые архивные комиссии. Эти учреждения имели целью всестороннее изучение края. Архивные комиссии занимались сбором и изучением исторических памятников. Члены архивных комиссий понимали всю необходимость создания историко-этнографических музеев для сохранения ценных памятников старины и создания картины жизни родного края. Поскольку многие ГУАК являлись единственными центрами работы по изучению края, то они вынуждены были заниматься вопросами, не имеющими отношения к их непосредственным задачам. Так, музей Оренбургской ГУАК собирал коллекцию «предметов древностей», но в то же время хранил ботанические, минералогические, зоологические материалы.

Организация музеев местного края в начале XX в., особенно в период между первой буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революциями, связана с возникновением «родиноведческого» движения. Имелось в виду изучение сравнительно небольшой территории (уезда, губернии, края) с целью ее всесторонней характеристики. Подобные музеи открывались в уездных городах и даже в крупных селах. Например, в слободе Кукарке Вятской губернии в 1910 г. был открыт Естественно-этнографический музей Кукарского общества образования, а в Сарапуле с декабря 1914 г. действовало Общество изучения Прикамского края, которое тоже основало свой музей.

Начало оживленного изучения старины Вятского края было положено в 70-х гг. XIX в. П. В. Алабиным, который описал многие памятники археологии, составил первую археологическую карту губернии. В 1881 г. видный археолог А. А. Спицын составил «Каталог древностей Вятского края». В 1887–1888 гг. Спицын совершил ряд поездок по губернии, в ходе которых собрал массу археологического материала. Немало было сделано Вятским статкомитетом для изучения родного края. Члены комитета собирали сведения по археологии Вятского края для различных музеев, съездов, составили неплохую коллекцию предметов местной старины. В 90-х гг. XIX в. изучение древностей Вятки незначительно ушло вперед, так как было мало людей, проявляющих интерес к археологии края.

С открытием 28 ноября 1904 г. Вятской ученой архивной комиссии (ВУАК) изучение Вят-

ского края оживилось. С 1905 г. начали издаваться «Труды» ВУАК, в которых помещались ценные документы по истории края, члены комиссии начали сбор предметов древности.

Мысль об открытии исторического музея при Вятской ученой архивной комиссии стала активно обсуждаться с 1909 г. Члены ВУАК надеялись, что образование музея предотвратит гибель многих предметов древности от расхищения, уничтожения невежественными людьми, от собирания их скупщиками и продажи в музеи других губерний, а также за границу.

Действительный член ВУАК В. Д. Емельянов писал в одной из своих статей: «Собирание и сохранение памятников местной старины есть дело общества сознательно и с интересом относящегося к жизни своих предков. Бережливое или небрежное отношение к обстановке предков – показатель общественной культуры. Создание собрания предметов древностей есть великое дело в образовательном отношении. Историко-археологический музей есть сокровищница, где предметы вековой и тысячелетней культуры, собранные воедино, могут показать, как постепенно развивалась жизнь наших предков» [6].

17 марта 1909 г. члены ВУАК избрали подкомиссию для разработки вопроса об открытии своего музея. Подкомиссия обратилась к проходившему в то время Епархиальному съезду духовенства с просьбой о содействии в деле охраны церковно-археологических памятников. Кроме того, члены подкомиссии поставили перед съездом вопрос о том, «не найдет ли Съезд нужным и полезным предложить со своей стороны меры к охранению памятников древней церковной старины, например учредить особое древлехранилище» [7].

Епархиальный съезд с сочувствием отнесся к идее создания музея и постановил, что необходимо: 1) составить опись существующих памятников; 2) реставрировать храмы, построенные в древнем стиле, иконостасы, иконы, имеющие церковное археологическое значение; 3) для сохранения церковных памятников учредить особый церковно-археологический музей [8]. Предполагалось, что проект нового музея будет разработан к следующему Епархиальному съезду духовенства, который намечался на сентябрь 1910 г.

С декабря 1909 г. на заседаниях ВУАК началось обсуждение вопросов, касающихся открытия музея. В. Д. Емельянов составил проект нового музея. Главной целью музея ставилось «исследование, собирание, изучение и описание вещественных и письменных памятников местной старины». Планировалось, что работники музея станут наблюдать за сохранением старинных храмов, икон, церковной утвари, исследовать городища и курганы, собирать и хранить вещественные и письменные памятники местной старины, устраивать выставки. Кроме того, в обязанности членов музея должно было войти изучение местных обычаев и преданий. Предполагалось, что свои исследования работники музея будут печатать в «Вятских Епархиальных Ведомостях» и в «Трудах» ВУАК. По проекту историко-археологический музей должен был состоять из шести отделов: отдел церковных древностей, палеонтологический, первобытной археологии, этнографический, нумизматический, рукописей и художественно-промышленный [9]. Музей должен был иметь библиотеку, в которую входили бы книги по истории Вятского края и общерусской истории, по археологии, сочинения местных уроженцев, а также книги по вспомогательным дисциплинам.

Для управления музеем предполагалось избрать специальный Совет из членов ВУАК, известных своей научной деятельностью и знающих местные древности. Непременным попечителем музея должен был стать губернатор. Для заведования музеем необходимо было выбрать человека с археологическим образованием, имеющего административные способности. Ему в помощь предполагалось избирать библиотекаря, делопроизводителя. Все члены музея разделялись на почетных членов, действительных, членов-соревнователей и членов-корреспондентов. К почетным членам относились лица, внесшие в качестве пожертвования не менее ста рублей или ценные коллекции, а также епархиальный архиепископ и вице-губернатор. Музей должен был существовать на членские взносы, пособия от епархиального духовенства, субсидии от земства и городов (шедшие через ВУАК), частные пожертвования плюс средства от устройства выставок. Действительные члены платили взносы не менее трех рублей в год, члены-соревнователи – один рубль. Члены-корреспонденты взносы не платили. Проект предполагал, что музей мог производить раскопки с разрешения Императорской Археологической комиссии и при наличии лиц, знающих дело. Для наблюдения за сохранностью памятников архитектуры, собирания сведений о них, составления коллекций для музея, изучения преданий, песен, сказок музей должен был командировать своих членов для обзора края.

25 июля 1910 г. началось детальное обсуждение проекта. В обсуждении принимали участие председатель ВУАК губернатор П. К. Камышанский, вице-губернатор Д. Д. Григорьев, а также председатель подготовительной к Епархиальному съезду комиссии священник В. М. Тихоницкий. По ряду вопросов мнения членов ВУАК разделились. Одни считали, что необходимо открыть общий историко-археологический музей с особым церковно-археологическим отделом, мо-

тивируя это тем, что подобный музей будет «более интересен для публики и более серьезен в культурном плане». Другие полагали, что сначала лучше открыть Церковно-Археологический музей в Епархиальном Доме, так как уже имеется помещение. Вторую точку зрения отстаивал и священник Тихоницкий, говоря, что Епархиальный съезд решил учредить только церковно-археологический музей. Тихоницкого поддержал и вице-губернатор. Кроме того, мнения членов комиссии разделились и в вопросе об обособленности музея от ВУАК. Большинство членов ВУАК высказалось против отделения музея от комиссии, хотя по проекту предполагалось, что музей будет иметь свою администрацию и свои денежные средства.

Обо всех решениях, принятых на заседаниях ВУАК, было доложено Епархиальному съезду. 4 и 7 сентября 1910 г. Епархиальный съезд обсудил вопросы, касающиеся открытия музея. В. Д. Емельянов разъяснил съезду цели и задачи музея и указал, что музей будет приурочен к 300-летию со дня кончины преподобного Трифона, Вятского Чудотворца и 300-летию царствования Дома Романовых.

Епархиальный съезд решил принять участие в устройстве в Вятке историко-археологического музея образованием в нем отдела церковных древностей. Для этого предполагалось доставить в ВУАК из церквей предметы древности, «изъятые из употребления за ненужной ветхостью», а с ценных предметов снимать фото и делать описания. Съезд решил избрать своим представителем для участия в заседаниях ВУАК по вопросу устройства музея протоиерея Иоанна Осокина. Под помещение для отдела церковных древностей съезд выделил две комнаты в Епархиальном Доме. Для сбора средств на организацию музея было решено составить воззвание, напечатать его на подписных листах и разослать настоятелям и церковным старостам. Дело в том, что центральные власти, как правило, не принимали участия в открытии музеев и постоянной материальной поддержки не оказывали, за исключением некоторых одноразовых субсидий. Например, в 1903 г. в ответ на прошение Курского губернатора на устройство историко-археологического музея в Курске было выделено десять тысяч рублей. Обычно провинциальные музеи довольствовались небольшими пособиями от местных властей и частных лиц. Многие статистические комитеты и архивные комиссии, чтобы найти деньги на открытие музея, рассылали извещения, подписные листы об организации музея местным землевладельцам, земским и уездным собраниям и другим организациям с просьбой о материальном содействии. В ответ на эти извещения со всех концов губернии присылали деньги, предметы старины. Вятская ученая архивная комиссия разослала подписные листы о сборе средств в местные церкви и монастыри. К 1 января 1911 г. в ВУАК по подписным листам поступило 414 рублей, половина листов не была возвращена.

В виду отсутствия необходимых денежных средств и помещения под историко-археологический музей членам ВУАК пришлось пойти на уступки Епархиальному съезду и открыть только отдел церковных древностей. Однако члены комиссии надеялись со временем открыть и другие отделы музея. Подкомиссия в составе протоиереев И. Сырцова, И. Осокина, В. Раевского, члена ВУАК В. Емельянова, архивариуса консистории В. Шабалина и художника И. Федорова приступила к подготовке открытия музея. Для музея были куплены витрины, полки и другие предметы обстановки, выработан порядок приема, размещения и хранения старинных предметов. В «Вятских Епархиальных Ведомостях» опубликовали разъяснения о том, какие предметы необходимо высылать в музей. Церковно-археологический отдел ожидал присылки предметов, хорошо рисующих жизнь предков со стороны религиозной: «В интересах изучения Вятского края со стороны исторической, этнографической и религиозной достоин тщательного и бережного отношения и сохранения всякий на вид даже незначительный и малоценный предмет, если он относится к этим сторонам жизни давно минувших времен, например века XVIII, XVII или ранее». Вообще, под «историческим памятником» в XIX в. понимали все, «что зело старо и необыкновенно», а также «куриозные вещи», «памятники замечательные по своей древности, художественному достоинству или исторической значимости» [10]. Отсутствие четких критериев приводило к тому, что главным в оценке памятников была их древность (не менее 150 лет), религиозный и эстетический характер. Однако в разъяснениях, данных Вятской архивной комиссией, подчеркивалось, что в музее необходимо иметь и предметы, относящиеся к XIX в. и даже к началу XX в., которые интересны чем-либо.

Членами подкомиссии были выработаны временные правила для руководства Комитету по заведованию Трифоновским отделом историко-археологического музея при ВУАК. В правилах говорилось, что Трифоновский церковно-археологический музей основан по инициативе ВУАК и с одобрения Епархиального съезда духовенства как отдел историко-археологического музея и находится под покровительством Вятского Епархиального архиерея. Заведование музеем отдавалось особому Комитету из семи членов: один избирался на Епархиальном съезде от духовенства епархии, другие – из членов ВУАК. Председателем стал протоиерей Иоанн Сырцов,

членами Комитета – И. М. Осокин (казначей музея), В. В. Раевский, В. М. Тихоницкий, В. Д. Емельянов, В. И. Шабалин. Уже в 1913 г. в составе Комитета произошли изменения: новыми членами были избраны соборный протоиерей Ф. Н. Иванов, законоучитель мужской гимназии священник А. А. Игнатьев и архивариус Вятского губернского правления Д. В. Фаворский. Комитет часть вопросов, касающихся жизни музея, мог решать самостоятельно на своих собраниях и докладывать о принятых решениях ВУАК в годовых отчетах, другие вопросы рассматривались на ближайших заседаниях ВУАК.

В обязанности комитета входил сбор сведений о существующих памятниках старины, принятие мер по их охране, составление коллекций. О вновь поступивших предметах Комитет публиковал сведения в «Вятских Епархиальных Ведомостях». Каждый член Комитета имел право обозревать храмы, церкви, соборы, делать указания по охране памятников и по присылке необходимых вещей в музей. По части архитектуры Вятского края в музей присылались фотоснимки монастырей, соборов, часовен, построенных до XIX столетия и отличающихся особенным древним стилем; планы фасадов храмов, кладбищ, богаделен; рисунки развалин храмов и памятников; описания интересных надгробий, звонниц, колоколен. Из письменных исторических памятников в музее предполагалось иметь жалованные грамоты, указы, деловые свитки, рукописи по истории храмов, жизнеописания святых, назидательные рукописи. Кроме того, в музей присылали подсвечники, иконы старого письма, кресты, купели, кадила, кропила, а также портреты царей, архиепископов, замечательных духовных и светских лиц, картины религиозного содержания и т. д. В музее были и предметы языческого культа. Таким образом, первое место в музее должны были занимать памятники, характеризующие быт православной церкви Вятского края, затем памятники религиозного быта католиков, лютеран, англикан, евреев, магометан, живущих в Вятке. Все поступающие вещи сразу заносились в хронологический и систематический каталоги и располагались по витринам.

5 октября 1912 г., с благословения и разрешения преосвященного Филарета, епископа Вятского и Слободского, состоялось торжественное открытие Трифоновского церковно-археологического музея. Музей был размещен в двух комнатах на втором этаже Епархиального дома. В первой комнате находилась икона преподобного Трифона новейшего письма, около нее фото с древних икон Трифона, а также другие иконы православных святых. Во второй комнате помещалась трехъярусная витрина, в которой размещались различные церковные вещи. Правая стена второй комнаты была уставлена старинными иконами с царскими вратами в середине, у левой стены было устроено подобие жертвенника, на котором находился комплекс оловянных сосудов [11].

Огромная роль в деле открытия музея принадлежала Ивану Михайловичу Осокину. Осокин родился в селе Верхошижемское Котельничского уезда. Все его предки по отцу и матери были из духовного сословия. Как и все дети священнослужителей, Ваня Осокин закончил духовное училище, а в 1879 г. поступил в Вятскую духовную семинарию, где был в числе первых учеников. Большинство окончивших курс семинарии шло в священники, нередко в родное село, но у Осокина были другие стремления. В 1885 г. он поступил в Казанскую Духовную Академию, куда был послан Вятской семинарией в числе трех лучших учеников.

Именно в студенческие годы проявилась тяга Осокина к истории. Выпускное сочинение на тему «Право патронатства в юго-западной России XVI в.» Осокин разработал по актам исторического архива Казанской Академии, Археографической комиссии. В то время в Академии существовал кружок самообразования с социалистическим уклоном. За участие в кружке Осокин был взят начальством на заметку. В результате после окончания Академии он не получил должности преподавателя в семинарии, на которую мог рассчитывать. И. М. Осокину пришлось работать младшим учителем в слободе Кукарке. Кукарское училище было одним из старейших училищ в губернии и стояло в то время на пороге 50-летия. Осокин на базе архива училища и архива местного волостного правления написал «Исторический очерк Кукарского двухклассного Министерства Народного Просвещения сельского училища за 50 лет существования. 1840–1890 гг.». Затем Осокин работал в старших классах Соликамского духовного училища, где поставил дело обучения русскому языку на должную высоту.

Вскоре И. М. Осокина пригласили на должность помощника смотрителя Пермского духовного училища, где он проработал с 1899 по 1902 г. Здесь еще сильнее проявился его интерес к исследованию местной старины. Осокин вступил в члены Пермской ученой архивной комиссии. Осокин быстро определился с темой исторической работы, в которой проявил себя как патриот родной Вятки. Он начал исследовать деятельность преподобного Трифона, Вятского чудотворца. Трифон Вятский по своей деятельности принадлежал и Вятскому, и Пермскому краям. В Перми Осокин написал обширное исследование «К вопросу о миссионерской деятельности преподоб-

ного Трифона Вятского в Пермском крае», которое было напечатано в «Трудах» Пермской ГУАК. В ходе написания этого исследования Осокин объехал все места, связанные с жизнью Трифона, составил карту этих мест. Вступив на путь исторического исследования, Осокин начал переписку с видным вятским историком-краеведом А. С. Верещагиным, а также с секретарем Вятского статкомитета Н. А. Спасским. Верещагин в письме от 11 февраля 1902 г. писал Осокину: «Статью Вашу, милый Иван Михайлович, о пермских подвигах преподобного Трифона прочитал я с великим удовольствием и в течение двух дней перечитывал снова с особым вниманием. Главное, что я всегда ставил на первом плане – она доказательна» [12].

Любовь к родному краю влекла Осокина в Вятку. Он решил круто изменить свою жизнь, оставить воспитательную работу и даже перейти в духовное звание. Осокин начал вести переговоры с Вятским епископом Никоном и в результате 15 ноября 1902 г. был назначен протоиереем Вятского Воскресенского собора. В 1905 г. Иван Михайлович получил место смотрителя Вятского Духовного училища. Осокин активно участвовал в деле учреждения в Вятке архивной комиссии, а после ее открытия занял должность товарища председателя комиссии. В эти годы Осокин продолжал активно заниматься изучением жизни и деятельности преподобного Трифона, написал ряд статей, посвященных Трифону: «Исторический очерк почитания преподобного Трифона, Вятского чудотворца», «Указатель литературы о преподобном Трифоне и основанных им монастырях» и многие другие. Во всех статьях Ивана Михайловича Трифон являлся не отвлеченной иконописной фигурой, а живым историческим лицом. Осокин писал о Трифоне не только как о подвижнике, но и как об общественном деятеле, миссионере Вятского края. Осокин составил «Житие Трифона» для школьников, на его плечи легли основные труды по подготовке юбилея к 300-летию со дня кончины Трифона. И, конечно, Осокину принадлежала огромная роль в деле основания Трифоновского церковно-археологического музея.

Главным в деятельности Трифоновского музея стало обогащение его новыми предметами старины. Наиболее распространенным видом работ по сбору материала, как и в других музеях, были полевые сборы. Под полевыми сборами понимались краткосрочные выезды (экскурсии) для сбора материала, характеризующего местный край. В 1913 г. И. М. Осокин и В. И. Шабалин совершили ряд поездок по Вятскому и Слободскому уездам с целью обзора местных хранилищ церковной старины. С 1914 по 1916 г. Осокин несколько раз посетил Слободской, Яранский и Котельничский уезды, им были найдены интересные предметы, которые местные священники считали ненужными (старые иконы, церковные сосуды и т. д.). В первый же год своего существования музей получил более двухсот номеров различных церковных предметов, под некоторыми номерами значились целые коллекции однородных предметов (медные кресты, монеты). К 1915 г. в музее значились уже более четырехсот номеров различных предметов и коллекций. Для сравнения: в первые годы работы Полтавский музей получил одну тысячу семьсот различных предметов старины, а в Читинский музей в одном только 1895 г. поступило более десяти тысяч предметов. Вообще, дары местного населения имели большое значение для обогащения музеев новыми экспонатами, особенно когда в музей передавались целые частные собрания. Например, Енисейский музей был создан на основе собрания золотопромышленника-краеведа А. И. Кытманова, а музей Полтавской губернии в 1906 г. обогатился за счет обширного собрания (около двадцати тысяч предметов) местной землевладелицы Е. Н. Скаржинской.

Посетителями местных музеев являлись учащиеся начальных и средних учебных заведений, а также представители всех классов взрослого населения с преобладанием интеллигенции и народных масс (ремесленники, рабочие и крестьяне из близлежащих деревень). Посещаемость зависела от численности городского населения, состояния музея, экскурсий, платы за вход. Например, Пермский музей в 1908 г. посетило 35 тысяч 160 человек, так как в музее по воскресным дням проводились лекции, велась просветительская работа. Екатеринославский музей, находившийся в большом промышленном городе, но рассчитанный на узкий круг специалистов, в том же 1908 г. посетило 6 тысяч 384 человека. Небольшой, но очень популярный Минусинский музей в 1908 г. посетило 12 тысяч человек [13].

Трифоновский церковно-археологический музей открывался для публики по воскресным дням и праздникам с 12 до 15 часов, а для приезжих и в другие дни. Экскурсии обычно проводил И. Сырцов. В 1913 г. музей посетило триста человек, в 1914 г. – более пятисот человек. Музей посетили воспитанники всех духовных и светских учебных заведений Вятки. Вообще, в 1900-х гг. наблюдался рост посещаемости местных музеев. Например, Красноярский музей в 1899 г. посетило 3 тысячи человек, в 1906 г. – 7,5 тысяч, а в 1913 г. – почти 14 тысяч человек. [14].

Уже в 1915 г. Трифоновский музей фактически перестал работать. Дело в том, что музей располагался в Епархиальном доме вместе с Епархиальной библиотекой-читальней и в связи с военным временем дом был отдан под лазарет. Во

второй половине 1914 г. была удалена библиотека, а в 1915 г. дошла очередь и до музея – отняли одну комнату. В январе 1915 г. заведующий Епархиальным домом В. М. Тихоницкий, не предупредив ни ВУАК, ни комитет музея, распорядился перенести все вещи из первой комнаты во вторую. Комната оказалась переполненной, вещи были расставлены без классификации, предмет на предмете; нельзя было ни пройти, ни развернуться. Музей оказался закрыт для посетителей, лишь в редких случаях он открывался для знатных иногородних особ. Поступление новых экспонатов продолжалось: в 1915 г. поступило 75 номеров различных старинных предметов.

В этом же году при Вятском епархиальном братстве был создан Кружок любителей церковной старины – общественное объединение с аналогичными Трифоновскому музею задачами, то есть собирание и сохранение памятников церковной старины. Таким образом, в Вятке оказались два самостоятельных, независимых друг от друга церковно-археологических музея, подчиненных разным губернским учреждениям. Кружок епархиального братства оказался в более выгодных условиях, так как под давлением Консистории и Епархиального братства сельские священники стали посылать предметы древности в музей братства в ущерб Трифоновскому музею. Сырцов писал в своем отчете о положении музея: «Немудрено, что Трифоновский музей попросят убрать из Епархиального дома, отобрали же одну из комнат, не предупредив ни одним словом» [15].

Первая мировая война, а затем и Гражданская война приостановили деятельность ВУАК, а следовательно, и работу церковно-археологического музея. Хотя поступления новых экспонатов для музея продолжались вплоть до 1918 г., но реально музей перестал функционировать еще в 1915 г. В июне 1918 г. местными властями обсуждался вопрос о сосредоточении ряда музеев г. Вятки в Доме инвалидов и превращении их в единый краевой музей. Члены ВУАК решили с благодарностью принять это предложение и перевезти Трифоновский музей в удобное помещение [16].

Таким образом, Трифоновский церковно-археологический музей при ВУАК просуществовал с октября 1912 по 1918 г. За это время в нем было собрано более пятисот номеров различных старинных предметов, отражающих быт православной церкви, под многими номерами значились целые коллекции. Среди экспонатов музея были весьма ценные вещи: резные изображения Спасителя, Божьей Матери, святых апостолов, Николая Чудотворца; виды с кратким историческим описанием почти всех соборов и церквей Вятской Епархии; несколько древних икон новгородского типа; редкие церковные вещи (слюдяные фонари, медная паникадиль); редкие рукописи – «Роман об Александре Македонском», старинная рукопись «Житие и служба преподобного Трифона» и многое другое.

До сих пор не известно точное количество музеев, действовавших на территории России до Октябрьской революции, так как списка музеев не существовало. В 1938 г. список музеев по состоянию на 1913–1914 гг. составил известный музеевед Г. Л. Малицкий. Он зафиксировал 180 музеев, однако сам же считал этот список неполным, так как существовали большие расхождения в данных. Известно, что в период с 1861 по 1917 г. было открыто 45 музеев на местах, из которых на 1960-е пришлось открытие двух музеев, на 1870-е – открытие девяти музеев, на 1880-е – одиннадцати, на 1890-е – семнадцати, 1900–1905-е гг. – шести.

Еще с конца XIX в. поднимался вопрос о необходимости созыва Всероссийского съезда деятелей музеев. Наконец, в 1911 г. на XV археологическом съезде в Новгороде заведующий артиллерийским археологическим музеем, полковник Д. П. Струков поставил вопрос о необходимости собрать предварительный съезд музейных деятелей, его поддержали и другие участники съезда. В декабре 1912 г. с разрешения Министерства народного просвещения был открыт Предварительный съезд музейных деятелей. На нем присутствовало 106 деятелей музеев и работало 5 комиссий. Были подняты следующие вопросы: необходимость создания единого органа по управлению музеями, составление общего списка музеев, издание журнала для музейных работников, принятие закона об охране памятников старины. Также рассматривались и теоретические вопросы: классификация музейных предметов, социальные функции музеев и другие. Эти вопросы планировалось рассмотреть на Всероссийском съезде деятелей музеев, который должен был «всесторонне обсудить нужды музеев, изыскать способы к их объединению». К участию в съезде предполагалось привлечь представителей по возможности всех археологических, полковых, военных, исторических, церковных, художественных музеев России, а также работников библиотек и архивариусов. Открытие съезда намечалось на январь 1915 г., однако в связи с начавшейся Первой мировой войной было отложено «до более благоприятного времени» и так и не состоялось [17].

Наиболее интенсивное строительство музеев наблюдалось в предвоенный период: за одиннадцать лет (с 1906 по 1917 г.) было открыто двадцать музеев. К 1917 г. почти во всех губернских и ряде уездных городов существовали музеи. А в некоторых губернских городах было по два-три

однотипных музея. Например, в Смоленске одновременно работали Историко-археологический музей, церковное древлехранилище, частный Историко-этнографический музей княгини М. И. Тенишевой и музей Общества изучения Смоленской губернии [18]. Стихийное возникновение однотипных музеев вело к соперничеству и разобщенности в их деятельности, как это случилось в Вятке между Трифоновским музеем и Кружком любителей церковной старины.

Все музеи проводили первичную систематизацию предметов. Работники одних музеев считали, что необходимо приблизить систематизацию к общепринятой классификации. Так, Пермский музей имел археологический, исторический, этнографический, зоологический, геологический, палеонтологический, ботанический, промышленный и сельскохозяйственный отделы. Другие музеи (Архангельский, Олонецкий, Полтавский) вели классификацию в соответствии с особенностями природы, экономики, истории края. Например, Олонецкий музей имел следующие отделы: отдел лесной промышленности, судостроения, земледелия, горных пород и другие.

Решающую роль в создании музеев играли местные научные общества и инициатива отдельных исследователей края. Ввиду того что субсидии от правительства и местных органов власти были минимальными, то финансирование осуществлялось в основном за счет пожертвований со стороны местного населения. Отношение государства, как правило, проявлялось в регистрации музея, в наблюдении за ним. Единого руководящего органа у музеев не существовало. Отдельные вопросы жизни музеев (финансирование, утверждение устава и некоторые другие) решались в Министерстве народного просвещения, Министерстве внутренних дел, Министерстве государственного имущества. Таким образом, местные музеи складывались стихийно, практически без участия государства, их открытие и деятельность во многом зависели от развития экономики конкретной губернии, культуры и научной жизни края.

Таким образом, единой классификации у комплексных музеев не было. Музеи складывались постепенно, характерным было преобладание одних отделов над другими. Профиль музея мог меняться в зависимости от поступления новых крупных коллекций или при смене работников музея. Члены Вятской архивной комиссии задумывали создание своего Историко-археологического музея как комплексного, состоящего из отделов церковных древностей, палеонтологического, этнографического и других. Однако в силу сложившихся обстоятельств (отсутствия денежных средств и помещения) пришлось удовлетвориться открытием специализированного Церковно-археологического музея. Члены комиссии надеялись со временем расширить деятельность музея и открыть новые отделы, однако начавшаяся Первая мировая война не дала осуществиться этим планам.

Примечания

1. *Дмитриев, С. С.* Очерки истории культуры начала XX в. [Текст] / С. С. Дмитриев. М., 1985. С. 26.

2. *Равикович, Д. Я.* Музеи местного края во второй половине XIX в. – начале XX в. [Текст] / Д. Я. Равикович // Очерки истории музейного дела в России. Вып. II. М., 1960. С. 170.

3. РГИА. Ф. 733. Оп. 145. 1906 г. Д. 100. Л. 1.

4. Проект положения для губернских и областных музеев [Текст] // Труды VII археологического съезда. М., 1891. С. 282–284.

5. *Равикович, Д. Я.* Указ. соч. С. 152–153.

6. *Емельянов, В. Д.* О необходимости изучения Вятского края в археологическом отношении [Текст] / В. Д. Емельянов // Труды ВУАК за 1910 г. Вып. I. Отд. III. С. 13.

7. *Осокин, И. М.* Об историко-археологическом музее при ВУАК [Текст] / И. М. Осокин // Труды ВУАК за 1913 г. Вып. I–II. Отд. II. С. 19.

8. Там же. С. 20.

9. Проект Историко-археологического музея при ВУАК [Текст] // Труды ВУАК за 1910 г. Вып. II–III. Отд. II. С. 31.

10. *Осокин, И. М.* Указ. соч. С. 21.

11. Открытие Трифоновского Церковно-археологического музея [Текст] // Труды ВУАК за 1913 г. Вып. I–II. Отд. III. С. 128.

12. *Луппов, П. Н.* Библиографический очерк об Иване Михайловиче Осокине [Текст] / П. Н. Луппов. Вятка, 1922. С. 33.

13. *Равикович, Д. Я.* Указ. соч. С. 192.

14. 25-летие Красноярского музея [Текст]. Красноярск, 1915. С. 46.

15. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 77. Л. 123.

16. ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 48. Л. 98.

17. РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 330. Л. 108.

18. *Равикович, Д. Я.* Указ. соч. С. 171.

Е. А. Колеватых

АРИЙСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ТОПОНИМИИ ВЯТСКО-ВЕТЛУЖСКОГО РЕГИОНА

В данной работе проводилась этимологизация системы топонимов Вятско-Ветлужского региона, с учётом выявления возможной аккультурации между предками ирано-арийцев и финно-угров. Результаты исследования свидетельствуют о близких исторических связях между носителями ведической культуры (индийский вариант) и населением края. Рекомендуется учитывать установленную зависимость в дальнейших этнологических исследованиях.

Нет ничего в русской истории
темнее судьбы Вятки и земли её.
Н. И. Костомаров

Географические названия – топонимы Вятско-Ветлужского Заволжья по происхождению можно объединить в три большие группы. Первая, самая многочисленная группа географических названий Заволжья может носить наименование славяно-русской. Основная масса русских топонимов возникла в ходе славянской колонизации региона на протяжении всего II тысячелетия нашей эры. Это названия населённых пунктов, многочисленные микротопонимы угодий, часть гидронимии региона.

Вторая, финно-угорская, группа топонимов возникла примерно в I тысячелетии нашей эры. Это преимущественно марийские, мерянские и удмуртские названия, а также небольшое число топонимов этой группы неясной этнической принадлежности. Последние, скорее всего, являются чудскими или прафинно-угорскими.

Третья, к которой относится несколько десятков топонимов (Арья, Якшанга, Какша, Шамбал и др.), имеет самые глубокие исторические корни. Можно заявить, что это группа «арийских» топонимов, так как основы большинства из них находят соответствия в древнеиндийском (ведическом) литературном языке – санскрите или в родственном ему языке Авесты. Также эти топонимы сходны с собственными именами Вед, Рамаяны и некоторых других литературных памятников ведического периода. С опорой на археологические доказательства, время возникновения арийской топонимии можно отнести к каменному и бронзовому векам.

Во вторую и третью группы топонимов входят большей частью названия рек. Характерно, что реки Заволжья разного порядка носят дославянские названия. Именно топонимы третьей и, отчасти, второй группы и являются предметом нашего изучения.

Отметим, что благодаря специфике науки и степени изученности топонимии Заволжья значительное количество этимологий географических названий должно восприниматься на уровне гипотез, впрочем, обоснованных и имеющих право на существование.

Топонимия исследуемого региона в историческое время подверглась влиянию русского компонента, начавшегося с колонизации этих земель славянами, завязку которой следует отнести к периоду с конца XII в. (основание Городца в 1152 г. и летописного Китежа) до XIV в. (основание поселений на среднем течении реки Вятки). Совокупность топонимов формировалась параллельно с развитием как лексики, так и фонетики великорусского и финских языков. Поэтому дославянские топонимы, в течение последних нескольких сотен лет являвшиеся составной частью «неродной» им русской топонимической системы, неизбежно подвергались определенным фонетическим изменениям. Таким образом, современная местная топонимия слагалась из двух пластов: марийского и русского, то есть двух языков разных языковых семей, соответственно, уральской и индоевропейской. Основная часть топонимов Заволжья имеет явно марийское или славянское происхождение, как следствие, сравнительно легко переводимы на современные языки. Для примера, гидроним Юма (река – левый приток Пижмы) однозначно ассоциируется с марийским Юм(о) – «Бог». Гидроним может означать либо просто «бог», либо Юма – «божья река» (где элемент *-ма* относится к древнему слову со значением «река»). Определённая часть топонимов Вятско-Ветлужского Заволжья не этимологизируется или проблемно этимологизируется современными русским и финно-угорскими языками, то есть стандартными средствами и приёмами, предположительно, имеет более древнее происхождение. При этом она легко соотносится с современной топонимией Индостана и с собственными именами некоторых текстов индоарийского происхождения.

Наша гипотеза такова: «Древнейшая топонимия Вятско-Ветлужского Заволжья свидетельствует о близких исторических связях между арийцами и населением этого края». Поэтому целью работы является попытка обосновать это предположение, изучив топонимии Кировской, Костромской и Нижегородской областей и Республики Марий Эл.

Доказательство начнём с топонима Арья. Арья, с ударением на -я, – посёлок на севере Нижегородской области. Назван по протекающей вблизи реке Арья. Имеется её приток – Арейка. На-

КОЛЕВАТЫХ Евгений Александрович – студент группы Г-41 естественно-географического факультета ВятГГУ (науч. рук. – проф. А. М. Прокашев)
© Колеватых Е. А., 2006

звание гидронима можно вывести (этимологизировать) из древней индоевропейской основы *ar-* со значением «течь, протекать», в некоторых случаях даже «вода». *Арья* – это основа *Ар* плюс формант *-я* (суффикс со значением отношения). Таким образом, топоним Арья может быть образован от древнего индоевр. корня и значит «текущая» или просто «речная», «река», «вода».

Налицо поразительное сходство топонима с самоназванием арийцев – «Арьи» (ударение на а). Именно с самоназванием «Арьи», а не латинизированным – «Арийцы».

Согласно словарю Фасмера, существуют иберийское *ura* «вода», карело-финское *aro* «мелководный залив, заросший хвощами», венгерское *ár* «поток», которые по смыслу близки к индоевр. *ар* [1]. В финских языках основа ар участвует в образовании множества гидронимов в составе существительных: финск. «ярви» – «озеро» (Инари-ярви), марийск. «яр, ер» также «озеро» (Когояр, Марьер), а также марийск. «энер» – «река» (Кугунер). Мы видим изменчивость основы *ар* в пределах замещения гласного *а* на *е*, *у* (*и ю*), *я*. Он приобретает облики: *яр, ур, юр, ер*. При этом сохраняется водная семантика (значение). На основании этого «вводим в оборот» гидроним Юрья – реки, лев. пр. Великой системы Вятки. По-видимому, названия Арья и Юрья идентичны. Они находятся в одной историко-географической области, как мы показали, имеют сходную семантику. Арья наиболее близка к первооснове «ар». Появление же звукосочетания [ju] в Юрье можно объяснить переосмыслением (деэтимологизацией) русским населением на основании сходства с личным мужским именем Юрий [по мнению современных исследователей, имеется прямая связь между именем Юрий и Арий (Орей)]. Добавим, что по реке Юрья также был назван посёлок Юрья.

На территории соседней республики Марий Эл находим две реки с гидронимами Орья в системах Немды и Буя – притоков Вятки. Таким образом, в топонимии Заволжья присутствует полный спектр названий типа «*рья».

В лексиконе пермского языка обнаруживаем апеллятив «*арай*» – «болото, заросшее камышом» с упомянутым выше древним индоевр. формантом. Его аналог – мансийский «*урай*» – «озеро, болото», который образовал ойконим *Урай*, город в Югре. Также тюрк. *ур/ор* – «ров, овраг, долина» (реки?). Снова водная семантика. Посёлок Арья находится в Уренском районе, центр которого – город Урень – крупнейший на севере Нижегородской области. По-видимому, топоним Урень также связан с основой *ар*, вернее, *ур*. Раскладывая топоним на слоги (Ур-ень) видим знакомую нам основу *ур-* и суффикс *-ень*. Возможно, суффикс – урезанная форма уже упоминавшегося *-энер* – река, или *-эньга* – тоже река (в гидронимах типа Юр*онга*, Яр*ань*). В таком случае видится прямая связь между топонимами Урень, Ярань, Юронга и аналогичными им. В них соседствуют две основы: индоевропейская и финно-угорская (марийская) с одинаковыми значениями. Отметим, что формант «анга», часто присутствующий в топонимах Заволжья, имеет место также и в лексике санскрита, например, «вар*анга*», «*ангай*х» – голова, а в йоге Анга – ступень.

В Костромской области на реке Ветлуга находится город Шарья. В этом топониме видим неизменный формант «арья», что указывает на родство с Арьей. Название Ш*арья* также этимологизируется из индоевропейского *ar-* с позднейшим добавлением префикса *ш-*(*ша-*) и означает в современном понимании: «протока, текущая река» или «пролив». С другой стороны, на севере России (Коми, Югра) известен апеллятив «*шар*» – «протока между двумя водоёмами», сочетающийся с угорскими *сар*, *сор*, *сур* (как варианты *шар*, *шур*, *шор*) в аналогичных значениях «пролив», «ручей», родственных венгерскому *ár* – «поток». Это также доказывает позиционируемую нами этимологию. В таком случае группируем топонимы: собственно *Шарья*, *Шар*дань, *Шар*данка, *Шар*да, *Шар*ба, О*шар*ы, *Шар*а, Бол. и Мал. *Шар*анга (марийск. «ветла»), *Шар*ша, О*шар*аш и *Шор*ья Большая и Малая, сюда же топоним-перевёртыш *Арша*, в которых основы *шар-/шор-* имеют предложенную выше водную семантику. Добавим, что в топонимах Русского Севера: Маточкин *Шар*, Югорский *Шар*, относящихся к проливам, слово «*Шар*» явно означает «пролив». Из всего этого видим, что множество топонимов Заволжья, имеющих «водно-арийскую» семантику и содержащих словообразовательные основы, так или иначе восходят к древнейшей индоевропейской лексике с тем же значением.

В обилии таких топонимов на территории Заволжья нет ничего удивительного. Целостное представление о Земле сформировалось у человека относительно недавно. В его сознании плоское и заболоченное от повышенного увлажнения, покрытое густой речной сетью Заволжье не представляло единого массива суши. В области полесий и ополий Заволжья, богатой болотами, сухие участки суши представляются островами. Становится понятной этиология топонимов – совокупность причин такого именования.

Однако вернёмся к топониму Арья. Наличие только одного его указывает на некоторую причастность арийцев к формированию топонимии Заволжья и подтверждает основную гипотезу исследования. Усиливает это предположение существование целой системы созвучных и аналогичных по смыслу топонимов, группирующихся в лесном Заволжье.

Анализируя древнеиндийские тексты, мы обнаружили сходство между собственными именами в них и описанными нами топонимами. В индийских древностях собственные имена с компонентом *-ар-/-арь-/-арья-* употребляются с частотой, соотносимой с количеством созвучных топонимов Заволжья. В Рамаяне находим имена царей и иных персонажей: Х*арья*шва (кстати, отец *Мар*у), Да*шарат*ха, *Арья*ман (букв. «Арий человек»), Мантх*ара*, Бх*ара*та. В Ригведе:

«У *Шарья*ты принесены (тебе соки),

которыми ты опьяняешься» (I, 51. «К Индре» 17) (приведенные в скобках цифры обозначают книгу, гимн и строфу в нем),

«Ища голову коня,

Которая была спрятана в горах,

Он нашел ее у *Шарья*навата» (I, 84. «К Индре» 14),

«...Какими [силами вы] помогли Кутсе, Шрут*арье*, Н*арье*...»

«...Какими [силами] для Сью*мара*шми вы прогнали [стрелы] *Шар*ы...»

«...Какими [силами] вы поддержали *Шарья*ту [в борьбе] за великую награду...» (I, 112. «К Ашвинам» 9, 16 и 17),

«...Собирающий войско, известный среди племен как воинственный арья, –

Я хочу провозгласить совершенные подвиги [этого] Индры» (II, 21. «К Индре» 3),

«О Индра, сопровождаемый *Мар*утами, пей здесь сому,

Как пил ты выжатого у *Шарья*ты» (III, 51. «К Индре» 7) [2].

Цитаты вырваны из контекста, поэтому теряют свой смысл, но нам важно видимое совпадение современных географических названий и древнейших собственных имён, которые разделены тысячами лет времени и тысячами километров пространства! В настоящее время они принадлежат разным культурам, топонимиям, народам.

Это лишь первая часть нашего исследования. В ней мы, по крайней мере, указали на общность топонимии исследуемого региона и древнеиндийских священных текстов.

Топонимия современного Индостана содержит обилие названий с основой *ар*. От прежних эпох осталось, например, священное название реки Инд – С*ар*асвати (букв. «водами богатая», также – речная богиня – снова водная семантика).

На территории Шахунского и Ветлужского районов Нижегородской области были обнаружены:

1. Топонимическая пара ойконим Маря и гидроним Морана.

2. Топонимическая связка гидронимов Колюга, Холоденка и Мокруша и ойконима Марьино.

Обе системы компактно локализованы и имеют общую семантику. Топонимы Маря, Марьино и Морана имеют общий корень *мар-/мор-*, сводимый к звукосочетанию *mr*. В славянском пантеоне богиня сезонного умирания и воскрешения природы именуется Марена/Марана/Морана. Она – славянский аналог индуистской Кали, богини смерти. По словарю Фасмера находим следующие значения имени: «солнечный зной; сухая мгла», марь женского рода – «туман; возрастающий зной», «мора “темнота, туман”, болг. мараня “душный давящий зной”« [1]. Имя это также родственно словам «обморок», «мар» в значении «холм, насыпь, могильный холм». Мордовское mar – «могильный холм».

Гидронимы Холоденка и Мокруша усиливают загробную семантику, а *Колюга* вообще напоминает эпоху богини *Кали* – *кали-югу* (в индуизме) – продолжительный период жизни вселенной. Это один из четырёх повторяющихся циклов, называемых Сатйа, Трета, Двапара и Кали. Канонически, человечество постепенно опускается с высокодуховного состояния в Сатйа-юге до состояния дегенерации в Кали-юге. Затем, с наступлением новой Сатйа-юги, возрождается первоначальное состояние чистоты, цикл начинается снова. Интересно, что к Кали-юге продолжительность жизни человека снижается до 100 лет...

Заметим, что топонимы с формантом *mr* чрезвычайно распространены в Евразии, в местах проживания современных индоевропейцев. Можно выделить следующие относительно крупные острова их распространения: южная Испания (*Мур*сия, Аль*мер*ия), Подунавье (*Мор*ава, *Мур*, *Мор*авия), Средняя и Центральная Азия (*Мур*-габ – «опасная, бурная река», то есть «река смерти», *Мар*ы, *Мур*эн), Индия (*Мурвар*а, *Мерат*х, *Мир*ут, *Морена*, А*мар*авати); *Мур*манск, подмосковное *Мур*аново. Исследуемое нами Поволжье в этом перечне представлено топонимами: *Мур*ом, *Мур*аши, *Мур*зино, *Мур*ыгино, речки исследуемого региона: *Мор*маз, *Мур*ановка, *Мор*ква и *Мир*янга, этнонимы *Мор*два, *Мар*и, Уд*мур*ты, *Мур*ома, *Мер*я.

В индуистской мифологии, на полюсе мира находится священная гора Меру – обитель богов. Поэтому примечательно, что Вятско-Ветлужское Заволжье окружают народы, в самоназваниях которых присутствует элемент *mr* (аналог – у оронима *Мер*у), так же, как Шамбалу окружают 8 гор.

В русском народе живёт предание о *Мур*авии – рае, аналоге Шамбалы, о *мур*авских братьях (ассоциируемых с Кириллом и Мефодием). Уместен этноним Илиады Гомера – «*мир*мидоняне» – от греч. «*мур*авьи». В Поволжье наблюдается высокая плотность топонимов с элементом *mr*, и это связано, по меньшей мере, с топонимической (народной) памятью о *Мур*авии.

Топонимы с компонентами *мар-/мор-/мур-* широко распространены по всей Евразии, преимущественно в местах расселения индоевропейцев. Причём семантика этих слов на всём этнически сходном евразийском пространстве различная. Это и русский (а также общеславянский и балтийский) апеллятив со значением «*мера*» (в топонимике можно понимать как вариант – «грань, рубеж, межа»), связанный с индоевропейским *mē- «*мер*ить». Под данную этимологию попадают: река *Мер*си в Англии, название которой образовано от древнеанглийского mearc «пограничная» и среднеазиатский ойконим *Мар*ы (*Мер*в) – Антиохия *Мар*гиана эпохи эллинизма (III в. до н. э.), иначе Антиохия Пограничная [3], располагавшаяся в Средней Азии – регионе проживания арийцев в историческое время. Река Рубеж, например, известна в Тоншаевском районе Нижегородской обл., причём на удалении от современных границ разного рода, в том числе и границ угодий. К моменту именования здесь, очевидно, проходила какая-то граница [1].

В пользу «водной» семантики данных топооснов приведём следующие значения: общеиндоевропейская основа *mari* «*мор*е, озеро, болото», финское *meri* «*мор*е», монгольская река *Мур*эн – «большая, полноводная река», иллирийское *mar*us – «болото» [1].

Интересно, что на марийском «*мар*и» означает «человек», то же и в пермских языках («*мур*т»); а древнее средневековое название удмуртов звучало как «*ар*яне», по-видимому, образованное от татарского *ar*, *ary* (*арии*?) – «уд*мур*т». Здесь же топоним *Ар*ск (топооснова *Ar-* со славянским суффиксом *-ск*) приобретает значение «Удмуртск»! В Поволжье и Приуралье чрезвычайно распространены топонимы с основой *Ар*, где их насчитывается до 30.

На территории Вятско-Ветлужского Заволжья нами был обнаружен гидроним Шамбал. Сразу заметим, что топоним заинтересовал нас и по причине его полного соответствия названию легендарной земли Шамбалы в мифологии древней Индии.

Это небольшая река, левый приток Ветлуги, находится на юге Ветлужского района Нижегородской области.

По видимому, гидроним образован только из одной корневой основы *shambal* без участия суффиксов/префиксов. В исследуемом регионе данный топоним единичен – не имеет однокоренных названий. Ближайшими по звучанию оказались топонимы, образованные корнем *Shabal*. Таких только в Кировской области обнаружилось семь единиц. Распространённый тип фамилии *Шабалин-*, состоит из элемента *Shabal* и морфемы *-ин* со значением принадлежности. Очевидно, так называли выходцев из этих поселений.

На первый взгляд, этимология достаточно проста – название Шабалино происходит от диалектного *шабала* – «отвал плуга» или «шумовка» [1]. Апеллятив *шабала* распространён от Костромы до Камы, возможно, заимствован из чувашского šêbala – «ложка, черпак» [1]. Также по словарю Фасмера известно: *шебала* – «тряпка, лоскут», *шабола* – «морда морского зверя», *шабала*, *шабал*да – «болтун, врун» [1]. Но последние три имеют место в южных диалектах русского языка и применительны для этимологизации, например, московской *Шабол*овки. Вятская земля пространственно удалена от ареала южнорусского говора, к тому же все предложенные варианты не помогают этимологизировать топоним Ша*м*бал (с глухим звуком [m]), который не мог появиться в Шабал-, но вполне мог выпасть из Шамбал. Звукосочетание *мб* не совсем характерно для русского языка, при утрате смысловой нагрузки или для облегчения произношения приглушенный звук мог редуцироваться. На сибирском севере существует топоним А*мб*арчик, образованный от существительного а*мб*ар, смысл которого сохранился понятным и общеупотребительным, чего нельзя сказать о Шамбале.

Очевидно, здесь имеет место редукция глухого *-м-* в населённых пунктах Шабал-, располагающихся вблизи транспортных путей (где ускорена трансформация языка), и становится понятной сохранность этого звука в Шамбале, лесной реке, окружённой непроходимыми болотами. Таково объяснение топонимов, предпринятое нами с помощью традиционных взглядов на географические названия Заволжья.

Что же преподнесёт нам Индия? На территории современного Индостана был обнаружен гидроним Чамбал (*Chambal*), река, прав. приток Джамны системы Ганга. И здесь видна полная схожесть двух гидронимов, удалённых друг от друга более чем на 4 тыс. километров.

В текстах Пураны и Калачакра-тантре находим, что первоначально Шамбала – название селения (на санскрите), а также святая обитель просветлённых Учителей – Маха-атм. Известно, что Шамбалу окружают восемь гор со снежными вершинами. Позднее Шамбала «стала» сакральным центром индуистов. Сейчас Шамбалу отождествляют с христианским Раем или русским Беловодьем – светлой страной праведников. Шамбалу – страну или населённый пункт – пытались локализовать в Тибете (в долине Брахмапутры), в Приполярье и Заполярье (В. Н. Дёмин), а Беловодье – в Азии и «Опоньском [Японском] государстве» (П. И. Мельников-Печерский).

Известно ещё одно название, связанное с Шамбалой, – Калапа (*Kalapa*) – не локализованный топоним тибетского происхождения, который некоторые исследователи относят к столице Шамбалы.

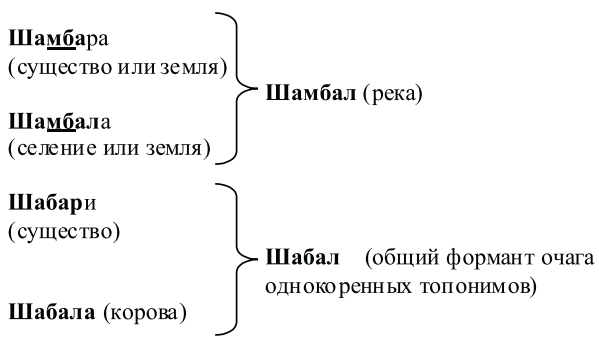
С Шамбалой связывают также легенду о пришествии индийского мессии *Кал*ки Аватара (санскр. «воплощение вождя»). Это имя, в котором присутствует элемент *Кал-*, коррелирует с упомянутыми выше названиями *Кал*апа и *Кал*а-чакра. Этому посвящена следующая часть данной работы.

Три других соответствия выявлены при разборе древнеиндийских памятников литературы: в Рамаяне находим «Могущественный асура по имени Шамбара...» (Аиодхья Канда, глава 9). Это существо, «повелитель асуров» (там же), являлось противником сонма богов. В Ригведе Индра «храбро разрубил Шамбару» (мандала 1 1, 54). Имя сходно с санскр. «шамбари» – волшебство. Очевидно, что *Шамбара* (возможно, *шамбал*а + *ари*й), сын Кулитары, повелитель народа асуров (дасов), жил в горах, владел землёй (*Шамбар*ой?) и девяноста девятью крепостями (их количество упоминается дважды): «когда ты [Индра] разрушил крепости Шамбары» (1, 103). Обычай называть земли и объекты в честь людей жив и сейчас (хребет Менделеева, например). В следующей цитате идёт речь о регионе или о самом Шамбаре: «Ты [Индра] отдал Шамбару во власть Атитхигвы» (1, 51). В 1, 130 говорится, что Индра «Для Атитхигва Шамбару [то есть асура. – *Прим. авт.*] столкнул с горы» [2].

Также в Рамаяне упоминается женщина – аскет, монахиня, «добродетельная *Шабар*и, глубокая старушка, почитаемая богами» [2], которую посещает герой Рама. Она наставляет Раму и возносится на небеса.

В первой книге Рамаяны, Айодхья Канде, в главах 52–55 главными героями представлены спорящие из-за могущественной коровы *Шабал*ы, исполняющей желания, мудрец-брахман Васиштха, её хозяин, и царь Вишвамитра [2]. Сюжет этого эпизода в общих чертах напоминает развитие действий в финском эпосе Калевала. Только в роли могущественного артефакта – мельницы Сампо – выступает разумная корова *Шабала*. Налицо факт полной тождественности имени *Шабал*а и морфемы *Шабал-* в топонимах типа *Шабал*ино/*Шабал*иха.

Возникает следующая цепочка отождествлений:



Обращаясь к финскому эпосу Калевале, находим магическую ручную мельницу Сампо, функция которой аналогична созидающе-разрушающей силе коровы Шабалы. Эта мельница – источник богатства и процветания. Так же, как и в Рамаяне, из-за неё разгорается война, что служит основой сюжета Калевалы. Здесь имеем фонетическую и семантическую аналогию, ибо Сампо/Sampo через Shambal родственно (корове) Шабале, только без шепелявенья. Несомненно, в основе обоих сюжетов может быть одно общее событие. Только у народа, жившего преимущественно земледелием, наибольшей ценностью была мельница, а для потомков степных и пустынных номадов даже сейчас корова – священное животное.

Следует вернуться к ойкониму, связанному с Шамбалой. Это *Кал*апа; тибетское название, относимое к столице Шамбалы, можно записать латиницей так: *Kal*apa. Угадывается звуковая связь корня *Kal-* с общеиндоевропейскими *Kal-Kol-*. Во многих языках индоевропейской семьи они означают «круг, Солнце, время». Так, в русском они – составные части слов колесо («круг»), календарь (в значении «повторяющееся течение времени»; римск. «календы»). А также сакральные *Кол*оворот (Солнцеворот), имя языческого божества зимнего Солнца – *Коло* (он же *Коля*да; *Кол*ядки), культ которого с принятием христианства превратился в почитание святого Ни*кол*ая (особенно на Вятской земле, где и был обретён его известный чудотворный образ).

На санскрите *kal*a одновременно означает и «время», и «смерть».

В индуизме существует богиня Кали – воплощение Великой Богини. Сюжет книги «Деви Махатмья» основан на войне сил добра и зла. По нему богиня *Кали* (а это одно из множества её имён) воплощает в себе силу разрушительную, но направленную против зла. При этом *Кал*и (*Kali*) – богиня смерти.

Интересна параллель с финским *kal*ma – «смерть», а также мордовским *кельме* – «прохладно, сыро» – негативные значения, ассоциирующиеся с загробным миром. Здесь же русск. *холм* (курган, могильный холм) и топоним Кекс*гольм* в Карелии.

Имя *Кали* является топонимообразующим. На современной карте находим гидронимы Непала: *Кали*нади и *Кали*-Гондак, *Kali* в составе названия острова *Кали*мантан. В Индийских Гималаях находятся ойконимы *Кал*па (*Кал*апа?) и *Кал*ка (коррелят – река *Кал*ка в Приазовье).

Наличие топонимии с корнем *kal-* в Индии особенно интересно при присутствии топонимов с этим корнем на территории Вятско-Ветлужского Заволжья, где обнаружились 5 селений со сходными названиями: Каливец, Колеватово, Колева-

ты. На этимологию этих топонимов могут быть два взгляда: финский и индоарийский. Начнём с индоарийского.

1. Ветлужский гидроним Каливец образован суффиксацией корня Кали двумя добавлениями: *-ив* и *-ец* со значениями принадлежности и уменьшения. Видим неизменное имя ведо-индуистской богини «смерти ради жизни» Кали.

2. Топонимы типа Колеватово имеют общую основу Колеват-. Снова немного изменённое имя Кали плюс *-ват-* (санскр. «сильный» или «ветер, сильный ветер», а также Вата – бог штормового ветра). По-видимому, значение топонима таково: «ветер смерти», «сила Кали» или может быть преподнесено как название, образованное от имён богов Кали и Вата, а первооснова имела звучание «Каливата».

Это группа топонимов с семантикой загробного мира, смерти. Предложенная этимология достаточно убедительна и едва ли не единственная.

Финская этимология тесно связана с карело-финским эпосом Калевала, название которого образуется от корня «Калева» и суффикса *-la*, означающего место. Калева – предок всех главных героев Калевалы, согласно народной традиции, реально существовавший человек. Он персонаж многочисленных мифов и преданий финнов. Частенько его именем называются непонятные природные явления или странные объекты. В то же время Калева (Калев) – национальный герой Эстонии. Известно средневековое название Таллинна – Колывань – город Колева. Апеллятив kaleva означает «великан, огромный, могучий человек» – то же значение, что и у санскр. и авест. *Arua*, *Aryu* – «знатные», «высокие». Поэтому Kaleva и Airyu по своей сути слова-синонимы.

Напомним, как создавалась Калевала. Элиас Лённрот перед тем, как окончательно написать эпос в 1849 г., совершил 11 экспедиций по сбору произведений устного народного творчества у финноязычного населения Финляндии и Северной России, чьи сказания хранили в себе память о реальных событиях, таких, как война с Похъелой ради Сампо, напоминающая ведический конфликт из-за Шабалы. Текст Калевалы представляет собой художественную обработку тысяч стихов, хранимых ранее народными рунопевцами. Стихи эти нередко противоречат друг другу, однозначно эпические топонимы локализовать чрезвычайно трудно.

Однако проанализируем текст эпоса. Находим топоним Калевала – название лесистого края с рекой на нём. Об этом свидетельствуют цитаты:

«Прибыл к Вяйнёлы полянам
И просторам Калевалы».
«Возле речки Калевалы,
По краям поляны Осме».
«Жёг у Калевы ты рощу,
Дерева сжигал у Осмо».
«Калевалы на границу,
На рубеж поляны Осмо» [4].

Видим, что топонимы Калевала и Вяёнела тождественны. В то же время топоним Калевала не придуман Леннротом, а взят из народных текстов, где он изредка встречается в заклинаниях, балладе и нескольких свадебных песнях. Калевалой в них называется дом (усадьба) или деревня.

Исследователи сходятся во мнении, что Осмо и Калева, скорее всего, один и тот же человек – предок Вяйнёмейнена, Лемминкяйнена и других. «Поляна Осмо» – топоним, характеризующийся отношением (принадлежностью) поляны Калеву-Осмо. Данный топоним (Осмо/Osmo) чрезвычайно напоминает марийский гидроним Ошма (Oshma), локализуемый в Тоншаевском р-не Нижегородской области. Действительно, рядом с рекой Ошмой, разделяющей Кировскую и Нижегородскую области, находится одно из селений с названием Колеватово.

Обзор топонимии не будет полным, если не попытаться её этимологизировать. В марийском *«ош»* – «белый», *-ма* – характерное для гидронимов окончание, наряду с «Пижма» и «Яхрома». Поэтому Ошма – Белая река. Раскрыть смысл полнее помогут другие топонимы этого района: О*шар*ы и О*шар*аш. Зная, что корень *ар-* (*шар-*) имеет водную семантику, приходим к выводу, что Ошары/Ошараш – буквально «Беловодье». Получили ещё одно подтверждение: в народном сознании Беловодье, Калевала и Шамбала как ипостаси рая (славянской Слави) сливаются и имеют все черты сокровенной страны золотого века, которой и представляется Калевала (она же Вяйнёла, Осмо) в эпические, геройские времена. Точно так же воспринимали землю блаженных, Гиперборею, древние греки, причём помещали её именно на севере, «за северным ветром» («за Кали Ватой»⁉).

По данным археологии, человеческие стоянки в верховых притоках Пижмы (где локализуются Ошма, Колеваты и Колеватово) известны ещё с мезолита (VIII–VI тыс. до н. э.; стоянки Четвериковщинская, Щенники).

С другой стороны, в пермском «ош», а в финском «ohto» – «медведь», следовательно, основы тоншаевских топонимов О*шар*ы, Охт*ар*ское, О*шар*аш и Ошма означают одно и то же – «Медвежья вода (река)». Это позволяет причислить эту группу топонимов к «медвежьим» топонимам, известным по всей России. В народных песнях, не вошедших в состав Калевалы, Осмо – ещё и загадочное существо, «которое сватается в лесу к девушке, ломающей там веники». Им мог быть медведь (ош – охто – отсо). Вновь видим параллель между топонимией исследуемого региона и собственными именами карело-финского эпоса.

И ещё один факт, сближающий Калевалу с ведическими древностями. У собственных женских имён в финском эпосе присутствует формант *-тар*, показывающий женское начало персонажа: Ильматар, Ловьятар, а также из цитаты Калевалы:

«Осмо*тар*, что варит пиво,
Капо, что готовит брагу,
Пообдумала и мыслит:
“Что сюда еще добавить,
Чтобы пиво забродило,
Чтоб поспело молодое?”
Калева*тар*, та девица» [4].

В Ригведе и Рамаяне присутствуют аналогичные имена: Шру*тар*ья, Кули*тар*а, *Тар*а, Хо*тар*а и некоторые другие, уже относящиеся к персонажам обоих полов – результат перехода от матриархата Калевалы к патриархальным отношениям в Ведах. Отмечаем фонетическое сходство собственных имён.

Пожалуй, один из самых весомых доводов в пользу нашей гипотезы – существование населённого пункта с названием Калевала (Kalewala) в пакистанском Пенджабе, к северу от Лахора – именно в том регионе, который арийские племена заселили первым. Немного восточнее расположено селение Калевали (Kalewali). Единственной связью между отдалённым европейским севером и Индостаном в историческое время было переселение ариев. На обоих концах их пути сейчас обнаруживаем совершенно одинаковые топонимы, причём обратных связей (из Индии в Заволжье) не зафиксировано. Поддержание «культурного моста» между этими регионами представляется затруднительным ввиду значительности расстояния (4 тыс. км) и того факта, что степи и пустыни Средней Азии и Южного Урала всегда были полны воинственных номадов – на борьбу с ними не хватило бы людских ресурсов. Получается, что события, описанные в Калевале, опережают эпоху миграции арийцев (а это II тыс. до н. э.). Как следствие, топонимия Заволжья столь же древняя.

Каждое событие имеет своё время и место. Если отдельные части эпосов двух народов – арийцев и финнов, живущих на огромных расстояниях друг от друга, имеют одинаковый сюжет и сходные имена персонажей, часть которых отражена в топонимии Вятско-Ветлужского Заволжья, то логично предположение, что прообразами сюжетов являются одни и те же события, происходившие в реальное историческое время в месте соприкосновения культур предков этих народов. Мы показали сюжетную и ономастическую связи между фольклором ираноариев и финно-угров. Если подобия в лексике и личных именах ещё можно списать на позднейшие заимствования, то передача целой культурной системы и обоюдное отражение в топонимиях невозможны без обмена их носителями, людьми – корреляция между Калевалой и Ведами есть доказательство положения нашей гипотезы о прямых и прочных исторических связях *арийцев* и населения Заволжья – современных м*арийцев*, русских, удмуртов.

Существует множество примеров, когда народ на новое место своего проживания переносил географические названия родного региона. Это утверждение иллюстрирует, например, формирование в недавнем прошлом европейскими эмигрантами топонимии Нового Света. Не могло быть иначе – нелепо жить в окружении незнакомых названий, пользоваться непривычными сочетаниями звуков. По большому счёту, необязательно, чтобы эпические события вершились в Вятско-Ветлужском крае. Народ после событий, воспетых в фольклоре, занял земли в заволжском междуречье и оставил после себя «калевальскую» топонимию, часть которой сохранилась до наших дней. Наконец, этими переселенцами могли быть Вяйнямёйнен и его соратники, ушедшие из Калевалы.

Вернёмся к топонимам, образованным от слова «медведь» из лексикона разных языков. Наравне, скажем, с Вохтомой (от финск. «охто» – медведь) Костромской области, к этой группе можно отнести и гидроним Вахтана. В этих названиях имеем дело с протезой – с добавлением согласного «в» в абсолютное начало имени с целью облегчения произношения. Компонент *-охто-/-ахта-* означает «медведь», а формант *-ма/-на* указывает на реку, являясь древним дофинским окончанием гидронимов наряду с такими: Цна, Десна, Кострома. Отсутствие гласной «о» объясняется преобладанием акающего говора.

В районе водораздела между Пижмой и Большой Какшей имеются по меньшей мере 6 гидронимов Вахтан(а), относящихся к обеим речным системам. Это свидетельствует о наличии в этом участке водораздела древнего волока из бассейна Ветлуги в речную систему Вятки [5]. Очевидно, что появление комплекса однозначных гидронимов связано с эпохой колонизации Вятки или с периодом княжеских междоусобиц и сопротивления татарам, когда водный путь через Ветлугу в обход устья Камы был особенно оправдан.

Проявлена связь между топонимом Вахтан и современным таджикским (ирано-арийским!) словом Ватан (без [х] на выдохе) – «родина». На языке Авесты «Вах» – благой, а общеиндоевроп. «тана» – река, отсюда получаем авестийскую этимологию гидронима Вахтана – Благая река. Название аналогично Вахви Датии – реке на мифической прародине иранцев. Сходны по звучанию современные топонимы Таджикистана: Вахан, Вахш.

Топонимии Вятско-Ветлужского Заволжья и территории, включающей Индостан, Иран и Среднюю Азию – регионов фиксированного проживания ирано-арийцев, имеют много общего. Это и уже упоминавшаяся пара Шамбал – Чамбал, а также:

1) гидронимы Какша (Заволжье) и Кокча (Северный Афганистан), горная цепь Кокша-ал-тоо, разделяющая Киргизию и Китай, гидроним Кокшаал в Восточном Туркестане. Имеет место замена звука [ш] на [ч] в совпадающих топонимах Средней и Южной Азии;

2) иранский остан Керман и Пакистанская провинция Пенджаб особенно богаты топонимами с формантами *Арья-* (Arja-) и *Ара-* (Ara-) – абсолютно идентичными топонимам Арья в Заволжье. В Индии присутствует ойконим Арья (штат Бихар). Всего на пространстве от Ирана до Бенгалии топонимов с формантом *ар-* обнаружено, в первом приближении, до 17;

3) в Афганистане, в провинции Балх, расположено селение Аржамак (Arjamaq), совпадающее с топонимом Аржамакша (гидроним, лев. пр. Пижмы). Там же город *Колм* (*Kolm*), название которого повторяется на Русском Севере – *Холм*огоры – и имеет общее с финским *kal*ma – «смерть»;

4) существование селений Калевала (Kalewala) и Калевали (Kalewali) в пакистанском Пенджабе.

Наличие сходных топонимов Заволжья и Южной Азии позволяет нам с уверенностью приступить к поиску этимологий вятско-ветлужской топонимии в лексике санскрита. Дело в том, что к наличию подобных параллелей необходимо относиться осторожно – достоверность знаний, полученных таким путём, подчас ставится под сомнение и называется «народной этимологией». У нас же право на использование сравнительного анализа есть по причине установленных ранее соответствий.

Итак, начнём с уже упоминавшихся ранее топонимов. Весьма распространённый формант *Какша-* в гидронимах исследуемого региона в переводе с санскрита на русский означает «убежище». Действительно, этиология ясна: реки, затерянные в лесах, могут представляться своеобразными убежищами кому-либо.

Самое древнее (из упоминавшихся в летописях) поселение славян на Вятке, городок Никулицын (XII век), известен археологам ещё с бронзового века (II тыс. до н. э.). Пожалуй, сложно представить, но этот топоним восходит к санскр. «никулиника» – «наследство». И если наша гипотеза верна, то действительно речка Никулинка и все археологические и топонимические находки – арийское «наследство» Вятского края.

Арламба, гидроним бассейна Ошмы, этимологизируем из санскр. «ламба» – «приобретение» – и известного нам форманта *ар-*. Получаем: Арламба – «обретённая вода».

Санскрит. «балака» – «журавль» – элемент распространённой в Заволжье фамилии-антропонима. Известны (на юге Шабалинского района) ойконимы, образованные от этой фамилии. В районе пос. Вахтан (см. ранее, а также от санскр. «ваха» – «рождение») расположено несколько топонимов типа «Журавли». Наличие в этом локусе речки Шуравка наводит на мысль, что «Журавли» – переосмысленное индоарийское слово, ныне сохранившееся в языках Афганистана в виде «шурави» – так называли жители этой страны наших солдат.

В непосредственной близости от Вахтана, на реке Какша, находится посёлок Сява, названный по протекающей рядом реке. «Савья» на санскрите – «юг». Топоним Сява образован санскритским апеллятивом со значением стороны света. В Авесте присутствует персонаж *Сьява*ршан, отец Кави-Хаосрава. Аналогия личных имён.

Один из низовых притоков упомянутой ранее Пижмы, река Пижанка, на которой находится одноимённый посёлок, имеет название, родственное санскр. прилагательному «пишанга» – «жёлтый».

Название притока Какши – река Якшанга – образовано от санскр. «собачья голова» или санскр. – волжскофинск. «собачья река».

Топонимы типа «Нея», концентрирующиеся в Костромской области, этимологизируем из санскр. «ния», «ньяя» – «правило».

Общефинский, а ныне преимущественно марийский бог Юма (Юмала, Йомала), чьё имя лежит в основе вятских гидронимов Юма и Юмка, имеет своего ведического собрата – Яму (Йаму), сына солнцебога Сурьи. Яма – владыка Преисподней, правитель Юга (Сявы!?), также Царь Смерти и Справедливости. Он был первым человеком, а Юмо – творцом мира. Видим общность этносов на уровне религии. Это косвенно говорит о древнейших связях арийцев и прафиннов. Первые ушли на юг, сначала на Урал, в степи, затем в Индию. Минуя различные природно-территориальные формации, переселенцы неизбежно приобретали новые черты своей культуры, в том числе и богов. К тому же современный индуизм – брахманизм значительно отличается от ведизма. Прафинно-угры, чьи потомки и теперь проживают в лесной зоне средней полосы, сохранили древние религиозные верования с меньшими изменениями.

Яма как царь Справедливости является воплощением Дхармы (Кармы). Его имя угадывается в Правилах – Ни*яма*. Теологическая связь правителя Юга, Ямы, со сборником правил – Ниямой – в ведизме отражена в топонимии Вятско-Ветлужского Заволжья в соседствующих друг

с другом на карте названиях: Юма, Сява, Нея. В Авесте Йама – царь-пастух, правитель иранцев во время «золотого века».

Одно из прозвищ Ямы – Антака (букв. «Губитель»), Бог смерти. Среди вятчан распространена фамилия «Антаков», что ещё раз подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

Широкое распространение в Заволжье топонимов загробной тематики согласуется с положением в славянских Ведах, что Ра-река (Волга) разделяет мир Яви – жизни от мира загробного (Нави). Вследствие этого такая особенность топонимии Заволжья находит своё объяснение

В главе 62 Бала Канды Рамаяны находим строки: «Знаменитый царь Амбариша вместе с Шунашепхой отдыхал в полуденный час в уединенном месте *Пушкара*. Пока монарх почивал, Шунашепха, наслаждаясь красотой *Пушкары*, увидел Вишвамитру» [2]. Здесь говорится о локусе «Пушкара». Явно видим формант *-кар*, в удмуртском (Донды*кар*), да и в марийском (Кокшаров – Кош*кар*ов) означающий «город». На территории Кировской области находятся реки Пижма и Пушма. Оба топонима образованы из коми «пыш» – «дикая конопля» и гидроформанта *-ма*, означает «Конопляная река», «Коноплянка». В таком случае, слово Пушкар – из финско-пермского – «город в местности, где растёт конопля». Однако данный топоним встречаем в тексте индийского эпоса. Обращаем внимание на обратную возможность этимологизировать арийские топонимы средствами финских языков. Добавим, что «Пушкара» на санскрите означает «девясил» – также растение.

Если же наша гипотеза верна, то возникает логичный вопрос: «Имеются ли упоминания о земле ариев в Заволжье в письменных источниках?». Нами было обнаружено несколько таких записей разных веков.

Имела ли страна ариев в Заволжье своё собственное название? Воспользуемся одним из наиболее ранних европейских описаний татаро-монгольского завоевания. Это так называемое письмо венгерского миссионера Юлиана о монгольской войне, который посетил Поволжье и Приуралье в 1235–37 гг. по распоряжению римского папы Григория IX с целью поиска Великой Венгрии. И вот что он впоследствии писал: «...обратившись к западу, татары в течение одного года или немного большего срока завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией... напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство Морданов...» [6]. После этого приступили к завоеванию Северо-Восточной Руси. Этот текст содержит массу интереснейшей информации. Из него следует, что монголы, двигаясь с востока или юго-востока, сначала захватили Булгарию (Волжскую), а в конце этого похода заняли «царство Морданов» – Мордовию. В промежутке между ними – земли, названия которых однозначно локализовать не удавалось. Однако обратимся к духовному наследию русского историко-географа Л. Н. Гумилёва. Автор, анализируя эти же строки, понимал под Меровией междуречье Унжи и Ветлуги, а страну Ведин помещал севернее Меровии (вплоть до Сухоны). Это положение поможет нам доказать состоятельность нашей гипотезы, поэтому согласимся с ним и, опираясь на авторитет великого этнолога, продолжим исследование. Топоним «Меровия» содержит уже описанный ранее формант *мер-*, указывающий на родство другим аналогичным топонимам, а также этнонимам меря и мари. Данные народы обитали точно на водоразделе Унжи и Ветлуги. На основании этого можем поместить на карту название историко-географической провинции Меровия, границы которой примерно будут совпадать с заволжской частью современной Нижегородской области.

Корень слова Ведин однозначно указывает на связь топонима с существительным Веды, в буквальном переводе с санскрита означающем «знания». Родственно русск. «ведать» – «знать». Помещая, вслед за Л. Н. Гумилёвым, Ведин к северу от Меровии, отметим, что большинство исследуемых нами «арийских» топонимов Вятско-Ветлужского Заволжья находятся на территории этой историко-географической провинции, что позволяет нам представлять Ведин как название страны арьев. Для подтверждения верности локализации находим ойконим Веденье на территории Боговаровского района Костромской области в 33 км к югу от районного центра, то есть в самом центре страны Ведин. Отмечаем совпадение топонимов.

Согласно словарю Фасмера, в народной поэзии сохранилась память о Веденецкой земле которой вполне могла быть страна Ведин по причине схожести топонимов и по сакральному смыслу обоих локусов. Там же указывается на связь с ойконимом Леденец – названием города на Балтийском море, который «встречается в УНТ (былина о Соловье Будимировиче), отождествляется с Ревелем (Таллином)» [1]. Но одно из названий Таллинна Колывань – город Колева. Земля Ведин, Веденецкая земля богата топонимами с формантом *Колев-*. Очевидно, в народном сознании осталась память о нескольких локусах (или об одном, но с разными названиями) царства «Золотого века», отразившаяся в произведениях народного творчества. Таким образом, выясняем, что территория проживания арьев Заволжья имела названия Ведин, Веденецкая земля.

Иранско-финно-угорские языковые связи исследовались многими известными специалиста-

ми, в частности В. И. Абаевым, В. Георгиевым, Н. Р. Гусевой, и некоторыми другими преимущественно на уровне апеллятивов. Лингвисты и этнологи с опорой на данные археологии полагают, что наиболее активными и постоянными были контакты прафинских народов с индоиранской частью индоевропейской общности. Своей работой мы стараемся показать глубину этих контактов, выявить степень аккультурации, взаимного влияния культур разных этносов.

Из всего вышесказанного можем сделать вывод, что связи между предками ирано-арийцев и финно-угров имели место, причём датировать их можно на данный момент лишь относительно: до исхода ариев из Южного Урала, но позже событий, описанных в Калевале. Имеются доказательства для пространственной локализации этих связей в Заволжье, в частности в Вятско-Ветлужском крае. Очевидно, что этот локус играл значительную роль в древнейшей истории Восточной Европы. Это – один из центров зарождения, развития и, как показывает современное состояние конфессий, центр возрождения ведизма. Поразительные сходства в языке, личных именах, топонимии, религии, а также возможность взаимной этимологизации топонимов указывают даже на этническое родство и преемственность.

Исторический эпизод перемещения так называемых арийских племён гармонично сочетается с мыслями индийского философа Л. Б. Г. Тилака, книга которого так и не была издана в России: «...Арьи не были автохтонами ни в Европе, ни в Центральной Азии – их исходный регион лежал где-то вблизи Северного полюса в эпоху палеолита. И они мигрировали оттуда в Азию и Европу не под влиянием “неодолимого импульса”, а потому что наступили неблагоприятные изменения в климате этого региона»: Локанья Бал Гангадхар Тилак (Lokanya Bal Gangadhar Tilak) «Арктическая родина в Ведах» («The arctic home in the Vedas»). Цит. по пер. Н. Гусевой. Иными словами, по мнению Тилака, праиндоевропейцы («арьи»), зародившись как этническая общность далеко на севере, из-за наступающего ледникового периода отступали в пределы климатического оптимума, то есть на юг. При известных конечных точках (Индостан в последние 2 тысячелетия и территория «в пределах Полярного круга» в доледниковье; в связи с современной датировкой последнего, «внутривалдайского» межледниковья – более 20 тыс. лет назад, – кажутся сомнительными такие временные размахи. Но исход народов можно соотнести, скажем, с Атлантическим оптимумом, температурный максимум которого приходится на 6–5,5 тыс. лет назад, после чего началось новое похолодание, повлекшее миграцию населения, известную как исход Ариев во II тыс. до н. э. В. Н. Демин в ходе экспедиции «Гиперборея 98» нашёл следы этой цивилизации на Кольском полуострове) ясно прослеживается путь этого «этноса» или его части, оказавшейся в речном Заволжье. Реконструкция этого далёкого времени затруднена ввиду отсутствия полноценного фактического материала. Но очевидно, что какая-то часть этих людей оставалась в Вятско-Ветлужском Заволжье, сохраняя язык и культуру, сформировала самый древний пласт, субстрат местной топонимии. Затем влилась в состав финно-угорской этнической общности, создавшей самый значительный пласт топонимии. Во втором тысячелетии нашей эры Вятско-Ветлужское междуречье колонизировали славяне, русские, и топонимия (в образовании которой также принимали участие обско-угрский и поздний тюркский – особенно в Воскресенском районе, где обнаружен гидроним «Коран» – компоненты) приобрела современный вид. Относительно слабая освоенность территории и особенности ономастики русского и марийского народов позволили сохраниться архаичным чертам в топонимии Заволжья. Нами была осуществлена попытка выявить и этимологизировать эти архаичные топонимы. В ходе исследования были найдены системы семантически сходных географических названий, большей частью деэтимологизированных. Нами было предложено альтернативное толкование их смысла с помощью сравнительного языкознания, которое раскрыло перед нами топонимию на основе общей этимологии.

Примечания

1. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. акад. О. Н. Трубачева. Электрон. дан. М.: Бизнессофт, 2004. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. Систем. требования: Pentium 166 MHz; ОЗУ 32 Мб; операц. система Windows (98, ME, XP, 2000); CD-ROM дисковод. Загл. с экрана.

2. Рамаяна [Текст] / пер. с санскр. В. Потаповой. М.: Худож. лит. 1986. 269 с.

3. *Никонов, В. А.* Краткий топонимический словарь [Текст] / В. А. Никонов. М.: Мысль, 1966. 509 с.

4. Калевала [Текст] / пер. с финск. М.: Худож. лит., 1977. 575 с. (Б-ка Всемирной литературы. Серия 1. Т. 12)

5. *Афанасьев, А. П.* Исторические, географические и топонимические аспекты изучения древних водно-волоковых путей [Текст] / А. П. Афанасьева // Вопросы географии. Топонимика на службе географии. М.: Мысль, 1979. № 110. С. 56–70.

6. *Аннинский, С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе [Текст] / С. А. Аннинский // Исторический архив. 1940. Т. 3. С. 71–94.

А. В. Чучкалов

АМЕРИКАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ЗАКРЫТИЕ ШКОЛ ПРЕСВИТЕРИАНСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИССИИ В ИРАНЕ (АВГУСТ 1939 – ЯНВАРЬ 1942 гг.)

В статье рассматривается помощь американской дипломатии своим соотечественникам из Пресвитерианского Совета иностранных миссий, образовательные учреждения которого в Иране были закрыты правительством Реза-шаха в результате реформы образовательной системы страны в конце 1930-х гг.

Перед самым началом Второй мировой войны правительство Реза-шаха на волне укрепления своего режима и усиления национализма решается на реформу образовательной системы страны. Оно заявило о намерении закрыть все действующие в Иране иностранные образовательные учреждения, в том числе и американские. Возникла необходимость помощи миссионерам в урегулировании данного вопроса. Эту задачу взяли на себя американские дипломаты.

По сравнению с отношениями Ирана с Великобританией и СССР, которые постепенно ухудшались, американо-иранские отношения в это время отличались стабильностью и доброжелательностью. Поэтому на фоне столетних гуманитарных и экономических связей, прежде всего в кредитной, торговой и военно-технической областях, заявление о закрытии миссионерских школ выглядело неожиданным. Какие мотивы лежали в основе этого шага иранского правительства? Какие меры были приняты дипломатами США по урегулированию данного вопроса, и какие методы они использовали? Какой был характер взаимодействия в треугольнике «американское представительство в Иране – госдепартамент США – миссионерские службы» и принимали ли в нем участие другие страны? И, наконец, чем завершилась данная история? Вот круг основных вопросов, ответы на которые нам предстоит дать.

Если о содержании и причинах образовательной реформы Реза-шаха написано немало, то реакции самих миссионеров и поведения американских дипломатов, в связи с возникшей ситуацией, фактически не касались ни отечественные, ни зарубежные историки [1]. Редкие же сведения в основном сводятся к констатации факта закрытия иностранных образовательных учреждений.

В сборнике «Иран. Очерки новейшей истории», например, отмечается, что «в 30-х годах заметно активизировалась деятельность правительства по реорганизации системы просвещения. Эта компания проводилась под флагом национализма и даже шовинизма. Еще в период кризиса были закрыты все иностранные начальные школы и ограничено число средних школ, а в 1940 г. – остальные средние школы и иностранные высшие учебные заведения» [2].

С. М. Алиев в «Истории Ирана. XX век» коснулся идеологии образовательной реформы Реза-шаха, констатируя, что «со временем были закрыты все те учебные заведения, где преподавание велось не на персидском языке» [3].

Весьма лаконично, без каких-либо комментариев, данного сюжета касаются и иностранные авторы. В. С. Хаас в монографии «Иран» пишет: «В 1941 г. все иностранные школы перешли к правительству, признак того, что иранская образовательная система рассматривалась достаточно развитой, чтобы полагаться на свои собственные ресурсы» [4]. А. Бэнени отмечает: «В 1940 г. националистическая политика министерства образования привела к тому, что всех иностранных миссионерских преподавателей попросили оставить страну. Их школами завладело министерство, и они продолжали функционировать как открытые государственные школы» [5]. В том же ключе излагает и А. Петер: «Кажется, что едва ли кто-нибудь, за исключением Реза-шаха и его наиболее льстивых прихвостней, желали видеть эти прекрасные школы измененными, но в 1940 г. ими завладело министерство образования и они стали государственными средними школами со штатом иранских учителей...». Он же упоминает о том, что в качестве предлога иранское правительство использовало угрозу учреждения в Иране советских школ [6].

Ненамного пространнее в своих рассуждениях П. В. Коттэм: «Однако и национализм и убежденность в том, что иранцы нуждаются в авторитарном руководстве, приводило Реза-шаха к тому, чтобы смотреть на миссионерских преподавателей скептически. Тем не менее ни американцы, ни иранцы не были подготовлены к внезапному его решению в августе 1939 г. по национализации всех иностранных образовательных учреждений в течение 2 недель. Это решение вызвало волну дипломатической активности со стороны американцев. Не было никакой надежды, что директива будет изменена, впрочем, вскоре это все же произошло, был определен год переходного периода» [7].

Вместе с тем в американских дипломатических документах существуют подборки по данной проблеме за несколько лет [8]. Они проливают свет на многие поставленные вопросы.

История закрытия американских образовательных учреждений в Иране растянулась на не-

ЧУЧКАЛОВ Алексей Викторович – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ
© Чучкалов А. В., 2006

сколько лет. Условно ее можно разделить на четыре периода.

Первый период приходится на август 1939 г. Основные проблемы, которые решались американскими дипломатами в это время, были связаны с выяснением причин закрытия миссионерских школ в Иране, а также с урегулированием срока окончательной передачи имущества.

14 августа 1939 г., в понедельник, в государственном департаменте США получили тревожную телеграмму поверенного в делах в Иране Ван Энгерта. Текст телеграммы гласил:

«Исполняющий обязанности министра образования сегодня (13 августа. – *Авт.*) устно информировал американский колледж в Тегеране, что правительство решило завладеть всеми американскими образовательными учреждениями как в столице, так и в провинции, включая 2 колледжа и 2 средние школы с общежитиями в Тегеране, 2 школы в Реште и Тебризе и 2 школы в Хамадане.

Правительство желает всю собственность получить в течение следующих 2 недель, т. е. до начала осеннего семестра. Оно обещает компенсацию за собственность и возможность нанять часть американского персонала.

Я встречаюсь с министром иностранных дел утром и попрошу у него дальнейших объяснений.

Пожалуйста, известите Пресвитерианский Совет.

Энгерт» [9].

На следующий день поверенный во время аудиенции у министра иностранных дел Ирана Музаффар Аалама, получив подтверждение данного правительственного решения, высказал свои сомнения по поводу своевременности данной реформы и предположение о том, что данная мера вызовет болезненное впечатление в Америке. В ответ глава министерства заметил, что данное решение принималось «высшими властями», означающими шаха и Совет Министров, и что оно распространялось также и на другие иностранные учебные заведения.

На просьбу Энгерта полностью сохранить право собственности на имущество школ и прочих прав за Советом, а также права отдельных американских граждан до получения им инструкций от своего правительства, министр не дал ответа. Но когда Энгерт добавил, что вызванные односторонними решениями иранской стороны претензии будут включать значительные суммы транспортных расходов персонала при поездке как в Иран, так и в США, министр пообещал получить разумную отсрочку.

Далее Энгерт поставил под сомнение обоснованность сроков официального провозглашения правительственного решения. Он заявил, что двухнедельный срок национализации собственности учреждений, которые в течение ста лет бескорыстно служили Ирану, можно рассматривать как оскорбление, и он сомневается, поймет ли американский народ такую бесцеремонность. На данное замечание министр опять ничего не ответил [10].

В эти же дни французская школа в Тегеране получила подобное уведомление. Британское же дипломатическое представительство в тот момент еще не получало сообщений от своих школ, которые располагались на юге Ирана.

Под угрозой закрытия оказалась и американская медицинская миссия и ее учреждения. И хотя иранским правительством об этом заявлено пока не было, все чувствовали, что их дни также были сочтены.

Первые действия руководителя американского дипломатического представительства в Иране заслужили одобрение со стороны исполняющего в то время обязанности госсекретаря Самнера Уэллеса. Информация, полученная от Энгерта, была передана Пресвитерианскому Совету. В госдепартаменте ждали, когда руководители Совета обсудят возникшую проблему, чтобы подготовить текст заявления для вручения иранскому правительству и выработать общую линию поведения [11].

Тем временем Энгерт продолжал действовать самостоятельно. По его указанию американский колледж 15 августа запросил у министерства образования Ирана письменное подтверждение устного уведомления. Оно было получено на следующий день с заявлением, что представители министерства появятся в колледже 21 августа «для вступления во владение». Энгерт сразу же послал письмо министру иностранных дел с напоминанием о данных им обещаниях.

Размышляя над причинами национализации миссионерских школ иранским правительством, Энгерт утверждал, что оно не было вызвано каким-либо инцидентом или разногласиями между школами и властями. Американские образовательные учреждения безупречно выполняли все предписания, как бы «безрассудны и докучливы» они ни были, и отношения с властями были весьма дружественными [12].

Поверенный отмечал, что закрытие иностранных школ вызвало неодобрение среди образованных иранцев, ссылаясь на то, что он получал многочисленные устные выражения глубокого сожаления по поводу происходящего [13].

В пятницу 18 августа из Вашингтона был отправлен текст первой ноты для вручения министру иностранных дел Ирана. В начале ноты излагалась краткая история вопроса – как ее видела американская сторона. Затем шло несколько общих заявлений. Во-первых, выражалось серьезное беспокойство по поводу чрезвычайной

поспешности, с которой иранское правительство стремилось воплотить в жизнь свое решение, указывалось, что время, выделенное для передачи американской собственности, слишком незначительно и что для объявленной передачи собственности необходима отсрочка, по крайней мере, на год. Во-вторых, указывалось, что помимо компенсации за собственность, которую обещало правительство Ирана, должны быть улажены все вопросы в отношении прав американских граждан, связанных с некоторыми рассматриваемыми учреждениями. В-третьих, в связи с такой радикальной переменой высказывались серьезные опасения в отношении возможности вовремя начать новый учебный год в тех учебных заведениях, которые иранское правительство планировало экспроприировать. В-четвертых, отмечалось, что внезапный отказ от ценных услуг, которые американские школы оказывали в течение более ста лет, будет воспринят как недостаток традиционной иранской вежливости и гостеприимства, что непременно получит у широкой американской общественности самую неблагоприятную оценку. Американская пресса охарактеризует данную акцию Ирана как «оскорбительную», «безрассудную и неоправданную». А, как известно иранскому правительству, руководство США не контролирует прессу.

В конце ноты предлагались меры по разрешению возникшей проблемы. Иран должен учитывать американские интересы. Важным шагом в этом направлении может стать внимательное отношение к предложению о переносе фактической даты передачи собственности, «чтобы появившиеся многочисленные сложные вопросы могли быть улажены в полном взаимодействии с представителями американского миссионерского Совета» [14].

В этот же день глава Ближневосточного отдела госдепартамента У. Мюррей встретился в неофициальной обстановке с иранским поверенным в США – доктором Али Акбар Дафтари. Последний был в отпуске, отдыхал за городом, и поэтому Мюррею пришлось вводить его в курс последних событий. Глава отдела нарисовал проникновенную картину служения американских педагогов из пресвитерианской миссии Ирану, их помощи в развитии просвещения, эмансипации иранских женщин и т. д. Говорилось и о влиянии решения иранского правительства на американское общественное мнение. Мюррей напомнил также Дафтари о прочном и значительном положении, которое занимают члены пресвитерианской церкви в американском обществе. Он подчеркнул, что если Иран заинтересован в доброжелательном отношении США, то лучший способ его сохранить – это создание хорошего впечатления среди прихожан пресвитерианской церкви. И, наконец, закончил беседу пафосной речью, выражая надежду на то, что иранцы будут действовать в соответствии со своими великими традициями вежливости и гостеприимства и щедро поблагодарят американцев за их выдающийся труд на благо Ирана.

Доктор Дафтари был тронут речью Мюррея и пообещал сразу же связаться со своим правительством [15].

В это же время Пресвитерианский Совет консультировался с госдепартаментом. 19 августа на имя Хьюго А. Маллера, члена пресвитерианской миссии в Тегеране, была отправлена телеграмма, в которой сообщалось об этих консультациях и о том, что формальные представления миссии будут подготовлены дипломатическим представительством в Тегеране. Х. Маллеру предписывалось также поддерживать тесный контакт с Энгертом и связываться, когда в этом будет необходимость, с Советом через дипмиссию [16].

Воскресенье 20 августа ознаменовалось двумя важными событиями в развитии данной истории. Колледжи в Тегеране получили второе уведомление о том, что три иранских представителя на следующий день в понедельник начнут регистрацию новых студентов. В этот же день Энгерт посетил министра иностранных дел Ирана. Вышеприведенная нота, датированная 19 августа, была вручена лично министру. Перед ее чтением тот заявил Энгерту, что довел их беседу от 14 августа до сведения высших властей и был счастлив сообщить, что смог получить отсрочку на один месяц. Кроме того, иранское правительство было очень признательно американцам за те услуги, которые они оказывали Ирану. Данную же реформу они начали с единственной целью унификации образовательной системы. Министр также просил передать госсекретарю США, что он сдержал свое обещание и добился месячной отсрочки.

Ознакомившись с нотой, Энгерт заявил, что не один месяц, а весь следующий учебный год – разумный переходный период, за который можно согласовать все спорные вопросы. Министр, в свою очередь, пообещал внимательно рассмотреть предложения и подумать над их практической реализацией [17].

Объединенные усилия дали свой результат. 21 августа Энгерт с нескрываемой радостью докладывал о достигнутом успехе в переговорах. Ему только что звонил министр иностранных дел Ирана и сообщил, что правительство приняло американское предложение об отсрочке. Все американские образовательные учреждения будут продолжать действовать в прежнем порядке до конца 1939–1940 учебного года.

В ответ на положительное решение правительства Ирана госдепартамент, ввиду нежелания

огласки в этом вопросе, не одобрил просьбу Энгерта предоставить своим английским и французским коллегам в Иране копии американской правительственной ноты иранскому правительству. Департамент также считал нежелательным обнаружение в каких-либо беседах по данному предмету аргументов, использованных в ноте, для того чтобы не наносить вреда грядущим переговорам между миссионерским Советом и иранскими властями.

25 августа доктор Али Акбар Дафтари посетил Мюррея и, действуя в соответствии с инструкциями своего правительства, сделал устное заявление. В нем говорилось о том, что решение имперского правительства принималось с единственной целью унификации школьной системы во всей стране и касалось не только американских, но и всех иностранных школ, т. е. французских и английских. Имперское правительство не только не имело никаких претензий в отношении поведения американских миссионеров, но и высоко оценивало их служение в образовательной и гуманитарной сферах. И поэтому, несмотря на уже принятое решение по данному вопросу, чтобы выполнить пожелание правительства Соединенных Штатов, было приказано исполнение этого решения отложить на один год, до конца весны 1940 г., чтобы за это время предпринять необходимые шаги для передачи школ.

Данное заявление доктор Дафтари имел только в персидском оригинале и поэтому зачитал его, сразу переводя на английский. В ответ Мюррей поблагодарил иранское правительство за принятие данного решения [18].

Уже позднее, к началу октября 1939 г., в американском представительстве в Иране появились дополнительные сведения о причинах образовательной реформы. Энгерт сообщил, что вскоре после урегулирования школьного вопроса в конце августа до него дошли слухи из различных источников, что правительственная акция против школ была вызвана «советскими интригами». Он посчитал эти слухи слишком фантастическими и не заслуживающими серьезного обсуждения. Но впоследствии изменил свое мнение. 9 октября в своей телеграмме он писал о вероятности того, что Россия, которая не имела права вести образовательную деятельность в Иране, требовала равноправия. В этих условиях иранское правительство, желая исключить угрозу усиления советской пропаганды, не нашло ничего лучшего как упразднить все иностранные образовательные учреждения [19]. Каких-либо документов, подтверждающих или опровергающих данный факт, пока не найдено.

В сентябре 1939 г. переговоры вступили в новую фазу. В течение второго периода, который длился год, американские дипломаты вместе с миссионерами должны были заключить соглашение с правительством Ирана о стоимости американского образовательного имущества и способов расчета. 16 сентября 1939 г. глава госдепартамента К. Хэлл направил телеграмму в американское дипломатическое представительство в Тегеране, в которой изложил официальную позицию американской стороны. Госсекретарь настоятельно рекомендовал Пресвитерианскому Совету послать специального представителя в Иран, для того чтобы как можно раньше начать переговоры о передаче собственности. Совет же был не уверен в необходимости такого шага, считал, что удовлетворительное соглашение может быть достигнуто членами миссии в Хамадане и Тегеране самостоятельно. По крайней мере, Совет заявлял, что не расположен делать заявления по данному вопросу без консультации с иранскими миссионерами. В связи с этим Энгерту было рекомендовано со своей стороны узнать мнение миссионеров о целесообразности направления полномочных представителей Совета в Тегеран [20].

По-видимому, госдепартаменту удалось убедить Пресвитерианский Совет в необходимости послать в Тегеран на переговоры своих представителей. Главой на предстоящих переговорах с американской стороны должен был стать доктор Дж. Л. Доддс, который предполагал отправиться в Иран 14 октября 1939 г. Госсекретарь просил передать иранскому правительству, что правительство США надеется на готовность иранских властей начать обсуждение сразу же по прибытии Доддса в Тегеран [21]. Он также предлагал заявить о том, что «в соответствии с признанными нормами международного права правительством Ирана должны быть созданы условия для адекватной, эффективной и быстрой уплаты за конфискованную собственность» [22].

Одновременно Энгерту была дана инструкция, в соответствии с которой ему следовало представить доктора Доддса соответствующим членам иранского правительства. Департамент не желал, чтобы американские дипломатические представители принимали участие в переговорах Совета с иранской стороной, за исключением тех случаев, когда какая-нибудь «исключительная и важная» причина не заставит сделать это. Последняя инструкция не исключала, конечно, внимательного контроля за ходом переговоров и регулярных докладов.

18 октября из Тегерана был получен ответ с подтверждением готовности иранских властей начать переговоры сразу после прибытия представителя Совета. В ней также сообщалось, что миссионеры в Иране не согласовывали с дипломатами свои действия и информацию, направляемую в Совет в Нью-Йорк. Между ними не было единства в вопросе о своевременности визита

Доддса. Это обстоятельство заставило госдепартамент заняться уточнением своей позиции, что в свою очередь привело к откладыванию визита доктора Доддса в Иран. В то же время стало известно, что ему в помощники на переговорах Совет назначил почетного президента Берейского колледжа доктора Вильяма Джеймса Хатчинса.

Мюррей сообщил в письме от 27 октября Энгерту в Тегеран, что доктор Доддс и доктор Хатчинс намерены отплыть из Нью-Йорка на следующий день в субботу 28 октября. Прибыть же они должны «вскоре после получения данного письма». В этом же послании Мюррей делился своей озадаченностью относительно причин нерешительности миссионеров.

Обычно госдепартамент не вмешивался в подобные дела, касавшиеся зарубежной собственности американского бизнеса, предоставляя компаниям полную самостоятельность в защите своих экономических интересов. Но «вполне осознавая неопытность, если не сказать застенчивость» миссионеров в проведении деловых переговоров с иранцами, в госдепартаменте сочли оправданным обеспечить дипломатическую поддержку миссионерам.

Такой вывод, конечно, не означал прямого вмешательства в переговорный процесс. Энгерту Мюррей рекомендовал быть доступным для консультаций на всех этапах переговоров и включиться в них в том случае, если иранцы обнаружат намерения воспользоваться отсутствием опыта у миссионеров. Рекомендовалось также по необходимости обращаться в департамент с целью получения помощи экспертов-юристов. Также выражалась надежда, что Доддс и Хатчинс будут сотрудничать с американскими дипломатами в Тегеране [23].

Точная дата прибытия представителей Совета в Иран неизвестна. Можно лишь утверждать, что они прибыли раньше письма Мюррея от 27 октября 1939 г., которое по каким-то причинам задержалось и было получено Энгертом только 21 декабря. 11 декабря, в понедельник утром, Энгерт посетил министерство иностранных дел Ирана и представил министру доктора Доддса, доктора Хатчинсона и Кади Х. Эллена – представителя миссии в Хамадане.

Министр был очень радушен и подтвердил неизменность позиции правительства в вопросе об иностранных школах. Поверенный в делах США в Иране намеревался также представить участников переговоров премьер-министру и министру образования [24].

13 декабря на встрече в министерстве образования министр как бы между прочим сказал, что участники переговоров имеют полномочия решать вопрос о дарении образовательного имущества Ирану. Энгерт остановил его и подчеркнул, что американская сторона намерена только продавать. Представители Совета, которые присутствовали при разговоре, подтвердили это заявление [25].

21 декабря в Тегеране, наконец, получили октябрьское письмо главы Ближневосточного отдела госдепартамента. В ответной телеграмме Энгерт подтвердил факт разногласий среди местных миссионеров по вопросу о целесообразности решения Пресвитерианского Совета направить для переговоров своих эмиссаров.

Начало нового 1940 г. для американской стороны складывалось не очень удачно. Переговоры затягивались. Проходила одна неделя за другой, а соглашение не было достигнуто. Среди переговорщиков наступило разочарование. Энгерт несколько раз привлекал внимание премьер-министра Ирана доктора Матине-Дафтари и министра иностранных дел Музаффара Аалама к сложившейся ситуации.

Главная трудность заключалась в том, что иранские власти предлагали оценивать американское имущество на основе его исходной стоимости, в то время как Совет, естественно, настаивал на рыночных ценах. К концу марта 1940 г. возникла опасность, что если взаимоприемлемое соглашение не будет достигнуто в ближайшем будущем, переговоры окажутся под угрозой срыва. В этих условиях Энгерт предложил направить официальную ноту иранскому правительству, а также выступить с особым заявлением по поводу стоимости имущества.

3 апреля за подписью К. Хэлла из Вашингтона была отправлена телеграмма с инструкциями для представителей Совета на переговорах, которые заключались в следующем: 1. Так как Совет не является коммерческой организацией, минимальным условием для окончательного соглашения должен стать учет стоимости любых усовершенствований (дополнительных строений, перестройки), плюс возмещение убытков или издержек, понесенных в результате передачи собственности, при удовлетворительных, быстрых и гарантированных выплатах. 2. Первоначальное требование Совета о компенсации по рыночной цене выглядит вполне оправданной основой для переговоров. Препятствия, чинимые иранскими властями, чисто тактические и временные. Маловероятно, что они будут первыми предлагать компромиссное решение. 3. В крайнем случае, решение иранской стороны может быть оспорено на основе международного права. Единственная трудность в этом вопросе – определение рыночной цены зданий, так как рынок подобных зданий в Иране был весьма ограниченным.

Энгерту разрешалось самому составить в случае необходимости ноту с выражением заинтересованности, с которой американское правитель-

ство следит за ходом переговоров, и сожалением, что к настоящему времени не было достигнуто существенного прогресса, и непременным добавлением искренней надежды, что справедливое соглашение будет достигнуто в ближайшем будущем [26].

Еще в конце марта Энгерту удалось встретиться с Музаффар Ааламом. Во время встречи он заявил, что, по его мнению, переговоры будут более успешными, если с иранской стороны они будут вестись по линии министерства иностранных дел, а не министерством образования. Министр обещал подумать над этим вопросом и через несколько дней сообщил американскому поверенному, что его заместитель Эмери назначен правительством возглавить переговоры. Американские представители уже имели с ним несколько встреч и сочли эту кандидатуру подходящей. Поэтому в данных условиях Энгерт считал необходимым повременить с нотой.

14 апреля в понедельник утром Энгерт в очередной раз посетил премьер-министра. Среди других вопросов была затронута и школьная проблема. Глава правительства заметил, что кабинет с радостью пересмотрел бы свое решение, если бы это касалось только американских школ. Но так как данный вопрос касался интересов и других государств, то он опасался, что это было невозможно [27].

29 апреля в понедельник в Ближневосточном отделе госдепартамента состоялась беседа, в которой приняли участие 4 человека: иранский посланник Шейестех, Мюррей, его помощник Пол Х. Эллинг и сотрудник отдела Гордон П. Мериам. Мюррей заметил, что прошло уже приблизительно пять месяцев, как представители Пресвитерианского Совета прибыли в Тегеран с целью урегулирования разногласий по поводу передачи Ирану миссионерской собственности. Но прогресса на переговорах не наблюдалось. Далее Мюррей назвал сумму компенсации – 2 млн. долл., которая впервые прозвучала в дипломатических документах. Именно на такой цене настаивала американская сторона. Иранское правительство до сих пор отказывалось признать ее. Но глава отдела дал понять, что Иран не сможет воспользоваться образовательным миссионерским имуществом, пока не заплатит. Причем платеж должен был быть произведен в долларах, а не в риалах, так как деятельность миссии в Иране резко сокращалась и, следовательно, надобность в иранской валюте отпадала.

Шейестех не был уполномочен давать какие-либо обещания, поэтому ограничился только сожалением по поводу закрытия миссионерских школ и повторил причину этого шага – желанием избавиться от советских образовательных притязаний.

В конце беседы Мюррей предупредил, что «если правительство Ирана присвоит школы без соответствующей компенсации, то, несомненно, следствием этого будут очень плохие отзывы в американской прессе и отношения двух стран, бесспорно, подвергнутся определенной деформации...». Глава отдела также выразил надежду, что этого не произойдет и что посланник повлияет на свое правительство [28].

Но перелома в переговорах по-прежнему не наступало. 9 мая 1940 г. американское представительство в Иране направило ноту в иранское министерство иностранных дел. Ответа не было неделю. Только 16 мая американские участники переговоров были информированы о неожиданном решении кабинета: школы по окончании учебного года будут закрыты, но правительство Ирана приобретать их не будет. Миссия может распорядиться своей собственностью по желанию. Она может быть продана как иранскому правительству, так и частным лицам – иранцам или иностранцам. Если будет избран первый вариант, то правительство само оценит собственность и заплатит цену в риалах из-за отсутствия иностранной валюты и одним платежом [29].

Энгерт на следующий день отправил в Вашингтон срочный отчет об этом решении иранского правительства, в котором высказал естественное предположение, что правительство на торгах может легко повлиять на частных покупателей, если таковые будут, даже не участвуя в них.

Содержание данной телеграммы было сразу же передано Пресвитерианскому Совету и обсуждалось в госдепартаменте с его представителем Артуром К. Бойсом. 24 мая Хэлл в ответном послании просил Энгерта узнать о возможности продажи части собственности правительству, другой доли – частным лицам, и не искал возможность договориться об уплате части компенсационной суммы долларами, при условии, если оставшаяся сумма будет выплачена другой валютой, например британскими фунтами стерлингов. В конце давался совет: поскольку в решении иранского правительства пока не было временных ограничений, не следовало торопиться с продажей имущества в условиях отсутствия предложений, удовлетворяющих Совет [30].

29 мая в Совет пришла телеграмма от его представителей в Иране. В ней говорилось о том, что правительственное решение полностью противоречит первоначальным обещаниям министра образования. Миссионеры очень высоко оценивали помощь госдепартамента и просили заручиться поддержкой руководства внешнеполитического ведомства в предъявлении следующих требований иранскому правительству:

1. Возместить ущерб от продажи земли, если временные ограничения приведут к ускоренной

продаже или если справедливой продаже помешает правительственная позиция или отказ гарантировать неприкосновенность владения покупателю.

2. Возместить ущерб в случае продажи американской собственности по неадекватной цене.

3. Возместить ущерб от неадекватных обменных услуг.

4. Возместить ущерб от переезда постоянных американских учителей к новому месту работы с компенсацией жалования за это время.

5. Возместить ущерб от переезда домой или к новому месту жительства американских учителей-контрактников с адекватной компенсацией за расторгнутые контракты.

6. Выплатить пенсионное содержание иранским учителям, отработавшим 10 и более лет.

7. Возместить ущерб от затрат американской переговорной комиссии и каких-либо последующих судебных тяжб.

8. Выплатить проценты в случае какой-либо задержки платежей правительств [31].

В своем послании Энгерту от 13 июня Хэлл вновь обратился к истории образовательной миссии в Иране. Последнее соглашение, по которому она строила свою работу, было заключено 14 мая 1928 г. Представители Совета исполняли его искренне и лояльно.

Госсекретарь повторил предложение иранскому правительству использовать в отсутствии долларов другую валюту, например фунт стерлингов. Он соглашался с намерением Совета часть собственности использовать для необразовательных целей с ее последующей выгодной реализацией. Такие большие объекты, как школы или общежития, могли быть сданы в аренду правительству. Продать их можно было позднее, когда Совет будет нуждаться в риалах для поддержки своей необразовательной деятельности в Иране. Совет также мог разделить имущество, для того чтобы выделить наиболее подходящую для продажи или сдачи в аренду правительству или частным лицам часть. При этом в госдепартаменте ясно представляли, что у представителей Совета была полная свобода в отклонении любых несправедливых решений [32].

Вместе с тем Энгерт не оставлял надежды на пересмотр правительственного решения, принятого в середине мая, и возобновление переговоров на основе полной и незамедлительной покупки имущества Совета правительством Ирана. Он встречался с различными политическими деятелями, убеждал их, и, наконец, 13 июня 1940 г. добился от премьер-министра обещания возобновить переговоры. В связи с этим было принято решение временно отложить представление американских требований по линии официальной дипломатии. Но не прошло и двух недель, как переговоры вновь внезапно были прерваны. 25 июня разразился правительственный кризис и кабинет Матине-Дафтари был отправлен в отставку. Но и в данной ситуации Энгерт не растерялся, а, оценив все плюсы и минусы, действовал быстро и расчетливо. Он обратился к новому премьеру Аль Мансуру и ознакомил его кратко с историей вопроса. Энгерт сообщил ему о том, что американские представители уже потратили немало ценного времени в безуспешных переговорах, в рамках которых прежний кабинет не сделал каких-либо конструктивных предложений.

От себя лично Энгерт предложил либо продлить отсрочку еще на один учебный год, либо выплатить немедленную и полноценную компенсацию. Первое предложение сразу же было отклонено премьер-министром, так как он посчитал его опасным уходом от решения вопроса. При рассмотрении второго варианта Энгерт посоветовал ему предварительно внимательно ознакомиться со следующими соображениями:

1. Закрытие школ будет комментироваться в американской прессе, и тон публикаций по этому поводу невозможно будет предсказать.

2. Сохранение образовательных объектов в собственности Совета не будет справедливым решением, поскольку здания школ, лабораторий, игровых площадок и т. д. создавались для учебных целей и могли быть проданы для использования по иному назначению только с большими убытками.

3. В том случае, если имущество будет продаваться частным покупателям, ограниченность времени и нехватка валюты сыграют тормозящую роль и помешают быстрому окончанию дела.

4. Будет очень трудно убедить американскую общественность в том, что правительство, которое находит доллары или фунты стерлингов для закупки вооружения, самолетов и дорогостоящего оборудования за рубежом, не может выделить относительно маленькую сумму для приобретения по общему признанию очень желаемых и превосходных школьных зданий.

5. Американская общественность усомнится в искренности иранского правительства, заявляющего о стремлении привлечь американские коммерческие и финансовые фирмы к сотрудничеству, заинтересованности в крупномасштабном обмене продукцией, подписании торгового соглашения с Соединенными Штатами, поскольку в то же самое время оно сокращало американское присутствие в Иране и не проявило склонности к справедливому соглашению.

Затем он сослался на ноту от 14 мая 1928 г., в которой американская образовательная работа была специально санкционирована.

Ввиду указанных обстоятельств и того факта, что представители Совета не могут продлить свое

пребывание в Иране, Энгерт порекомендовал, чтобы Аль Мансур уполномочил министра иностранных дел определить максимальную сумму в долларах, которую иранское правительство будет готово уплатить. Он также сообщил о своей готовности и впредь участвовать в обсуждении любого плана, который покажется справедливым и обоснованным.

Премьер-министр поблагодарил его за прямоту и заверил, что он постарается приложить усилия для достижения взаимовыгодного соглашения [33].

Теперь оставалось только ждать. Вскоре переговоры были возобновлены, и 14 июля от иранского правительства пришло долгожданное известие о том, что оно готово предложить 1 200 000 долл., на что американская сторона согласилась в принципе. Но правительство Ирана предлагало растянуть платеж на 6 лет и выплатить первую сумму только в мае 1941 г. Заручившись согласием представителей Совета, Энгерт утром 16 июля предложил премьер-министру произвести оплату за 3 года, с тем чтобы первая выплата состоялась уже в 1940 г. Тот пообещал посмотреть, что можно сделать. 19 июля 1940 г. Энгерт телеграфировал в госдепартамент о том, что Совет министров Ирана принял решение о распределении платежей на 3 года. Первый платеж в 100 000 долл. планировался на сентябрь 1940 г., следующие 200 000 – в следующем году в марте. Оставшаяся часть распределялась на следующие 3 года по 300 тыс. долларов на каждый [34].

На имя Энгерта госдепартамент послал благодарственную телеграмму, в которой от имени Пресвитерианского Совета его поздравляли с успешным окончанием переговоров. Но и сейчас подписание контракта затягивалось из-за разногласий по поводу деталей. Он был подписан лишь 15 августа 1940 г. [35]

В течение третьего периода, с середины августа 1940 г. по август 1941 г., основное внимание было сосредоточено на осуществлении платежей. Они же сразу стали задерживаться. Первую выплату иранское правительство обещало сделать уже в сентябре 1940 г. Однако только 19 декабря доктор Доддс известил Мюррея о получении 100 000 долл. из Ирана [36].

Поступил ли второй платеж в 200 000 долл. именно в марте 1941 г. – неизвестно. В дипломатических документах на это ссылок нет. Известно только то, что он поступил. Таким образом, к октябрю 1941 г. иранской стороной было выплачено 300 000 долл. [37]

С августа 1941 г. события, связанные с данной темой, приобретают неожиданный оборот. После ввода советских и английских войск в Иран 25 августа 1941 г., отречения Реза-шаха 16 сентября и восхождения на престол его сына Мохаммеда Реза Пехлеви ситуация внутри и вокруг страны начинает меняться. На это среагировал и политический барометр госдепартамента, и заинтересованная американская общественность, которые попытались восстановить образовательную миссию в Иране. Так начался последний, четвертый, этап в развитии данного вопроса.

10 октября 1941 года в Ближневосточном отделе госдепартамента США встретились четыре человека: Геррик Янг из Пресвитерианского Совета, Мюррей и двое его подчиненных – П. Эллинг и Г. Мерриам.

Основной целью совещания было обсуждение возможности возобновления образовательной работы Пресвитерианского Совета в Иране. В начале беседы Мюррей обратил внимание на обстоятельства как положительного, так и негативного свойства, которые сложились в Иране к этому времени и касались обсуждаемого вопроса.

Во-первых, сумма согласованной с иранским правительством компенсации равнялась 1 200 000 долл. Выплачено же было лишь 300 000 долл. Мюррей считал маловероятным, что Иран аннулирует остаток задолженности, но также сомневался и в том, что он этот остаток погасит. «Новое правительство слабо, племенные районы восстали, и Советы занимают самые богатые области, в которых, несомненно, будет невозможно собрать налоги в достаточном количестве» [38]. Другими словами, резюмировал глава отдела, полученная сумма – все, что может быть или будет выплачено.

Во-вторых, с исчезновением авторитарного националистического режима Реза-шаха следует ожидать более либерального отношения к иностранным учреждениям. Нынешний шах получил образование за границей, и новый кабинет был избран с целью успокоения британцев и Советов.

В-третьих, важный негативный элемент в данной ситуации – вероятность того, что если иранцы и согласятся вновь открыть американские школы, то это повлечет за собой открытие русских школ. Поэтому для американцев желательно временно поработать якобы под контролем иранского правительства.

В-четвертых, возможность военного разгрома России. В этом случае британцы не смогут оказывать сопротивление в Иране, скажем, к северу от Исфахана. В таком случае пресвитерианские преподаватели должны будут либо возвращаться на родину, либо они окажутся в занятых немцами областях и в трудном положении ввиду очевидного ухудшения германо-американских отношений. С другой стороны, в сложившейся ситуации заинтересованность иранцев в

возвращении американцам образовательного имущества возрастала, поскольку американские объекты могли считаться более защищенными перед лицом как русской, так и немецкой оккупации.

В-пятых, небольшое число американских госпитальных работников продолжает оставаться в Тебризе, и прибытие преподавателей морально укрепило бы их. Кроме того, продолжающиеся в частном порядке отношения преподавателей со студентами и их родителями позволят им располагать точными знаниями о происходящем.

В конце своего рассуждения У. Мюррей подвел итог: «...Продолжение американской образовательной работы в Иране и особенно в Тебризе будет иметь сдерживающее влияние на советскую сепаратистскую и идеологическую деятельность» [39].

В своем комментарии представитель Пресвитерианского Совета Янг в основном согласился с выводами Мюррея, отметив выгоду, которую могло обеспечить получение ценной земли около Элбурцского колледжа. Он также указал, что главный вопрос, стоящий перед Советом, заключался в том, оправдают ли себя инвестиции в персонал. Образовательный штат, прежде нанятый в Иране, теперь был изрядно рассеян, но маленькое ядро все еще присутствовало в Иране.

Мюррей в ответ заявил, что, по его мнению, было бы желательно смотреть на вопрос более широко. Для Ирана настали нелегкие дни. Соединенные Штаты имели богатый опыт дружбы с иранским народом, и вопрос теперь заключался в том, захотят ли пресвитериане быть полезными Ирану в час нужды, если возобновление образовательной помощи станет возможным в настоящее время. Иран крайне нуждается в образовании, существующий класс служащих, вероятно, будет сильно ослаблен. Кроме того, объектом миссионерской деятельности могли стать племена, которые должным образом никогда не развивались.

Янг ответил, что он будет рад обсудить эти вопросы с коллегами и что для дальнейших обсуждений в департаменте он хотел бы привести с собой доктора Доддса. На этом беседа завершилась.

Первая встреча выявила как общее, так и особенное в подходах к иранской ситуации Пресвитерианского Совета и госдепартамента. Общим было желание вернуться и усилить свое присутствие в Иране. Но если Совет больше волновала, судя по документам, экономическая сторона дела (возврат долгов, инвестиционная окупаемость и т. д.), то госдепартамент на первое место все-таки ставил гуманитарную и одновременно геополитическую и идеологическую составляющую. Эти различия отразились на дальнейших консультациях и, постепенно усиливаясь, привели, в конце концов, к фиаско задуманного предприятия.

После первого обсуждения начались параллельные консультации как в Пресвитерианском Совете, так и в госдепартаменте. 15 октября Мюррей встретился с помощником госсекретаря Адольфом А. Берлом. После беседы он заявил, что идея возвращения в Иран американской образовательной миссии встретила восторженное одобрение его собеседника. Вспомнили о том, что послание президента США Ф. Д. Рузвельта от 2 сентября 1941 г. к прежнему шаху принимало во внимание британские и советские декларации о том, что они не имеют никаких планов, посягающих на независимость или территориальную целостность Ирана, и подтверждало приверженность правительства США своему традиционному принципу невовлечения. В разговоре был затронут и тот факт, что действия русских на занятых иранских территориях дали повод к недоверию со стороны как американского, так и британского правительств, о чем уже было сообщено советской стороне. Собеседники сошлись на том, что восстановление американских школ стало бы дополнительным подтверждением желания поддержать свободные учреждения в этой стране [40].

В этот же день в среду 15 октября от американского посланника в Тегеране Луиса Г. Дрейфуса, который к этому времени сменил Энгерта, была получена телеграмма на имя госсекретаря Хэлла. В ней он сообщал о том, что министр образования Ирана пригласил доктора Пола Монро из Колумбийского университета прибыть в Иран в качестве главы комиссии для изучения состояния образования в его стране. Он также просил о помощи в этом деле госдепартамент США. Дрейфус полагал, что такая комиссия оказала бы хорошее влияние на американо-иранские отношения и что эта идея должна быть поощрена, если департамент считает такой курс благоразумным при существующих условиях [41].

Госсекретарь откликнулся на эту телеграмму 29 октября. В своем ответе он подробно рассмотрел данный вопрос и сделал выводы, которые можно рассматривать как инструкции.

Во-первых, глава госдепартамента соглашался с тем, что в нынешних условиях иранское правительство не способно производить очередные платежи Пресвитерианскому Совету. Во-вторых, Хэлл полагал, что возобновление образовательной работы и присутствие американских преподавателей в занятой русскими зоне, в дополнение к врачам в Тебризе, окажет ограничивающее влияние на русских, стремящихся советизировать данную область. В-третьих, допускалось, что

предложение о возвращении имущества Совету будет приветствоваться иранским правительством как мера, направленная на сохранение иранских обычаев и институтов во время российского контроля и как проявление американской дружбы. Госсекретарь предлагал добиваться временной договоренности о том, чтобы миссия работала под формальным контролем иранского правительства так, чтобы у русских не было оправдания для открытия собственных школ на занятой территории.

Далее Хэлл сообщал о полученном согласии Совета рассмотреть возможность восстановления школ, но под собственным контролем. Глава госдепартамента сообщил о послании Совета своей иранской миссии, в котором ставилась задача узнать отношение иранского правительства к восстановлению школ под контролем Совета, а также о том, что представителям Совета при благоприятных условиях разрешалось начать переговоры с иранским правительством.

Затем госсекретарь переходил к инструкциям дипломатической миссии в Тегеране, которой предписывалось следующее:

– помогать представителям Совета, и в связи с этим основательно ознакомиться с историей завладения Ираном собственностью Совета и с инструкциями госдепартамента дипломатической миссии в отношении этого вопроса;

– в переговорах с иранскими должностными лицами ясно дать понять, что планы Совета встречают одобрение правительства;

– проявлять осторожность, указывая, что предложения Совета сделаны, чтобы помочь Ирану, а не из желания использовать существующую ситуацию для поддержания американских интересов;

– реализация данного дела должна произойти так скоро, как это только возможно, для чего необходимо держать этот вопрос на контроле и использовать свое посредничество для помощи в определении плана, приемлемого и для Совета и для иранского правительства.

В конце Хэлл сообщил, что доктор Монро прилагает большие усилия для комплектования штата комиссии, запрошенной министерством образования Ирана, но он указал на маловероятность того, что такая комиссия может отбыть в Иран до весны [42].

Из текста этой объемной телеграммы напрашиваются два важных вывода. Во-первых, во взглядах на данную проблему Хэлла чувствуется объяснимое влияние руководства Ближневосточного отдела, которое занималось этой проблемой и разрабатывало основные подходы. Во-вторых, также просматриваются наметившиеся разногласия между госдепартаментом и Пресвитерианским Советом как в общей стратегии – определении целей миссии, так и в тактике – вопросе о формальном контроле над деятельностью образовательной миссии со стороны иранского правительства.

Одновременно с рассмотрением проекта Советом он обсуждался с иранскими дипломатическими представителями в Вашингтоне. 10 ноября 1941 г. представители Пресвитерианского Совета Янг и Доддс встретились с господином Шейестехом – иранским посланником в США. Последний сообщил им, что после его беседы с Мюрреем он телеграфировал в Тегеран, заявляя, что американская помощь в образовательных вопросах могла быть полезной Ирану в современных условиях. В ответе из Тегерана говорилось о том, что все американские педагоги теперь оставили Иран и требовалось узнать, кто именно хотел возвратиться и каков их план.

Янг заподозрил в этом ответе иранского правительства сомнение и тенденцию поместить вопрос в нежелательную плоскость. Он и доктор Доддс заявили Шейестеху, что Совет не предполагал вести на территории Ирана никакой деятельности, кроме образовательной. Наоборот, перед возвращением образовательной миссии в Иран он хотел бы иметь ясное подтверждение тому, что оно было желательным и приветствовалось иранским правительством. В результате Шейестех обещал уведомить свое правительство о том, что Пресвитерианский Совет намерен возобновить образовательную работу в Иране, что некоторые из его педагогов все еще находились на территории этого государства, что в своей деятельности он намерен следовать всем рекомендациям иранского правительства. Далее он выразил надежду, что правительство его страны вступит в переговоры с американской дипмиссией в Иране, которая была уполномочена для их ведения [43].

25 и 26 ноября из Тегерана от Дрейфуса были получены две телеграммы, вроде бы подтверждающие благоприятное отношение иранского правительства. В первой говорилось о том, что министр образования Ирана Исса Садык сообщал Дрейфусу, что Совет Министров уполномочил его подтвердить официальное приглашение американским педагогам для прибытия в Иран с целью изучения состояния образования. Во второй телеграмме речь шла о том, что «три члена кабинета министров выразили желание возвратить собственность, а многочисленные газетные передовые статьи агитировали в пользу такого шага» [44]. В этой же телеграмме сообщалось, что параллельно представительство Совета сделало формальный запрос министру образования об отношении иранского правительства к возможному повторному открытию американских школ под контролем миссии. Но этот вопрос мог быть

рассмотрен только новым кабинетом, который предстояло сформировать после уже объявленной отставки действующего [45].

Вновь же сформированный кабинет не стал проявлять заинтересованности в этом вопросе. 15 декабря Дрейфус направил в госдепартамент очередную телеграмму, содержание которой настраивало американскую сторону на пессимистичный лад. «Есть признаки растущей оппозиции в реакционных кругах к образовательной миссии. Один из депутатов, выступая в меджлисе 11 декабря, напал на миссию, заявляя, что она прибудет с целью прозелитизма» [46]. Далее Дрейфус делает вывод, что если эта оппозиция продолжится, то, вероятно, миссия приведет к отрицательным результатам. Отсюда, по его мнению, она была бы неблагоразумна при существующих условиях, и госдепартаменту необходимо убедить доктора Монро в нецелесообразности визита в Иран [47].

Но Хэлл все еще надеялся выправить ситуацию. В частности, он попытался заручиться поддержкой английских коллег. С этой целью 20 декабря 1941 г. он посылает телеграмму послу США в Соединенном королевстве – Вайнанту.

В начале он перечислил последние сведения по данному делу, в частности, что с полного одобрения департамента американская пресвитерианская миссия недавно обсуждала с иранским правительством вопрос о возвращении школьной собственности в Иране, а также сообщил, что доктор Исса Садык, прежний иранский министр образования, продлил от имени иранского правительства официальное приглашение доктору Полю Монро, президенту Мировой федерации образовательных ассоциаций в Нью-Йорке, для формирования комиссии американских педагогов и что тот фактически закончил приготовления и планировал отбыть в Иран примерно 1 марта 1942 г.

Далее следовало два пожелания. «Найдите заблаговременно возможность выразить министерству иностранных дел сочувствующую заинтересованность нашего правительства в двух предложенных образовательных предприятиях в Иране и объявите, что было бы очень ценным, если бы соответствующие британские должностные лица в Иране были должным образом проинструктированы, чтобы оказать нам свою поддержку в этом деле» [48]. Также глава госдепартамента просил сообщить о характере британского ответа на сделанный запрос Форин офисом.

В этот же субботний декабрьский день Хэлл послал телеграмму в Тегеран Дрейфусу, в которой информировал последнего о предполагаемом взаимодействии с правительством Великобритании и просил сообщить его британскому коллеге сущность обращения, сделанного его правительству, и обсудить с ним предварительные шаги, которые могли бы быть предприняты по данному вопросу [49].

Британский посланник в Иране был проинструктирован 9 января британским министерством иностранных дел, чтобы поддержать позицию Соединенных Штатов в Иране относительно обоих проектов. Хотя Иранский Кабинет 10 января «одобрил в принципе» возвращение собственности миссии, правление миссии в Тегеране после одной формальной попытки начать переговоры с иранским правительством решило не поднимать более этот вопрос [50].

Так завершилась многолетняя объемная работа американских дипломатов по данной проблеме. Помощь, которую они оказывали Пресвитерианскому Совету, существенна. Многие поставленные цели были достигнуты. Основными препятствиями в решении «школьного вопроса» были разногласия с миссионерами по стратегическим и тактическим моментам и сохраняющаяся националистическая оппозиция в иранских политических кругах. Хотя такое поведение руководства Совета объяснимо и с экономической (трудности в осуществлении проекта в условиях военного времени, его очевидная убыточность) и с политической (отсутствие консенсуса среди основных политических сил Ирана по данному вопросу) точек зрения и особенно в свете нарастающей нестабильности в регионе и прогнозируемого осложнения военно-стратегической обстановки на Ближнем и Среднем Востоке из-за возможного прорыва немецких войск сюда через Кавказ или Турцию уже в 1942 г.

Решение вопроса о миссионерских школах в 1939–1941 гг. в Иране во многих отношениях было показательно. Оно помогало вырабатывать общую американскую стратегию в этом регионе. По нему можно также проследить эволюцию политики США в Иране в начале Второй мировой войны и изменения их статуса. Эта эволюция прошла через этапы противостояния, взаимодействия и усиления влияния США. Показателен этот вопрос и в смысле иллюстрации механизма работы американской дипломатии и состояния отношений с другими странами, в частности с СССР.

В декабре 1941 г. США вступили в войну. Это выдвигало перед американской дипломатией новые задачи, в том числе в американо-иранских отношениях, которые необходимо было незамедлительно решать.

Примечания

1. Анализ причин и содержания образовательной реформы Реза-шаха не входит в задачи статьи.

2. Демин, А. И. Иран накануне Второй мировой войны [Текст] / А. И. Демин, В. В. Трубецкой // Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976. С. 121–122.

3. Алиев, С. М. История Ирана, XX век [Текст] / С. М. Алиев. М., 2004. С. 193.
4. Haas, W. S. Iran [Text] / W. S. Haas. N. Y., 1946. P. 164.
5. Banani, A. The modernization of Iran, 1921-41 [Text] / A. Banani. Stanford, California, 1961. P. 96.
6. Peter, A. Modern Iran [Text] / A. Peter. L., 1965. P. 278.
7. Cottam, R. W. Iran and the United States. A cold war case study [Text] / R. W. Cottam. Pitsburg, 1988. P. 52.
8. Foreign relations of the United States. Diplomatic papers (далее FRUS). Точные ссылки смотри ниже.
9. FRUS. 1939. Vol. IV. The Far East; The Near East and Africa [Text] / Washington, 1955. P. 525.
10. Ibid. P. 525–526.
11. Ibid. P. 526.
12. Ibid. P. 527.
13. Ibid.
14. Ibid. P. 527–528.
15. Ibid. P. 530–531.
16. Ibid. P. 528.
17. Ibid. P. 529–530.
18. Ibid. P. 532.
19. Ibid.
20. Ibid. P. 533.
21. Ibid. P. 534.
22. Ibid. P. 534-535.
23. Ibid. P. 535-536.
24. Ibid. P. 537.
25. Ibid.
26. FRUS. 1940. Vol. III. The British Commonwealth; The Soviet Union; The Near East and Africa [Text] / Washington, 1958. P. 693–694.
27. Ibid. P. 694.
28. Ibid. P. 695–696.
29. Ibid. P. 696–697.
30. Ibid. P. 697.
31. Ibid. P. 697–698.
32. Ibid. P. 699.
33. Ibid. P. 700–701.
34. Ibid. P. 701.
35. Ibid. P. 702.
36. Ibid.
37. FRUS.1941. Vol. III. The British Commonwealth; The Near East and Africa [Text] / Washington, 1959. P. 375.
38. Ibid. P. 375.
39. Ibid. P. 376.
40. Ibid. P. 377.
41. Ibid. P. 377–378.
42. Ibid. P. 378–379.
43. Ibid. P. 380.
44. Ibid. P. 381.
45. Ibid.
46. Ibid.
47. Ibid.
48. Ibid.
49. Ibid. P. 382–383.
50. Ibid. P. 383.

М. М. Гурьянов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Настоящая статья посвящена характеристике одной из основных реформ правительства Александра III – введению института земских начальников. В отечественной историографии принятие закона о земских начальниках практически однозначно трактовалось как начало нового этапа контрреформ.

Однако, на наш взгляд, введение института земских начальников следует расценивать как попытку правительства установить контроль над крестьянским самоуправлением, чтобы искоренить злоупотребления в данной среде и помочь крестьянам приспособиться к новым условиям стремительно модернизирующейся страны.

Одним из главных политических событий 1889 г. стало издание «Положения о Земских Участковых Начальниках» [1] (далее Положение). Положение это было обнародовано при указе 12 июля 1889 г. «О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в империи». Данное преобразование представлялось весьма значительным не только по обширности той области управления и суда, которую оно захватывало, но и по важности тех принципиальных перемен, какие оно внесло в быт населения земских губерний.

Итак, в соответствии с Положением в 35 земских губерниях каждый уезд разделялся на земские участки, число которых должны были определять временные уездные и губернские комитеты. В каждом земском участке состоял земский участковый начальник (ст. 5).

Согласно ст. 6 Положения, земскими начальниками могли быть следующие лица: 1) прослужившие в губернии не менее 3 лет в должности предводителя дворянства (причем для данной категории лиц не требовалось имущественного или образовательного ценза); 2) местные потомственные дворяне в возрасте не менее 25 лет, имеющие высшее образование или прослужившие в течение 3 лет в должностях мирового посредника, мирового судьи, непременного члена присутствия по крестьянским делам или земского начальника, если при этом они, их жены или родители владели в пределах уезда на правах собственности землей не менее 1/2 ценза, необходимого для участия в выборах в уездное земское собрание по первой курии, или другим недвижимым имуществом, оцененным для взимания земских сборов не ниже 7500 рублей.

ГУРЬЯНОВ Михаил Михайлович – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ
© Гурьянов М. М., 2006

В случаях недостатка лиц с указанными данными ст. 7 Положения разрешала привлечение на должности земских начальников местных потомственных дворян, окончивших курс в средних учебных заведениях и состоящих в военных или гражданских классных чинах при условии обладания ими, их женами или родителями двойным против указанного выше ценза. Кроме того, разрешалось привлекать на эти должности и местных потомственных дворян, имеющих высшее образование или прослуживших не менее трех лет в указанных п. 2 ст. 6 должностях при условии отсутствия у них земельного ценза, но сохранения усадьбы в пределах уезда.

Но, предоставляя право занимать должности земских начальников лицам из местного дворянства везде, где это окажется возможным, ст. 15 Положения устанавливала право министра внутренних дел, за недостатком таких дворян, назначать на эти должности лиц, окончивших курс в одном из высших или средних учебных заведений империи.

Необходимо отметить, что даже эти весьма незначительные требования в отношении образовательного ценза вскоре были отменены. В своем дневнике А. А. Половцов пишет: «...Встречаю на утренней прогулке товарища министра внутренних дел Плеве, который сообщает мне как крупную новость, что на докладе у государя в четверг Дурново испросил высочайшее повеление об уничтожении для земских начальников условия об образовательном цензе...» [2]. 16 декабря 1889 г. этот вопрос был рассмотрен и принят в Соединенных департаментах Государственного совета. В результате министр внутренних дел получал право назначать на должности земских начальников и таких лиц, которые, соответствуя требованиям ст. 15, могли не иметь высшего или среднего образования, но, по имеющимся у министра сведениям, оказывались достойными занять должность земского начальника и обладали достаточными познаниями для исполнения возлагаемых на них обязанностей (Прим. к ст. 15 Положения).

Ст. 16 Положения устанавливала, что действие постановлений, изложенных в ст. 6–9 и 11–14, не распространялось на ряд губерний (в том числе и Вятскую). В этих губерниях земские начальники назначались из лиц с высшим или средним образованием независимо от их сословного происхождения и земельного ценза. Это положение касалось пяти (позднее девяти) в основном окраинных, недворянских губерний: Астраханской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Вологодской (часть уездов), а затем и Ставропольской, Витебской, Минской и Могилевской.

Кандидатуры земских начальников должны были намечаться губернатором совместно с губернским и местным уездным предводителями дворянства и утверждаться министром внутренних дел.

Земские начальники могли быть уволены с должности или по прошениям, или вследствие представления об этом подлежащего губернского присутствия в случаях, указанных в ст. 17 и 139 Положения. Увольнение данных лиц зависело от министра внутренних дел с соблюдением порядка, установленного ст. 140 Положения.

Таким образом, анализируя условия, предъявляемые к кандидатам на должность земского начальника, мы видим, что круг этих лиц был довольно обширен, а требования к ним весьма невелики. Однако мнения, согласно которым на должность земского начальника мог быть назначен «...любой дворянский “Митрофанушка”, к тому же еще оскудевший и сохранивший после своих родителей одну лишь усадьбу...» [3], на наш взгляд, являются односторонними, так как в дополнении к ст. 15 Положения указывался способ назначения без всяких цензовых ограничений (сословных, имущественных, образовательных, служебных). То есть те требования, которые указывались в предыдущих статьях, в значительной степени теряли свою обязательность. В результате в любое время в любом уезде одни начальники могли быть из образованных и состоятельных местных дворян, а другие – из людей, которых просто посчитали достойными и способными к должности, что, естественно, сказывалось на их деятельности. Таким образом, выходило, что на должности земского начальника могло оказаться лицо, не только не бывшее предводителем дворянства, мировым посредником или мировым судьей, не получившее высшего образования и не принадлежавшее к местному дворянству, но и не учившееся в уездном училище, не пользующееся правом дворянства и нигде не служившее. Для этого достаточно было, чтобы у министра внутренних дел имелись сведения о личных достоинствах такого лица и о способности его к предстоящей службе. Сведения же о кандидатах в уездах министерство, в большинстве случаев, могло иметь лишь от губернской администрации, которая, соответственно, предлагала угодных ей кандидатов.

Конечно, порядок назначения по ст. 15 и 16 представлял собой исключение из общего нормального порядка назначения. Так, ст. 16 собственно и была рассчитана на определенные местности, где могли встретиться затруднения в поиске кандидатов не только из местных дворян, обладающих имущественным цензом, но и из местных образованных людей. Но зато ст. 15 была применима ко всем остальным земским уездам в империи, хотя и представляла собой порядок назначения только в отдельных случаях, однако

дело в том, что степень частоты применения таких случаев ничем не была обусловлена.

На наш взгляд, закрепление способов назначения, указанных в ст. 15 (и примечания к ней) и 16 Положения, опровергает мнения тех, кто считал и считает, что данное Положение было издано для того, чтобы «...усилить роль поместного дворянства в деревне и способствовать тем самым консервации феодально-крепостнических пережитков» [4], так как сам принцип такого назначения является отступлением от сословного к бюрократическому.

Функции земских начальников предполагались весьма разносторонние. В их компетенцию входили некоторые распорядительные действия по крестьянским делам и судебно-административные функции.

В административном отношении земские начальники заменяли собой непременных членов уездных присутствий по крестьянским делам и мировых посредников. Так, ст. 22 Положения прямо указывала, что «по заведованию управлением и поземельным устройством сельских обывателей на земских начальников возлагается исполнение всех обязанностей, которые, согласно действующим узаконениям, лежат на мировых посредниках...». Таким образом, данная статья предполагала предоставление земским начальникам тех административных прав, которыми пользовались мировые посредники. По «Положению о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» [5] мировой посредник утверждал в должности волостного старшину, имел право увольнять сельских старост, а также отрешать от должности волостных старшин впредь до разрешения этого вопроса вышестоящими органами. Кроме того, ему предоставлялось право налагать на должностных лиц сельского управления штраф в размере до 5 руб., а также приговаривать их к аресту до 7 дней (ст. 30).

Однако права земских начальников в отношении органов крестьянского общественного управления значительно расширялись по сравнению с мировыми посредниками. Так, им предоставлялись полицейские функции в отсутствие на месте чинов уездной полиции (уездного исправника или станового пристава). Во время их отсутствия на земских начальников возлагался надзор за действиями волостных старшин и сельских старост по охранению благочиния, безопасности и общественного порядка и по предупреждению и пресечению преступлений и проступков. До прибытия исправника или станового им же предоставлялось руководство в данных отношениях как над волостными старшинами и сельскими старостами, так и над нижними чинами уездной полиции (урядниками, сотскими и десятскими) на пространстве всего участка (ст. 24 Положения).

Кроме того, земскому начальнику принадлежал надзор за всеми установлениями крестьянского общественного управления, а также и производство ревизий данных установлений как по своему усмотрению, так и по поручениям губернатора или губернского присутствия (ст. 23).

Также земский начальник мог предлагать дела на обсуждение волостных сходов, разрешать собственной властью жалобы, приносимые на волостных и сельских должностных лиц, удалять от должности неблагонадежных волостных и сельских писарей (ст. 25–29).

Значительно уменьшалась самостоятельность сельских и волостных сходов. Так, земские начальники имели право рассматривать все приговоры волостных и сельских сходов (ст. 30). Однако по закону земские начальники сами не имели права ни отменять, ни изменять постановления сходов. Если, по их мнению, приговор противоречил закону, либо «клонился к явному ущербу сельского общества», либо нарушал права отдельных членов схода, то начальники могли приостановить исполнение этого приговора и представить его со своим заключением на рассмотрение уездного съезда земских начальников (ст. 31), который отменял или утверждал данный приговор.

Далее, земский начальник имел право за неисполнение вообще законных распоряжений или собственных требований подвергать крестьян, без всякого формального производства, денежному взысканию не свыше шести рублей или аресту не свыше трех дней, а должностных лиц волости или селения подвергать замечаниям, выговорам, денежным взысканиям на сумму до пяти рублей или аресту на срок до семи дней «вследствие рассмотрения принесенных на их действия жалоб или усмотренных им самим маловажных проступков означенных лиц». Он мог также за более важные нарушения устранять этих лиц от должности (в том числе и волостных судей) и входить с представлениями в уездный съезд о полном их увольнении от службы или о предании суду (ст. 61–62). Данные решения земского начальника о взысканиях с волостных старшин и судей, а также с сельских старост, постановляемые им без формального производства, считались окончательными, подлежали немедленному исполнению, и жалобы на них съездом не принимались (ст. 64).

Сверх того, земскому начальнику принадлежал надзор за состоянием мирских капиталов, утверждение приговоров сельских сходов о расходах из них или, если он не согласен с приговором, представление его со своим заключением на рассмотрение уездного съезда (ст. 36). Ему принадлежал также надзор за ссудо-сберегательными кассами и товариществами, сельскими бан-

ками и другими различными сельскими кредитными учреждениями, за опекунством над малолетними и рассмотрение жалоб на опекунов (ст. 37–38), а также «попечение о хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспеянии крестьян вверенного ему участка по предметам ведомства сельских и волостных сходов, указанных в пп. 8 и 16 (по Прод.) ст. 51 и в пп. 2 и 3 ст. 78 Общего Положения о крестьянах» (ст. 39). Последняя норма была довольно расплывчата, что часто могло становиться законным основанием произвола земских начальников.

Таким образом, полномочия земского начальника в отношении крестьян были весьма обширны и действительно устанавливали в его лице «попечительство над сельскими обывателями». На наш взгляд, эти полномочия были даже слишком обширны, тем более что некоторые решения начальника вовсе не подлежали обжалованию, а на другие – жалобы приносились в уездный съезд, который состоял (в административном присутствии), под председательством предводителя дворянства, из тех же земских начальников и решал дела по большинству голосов. Понятно, что товарищи лишь в исключительных случаях могли решаться на отмену распоряжений земского начальника, чтобы не ослабить авторитет той власти, представителями которой они сами и являлись. В результате, власть земского начальника охватывала всю общественную, а отчасти и личную жизнь крестьян (попечение о нравственном преуспеянии крестьян).

Судебные функции земских начальников также были весьма широки. За небольшим исключением, им передавались почти все дела, рассматривавшиеся ранее мировыми судьями. В городах (кроме Санкт-Петербурга, Москвы и Одессы, где сохранялся мировой суд) создавался институт городских судей, назначавшихся министром юстиции. Помимо этого в уездах вводились должности уездного члена окружного суда. Ему передавался ряд дел, ранее подведомственных мировым судьям, которые не относились к компетенции земских начальников, городских судей и волостных судов.

В ст. 48 Положения указывалось, что «ведомству земских начальников, в порядке гражданского судопроизводства, подлежат дела, указанные в Правилах о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям (ст. 20)» [6] (далее – Правила). Там устанавливалось, что ведению земских начальников и городских судей подлежали:

1) иски на сумму не свыше пятисот рублей, возникающие: а) по найму земельных угодий, а также находящихся при данных угодьях оброчных и доходных статей; б) по личному найму на сельские работы, в сельскохозяйственные должности и в услужение;

2) иски о восстановлении нарушенного владения, если со времени нарушения прошло не более шести месяцев;

3) иски о потравах и о других повреждениях полей, лугов и иных угодий, если количество ущерба не превышает пятисот рублей;

4) все прочие иски по личным договорам и обязательствам и о движимости не выше трехсот рублей, а также иски о вознаграждении за ущерб и убытки, если их количество также не превышает трехсот рублей;

5) иски о личных обидах и оскорблениях;

6) просьбы об обеспечении доказательств по искам на любую сумму.

Ст. 49 Положения устанавливала, что в порядке уголовного судопроизводства ведению земских начальников подлежали дела, указанные в Правилах (ст. 162 и 163). В соответствии с данными статьями ведению земского начальника подлежали:

1) проступки против порядка управления, против благочиния, порядка и спокойствия, против общественного благоустройства, против народного здравия, против личной безопасности, против семейственных прав, против чужой собственности, при нарушении Уставов о паспортах, строительного, путей сообщения, почтового и телеграфного, при нарушении правил осторожности от пожаров, при оскорблениях чести, угрозах и насилии;

2) беспатентная продажа питейных и табачных изделий, а также нарушения некоторых постановлений о выделке и продаже напитков и дрожжей;

3) дела о нарушении правил о приготовлении, хранении и продаже церковных восковых свечей, если сумма денежного взыскания и цена подлежащих конфискации свеч не превышала трехсот рублей.

Таким образом, с принятием Положения 1889 г. институт земских начальников фактически заменил собой мировой суд (за исключением городов Санкт-Петербурга, Москвы и Одессы), однако если мировые судьи избирались, то земские начальники стали назначаться, при этом соединив в своих руках и судебную и административную власть.

Особенно возрастала роль земского начальника по сравнению с мировыми посредниками в отношении волостных судов. Если после 1861 г. волостной суд обладал самостоятельностью по отношению к представителям административной власти, то теперь он целиком зависел от земского начальника. Во «Временных правилах о волостном суде», включенных в Положение 1889 г., указывалось, что каждое сельское общество из-

бирало кандидата в волостные судьи. Из их числа земский начальник утверждал судей (при этом число кандидатов должно было превышать количество требуемых судей не менее чем в 2 раза). Председатель волостного суда утверждался по представлению земского начальника уездным съездом, причем эти функции могли быть возложены и на представителя администрации – волостного старшину. Более того, если ранее решения волостного суда являлись окончательными, то по Положению эти решения могли быть обжалованы земскому начальнику. При этом последний либо разрешал эти жалобы сам, либо в случаях, когда приговор предусматривал более серьезное наказание, передавал их на рассмотрение уездного съезда.

Необходимо отметить также, что роль волостного суда теперь значительно возрастала, так как в связи с ликвидацией мирового суда компетенция его значительно расширялась. Гражданские дела, споры и тяжбы рассматривались волостным судом в пределах до 300 рублей (вместо 100 рублей). Волостной суд получил право присуждать виновных к штрафу до 30 рублей и 15 дней ареста (вместо денежного штрафа до 3 рублей и ареста до 7 дней).

Земские начальники в административном и судебном отношении подчинялись руководству и надзору уездных съездов, губернского присутствия и губернатора (ему предоставлялось право осуществлять ревизию делопроизводства земских начальников и установленные нарушения передавать на рассмотрение губернского присутствия (ст. 66 Положения)).

Каждый уездный съезд состоял из двух присутствий (ст. 70–73 Положения): административного (состояло под председательством уездного предводителя дворянства, из всех земских начальников уезда, исправника и председателя уездной земской управы) и судебного (состояло под председательством уездного предводителя дворянства, из уездного члена окружного суда, почетных мировых судей, городских судей и земских начальников).

В судебном присутствии должны были присутствовать товарищ прокурора окружного суда или губернского прокурора, в административном – при разборе некоторых дел – податной инспектор. При каждом уездном съезде состояли кандидаты в земские начальники и секретарь (ст. 76–81).

В административных делах уездный съезд исполнял те же обязанности, которые лежали на уездных по крестьянским делам присутствиях, и разрешал те дела, которые представлялись ему земскими начальниками как превышающими их власть. В судебном отношении уездный съезд заменял собой съезд мировых судей, то есть рассматривал гражданские и уголовные жалобы и отзывы по делам, производившимся земскими начальниками и мировыми судьями (раздел VIII Положения). Ежегодно все земские начальники уезда должны были представлять уездным съездам отчеты о своей деятельности (ст. 67).

Высшей инстанцией над земскими начальниками, городскими судьями и уездными съездами было поставлено губернское присутствие (раздел X Положения). Оно состояло под председательством губернатора из губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора окружного суда или его товарища и двух непременных членов, а также председателя или члена окружного суда, председателя губернской земской управы и управляющих казенной палатой и государственными имуществами. В административном отношении губернское присутствие заменило собой губернское по крестьянским делам присутствие, а в судебном – кассационные департаменты Сената (что, естественно, сокращало время для окончательного принятия решения по делу).

Основной задачей губернского присутствия являлся надзор за успешным исполнением земскими начальниками и уездными съездами возложенных на них обязанностей, а также ревизия их делопроизводства. Оно решало дела об окончательном удалении волостных должностных лиц, разрешало жалобы на постановления земских начальников, рассматривало и утверждало некоторые приговоры сельских сходов, ему принадлежали дела о служебной ответственности земских начальников (присутствие могло представить министру внутренних дел, через губернатора, прошение об увольнении их от должности). По судебным делам губернскому присутствию принадлежали разрешение протестов и просьб об отмене окончательных приговоров и решений съездов. Присутствие принимало решение большинством голосов. Постановления губернского присутствия по административным делам считались окончательными (кроме решений, касающихся поземельного устройства сельских обывателей). На постановления присутствия о служебной ответственности земских начальников дозволялось приносить жалобы министру внутренних дел.

Губернатор располагал существенной властью в отношении губернского присутствия, вплоть до права приостанавливать приведение в действие постановлений. Тогда дело передавалось на рассмотрение министра внутренних дел, который в случае необходимости входил в Сенат с представлением об отмене неправильного постановления.

В итоге новое устройство местного управления существенно усилило власть губернской ад-

министрации, а судебная власть земских начальников распространялась не только на крестьянское население, но косвенно и на городское, так как уездный съезд рассматривал и решения городских судов.

Добавим, что помимо основных обязанностей – судебных, административных и полицейских – земский начальник выполнял массу побочных занятий. Он был «членом училищных советов, общества трезвости, на нем лежал надзор за исполнением воинской повинности, он опекал все благотворительные учреждения и попечительства, был председателем всех комиссий по неурожаю, по пожару, по постройкам и т. п.» [7]. Такое обилие служебных обязанностей земских начальников, их загруженность во многом опровергают утверждения большинства исследователей об огромной власти начальников над крестьянским сословным самоуправлением и о существенном ограничении его самостоятельности.

На основе анализа Положения можно сделать общий вывод, что институт земских начальников представлял собой, прежде всего, то же самое, что и институт мировых посредников, но с несколько большей властью над крестьянством; также – земский начальник имел функции и мирового судьи, с несколько уменьшенной компетенцией. То есть можно сказать, что земский начальник был именно «начальник» для крестьянства, а для всех остальных сословий – судья.

На наш взгляд, главные недостатки судебно-административных учреждений, вводимых Положением 1889 г., выражались в следующем:

1. В чрезмерно обширной компетенции и власти земских начальников. Так, лишь очень незначительное число статей Положения содержит точные указания обязанностей земского начальника и пределов его власти. Многие же статьи, относящиеся к наиболее существенным сторонам деятельности земских начальников, сформулированы чрезвычайно широко и сводятся к возложению на них «надзора» или «попечения».

2. В определенной степени учреждение должности земских начальников было шагом назад в государственно-правовом развитии, поскольку законом от 12 июля 1889 г. был отменен мировой суд, а новый институт, заменивший его, соединил в себе административную и судебную власть. Между тем историческое развитие местных органов управления, начиная с Екатерины II, состояло как раз в отделении суда от администрации и постепенной ликвидации сословного принципа в деятельности администрации.

3. Вместо принципа бессословности, на котором утверждались реформы 60-х гг. XIX века, в основание нового устройства в определенной степени было положено сословно-дворянское начало (правда, как мы указывали выше, не везде и не всегда). Также было сохранено сословное образование волостного и сельского управления и волостного суда, но установленное Положением 19 февраля 1861 г. начало полной самостоятельности крестьянского самоуправления и суда было подвергнуто значительному ограничению в виде предоставления должностным лицам из местных землевладельцев широкой власти надзора. Из области суда выборное начало практически было устранено, так как заменявшие мировых судей земские начальники и городские судьи назначались административным порядком, а в волостные судьи сами крестьяне должны были избирать только кандидатов, из числа которых земские начальники назначали судей.

В отечественной историографии принятие закона о земских начальниках практически однозначно трактовалось как начало нового этапа контрреформ, за которым последовало издание новых законов о земском и городском самоуправлении.

Однако, на наш взгляд, введение института земских начальников следует расценивать как попытку правительства установить контроль над крестьянским общественным самоуправлением, искоренить злоупотребления в данной среде и помочь крестьянам приспособиться к новым условиям стремительно модернизирующейся страны.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи–3 [Текст]. Т. 9. № 6196.

2. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова [Текст] : в 2 т. Т. II: 1887–1892 гг. М.: Наука, 1966. С. 235.

3. *Зайончковский, П. А.* Закон о земских начальниках 12 июля 1889 г. [Текст] / П. А. Зайончковский // Науч. докл. высш. шк.: Ист. науки. 1961. № 2. С. 52.

4. *Зайончковский, П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия: (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов) [Текст] / П. А. Зайончковский. М.: Мысль, 1970. С. 401.

5. Полное собрание законов Российской империи–2 [Текст]. Т. 36. № 36660.

6. Полное собрание законов Российской империи–3 [Текст]. Т. 9. № 6483.

7. *Богатырева, О. Н.* Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917) [Текст] / О. Н. Богатырева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 381.

Ю. Н. Фольгерова

ПЕРЕПЛАНИРОВКА ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

В соответствии со ст. 9 ГК РФ субъекты права по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права. Вместе с тем субъекты правоотношений не должны ими злоупотреблять, дабы не нарушать прав третьих лиц.

Стремление к уюту, к индивидуальности, к комфорту приводит к тому, что собственники жилых помещений осуществляют их перепланировку либо переустройство. Многие при этом руководствуются тем соображением, что собственник вправе самостоятельно решать судьбу своего имущества. Действительно, п. 2 ст. 209 ГК РФ предусматривает, что собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия. Однако указанная норма предусматривает оговорку, согласно которой совершаемые действия не должны противоречить закону и иным правовым актам, а также не должны нарушать прав и охраняемых законом интересов других лиц.

Перепланировка (переустройство) жилых помещений в подавляющем большинстве является действием несанкционированным, в результате которого, во-первых, нарушаются нормы законодательства, а, во-вторых, могут нарушаться права других граждан. Как показывает практика, в последнем случае чаще всего происходит нарушение права на безопасность жизни, поскольку в результате перепланировки нарушаются строительные стандарты, не соблюдаются требования безопасности, в результате чего происходит обвал межэтажных перекрытий, нарушается вентиляция и т. д.

До вступления в силу Жилищного кодекса РФ [1] 1 марта 2005 г. порядок перепланировки жилых помещений на федеральном уровне специально не регулировался. На практике суды применяли положения ст. 222 ГК РФ о самовольной постройке. Вместе с тем возможность их практического воплощения базировалась сугубо на аналогии, так как перепланировка и самовольная постройка – понятия не тождественные.

Под самовольной постройкой понимается жилой дом, другое строение, сооружение или иное недвижимое имущество, созданное на земельном участке, не отведенном для этих целей, в порядке, установленном законом и иными правовыми актами, либо созданное без получения на это необходимых разрешений или с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил (п. 1 ст. 222 ГК РФ). Таким образом, анализируя указанное понятие, можно сделать вывод, что самовольная постройка – это некий объект, «с нуля» возведенный (построенный) с нарушением конкретной нормы закона (на не отведенном для целей строительства земельном участке, без разрешения на строительство и т. д.). Понятие «перепланировка» до принятия ЖК РФ не расшифровывалось. Вместе с тем оно предполагает, что уже готовый объект недвижимости подлежит переделке, модификации, в результате которой должна измениться планировка помещения, размеры и т. д. Сравнение обоих понятий доказывает, что ст. 222 ГК РФ применялась к случаям перепланировки по аналогии.

Нарушения в сфере перепланировки жилых помещений стали явлением распространенным. В частности, это можно было объяснить отсутствием должного правового регулирования и реальных мер ответственности. Учитывая необходимость детальной регламентации порядка перепланировок, законодатель включил в новый жилищный закон гл. 4 «Переустройство и перепланировка жилого помещения». ЖК РФ впервые на федеральном уровне не только определил, что следует понимать под перепланировкой, но и ввел институт переустройства, а также закрепил правила их реализации и меры ответственности в случае нарушения.

Ст. 25 ЖК РФ предусматривает, что под переустройством следует понимать установку, замену или перенос инженерных сетей, санитарно-технического, электрического или другого оборудования, требующих внесения изменения в технический паспорт жилого помещения. Перепланировка представляет собой изменение конфигурации жилого помещения, требующее внесения изменения в его технический паспорт. Таким образом, как переустройство, так и перепланировка связаны с внесением в технический паспорт изменений.

В соответствии с Инструкцией о проведении учета жилищного фонда в Российской Федерации технический паспорт жилого помещения состоит из четырех разделов.

Первый раздел содержит информацию о принадлежности жилого помещения: фамилия, имя, отчество владельца, его паспортные данные, документы, подтверждающие право собственности, пользования, владения, долевое участие.

Второй раздел включает экспликацию площади квартиры, где указываются три параметра: жилая площадь, площадь и общая площадь квартиры (дома).

Техническое описание квартиры (третий раздел технического паспорта) включает описание

ФОЛЬГЕРОВА Юлия Николаевна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВятГГУ

© Фольгерова Ю. Н., 2006

фундамента, стен, перекрытий, крыши, полов, окон, отопления, газоснабжения, электроосвещения, ванны и т. д.

И, наконец, в четвертом разделе указываются полная, остаточная балансовая стоимость, действительная инвентаризационная стоимость, а также может указываться рыночная стоимость.

Следовательно, если в результате действий владельца фактическое состояние жилого помещения будет расходиться с данными, зафиксированными в техническом паспорте, указанные действия можно квалифицировать как переустройство или перепланировку.

Поскольку на федеральном уровне длительный период вопросы перепланировки не разрешались, на местном уровне принимались свои акты. Так, в Кирове в 2001 г. было принято Положение «О порядке оформления разрешений на выполнение строительных работ по переоборудованию, перепланировке и реконструкции жилых и нежилых помещений в жилых домах в муниципальном образовании «город Киров» [2].

Данный нормативно-правовой акт был принят раньше действующего ЖК РФ, а следовательно, может применяться только в части, ему не противоречащей. В частности, Положение можно использовать при определении вопроса, какие изменения в жилом помещении понимаются в Кирове как перепланировка (переустройство).

В соответствии с п. 3 Положения перепланировка включает в себя замену несущих конструкций здания, перенос, демонтаж ненесущих конструкций здания, окон, дверных проемов, внутренних перегородок, встроенных шкафов и проведение других строительных работ, выполнение которых связано с изменением планировки помещений (п. 3).

Переустройством [3] считаются следующие действия (п. 2):

· перенос нагревательных, электрических, сантехнических, газовых приборов, внутреннего пожарного водопровода, устройство пожарной автоматики, дымоудаления, оповещения о пожаре;

· перенос инженерных коммуникаций внутри здания, вентиляционных каналов;

· прокладка новых или замена существующих подводящих трубопроводов и устройств для установки душевых кабин, ванн типа «джакузи», стиральных машин повышенной мощности и других сантехнических и бытовых приборов нового поколения.

Наряду с понятиями «перепланировка» и «переустройство» Положение содержит и «реконструкцию», не известную федеральному жилищному законодательству. Реконструкция включает выполнение строительных работ, связанных с изменением функционального назначения помещений (жилых, нежилых, подвальных, чердачных и т. д.), мест общего пользования, а также работ, связанных с увеличением (уменьшением) количества комнат, изменение общей площади помещения за счет присоединения мест общего пользования и т. д. Видимо, результаты указанных работ подпадают под категорию перепланировки.

Если же владелец жилого помещения (собственник, наниматель и т. д.) решил совершить какое-либо перечисленное выше действие, оно может квалифицироваться как перепланировка (переустройство) и, как следствие, требует соблюдения специальной процедуры.

Прежде всего при осуществлении перепланировки (переустройства) владельцы обязаны соблюдать ряд запретов. Во-первых, запрещается переустройство (перепланировка) жилых домов (квартир), ведущее к нарушению прочности или разрушению несущих конструкций здания, нарушению в работе инженерных систем и (или) установленного на нем оборудования, ухудшению сохранности и внешнего вида фасадов, нарушению противопожарных устройств. Во-вторых, не допускается перепланировка квартир (комнат), ухудшающая условия эксплуатации и проживания всех или отдельных граждан жилого помещения.

Далее следует помнить, что перепланировка (переустройство) жилого помещения проводится по согласованию с органом местного самоуправления (п. 1 ст. 26 ЖК). В Кирове таким органом является Межведомственная комиссия по перепланировке (реконструкции) жилых и нежилых помещений в жилых зданиях в г. Кирове [4].

Для осуществления перепланировки в Межведомственную комиссию заявитель предоставляет пакет документов, перечень которых перечислен в п. 2 ст. 26 ЖК РФ. При этом необходимо помнить, что указанный перечень является исчерпывающим и не может расширяться актами местного самоуправления. Пункт 3 ст. 26 ЖК РФ прямо запрещает указанным органам требовать представление других документов, кроме следующих:

1) заявление о переустройстве и (или) перепланировке по форме, утвержденной Правительством Российской Федерации [5];

2) правоустанавливающие документы на переустраиваемое и (или) перепланируемое жилое помещение (подлинники или засвидетельствованные в нотариальном порядке копии);

3) подготовленный и оформленный в установленном порядке проект переустройства и (или) перепланировки переустраиваемого и (или) перепланируемого жилого помещения;

4) технический паспорт переустраиваемого и (или) перепланируемого жилого помещения;

5) согласие в письменной форме всех членов семьи нанимателя, в том числе временно отсут-

ствующих членов семьи нанимателя, занимающих переустраиваемое и (или) перепланируемое жилое помещение на основании договора социального найма, в случае, если заявителем является уполномоченный наймодателем на представление предусмотренных настоящим пунктом документов наниматель переустраиваемого и (или) перепланируемого жилого помещения по договору социального найма;

6) заключение органа по охране памятников архитектуры, истории и культуры о допустимости проведения переустройства и (или) перепланировки жилого помещения, если такое жилое помещение или дом, в котором оно находится, является памятником архитектуры, истории или культуры.

Перечень документов, предусмотренный в Положении, отличается от приведенного выше. Как уже было сказано ранее, Положение подлежит применению только в части, не противоречащей ЖК РФ. Более того, надо отметить, что новый ЖК РФ не предоставляет нормотворческой функции органам местного самоуправления. В соответствии с п. 10 ст. 12 ЖК РФ определение условий и порядка переустройства и перепланировки жилых помещений отнесено к компетенции органов государственной власти РФ в области жилищных отношений. Органы местного самоуправления только согласуют переустройство (перепланировку) жилых помещений (пп. 7 п. 1 ст. 14 ЖКРФ), а также вправе определять порядок получения документа, подтверждающего принятие решения о согласовании или об отказе в согласовании переустройства и (или) перепланировки жилого помещения (пп. 9.1 п. 1 ст. 14 ЖК РФ).

Представленные документы Межведомственная комиссия обязана рассмотреть и принять решение о согласовании (об отказе в согласовании) перепланировки (переустройства) в срок, не превышающий 45 дней (Положение предусматривает один месяц).

Отказ в согласовании перепланировки допускается только по трем основаниям, предусмотренным п. 1 ст. 27 ЖК. Это:

1) непредставления предусмотренных ЖК РФ документов;

2) представления документов в ненадлежащий орган;

3) несоответствия проекта переустройства и (или) перепланировки жилого помещения требованиям законодательства.

Следовательно, отказ по иным основаниям не допускается. Тем более недопустим отказ в перепланировке по такому основанию, как «при отсутствии возможности переоборудования, перепланировки, переустройства», предусмотренному п. 13.1 Положения. При применении данного основания остается открытым вопрос, что же представляет собой «отсутствие возможности» и кто ее определяет?

В юридической литературе отмечается, что такая формулировка, как «несоответствие проекта переустройства и (или) перепланировки жилого помещения требованиям законодательства» является недостаточно четкой [6]. Данное обстоятельство объясняется возможностью применения «местных» оснований для отказа, предусмотренных в актах местного законодательства. Действительно, такое изложение нормы может послужить поводом к злоупотреблению со стороны «согласительных» органов местного самоуправления, поскольку последние давно уже не согласуют, а дают разрешение на перепланировку.

Если же Межведомственная комиссия положительно согласовывает перепланировку (переустройство), она обязана не позднее чем через три рабочих дня со дня принятия решения о согласовании выдать (направить по адресу, указанному в заявлении) заявителю документ, подтверждающий принятие такого решения. Именно этот документ и будет основанием для осуществления перепланировки (переустройства).

Дальнейшие действия по осуществлению перепланировки на федеральном уровне еще не разрешены, так как подзаконного акта, регулирующего вопросы порядка и условий перепланировки (переустройства), еще не принято. Порядок, предусмотренный в Положении, противоречит ЖК РФ и не может быть применим, хотя в настоящее время Межведомственная комиссия оперирует именно им. Так, Положение предусматривает, что после согласования в Межведомственной комиссии необходимо разработать проектную документацию, согласовать ее в объеме, определенном комиссией, а затем получить в управлении архитектуры и градостроительства города Кирова разрешение на выполнение строительных работ. ЖК РФ закрепляет, что проектная документация должна быть приложена к заявке на согласование, а решение о перепланировке федеральным законодательство рассматривается как единственное достаточное основание для дальнейших строительных работ. Обращение в какие-то ни было еще органы закон не требует.

После завершения перепланировки (переустройства) жилого помещения необходимо создание приемочной комиссии (Положение гласит, что комиссия создается администрацией соответствующего района Кирова), которая подтверждает результат соответствующих работ актом приемочной комиссии (п. 1 ст. 28 ЖК РФ). Акт приемочной комиссии должен быть направлен органом, осуществляющим согласование, в организацию (орган) по учету объектов недвижимого имущества.

Осуществление самовольной перепланировки (переустройства) влечет определенные последствия, выражающиеся в привлечении лица к ответственности. При этом под самовольной перепланировкой (переустройством) понимается не только несоблюдение указанной выше процедуры, но и перепланировка (переустройство), осуществленная с нарушением проекта перепланировки (переустройства) (п. 1 ст. 29 ЖК РФ).

За самовольную перепланировку (переустройство) предусмотрена гражданская и административная ответственность. Так, в соответствии со ст. 7.21 КоАП РФ самовольная перепланировка жилых помещений в многоквартирных домах влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 20 до 25 МРОТ. Примечателен тот факт, что юридические лица за самовольную перепланировку (переустройство) жилого помещения к административной ответственности не привлекаются. Вместе с тем гражданское законодательство не запрещает юридическим лицам быть собственниками жилого фонда. Привлечение одних субъектов к ответственности и освобождение от нее других за аналогичные правонарушения является, по крайней мере, нелогичным. Поэтому в действующее законодательство, предусматривающее административную ответственность, необходимо внести дополнение, которое бы предусматривало ответственность и юридических лиц за самовольную перепланировку жилых помещений в многоквартирных домах.

К гражданской ответственности субъекты самовольной перепланировки (переустройства) привлекаются только в том случае, если они добровольно не привели жилое помещение в прежнее состояние. Возврат жилого помещения в состояние, предусмотренное техническим паспортом, должен быть осуществлен в разумный срок и в порядке, которые установлены органом, осуществляющим согласование.

Заинтересованное лицо вправе сохранить результаты перепланировки (переустройства), если судебным решением будет установлено, что этим не нарушаются права и законные интересы граждан [7] либо это не создает угрозу их жизни или здоровью (п. 4 ст. 29 ЖК РФ). В данной ситуации необходимо будет на основании указанного судебного решения оформить новый технический паспорт.

Если несанкционированная перепланировка (переустройство) нарушает права (законные интересы) граждан, угрожает их жизни (здоровью) и результаты ее не устранены на основании искового заявления органа, осуществляющего согласование, суд принимает решение:

1) в отношении собственника о продаже с публичных торгов такого жилого помещения с выплатой собственнику вырученных от продажи такого жилого помещения средств за вычетом расходов на исполнение судебного решения с возложением на нового собственника такого жилого помещения обязанности по приведению его в прежнее состояние;

2) в отношении нанимателя такого жилого помещения по договору социального найма о расторжении данного договора с возложением на собственника такого жилого помещения, являвшегося наймодателем по указанному договору, обязанности по приведению такого жилого помещения в прежнее состояние.

Новому собственнику (нанимателю) назначается срок, в течение которого он обязан привести жилое помещение в прежнее состояние. Неисполнение данной обязанности влечет повторение процедуры, рассмотренной выше.

Остается открытым ряд вопросов. Например, в какой форме и кем должны производиться публичные торги? Как поступать с жилыми помещениями, находящимися в совместной собственности, если перепланировка (переустройство) была осуществлена одним сособственником без ведома другого? Как происходит выселение из жилого помещения нанимателя по договору социального найма? Применяются ли указанные правила к договорам коммерческого найма?

При таком подходе законодателя к последствиям несанкционированной перепланировки остаются совершенно не защищенными права членов семьи собственника (нанимателя), что не может оставаться без соответствующего внимания законодателя.

Итак, подводя черту вышесказанному, еще раз отметим следующее. Перепланировка (переустройство) связана с таким изменением жилого помещения, которое требует внесения изменений в технический паспорт. Указанные действия обязательно должны пройти согласование в соответствующих органах местного самоуправления, в противном случае субъекты несанкционированной перепланировки (переустройства) привлекаются к административной (штраф) или гражданской (продажа жилого помещения с торгов или выселение) ответственности.

Органы местного самоуправления нормотворческой функции в сфере перепланировки (переустройства) не имеют; акты, изданные этими органами до принятия ЖК РФ, применяются в части, ему не противоречащей.

Примечания

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ. Далее – ЖК РФ.

2. Утверждено решением Кировской городской Думы от 21.03.2001 г. № 53/17. Далее – Положение.

3. Положение использует термин «переоборудование».

4. Комиссия создана распоряжением администрации города Кирова от 11.12.2001 г. № 5066. Далее – Межведомственная комиссия.

5. Постановлением Правительства РФ от 28.04.2005 г. утверждена типовая форма заявления о переустройстве и (или) перепланировке жилого помещения.

6. Шорин А. В.

7. Видимо, речь идет о членах семьи собственника (нанимателя), иных лицах, совместно проживающих с ними, о собственниках (иных лицах), имеющих жилые помещения в том же многоквартирном доме.

Чанг Хунг-Йу

ПОЭТИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЦВЕТА В ЛИРИКЕ В. БРЮСОВА

Для раскрытия особенностей стиля отдельного поэта особое значение приобретают поэтизмы, характер которых помогает раскрыть стилевые особенности разных поэтических школ и течений. Обращение к поэзии В. Брюсова позволяет показать динамику поэтизмов на рубеже двух веков и выявить своеобразие функционирования этих слов в поэзии символистов.

В статье рассматриваются поэтизмы, связанные с цветовой характеристикой, широко используемые в лирике В. Брюсова.

Поэтизмы являются существенным элементом стиля В. Брюсова. Поэтизмам как лексической категории присуща традиционность употребления. Однако они не остаются неизменными в русской лирике XIX–XX вв., так как поэзии «свойственно стремление к преодолению штампов, к индивидуализации способов выражения» [1]. «Обращение к традиционным поэтическим элементам, характер их вовлечения в текст может служить одной из показательных особенностей стиля отдельного поэта» [2], а отбор и характер преобразования экспрессивно-семантических качеств традиционных средств помогает раскрыть стилевые особенности разных поэтических школ и течений. Обращение к поэзии В. Брюсова позволяет показать динамику поэтизмов на рубеже двух веков и выявить своеобразие функционирования этих слов в поэзии символистов.

В лирике В. Брюсова широко используются поэтизмы, связанные с цветовой характеристикой. Они представлены различными частями речи:

1) глаголами *багрить* ‘окрашивать в густо-красный, багровый цвет’ (ТСУ, I, стб. 76) [3], *багрянить* ‘окрашивать в багровый цвет’ (ТСУ, I, стб. 76), *обагрить* ‘окрасить в красный, багряный цвет’ и оттенок ‘(со словом «кровью», «в крови» или без них) окровавить, залить кровью’ (ТСУ, I, стб. 610), *обагряться* ‘несов. к обагриться.’ и ‘страд. к обагрять’ [*обагриться* ‘окраситься в красный, багряный цвет’ и оттенок ‘(со словом «кровью» или без него) стать окровавленным, залитым кровью’; *обагрять* ‘несов. к обагрить’] (ТСУ, II, стб. 610);

2) прилагательными *багряный* ‘то же, что багровый’ [*багровый* ‘густо-красный, кровавого цвета’] (ТСУ, I, с. 76), *жемчужный* ‘перен. напоминающий жемчуг своим блеском, чистотой, прозрачностью’ (ТСУ, I, стб. 856), *златой* ‘золотой’ (ТСУ, I, стб. 1101), *златокудрый* ‘с золотистыми кудрями’ (ТСУ, I, стб. 1101), *лазурный* ‘цвета лазури, светло-синий’ (ТСУ, II, стб. 19), *пурпуровый* ‘прил. к пурпур’ (ТСУ, III, стб. 1070), *серебряный* ‘*перен.* цветом и блеском напоминающий серебро’ (ТСУ, IV, стб. 158);

3) существительными *багряница* ‘одежда багряного цвета (царей в древности как знак верховной власти)’ (ТСУ, I, стб. 76), *лазурь* ‘цвет неба, моря’ (ТСУ, II, стб. 19).

Наибольшей употребительностью среди лексем названного ряда в произведениях поэта отличается поэтизм *багряный*. Слово было связано с давней книжной традицией; его книжность поддерживалась, по-видимому, наличием нескольких широко бытовавших в речи синонимов: *багровый* и *пурпурный*, нейтральных по своей стилистической окрашенности.

Рассматривая функционирование поэтизма *багряный* в истории русского языка, в том числе и в поэтической речи, Р. В. Алимпиева отмечает ряд особенностей его употребления: 1) обладая высокой тональностью, он издавна используется в качестве цветообозначений красного тона и чаще всего сочетается со словами, обозначающими одежды; 2) не теряя своей яркости как цветовая характеристика, поэтизм *багряный* часто применяется для создания образа солнца, зари, заката – такое употребление поддерживалось двумя поэтическими традициями: с одной стороны, поэтизм *багряный* используется в своем прямом номинативном значении: *Но не отдаст тебе* ***багряная денница*** *Сияния протекших дней* (Батюшков), *Редеет ночь,* ***заря багряна*** *лучами солнца вожжена* (Пушкин), с другой – он участвует в метафорическом контексте, сочетаясь с лексемами, обозначающими одежду: ***Багряну ризу*** *распустила По небу тихая заря* (Майков), *В час, как закат свой* ***багряный наряд*** *Простирает над сонной мглой* (Бальмонт).

Кроме того, исследователь отмечает, что в языке поэзии поэтизм *багряный*, сочетаясь со словами-номинациями одежды, может включаться в другой образный контекст, создавая образ осени: *Роняет лес* ***багряный*** *свой* ***убор****, Сребрит мороз увянувшее поле* (Пушкин), *Но нет! Лесов*

Чанг Хунг-Йу – профессор-ассистент (доцент) кафедры иностранных языков Технологического университета Као Юен (Kao Yuan University of Technology) (Тайвань)
© Чанг Хунг-Йу, 2006

покров багряный *Спадает тихо, тихо с плеч* (Блок).

Р. В. Алимпиева считает, что прямое-неметафорическое применение поэтизма *багряный* в зоне «осень» начинается только с начала XX в. и «наиболее ранним случаем такой реализации является... брюсовский пример: *И долго будет* ***лист багряный*** *Хранить замедленный твой след*» [4].

При прямом номинативном употреблении поэтизмы *багряный, багрянить, обагрить* используются в лирике В. Брюсова для создания различных образов:

а) одежды: *Есть демоны пыли! Их одежда,* ***багряного цвета****, Горит огнем* (I, 209) [5]; *То в одеждах рабынь, то в* ***багряных плащах*** *королев <...> Вкруг меня наклоняется хор возвратившихся дев* (I, 449), *Бахус жирный, Бахус пьяный Сел на бочку отдохнуть. За его плечом –* ***багряный*** *Женский* ***пеплум****, чья-то грудь* (II, 188);

б) небесных светил (солнца, звезд): ***Солнце*** *–* ***багряно****... Но ясен до боли Девичий образ в усталых глазах!* (II, 285), *Там, далеко от нас, в лазури ночи летней, Сверкает и зовет* ***багряная звезда*** (III, 316);

в) зари или заката, света: *Повеял ветер голубой Над бездной моря* ***обагренной*** (III, 290), *Восток означился, горя, И* ***обагрила*** *нити пряжи Кровавым отблеском заря!* (I, 143), *И небеса по серым скатам То золотом зари горят, То блещут пурпурным закатом И лед вершинный* ***багрянят*** (III, 21) – при описании заката глагол подчеркивает оттенок цвета (ср. *золото зари, пурпурный закат, багрянить*); *Набегает сумрак вновь, Сумрак с* ***отсветом багряным*** (I, 288), *Пора! Всплывает пар тумана? Тибр тмится, форум мглой повит. Стрельчатый вход к мечтам Тристана, Струя* ***багряный свет****, открыт* (Паломничество в века, III, 406);

г) крови: ***Багряный ток*** *смочил снега, Простерты рядом два врага...* (II, 251);

Характеризуя применение поэтизма *багряный* в образных контекстах, в первую очередь следует указать на его использование при описании образа солнца, зари. В отличие от традиционно-поэтической формулы типа «багряный + лексемы, именующие одежду» (она метафорически употребляется в русской лирике в качестве образа солнца, зари или заката), В. Брюсов идет по другому пути: поэтизм, сохраняя семантику цвета и традиционные лексические связи либо употребляется в развернутом контексте олицетворения: *День обессилел, и* ***запад багряный*** *Гордо смежил огневые глаза* (I, 451); либо в контексте сравнения: *<...>* ***багряным диском*** *На западе солнце склонено* (II, 79); или в составе метафорических образов: ***Багряной кровью*** *сумрак был залит* (I, 158), *Горе, что* ***утра багряный костер*** *Бросит румянец на черный простор!* (III, 361).

Хотя традиционная метафорическая формула «багряный + лексемы, именующие одежду» при описании образа солнца, зари в лирике поэта не прослеживается, в ней встречается поэтизм *багряница* ‘одежда багряного цвета’ в форме множественного числа. Смысл метафорического употребления этой словоформы синонимичен указанной традиционной формуле и выполняет ту же функцию в развернутом образном контексте: *К горизонту золотому Ярко-пламенным осколком Сходит солнце в час разлуки. Тканью празднично-пурпурной Убирает кто-то дали, Расстилая* ***багряницы*** (I, 378–379).

Включение поэтизма в разные типы образных контекстов характерно для эпитета *багряный*. Кроме указанных выше контекстов он используется при описании как предмета, так и образа сравнения: *И, как уста, открыв глубины Своих* ***багряных лепестков****, Цветы с полей, цветы с куртины Согласно тянутся на зов* (I, 477), *Я взнесусь* ***багряной тучей****: Как звезда сияешь ты!* (Бальдеру Локи, I, 388), *Я измучен, Я весь истомлен, Я бессилен, я мертв от желаний. Все вокруг – как в багряном тумане, Все вокруг – точно звон* (I, 73). В последнем примере можно говорить об осложнении цветовой семантики поэтизма отрицательной эмоциональной оценочностью (она обусловлена характеристикой «Я» – *измучен, истомлен, бессилен, мертв*).

Более сложны употребления поэтизма *багряный* в образных контекстах, связанных с темой современной жизни, революционных или трагических событий, потрясающих мир; в контексте возникает дополнительный ассоциативный смысл (*багряный* – кровь, пожарища): *И вспыхнут заревом* ***багряным*** *На вечном небе облака, И озарятся за туманом Еще не вставшие века* (Уличный митинг, I, 431); *Рушатся незыблемости зданий, Новый Капитолий встает; Водоворот, Всех заарканив, В* ***багряном*** *тумане, В невероятность влечет* (К Варшаве, III, 55).

К этой семантической линии примыкает использование поэтизма *багряный* в контексте олицетворения, в котором поэтизм обладает вторым планом ‘покрытый кровью’: *Что ты хочешь, дикий, пьяный Лаской бешеных зыбей? Что крутишь песок* ***багряный****? Что вонзаешь зубы в раны Ты – возлюбленной своей?* (Прилив, I, 531).

Поэтизм *багряный*, актуализируясь в цветовом соположении с другими эпитетами при характеристике лирического субъекта *сон*, участвует в развитии устойчивого поэтического образа «судьба, жизнь – нить, веретено»: *Те сны! как паутинной нитью, Они над памятью давно, Кружась, легли, и по наитью Я сам вертел веретено. Вот черный волос, вот* ***багряный****, Зеленый, синий... света сны! В клубке дыханья нитей пряны, И ими полночи пьяны* (III, 423). Ср.

употребление поэтизма *серебряный* при развитии той же поэтической темы: *Руки, вечно молодые, Миг не смея пропустить, Бусы нижут золотые На* ***серебряную*** *нить… Не моя ли жизнь те нити?* (II, 94).

Что же касается других эпитетов-поэтизмов, то они в языке поэзии В. Брюсова в большинстве случаев выступают как цветовые характеристики при описании признаков, свойств, качеств различных предметов, природных явлений. При этом в контексте активно используются и другие слова со значением цвета, благодаря чему создаются яркие многоцветные образы, цветовые контрасты. Чтобы представить все разнообразие употреблений поэтизмов данного разряда, приведем имеющийся материал, в котором прослеживается традиционность их употребления:

а) о дне: *Закатный блеск! огонь алтарный! Ты смело принимаешь тень, И гаснешь, веря в лучезарный,* ***Жемчужный****, бирюзовый* ***день*** (I, 464); *И, глуби черные покинув, В* ***лазурный день*** *из темноты Взлетает яркий рой павлинов, Раскрыв стоцветные хвосты* (I, 374);

б) о небе: *На черном поле звезды – рдяны, Горят, как маленькие раны, А* ***фон лазурный*** *или червленый Взрезают черные фестоны* (II, 321);

в) об облаках, тучах: *Качались волны, шитые шелками, Лиловым, красным, желтым, золотым, И, проблистав над синью янтарями, Сгущало небо свой* ***жемчужный дым*** (I, 380), *Мне ясно, почему так* ***облака жемчужны****, И так ласкающе к цветам льнет ветер южный* (II, 331), *Есть тайная ценность в ненужных Мечтах, и цветах, и святынях, И души, без* ***тучек жемчужных****, Без песни потоков содружных, Завянут, как пальмы в пустынях!* (II, 216);

г) о фонтане, море, реке: *Там цветы цвели, благоухая, Там фонтан* ***жемчужной пылью*** *бил* (У райских врат, II, 195); *Повеял ветер голубой Над бездной моря обагренной.* ***Жемчужный след*** *чертя кормой, Челнок помчался, окрыленный* (III, 290), *Море, прибоем взмятеженным, К рельсам стальным, оприбреженным, Мечет* ***лазурную гладь*** (II, 240), *Племен враждующих не числи: Круги бегут, им нет числа; В* ***лазурной Марне****, в желтой Висле Влачатся чуждые тела* (II, 143);

д) о росах: *Я одиночество, как благо, Приветствовал в ночной тиши, И* ***трав серебряная влага*** *Была бальзамом для души* (I, 278);

е) о снеге, инее: *Твердят* ***серебряные сени*** *О счастьи жизни для мечты, О сладком бытии растений В убранстве зимней красоты* (I, 336); *Ты приходил ко мне, холодный, С* ***жемчужным инеем*** *в усах* (II, 53);

ж) о пространстве: *Как призраки, горько ненужные, Мы, люди, скользим пред тобой. Ты смотришься в* ***дали жемчужные*** *Поникшей душой* (Портрет, I, 397), *Луна державно делит море: То мрак, то отблесков игра. И спит в* ***серебряном просторе*** *Мир парусов из серебра* (I, 165), *Встал водопад в* ***дали серебряной****, В дыму и брызгах встал водопад* (II, 290);

з) о лунном свете: *Весь город в* ***серебряном блеске*** (I, 82).

Не выходя за пределы традиционной характеристики света (правда, лунного), следует, впрочем, заметить, что поэтизм *серебряный* в поэзии В. Брюсова включается в образный контекст при описании отблесков воды и окраски заката: *Сходит солнце в час разлуки. Тканью празднично-пурпурной Убирает кто-то дали, Расстилая багряницы, И в воде желто-лазурной Заметались, заблистали Красно-огненные птицы. Но* ***серебряные змеи****, Извивая под лучами Спин лучистые зигзаги, Беспощадными губами Ловят, ловят все смелее Птиц, мелькающих во влаге!* (I, 379);

и) о цветке: *О, если бы был я* ***пурпуровым маком*** (I, 37);

к) о фимиаме: *И годы шли. И целый день она скользила в сводах храма, Всегда задумчива, как тень, В* ***столбах лазурных фимиама*** (III, 290).

Соотношение традиционного и нового по-разному проявляется в употреблении поэтизмов *жемчужный* и *лазурный*. Учитывая традиционность употребления поэтизма *жемчужный* в русской лирике, прежде всего следует указать на словосочетание *жемчужные звезды*: оно получило широкое распространение в поэтических текстах XIX в., прилагательное *жемчужный* в этом сочетании выступает как метафорический эпитет [6]. Ср. у В. Брюсова: *Вот зажглись* ***жемчужные Звезды*** *в небесах* (I, 115). Стилистическое своеобразие в употреблении поэтизма *жемчужный* наблюдается при его образной реализации: *Поблек предзакатный румянец. На нитях серебряно-тонких* ***Жемчужные звезды*** *повисли* (I, 371).

Поэтизм *жемчужный* используется В. Брюсовым и как характеристика звучания. В этом случае поэтизм *жемчужный* представляет метафорический эпитет, в котором актуализируются семы ‘чистота звучания, звонкость, мелодичность’: *Сады любви в тиши оград чугунных, Певучий говор и* ***жемчужный смех****, Рассказы с перебоем песен струнных* (I, 156). В словаре языка Пушкина выделено переносное употребление только слова *жемчуг* как образа звучания стихов: *Поэт бывало тешил ханов Стихов гремучим* ***жемчугом*** (СЯП, I, с. 781) [7].

На основе метонимической ассоциации *зубы – улыбка* в лирике В. Брюсова создается основа для обновления традиционной сочетаемости: *жемчужный ряд зубов* (СЯП, I, с. 781) – *жемчужная улыбка*. Кроме того, прилагательное-поэтизм

жемчужный входит в состав сложного эпитета *ласково-жемчужная улыбка*, включаясь в контекст олицетворения, лирическим объектом которого является *страсть*: *Но знаю, прежде чем упасть, Чем вызов Смерти встретить дружно, – Мне снова улыбнется страсть* ***Улыбкой*** *ласково-****жемчужной*** (III, 334).

Совсем иначе преобразуется употребление поэтизма *лазурный* в лирике В. Брюсова. Ср. четверостишие, обращенное к мечте: *О, если б я мог быть невинным, как ты, Как ты – отзвук* ***лазурного*** *эхо! – Беспечно видеть твои черты, С улыбкой слушать колокольчики смеха!* (I, 85). В этом употреблении в поэтизме актуализируется не цветовая сема ‘светло-синий’, свойственная языку поэзии, а отвлеченное символическое значение ‘связанный с высоким идеалом, неземной’, характерное для новой поэзии XX в.

Новое значение поэтизма, очевидно, формируется под влиянием семантической связи с прилагательными *небесный* и *голубой*. В БАС [8] отмечается характерное для языка поэзии XIX в. переносное значение прилагательного *небесный* ‘прекрасный, восхитительный’. Оно подтверждается цитатами Пушкина, Лермонтова, Полонского: *небесные черты*, *небесный лик*, *небесный голос*. При этом значении выделяется и оттенок ‘возвышенный, чистый (в противоположность низменному, земному)’: *Так ненависти нет В душе твоей небесной, Дона Анна?* (Пушкин) или как субстантивированное существительное у Лермонтова: *Понятье о небесном нам дано; Но слишком для земли нас создал бог* (БАС, VII, стб. 698). Традиция такого поэтического употребления – *небесный* ‘божественно-прекрасный, неземной, чудесный’ отмечается и в Словаре языка Пушкина (СЯП, II, с. 757). На фоне этого использования эпитета *небесный* и складывается новая семантическая линия поэтизма *лазурный*.

В другом брюсовском контексте эпитет *лазурный* выступает в паре с другим поэтизмом *лучезарный* ‘исполненый радостного сияния, счастья, блистающий радостью, счастьем’ (ТСУ, II, стб. 98) как поэтический синоним: ***Лазурный, лучезарный*** *путь Пригрезился Джульете. Она могла восторг вдохнуть, Но нет! не жить на свете!* (II, 41).

Третье применение поэтизма тоже связано с идеей жизненного пути человека: *«Ты – наш! – вскричали в дикой нежности, – Ты наш! и в безднах вечно будь! Свободный дух предай мятежности, Тропы* ***лазурные*** *забудь!»* (I, 400). В этом контексте в семантике прилагательного *лазурный* актуализируются признаки ‘безмятежный’, ‘лишенный душевного беспокойства, страдания’. В результате складываются контрастные оценки (положительная и отрицательная) – двух этапов жизни: ср. обороты *Ты наш! и в безднах вечно будь!* и *Тропы лазурные забудь!*.

Соединение прямого и символического значений проявляется в следующей цитате: *О Рим, свет ослепительный одиннадцати чаш: Ты – белый, торжествующий, ты наш родной, ты наш! Век Данте – блеск таинственный, зловеще золотой... Лазурное сияние, о Леонардо, – твой!..* (I, 435).

Кроме того, поэтизмы *лазурный* и *жемчужный* входят в состав сложного эпитета. В этом случае использование поэтизма *лазурный* в составе сложного эпитета подчеркивает цветовую гамму описываемого субъекта: *И в моей душе усталой Брезжит* ***день лазурно-алый***, *Веет влагой возрожденья* (I, 127); *И в* ***воде желто-лазурной*** *Заметались, заблистали Красно-огненные птицы* (I, 379); *Знаю: там, за этой жизнью трудной, Снова жизнь и снова тяжкий труд; Нас в* ***простор лазурно-изумрудный*** *Крылья белые не вознесут* (II, 133). Любопытным представляется использование В. Брюсовым поэтизма *жемчужный* в сочетании с основой психологического прилагательного *нежный*: ***Нежно-жемчужные дали*** *Чуть орумянил закат* (I, 451; ср. выше: *ласково-жемчужная улыбка*).

В лирике В. Брюсова к подобным эпитетам-поэтизмам примыкают сложные прилагательные с компонентом *злато* – см. характеристику этого элемента в ТСУ: *злато* ‘первая часть составных слов, обозначающая: златой, златистый’ (ТСУ, I, стб. 1100). В стихотворной речи поэта они представлены не только эпитетом *златокудрый*, отмеченным в ТСУ, но такими словами, как *златокрыл*, *златорогий*, *златосбруйный*, *златотканый*, *златоцветный*. Большинство из них зафиксированы в БАС как устаревшие поэтические слова и сопровождаются цитатами из поэзии Жуковского, Пушкина, Батюшкова, Лермонтова и Фета.

Частотность использования указанных выше составных слов-эпитетов в поэзии Брюсова невелика. Каждый из них встречается в стихотворениях поэта только один раз и в стихотворениях реализует прямое значение. Поэтизм *златокрыл* имеет краткую форму и выступает в функции обособленного определения (в ряду других однородных определений): *Прекрасен, светел, венчан, златокрыл, Он встал, как царь в торжественной порфире. Хоть иногда лампады Рок гасил, дух знанья жил, скрыт в дивном эликсире* (Светоч мысли, III, 389).

Златокудрый: *Но мне явлен Нертой мудрой Призрак будущих времен. На тебя, о златокудрый, Лук волшебный наведен* (Бальдеру Локи, I, 389);

Златорогий: *Золотошерстный, златорогий, Во рту с побегом золотым, Он гордо говорит: «Не*

трогай Того, что сделалось святым! (Золотой олень, II, 247);

Златосбруйный: *Рыцарь по отмели едет один; Взор, из-под шлема, уныло-спокоен; Блещет в щите, посредине, рубин; Конь златосбруйный, и мощен и строен* (III, 341);

Златотканый: *Я уведу тебя к фонтанам, Рабыни умастят тебя. В моем покое златотканом К тебе я припаду, любя* (I, 290);

Златоцветный: *Зерна верят. Будем верить Златоцветным дням и мы! И к чему бесплодно мерить Сроки ночи и зимы* (III, 18).

Динамика поэтизмов в этой группе проявляется в их активном соположении в контексте стихотворения с другими цветовыми нейтральными лексемами, что создает яркие наглядные образы, особенно при образной реализации слова; в создании на их основе сложных эпитетов, что характерно для лирики символистов; в развитии символического значения у поэтизма *лазурный*.

Примечания

1. *Иванова, Н. Н.* Поэтическая номинация в русской лирике [Текст] / Н. Н. Иванова. М., 1992. С. 12.

2. *Григорьева, А. Д.* Судьба поэтической фразеологии в русской поэзии XIX–XX вв. [Текст] / А. Д. Григорьева // Очерки по стилистике художественной речи. М., 1979. С. 170.

3. ТСУ – Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

4. *Алимпиева, Р. В.* Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы [Текст] / Р. В. Алимпиева. Л., 1986. С. 81–84.

5. *Брюсов, В.* Собр. соч. [Текст] : в 7 т. / В. Брюсов. Т. I–III. М., 1973–1974. В дальнейшем тексты приводятся по этому изданию; в скобках после цитаты римская цифра обозначает том, арабская – страницу.

6. *Жирмунский, В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика [Текст] / В. М. Жирмунский. Л., 1977.

7. СЯП – Словарь языка Пушкина [Текст] : в 4 т. М., 1956–1961.

8. БАС – Словарь современного русского литературного языка [Текст] : в 17 т. М.; Л., 1948–1955.

НОВЫЕ КНИГИ

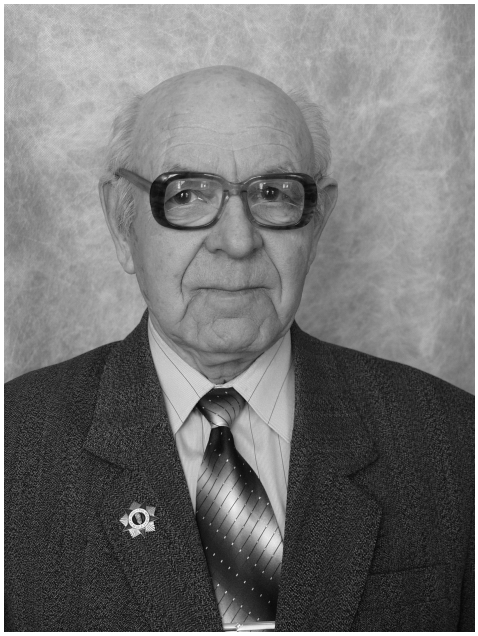
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
С. А. ЧЕРНОВА
МИКРОМИР И МЕГАМИР В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА
Учебно-методическое пособие
Киров
2006

Чернова, С. А. Микромир и мегамир в современной научной картине мира [Текст] : учебно-методическое пособие / С. А. Чернова. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – 38 с.

Учебное пособие предназначено для студентов гуманитарных специальностей, изучающих дисциплину «Концепции современного естествознания». Знание физических основ строения окружающего мира способствует выработке адекватного отношения к окружающему миру, формированию целостного взгляда на единство природы и человека. Современная картина мира – это картина эволюционирующей Вселенной, которая включает в себя эволюцию вещества, ее структуры, процессы взаимодействия.

ПЕРСОНАЛИИ

ЕВГЕНИЮ СТЕПАНОВИЧУ КАНИНУ – 80 ЛЕТ



Евгений Степанович Канин принадлежит к той славной когорте отечественных ученых – специалистов по методике математики, которые заявили о себе полвека назад.

Евгений Степанович Канин родился 16 августа 1926 г. в г. Великом Устюге Северо-Двинской губернии (ныне Вологодской области). Его отец, Степан Яковлевич, имея неполное среднее образование, организовал в Великом Устюге первый городской радиоузел, всю жизнь работал начальником радиоузлов в тех местах, куда его направляли. В 1936–1942 гг. семья жила в г. Архангельске, где Евгений учился в школе № 3 со второго по восьмой классы. Здесь его застала Великая Отечественная война.

В 1942 г. отец был направлен в г. Яранск Кировской области. Отсюда в ноябре 1942 г. ученик 10-го класса Евгений Канин был призван в ряды Красной Армии и отправлен служить на Дальний Восток. За годы службы освоил много военных специальностей. С 9 августа по 3 сентября 1945 г. на I Дальневосточном фронте в составе 120-го Отдельного Ордена А. Невского Уссурийского полка связи в должности радиотелеграфиста участвовал в войне с Японией (Китай, г. Мишань). Демобилизован из армии в звании сержанта в 1950 г. За участие в Великой Отечественной войне Е. С. Канин награжден Орденом Отечественной войны II степени, 11 медалями. Сейчас он майор в отставке.

В 1948 г., во время службы, Е. С. Канин экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости. Там же, на офицерских курсах, он приобрел и свой первый педагогический опыт.

В 1951 г. Е. С. Канин поступил на физико-математический факультет Кировского государственного педагогического института (КГПИ) им. В. И. Ленина. Он серьезно и много учился. На II курсе уже получал Молотовскую стипендию (580 руб.), на III и IV курсах – Сталинскую стипендию (780 руб.), на которую были назначены всего 5 человек из института. Кроме учебы он активно занимался общественной работой, самодеятельностью и спортом. Занимался в институтской театральной студии, да и сам ставил студенческие спектакли, декламировал со сцены стихи.

В 1955 г. после окончания института с отличием Е. С. Канин был оставлен на кафедре математического анализа в должности ассистента по рекомендации заведующего кафедрой Ф. Ф. Нагибина. В 1956 г. поступил в аспирантуру на эту же кафедру. Известный методист-математик Ф. Ф. Нагибин привлек Е. С. Канина к научно-методическим исследованиям и стал его научным руководителем.

С 1959 по 1964 гг. после окончания аспирантуры Е. С. Канин по направлению работает в Кемеровском госпединституте старшим преподавателем кафедры математики, с 1964 г., после возвращения в Киров, вся его научная и педагогическая деятельность связана с КГПИ им. В. И. Ленина, позднее ВГПУ и ВятГГУ.

15 февраля 1965 г. в МГПИ им. В. И. Ленина состоялась защита его кандидатской диссертации «Формирование алгебраических умений и навыков у учащихся 6–7 классов». С 1969 г. доцент Е. С. Канин – заведующий кафедрой математического анализа и методики преподавания математики. С небольшими перерывами Е. С. Канин заведовал этой кафедрой 17 лет.

29 декабря 1988 г. решением Государственного комитета СССР по народному образованию Е. С. Канину присвоено ученое звание профессора.

Евгений Степанович Канин – ведущий профессор кафедры математического анализа и ме-

тодики преподавания математики ВятГГУ. За эти годы он разработал и прочитал курсы лекций по математическому анализу, теории функций действительного переменного, методике преподавания математики, спецкурсы и спецсеминары по методике преподавания математики. В настоящее время читает авторский курс для пятикурсников «Учебные математические задачи».

Е. С. Канин является руководителем кировской научной школы по методике математики, основанной Ф. Ф. Нагибиным в 50-е гг. XX в. Основное направление деятельности школы – исследования по теории, методике и практике обучения учащихся решению математических задач.

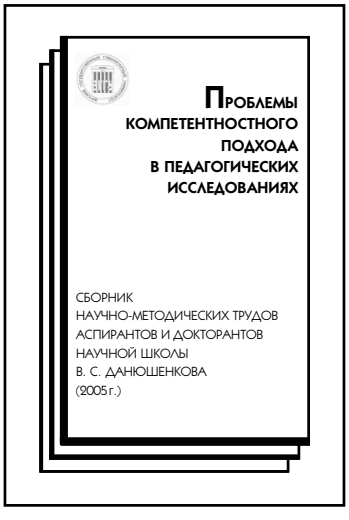
Под руководством Е. С. Канина успешно защищены две диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Евгений Степанович издал около 130 научно-методических работ. При его участии в издательстве «Просвещение» опубликованы два вузовских учебника по методике математики. Всего он написал 33 книги и брошюры, из них 8 книг вышли в центральных издательствах. На протяжении всей своей научно-методической деятельности активно сотрудничает с журналом «Математика в школе», где опубликовано 35 его статей. Большую известность Е. С. Канину принесла книга по занимательной математике для школьников «Математическая шкатулка», опубликованная в соавторстве с Ф. Ф. Нагибиным. Переработанный автором вариант «Математической шкатулки» готовится к выпуску издательством «Дрофа».

Евгений Степанович отмечен знаками «Ударник XI пятилетки» (1981 г.) и «Отличник просвещения СССР» (1985 г.), почетным знаком «Заслуженный работник ВятГГУ» (2004 г.). В Архангельской общеобразовательной гимназии (прежней школе № 3), в которой учился Е. С. Канин в 1934–1942 гг., существует музей ее истории. Класс-музей по математике посвящен профессору Е. С. Канину.

Евгений Степанович – неординарная личность, неутомимый труженик, который с годами становится еще более активным в научной работе. Его мнение всегда авторитетно, а имя – хорошо известно студентам-математикам любого педагогического вуза России.

Коллектив математического факультета ВятГГУ и редколлегия журнала «Вестник ВятГГУ» сердечно поздравляют Евгения Степановича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, долголетия и новых творческих успехов!

НОВЫЕ КНИГИ



Проблемы компетентностного подхода в педагогических исследованиях [Текст] : сборник научно-методических трудов аспирантов и докторантов научной школы В. С. Данюшенкова (2005 г.). – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – 136 с.

В сборник включены статьи, являющиеся результатом исследовательских работ по педагогике и методике обучения и воспитания в свете компетентностного подхода к образованию.

ИРИНА ИССАКОВНА ПОДГОРНАЯ

Ирина Иссаковна Подгорная – уроженка г. Алексеевка Белгородской области.

И. И. Подгорная окончила механико-математический факультет Харьковского государственного университета в 1969 г., поступила в аспирантуру по кафедре математического анализа в МГПИ им. В. И. Ленина (научный руководитель – известный ученый, профессор Д. А. Райков). В 1972 г. Ирина Иссаковна по распределению приехала в Киров и была принята в КГПИ им. В. И. Ленина на должность старшего преподавателя кафедры математического анализа и МПМ. В 1974 г. защитила кандидатскую диссертацию по теории операторов. В 1979 г. ей было присвоено ученое звание доцента кафедры математического анализа.

И. И. Подгорная является одним из ведущих доцентов нашего университета, читает основные курсы кафедры: «Математический анализ», «Теория функций комплексного переменного», «Дифференциальные уравнения», – ведет практические занятия, руководит дипломными и курсовыми работами, а также педпрактикой студентов, консультирует студентов и преподавателей. Большое внимание И. И. Подгорная уделяет научно-исследовательской работе со способными студентами. Ею разработано 5 спецкурсов и семинаров, под ее руководством выполнено около 40 дипломных работ. Долгое время вела научный студенческий кружок по нестандартному анализу. И. И. Подгорная неоднократно проводила открытые лекции для сотрудников кафедры и факультета. Она организовала и несколько лет руководила преподавательским научным семинаром по функциональному анализу. Она активно работает в учебно-методической комиссии факультета. Кроме того, участвует в работе жюри городских и областных олимпиад по математике среди школьников.

И. И. Подгорная много раз выступала с докладами на научных конференциях различного уровня, опубликовала более 30 научных работ. Она является одним из главных авторов кафедрального пособия «Задачи и упражнения по началам математического анализа» (3 издания в издательстве «Московский лицей»). Ею написан ряд работ по нестандартной теории операторов, пособие для студентов «Экзамен по математическому анализу: отвечаем на дополнительные вопросы». Ждет своего издания в Москве книга И. И. Подгорной по элементарной математике (объем более 600 с.), в 2006 г. выпущено учебное пособие «Математический анализ. Практикум по решению задач».

Ирина Иссаковна неоднократно награждалась почетными грамотами, является Отличником народного просвещения. В связи с юбилеем отмечена почетным знаком «Заслуженный работник ВятГГУ».

Преподаватели и студенты факультета глубоко уважают Ирину Иссаковну за высокий профессионализм, культуру, интеллигентность, за присущие ей такие человеческие качества, как отзывчивость, тактичность, доброта. Как правило, если студент учился у Ирины Иссаковны, то именно ее он называет своим любимым преподавателем. Профессор Е. М. Вечтомов с удовольствием вспоминает лекции начинающего тогда преподавателя И. И. Подгорной по теории аналитических функций и то, как писал под ее руководством курсовую работу по теории топологических векторных пространств.

Переехав в Киров, Ирина Иссаковна всей душой полюбила Вятский край. Она заядлый грибник, поэтому каждое лето проводит на даче в Белохолуницком районе. Она воспитала прекрасного сына. Ирина Иссаковна говорит: «Если бы во второй раз пришлось выбирать профессию, я, не задумываясь, выбрала эту же».

Коллектив математического факультета от всей души поздравляет Ирину Иссаковну Подгорную с юбилеем и желает здоровья, оптимизма, удачи в грибной охоте и новых встреч со студентами-математиками!

АРКАДИЮ МИХАЙЛОВИЧУ СЛОБОДЧИКОВУ – 65 ЛЕТ

Аркадий Михайлович Слободчиков родился за 9 дней до начала Великой Отечественной войны – 13 июня 1941 г. в с. Курчум Сунского района. Его отец с самого начала войны был призван на службу в армию и ровно через год, 6 июля, погиб. Мать осталась с тремя маленькими сыновьями, и самым младшим был Аркадий.

В 1963 г. Аркадий Михайлович окончил физико-математический факультет Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина по специальности «Физика и химия» с присвоением квалификации учителя физики и химии средней школы и был направлен на работу учителем физики в Поломскую среднюю школу Кирово-Чепецкого района Кировской области.

В 1964 г. он избран по конкурсу на должность ассистента кафедры химии Кировского пединститута, в 1969-м стал старшим преподавателем, а в 1972 г. – доцентом. В 1971 г. окончил аспирантуру Ярославского государственного педагогического института имени К. Д. Ушинского с защитой кандидатской диссертации. В 1993 г. ему присвоено учёное звание профессора по кафедре химии.

В 1974–1976 гг. Аркадий Михайлович заведовал кафедрой химии, с 1976-го по 1980 г. был деканом естественно-географического факультета.

Все эти годы А. М. Слободчиков читает лекции, ведёт семинарские и практические занятия по общей и неорганической химии, разрабатывает программы и рабочие планы новых дисциплин и проводит занятия по курсам «Строение веществ», «Введение в теорию химии», «История и методология химии», для студентов-выпускников читает курс «Избранные главы общей и неорганической химии», читает лекции на факультете организаторов образования по проблемам подготовки педагогических кадров. Под его руководством студентами защищёно большое количество дипломных работ, он публикует статьи совместно со студентами, руководит курсовыми работами, педагогической и технологической практикой студентов, научно-исследовательской группой студентов по физико-химическому анализу солевых систем. Все проводимые Аркадием Михайловичем занятия отличаются высоким научно-методическим уровнем. Систематически работая над методикой обучения студентов, он активно внедряет в учебный процесс новые, прогрессивные формы обучения в вузе.

Восемь лет А. М. Слободчиков работал проректором по учебной работе, 11 лет был ректором Кировского государственного педагогического института. Возглавляя вуз, А. М. Слободчиков умело сочетал организаторскую, учебную и научно-исследовательскую деятельность. По результатам исследования сплавов и солевых систем, проблемам подготовки педагогических кадров он опубликовал 78 работ, выступал с докладами на университетских, межвузовских и международных научных конференциях. Он выпустил учебное пособие «Исследование водно-солевых систем методом растворимости», рекомендованное УМО Министерства образования РФ, «Лекции по методологии химии». В 2006 г. вышло учебно-методическое пособие «Методологические основы преподавания химии».

Аркадий Михайлович Слободчиков неоднократно был официальным оппонентом на защитах кандидатских диссертаций, в течение многих лет являлся членом редколлегии республиканских сборников «Физико-химические исследования равновесий в растворах», руководит научной работой преподавателей кафедры, активно работает в научно-исследовательской группе «Гимназическое и лицейское образование».

А. М. Слободчиков возглавлял учебно-методическую комиссию в Совете ректоров г. Кирова. Являясь членом коллегии департамента образования, он организовывал работу учебно-научно-педагогического комплекса Кировской области. Принимает активное участие в работе областной комиссии по аттестации учителей. Аркадий Михайлович регулярно читает лекции в институте повышения квалификации и профессиональной переподготовки кадров, выступает перед учителями химии, на педагогических советах, проводит открытые уроки с учащимися гимназических и лицейских классов.

А. М. Слободчиков активно участвует в общественной работе вуза и города. В течение 4 созывов он избирался депутатом Первомайского районного Совета, дважды – депутатом Кировского городского Совета народных депутатов, возглавлял депутатскую комиссию по народному образованию. Восемь лет был председателем совета общественности, членом облисполкома.

При А. М. Слободчикове Кировский госпединститут получил статус университета. Как ректор он много делал для совершенствования учебного процесса, организации научных исследований и укрепления научно-педагогических кадров. За годы его руководства университетом значительно возросло количество защит кандидатских диссертаций, открыта аспирантура по 18 специальностям и докторантура, активизировалась работа редакционно-издательского совета, работает диссертационный совет.

А. М. Слободчиков много сил отдал развитию материальной базы университета: построены общежитие на 535 мест, 80-квартирный дом для преподавателей и сотрудников вуза, восстановлен плавательный бассейн, завершён пристрой учебного корпуса технолого-экономического факультета, начато строительство нового учебного корпуса для гуманитарных факультетов.

Под руководством А. М. Слободчикова ВГПУ стал центром педагогического образования в регионе. В университете были открыты 4 института и дополнительные образовательные центры. В 1998 г. университет аттестован Государственной экспертной комиссией Министерства общего и профессионального образования РФ.

А. М. Слободчиков входил в состав комиссии Министерства общего и профессионального образования РФ по аттестации педагогических вузов.

За большую работу по подготовке учительских кадров А. М. Слободчиков награжден знаками «Ударник девятой пятилетки», «Победитель социалистического соревнования», «Отличник народного просвещения», «Отличник просвещения СССР», «За отличные успехи в работе в области высшего образования СССР», неоднократно награждался грамотами Правительства Кировской области.

А. М. Слободчикова отличают профессиональная компетентность, организаторские способности, высокие нравственные качества, чувство нового, требовательность к себе и подчиненным, исключительная личная скромность и порядочность, большое терпение, внимание и уважение к своим ученикам. Аркадий Михайлович – высококвалифицированный ученый, талантливый руководитель, обаятельный и доброжелательный человек. Это истинный российский интеллигент, обладающий широким кругозором, мгновенно вникающий в существо проблемы, чутко чувствующий психологию людей.

В настоящее время деятельность профессора кафедры химии и методики обучения химии, члена-корреспондента Академии педагогических наук и Международной академии наук педагогического образования А. М. Слободчикова крайне насыщена и многогранна.

Ректорат, химический факультет и редколлегия журнала «Вестник ВятГГУ» сердечно поздравляют Аркадия Михайловича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, семейного благополучия и дальнейших творческих успехов.

ЭКСПЕРТНОМУ НАУЧНОМУ СОВЕТУ ВятГГУ – 10 ЛЕТ

Экспертный научный совет (ЭНС) в нашем вузе был создан приказом ректора, профессора А. М. Слободчикова от 30 апреля 1996 г. с формулировкой «В целях совершенствования подготовки докторантов и перевода соискателей на должности старших научных сотрудников». В состав ЭНС вошли доктора наук, профессора Е. М. Вечтомов (председатель), В. И. Бакулин, М. М. Пахомов, Ю. А. Сауров, В. Ф. Сахаров, В. И. Циркин, В. И. Чернов, В. Ф. Юлов и зав. аспирантурой М. В. Анучина.

В настоящее время в ЭНС входят: Е. М. Вечтомов (председатель), В. Т. Юнгблюд (зам. председателя, проректор по научной работе ВятГГУ), Т. Я. Ашихмина, В. С. Данюшенков (ректор университета), Н. В. Котряхов, Н. О. Осипова, М. М. Пахомов, Н. П. Савиных, С. В. Чернова, В. Ф. Юлов, зав. отделом аспирантуры и докторантуры М. В. Анучина.

В обновленном положении об ЭНС ВятГГУ, принятом 4 сентября 2003 г., отмечается: ЭНС предназначен для развития стратегически важных для университета направлений научной деятельности; совет имеет статус общественного, консультативно-экспертного рабочего органа, создаваемого Ученым советом университета; решения ЭНС носят рекомендательный характер и утверждаются решением Ученого совета университета.

Круг задач, решаемых ЭНС, постоянно расширяется. В основном экспертный совет проводит работу по следующим направлениям.

1. Подготовка научно-педагогических кадров высшей квалификации, включающая рекомендацию перспективных кандидатов наук к поступлению в докторантуру и переводу на должность старшего научного сотрудника, заслушивание и анализ отчетов докторантов и старших научных сотрудников о ходе работы над докторскими диссертациями.
2. Экспертиза поступивших научных материалов (диссертаций, монографий, отчетов).
3. Организация и проведение открытых конкурсов научных работ преподавателей, аспирантов и студентов университета.
4. Рассмотрение планов научных изданий, научных конференций и работы научных лабораторий.
5. Проведение ежегодной научной сессии ВятГГУ.
6. Вопросы руководства и соруководства аспирантами.

За десять лет существования состоялось 50 заседаний ЭНС. За это время докторантуру окончило 20 человек, а защитилось пока лишь 11. В течение ближайших одного-двух лет должны защитить докторские диссертации В. Г. Долгушев по русскому языку, А. В. Семаков по физической химии, В. В. Чермных по алгебре, Д. Н. Черниговский по русской литературе и Н. П. Шипицын по истории педагогики и образования.

Из 22 преподавателей, работавших над докторскими диссертациями в качестве старших научных сотрудников, защитились 12. Неплохие шансы на защиту своих докторских диссертаций имеют доценты О. И. Колесникова (филология), О. В. Коршунова (методика физики плюс общая педагогика), Л. А. Мосунова (педагогическая психология), Н. А. Низовских (общая психология), Н. Т. Оганесян (общая психология), Г. А. Русских (общая педагогика) и Н. Н. Ярыгин (религиоведение).

Члены ЭНС разработали положения об открытых научных конкурсах преподавателей и студентов. Конкурсы на научную премию ВятГГУ проводятся седьмой год по четырем номинациям: социально-гуманитарной, естественнонаучной, психолого-педагогической и методической.

Подготовлено новое положение о научных лабораториях ВятГГУ. В университете в 12 научных лабораториях ведутся новые исследования.

Под эгидой ЭНС проходит формирование программы итоговых научных сессий университета и отбор пленарных докладов.

Если в начальный период работы ЭНС были некоторые сомнения в его необходимости для университета, то теперь совершенно ясно, что совет оправдал себя, став важным рабочим органом в научной структуре ВятГГУ. Тем не менее экспертный научный совет работает все более профессионально и требовательно, что положительно сказывается на качестве проходящих через него докторских диссертаций.

Пожелаем, чтобы и в следующее десятилетие своего существования экспертный научный совет был полезен родному университету. А его членам пожелаем новых научных свершений!

Е. М. Вечтомов,
доктор физ.-мат. наук, профессор,
зав. кафедрой алгебры и геометрии,
председатель экспертного
научного совета ВятГГУ

В. Т. Юнгблюд,
доктор ист. наук, профессор,
проректор по научной работе ВятГГУ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИТОГИ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ 2005–2006 УЧЕБНОГО ГОДА

В течение учебного года на всех факультетах ВятГГУ проводилась планомерная научная работа. Студенческие коллективы работали над профильными и междисциплинарными темами. Результаты годовых исследований были апробированы в рамках студенческих научных сессий, прошедших в апреле 2006 г. на каждом факультете. Исследования, получившие высокие оценки на секционных заседаниях, были включены в программу пленарного заседания студенческой научной сессии.

Пленарное заседание студенческой научной сессии состоялось 19 апреля 2006 г. в аудитории № 334 учебного корпуса № 1 ВятГГУ. По устоявшейся уже традиции проведение пленарного заседания преследовало ряд целей: подведение итогов работы научно-исследовательского общества студентов ВятГГУ в 2005–2006 учебном году; заслушивание лучших докладов студентов, рекомендованных на секционных заседаниях факультетов; подведение итогов открытого конкурса на лучшую научную работу студентов по естественным и гуманитарным наукам.

Вели заседание проректор по научно-исследовательской работе, профессор В. Т. Юнгблюд, председатель экспертного совета, профессор Е. М. Вечтомов, куратор научно-исследовательского общества студентов К. С. Бажин и председатель студенческого научного общества Е. Гришин. В работе пленарного заседания конференции приняли участие 52 человека. Среди присутствовавших наряду со студентами были деканы, заместители деканов, методисты факультетов, заведующие кафедрами, кураторы НИРС факультетов, доценты кафедр. В целом по сравнению с прошлым годом качественный состав участников заседания отличался равным представительством студентов, преподавателей, администрации факультетов. К сожалению, приходится отмечать, что ряд подразделений университета не принял участие в работе заседания. Среди них факультет физической культуры, культурологии, педагогический, а также колледж.

Профессор В. Т. Юнгблюд, открывая заседание, отметил, что не бывает студенческой науки – есть научные исследования, выполненные студентами. Большая часть таких исследований – состоявшиеся, логически завершенные, научно достоверные работы. В ходе пленарного заседания было заслушано 6 докладов, вызвавших большой интерес у присутствовавших:

«Студенческое самоуправление как механизм развития социальной активности личности» (Барминов Георгий, V курс, социально-гуманитарный факультет);

«Трансформация самоуправления в г. Вятке» (Мамаев Андрей, V курс, исторический факультет);

«Анализ основных аспектов природы английских рекламных слоганов» (Уваров Валерий, IV курс, факультет лингвистики);

«Биоиндикационные исследования территории дендрологического парка Кировской области» (Мальцева Светлана, IV курс, химический факультет);

«Арийские реминисценции в топонимии Вятско-Ветлужского Заволжья» (Колеватых Евгений, IV курс, естественно-географический факультет);

«Право совместной собственности супругов: актуальные вопросы правового регулирования» (Ельчугина Юлия, III курс, юридический факультет).

Каждый из представленных докладов вызывал живую дискуссию, тон которой задавали присутствовавшие студенты и преподаватели.

Вторая часть пленарного заседания была посвящена подведению итогов открытого конкурса ВятГГУ на лучшую научную работу студентов по естественным и гуманитарным наукам. Всего на конкурс было представлено 35 работ. Среди авторов преимущественно были студенты четвертых и пятых курсов. При этом обнадеживающим фактом является то, что около 18% всех работ были выполнены студентами первого и второго курсов. Сравнивая это с результатами прошлого года, можно говорить о положительной динамике интереса студентов к научной работе. Итоги конкурса были озвучены председателем экспертного совета, профессором Е. М. Вечтомовым. 12 работ было признано лучшими, их авторам были вручены дипломы победителей и денежные премии, 25 человек получили грамоты участника конкурса.

К. С. Бажин,
кандидат пед. наук, куратор НИОС ВятГГУ

АКТУАЛЬНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ

Одной из задач деятельности научно-исследовательского общества студентов ВятГГУ (НИОС) является стимулирование научной активности обучающихся. Решение задачи включает в себя серию действий. Первым шагом стало проведение исследования, посвященного выявлению актуальности студенческой научной деятельности. С этой целью в течение апреля – мая 2006 года по заданию совета НИОС ВятГГУ студентами факультета психологии (куратор Н. В. Лаптева) была составлена соответствующая анкета.

Тексты анкет были распространены через студенческие научные общества факультетов с предложением заполнить их всеми студентами. Всего в исследовании приняли участие 1859 человек, представлявших 14 подразделений ВятГГУ. Опросники были обработаны группой студентов факультета психологии с использованием программы статистической обработки информации и представления данных SPSS версия 12.0 Rus.

Наиболее активными (по количеству заполненных анкет) стали студенты социально-гуманитарного, филологического факультетов, а также факультетов экономики и психологии. Наиболее часто встречающийся курс – это третий. Представители женского пола в выборке составили 72,1%, мужского – 26,3%.

На вопрос «Чем занимается научное общество на вашем факультете?» наиболее часто встречающимся ответом (35,6%) стало «Не знаю». 23,5% респондентов ответили, что общество организует научную деятельность студентов (проводит конференции, олимпиады, круглые столы). 18,8% считают, что НИОС факультета занимается просто наукой (научной деятельностью), называют конкретную науку, специфичную для факультета. Ответ «Нет общества» составляет 7,3% от общей выборки. Получается, что 42,9% студентов не знают о роде деятельности НИОС или думают, что его вообще нет. Это может быть вызвано различными причинами: результаты научной деятельности не так популярно проявляются в студенческой среде, как, например, «студенческой весны»; низкая активность самого научного общества на факультете, слабая заинтересованность студентов в научной работе.

Отвечая на вопрос «В каких видах научной работы вы принимали участие?», подавляющее большинство указало курсовые работы (77,5%) и лишь немногие отметили участие в олимпиадах (10,6%) и научных конференциях (5,3%).

63,9% студентов знакомятся с научными публикациями по своей специальности изредка, 19,6% – никогда, 16,5% – регулярно.

На вопрос «Нужно ли студенту заниматься научной деятельностью на факультете?» почти половина (49,3%) ответила утвердительно, 27,8% – «Нет» и 22,9% – «Не знаю».

Большинство опрашиваемых (77,4%) считает, что студент может принимать участие в научной работе с I курса, 18,2% – с III курса. 1% студентов считает, что никогда не стоит заниматься научной деятельностью.

При анализе ответов на вопрос «Зачем студенту заниматься научной деятельностью?» выяснилось, что познавательный мотив (быть осведомленным, получать новые знания, расширять кругозор) является преобладающим (36,5%). 27,4% студентов считает, что у человека появляется возможность личностно развиваться (совершенствоваться, самоутверждаться), 13,1% выбирает науку в качестве способа развития профессионализма, включая в это понятие углубление знаний по своей специальности, совершенствование профессиональных навыков, возможность стать квалифицированным специалистом. 4% студентов считают, что заниматься наукой стоит ради общения (устанавливаются контакты, развиваются коммуникативные навыки, появляется опыт выступления перед аудиторией). 3% респондентов видят возможность карьерного роста для тех, кто выбирает работу в НИОС.

На вопрос «Хотите ли вы заниматься научной деятельностью?» 53% ответили отрицательно и, соответственно, 47% – утвердительно. Для тех, кто желает заниматься научной работой, предлагалось ответить на вопрос «Почему вы желаете заниматься научной деятельностью?». И здесь наиболее часто встречающийся ответ «Интересно» (30%). Также значимым является познавательный мотив (для 20,2%), мотив профессионального развития (15,3%), а также возможность личностного развития (для 14,6%). 8% студентов хотят заниматься научной работой для поступления в аспирантуру.

Подавляющее большинство (77%) юношей и девушек ВятГГУ не собирается поступать в аспирантуру и заниматься научной деятельностью в дальнейшем. Соответственно, 23% опрашиваемых ответили на последний вопрос утвердительно. 18,4% из тех, кто собирается поступать в аспирантуру, не знают, чем занимается научное общество на факультете. 89% из тех же студентов считают, что научной деятельностью нужно заниматься с первого курса. Большинство этих студентов считает, что заниматься научной работой необходимо для личностного и профессионального развития.

42% тех, кто не собирается в аспирантуру, не знают, чем занимается научное общество. 37,6% из тех, кто не будет поступать в аспирантуру, думают, что заниматься научной работой инте-

ресно и познавательно, и большинство (72,8%) считает, что это надо делать с первого курса.

Логично, что те, кто желает заниматься научной деятельностью в дальнейшем и поступать в аспирантуру, больше интересуются работой НИОС, а возможно, и сами принимают в ней участие уже сейчас. И движут ими в основном более дифференцированные мотивы.

Из тех студентов, которые не желают заниматься научной деятельностью, 47,5% не знают, чем занимается НИОС. А из тех, кто хочет заниматься наукой, не знают, чем занимается общество, всего 24% студентов. Закономерно, что отсутствие интереса к деятельности снижает информированность о ней.

Большинство тех, кто сам не желает заниматься наукой, думают, что для других это должно быть интересно и полезно, а те, кто сами хотят работать в науке, видят в этом перспективы личностного развития и расширения кругозора.

47,5% из тех, кто желает заниматься научной деятельностью, собираются поступать в аспирантуру. Также есть 4,5% студентов, которые, не желая заниматься научной деятельностью сейчас, собираются заниматься ей в дальнейшем и поступать в аспирантуру. 53,2% из тех, кто собирается поступать в аспирантуру, считают, что студентам наукой заниматься нужно, и 88,9% из них же сами хотят работать в НИОС.

27% из тех, кто выбирает науку как перспективу для себя, думают, что остальным студентам заниматься наукой не нужно.

Почти половина (46,4%) студентов, которые говорят о том, что студентам нужно заниматься научной деятельностью, сами этого делать не хотят. 51,7% из тех, кто считает, что заниматься наукой студенту не нужно, сами делать это хотят.

Пофакультетный анализ заполненных анкет позволил сделать ряд дополнительных выводов. При этом стоит заметить, что данные результаты имеют относительную достоверность, так как часть подразделений вовсе не предоставила сведений или ограничилась незначительным их количеством. Безусловно, наличие полной картины скорректировало бы отдельные значения в ту или иную сторону.

Итак, большинство студентов, которые не знают, чем занимается научное общество, учатся на факультете управления (73,7%), экономики (72,1%), социально-гуманитарном (42,9%). На филологическом факультете 43,3% студентов считают, что такого общества нет. Также ответ «Не знаю» является самым популярным на педагогическом факультете (38%), факультетах психологии (33,3%), физической культуры (30%) и физическом факультете (26,5%). Довольно мал процент не ведающих о факультетском научном обществе и роде его занятий: на факультетах культурологии (3,3%) и информатики (6,1%).

Активную позицию, которая подразумевает организацию научной деятельности студентов (проведение олимпиад, конференций, круглых столов, кружков и т. д.), НИОС занимает на факультетах информатики (70,7%), естественно-географическом (41,9%), юридическом (45,6%), на факультетах психологии (30,8%) и педагогическом (27,8%). На факультете культурологии большинство студентов отмечает, что научное общество проводит исследования.

На вопрос «В каких видах научной работы Вы принимали участие?» почти на всех факультетах подавляющее большинство отметило курсовые работы. Исключением стал исторический факультет, где 35,7% студентов участвовали в научных конференциях и только 25% писали курсовые. На факультете информатики 28,9% из опрошенных студентов занимаются в научных кружках. Это наибольший процент занимающихся в кружках в сравнении с другими факультетами.

Знакомство с научными публикациями на большинстве факультетов происходит изредка. На педагогическом, социально-гуманитарном, филологическом и историческом факультетах ответ «Регулярно» встречается чаще, чем «Никогда». А на факультете технологии и дизайна 47,3% знакомятся регулярно, 40,9% – изредка. Ответ «Никогда» встречается на всех факультетах, но преобладают такие ответы в анкетах будущих экономистов и информатиков.

На вопрос «Нужно ли студенту заниматься научной деятельностью на факультете?» большинство отвечает положительно. Однако на педагогическом факультете преобладают ответы «Нет», а на факультете технологии и дизайна – «Не знаю».

Выбор курса, с которого можно начинать научную деятельность, почти на всех факультетах выпал на I курс. Только большинство студентов-экономистов считает, что лучше начинать с III курса.

На вопрос «Зачем студенту заниматься научной работой?» на каждом отдельном факультете, как и во всей выборке в целом, преобладают ответы (по уменьшению значимости): это познавательно, способствует личностному росту, профессиональному развитию. Исключением является факультет психологии, где мотив личностного развития стоит выше познавательного мотива.

На вопрос о личном участии в научной деятельности мнения разделились. На историческом, физическом факультетах, факультетах информатики, технологии и дизайна, психологии больший процент студентов желает заниматься научной работой. На социально-гуманитарном факультете количество ответов «Да» и «Нет» почти равно. На остальных большинство не хочет работать в сфере НИОС. Те, кто ответил положительно на предыдущий вопрос, определяли для себя, поче-

му желают заниматься научной деятельностью. Ведущим мотивом является интерес для подавляющего большинства студентов всех факультетов. Только на юридическом факультете преобладает познавательный мотив, а на факультете управления – возможность личностного роста.

Поступать в аспирантуру и заниматься научной деятельностью в дальнейшем собирается большинство студентов факультета технологии и дизайна, на историческом факультете 50% на 50%. На остальных факультетах картина такая же, как и на всей выборке: подавляющее большинство не хотят связывать свое будущее с наукой.

Анализ распределения результатов анкетирования по курсам выявил следующую картину.

На вопрос «Чем занимается научное общество?» на всех курсах самым популярным ответом стал: «Не знаю». На первом и втором курсах таких ответов больше. 16,2% думающих, что НИОС вообще нет, учатся на втором курсе. К сравнению, на четвертом курсе таких всего 1,4%.

Большинство первокурсников участвовало в олимпиадах, для остальных курсов главным научным делом стала курсовая работа. На втором курсе ответ «Курсовая работа» составляет 58,3%, на третьем – 89,5%, на четвертом – 97,7% и на пятом – 97,1%. В научных кружках занимается наибольшее количество первокурсников и второкурсников, тогда как старшекурсники практически не выбирают этот ответ. В научных конференциях также наиболее активны студенты первого и второго курсов.

На всех курсах большинство студентов знакомится с научными публикациями изредка. Тех, кто делает это регулярно, больше на первом, четвертом и пятом курсах. А тех, кто никогда – на втором курсе.

«Студенту заниматься научной деятельностью нужно» – так считает большинство студентов на всех курсах. Только на третьем курсе ответов «Да» 44,9%, а «Нет» – 39,1%, что говорит о неоднозначности отношения третьекурсников к этому вопросу.

По поводу вопроса «С какого курса студент может заниматься научной работой?» все курсы в своих ответах практически едины во мнениях. Наибольший процент считает, что с первого курса, второй по популярности ответ – с третьего.

На вопрос «Зачем студенту заниматься научной деятельностью?» ответ «Не знаю» чаще звучал у первого (7,1%) и второго (7,4%) курсов, на третьем курсе таких студентов 4,5%, на четвертом – 3,1%, а на пятом уже 2,2%. Таким образом, с каждым годом обучения количество студентов, знающих о том, для чего нужно заниматься научной работой, увеличивается. Наиболее часто встречающийся ответ на этот вопрос указывает на преобладание познавательного мотива для участия в работе НИОС. Только на пятом курсе преобладает мотив личностного роста (38,9%). Вклад в науку является более значимым для студентов третьих и четвертых курсов, чем для остальных. Больший процент второкурсников (17,5%), в сравнении со студентами других курсов, считает, что заниматься наукой следует ради профессионального развития.

В отношении вопроса о личном участии в научной деятельности факультета картина следующая: с каждым годом обучения желание заниматься наукой снижается и ответ «нет» начинает преобладать.

Первокурсники, желающие работать в НИОС, отвечают на вопрос «Почему вы желаете заниматься научной деятельностью» следующим образом: 27,7% студентов – это познавательно, 20,8% – интересно, 18,2% – потому, что это способствует профессиональному развитию. Занятие наукой для личностного развития – 14,5%. На остальных курсах (особенно на третьем) преобладающим мотивом является интерес, которому немного уступает познавательный мотив. Мотив личностного развития выше всех на третьем (18%) и на пятом (18,1%) курсах. Вклад в науку больше всего хотят сделать первокурсники. Занятие научной деятельностью ради карьерного роста наиболее значимо для пятикурсников, чуть меньше – для второкурсников. Здесь с ответом «Не знаю» противоположная картина: более младшие курсы лучше знают, почему хотят заниматься наукой, чем старшие.

На всех курсах подавляющее большинство студентов не собирается поступать в аспирантуру, причем количество желающих далее заниматься научной деятельностью от курса к курсу уменьшается. На первом курсе не желающих поступать в аспирантуру 70,4%, а на пятом уже 80,4%.

И наконец, рассмотрим гендерный аспект. Результаты показывают, что самые популярные ответы у юношей и у девушек совпадают, однако несколько отличается их процентная выраженность. Например, не знают, чем занимается научное общество, 38,4% девушек и 28,6% юношей. Соответственно, молодые люди больше осведомлены о работе НИОС. Думают, что оно подготавливает публикации, 4,7% юношей и всего 1,6% девушек.

Курсовые работы как вид научной деятельности чаще упоминается девушками (82,1%), и 63,7% юношами. Участие в олимпиадах почти в два раза чаще упоминается юношами, чем девушками. Работа в научном кружке также является приоритетом мужского пола (6,5% юношей участвуют кружках и 1,7% – девушек из опрошенных студентов).

По вопросу о частоте знакомства с научными публикациями, о том, нужно ли студенту заниматься научной деятельностью, результаты у юношей и девушек практически равны. Та же картина

и относительно того, с какого курса следует начинать заниматься наукой и зачем это делать.

Различия в результатах можно наблюдать в ответах на вопрос «Хотите ли вы заниматься научной деятельностью?». Большинство девушек (55,6%) не хочет заниматься наукой, а большинство юношей (54,5%), наоборот, желает работать в сфере НИРС.

На вопрос «Почему вы желаете заниматься научной деятельностью?» 31,7% девушек и 24,4% юношей ответили: «Интересно». Остальные мотивы представлены у юношей и девушек примерно в равных пропорциях. Интересно, что девушек, ответивших на этот вопрос «Не знаю», в два раза больше, чем таких же незнающих юношей.

Большинство студентов обоих полов не собирается поступать в аспирантуру, однако таких девушек на 6% больше, чем юношей.

Таким образом, результаты проведенного исследования выявили картину заинтересованности студентов университета в научной деятельности. Однако для увеличения объективности представленных данных следует анализировать их в комплексе, например, с выяснением актуальности занятия физкультурой, художественной самодеятельностью, общественной деятельностью и иных сфер университетской жизни студента ВятГГУ.

В. М. Шкурихина,
студентка III курса
факультета психологии ВятГГУ
К. С. Бажин,
кандидат пед. наук, куратор НИОС ВятГГУ

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ДОШКОЛЬНОГО И НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ
(по материалам областной научно-практической конференции)

Областная научно-практическая конференция «Преемственность дошкольного и начального образования: реальность и перспективы» проходила 26 апреля 2006 года на педагогическом факультете ВятГГУ. В работе конференции приняли участие 368 человек – представителей образовательных учреждений г. Кирова и Кировской области (гг. Вятские Поляны, Кирово-Чепецк, Котельнич, Слободской, Уржум, Орлов, Советск и др.).

На пленарном заседании с приветственным словом выступил В. Т. Юнгблюд, проректор по научно-исследовательской работе ВятГГУ. В своем выступлении он указал на внутреннюю общность двух периодов детства – дошкольного и младшего школьного возрастов, отмечая при этом необходимость создания для детей единого образовательного пространства. Осуществлять такую работу, по его мнению, необходимо в содружестве детского сада и школы, начиная с изменения сознания педагогов дошкольного и начального звеньев образования и установления преемственности в содержании, формах и методах организации педагогического процесса.

В приветственном выступлении В. Б. Помелова, декана педагогического факультета ВятГГУ, прозвучала презентация направлений, по которым идет единая подготовка специалистов в области дошкольного и начального образования. Он отмечал, что в рамках реализации образовательных программ студентов активно привлекают к обсуждению вопросов преемственности как на аудиторных занятиях, так и на педагогической практике.

Об актуальных проблемах преемственности детского сада и школы на современном этапе развития образования докладывала Т. В. Малова, зав. кафедрой педагогики и методики начального образования ВятГГУ. В своем выступлении она обратила внимание на теоретическое обоснование проблемы преемственности и пути ее преодоления. Одним из эффективных способов является взаимодействие педагогического факультета с образовательными учреждениями в процессе организации практики «Первые дни ребёнка в школе» по специальностям дошкольного и начального образования.

В содержательном выступлении Л. А. Сарычевой, ведущего специалиста управления образования администрации г. Кирова, был представлен глубокий анализ нормативно-правового обеспечения непрерывного образования (дошкольное и начальное звенья).

Пути решения проблемы преемственности детского сада и начальной школы в Кировской области осветила О. Г. Селиванова, зав. кафедрой педагогики и психологии Кировского института повышения квалификации и переподготовки работников образования. Она акцентировала внимание на возможных формах и методах взаимодействия с практическими работниками.

Бурное обсуждение и одобрение вызвал доклад о социальном заказе начальной школы и его выполнении дошкольными учреждениями (из опыта работы) С. В. Ходыревой зам. директора по начальным классам МОУ СОШ с углубленным изучением отдельных предметов № 66 г. Кирова.

Современные подходы к реализации преемственности детского сада и школы (из опыта работы) раскрыла Л. Ф. Кропочева, заведующая МДОУ № 184 г. Кирова, интересно рассказав о программе создания единого образовательного пространства со школой № 52 г. Кирова, которая успешно реализуется уже не первый год.

Проблемы социально-психологической адаптации первоклассников к обучению в школе были представлены в докладе О. В. Русаковой, мето-

диста по обеспечению образовательного процесса ЦПКРО г. Кирова.

В рамках конференции работали секции: *«Психолого-педагогический аспект преемственности дошкольного и начального образования»*, *«Управление преемственностью в развитии детей дошкольного и младшего школьного возрастов»*, *«Преемственность в познавательно-речевом развитии детей дошкольного и младшего школьного возрастов»*, *«Преемственность в социально-личностном развитии детей дошкольного и младшего школьного возрастов»*, *«Преемственность в художественно-эстетическом развитии детей дошкольного и младшего школьного возрастов»*.

По итогам работы за круглым столом участниками конференции была принята ***резолюция,*** в которой отражены позитивные моменты и проблемы преемственности дошкольного и начального образования, определены пути их решения.

Т. В. Малова,
кандидат пед. наук, доцент,
зав. кафедрой педагогики и методики
начального образования ВятГГУ

ОТКРЫТИЕ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ВятГГУ

В жизни университета произошло важное и радостное событие: простое хранилище музейных экспонатов превратилось в современный музей, фактически приобрело новый статус. Можно сказать, что коллектив студентов и преподавателей получил от ректората замечательный подарок. Нельзя не вспомнить сегодня с благодарностью и всех тех, кто помогал созданию этого музея, и прежде всего одного из главных собирателей и хранителей музейных ценностей И. А. Воробьёву. Большое спасибо и нынешнему директору музея Г. Н. Двиняниновой за её профессиональный подход к оформлению экспозиции.

Музей истории университета – это то место, где соприкасаются прошлое, настоящее и будущее вуза. Однако функцию этого сочетания музей выполнит, если превратится в дальнейшем в образовательно-воспитательный центр, станет своеобразным уроком для новых поколений студентов и преподавателей. Прийти к этому возможно только благодаря коллективным усилиям кафедр, факультетов, библиотеки, совета ветеранов, профсоюзных организаций преподавателей и студентов, центра развития творческой инициативы студентов и благодаря поддержке музея многими и многими энтузиастами.

Музей должен жить не менее активной жизнью, чем сам вуз. Программой деятельности музея на новом этапе его развития могли бы стать организация экскурсий, оформление тематических экспозиций и выставок, посвящённых юбилейным и памятным датам факультетов, кафедр, подразделений, известных персоналий, встречи с интересными людьми, постоянные занятия со студентами, подготовка из их числа экскурсоводов. Обязательным в работе музея должно быть ознакомление с экспозицией всех студентов, начиная с I курса, а может быть, и абитуриентов тоже.

Безусловно, фонды музея требуют пополнения новыми документами, предметами, сведениями о преподавателях и сотрудниках, лучших выпускниках. Необходимы воспоминания ветеранов, причастных к многогранной жизни вуза, многочисленные публикации о его современной деятельности. Кафедрам и факультетам, привлекая студентов, следует организовать специальную работу по поиску, собирательству, отбору необходимых материалов для музея. Все они должны стать достоянием не только нашего коллектива, но и населения области. Ведь с нашего вуза начиналось высшее образование в Вятском крае. Кадровый потенциал первого вуза широко использовался и используется до сих пор для создания и становления других высших учебных заведений города Кирова.

К сожалению, пробелов в нынешней экспозиции музея ещё очень много, а университет между тем идёт навстречу своему столетию.

Университету будет нужен научный каталог всего собрания музея, книга-путеводитель по музею, видеодиск с показом экспонатов и экскурсии по музею. Это позволит знакомить с коллекцией музея тех, кто находится за его пределами, например в школах. А для этого нужно создание компьютерной базы, которую можно было бы использовать в образовательных и исследовательских целях.

Стоит наладить сотрудничество с другими подобными музеями, с нашим краеведческим музеем.

Образовательно-воспитательная деятельность нашего музея должна и может осуществляться в единстве с его поисковой, исследовательской работой. Только на основе такого единства музей вырастет в гуманитарно-образовательный и научный центр области.

Вместе с тем дальнейшее расширение экспозиции музея и его деятельности не может идти стихийно, путём простого приращения его собрания. Нужен общественный совет, который бы направлял всю деятельность музея. Открытие музея для меня – это радостная встреча с юностью и зрелостью, с друзьями и коллегами.

Ю. М. Рябов,
кандидат ист. наук, доцент,
зав. кафедрой политологии ВятГГУ

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета

Научно-методический журнал № 14

Подписано в печать 01.06.2006
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,5 Тираж 300. Заказ 245.

Издательский центр ВятГГУ
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111
(8332) 673-674